

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 3 (32) / 2022

- Ответственный редактор** ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н. (Кишинев, Молдова)
- Ответственный секретарь** КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург, Россия)
- Редакционная коллегия**
- ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург, Россия)
- ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)
- КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, независимый исследователь (Москва)
- КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ПОДОСОКОРСКИЙ Николай Николаевич — канд. филолог. наук. Старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН (Великий Новгород)
- РАБИНОВИЧ Роман Аронович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник университета Высшая антропологическая школа (Молдова)
- СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
- ТЕСЛЯ Андрей Александрович — канд. философ. наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград)
- ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС (Москва)
- Редакционный совет**
- ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (Associate Professor) Хьюстонского университета (США)
- КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
- НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к. филос.н., доцент. Школа исследований окружающей среды и общества *Антропошкола), Тюменский государственный университет (Тюмень, Москва) -
- ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор
СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ
(Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы
им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемо-
риальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, директор Института
русского языка РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и слависти-
ки Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной
критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института
славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный
сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник
ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного
разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2410-1419

DOI 10.31754/2410-1419-2022-3

Издатель Издатель «HISTORICAL EXPERTISE» S.R.L.
MD-2043, bd. Dacia, 12 ap. 9, mun. Chişinău, Republica Moldova.
e-mail: istorexorg@gmail.com, www.istorex.org

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

- 13 *«Делая глобальной одну из групповых памятей и утверждая ее в качестве универсального морального стандарта, мы рискуем вытоптать или заблокировать другие памяти». Интервью с С. Крэпсом*
- 21 **С.КРЭПС** *Путь транснациональной памяти: от восторга к критике*
- 30 *«Лидеры обеих сверхдержав проявили в той ситуации свои лучшие качества». К 60-летию Карибского кризиса. Беседа М.Ю. Прозуменщикова и А. С. Стыкалина*

Национальная память

- 48 **М. Ю. АНДРЕЙЧЕВА** *Небесная и земная славы Суворова*
- 51 **М. В. БАТШЕВ** *Путевые записки эпохи Наполеоновских войн как источники формирования коллективной памяти об увиденном в Германии*
- 67 **М. В. КИРЧАНОВ** *Македония в болгарской и греческой исторической политике: «война памятей» и «мемориальный компромисс»*
- 81 **К. БУХЕНАУ** *Юго-Восточная Европа и Латинская Америка — далёкие и близкие. Различные пути формирования государства и их последствия*

Историческая политика

- 95 **И. ШВАРЦ** *«Ничего он не отторгал, он возвращал!» Что на самом деле хотел сказать Путин?*
- 104 **П. М. ПОЛЯН** *Антисемитизм в России: позавчера, вчера, сегодня, завтра...*

Семейная память

- 127 *«Она меня всегда предупреждала: “Никогда не говори вне дома, что мы говорим у себя на кухне”». О Валерии Викторовне Перуанской вспоминает ее внучка М. Гальчук*

Демография и историческая память

148 Н. Э. КУЛЬБАКА

Демография репрессий

Пётр Великий в отечественной и зарубежной исторической памяти. К 350-летию со дня рождения

152 И. ШВАРЦ

Принятие императорского титула как элемент стратегии в реформенной политике Петра I

179 Н. В. БАШНИН,
И. А. УСТИНОВА,
И. Н. ШАМИНА

Начало церковной реформы Петра I: историографический аспект

203 М. В. ЕФИМОВ,
Н. Л. ЕЛИСЕЕВ,
О. Ю. СКОНЕЧНАЯ

Д. Святополк-Мирский. Петр Великий и Советы. Публикация, вступительная статья и комментарии М. Ефимова и Н. Елисеева, перевод с французского О. Сконечной

218 Е. В. АНИСИМОВ

Рец.: Шитпан М. Петр I в Германии. 1697–1717. Научный редактор Д. Ю. Гузевич, подготовка текста, указатели Г. Б. Богуславской, А. В. Кобака, перевод с нем. И. Ю. Тарасовой. Изд. «Европейский дом». СПб., 2021–632 с., 500 экз. (Серия «Петр I в Европе»)

Май 1945 г. в отечественной исторической памяти

224 К. Н. МОРОЗОВ

Почему нельзя отказываться от 9 Мая и почему трансформация его неизбежна

Архивы как институты хранения исторической памяти

230

«Конечно, ни Ленин, ни большевики не являлись агентами германского генштаба или шпионами». Интервью с А. К. Сорокиным

244

«Изменяйте биографию. Пользуйтесь жизнью. Ломайте себя о колено...» Интервью с Т. Горяевой

265

«Наш архив — это и семейная, и общественная, и политическая память». Интервью со М. И. Смилянской

История в художественной литературе

276 М. А. АРТЕМЬЕВ

Преломление традиций классической эпитафии в творчестве Александра Пушкина и Виктора Гюго

280 **А. В. МАКАРКИН** *Борис Акунин и Кен Фоллетт: российский пессимизм и западный оптимизм. Рец.: Акунин Б. Он уходя спросил. М.: АСТ, 2022. 304 с.; Фоллетт К. Вечер и утро / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2022. 736 с.*

287 **К. Г. ФРУМКИН** *«Факт» и «дух»: Проблема исторической достоверности художественной литературы в русской литературной критике*

Кино и историческая память

296 **Л. Р. ХУТ** *«Мы не выбираем время, в котором живем. Все, что мы можем выбрать, это как нам поступать...» Рец.: «Мюнхен. На грани войны» (реж. Кристиан Швохов, 2021), немецко-британский художественный исторический кинофильм*

309 **Б. Л. ХАВКИН,
Н. С. МОИСЕЕВА** *Киножурнал «Die Deutsche Wochenschau» («Немецкое недельное обозрение») как исторический источник по изучению военной пропаганды в Третьем рейхе*

Концепты исторической памяти

317 **К. В. ДУШЕНКО** *Шовинизм: происхождение и эволюция понятия в XIX в.*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Методология

335 **В. А. ИВАНОВ** *Рец.: Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / Отв. ред. К. А. Пахалюк. М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество», Яуза-каталог, 2021. 656 с., ил.*

Мир

342 **Н. Н. ПОДОСОКОРСКИЙ** *О политической истории Европы Саймона Дженкинса. Рец.: Дженкинс С. Краткая история Европы / Пер. с англ. Галины Бородиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 484 с.*

349 **М. Е. СОРОКА** *Рец.: Neville Thompson. The Third Man. Churchill, Roosevelt, Mackenzie King and the Untold Friendships that Won WW II. Toronto: Sutherland House, 2021.*

- 357 **Н. Н. МОРОЗОВ** *Удивительная книга. Рец.: В. А. Солонарь «Очищение нации. Насильственные перемещения населения и этнические чистки в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску (1940–1944)». 2020. Санкт-Петербург: «Нестор-История»*
- 366 **М. В. НОВИКОВА** *Ангела Меркель знала о главном страхе русских. Рец.: Ангела Меркель. Самый влиятельный политик Европы / Мэтью Квортруп; перевод с английского Н. Лисовой: АСТ; Москва; 2022. 500 стр.*

Российская империя

- 372 **М. В. БАТШЕВ** *«У кого ничего нет, тот ничего и не может потерять». Рец.: Мемуары Вюртембергского 1788–1812; перевод с немецкого языка Ю. В. Корякова, Д. А. Сдвижкова; вступительная статья и комментарии Д. А. Сдвижкова. М.: Кучково поле Музеон, 2021. — 272 с.*
- 377 **А. С. СТЫКАЛИН** *Итоговая работа В. Я. Гросула по внешнеполитической истории Бессарабии. Рец.: Гросул В. Я. Бессарабия в международных отношениях Нового времени. Кишинев, 2018. 476 с.*

- 401 **М. Е. СОРОКА** *Саморазрушение легенды*

СССР

- 440 **М. В. СТРЕЛЕЦ** *История органов государственной власти и управления на территории Беларуси: некоторые размышления о труде минских ученых. Рец.: Органы государственной власти и управления Советской Беларуси (1917–1920 гг.): справочник / сост.: М. К. Бобер [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2017. — 466 с.*

Колонка Андрея Тесли

- 446 **А. А. ТЕСЛЯ** *Слишком важное дело. Рец.: Курилла И. И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. — М.: Альпина Паблицер, 2022. — 232 с.*
- 450 **А. А. ТЕСЛЯ** *Консерваторы александровской эпохи. Рец.: Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I / Пер. с англ. Л. Н. Высоцкого; ред. М. С. Белоусов. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. — 447 с. — (серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).*

- 455 **А. А. ТЕСЛЯ** *Разговоры о Прусте среди чудом выживших. Рец.: Чапский Ю. Лекции о Прусте / Пер. с фр. А. Векшиной. — СПб.: Jaromir Hladik press, 2019. — 128 с.*
- 459 **А. А. ТЕСЛЯ** *Перечитывая «Старый порядок...» Токвиля*
-

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 464 *«В научном коллективе нет ничего более неприемлемого, чем единомыслие». Интервью с Д. Ю. Козловым*
- 472 *«Полноценный разговор об ответственности может быть важнейшим политическим ресурсом; политическая сила, которая сумеет его эффективно использовать, будет в выигрыше». Интервью с Н. Этле*
- 482 *«Изучение истории — дело моей жизни и главное счастье в ней». Интервью с В. Э. Молодяковым*
-

КОНФЕРЕНЦИИ

- 508 **В. И. ГОЛДИН,**
В. В. ЖУРАВЛЕВ *Международная научная конференция в Новосибирске о Гражданской войне в России*
-

ИСТОЧНИКИ

- 514 **В. Э. МОЛОДЯКОВ** *Исторический источник: Что такое «Action française»?*
- 519 **ШАРЛЬ МОРРАС** *К истории этих четырех лет*
- 531 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global memory

13 “Globalizing one particular memory and holding it up as a universal moral standard risks trampling or blocking out other memories”. Interview with S. Craps

21 **S. CRAPS** *Tracing Transnational Memory: From Celebration to Critique*

30 “The leaders of both superpowers showed their best qualities in the situation”. To the 60th anniversary of the Caribbean crisis. Conversation M.Yu. Prozumenshchikov and A.S. Stykalin

National Memory

48 **M. Y. ANDREYCHEVA** *Heavenly and earthly glory of Suворov*

51 **M. V. BATSHEV** *Travel notes of the era of the Napoleonic Wars as sources for the formation of collective memory of what they saw in Germany*

67 **M. V. KYRCHANOFF** *Macedonia in bulgarian and greek historical politics: «war of memories» and «memorial compromise»*

82 **K. BUCHENAU** *Southeastern Europe and Latin America — Far and Close. Different Paths of State-building and their Consequences*

The historical policy

95 **I. SCHWARCZ** *„He did not conquer, he brought back!” What did Putin really wanted to say?*

104 **P.M. POLYAN** *Antisemitism in Russia: the day before yesterday, yesterday, today, tomorrow...*

127 “She always warned me: “Never say outside the house what we say in our kitchen.” Valeria Viktorovna Peruan-skaya is remembered by her granddaughter M. Galchuk

Demography and historical memory

148 **N. E. KULBAKA** *Demography of repression*

Peter the Great in the Russian and foreign historical memory. To the 350th anniversary of the birth

- 152 **I. SCHWARCZ** *The Adoption of the Imperial Title as an Element of Strategy in the Reform Policy of Peter I*
- 179 **N. V. BASHNIN,
I. A. USTINOVA,
I. N. SHAMINA** *The beginning of the church reform of Peter I: the historiographical aspect*
- 203 **M. EFIMOV,
N. ELISEEV,
O. SKONECHNAYA** *D. Svyatopolk-Mirsky. Peter the Great and the Soviets. Publication, introductory article and comments — M. Efimov and N. Eliseev, translation from French by O. Skonechnaya*
- 218 **E. V. ANISIMOV** *Review: Piotr I v Germanii. 1697–1717 / ed. by D. Guzevich, prepared for publication by G. Boguslavs-kaya, A. Kobak, translated by I. Tarasova. Sankt-Peter-burg: Evropeiskii dom, 2021. 632 p. (book series “Piotr I v Evrope”)*

May 1945 in the Russian historical memory

- 224 **K. N. MOROZOV** *Why it is impossible to refuse May 9 and why its transformation is inevitable*

Archives as institutions for the storage of historical memory

- 230 *«Of course, neither Lenin nor the Bolsheviks were agents of the German General Staff or spies.» Interview with A. K. Sorokin*
- 244 *“Change your biography. Enjoy life. Break yourself on the knee...” Interview with T. M. Goryaeva*
- 265 *“Our archive is both family, social and political memory”. Interview with M. I. Smilyanskaya*

History reflected in fiction

- 276 **M. A. ARTEMYEV** *Refraction of the Classical Epigram Traditions in the Works of Alexander Pushkin and Victor Hugo. Рец: Акунин Б. Он уходя спросил. М.: АСТ, 2022. 304 с.; Фоллетт К. Вечер и утро / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2022. 736 с.*
- 280 **A. V. MAKARKIN** *Boris Akunin and Ken Follett: Russian pessimism and Western optimism. Review: Акунин Б. Он уходя спросил. М.: АСТ, 2022. 304 п.; Фоллетт К. Вечер и утро / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2022. 736 п.*

- 287 **K. G. FRUMKIN** *«Fact» and «Spirit»: The Problem of Historical Authenticity of Fiction in Russian Literary Criticism*

Cinema and historical memory

- 297 **L. R. KHUT** *«We do not choose the time in which we live. We are only able to choose how to act...» Rev.: «Munich – The Edge of War» (dir. Christian Schwöchow, 2021), a German-British historical feature film.*
- 310 **B. L. KHAVKIN,
N. S. MOISEEVA** *Newsreel “Die Deutsche Wochenschau” (“German weekly review”) as a historical source for the study of military propaganda in the Third Reich*

Concepts of historical memory

- 317 **K. V. DUSHENKO** *Chauvinism: the origin and evolution of the concept in the 19th century*

REVIEWS

Methodology

- 335 **V. A. IVANOV** *Rev.: Tragediya voynyi. Gumanitarnoe izmerenie voornozhennykh konfliktov HH veka / Otv. red. K. A. Pahalyuk. M.: Izdatelskiy dom «Rossiyskoe voenno-istoricheskoe obschestvo», Yauza-katalog, 2021. 656 s., il.*

The world

- 342 **N. N. PODOSOKORSKY** *On the Political history of Europe by Simon Jenkins. Review: Simon Jenkins Kratkaya istoriya Evropy / Per. s angl. Galina Borodina. M.: Alpina non-fikshn, 2022. 484 p.*
- 349 **M. E. SOROKA** *Rev.: Neville Thompson. The Third Man. Churchill, Roosevelt, Mackenzie King and the Untold Friendships that Won WW II. Toronto: Sutherland House, 2021.*
- 357 **N. N. MOROZOV** *Amazing book. Vladimir Solonari. “Ochislenie natsii”. Nasilstvennyye peremescheniya naseleniya i etnicheskie chistki v Rumynii v period diktaturyi Iona Antonesku (1940–1944)». 2020. Sankt-Peterburg: «Nestor-Istoriya»*
- 366 **M. V. NOVIKOVA** *Angela Merkel knew about the main fear of the Russians. Review: Angela Merkel. Samyy vliyatelnyy politik Evropy / Matthew Qvortrup; perevod s angliyskogo N. Lisovoy». AST; Moskva; 2022. 500 p.*

- 372 **M. V. BATSHEV** *“He who has nothing, he has also nothing to lose”*. Rev.: *Memuary Vürtembergskogo, 1788–1812, perevod s nemetskogo* Y. V. Koriakov, D. A. Sdvizhkov, *vstupitlnaya statya I kommentarii* D. A. Sdvizhkov. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2021, 272 p.
- 377 **A. S. STYKALIN** *The final work of V. Ya. Grosul on the foreign policy of Bessarabia*. Rev. Grosul V. Ya. *Bessarabiya v mezhdunarodnyih otnosheniyah Novogo vremeni*. Kishinev, 2018. 476 s.
- 401 **M. E. SOROKA** *Self-destruction of a Legend*

USSR

- 441 **M. V. STRELETS** *History of state authorities and administration on the territory of Belarus: some reflections on the work of Minsk scientists.. Rev. Organyi gosudarstvennoy vlasti i upravleniya Sovetskoy Belarusi (1917–1920 gg.): spravochnik / sost.: M. K. Bober [i dr.]*. – Minsk: BELNIIDAD, 2017. – 466 s.

Andrey Teslya's column

- 446 **A. A. TESLYA** *Too important thing*. Rev.: Kurilla I. I. *Bitva za proshloe: Kak politika menyaet istoriyu*. – M.: Al'pina Pablisher, 2022. – 232 s.
- 450 **A. A. TESLYA** *Conservatives of the Alexander era*. Rev.: Martin A. *Romantiki, reformatory, reakcionery: Russkaya konservatsionnaya mysl' i politika v carstvovanie Aleksandra I / Per. s angl. L. N. Vysockogo; red. M. S. Belousov*. – SPb.: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2021. – 447 s. – (seriya «Sovremennaya zapadnaya rusistika» = «Contemporary Western Rusistika»).
- 455 **A. A. TESLYA** *Talk of Proust among the miraculous survivors*. Rev.: Chapskij Yu. *Lekcii o Pruste / Per. s fr. A. Vekshinoj*. – SPb.: Jaromir Hladik press, 2019
- 459 **A. A. TESLYA** *Rereading «The Old Order...» by Toqueville*

HISTORIAN'S TIME

- 464 *“There is no anything more unacceptable for the scientific society, then unanimity”*. Interview with D. J. Kozlov

- 472 *«A serious conversation about responsibility can be a very important resource for politicians; the political force that can use this resource effectively will succeed» Interview with N. N. Eplée*
- 482 *«Historical research is the matter of my life and the best happiness in it». Interview with V. E. Molodiakov*
-

CONFERENCES

- 508 **V. I. GOLDIN,
V. V. ZHURAVLEV** *International scientific conference in Novosibirsk about the Civil War in Russia*
-

SOURCES

- 514 **V. E. MOLODIAKOV** *Historical source: What's «Action française»?*
- 519 **C. MAURRAS** *On the History of These Four Years*
- 531 *Requirements for publication of articles and documents*

«ДЕЛАЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ОДНУ ИЗ ГРУППОВЫХ ПАМЯТЕЙ И УТВЕРЖДАЯ ЕЕ В КАЧЕСТВЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО МОРАЛЬНОГО СТАНДАРТА, МЫ РИСКУЕМ ВЫТОПТАТЬ ИЛИ ЗАБЛОКИРОВАТЬ ДРУГИЕ ПАМЯТИ».

Интервью с С. Крэпсом

В своем интервью Стеф Крэпс обращается к таким вопросам, как: механизмы и особенности семейной памяти и глобальной памяти; память о Первой и Второй мировых войнах в Бельгии; современный национализм; третья «транснациональная» стадия исследований памяти; трансформация окружающей среды.

Ключевые слова: Семейная память, глобальная память, Память о Первой и Второй мировых войнах, Бельгия, Холокост, третья «транснациональная» стадия исследований памяти и мнемонических практик, национализм, космополитическая память и антагонистическая память, трансформация окружающей среды.

Стеф Крэпс — профессор английской литературы Гентского университета (Бельгия), где он руководит Инициативой культурологических исследований памяти (Cultural Memory Studies Initiative), исследовательской группой, которая объединяет исследователей разных гуманитарных дисциплин, работающих над изучением того как память и травма опосредуются феноменами культуры. Сферой его научных интересов являются литература и культура XX и XXI веков, исследования памяти и травмы, постколониальная теория, экологическая критика и гуманитарные аспекты экологии. Он является создателем и координатором Мнемонической сети (Mnemonics network), международ-

ной инициативы сотрудничества по обучению аспирантов, специализирующихся на исследованиях памяти. Также он является сопредседателем рабочей группы «Трансформация окружающей среды» (Transformation of the Environment) в рамках проекта Медленная память (Slow Memory COST Action, European Cooperation in Science and Technology).

Контактная информация: stef.crap@ugent.be

Книги автора: Bond, Lucy, and Stef Craps. *Trauma*. New Critical Idiom. Abingdon: Routledge, 2020; Craps, Stef. *Postcolonial Witnessing: Trauma Out of Bounds*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013; Craps, Stef. *Trauma and Ethics in the Novels of Graham Swift: No Short-Cuts to Salvation*. Brighton: Sussex Academic Press, 2005.

STEF CRAPS: "GLOBALIZING ONE PARTICULAR MEMORY AND HOLDING IT UP AS A UNIVERSAL MORAL STANDARD RISKS TRAMPLING OR BLOCKING OUT OTHER MEMORIES"

In his interview, Stef Craps addresses such issues as: mechanisms and features of family memory and global memory; memory of the First and Second World Wars in Belgium; modern nationalism; the third "transnational" stage of memory research; transformation of the environment.

Key words: Family memory, global memory, World War I and World War II memory, Belgium, the Holocaust, the third "transnational" stage of memory research and mnemonic practices, nationalism, cosmopolitan memory and antagonistic memory, environmental transformation.

Stef Craps is a professor of English literature at Ghent University in Belgium, where he directs the Cultural Memory Studies Initiative, a research group that brings together scholars from across the humanities who work on issues of memory and trauma as mediated through culture. His research interests lie in twentieth-century and contemporary literature and culture, memory and trauma studies, postcolonial theory, and ecocriticism and the environmental humanities. He is the founding coordinator of the Mnemonics network, an international collaborative initiative to provide research training in memory studies for doctoral students, and a co-chair of the "Transformation of the Environment" working group of the Slow Memory COST Action.

Contact information: stef.crap@ugent.be

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э.: Ян Ассманн считает, что коммуникативная (семейная) память современных людей обычно составляет три поколения (80–100 лет). Как глубока ваша семейная память?

С. К.: Утверждение Ассманна полностью соответствует моему случаю. Я помню, что в детстве говорил с моими бабушками и дедушками о вре-

мени, когда они были молодыми, но дальше этого моя семейная память не идет. Я знаю лишь несколько исследователей памяти с действительно увлекательными семейными историями, связанными с великими историческими событиями, которые стали главной причиной их интереса к исследованиям памяти, но, к сожалению или к счастью, это не мой

случай. Если говорить о двух поколениях моих предков, то это фламандские крестьяне, и, насколько я понимаю, и более ранние предки тоже были фламандскими крестьянами. Я хочу сказать, что ничего не знаю о моих предках, чьи жизни были бы затронуты историей настолько основательно, чтобы память об этом передавалась последующим поколениям.

С.Э.: Вторая мировая война является главной травмой XX века, и она все еще весьма чувствительна в «регионе памяти» вдоль бывшего Восточного фронта от Финляндии до Греции. Как обстоят дела на западе Европы? Жива ли память о Второй мировой войне в Бельгии и в вашей семье?

С.К.: Я считаю, что эта память жива в «комплексе» с памятью о Первой мировой войне, так как Бельгия была местом жесточайших сражений на Западном фронте в годы той войны. В 1914–1918 на полях Фландрии погибли, были ранены и пропали без вести более миллиона человек. Особенно большими были потери в битве при Пашендейле (31 июля — 10 ноября 1917 года). День перемирия 11 ноября 1918, который считается днем окончания Первой мировой войны, является государственным праздником Бельгии, тогда как 8 мая 1945 — День победы союзников над нацистской Германией — государственным праздником не является, или пока не является, так как в последние годы поступают предложения исправить ситуацию. Размах коммеморации во Фландрии в связи со столетием Первой мировой войны действительно поражает. Экспозиции большинства крупных музеев

включают разделы, посвященные двум мировым войнам. Также поддерживаются места травматической памяти (sites of conscience): провинция Западная Фландрия испещрена военными кладбищами, о жертвах Первой мировой войны напоминает Музей Фландрских полей и Менинские ворота в Ипре, память о Второй мировой засвидетельствована бывшим нацистским лагерем военнопленных Форт Бреендонк и казармами Доссен в Мехелене, где нацисты создали транзитный лагерь, откуда бельгийских евреев и цыган отправляли в Аушвиц. Обе мировые войны занимают важное место в школьной программе. Из разговоров с моими бабушками и дедушками более всего мне помнятся их рассказы о войне. Все это позволяет считать, что мировые войны занимают выдающееся место в бельгийской культуре памяти. Меня поражает контраст этой памяти с почти полным молчанием по поводу колониального прошлого страны. Американский журналист Адам Хохшильд (Adam Hochschild), автор книги «Призрак короля Леопольда: история жадности, террора и героизма в колониальной Африке» назвал это явление «великим забыванием» бельгийских преступлений в Конго. Я подозреваю, что в данном случае мы имеем яркий пример «покрывающего воспоминания» (З. Фрейд, screen memory), когда память о двух мировых войнах используется ради отвлечения внимания от постыдной колониальной истории бельгийских владений в Центральной Африке.

С.Э.: Почему вы стали заниматься исследованиями памяти? Повлияла ли на вас семейная память или были другие причины?

С.К.: Я пришел к исследованиям памяти через мой интерес к тому, как литература несет в себе свидетельство о травматических событиях и опыте. Я не думаю, что моя обыкновенная (plain vanilla) семейная история оказала существенную роль в формировании моих исследовательских интересов, хотя, как я уже говорил, на ряд специалистов в нашей области заметно повлияли семейные воспоминания. Моя магистерская работа в Лёвенском университете была посвящена роману Салмана Рушди «Стыд», который является хрестоматийным примером того, что Линда Хатчеон назвала «историографическая метапроза» (historiographic metafiction). Под этим понимаются постмодернистские романы, которые своеобразно представляют историю. Они конструируют свою версию прошлого, но ставят читателя в известность, что идет конструирование и критически обсуждают этот процесс: включения, исключения, интерпретации и т.д. Моя докторская диссертация также началась с исследования метапрозы на примере работы современного британского автора Грэма Свифта (Graham Swift) «Земля воды» (Waterland), одного из самых известных образцов этого жанра. Однако в процессе работы (это было в конце 90-х) я сосредоточился на травматических и этических аспектах романа Свифта. Научным руководителем моей диссертации был профессор Лёвенского университета Ортвин де Граф (Ortwin de Graef), который обратил мое внимание на только вышедшие в то время работы Кэти Карут (Cathy Caruth), Шошаны Фельман (Shoshana Felman) и Джеффри Хартмана (Geoffrey Hartman).

Ортвин не случайно обратил мое внимание на это зарождавшееся тогда направление исследований, так как он подобно упомянутым авторам был увлечен деконструкцией и постструктурализмом. Более того, он, как и упомянутые его коллеги по деконструкции, был потрясен делом Поля де Мана — одного из отцов этого направления. Именно Ортвин в ходе написания своей докторской диссертации нашел антисемитские публикации де Мана военного времени. Ортвин усматривал в теории травмы попытку критической парадигмы (назовем ее текстуализмом), которая попала в затруднительное положение, укрепиться и спастись, надев на себя этическое обличье. Таким образом, я унаследовал интерес к проблемам травмы и памяти от моего научного руководителя.

С.Э.: Вы критически относитесь к оптимистам, которые преждевременно провозгласили третью «транснациональную» стадию исследований памяти и мнемонических практик. Вы считаете, что попытка учредить память о Холокосте в качестве лекала глобальной памяти провалилась из-за того, что она ограничена западным контекстом и представители незападных стран воспринимают ее как попытку навязать им западную гегемонию в сфере памяти. Ваши оппоненты могут возразить, что географическая привязка (locatedness) Холокоста менее важна, чем беспрецедентная эмпатия (сочувствие) к прежним «парадигматическим чужакам», которых большинство христиан много веков считали своими «природными врагами», так как они, якобы, распяли Христа. С этой точки зрения

память о Холокосте является механизмом эмпатии ко всем жертвам мировой истории, включая жертв рабства, колониальной эксплуатации, геноцидов и т.д. В чем по вашему мнению состоит ошибочность их аргументации?

С.К.: Я пытаюсь сдвинуть благодушное или даже эйфорическое отношение к транснациональным (транскультурным) исследованиям памяти в сторону более критического и более рефлексивного подхода. Я призываю к осторожности и не разделяю оптимизма, который переполняет работы таких исследователей как Даниэль Леви (Daniel Levy) и Натан Шнайдер (Natan Sznaider), Джеффри Александер (Jeffrey Alexander), Элисон Ландсберг (Alison Landsberg) и Кэти Карут, возвестивших то, что Астрид Эрль (Astrid Erll) назвала «третьей стадией» исследований памяти. В моей книге «Постколониальное свидетельство: Травма без границ» я показываю, что утверждения об универсальности, особенно это относится к Холокосту, не всегда способствуют транскультурному взаимопониманию и способствуют развитию демократии, терпимости и прав человека. Я выявил тенденцию как недооценки негативных последствий, к которым могут привести и уже приводят сравнения с Холокостом, так и переоценки реального масштаба памяти о нем. Необходимо учитывать, что во многих частях незападного мира ссылки на Холокост не являются общепринятыми. Следовательно, утверждать, что Холокост является единственным источником моральных уроков для человечества, означает низводить миллиарды людей, прежде всего на глобальном

Юге, до уровня морально незрелых существ. В этом проявляется колониальная перспектива, вступающая, на мой взгляд, в конфликт с проектом учреждения универсальной культуры прав человека, о которой так заботятся на словах Александер и Леви вместе с Шнайдером.

С.Э.: **Как вы считаете, возможен жизнеспособный проект глобальной памяти, использующий другой образец (или набор образцов) вместо Холокоста, или глобальная память является нереалистическим предприятием не только для нашего времени, поскольку это вечная утопия?**

С.К.: Если мы оставим в стороне вопрос, насколько это возможно теоретически (мнения об этом расходятся), то я, честно говоря, не уверен, что «глобальная память» является чем-то вдохновляющим. В любом случае я опасаясь последствий, связанных с попытками воплотить ее в жизнь. Может существуют другие способы движения в этом направлении, но, на мой взгляд, делая глобальной одну из групповых памятей и утверждая ее в качестве универсального морального стандарта, мы рискуем вытоптать или заблокировать другие памяти. Я против того, чтобы навязывать одну коллективную память (скажем, о Холокосте) обществу, озабоченным другими травмами, причинившими им страдания (например, западным империализмом), поскольку подобные попытки, скорее всего, будут восприниматься в западных странах не иначе как колонизаторский шаг, который принесет лишь вред тем, кто включит эту память в свой канон.

Я всей душой поддерживаю транскультурные и многовекторные перемещения памяти, и я осознаю, что передача сочувствия к историческому опыту людей из других обществ может породить социальную солидарность между ними, но, на мой взгляд, не это является целью тех, кто пытается внедрить «глобальную память». Я боюсь, что в случае глобальной памяти отсутствуют взаимность, равенство и двусторонний трафик обмена памятьми, который присущ транскультурным и многовекторным формам. Считайте меня излишне подозрительным, но установление одной частной памяти в качестве универсальной и, следовательно, более значимой, чем остальные памяти, возмущает меня как попытка распространить западную гегемонию в область коллективной памяти.

С. Э.: Нарастающий во многих европейских странах национализм крайне правых является вызовом, который требует адекватной реакции со стороны исследователей памяти. Многие из наших коллег верят, что агонистический подход Шанталь Муфф (Chantal Mouffe) является эффективным средством, позволяющим противостоять антидемократическим силам. Вы согласны, что агонизм может быть эффективен в конкуренции со сторонниками антагонизма, или необходимо найти другие средства для эффективного противостояния угрозе крайне правых?

С. К.: Это сложный вопрос, на который я тоже желал бы знать ответ. Я помню статью Анны Ченто Булл (Anna Cento Bull) и Ханса Лауге Хансена (Hans Lauge Hansen) «Об

агонистической памяти» (2016). Опираясь на исследование в рамках финансируемого ЕС проекта «Тревожное воспоминание и социальная сплоченность в транснациональной Европе (UNREST project, Unsettling Remembering and Social Cohesion in Transnational Europe) и работы Шанталь Муфф, авторы предлагают агонистическую память — рефлексивный, диалогический способ воспоминания, в том числе и о политических конфликтах — как третий путь, который способен вывести из, по их мнению, тупикового противостояния между спускаемой сверху космополитической памятью ЕС и идущей снизу антагонистической памятью крайне правых. Не обсуждая теоретические достоинства этой новой привлекательной модели, должен с удивлением отметить, что, как мы можем судить по глобальному упадку демократии за последние шесть лет, этот корабль так и не поплыл. В 2016 крайне правые только начинали свое восхождение, но сейчас многие из них уже у власти или близки к ней в целом ряде стран, достаточно упомянуть Брексит, Трампа, Болсонаро, наряду с такими авторитарными лидерами как Орбан, Моди, Эрдоган и, конечно, Путин, которые уже находились у власти в то время, но с тех пор еще более консолидировали свои режимы и значительно осмелели. Кроме того социальный и медийный пейзаж стал еще более поляризованным и токсичным, в результате пространство для агонистических дебатов стремительно сжимается. Боюсь, что в таком достаточно депрессивном контексте я не испытываю большого оптимизма относительно возможности успешно внедрить агонистический способ

воспоминания в публичные дебаты, по крайней мере, в ближайшее время.

Одна вещь, которой исследователи памяти могут и, по моему мнению, обязаны, не смотря ни на что, больше заниматься, это культура памяти крайне правых, которая является транснациональной, но, разумеется, не космополитической. Это, кстати, еще одна причина, почему исследования памяти должны воздержаться от не критического отношения к транснациональной динамике. Лучшее понимание реакционной политики памяти «другой стороны» может помочь нашей дисциплине более эффективно разрабатывать способы сопротивляющегося воспоминания, в которых мы, очевидно, испытываем срочную необходимость. Пока такие исследования редки, но статья Нейла Леви (Neil Levi) и Майкла Ротберга (Michael Rothberg) «Исследования памяти в момент опасности: фашизм, постфашизм и современное политическое воображение» (2018) представляет вдохновляющий пример. Другим перспективным направлением для актуальных с точки зрения будущего исследований памяти должно стать критическое рассмотрение проблемы: действительно ли гегемонистская культура памяти, возникшая после Холодной войны, с ее требованиями толерантности и защиты меньшинств, причастна к современному возрождению крайне правых, и если причастна, то какова степень ее ответственности? В результате, как утверждает Валентина Пизанти в провокативной книге «Стражи памяти» (2021, автор предисловия Майкл Ротберг), должна произойти основательная переоценка ценностей.

С. Э.: Ваши творческие планы?

Мой новый проект находится на пересечении исследований памяти и гуманитарной экологии (environmental humanities). Он фокусируется на том, как современная литература и культура в целом сталкиваются с эстетическими, этическими и экзистенциальными вызовами, порожденными климатическими изменениями и в целом антропоценом, предполагаемой новейшей геологической эпохой, когда человек стал главным двигателем изменений окружающей среды, наиболее заметным из которых является глобальное потепление. Климатические изменения часто обсуждаются в строго ограниченном естественнонаучном, экономическом и техническом контекстах, но у многих людей также возникают фундаментальные вопросы смысла, ценностей и справедливости, поскольку традиционные способы понимать мир и жить в нем все меньше соответствуют современной действительности. Климатические изменения бросают вызов воображению, потрясают до основания саму идею, что значит быть человеком, и принуждают нас пересмотреть наши отношения с планетой и друг другом. Я рассматриваю взаимодействие воображения с изменениями климата через литературные тексты и художественные работы, рассказывающие инновационные истории, которые в свете настоятельных требований антропоцена стремятся содействовать перемене точек зрения, возникновению новых способов мышления и чувствования. Я недавно написал несколько статей и участвовал в ряде дискуссий по поводу экологической скорби (mourning),

процесса примирения с разрушением окружающей среды, и надеюсь, что со временем из них сможет сложиться книга. В любом случае я собираюсь двигаться в этом направлении в ближайшие годы. Замысел изучения различных креативных практик экологической скорби, осуществляемых рядом писателей, художников, активистов и институтов, имеет целью понять, как ухудшение окружающей среды формирует опыт, порождает высказывания и практические действия.

Разумеется, что я не единственный, кто обратился к проблеме климатического и экологического кризиса. В недавнее время среди исследователей существенно возрос интерес к проблемам окружающей среды. Это неудивительно в связи с тем, что последние прогнозы свидетельствуют о том, что ситуация продолжает ухудшаться, и следовательно, игнорировать ее, как это происходило долгие годы, становится все сложнее. Когда в середине 2010-х я вместе с несколькими коллегами, в их числе Рик Кроншоу (Rick Crownshaw), Люси Бонд (Lucy Bond), Джессика Рэпмон (Jessica Rapson) и Розэн Кеннеди (Rosanne Kennedy), начал заниматься экологической памятью, то был поражен безмятежным характером панелей и докладов по проблемам окружающей среды на конференциях исследователей памяти, которые я посещал в те годы. Во вступительном обращении на круглом столе, посвященном месту

антропоцена в исследованиях памяти, которое было опубликовано в журнале «Мемори Стадиз» в 2018, я объявил о наступлении новой четвертой фазы исследований памяти, когда исследователи должны начать мыслить не только социально, но и экологически. Приятно наблюдать, что появляется все больше работ такого рода, хотя исследователям все еще сложно отринуть сугубый антропоцентризм и принять во внимание объемную пространственно-временную шкалу антропоцена. Такая работа активно стимулируется проектом «Медленная память» Европейской кооперации в области науки и технологий. Руководителем проекта является Дженни Вюстенберг (Jenny Wüstenberg). Целью является исследование памяти не о внезапных насильственных событиях, а о медленных не столь приметных изменениях, таких как деиндустриализация, неолиберальная реструктуризация и, разумеется, ухудшение экологической ситуации. Я рад сообщить, что являюсь вместе с Риком Кроншоу сопредседателем рабочей группы «Трансформация окружающей среды» этого масштабного проекта. Я с удовольствием ожидаю совместной работы с членами нашей группы в ближайшие годы, в результате которой, уверен, мы добьемся значительных успехов и сумеем на полных правах включить исследования памяти в изучение планетарного кризиса.

С. Э.: Спасибо за интервью!

С. Крэпс

ПУТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ОТ ВОСТОРГА К КРИТИКЕ

Во втором десятилетии двадцать первого века исследователи транскультурной и транснациональной памяти или травмы стали яснее понимать ограничения, исключения и ловушки воспоминаний, выходящих за пределы национальных и культурных границ. В результате первоначальные эйфория и оптимизм угасли, транснациональный подход ныне разоблачается как преждевременный, наивный или необоснованный. Сегодня критики уделяют больше внимания тем факторам, которые препятствуют перемещениям потоков памяти; отмечают моменты сопротивления гегемонистской динамике, направленной на нивелирование памяти; подчеркивают роль памяти не в *преодолении*, а в *укреплении* культурных границ. Тем не менее, современные исследования памяти и травмы придерживаются этической составляющей транснациональной и транскультурной парадигм воспоминания, не соскальзывая при этом в наивное восхищение мобильностью мнемонических процессов.

Ключевые слова: транснациональные и транскультурные память и травма, мобильность, этика

Сведения об авторе: Стеф Крэпс является профессором английской литературы Гентского университета (Бельгия), где он руководит Инициативой культурологических исследований памяти (Cultural Memory Studies Initiative).

Контактная информация: stef.craps@ugent.be

S. Craps

TRACING TRANSNATIONAL MEMORY: FROM CELEBRATION TO CRITIQUE

In the second decade of the twenty-first century scholarship on transcultural or transnational memory or trauma has become more clear-eyed about the limitations, exclusions, and pitfalls of remembering across national or cultural boundaries. As a result, the initial euphoria and optimism has dampened: it has been exposed as premature, naïve, or unwarranted. Critics these days are more likely to draw attention to factors that impede the mobility and flows of

© С. Крэпс, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-3-21-29

Впервые опубликовано: Stef Craps. Tracing Transnational Memory: From Celebration to Critique.

Mémoires en jeu. 2019, No 10/Hiver. P. 85–89. Перевод: С. Е. Эрлих

memory; points of resistance to hegemonic, homogenizing dynamics; memory's role in border-*making* as opposed to border-*crossing*. Even so, contemporary memory and trauma research holds on to the ethical potential of transnational and transcultural paradigms of remembrance, without, however, sliding back into naïve celebrations of mnemonic mobility.

Keywords: transnational, transcultural, memory, trauma, mobility, ethics

About the author: Stef Craps is a professor of English literature at Ghent University in Belgium, where he directs the Cultural Memory Studies Initiative.

Contact information: stef.craps@ugent.be

Я хочу начать это эссе цитатой из первого параграфа редакционного вступления к первому выпуску «Мемуар ан жё» (Mémoires en jeu, Воспоминания на кону), вышедшего в 2016: «В наши дни все меньше делятся воспоминаниями. Многие из них питают идентификационное мышление и тем самым вносят вклад в строительство новых стен на наших границах. Иногда воспоминания даже используются в качестве оружия. Невозможно доказать, что памяти совершенствуются, благодаря установлению связей между ними. Такова критическая позиция, а также многовекторная, транскультурная и трансдисциплинарная повестка журнала «Мемуар ан жё»» (*Altounian et al.* 2016: 5). При чтении этих строк меня поразило, что редакционная коллегия «Мемуар ан жё» неявно дистанцировалась от торжествующего представления того, что Астрид Эрль назвала «третьей стадией» (*Erll* 2011: 4) исследований памяти, где память рассматривается как транскультурный и транснациональный феномен. Памяти, по мнению редакции, не столько помогают преодолевать границы, сколько укрепляют их и вместо строительства мостов [между народами] способствуют их разрушению. Вместе с тем утверждается одна из аксиом «третьей стадии» о необходимости способствовать

установлению транскультурных связей, сохраняя при этом критический подход к данному процессу. Редакционная коллегия предостерегает от попыток отринуть всеобъемлющий контроль нации-государства над коллективной памятью и, на мой взгляд, с осторожностью относится к некритичекому приятию транснациональных ценностей. Полагаю, что редакционное вступление указывает на смещение от восторга или эйфории, присущей сторонникам «третьего этапа» исследований памяти, к большей критике и рефлексии. К этому смысловому сдвигу я бы и хотел обратиться.

Но прежде я бы хотел кратко напомнить этапы, предшествующие современному состоянию. В своем эссе «Путешествующая память» Эрль удачно характеризует различия трех этапов исследований памяти. Первый включает пионерские работы исследователей начала XX века Аби Варбурга, Вальтера Бенджамина, Фредерика Барглетта и наиболее известного из них Мориса Хальбвакса, создателя знаменитой концепции коллективной памяти. По мнению Хальбвакса, памяти формируются в коллективных контекстах семьи, религии, региона, профессии и т.д., которые образуют социальные рамки памяти. Начало второго этапа было

ознаменовано публикацией в конце 1980-х — начале 1990-х результатов плодотворного проекта «Места памяти» под руководством Пьера Нора, где нация-государство рассматривалась как главная рамка памяти, что приводило к «сплющиванию» многослойной концепции Хальбвакса. Нора продолжает идеи Хальбвакса, но при этом коллективные памяти различных групп рассматриваются как однородные и замкнутые сущности (Erll 2011). Как указывает Майкл Ротберг в своем эссе: «Вспоминая прошлое: культурная память, колониальное наследие и постколониальные исследования», — органицизм, присущий такому подходу, препятствует пониманию процессов колонизации, глобализации и миграции, которые благодаря своей природе «размыкают» замкнутые сообщества (Rothberg 2013). Действительно, проект Нора обвиняют в колониальной амнезии: он минимизирует историю Франции как колониальной империи, превращая колонии в *не-место* памяти. На рубеже XXI века настал третий этап исследований памяти. Его теоретики и практики едины в противостоянии методологическому национализму предшествующего этапа. Память, доказывают они, преодолевает тесные границы и поэтому должна исследоваться с транснациональной, транскультурной и глобальной точек зрения.

В самом деле, в исследованиях памяти уже стало трюизмом утверждение, что нация-государство не может далее рассматриваться в качестве естественного контейнера коллективной памяти. Поэтому исследователям памяти следует принять во внимание современное положение дел и соот-

ветственно отказаться от националистических подходов. Редакторы сборника «Память в глобальную эпоху» Алейда Ассманн и Себастьян Конрад заявляют, что «сегодня память и глобальная [реальность] должны изучаться вместе, поскольку вне глобальной рамки невозможно понять куда движется память» (Assman & Conrad 2010: 2). Сходным образом Кьяра де Чезари и Энн Ригни во введении к сборнику «Транснациональная память» утверждают, что «сейчас во втором десятилетии двадцать первого века неотложной задачей исследователей памяти становится развитие новой теоретической рамки, изобретение новых инструментов, а также выявление новых мест [памяти] и архивных ресурсов, пригодных для изучения тех коллективных воспоминаний, которые выходят за рамки нации-государства» (De Cesari & Rigney 2014: 2). Другими важными сборниками статей, отмечаящими и вносящими вклад в этот переход, являются «Транскультурный поворот» под редакцией Люси Бонд и Джессики Рэпсон (Bond & Rapson 2014) и специальный выпуск журнала «Параллакс» под редакцией Рика Кроншоу «Транскультурная память» (Crownshaw 2011), где центр исследований смещается с мест памяти, понимаемых как неотъемлемая часть национальной культуры, к динамике памяти, преодолевающей национальные и культурные границы.

Аргументация в пользу транснациональных или глобальных процессов памяти обычно отсылает к Холокосту, который все еще является архетипической темой исследований памяти. В монографии «Холокост и память в глобальную эпоху» (на

немецком опубликована в 2001) Дэниел Леви и Натан Шнайдер доказывают, что глобальное распространение дискурса о Холокосте породило новую форму памяти — «космополитическую память», которую они определяют как «память, предоставляющую возможность пересекать этнические и национальные границы» (Levy & Sznaider 2006: 4, 18). По итогам Холодной войны, доказывают авторы, в «эпоху неопределенности», отмеченную «отсутствием господствующего идеологического нарратива», негативная память об истреблении евреев может служить моральной нормой, которая позволит возвращать культуру прав человека и усиливать глобальную справедливость. В статье «По поводу социального конструирования моральных универсалий» Джеффри Александер выдвигает идею, схожую с построениями Леви и Шнайдера. Последние пятьдесят лет, доказывает Александер, Холокост был чрезвычайно травматическим событием «одной ограниченной группы», но постепенно он становится всемирным мифом о «сакральном зле» (Alexander 2002: 27, 6), который содержит небывалые возможности для установления этнической, расовой и религиозной справедливости, для взаимного признания и для более цивилизованного урегулирования глобальных конфликтов».

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ

Книга Леви и Шнайдера и статья Александера, которые стали вехами для транснациональных исследований памяти, критиковались как манифестации европоцентризма. Вместо

продвижения транскультурной солидарности они заявляют об универсальности Холокоста, который рассматривается ими как единственный источник моральных уроков. И ни одно другое событие не может играть подобную роль. Такой подход может быть интерпретирован как «форма европейско-американского империализма в сфере памяти» (Assmann & Conrad 2010: 9). Ключевая проблема многих теорий транснациональной и транскультурной памяти — это недостаточное внимание к тому, что Сюзанна Рэдстоун в статье «Что это за место? Транскультурная память и местонахождение исследований памяти» определяет как значимость места и для самой памяти, и для ее исследований. Рэдстоун подчеркивает, что попытки создать полностью «глобальную» версию исследований памяти всегда упираются в специфику места, где она создается и практикуется (Radstone 2011: 113–14).

Одной из теорий исследований памяти, опирающейся на глобальный подход и сопровождающейся неизбежными рисками, для Рэдстон является теория травмы, которая страдает забывчивостью в отношении двух жизненно важных пространственных измерений воспоминаний: «места нахождения их исследователя и места где находится публика, которой передаются эти воспоминания» (р. 117). Рэдстон доказывает это утверждение в названной статье и в других работах. Данное наблюдение стало отправной точкой моей книги «Постоколониальное свидетельство» (Craps 2013). Теории травмы действительно присуща тенденция забывать о местонахождении и приписывать универсальное значение

тому, что на самом деле порождено локальными условиями и моделями [поведения]. Данная предпосылка идет рука об руку с верой в этический потенциал теории травмы, которым в частности объясняется ее «призыв» [к общественности]. Согласно знаменитому предположению Кэти Карут «травма сама по себе является связующим звеном между культурами» (Caruth 1995: 11). Постулатом о травме, как мосте, соединяющем острова несовпадающего исторического опыта, теория травмы якобы вносит вклад в укрепление кросс-культурной солидарности и в формирование новых форм общности. Другими словами, теории глобальной памяти о Холокосте, которые мы только что рассмотрели, характеризует триумфальный, оптимистичный тон.

В своей книге я доказываю, что теория травмы — это «теория в себе». Один из ее недостатков состоит, на мой взгляд, в том, что исходным толчком для нынешних теоретических рассуждений по поводу травмы и ее репрезентации является преимущественно нацистский геноцид европейских евреев. Из работ Карут, Шошаны Фельман и Дори Лауб (Felman & Laub 1992), Джеффри Хартмана (Hartman 2002) и Доминика Ла Капры (LaCapra 2001) становится очевидным, что теория травмы является полем культурных исследований, развивающихся посредством литературных и исторических свидетельств по поводу Холокоста. Изначально эта теория была создана в Европе и в США и, несмотря на универсалистские претензии, до основания пронизана специфическим контекстом места, где была создана. Несмотря на вездесущность насилия

и страдания в мире, основное внимание теории травмы сосредоточено на событиях, имевших место в Европе и в США. Самое выдающееся среди них это Холокост и самое «свежее» — это 9/11 (террористические акты 11 сентября 2001 в США). Другими словами, фокус теории довольно узок.

Более того, исследователи долго игнорировали далеко идущие последствия того факта, что травма укоренена в особом историческом и географическом контексте. Они стремились принять на веру гегемонистские определения травмы, которые не являются нейтральными в научном смысле, поскольку обладают культурной спецификой, и поэтому должны быть пересмотрены и изменены, чтобы не усиливать, но адекватно передавать психологическую боль, причиненную членам не западных сообществ и меньшинств. Вместо упрочения кросс-культурной солидарности исследователи травмы рискуют способствовать сохранению тех самых верований, практик и структур, которые поддерживают существующие несправедливость и неравенство. Чтобы изменить ситуацию, необходимо расширить привычный фокус и перестать принимать на веру универсальную применимость определений травмы и методов преодоления ее последствий, которые исходят из исторического опыта западного модерна. Бесполезно придерживаться предписаний эстетики травмы, которая вращается вокруг узкого круга травматических текстов преимущественно западных писателей и художников, поскольку она обрекает на забвение и признание в качестве

неуместных альтернативные свидетельства о травме. Следует признать, что во втором десятилетии XXI века исследователи травмы, а транскультурной или транснациональной памяти в гораздо большей мере, чем ранее, признают ограничения, исключения и ловушки воспоминаний, пересекающих национальные и культурные границы. В результате угасли начальная эйфория и оптимизм, которыми были пронизаны работы Даниэля Леви и Натана Шнайдера, Джеффри Александра, Алисон Ландсберг (*Landsberg 2004*), Кэти Карут и других ведущих теоретиков памяти и травмы, чьи труды относятся к третьей фазе [исследований памяти], провозглашенной Эрль. Прежние настроения сегодня развенчиваются как преждевременные, наивные и необоснованные. Современные критики больше обращают внимание на те факторы, что тормозят мобильность и свободное течение памяти; указывают на сопротивление гегемонистской нивелирующей динамике; больше подчеркивается роль памяти в укреплении, а не в преодолении границ. Де Чезари и Ригни воскресили концепцию «трения» Анны Цинг, которая бросает вызов стандартному нарративу глобализации как размеренному течению, указывая четко локализованные зоны нестыковок в поведении вовлеченных сторон (*Tsing 2004*).

ПРОГРЕССИВНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Речь не идет о том, что современные исследования становятся циничным предприятием. Медовый месяц, похоже, закончился, но тот факт, что исследования транснацио-

нальной и транскультурной памяти вступили в пост-праздничную фазу, не означает, что они отказались от прогрессивной повестки и в отчаянии впали в политическое смирение. В конце концов критика не сводится исключительно к отрицанию. Это решающий шаг для того, чтобы лучше видеть, глубже понимать и, следовательно, действовать более ответственно. Что касается меня, то в «Постколониальном свидетельстве» я доказываю, что пересмотренная, инклюзивная, чувствительная в культурном смысле теория травмы может помочь выявить и понять ситуации эксплуатации и злоупотреблений, а также стимулировать постоянную и систематическую критику социальных условий. Настоятельно привлекая внимание к не услышанным до этого страданиям и запуская в глобальное обращение памяти о множестве травматических историй, теория травмы совершенствует способность к рефлексии, плюрализму и гибкости и может способствовать тому, чтобы общество лучше знало о несправедливостях прошлого и настоящего и могло стать более справедливым в глобальном будущем. Действуя таким образом, теория травмы скорее вносит вклад в осмысление ситуации с этических позиций, чем отказывается от прежних обязательств. На мой взгляд, этот процесс сейчас вступил в стадию успешной реализации: плюрализм и диверсификация являются наиболее упоминаемыми трендами в исследованиях памяти. Тем не менее, в этом направлении еще требуется сделать многое.

Влиятельное исследование Майкла Ротберга о многовекторной памяти

также движимо глубоким этическим стимулом, который, тем не менее, не останавливает автора от замечаний по поводу тех непростых и не всегда продуктивных путей, по которым память совершает свое транснациональное и транскультурное путешествие. Его обеспокоенность особенно заметна в статье «От Газы до Варшавы: Картографирование многовекторной памяти», где он обращается «к наиболее сложным и вызывающим особое беспокойство случаям многовекторности» (Rothberg 2011: 524–526) и уточняет бинарную модель, представленную в его плодотворной книге 2009. Несмотря на то, что память, по словам Ротберга, имеет «многовекторную структуру» в том смысле, что всегда отмечена «транскультурными заимствованиями, обменами и их приспособлением», политика многовекторной памяти не «способна нам что-либо гарантировать». Он полагает необходимым развивать «этику сравнения, которая могла бы отличить продуктивные формы памяти от тех, что ведут к конкуренции, присвоению или тривиализации». Ротберг картографирует различные формы, которые публичная память может принять в политически нагруженных ситуациях, разделив дискурсивное поле на четыре части: «Многовекторные памяти размещаются на пересечении *оси сравнения* (axis of comparison), представляющей континуум, который простирается от приравнивания к различению, и *оси политического воздействия* (political affect), континууму, расположенному между двумя сложными составными аффектами — солидарностью и конкуренцией». По мнению Ротберга, дискурсы памяти, которые сочетают

различение и солидарность, «обладают большим политическим потенциалом», чем те, которые опираются на приравнивание и конкуренцию. Он считает, что «радикальная демократическая политика памяти нуждается в дифференцированной эмпирической истории, моральной солидарности с жертвами различных случаев насилия и этике сравнения, которая координирует асимметричные требования жертв». Важный вывод этой статьи, высказанный более откровенно и более подробно, чем в книге, состоит в том, что не все формы многовекторности могут приветствоваться как благотворные и политически прогрессивные; действительно различение и солидарность составляют только четвертую часть карты Ротберга, которая является полезным инструментом при плавании в мутных водах сравнительной памяти. В дискуссии с А. Дирком Мозесом Ротберг отмечает «расхождение в акцентах» (Moses & Rothberg 2014: 37) между их подходами к взаимодействию различных травматических памятей в публичном поле. В то время как историк Мозес отмечает конфликты и войны памяти в современной Восточной Европе и на Ближнем Востоке, которые являются вызовом космополитической этике транскультурной памяти, Ротберг, чьей специализацией являются литературные исследования, пишет: «Я разделяю некоторый оптимизм по поводу возможностей, которые могут предложить практики транскультурной памяти даже в случаях, на первый взгляд, неразрешимых конфликтов на Ближнем Востоке. Я считаю, что идеи Эдварда Саида по поводу наличия “оснований для сосуществования” в частично

совпадающих нарративах памяти евреев и палестинцев или фото/видео работы израильско-британского художника Алана Шехнера способствуют установлению солидарности между иконическими жертвами Холокоста и израильской оккупации» (Moses & Rothberg 2014: 37).

Энн Ригни указывает также на сферу эстетики, как место, где реализуется перспектива транснациональной и транскультурной памяти. В сборнике «Транснациональная память» она подробно говорит о роли искусства в «производстве новых форм связей, преодолевающих границы воображаемых сообществ» (Rigney 2014: 353) внутри и за пределами Европы. Отталкиваясь от работы Ландсберг о «протезной памяти» (Landsberg 2004), она доказывает, что креативные нарративы могут помочь установить «насыщенные» связи между группами, у которых еще нет общей культурной памяти.

Подводя итог: Будучи полностью осведомленным в гегемонистской динамике некоторых режимов памяти и о серьезных разногласиях между различными памятьями и их агентами, современные исследования памяти и травмы должны сохранить этический потенциал транснациональных и транскультурных парадигм, не соскальзывая при этом в наивное восхищение мобильностью мнемонических процессов. В условиях, когда современная геополитика находится во власти многочисленных транснациональных проблем, от терроризма до глобального финансового кризиса, климатической угрозы и нарастающего числа мигрантов и беженцев, покидающих свои страны по

политическим, социальным, экономическим и экологическим причинам, первоочередная задача состоит в ковке мнемонического сообщества, чья способность к эмпатии способна преодолевать национальные и культурные границы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

Alexander, Jeffrey C. 2002. On the Social Construction of Moral Universals: The “Holocaust” from War Crime to Trauma Drama. *European Journal of Social Theory* 5, no 1: 5–85.

Altounian, Janine, et al. 2016. The Wagers of Memories at Stake. *Memoires en jeu/ Memories at Stake*, no 1 (September).

Assmann, Aleida & Conrad, Sebastian (eds.) 2010. *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Bond, Lucy & Rapson, Jessica (eds.) 2014. *The Transcultural Turn: Interrogating Memory between and beyond Borders*. Berlin: De Gruyter.

Caruth, Cathy (ed.) 1995. Trauma and Experience. In *Trauma: Explorations in Memory*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Craps, Stef. 2013. *Postcolonial Witnessing: Trauma Out of Bounds*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Crownshaw, Rick (ed.) 2011. Transcultural Memory. *Parallax*. Special issue 17, no 4.

De Cesari, Chiara & Rigney, Ann (eds.) 2014. *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin: De Gruyter.

Felman, Shoshana and Laub, Dori. 1992. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. New York: Routledge.

Erll, Astrid. 2011. Travelling Memory. *Parallax*. Special issue 17, no 4: 4–18.

- Hartman, Geoffrey. 2002. *Scars of the Spirit: The Struggle against Inauthenticity*. New York: Palgrave. Macmillan.
- LaCapra, Dominick. 2001. *Writing History, Writing Trauma*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Landsberg, Alison. 2004. *Prosthetic memory: the transformation of American remembrance in the age of mass culture*. New York: Columbia University Press.
- Levy, Daniel & Sznajder, Natan 2006. *The Holocaust and Memory in the Global Age*. Trans. Assenka Oksiloff. Philadelphia: Temple University Press.
- Moses, A. Dirk & Rothberg, Michael. 2014. A Dialogue on the Ethics and Politics of Transcultural Memory. In Lucy Bond & Jessica Rapson (eds.) *The Transcultural Turn: Interrogating Memory between and beyond Borders*: 29–38. Berlin: De Gruyter.
- Nora, Pierre (ed.) 1984–1992. *Les lieux de memoire*. 7 vols. Paris: Gallimard.
- Radstone, Susannah 2011. What Place Is This? Transcultural Memory and the Locations of Memory Studies. *Parallax* 17, no 4: 109–123.
- Rigney, Ann 2014. Ongoing: Changing Memory and the European Project. In Chiara De Cesari & Ann Rigney (eds.) *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*: 339–359. Berlin: De Gruyter.
- Rothberg, Michael 2011. From Gaza to Warsaw: Mapping Multidirectional Memory. *Criticism* 53, no 4: 523–548. См. перевод: Ротберг, Майкл. (2019) От Газы до Варшавы: Картографирование многовекторной памяти. *Историческая экспертиза* 20, №3(20): 27–56.
- Rothberg, Michael. 2009. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford: Stanford University Press.
- Rothberg, Michael. 2013. Remembering Back: Cultural Memory, Colonial Legacies, and Postcolonial Studies. In Graham Huggan (ed.), *The Oxford Handbook of Postcolonial Studies*: 359–379. Oxford: Oxford University Press,
- Tsing, Anna. 2004. *Friction: An Ethnography of Global Connection*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

«ЛИДЕРЫ ОБЕИХ СВЕРХДЕРЖАВ ПРОЯВИЛИ В ТОЙ СИТУАЦИИ СВОИ ЛУЧШИЕ КАЧЕСТВА». К 60-ЛЕТИЮ КАРИБСКОГО КРИЗИСА. Беседа М. Ю. Прозуменщикова и А. С. Стыкалина

Карибский кризис 1962 г., связанный с размещением советских ракет на Кубе и жесткой ответной реакцией США, продолжает привлекать внимание историков. Нынешний юбилей этого события дает повод поговорить о дискуссионных проблемах, связанных с Карибским кризисом. Зам. директора РГАНИ М. Ю. Прозуменщиков и ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН А. С. Стыкалин вспоминают о ключевом историческом событии 60-летней давности, Карибском кризисе¹.

Ключевые слова: Карибский кризис 1962 г., советско-американские отношения, стратегическое оружие, угроза ядерной войны, Н. С. Хрущев, Джон Кеннеди, А. И. Микоян.

Сведения об авторах:

Прозуменщиков Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива новейшей истории.

Контактная информация: Prozumen58@yandex.ru

Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Контактная информация: zhurslav@gmail.com

“THE LEADERS OF BOTH SUPERPOWERS SHOWED THEIR BEST QUALITIES
IN THE SITUATION”. TO THE 60TH ANNIVERSARY OF THE CARIBBEAN CRISIS.
Conversation M.Yu. Prozumenshchikov and A. S. Stykalin

The Caribbean crisis of 1962, connected with the deployment of Soviet missiles in Cuba and the harsh response of the United State, continues to attract the attention of historians. The current anniversary of the event provides an opportunity to talk about the debatable problems associated with the Caribbean crisis. Deputy Director of RGANI M.Yu. Prozumenshchikov and coordinating researcher of the Institute of Slavic Studies RAS A. S. Stykalin remember the key historical event which took place 60 years ago, the Cuban Missile Crisis.

¹ В составлении вопросов для обсуждения участвовал также д.и.н. И. Н. Селиванов.

Key words: Caribbean crisis of 1962, Soviet-American relations, strategic weapons, threat of nuclear war, N. S. Khrushchev, John Kennedy, A. I. Mikoyan.

About the authors:

Prozumenshchikov Mikhail Yu. — Cand. Hist., Deputy Director, Russian State Archive of Contemporary History;

Contact information: Prozumen58@yandex.ru

Stykalin Alexander S. — Cand. Hist., Coordinating researcher, Institute of Slavic Studies, RAS;

Contact information: zhurslav@gmail.com

А. С. Михаил Юрьевич, я думаю, что это вполне символично, что именно сегодня, 21 сентября 2022 г., мы говорим о таком событии как Карибский кризис. Ведь наверно с октября 1962 г. никогда не было такой угрозы применения ядерного оружия, как та, что мы имеем сегодня.

М. П. Я думаю, что не было.

А. С. Поэтому тем более имеет смысл поговорить о Карибском кризисе, об историческом опыте 60-летней давности, причем поговорить об этом событии именно в стенах РГАНИ, архива, где хранятся важнейшие документы, раскрывающие советскую политику в условиях Карибского кризиса. Документы, по которым можно судить о том, как это всё развивалось, какие решения принимались, чтобы этот кризис преодолеть, и насколько они были адекватны и эффективны.

Итак, никакого кризиса бы не произошло, если бы не кубинская революция, завершившаяся свержением режима Батисты в начале января 1959 г. К власти пришли откровенные леваки, которые вместе с тем поначалу не были никак связаны с международным коммунистическим движением, направляемым из Москвы. При том, что на Кубе была

и своя компартия, связанная с Москвой и, насколько я помню, посылавшая своего делегата на большое совещание компартий, состоявшееся в ноябре 1957 г. Команда Фиделя Кастро к ней, однако, не имела никакого отношения. Скажу больше, она скорее была в известной мере продуктом троцкистской традиции, которая, как известно, пустила глубокие корни в Латинской Америке. Так что советское руководство отнеслось к смене власти на Кубе достаточно скептически, не связывало поначалу с Кастро и его движением больших надежд. Более того, если верить некоторым источникам, даже отказывало в помощи, когда шла подготовка свержения Батисты. Вопрос: когда в Кремле и на Старой площади впервые пришло понимание того, что установление совсем, что называется, в подбрюшье США, в 100 км от Флориды столь левацкого и при этом явно антиамериканского режима может быть использовано Советским Союзом в своих внешнеполитических целях? Что говорят об этом ваши документы?

М. П. Действительно, в Советском Союзе первоначально очень спокойно и даже скептически отнеслись к кубинской революции. И прежде всего потому, что в западном полушарии, в частности в Латинской

Америке, таких революций было довольно много — непрерывные государственные перевороты, постоянные смены правительств. К тому же к власти пришли люди, которые при всей своей левизне первоначально были довольно далеки от какой-то четко сформулированной коммунистической, социалистической идеологии. Не говоря уже о том, что сами руководители кубинской революции братья Кастро и некоторые другие...

А. С. Были выходцами из крупных латифундистов.

М. П. Совершенно верно. Вообще само это массовое движение, которое пришло к власти, было довольно разнородным, разношерстным, там были кто угодно — националисты, коммунисты разных мастей, включая троцкистов, т. е. кого там только не было. И поэтому в СССР, хотя и признали новую власть через неделю после революции и свержения Батисты, но полноценные дипломатические отношения на уровне послов установили только через год и 4 месяца, в апреле 1960 г. До этого наши только присматривались к новым кубинским лидерам, и неспроста, потому что новые кубинские власти тоже относились к нам довольно сдержанно. Ведь куда Фидель Кастро сначала поехал? В США, надеясь с ними договориться. А назначенный руководителем Национального банка Эрнесто Че Гевара, ставший потом символом кубинской революции, совершил в этом качестве турне по разным странам, не только европейским — он побывал, например, и в Японии, везде искал кредиты, пытался договориться. Заезжал он и к нам, но это было лишь одним из многих элементов его программы,

не более того. И вообще в Советском Союзе видели, что в самой Кубе происходило много непонятного. Так, в августе 1959 г. был эпизод, когда Ф. Кастро, натолкнувшись на сопротивление аграрным реформам, вообще объявил о том, что уходит в отставку. Потом он все же решил остаться. То есть положение там было очень сложным. Но главное, что кубинцы так и не смогли договориться с американцами. А американцы тоже недооценили того, что произошло на Кубе: подумаешь — переворот, таких переворотов в этих странах было много, а на позиции США это чаще всего не влияло, от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Так что и в случае с Кубой, как они надеялись, по большому счету ничего не изменится. А вот когда уже Кастро с середины 1960 года начал принимать конкретные меры по национализации американских предприятий, когда в стране начались какие-то антиамериканские акции, тут уже в Вашингтоне всерьез забеспокоились, всполошились и стали готовить контрмеры. Прежде всего США начали душить Кубу экономически, давить на нее, и тогда уже кубинцам просто ничего не оставалось делать, кроме как обращаться за помощью к альтернативной силе, а такой альтернативной силой был, конечно, только Советский Союз с его друзьями из социалистического лагеря. Другого варианта у Кастро и его команды просто не было, эти люди прекрасно понимали, что иначе их очень скоро просто задавят. Тем более, что много было разных провокаций.

А. С. Высадка вооруженного десанта на Плайя-Хирон в апреле 1961 г., попытка свержения Кастро.

М. П. Да, это было знаковое событие, но разного рода провокации случались и раньше. И вот уже где-то на рубеже 1959–1960 гг. у нас стали думать: а почему бы нам не начать помогать Кубе или, точнее, как-то использовать ее в своих интересах. В феврале 1960 г. на Кубу был послан А. И. Микоян с большой миссией. Почему у него установились с кубинцами более доверительные отношения? Отчасти потому, что он был первым из наших лидеров, кто туда поехал, он раньше других с ними познакомился. С ними был подписан тогда ряд соглашений, кубинцы попросили у нас кредит в 100 млн долларов. И тут с нашей стороны был поставлен вопрос о полноценных дипломатических отношениях. А вначале и кубинцы этого не слишком добивались. В конце концов согласились. Последней каплей стал инцидент 1960 г. — на Кубу пришел из Европы большой голландский корабль с французским оружием, которое кубинцы официально закупили. И он был взорван в кубинском порту. Погибло более 100 человек. По Кубе прошли массовые демонстрации протеста и кубинское руководство фактически тут же объявило, что это провокация ЦРУ. Гибель этого корабля «Ля Кубр» сыграла важную роль, она подтолкнула кубинцев, именно с этого момента активизируются их контакты с СССР, в том числе и в поставке вооружений — вооружение первое время мы поставляли через Чехословакию, как у нас часто практиковалось в то время со странами «третьего мира».

А. С. С Египтом в том числе.

М. П. Да, это был испытанный маршрут. Таким образом, мы начали им

оказывать экономическую помощь. Ведь Куба — бедная страна, а американцы начали ее к тому времени постоянно душить, и в том числе через Организацию американских государств (ОАГ), где был принят ряд антикубинских решений. И тогда всем стало понятно, что Куба без нашей помощи просто не выживет. Связи с нами постепенно расширялись.

А. С. А у нас был свой интерес — иметь дружественный режим совсем рядом с США, и мы пытались их в этом плане раскрутить как нашего партнера. Не в идеологическом, а в чисто прагматическом плане.

М. П. Совершенно верно. Мы понимали, что они совсем не коммунисты, но хотя бы просоветский режим почему бы не иметь в этом регионе. И даже не столько просоветский, сколько антиамериканский. Так стало постепенно развиваться по нарастающей наше с ними сотрудничество.

А. С. Поговорим теперь о том, что в те годы происходило у нас. Н. С. Хрущев сокращал численность армии, но, с другой стороны, Советский Союз переходил на более совершенные, более современные образцы вооружений. Первое испытание в СССР в августе 1957 г. межконтинентальных ракет вызвало в США переполох, такой же, как и запущенный Советским Союзом через полтора месяца после этого, 4 октября, спутник. Известный американский историк Стивен Амброс, чья биография Д. Эйзенхауэра была переведена и на русский, смачно описывает, как президенту США пришлось на пресс-конференции давать объяснения

нервничающим журналистам по поводу этого гипотетического отставания США от СССР в развитии современной техники. В Вашингтоне просто не ожидали, что у нас так быстро появятся межконтинентальные ракеты, а когда они появились, были приняты срочные меры, чтобы не допустить превосходства СССР, пойти на опережение и т. д. И вопреки фанфаронству Хрущева (дескать, мы скоро будем производить эти ракеты как «сосиски») уже к началу 1960-х годов отставание американцев в области такого рода стратегических вооружений (если о нем вообще корректно говорить) было преодолено. Более того, американцы размещают свои ракеты «Юпитер» в Турции, совсем вблизи советских границ. Давайте поговорим о реакции Москвы: сразу ли это стало обсуждаться, насколько вызвало озабоченность, какие предлагались контрмеры. В конце концов, как мы знаем, в качестве ответа на американский вызов с ракетами в Турции возникает идея разместить ракеты на Кубе. Интересно было бы изучить, когда, кому и при каких обстоятельствах впервые пришла в голову эта идея. Насколько помню, Хрущев в мемуарах пишет, что он всерьез задумался об этом при посещении Болгарии в мае 1962 г. — вопросы безопасности в черноморском регионе стали в то время предметом ряда советских мирных инициатив. Действительно, насколько можно судить по опубликованным в первом томе трехтомника «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» рабочим записям, которые вёл зав. Общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малин, вопрос о возможном размещении ракет на Кубе обсуждался на заседании Президиума ЦК 21 мая 1962 г., первом

после возвращения Хрущева из Болгарии. «О помощи Кубе. Как помочь Кубе, чтобы она удержалась» — так зафиксирован в протоколе предмет обсуждения. Но ведь любому обсуждению предшествует достаточно длительная подготовка. Наверно, Хрущев к этому времени уже был ознакомлен с разными конкретными предложениями, поступавшими в том числе от людей военных? Эти предложения могли повлиять на принятое решение.

М. П. Сразу хочу сказать, что мы пока имеем доступ не ко всем документам, касающимся Карибского кризиса. На некоторых еще стоит гриф секретности. А в связи с американскими ракетами в Турции хочу сделать маленькое уточнение. Мы впервые выступили с протестом против их размещения еще в апреле 1959 г., а параллельно высказались и по поводу размещения ракет в Италии. Мы посчитали, что они тоже могут достать до нашей территории и представляют в силу этого угрозу Советскому Союзу. Таким образом, были сделаны два довольно жестких заявления. Но потом этот вопрос на время отошел на второй план, тогда как на первый план вышли совсем другие проблемы. Хрущев, как известно, ездил в сентябре 1959 г. в США. И хотя кубинская революция произошла более чем за полгода до этого, в ходе его сентябрьских переговоров с Эйзенхауэром не было о Кубе речи вообще. Конечно, много говорили о германском вопросе, но не только. Говорили о чем угодно, например, о гражданской войне в Лаосе, но только не о Кубе. В апреле 1961 г. состоялось нападение на Плайя-Хирон. Уже шла подготовка

венской встречи Хрущева с новым американским президентом, Джоном Кеннеди, которая состоялась 3–4 июня. На этой встрече вопросы Кубы — в связи как с Плайя-Хирон, так и с советской экономической помощью Кубе — действительно поднимались. Лидеры двух держав обменялись мнениями. Хрущев сказал: вы же сами подгоняете кубинцев к коммунизму, потому что их зажали и ничего им не даете. А Кеннеди на это ответил: нам в общем не до Кубы, для нас главное — сохранить статус-кво в западном полушарии, а Куба нас беспокоит лишь постольку, поскольку может этот статус-кво нарушить. Она для нас только источник некоторой дестабилизации и всё. Что касается пребывания Хрущева в Болгарии, мы знаем о нем из его выступления там, опубликованного в «Правде» (он сосредоточился на проблемах безопасности в черноморском регионе), и из его воспоминаний. В мемуарах он пишет о том, что, приехав, сразу поднял вопрос о ракетах в Турции. Но вопрос о том, как противодействовать американцам на данном этапе и в том числе по ракетам, размещенным в Турции, наверняка обсуждался в Москве и до его поездки в Болгарию.

А. С. Конечно, были какие-то наработки.

М. П. Да, потому что, конечно, за несколько дней всё собрать и подготовить для обсуждения столь существенного вопроса было невозможно. А решение тогда было принято очень быстро. Совершенно очевидно, что в течение 1960–1961 гг. шло обсуждение этого вопроса на каком-то суперзакрытом уровне, он как-то про-

рабатывался. Может быть, это нашло отражение в «особых папках», которые всё еще хранятся в Архиве Президента РФ и недоступны. Я не знаю. Вероятно, прорабатывались разные варианты того, как отреагировать на американские ракеты в Турции. Как и в связи с германским вопросом, который тогда находился в центре внимания, предлагались различные варианты решения.

А. С. Вообще в 1961 г. в разгар Берлинского кризиса решение германского вопроса отвлекало от всего остального.

М. П. Это так. На первый план вышли сооружение Берлинской стены и прочие связанные с этим события. Но вопрос об американских ракетах в Турции никуда не исчез, надо было как-то реагировать. И очевидно, что весной 1962 г. на каком-то этапе его обсуждения всплыл и вариант с размещением советских ракет на Кубе. Кто первый предложил — сказать трудно. Но Хрущев как человек импульсивный вспомнил про Кубу и зацепился за эту идею, когда при посещении Болгарии речь зашла об американских ракетах в Турции. Он поддержал эти планы.

А. С. На заседаниях Президиума ЦК КПСС неоднократно возвращались к обсуждению этого вопроса. Судя по записям Малина, после 21 мая к нему вернулись и на следующем заседании, 24 мая. После этого на Кубу отправилась делегация во главе с первым секретарем компартии Узбекистана Ш. Рашидовым и до кубинцев донесли советское предложение, спросили: а как вы смотрите? И вот уже после согласования

с Фиделем и возвращения делегации в Москву на Президиуме ЦК принимается 10 июня принципиальное решение. Это было на том же заседании, где обсуждались волнения в Новочеркасске. Материалы по Кубе были отложены в особую папку, а краткая малинская запись отражает мнение Хрущева, поддержанного другими членами советского руководства: «идти на решение вопроса. Думаю, что мы выиграем эту операцию». В литературе можно встретить версию о том, что Микоян, который ранее, как мы уже отметили, был на Кубе еще в 1960 году, якобы возражал против размещения там советских ракет или, во всяком случае, выразил свое скептическое отношение. Но малинская запись этого не отражает.

М. П. Если и есть какие-то другие записи этого обсуждения, то они пока недоступны. Я не очень верю в то, что Микоян выступал против, потому что если бы у него была особая позиция, его наверно послали бы в конце мая на Кубу вместе с делегацией, чтобы изучил на месте ситуацию, узнал мнение кубинцев — они знали его и были бы с ним, наверно, более откровенны. Но Микоян не ездил, делегацию формально возглавлял Рашидов, хотя в ней было и несколько высокопоставленных военачальников, в том числе командовавший ракетными войсками стратегического назначения маршал С. С. Бирюзов. Именно военные по сути дела и вели переговоры. Я думаю, что Микоян скорее занял нейтральную позицию — ну согласится Кастро, значит согласится. Вообще такое впечатление, что слишком сильно давить на кубинцев не хотели, ведь не считали,

что имеют дело с идейно близкими людьми, с коммунистами. Иногда на основе воспоминаний пишут, что Кастро попросил советскую делегацию дать ему некоторое время — день или больше — на размышления и на то, чтобы обсудить в кругу кубинского руководства: а стоит ли соглашаться с советским предложением. Наверно так оно и было.

А. С. Поговорим теперь о реакции американцев. Мы, конечно, знаем об ультимативном заявлении Кеннеди от 22 октября об установлении военно-морской блокады Кубы. А что было перед этим? Они ведь узнали о тайной переправке ракет на Кубу за некоторое время до этого. Благодаря самолетам-разведчикам и может быть также проплывавшим вблизи подводным лодкам. А наши, в свою очередь, по своим разведывательным каналам могли что-то узнать о реакции американцев. Так вот: насколько мы были готовы, насколько мы просчитывали вот эту жесткую реакцию Вашингтона на происходящее? Есть ли какие-то документы (аналитические записки и т. д.), которые об этом свидетельствуют? О том, как наши следили за поведением американцев и что думали предпринимать на случай осложнений?

М. П. Судя по нашим уже открытым документам, мы совершенно не были подготовлены к столь жесткой реакции, потому что на протяжении всех тех месяцев, когда мы поставляли оружие на Кубу, Хрущев везде заявлял, что мы доставляем только оборонительное оружие и что американцы должны нам верить. И потом Кеннеди неоднократно говорил о том, что он якобы поверил (не знаем, правда

это или нет), что мы перевозим только оборонительное оружие. А ведь по советским планам должны были закончить поставки оружия к первому ноября. Т.е. всего нескольких дней не хватило до завершения перевозок. И вот после этого Хрущев хотел выступить и сказать: вы уже никуда не денетесь. Такой вот фанфаронский был подход. И когда 15 октября американцы сфотографировали и увидели, что это настоящие ракеты дальнего действия, стратегическое оружие — они хотя и всполошились, но поступили очень грамотно, они полностью закрыли всю информацию. Даже в самых ближайших к американскому правительству структурах ничего не знали. А наше посольство и наше руководство никак не были проинформированы о том, что американцы что-то узнали. Когда 18 октября Кеннеди принял А.А. Громыко, который приехал на Генассамблею ООН, и посла А.Ф. Добрынина, он и вида не подал, что что-то знает. Шла определенная игра.

А.С. Согласно некоторым свидетельствам, наша делегация в ООН, постоянный представитель В.А. Зорин были не слишком хорошо подготовлены и с нашей стороны, знали что-то о поставках на Кубу оружия только в самом общем плане. Когда началось обсуждение вопроса в ООН, надо было как-то реагировать, а информации у них было очень мало. Ведь всё осуществлялось в условиях большой секретности, и никто не рассчитывал, что тайна раскроется.

М.П. Да, так вот наша разведка в этом деле в какой-то степени прокололась, потому что она до послед-

него момента не давала в Москве информации о том, что в Америке готовится вот такая реакция. Буквально до последнего момента, когда госсекретарь Д. Раск за час до публикации заявления Кеннеди жестко вызвал к себе Добрынина к 6 часам вечера и выложил всё. В Президиуме ЦК знали, что что-то в Америке в этот день готовится — раз вызвали Добрынина, но не знали до последнего момента, по какому поводу он вызван и что конкретно произойдет. Думали, что это, возможно, в связи с германским или каким-то другим вопросом, но не в связи с ракетами. Т.е. не были подготовлены. И когда Кеннеди выступил с таким жестким заявлением, это для советского руководства было, конечно, шоком. Это показывают в какой-то мере и малинские записи от 22 октября. Никто этого не ожидал, все надеялись, что это все как-то пройдет и американцы окажутся перед фактом размещения ракет.

А.С. А вот не прошло.

М.П. Не прошло.

А.С. Поговорим о последующих событиях. Днях апогея Карибского кризиса. Ваш архив много сделал для публикации первоисточников. В чем значение малинских записей за 20-е числа октября? Насколько ценен этот источник? Насколько можно по нему судить о ходе выработки советской линии, насколько передает он остроту ситуации, озабоченность, некоторую растерянность («надо оглядеться и думать, как дальше»; «допустили мы ошибку или нет — это можно оценить позже»), готовность к компромиссу («доводить до точки

кипения не следует, не терять головы»)?) Лично мне кажется, что они неплохо передают настроения тех дней в Кремле.

М. П. Фактически это так. Чем хороши эти малинские записи при всей их неполноте? Хотя это записи неофициальные, но они показывают, как менялось настроение советского руководства. Как от первоначальной жёсткой позиции (мы никуда не уйдем, продолжаем действовать как ни в чем не бывало и т. д.) они уходят и как постепенно изо дня в день происходит какой-то шаг назад, какое-то ослабление, потому что они увидели, что американцы жестко стоят на своем, что они не отступают. Поступала информация от нашего посольства, которое в это время еще само не совсем понимало, что к чему, от наших разведывательных органов, и она свидетельствовала о том, что действительно в Америке продолжают жестко реагировать, готовы на любой шаг. И самое главное: да, конечно, и в СССР тоже были свои горячие головы, свои ястребы, но и в Америке было много высокопоставленных военных, которые хотели повоевать, показать себя, и в силу этого ситуация могла оказаться очень непредсказуемой.

А. С. Современная западная политология различает реальные кризисы холодной войны (Карибский, Берлинские) от псевдокризисов, т. е. от внутриблоковых кризисов, которые имели место в рамках одной из частей установленной по итогам Второй мировой войны биполярной системы. Хотя общественное мнение их не всегда различало, но реакция США была принципиально

различной. Всё это не означает, что так называемые «псевдокризисы» не оказывали заметного влияния на международные отношения (Венгрия 56, Чехословакия 68) и что их разрешение не было обусловлено ситуацией холодной войны. Но события в Венгрии были по большому счету внутренним делом, условно говоря, «советской империи», они не угрожали реально интересам противостоящего блока и не нарушали ялтинско-потсдамское статус-кво, хотя и вносили дополнительную напряженность. Берлинский кризис 1961 г. угрожал позициям США, но только в Европе, а Карибский был вообще беспрецедентен, поскольку угрозе подвергалась непосредственно территория США. Мне кажется, что в нашем руководстве как-то не очень задумывались, что есть принципиальная разница между двумя этими типами кризисов. Подавить восстание в Венгрии или поставить ракеты на Кубе — с точки зрения Вашингтона, интересов его безопасности это вещи несопоставимые.

М. П. Это совершенно не одно и то же, и я думаю, что Хрущев именно в тот момент, в октябре 1962 г. наконец понял, что это вещи совершенно разные. Одно дело что-то предпринимать в советском лагере или где-то на периферии, на Ближнем Востоке...

А. С. Как это было в случае с Суэцким кризисом 1956 г., например.

М. П. Да, и совсем другое дело, когда мы что-то серьезное готовим совсем рядом с Америкой, в 100 км от Флориды. Американские эксперты объясняли своему президенту, что ракеты с ядерными боеголовками, ко-

торые мы поставили на Кубу, легко достают во всяком случае до любой точки восточного побережья США и в значительной мере покрывают среднюю часть страны. Т.е. угроза военного нападения была реальной. Документы показывают, что Кеннеди не хотел доводить дело до конфликта, он был осторожен, старался не провоцировать Москву, но постоянно спрашивал своих военных: а вы уверены, что мы зафиксировали все точки советских ракет на Кубе. Существовали опасения, что угроза может быть даже еще большей, чем поначалу себе представляли — и если ударить по тем точкам, о которых знали, могли получить в ответ с тех точек, о которых вообще не имели представления.

А.С. Вокруг Карибского кризиса сложилось много мифологии, и это понятно, учитывая тем более масштаб исторического события. Вот позиция Фиделя Кастро. В мемуарах разных дипломатов и т.д. иногда можно прочитать, что Кастро, считая достоверными сведения о том, что американцы наутро 27 октября собираются бомбить советские базы на Кубе, через посла А. Алексеева предлагал Хрущёву нанести превентивный ядерный удар по США, сказав якобы, что кубинский народ готов принести себя в жертву для победы над американским империализмом. Хрущёв на это ответил, что у «товарища Фиделя Кастро» сдали нервы и что переговоры с американцами идут успешно. А какой в реальности была связь Москвы с кубинским лидером в дни апогея кризиса? В какой мере Хрущев и всё советское руководство обладали в те дни информацией о ситуации на Кубе, ожиданиях

американской агрессии и позиции Кастро, о том, что он реально может предпринять? В частности, «в черную субботу» 27 октября, когда мир был ближе всего к глобальной катастрофе. Записи Малина показывают, что вопрос о том, как на него повлиять, успокоить, тоже находился в поле зрения советских лидеров. Пытались ли как-нибудь удержать его от непродуманных поступков?

М.П. Здесь проявилась еще одна промашка нашего руководства — в том, что в самый разгар конфликта мы как-то Кубу немножко отставили в сторону. Понятно, что приоритет отдавался отношениям с США, а насчет Кубы мы думали: они будут делать то, что мы скажем. Тем более, что стратегическое оружие на Кубе находилось, конечно, только в наших руках, под нашим контролем, решения принимались не на Кубе, а в Москве, и без нашей санкции никто не мог это оружие использовать. Это всё, конечно, не могло не действовать на кубинцев, особенно когда они почувствовали, что Советский Союз начинает шаг за шагом отступать. И может быть поэтому у Кастро действительно сложилось впечатление, что сейчас вот-вот начнется война. Особой остроты ситуация достигла 27 октября, когда сбили американский самолет-разведчик и тоже было не совсем понятно, что за этим стоит. Такие самолеты-разведчики летали всё время, а тут вдруг такой самолет сбили. Такое впечатление, что кубинцы подталкивали к началу большого конфликта. Такого, где мы одна из сторон. Но вообще в этот момент Хрущеву было, грубо говоря, не до Кубы. Для него главным было договориться с американцами.

А. С. Потом Микоян ездил, успокаивал кубинцев, что мы их не бросим, но это уже позже, в ноябре, когда ситуация утратила прежнюю остроту.

М. П. Да, уже в ноябре, а в октябре Хрущев максимум что делал — посылал успокоительные письма: всё нормально, мы вопрос решаем, хотя на одном из заседаний Президиума — и это тоже нашло отражение в записях Малина — было сказано: в какой-то момент мы должны сообщить кубинцам, что выведем свои ракеты. То есть если мы принимаем какой-то компромиссный вариант, мы должны им сообщить, но, судя по всему, сообщалось им обо всем с опозданием. У меня такое ощущение, что Кастро себя немножечко переоценил, значение Кубы для Москвы, подумал, что раз они, кубинцы, предоставляют нам территорию для ракет, ставят себя под угрозу во имя торжества коммунизма или, что для него было важнее, ради достижения антиамериканских целей, значит мы будем с ними считаться. Но если говорить откровенно, нашим надо было как-то вести себя с кубинцами поаккуратнее, больше считаться с ними.

А. С. Но кстати говоря, ведь и с нашими восточноевропейскими союзниками не очень аккуратно поступили, они вообще не были информированы ни о чем и это повлияло на их последующие шаги. Особенно показательны случаи с Румынией, которая к этому времени уже начала внешнеполитически дистанцироваться от СССР, отходить от генеральной линии советского блока, а Карибский кризис только усилил это стремление. Через год, в октябре 1963 г. министр иностранных дел Румынии К.

Мэнеску по поручению своего руководства встретился в кулуарах ООН с госсекретарем США Д. Раском. Он говорил ему: мы не были информированы о размещении советских ракет на Кубе, и не можем нести за это ответственность. Он просил от имени своего руководства правительство США: если в будущем случится нечто подобное, не воспринимать Румынию как союзника СССР, а относиться к ней как к нейтральной стране. Можно ли сказать, что восточноевропейские союзники узнали о начале кризиса из газет? На каком этапе они были проинформированы Москвой? И как сказалоь это на их доверии к Москве?

М. П. Советское руководство даже собственных дипломатов не поставило в известность о размещении ракет на Кубе, а своих союзников тем более. Но с румынами особая ситуация. Им было особенно обидно, потому что в начале 20-х чисел октября Г. Георгиу-Деж и И. Г. Маурер были в Москве проездом из азиатского турне. Записей их бесед с Хрущевым (если они вообще состоялись) у нас нет, но, судя по той обиде, которая потом высказывалась румынами, им ничего не сообщили.

А. С. Такое пренебрежение, конечно, не могло остаться незамеченным. Вспоминаю предложение Я. Кадара создать комитет министров иностранных дел стран-членов СЭВ, он говорил об этом Хрущеву во время встреч в июле 1963 г. За этим стояло стремление сделать процесс принятия решений более прозрачным для союзников, и я уверен, что здесь тоже повлияло осмысление уроков Карибского кризиса. Кадар не раз го-

ворил советским партнерам, что венгры, как и другие представители советского блока, не должны узнавать о каких-либо акциях советской внешней политики, пусть даже за пределами Европы, из газет. В Польше В. Гомулка тоже жестко высказывался по поводу того, что Советский Союз предпринимает что-то серьезное без ведома союзников. Когда начались разговоры о включении Кубы в перспективе в Организацию Варшавского договора, Гомулка, затронув этот вопрос на встрече с Кадаром, заявил, что Польша будет блокировать любые такого рода попытки, ведь отношения СССР с Кубой не касаются европейской политики, тогда как задача ОВД состоит в том, чтобы отстаивать интересы соцстран в Европе. От этой идеи потом отказались. Так что все наши восточноевропейские союзники, честно говоря, несколько опешили, а можно даже сказать, были шокированы в октябре 1962 г. Наверно, это как-то могло проявиться уже в ноябре. Ведь отмечалось 45-летие октябрьской революции, в Москву приезжали делегации соцстран на самом высоком уровне. Были беседы. Интересно, затрагивалась ли тема ракет на Кубе.

М. П. Встречи были довольно официальные. В имеющихся документах нет упоминаний событий вокруг Кубы. Но есть документы, которые показывают, как реагировали в соцстранах позже. Речь в них идет как раз о том, что там были не в курсе советских планов, более того, советские дипломаты в своих донесениях были вынуждены докладывать и о том, что некоторые в Восточной Европе восприняли всё произошедшее как поражение Москвы, ее от-

ступление, удар по престижу, и это было не очень приятно.

А. С. Тот же Гомулка говорил 24 октября 1964 г. Брежневу, Косыгину и Андропову, объяснявшим ему на встрече в Беловежской пуще мотивы снятия Хрущева, что ракеты не только были размещены без консультации с союзниками, но Кеннеди добился их удаления, а в результате позиция соцстран в кубинском вопросе была ослаблена. И теперь, воспользовавшись этим, США могут предпринять новую интервенцию на Кубе и неизвестно, что можно сделать в ответ. Забегая немножко вперед, скажем о том, что, когда Хрущева снимали в октябре 1964 г., там ведь тоже соратники, конечно, припомнили ему Карибский кризис и речь шла среди прочего о том, что это была не просто авантюра, но такая авантюра, которая дала основания считать за рубежом, что Советский Союз проиграл, отступил.

М. П. А уж как китайцы радовались. Любое завершение конфликта им было на руку. Если бы уступили американцы, это дало бы основания китайцам сказать: мы же всегда говорили, что это «бумажные тигры», чего нам опасаться этих империалистов. А если отступаем мы, они скажут: вот видите, какой оппортунизм в действии, не захотели защищать свои интересы.

А. С. Получается, что от всего этого политически выиграл только Китай.

М. П. Китай сильно выиграл. Между прочим, в начале ноября в течение пяти дней в Пекине шли многочисленные демонстрации около

кубинского посольства с заявлениями о поддержке, причем под лозунгами «долой оппортунизм», «долой ревизионистов», тогда еще, как правило, без прямого упоминания СССР.

А. С. Хотя нельзя сказать, что сам Кастро под каким-нибудь китайским влиянием находился... Может быть, предлагая какие-то превентивные акции против Америки, Кастро думал: а вон Китай меня бы поддержал. Но тут мы можем только гадать.

М. П. Китайцы и кубинцы были по духу близки, я бы сказал. Революционеры. Но получить от Китая Куба ничего не могла — ни в материальном, ни в военном отношении.

А. С. Конечно. Давайте поговорим теперь о настроениях в Советском Союзе. Есть такая как бы полулегенда о том, что Хрущев в один из самых острых дней кризиса призвал соратников: давайте после заседания пойдем все вместе в Большой театр. Народ всех нас увидит и решит, что нет оснований для паники. Раз мы в театре — значит всё нормально.

М. П. Я несколько раз встречался с сыном Хрущева, с Сергеем Никитичем. И в 2010 г. он прислал нам своеобразное жизнеописание деятельности Хрущева в те годы — день изо дня, что он делал, где был. При составлении он использовал в основном газету «Правда». Да, действительно, в свое время, с чьей-то подачи, заговорили о посещении в эти дни советским руководством Большого театра. На самом деле 26-го они посетили концертный зал имени Чайковского, а 28-го — Кремлевский театр. Может быть, я ошибаюсь, но

мне представляется, что это была демонстрация не столько для советских граждан, сколько для иностранных представителей, которые лучше ориентировались в том, как реально развивались события. 28 октября к вечеру обстановка уже несколько разрядилась. А вот вечер 26-го — это канун самого опасного дня. Так что это всё действительно было. Но все-таки не сравнить настроения широкого общества у нас с настроениями на Западе. У нас ведь многое скрывалось. Да, по публикациям в прессе люди знали о конфликте, организовывались разные митинги против американского империализма, в защиту Кубы. Люди были, конечно, напуганы, но не так сильно. Они мало себе представляли реальный масштаб угрозы. А вот на Западе, где более открытое общество и больше информации, там и страх был посильнее.

А. С. И это, конечно, не могло не найти отражения в донесениях советских дипломатов из разных стран.

М. П. Западная Европа особенно испугалась. Потому что все прекрасно понимали: если начнется нападение на Кубу, Советский Союз может быть и не ответит по самой Америке, а вот по Западному Берлину точно может ответить. И соответственно война именно в Европе может начаться.

А. С. Все-таки, как мы знаем, по вопросу о ракетах на Кубе как-то удалось договориться, острота спала к концу октября. Давайте поговорим об опыте осмысления Карибского кризиса, как он повлиял на развитие механизмов диалога между лидерами двух сверхдержав. Что нужно сде-

лать, чтобы больше не повторялись такие инциденты. Правда ли, что именно после Карибского кризиса была налажена прямая телефонная связь между Кремлем и Белым домом? Или это было позже?

М. П. Насчет прямой телефонной связи у нас есть очень интересный документ, относящийся к маю 1962 г. — как раз к тем дням, когда это всё затевалось. Один американский журналист, который был всё время в пуле журналистов, близких Белому дому, обратился с письмом к Хрущеву, в котором прямо спросил: собираетесь ли устанавливать прямую связь между правительствами двух стран. Советский Союз отреагировал так: когда будет время — мы к этому вопросу вернемся. Информация шла очень медленно, и чтобы спасти положение, не допустить еще большей остроты, Хрущев 28 октября обратился напрямую по радио к американцам, когда обещал вывести ракеты. Но только летом 1963 г. удалось установить прямую связь между Москвой и Вашингтоном, и то она была не совсем прямая. Только уже к концу 1970-х годов налаживается связь через спутник, более ускоренная.

А. С. Технические возможности к этому времени улучшились.

М. П. Да, но вообще Карибский кризис, конечно, сыграл свою роль, потому что стало понятно, что может возникнуть ситуация, когда нужно очень срочно передать информацию.

А. С. Потом принимаются некоторые меры для стабилизации отношений с США, здесь опять-таки надо вспомнить о ноябрьской поездке

Микояна за океан, когда он посетил и США, и Кубу, выступил своего рода посредником, уговаривая каждую из сторон пойти на компромисс. К сожалению, нам не хватало достоверных источников, позволяющих в достаточной мере реконструировать содержание его бесед. Опираемся нередко на мемуарные свидетельства. Да, есть книга Серго Микояна «Анатомия Карибского кризиса». Он ездил вместе с отцом, присутствовал на некоторых переговорах и мог потом выступать и как исследователь, и как мемуарист. Не отрицаю научной значимости книги, как, разумеется, и монографии А. Фурсенко и Т. Нафтали «Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г.», но вопросы всё равно остаются. Поскольку тема не закрыта, сохраняется и потребность введения в оборот новых источников. Есть в поле Вашего зрения какие-то новые рассекреченные источники?

М. П. Сейчас собираемся обнародовать новые источники, сначала на готовящейся выставке к 60-летию Карибского кризиса. Это не только записи переговоров, но прежде всего донесения, которые Микоян в ходе поездки постоянно отправлял в Москву. Помимо Микояна, посетившего Кубу, в США был послан первый зам. министра иностранных дел В. В. Кузнецов, чтобы он действовал через ООН вместе с нашим посольством. У Микояна были очень напряженные переговоры на Кубе — его задачей было убедить кубинцев.

А. С. Кубинцы страшно были обижены, что у них отобрали этот поначалу обещанный (и предложенный самой Москвой) «ядерный щит». Одна

сведущая коллега мне рассказывала, что в гаванских газетах, контролируемых правительством, публиковались в те недели карикатуры, где изображалось, как американцы проверяют, есть ли оружие на советских судах. И надпись: «советский стриптиз». Так что в Гаване царила в то время очень враждебная обстановка по отношению к Советам, сильно подставившим Кубу.

М. П. Можно себе представить. Это правда, что кубинцы, обиженные после всего произошедшего, продолжали ставить нам палки в колеса. Мы уже вроде наладили отношения с Кеннеди (и даже предварительно договорились о выводе американских ракет из Турции), а они опять объявляют о том, что будут сбивать все самолеты, которые пролетают мимо. Микоян проявил в это время фантастическую верность порученному делу. Вот он прилетел на Кубу, а у него буквально через два дня в Москве умерла жена. Сын Серго, который был с ним, полетел в Москву, а он остался вести переговоры, не мог бросить.

А. С. Мы опубликовали в начале 2019 г. в ИЭ запись беседы с внуком, Стасом Наминым, где вспоминаем и эту семейную историю...

М. П. Он до конца довел это дело. Во многом благодаря этим миссиям (Микояна и Кузнецова) удалось и американцев дожать, они хотя и не официально, но всё же обещали из Турции убрать ракеты. И действительно со временем убрали. Это был реально последний для Хрущева шанс хоть как-то сохранить лицо. И кроме того, из Кеннеди выбили обещание не нападать на Кубу.

А. С. Публикация этих новых источников, отражающих миссии Микояна и Кузнецова, была бы очень важна.

М. П. Мы надеемся. Для начала хотим провести юбилейную выставку в музее Вооруженных сил. К ней будет сделан каталог.

А. С. И так, принимались разные меры, чтобы Кастро успокоить. Пригласили в СССР в 1963 г., он провел у нас полтора месяца, с конца апреля до середины июня, поехал по стране, где его везде с почетом принимали, проводили митинги советско-кубинской дружбы. Потом Хрущев пригласил его приехать еще через полгода, чтобы он увидел Москву зимой, и он приезжал в начале 1964 г. снова. Но главное, ему ведь что-то было всерьез обещано в экономическом плане?

М. П. Да, конечно, Советский Союз пытался всячески успокоить Кастро. В ходе переговоров Хрущев говорил ему: мы держались за Кубу не для того, чтобы она помогала соцлагерю, мы на самом деле защищали Кубу. И вывели войска потому, что не хотели, чтобы на Кубу обрушились американские ракеты. Это к вопросу о том, кто кому больше должен. Кастро в конце концов согласился (хотя бы на словах) с тем, что мы всё в интересах Кубы сделали. Ну и конечно же, большая помощь оказывалась Кубе потом — и экономическая, и военная. Посылали массу студентов учиться в Советский Союз. Т.е. помощь шла по всем линиям. Приезжали наши специалисты в разных областях. Мы сделали всё, что можно, и, конечно, Куба держалась только благодаря нам.

А. С. А материалы встреч, переговоров мая 1963 г. сохранились?

М. П. Записей переговоров, видимо, не было. Беседы были настолько неофициальными, что записи, возможно, и не велись. Пресса постоянно публиковала информацию о том, куда товарищ Кастро ездил, где выступал и что говорил. Хрущев на Президиуме ЦК кратко рассказал о своих беседах с Кастро. Во время этой поездки кубинскому лидеру присвоили и звание Героя Советского Союза, как мы знаем.

А. С. Для нас это была характерная практика при Хрущеве. И Насеру дали. Перестарались. Такой еще вопрос: а как у нас потом осмысляла уроки Карибского кризиса независимая общественная мысль (диссиденты, А. Д. Сахаров и т. д.)? Что говорят об этом ваши документы? Насколько повлиял этот опыт на выработку новых идей? Может быть, это давало кому-то повод и дополнительные аргументы для критики нашей внешней политики в связи с угрозой войны?

М. П. Я думаю, что Карибский кризис произошел немножко рано, развитое диссидентское движение со своей идеологией у нас сформировалось скорее к концу 1960-х годов. А кроме того, их больше интересовала правозащитная тематика. Но вскоре после Карибского кризиса, в декабре 1962 г., состоялась эта знаменитая художественная выставка в МОСХ, где Хрущев обрушился на художников за формализм и безыдейность. Дискуссии, какое-то обсуждение, споры, ругань, обиды.

А. С. Но они, по-моему, не очень-то вспоминали Карибский кризис.

М. П. Конечно, даже не упоминали. Это всё находилось совсем в другой сфере — идеологии, культурной политики и т. д. Мы говорили о том, что на Западе проводят различия между внутрисистемными (имея в виду социалистическую систему) и глобальными кризисами. Так вот когда происходили кризисы внутри социалистической системы, в социалистических странах (Венгрия, Чехословакия), всё, что с ними связано, как правило, даже больше обсуждалось в среде нашей интеллигенции, поскольку было неотделимо от проблем идейного плюрализма, свободы творчества и т. д.

А. С. А кроме того, в 1962 г. советская интеллигенция может быть даже недооценивала остроту ситуации. Ведь не хватало информации.

М. П. Да, это так.

А. С. Мы упомянули уже, что при отстранении Хрущева соратники припомнили ему Карибский кризис. Но все-таки этот аргумент в пользу его снятия был одним из многих и вряд ли в числе основных.

М. П. Конечно, там всё сложили и вспомнили среди многого прочего про ракеты на Кубе — ах, ты еще и здесь наломал дров! Но ведь они же все участвовали в этих заседаниях, и никто не возражал. Невозможно было свалить всё только на него.

А. С. Конечно, это был наиболее острый кризис, когда возникла реальная угроза ядерной войны, но не единственный. Можно вспомнить осень 1983 г., неприятный инцидент после сбитого корейского самолета. Есть у вас какие-то документы?

М. П. Практически только единичные документы. Они касаются того, как мы должны были проводить пресс-конференцию после этого сбитого «Боинга». Там ситуация обострилась еще с весны, когда американцы стали поставлять свои «Першинги» в Европу. Р. Рейган назвал тогда СССР «империей зла». И сбитый «Боинг», конечно, сильно осложнил ситуацию. Но опять же наш главный прокол заключался в чем? В том, что не сразу признались. Сбили мы его в ночь на 1 сентября, а пресс-конференцию провели только 9 сентября. А до этого говорили о том, что самолет куда-то не туда улетел, упал в нейтральных водах и т.д. И о том, что это был не гражданский самолет, а военный, и прочее. Но в любом случае, даже если судить по тем обрывочным документам, которые у нас имеются, это все-таки была провокация. Причем с гражданскими лицами на борту. Вот мы случайно обнаружили один документ 1984 г., который вроде бы не имеет к этому отношения. Южная Корея очень хотела, чтобы мы приняли участие в Олимпиаде 1988 г. в Сеуле (Олимпиаду 1984 г. в Лос-Анджелесе мы, как известно, бойкотировали). А дипломатических отношений у нас с ними не было. И вот на таких неофициальных переговорах доверенное лицо президента Южной Кореи сказал нашим представителям: если вы примете участие в Олимпиаде, то будет забыт инцидент с самолетом, тем более, что, как уверено южнокорейское правительство, вина за это лежит не только на Советском Союзе, но и на другой стране.

А. С. Вот так вот. Лучше не скажешь. А иностранные ученые (американ-

ские, европейские) проявляют интерес к вашим документам по Карибскому кризису?

М. П. Я бы сказал, что в последнее десятилетие этот интерес как-то ослаб. К 50-летию, которое прошло в 2012 г., готовились новые публикации, к нам приезжали иностранные ученые, но после того, как тот юбилей прошёл, всё как-то заглохло.

А. С. Да, я думаю, что сейчас уже исследователей всё больше интересуют события XXI века. XX век становится уже более отдаленной от нас историей. Вопрос чисто прагматический. Архив национальной безопасности США на своем сайте размещает десятки сканированных документов, полученных от частных владельцев, свидетелей и участников событий (включая С.А. Микояна), и прочее. Там можно, насколько я знаю, увидеть и дубликаты некоторых ваших документов без указания архивных шифров. В какой мере можно историкам пользоваться этим сайтом, как можно на него ссылаться, цитировать, когда имеешь дело с документами, которые есть и у вас?

М. П. Когда документы публикуются без каких-то поисковых данных, это, конечно, вызывает вопросы: каким образом они попали туда и насколько они идентичны, а такая опасность есть. Так что ссылаться на них можно, мягко говоря, аккуратно, сами знаете.

А. С. Завершая наш разговор, Михаил Юрьевич, можно наверно констатировать, что в октябре 1962 г. мир был реально близок к ядерной катастрофе. И все-таки смогли избежать

худшего. Видимо, лидеры обоих государств в той ситуации проявили какие-то свои позитивные качества. С одной стороны, самообладание, умение держать себя в руках, не горячиться, а с другой стороны, способность пойти на компромисс, спокойно, трезво посмотрев на происходящее. Иными словами, проявили способность договариваться. Наши сегодняшние политики наверно должны извлечь какие-то уроки из Карибского кризиса?

М. П. Да, мы им можем только пожелать, чтобы они учитывали исторический опыт, потому что у нас, к сожалению, исторический опыт очень часто не учитывается. Эмоции преобладают.

А. С. А кроме того, исторический опыт зачастую односторонне интерпретируют, берут только то, что соответствует каким-то сложившимся представлениям.

М. П. Мне кажется, что у наших руководителей должны быть хорошие, грамотные советники, которые говорили бы им о том, что действительно есть, а не то, что хотят от них услышать.

А. С. Вокруг Хрущева были хорошие советники.

М. П. Да, они были и по линии МИДа, и в аппарате ЦК, и среди военных. А что касается военачальников, то многие эксперты, оценивая военную составляющую тех событий, потом отмечали, что в военном отношении всё было проведено на очень высоком уровне.

А. С. Как, кстати говоря, в военном плане и при вводе войск в Чехословакию в августе 1968 г. Тогда ведь сильно прокололись в политическом плане, не сумев сформировать альтернативное правительство. Военные же сработали очень чётко.

М. П. Да, но при этом нельзя также забывать: Чехословакия рядом, а где эта Куба? Здесь можно отметить вот еще какой момент. Хрущев после встречи с Кеннеди в июне 1961 г. его недооценил: мальчишка, слабак.

А. С. А в реальности получилось так, что он не слабее Эйзенхауэра, Карибский кризис это показал. И это было тоже неожиданно для Хрущева.

М. П. Не слабее, и Хрущев это, кажется, понял. А то, что сделали Микоян и Кузнецов на Кубе и в США, тоже следует высоко оценить — они провели колоссальную работу. Они понимали, осознавали, как надо действовать. И это принесло свои плоды.

М. Ю. Андрейчева

НЕБЕСНАЯ И ЗЕМНАЯ СЛАВЫ СУВОРОВА

В конце мая 2022 года в средствах массовой информации появилась информация о том, что ряд общественных организаций и лично министр обороны РФ С. К. Шойгу обратились к главе РПЦ, патриарху Кириллу, с просьбой о причислении к лику святых знаменитого русского полководца А. В. Суворова. В статье рассматриваются основания для канонизации, принятые в РПЦ, затруднения для причисления к лику святых, которые могут возникнуть при рассмотрении биографии А. В. Суворова, а также почему церковное прославление великого полководца в современном историческом контексте будет воспринято как очередной политический акт. **Ключевые слова:** канонизация, Русская Православная Церковь, Александр Васильевич Суворов, Федор Федорович Ушаков

Сведения об авторе: Марианна Юрьевна Андрейчева, к.и.н., ученый секретарь Государственной публичной исторической библиотеки России, научный сотрудник Центра источниковедения истории России ИРИ РАН

Контактная информация: anuta.andr@gmail.com

M. Y. Marianna

HEAVENLY AND EARTHLY GLORY OF SUVOROV

At the end of May 2022, an information appeared in some Russian media that a number of public organizations and personally the Minister of Defense of the Russian Federation S. K. Shoigu turned to the head of the Russian Orthodox Church, Patriarch Kirill, with a request to canonize the famous Russian commander A. V. Suvorov. The article discusses the grounds for canonization accepted in the Russian Orthodox Church, the difficulties for canonization that may arise when considering the biography of A. V. Suvorov, and also the reasons, why the church glorification of the great commander will be perceived as a pure political act in the current political context.

Keywords: canonization, Russian Orthodox Church, Alexander Vasilyevich Suvorov, Fedor Fedorovich Ushakov

About the author: Andreycheva Marianna — PhD in history, academic secretary of The State Public Historical Library of Russia, researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Contact information: anuta.andr@gmail.com

Согласно правилам канонизации, принятым в Русской Православной Церкви, причисление к лику святых возможно для христиан, достигших в своей жизни христианского совершенства, сыгравших значительную роль в жизни Церкви и удостоившихся через это особенной Божией благодати.

Именно с этого ракурса должна рассматриваться личность Александра Васильевича Суворова в случае, если РПЦ начнет отрабатывать запрос на его канонизацию, поступивший, согласно сообщениям некоторых СМИ, со стороны ряда общественных организаций и лично министра обороны РФ С. К. Шойгу.

Как правило, сторонники причисления Суворова к лику святых обращаются к прецеденту канонизации Федора Ушакова. Но в случае почитания последнего основными аргументами в пользу его включения в святцы стала праведная христианская жизнь адмирала: приверженность православию, дела милосердия в пользу бедных и Церкви, безбрачие и безупречная репутация, пострижение в иночество.

Тем не менее необходимо понимать, что для обывателя и Ушаков, и Суворов — это в первую очередь гениальные полководцы, не проигрывавшие битв. Однако для Церкви их

профессиональные поприще и качества как раз могут быть камнем преткновения, поскольку деятельность обоих военачальников была связана с ответственностью за пролитие людской крови. Как они воспринимали эту ответственность? Осознавали ли нелегкое моральное бремя своего ремесла? Ведь безупречных с точки зрения морали войн не бывает. А в случае с Суворовым большая часть его военных походов никак не были связаны ни с защитой русских рубежей, ни с защитой православия.

Проблема в том, что призывающие к канонизации Суворова обращают внимание прежде всего на его славу блестящего полководца. Но Церковь не может канонизировать человека, исходя из критериев его успешности и ответственности выполнения им своего профессионального долга. В таком случае почему бы не прославить гениального врача Н. И. Пирогова, который был верным сыном Церкви, а также многих других христиан — самоотверженных профессионалов своего дела?

В нынешнем историческом (милитаристическом) контексте актуализация вопроса о прославлении Александра Васильевича в лике святых может привести к тому, что факт его блестящей военной карьеры в глазах общественности возобладает над фактами его христианской

биографии. И если Церковь пойдет навстречу тем, кто призывает здесь и сейчас прославить Суворова, то, безусловно, это будет воспринято как сиюминутный политический акт, даже если исследование биографии Суворова как христианина будет осуществлено предельно тщательно и объективно, а обнаруженные факты действительно покажут нам необходимость его канонизации.

В истории РПЦ уже бывали случаи политически окрашенных канонизаций: например, причисление к лику святых царевича Димитрия Угличского. Именно по этой причине, кстати, внутри Церкви есть верующие, которые с сомнением относятся к почитанию отрока-страдальца.

Вообще Церковь как христианское сообщество обладает достаточной внутренней свободой, то есть епископат может кого-то прославить в сонме святых, но навязать свою волю всем верующим не может, поскольку почитание святых на личном уровне — все же дело добровольное и индивидуальное. Но даже с учетом этого факта прославление великого полководца в тот момент, когда

в церквях молятся за мир в Украине, может вызвать обоснованное недоумение у части паствы самой РПЦ и уж точно будет осуждено многими внешними наблюдателями.

Не стоит забывать, что Церковь — это явление, существующее в земном и небесном измерениях. Прославление любого ее святого всегда начинается с прославления небесного. В земном измерении это небесное прославление выражается в документально зафиксированных чудотворениях, иногда — в нетленности останков, и только лишь потом, как отклик на это — во всенародном почитании. Канонизация в идеале — это принятие Божественной воли Церковью земной. В случае же с Суворовым Церковь должна будет не только изучить христианскую сторону жизни полководца, но и задаться справедливым вопросом: «А есть ли свидетельства, говорящие о его небесном прославлении?» В противном случае Церковь земная рискует навязать свою волю Церкви Небесной. И не лучше ли будет Суворову в этом случае остаться лишь при своей мирской славе — великого полководца?

М. В. Батшев

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН КАК ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ОБ УВИДЕННОМ В ГЕРМАНИИ

В эпоху наполеоновских войн во время заграничных походов русской армии представители наиболее образованной части русского общества имели возможность увидеть своими глазами многие земли Центральной и Западной Европы, что нашло отражение как в путевых записках, относящихся к той же эпохе, так и в позднейших мемуарах. В центре внимания статьи находится запечатленный в путевых записках образ германских земель, складывающийся в коллективной памяти в некое единое целое.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, германские земли, заграничный поход русской армии в 1813–1814 гг., путевые записки как исторический источник, образ Германии в российской исторической памяти.

Сведения об авторе: Батшев Максим Владимирович, научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

Контактная информация: bmv@list.ru

M. V. Batshev

TRAVEL NOTES OF THE ERA OF THE NAPOLEONIC WARS AS SOURCES FOR THE FORMATION OF COLLECTIVE MEMORY OF WHAT THEY SAW IN GERMANY

In the era of Napoleonic Wars, during the foreign campaigns of the Russian army, representatives of the most educated part of Russian society had the opportunity to see with their own eyes many lands of Central and Western Europe, which was reflected both in travel notes related to the same era and in later memoirs. The focus of the article is the image of the German lands captured in travel notes, which is formed in the collective memory into a kind of single whole.

Key words: Napoleonic Wars, German lands, foreign campaign of the Russian army in 1813–1814, travel notes as a historical source, the image of Germany in Russian historical memory.

About the author: Batshev Maxim V., researcher of the D.S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow)

Contact information: bmv@list.ru

Военные кампании эпохи Наполеоновских войн познакомили российское общество с разными европейскими странами. Наиболее важными из них, по их влиянию на формирование общественных представлений и коллективной памяти, были две: Франция и Германия. Известно, что в ту эпоху до создания единого немецкого государства было ещё далеко и на территории современной Германии существовал целый конгломерат различных государств, но тем не менее понимание того, что перед ними предстает некое единое пространство, пусть и разделённое государственными границами, присутствует у многих авторов.

Это понимание формировалось во время военных кампаний 1805–1807 и 1813–1815 годов, когда русские путешественники вплотную соприкоснулись с немецкой культурой и различными проявлениями повседневной жизни разных германских государств. На многих из них увиденное оказало сильное влияние и побудило к ведению путевых дневников или журналов, которые в дальнейшем, после окончания военных действий, были преобразованы в записки или воспоминания, содержавшие значительные пласты информации о том, что видели в Германии.

Необходимость сохранить в памяти увиденное во время Заграничных

походов подтолкнуло их участников к созданию целых хранилищ своих воспоминаний — документальных текстов о проделанных путешествиях, составляющих некое единое целое. Ведь, как пишет крупнейшая исследовательница памяти А. Ассман, «воспоминания существуют не изолированно, они взаимосвязаны с воспоминаниями других людей. Структуре воспоминаний свойственны взаимоналожения, взаимные подхваты, а потому воспоминания подтверждают и упрочивают друг друга. Благодаря этому они приобретают не только согласованность и достоверность, но и объединяющую силу, способную формировать сообщества» (Ассман 2018: 21).

К сожалению, в нашем распоряжении нет опубликованных документальных комплексов, содержащих как дневники и письма, так и воспоминания, созданные одним и тем же автором, которые позволили бы нам напрямую проследить изменение в памяти одного человека событий, зафиксированных сначала в текущих, а затем в ретроспективных источниках.

Общим при создании разных видов источников личного происхождения является то, что все они возникают в процессе речевой коммуникации с другими людьми¹. Формируясь

¹ На это обращает внимание в своих известных работах французский социолог М. Хальбвакс.

и закрепляясь в ходе общения, все документы личного происхождения об увиденном (в том числе в Германии эпохи Наполеоновских войн), независимо от времени их создания, становятся фактами коллективной памяти российского общества. Условиями возникновения такой памяти А. Ассман считает: «Пространственную близость, регулярную интерактивность, сходный образ жизни и совместные воспоминания» (Ассман 2018: 22).

Среди массива путевых записок и писем, созданных в период Наполеоновских войн, выделяется определенное количество текстов, наиболее информационно насыщенных и богатых эмоциональными оценками и когнитивным осмыслением увиденного в Германии. Это прежде всего «Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки, «Походные записки русского офицера» И.И. Лажечникова, «Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов» А.Н. Раевского, «Походные записки артиллериста» И.Т. Радожицкого, «Журналы 1813 и 1814 годов» А.И. Михайловского-Данилевского, письма генерала Н.Н. Раевского, письма А.Н. Муравьева.

Письма военных путешественников эпохи Наполеоновских войн имеют общие черты с письмами русских военных, относящимися к середине XVIII века — эпохе Семилетней войны. Публикатор уникального собрания писем русских военных, написанных после битвы при Цорндорфе, Д.А. Сдвижков выделяет следующие их характерные черты: «Наряду с вводной и финальной частью письма, часть основная тоже стро-

ится по определённому шаблону. Помимо обязательной даты и места написания (обычно в конце письма) в начало нередко ставится порядковый номер, упоминается о получении “вашего номера такого-то” или идёт ориентирование в порядке корреспонденции (“это моё такое-то письмо, ваши пришли тогда-то”)» (Сдвижков 2019: 28). Сдвижков также выделяет следующие типичные части писем: «информативную», «поручительную» и «заключительную». В последней части «передаются поклоны родственникам, друзьям и благодетелям» (Сдвижков 2019: 28). В информативной части писем интересующего нас периода можно встретить первые непосредственные реакции и свидетельства на увиденное и услышанное автором писем. Это является главным достоинством данного вида источников.

Обратившись к эго-документам, созданным русскими путешественниками по германским землям в эпоху Наполеоновских войн, мы получим определенный срез памяти. Он и станет предметом рассмотрения в данной работе. Понимая, что полученный в результате массив информации будет весьма значительным, мы сделаем главный акцент на одной теме — речь идет о повседневных условиях жизни местных жителей, как их увидели и зафиксировали русские путешественники того времени.

Рассмотрим историографию обозначенной нами проблемы. Первым историком, обратившимся к путевым запискам как к источнику информации, был, как это ни парадоксально, один из авторов путевых записок, первый официальный историограф

Отечественной войны 1812 года А.И. Михайловский-Данилевский. В предисловии к собственным «Запискам» о войне 1813 года он упоминает своих предшественников: «Несколько “Записок” наших соотечественников, более или менее красноречивых, которые говорят о своих собственных приключениях, мыслях и чувствованиях, и сообщают анекдоты о генералах и отрядах, при которых они служили» (*Михайловский-Данилевский* 1834: VI). Надо сказать, что большинство исследователей, и в первую очередь сам Михайловский-Данилевский, использовали путевые записки и дневники в качестве источников по истории маршей военных частей, в которых служили их авторы, а также различных боёв и сражений, в которых они принимали участие. Зафиксированные во многих эго-документах события мирной жизни мало интересовали исследователей.

Автор наиболее обстоятельной работы о русской мемуаристике эпохи Наполеоновских войн А.Г. Тартаковский насчитал 293 опубликованных документальных памятника, созданных участниками военных кампаний 1812–1815 годов (*Тартаковский* 1980: 265–266). Большинство из учтённых Тартаковским источников относится к событиям Отечественной войны 1812 года. Им в гораздо меньшей степени учтены дневники и мемуары о событиях военных кампаний с участием русской армии 1805–1807 годов. Автор ставшего уже классическим исследования по теме ограничивается общим обзором и систематизацией имеющихся источников по теме и в силу обширности привлеченного мате-

риала он не имел возможности углубиться в информационный потенциал конкретных памятников.

Произведения о путешествиях довольно трудно поддаются классификации. Это, в частности, отмечает один из ведущих современных исследователей темы, говоря, что литература путешествий «с трудом поддаётся определению, представляя пёстрое разнообразие форм, тем и установок» (*Шенле* 2004: 10). В данной статье в соответствии с устойчивой традицией источники, повествующие о путешествиях, делятся на две части: текущие (путевые дневники, журналы и письма) и ретроспективные (записки и воспоминания).

Интерес к изучению путевых записок в последние годы заметно усилился. Остановимся на наиболее значимых работах, посвященных путевым запискам о германских землях, принадлежащим русским военным эпохи Наполеоновских войн.

Одним из первых исследователей, поставивших проблему использования источников личного происхождения (эго-документов) для воссоздания картины восприятия автором увиденного, не связанного непосредственно с ходом военных действий, была С.В. Оболенская. В своей статье «Германия глазами русских военных путешественников 1813 года» (*Оболенская* 1994: 70–85) она показала возможности использования путевых записок для реконструкции представлений путешественников обо всём увиденном в Германии.

Эго-документы русских военных эпохи Заграничных походов активно

изучает Н. Н. Аурова. В статье «Русские офицеры — участники заграничных походов 1813–1814 годов» (Аурова 2012: 77–86) она обращается к путевым дневникам двух офицеров — А. В. Чичерина и А. Д. Черткова. О дневнике последнего она пишет: «Очень подробно отображена повседневная жизнь русского офицера в походных условиях» (Аурова 2012: 80), и с этим её наблюдением вполне можно согласиться. Не углубляясь во многие детали, Аурова на основании путевых дневников набрасывает общую, лишённую особых подробностей картину увиденного русскими офицерами в Германии. Представляет интерес небольшая статья Гоперхоевой (Гоперхоева 2019: 29–34). В статье рассматривается одно из самых значительных произведений эпохи Наполеоновских войн в жанре путевых записок: «Письма русского офицера» Фёдора Николаевича Глинки. Автор статьи вводит термин «военный травелог», который представляется удачным.

Эпистолярное наследие другого офицера, участника Заграничных походов, будущего декабриста Н. М. Муравьева изучается в статье А. А. Журавской (Журавская 2020: 127–133). В силу того, что статья посвящена изучению всего эпистолярного наследия декабриста, то его письмам периода Заграничных походов уделено не так много внимания. Автор анализирует сообщаемые в письмах Муравьева впечатления от дорог, триумфальных арок, подробности обменных курсов.

Очень близко к интересующему нас вопросу также подходит исследователь из Пензы С. В. Белоусов в статье

«Обычаи и нравы населения Германских государств в дневниках и мемуарах офицеров русской армии — участников Заграничных походов 1813–1814 гг.» (Белоусов 2014: 107–115). В своей статье он показывает возможности этого вида источников, но не использует их в полной мере.

Общий момент, который мы встречаем у разных авторов — самоназвание «военные путешественники», которое позволяет в некотором роде дистанцироваться от ужасов войны и до определенной степени представить себя хотя бы в текстах в обстановке мира. Ф. Н. Глинка в своих «Письмах русского офицера» пытается соединить в некое единое целое традиционные интересы путешественников и специфические занятия людей военных: «Путешественники отыскивают следы древних зданий и городов. Умный и чувствительный Мориц искал в Италии места жилищ Горация, Цицерона и Вергилия, а мы отыскиваем места, где лилась кровь» (Глинка 1990: 191). В дальнейшем он продолжает эту мысль, описывая местность между городами Иеной и Эрфурт: «Свободный путешественник в каждом из этих городов прожил бы, конечно, по несколько дней. От него можно требовать описаний, от нас нет» (Глинка 1990: 298).

Похожее стремление воспользоваться представившимся случаем посмотреть страну находим в одном из писем генерала Николай Николаевича Раевского к супруге Софье Алексеевне: «Главная квартира завтра перемещается в Дрезден. Прибыв туда, я попрошусь съездить посмотреть Берлин; моё желание, добрый друг — путешествовать. Сейчас

не сражаются, продвигаются без боя, я хочу использовать это, так сказать мирное время, чтобы взглянуть на страну» (*Раевский* Н. Н. 1992: 237).

Поход в Германию воспринимает как путешествие и автор дневника А. В. Чичерин: «Вчера утром проехал я Штейнау, Любек и Гейнау и к шести часам вечера уже был в Бунцлау. Невозможно путешествовать удобнее. Где бы я не остановился, местные чиновники бегут мне навстречу и готовы служить, как самые покорные лакеи» (*Чичерин* 1966: 176).

Другим общим моментом, который позволяет объединить авторов записок в одну группу, является влияние на них Николая Михайловича Карамзина и его «Писем русского путешественника». Перекинувшаяся благодаря ему в Россию мода на путевые записки заставляла ему подражать. В названиях двух текстов уже видны параллели с самим названием травелога Карамзина: у Глинки — «Письма русского офицера», а у Лажечникова «Походные записки русского офицера». Более того, путешественники перенимали поведенческую практику Карамзина, зафиксированную в «Письмах русского путешественника». Так, в один из дней своего путешествия Карамзин решает попробовать гохгеймское вино. Эта дегустация сопровождается определёнными действиями: «Я потребовал у трактирщика бутылку гохгеймского вина, и притом самого старого, какое только есть у него в погребе. Надобно знать, что гохгеймское считается самым лучшим из всех рейнских вин» (*Карамзин* 1984: 91). «В самом деле, вино было очень хорошо и равно приятно для вкуса и обоняния.

Мысль, что пью рейнвейн на берегу Рейна, веселила меня, как ребёнка. Я наливал, пенил, любовался светлостью вина, потчевал сидевших подле меня и был доволен, как царь. Скоро бутылка опорожнилась» (*Карамзин* 1984: 91). Аналогичное свидетельство о гохгеймских винах встречается в «Походных записках русского офицера»: «Я потребовал у богатого хозяина моего бутылку десятилетнего Гохгейма» (*Лажечников* 1836: 269). «Гохгеймское вино почитается лучшим из всех белых вин, производимых богатыми виноградниками берегов Рейна. Его не иначе пьют в Германии, как из рюмок среднего разбора, темнейшего зелёного стекла» (*Лажечников* 1836: 269).

Несмотря на общее представление о Германии, как о стране, поработанной Наполеоном, в сознании военных путешественников разные немецкие государства имели определённые отличия друг от друга. При этом мелкие германские государства не достаиваются у путешественников подробных описаний отличий между ними. Русский путешественник описывает прежде всего Пруссию, Саксонию, Баварию, Вюртемберг. Некоторое исключение путешественники делали для герцогства Веймарского, правительницей которого была сестра императора Александра I, великая княгиня Мария Павловна.

Сравнение германских государств с различными российскими регионами было популярно у путешественников. Так, Глинка описывает переезд из одного немецкого государства в другое как совершенно незаметный, проводя следующую парал-

лель: «Здесь переезжаешь из княжества в княжество, как у нас из уезда в уезд» (Глинка 1990: 298). Радожицкий оперирует более масштабными административными единицами. Королевство Вюртемберг, увиденное им в 1814 году на обратном пути из Франции в Россию, он сравнивает с российской губернией.

Сравнивали не только размеры территории, но и погодные капризы. Ими были встречены вступившие весной 1813 года в Саксонию части русских войск. Некоторые из путешественников сравнивали это с погодой, привычной им по России. Павел Пущин записал в дневнике: «Выступили в 5 часов утра. Было очень холодно и шел снег, совсем как в России» (Пущин 1987: 97). Про снег, внезапно выпавший, упоминает и Радожицкий (Радожицкий 2018: 195).

Саксонию сравнивают с увиденным до этого в Пруссии: «Тут также виден везде порядок и хозяйственное устройство, а жители живут ещё опрятнее пруссаков» (Походные записки 1912: 18). Саксонию с Пруссией сравнивает и Радожицкий: «Уже в первом местечке Бальдау заметно было, что саксонцы жили просторнее, изобильнее и лучше пруссаков; дома их были четырёхэтажные, а близ местечка частые селения по течению речек простирались на несколько вёрст, при каждом доме находился сад и много пристроек» (Радожицкий 2018: 190). Да и в дальнейшем Саксония производит на него хорошее впечатление, в городах Саксонии он не видел ни лоскутьев на людях, ни полуразвалившихся зданий. Андрей Раевский в «Воспоминаниях» так-

же сравнивает жителей Саксонии и Пруссии. Он считает, что жители Саксонии приветливее, ласковее, но наряду с этим они более скрытные, чем пруссаки.

Разные путешественники подмечают множество отличий Саксонии от Пруссии: «Белинг. Первое Саксонское небольшое местечко. Здесь уже другое наречие немецкое; жители говорят, как бы распевая и дурно выговаривают *e как o*. Пошли длинные кафтаны, трёхугольные карикатурные шляпки, косы, красные чулки, башмаки с пряжками; но добрый и чистосердечный народ. С каким действительным удовольствием здесь каждый рад служить иностранцу!» (Свечин 1900: 290).

Саксония, а особенно её столица Дрезден, покорила многих из русских путешественников той эпохи. Раевский упоминает в «Воспоминаниях» о своём восхищении от Дрездена: «Дрезден не очень велик, не огромен, как другие столицы Европы; но нигде, кажется, человек не может быть так счастлив, как здесь» (Раевский 1822: 111). Путешественники считают обязательным осмотреть его достопримечательности. Первое место среди них занимает знаменитая Дрезденская галерея. Ф.Н. Глинка в «Письмах русского офицера» подробно описывает увиденное им в картинной галерее, а также в галерее статуй, оружейной палате и собрании естественных редкостей. Закончив перечисление всех посещённых им в Дрездене местных достопримечательностей, Глинка сообщает читателю своих писем: «Все лучшие картины и драгоценнейшие редкости увезены из Дрездена

в известный по неприступности своей замок Кенигштейн» (Глинка 1990: 159). Раевский, в отличие от большинства путешественников, пытается воспринимать Дрезденскую галерею по-своему, делая акцент на внимательном рассмотрении её сокровищ: «Обстоятельства не допустили меня рассмотреть отличнейшие произведения кисти и воображения художников. Я часто слышал от путешественников, что они видели и то, и то ... но впредь буду спрашивать: рассмотрели ли они виденное?» (Раевский 1822: 118).

Отсутствие самых знаменитых полотен и сокровищ не портит настроение автору «Писем русского офицера». В Дрездене его внимание привлекают другие достопримечательности. «Я спешу в свободные от должности минуты заглянуть в лучшие здешние сады» (Глинка 1990: 159). Разбитые в Дрездене сады приводят в восторг и Павла Пущина: «Совершив продолжительную прогулку в Брильском саду, раскинутом над Эльбой, и налюбовавшись чудным видом, я отправился в католическую церковь, где пришлось услышать чудную музыку» (Пущин 1987: 100).

Радужицкий сообщает в своих «Записках» много любопытных подробностей, которые ускользают от внимания других путешественников. Он упоминает, в частности, о настороженном отношении саксонцев в Дрездене к русским, которое выразилось в том, что не только галереи, но и лавки, магазины — всё было закрыто, саксонцы опасались, чтобы русские, увидя товары и всё хорошее, не бросились грабить их: «они были слишком предубеждены против нас»

(Радужицкий 2018: 198). По словам этого же мемуариста, все магазины в городе возобновили работу только тогда, когда основная часть русских войск покинула город. Впрочем, данное свидетельство о настороженном отношении жителей Дрездена к русским является единственным.

Радужицкому Дрезден нравится в любое время суток, в том числе и вечером, когда зажигаются фонари, но ещё не вышли на обход ночные патрули. Попав в Дрезден в 1815 году, он пишет, что город остался таким же весёлым. Отмечает заслуги князя Репнина (русского губернатора Саксонии) по созданию городской набережной на Эльбе.

Русские военные путешественники осознают и пытаются раскрыть в своих текстах такую важную для любого путешественника проблему, как несоответствие ожидания и реальности. «От чего происходит, что, переступая пределы одного Государства, ожидаем видеть и действительно видим, некоторое различие в нравах, обычаях, даже в образе мыслей жителей», замечает Андрей Раевский (Раевский 1822: 58–59). Позже он снова соотносит ожидания и реальность, когда после капитуляции французов в Дрездене спешит осмотреть город, который до этого видел только на картинах.

В письме Александра Николаевича Муравьёва к родственникам Бакуниным, написанном в апреле 1813 года, встречаем интересное сравнение, вызванное все тем же несоответствием наблюдаемой реальности ожиданиям автора-путешественника: «Я наконец в земле обетованной, я прибыл

в этот знаменитый *Кенигсберг*, где я за невероятное счастье почитал прожить один день, и что я вижу? Мои ожидания обмануты в высшей степени, и ничего более! Я не заметил ни единого здания, достойного внимания, ни единой улицы, где могут проехать в ряд три экипажа, не увидел ничего из того, что привлекает в некоторых наших маленьких русских городах; одним словом, Кенигсберг — это второй *Торжок*, не во гнев вам будет сказано, грязный, нерегулярно застроенный, тёмный, старый, безобразный, населённый немцами, которые не понимают ничего из того, что я им говорю; это отвратительно, страшно, ужасно!» (*Муравьёв* 1986: 184).

Путешественники делают достоянием общей памяти об увиденном в Германии не только разные государства, посещенные ими, но и историю, напрямую связанную с большим количеством разных государств. Не упускают из виду и то, что каждое из них имеет свои деньги, так что «вы теряете довольно много, переходя так часто из одного владения в другое» (*Раевский* 1822: 65). Некоторые из путешественников фиксируют в своих записках для памяти соотношения разных валют, имевших хождение осенью 1813 года в Саксонии: «В Саксонии обыкновенная монета талер, который имеет в себе 24 гроша или 6 золотых польских; золотый имеет 4 гроша, грош 12 пфенигов» (*Походные записки* 1912: 24). Попав в ганноверские владения, этот же путешественник замечает, что здесь курс русского серебряного рубля оказывается на четверть меньше, чем в остальных германских государствах (*Походные записки* 1912: 34).

Сравнивать приходилось, конечно, не только деньги, но и отношение к себе как к представителям русской армии в разных государствах. И фиксировать отличия в этом отношении. «Отчего в Саксонии не видали мы триумфальных ворот? (После Пруссия, где они были очень распространены — М.Б.) Конечно, оттого, что саксонцы в неизвестности о настоящей судьбе своей, не знали, радоваться ли им или печалиться; они казались угрюмее прежнего» (*Радожицкий* 2018: 470). Как пишет этот же путешественник, жители Саксонии так же торжественно встречали французов, когда те занимали города, оставленные русской армией в ходе майского отступления 1813 года. Эту разницу в отношении к русским путешественники фиксировали не только в разных государствах, но и в городах, относящихся к одной стране. Так было в Силезии. В одном городе хозяин трактира вешает вывеску на русском языке «Победа русских», и русские офицеры с большой охотой проводят в этом трактире всё своё свободное время. А в другом городе, напротив, местные купцы прячут товары при входе в город русских войск и встречают их крайне настороженно. Здесь опять появляется тема денег. В Силезии отказывались принимать в оплату русские ассигнации, а требовали талеры или русские серебряные деньги.

Рефлексируя над увиденным в Германии, путешественники то и дело сравнивают увиденное там с устойчивыми домашними впечатлениями: «Здесь помещики, думающие о пользе общей, равно как и своей, не отвлекают селянина от плуга и семейства, чтобы сделать из него

праздного и порочного человека, не держат по эскадрону псарей и по сотням гончих и борзых, не кормят их потовыми трудами крестьян, не топчут полей и скромного участка земледельца...» (*Лажечников* 1836: 144).

В памяти фиксируются и общие черты в архитектуре разных земель: «В Силезии, а особливо в Саксонии все города и даже мелкие прекрасно выстроены, улицы везде камнем вымощены: на площадях поделаны прекрасные из дикого камня бассейны и фонтаны; мосты везде даже по дорогам хорошо из камня сделанные» (*Походные записки* 1912: 18).

В свою очередь Силезия сравнивается с Богемией, куда русских путешественников также заносила военная судьба. Отправляясь с поручением императора летом 1813 года в этот край, Михайловский-Данилевский удивляется его отличию от Силезии: «Едва мы въехали в пределы Богемии, как были поражены различием между нею и благословенною Силезией; дурные дороги, бедные селения, пашни, обработанные с небрежением, много полей вовсе незасеянных, а в городах грязные улицы, покрытые праздным народом, который с любопытством, свойственным диким, взирал на проезжающих» (*Михайловский-Данилевский* 1990:352). Нарисовав столь неприглядную картину Богемии, он, впрочем, постарался найти в увиденном и светлые моменты: «С другой стороны, богемцы показались нам веселее и говорливее прусаков, что, равно как бедность первых и благосостояние вторых происходит от законов». Негативное отношение к Богемии выражает и А.В. Чичерин: «Плодовых деревь-

ев здесь больше, чем в Силезии, но огородов почему-то не видать. Дома, хоть и сплошь деревянные, без прикоси, выстроены довольно скверно и выглядят жалкими; только красоты местности позволяют этим селениям соперничать с силезскими» (*Чичерин* 1966:218).

Увиденное в Силезии сравнивали и с впечатлениями от Польши и здесь сравнение также оказывалось не в пользу последней. Из польских земель вступая в немецкие, «всё представляется в новом и приятном виде, повсюду видна трудолюбивая рука прусаков; нет клочка земли, который бы лежал впусе; в рощах, в полях, в селениях, везде чистота и приятность, и полезное с приятным; дороги все выстланы камнем и обсажены деревьями, с коих они чрез четыре года но осеням, обрубают ветви; листья служат пищей прекрасным их овцам, а ветви, связанные пучками, для топления печей; одним словом всякая вещь приносит там свою пользу и ничто даром не пропадает. Жители живут не роскошно, но опрятно и свободно» (*Походные записки* 1912:17).

Наблюдательный Радожицкий, попадая в зависимое от Наполеона Вестфальское королевство, сообщает читателю, что это было самое бедное из увиденных им во время похода германских государств. Там, в отличие от предшествующих немецких государств Радожицкому не нравятся и люди: «Вестфальцы гораздо угрюмее саксонцев и черты лица их вовсе безобразны» (*Радожицкий* 2018: 315).

Попадая в Южную Германию, русские офицеры обращают внимание

на устройство расположенных там государств, прибегая при описании к словам Наполеона: «В Баварии есть королевство, но нет короля, в Вюртемберге нет королевства, но есть король» (*Михайловский-Данилевский* 1990: 211). Слова Наполеона Михайловский-Данилевский дополняет собственными наблюдениями о том, что нигде в Германии нет такого порядка, как в Вюртемберге.

Государства северной Германии тоже привлекали внимание путешественников и заняли своё место в общем нарративе. Так, попадая в купеческий город Гамбург, Раевский слушает рассказы местных жителей об устройстве их города. Размышляя об этом, он сравнивает Гамбург с другими государственными образованиями и приходит к выводу: «В огромных империях неизмеримые, языком, религией и нравами различествующие образы затрудняют сочинение единообразного, неперменного постановления; но что должен думать наблюдатель просвещённый, видя такой беспорядок в правительстве, которого власть едва ли на несколько вёрст простирается?» (*Раевский* 1822: 40). За долгое пребывание в Гамбурге Раевский сталкивался с самыми разными сторонами местной жизни. Он стал свидетелем торжественной встречи городом своей армии, которая принимала крайне незначительное участие в общей войне с Наполеоном. Встреча, устроенная в городе своим солдатам, показалась Раевскому не менее торжественной, чем устроенная до этого вошедшим в город русским войскам.

На обратном пути в Россию путешественники, обладая уже массой впе-

чатлений от увиденного, все больше и больше сравнивают между собой разные государства. Попав в 1814 году снова в Саксонию, Радожицкий восторгается её богатством по сравнению с Баварией: «Хотя страна здесь также гориста, песчана, камениста и с сосновым лесом, как в Баварии на Богемских горах, однако состояние жителей несравненно лучше» (*Радожицкий* 2018: 460). В другом месте он рассказывает об изменениях, которые претерпели его представления относительно товаров из Нюрнберга. В России он привык к высокому качеству и большому выбору товаров, произведённых в этом городе. Однако увиденное непосредственно там приводит его в уныние: «Я полагал его найти подобным Дрездену или Франкфурту, напротив того, торговля здесь чрезвычайно упала; в немногих домах существуют ещё магазины с галантерейными вещами. [...] Все вещи здесь чрезвычайно дороги, потому что нюрнбержцы думают, будто мы, взявши с парижан страшную контрибуцию, весьма обогатились и запрашивают с нас втридорога» (*Радожицкий* 2018: 459).

Упомянутый выше Раевский, который долгое время провёл в Гамбурге, передавая свои впечатления от города, пишет: «По моему мнению, для человека праздного гораздо приятнее жить в небольшом уездном городке нашем, нежели в столь обширном и многолюдном Гамбурге» (*Раевский* 1822, Ч.2: 43). Автор еще одних записок, суммируя все увиденное в Германии, также сравнивает это с собственным российским опытом и делает вывод о том, что в немецкой повседневности, на его взгляд, много странного, при этом он не углубляется в дальней-

ший анализ различий, а предпочитает привести пример из одной близкой ему сферы: «Здесь, например, все без изъятия помещики и пасторы управляют наравне с крестьянами все земские повинности в рассуждении подвод и постоев; шульцы, по нашему старосты ими располагают» (Походные записки 1912: 30).

Таким образом, можно сделать вывод, что самыми неприятными для путешественников германскими землями в 1813 году были австрийская Богемия (также отнесенная ими к немецким землям, хотя там явно преобладали чехи) и Вестфалия, а больше всего им понравились Саксония и Вюртемберг. Особых симпатий они не испытывали также к крупным торговым городам.

Часть нарратива русского просвещённого путешественника составляет сравнение городов: Берлин сравнивается Раевским с Санкт-Петербургом: «С самого въезда начинаются огромные, прекрасные улицы. Вообще в России отдалённые части городов не заслуживают внимания; здесь у заставы дома столь же красивы, как и на дворцовой площади» (Раевский 1822: 150). Увидев город, дома в котором построены не из камня, а из дерева, как это было распространено в России, Михайловский-Данилевский записывает: «Вставши поутру, мы подошли к окну; увидели город, разбросанный на бугорках, все дома деревянные, чему нет примеров в Германии» (Михайловский-Данилевский 1999: 65). Их поездка происходила в октябре, выпавший в городе снег и густой лес, начинавшийся сразу за ним, делают в их глазах пейзаж похожим на российский.

Русские путешественники не только сравнивают увиденное с привычным им в России, но и с восторгом фиксируют встреченные факты или упоминания событий российской истории в тех или иных местных достопримечательностях. Раевский, осматривая Дрезден, обращает внимание на собрание фарфора: «Здесь хранится редкое собрание китайского, японского, французского и саксонского фарфора. Я думаю, что нигде нет такого множества любопытных и занимательных вещей сего рода. Особенно понравилось мне, как русскому, аллегорическое изображение покорения Крыма. Оно сработано на Мейсенской фабрике. Лики бессмертной Екатерины, единственного Потёмкина, ханов татарских, одушевлены в фарфоре. Собачка великой владычицы севера, также достойна внимания» (Раевский 1822: 109). Упоминает этот же автор и ещё одну достопримечательность Дрездена, связанную с Россией: «Сад [А. Г.] Орлова не столь обширен, но имеет много приятного для чувств и воображения. Здесь герой Чесменский провёл несколько лет в тихом семейном кругу, утешаясь в разлуке с отчизною воспоминаниями о протекших годах славы и побед» (Раевский 1822: 117).

Впечатления от увиденных городов были самыми разнообразными и соответственно в общий нарратив памяти о походе могли включаться рассказы о городах, которые запомнились по самым разным причинам. Раджицкий во время похода 1815 года побывал в герцогстве Кобургском, которое в 1813–1814 годов он не посещал. Прогулявшись по столице герцогства, городу Кобургу

и его окрестностям, он записывает: «Окружность показалась мне приятнее внутренности. За городом много садов и бульваров для прогулок» (Радожицкий 2018: 579). Передавая свои впечатления от самого Кобурга, он делится таким своеобразным наблюдением: «В Кобурге не приятно было прогуливаться по улицам. Французы научили жителей сливать нечистоту на середину; от этого полные ручьи смрадного Стикса журчат и заражают воздух, особенно в узких улицах. Немцы после дневных трудов, к вечеру выползая за ворота на лавки, притупливают своё обоняние табаком и рассуждают о политике» (Радожицкий 2018: 582).

Русские офицеры обращают внимание и на организацию сельской жизни и сельского хозяйства, когда с этим сталкиваются. Оказавшись на постое в одной из деревень Богемии во время перемирия, они быстро находят общий язык с местными жителями и проводят вместе с ними свободное время, играя в горелки и качаясь на качелях (Радожицкий 2018: 247).

Наблюдая в одном из замков Силезии организацию хозяйства, один из путешественников записывает: «Немцы до того аккуратны в своём хозяйстве, что и курам подделаны лестницы, по коим те ходят в снопах: забавно глядеть, как они ходят, по ступенькам переступают» (Походные записки 1912:17). Этот же автор, оказавшись затем на севере Германии, записывает свои впечатления от увиденного в одном из пригородов Гамбурга, который он называет селом: «Село Эпендорф прекрасно выстроено, для гуляния тротуары. Оно похоже более на го-

род, нежели на деревню, принадлежит к Гамбургу. Здесь лучшие купцы и корреспонденты имеют свои загородные дома, где они обыкновенно в летнее время проживают. Теперь же оставя Гамбург, все собираются здесь, от чего сделалось изрядное общество, а по вечеру бывают клубы» (Походные записки 1912: 37).

Важной составляющей коллективного нарратива русских военных путешественников о Германии являлась еда. Кухня и питание были и остаются главной составной частью повседневной жизни. В своём стихотворном путешествии «Зимняя сказка» знаменитый немецкий поэт первой половины XIX века Генрих Гейне относит к старой немецкой кухне следующие блюда: кислая капуста, салат с каштанами, вареные яйца, копченая селедка, жаренный гусь, свиная голова. Посмотрим теперь, что из этого ели военные путешественники.

Самым большим любителем поесть из всех авторов использованных нами путевых записок был Радожицкий. Остальные еде не уделяют столь много внимания как он. С немецкой кухней он знакомится ещё в польском городе Пльщеве. Радожицкий в «Походных записках артиллерииста» перечисляет блюда, которыми их кормил там немецкий сапожник. Первое блюдо — водяной суп с кусками белого хлеба, приправленный сливочным маслом. Второе блюдо — жаренная баранина с картофелем и черносливом. Перечислив эти блюда, путешественник делает одно важное дополнение: «Это было обычное кушанье, которым нас кормили по всей Пруссии» (Радожицкий 2018: 176).

В Саксонии, по словам Радожицкого, русских военных кормили супом, давали жаркое с салатом, почивали пивом. Особых подробностей о вкусовых достоинствах саксонских блюд в его «Записках» не содержится. Покидая Дрезден, автор решил пообедать в одном из городских ресторанов. За обед, состоящий из четырёх блюд, стакана бургундского и чашки кофе, он заплатил пол талера, что было, по его словам, очень дёшево; таких низких цен он ранее нигде не видел. Рассказывая о своем пребывании в другом немецком государстве, Гессен-Дармштадском герцогстве, автор также упоминает, что его там кормили вассерсупом, которым он не мог насытиться. Аналогично кормили и в самом богатом из германских государств того времени — Баварии. К вассерсупу здесь ещё давали вареную говядину с разными приправами. Самый худший вассерсуп, который довелось Радожицкому есть в Германии, был в Нюренберге. Он на глазах хозяина дома отдал этот суп своей собаке, которая отказалась есть приправленный корицей суп.

Рассмотрев различные составляющие памятного нарратива об увиденном в Германии в эпоху Наполеоновских войн, мы можем выделить основное. Это устойчивое представление о Германии того времени, как о конгломерате разных государств, при этом путешественники видят и фиксируют различия между этими государствами. При этом они учитывают не только географическое положение разных стран, материальное благосостояние их граждан — самым важным для военных путешественников является отношение населения к русской армии, как к армии-

освободительницы их от Наполеона. Своё место в эго-документах занимают рассказы о финансах, о ценах на разные продукты и предметы потребления, об обменных курсах в разных государствах и об отношении местных жителей к русским деньгам. Не менее важной частью нарратива о Германии становятся впечатления от знакомства с немецкой кулинарной культурой того времени. Причем местная еда русским путешественникам рассматриваемого периода категорически не понравилась.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Глинка 1990 — *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1990.

Карамзин 1984 — *Карамзин Н.М.* письма русского путешественника. Л. 1984.

Лажечников 1836 — *Лажечников И.И.* Походные записки русского офицера. М., 1836.

Михайловский-Данилевский 1834 — *Михайловский-Данилевский А.И.* Записки о походе 1813 года. СПб. 1834.

Михайловский-Данилевский 1990 — *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники М., 1990.

Михайловский-Данилевский 1999 — *Михайловский-Данилевский А.И.* Путешествие по Гарцу в октябре месяце 1809 года // Российский Архив. Вып. IX-М., 1999. С.65.

Муравьёв 1986 — *А.Н. Муравьёв* письмо к В.А. и А.М. Бакуниным от 18/30 июля 1813 года // Муравьёв А.Н. Сочинения и письма. Иркутск 1986. С.184.

Походные записки 1912 — Походные записки прапорщика Пензенского ополчения 1813 и 1814 гг. // Щукинский сборник Вып.10. М., 1912.

Пуцин 1987 — Дневник Павла Пуцина 1812–1814 гг. Л., 1987.

Радожницкий 2018 — *Радожницкий И.Т.* Походные записки артиллериста 1812–1816. М., 2018.

Раевский А. — *Раевский А.* Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М., 1822.

Раевский Н.Н. 1992 — Личные письма генерала Н.Н. Раевского // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собрания ГИМ. М., 1992.

Свечин 1900 — *Свечин Н.М.* Из дневников русского офицера о заграничном походе 1813 года // Русский Архив. 1900. № 7.

Чичерин 1966 — Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. М., 1966.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман 2018 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва 2018.

Аурова 2012 — *Аурова Н.Н.* Русские офицеры — участники заграничных походов 1813–1814 годов // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета 2012 № 11 С.77–86.

Аурова 2013 — *Аурова Н.Н.* Русское общество и заграничные походы 1813–1814 гг. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции. М., 2013. С.330–335.

Аурова 2015 — *Аурова Н.Н.* Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. Социокультурный аспект. М., 2015.

Белоусов 2014 — *Белоусов С.В.* Обычай и нравы населения Германских государств в дневниках и мемуарах офицеров русской армии — участников Заграничных походов 1813–1814 гг. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы М., 2014 С.107–115.

Гонерхоева 2019 — *Д.Х. Гонерхоева* Военный травелог и его роль в самоопределе-

нии русского автора в европейском культурном пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т.12. Вып.7. С.29–34.

Журавская 2020 — *Журавская А.А.* Письма Н.М. Муравьева как источник для изучения русской культуры начала XIX века // Сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. Секция 5. Исторические науки и археология. Уфа, 2020. С.127–133.

Оболенская 1994 — *Оболенская С.В.* Германия глазами русских военных путешественников 1813 года // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М., Наука 1994. С. 70–85.

Сдвижков 2019 — *Сдвижков Д.А.* Письма с прусской войны М. 2019.

Тартаковский 1980 — *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М,1980.

Шенле 2004 — *Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб. Академический проект. 2004.

REFERENCES

Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika.* Moskva 2018.

Aurova N.N. *Russkiye oftsery — uchastniki zagranichnykh pokhodov 1813–1814 godov // Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* 2012, № 11.

Aurova 2013 — *Aurova N.N. Russkoye obshchestvo i zagranichnyye pokhody 1813–1814 gg. // Epokha 1812 goda v sud'bakh Rossii i Yevropy: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Moskva, 2013.

Aurova 2015 — *Aurova N.N. Zagranichnyye pokhody russkoy armii 1813–1814 gg. Sotsiokul'turnyy aspekt.* Moskva, 2015.

Belousov S.V. *Obychai i нравы naseleniya Germanskikh gosudarstv v dnevnikakh i memuarakh oftserov russkoy armii — uchastnikov Zagranichnykh pokhodov*

1813–1814 gg. // *Osvoboditel'nyye pokhody russkoy armii 1813–1814 gg. v istorii Rossii i Yevropy*. M., 2014.

D.KH. Goperkhoyeva Voyenny travelog i yego rol' v samoopredelenii russkogo avtora v yevropeyskom kul'turnom prostranstve // *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2019. T.12. Vyp.7.

Zhuravskaya A.A. Pis'ma N.M. Murav'yova kak istochnik dlya izucheniya russkoy kul'tury nachala XIX veka // *Sbornik nauchnykh statey po materialam IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy kon-*

ferentsii. Sektsiya 5. Istoricheskiye nauki i arkheologiya. Ufa, 2020.

Obolenskaya S.V. Germaniya glazami russkikh voyennykh puteshestvennikov 1813 goda // *Odisey. Chelovek v istorii*. 1993. Obraz «drugogo» v kul'ture. Moskva., Nauka 1994.

Sdvizhkov D. A. *Pis'ma s prusskoy voyny*. M. 2019.

Tartakovskiy A. G. *1812 god i russkaya me-muaristika*. Moskva, 1980.

Shenle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy 1790–1840*. Sankt-Peterburg. 2004.

М. В. Кирчанов

МАКЕДОНИЯ В БОЛГАРСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: «ВОЙНА ПАМЯТЕЙ» И «МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПРОМИСС»

Целью данного исследования является сравнительный анализ македонских нарративов в контекстах болгарской и греческой политики памяти. Автор анализирует тактики и стратегии либеральных болгарских и греческих интеллектуалов в изобретении образов Македонии. Новизна исследования заключается в сравнительном анализе болгарской и греческой стратегий интеграции македонских нарративов в мемориальный канон. В статье анализируются этноцентричные и гражданские интерпретации македонских образов, факторы болгарского и греческого национализмов, уозость этнических версий исторической памяти. В статье также проанализирован македоно-греческий мемориальный компромисс, основанный на разделении прошлого и попытках достигнуть национального примирение. Предполагается, что болгарский мемориальный канон, основанный на этническом национализме, является стабильным, а тенденции его ревизии крайне слабы в современном обществе.

Ключевые слова: Македония, Болгария, Греция, македонские нарративы, войны памяти, мемориальный компромисс

Сведения об авторе: Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета Воронежского государственного университета (Воронеж).

Контактная информация: maksymkyrchanoff@gmail.com

M. V. Kyrchanoff

MACEDONIA IN BULGARIAN AND GREEK HISTORICAL POLITICS: "WAR OF MEMORIES" AND "MEMORIAL COMPROMISE"

The purpose of this study is a comparative analysis of Macedonian narratives in contexts of the Bulgarian and Greek politics of memory. The author analyzes

the tactics and strategies of liberal Bulgarian and Greek intellectuals in the invention of images in Macedonia. The novelty of the study lies in the comparative analysis of the Bulgarian and Greek strategies for integrating Macedonian narratives into the memorial canons. The article analyzes ethnocentric and civil interpretations of Macedonian images, the factors of Bulgarian and Greek nationalisms, the narrowness of ethnic versions of historical memory. The article also analyzes the Macedonian-Greek memorial compromise based on the mutual separation of the past and attempts to achieve national reconciliation. It is assumed that the Bulgarian memorial canon, based on ethnic nationalism, is stable, and the tendencies of its revision are extremely weak in modern society. **Keywords:** Macedonia, Bulgaria, Greece, Macedonian narratives, wars of memories, liberalism, memorial compromise

About the author: Kyrchanoff Maksym V., doctor of historical sciences, associate professor, Department of the regional studies and economics of foreign countries, Faculty of international relations, Department of foreign countries history and Oriental studies, Historical faculty, Voronezh State University (Voronezh).

Contact information: maksymkyrchanoff@gmail.com

Современная историческая наука постепенно утрачивает монополию на производство и воспроизводство знания о прошлом, уступая ее политически ангажированным интерпретаторам. Подобные манипуляции с историей в академической историографии известны как «историческая политика» или «политика памяти». Поэтому в центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы исторической политики в отношении образов Македонии в современной Болгарии и Греции.

Целью статьи является анализ основных особенностей политики памяти в рамках конструирования македонских нарративов в болгарском и греческом варианте. Задачи статьи ограничены изучением восприятия македонских нарративов в актуальных практиках и стратегиях, используемых болгарскими и греческими интеллектуалами, для формирования компромиссных версий прошлого, формирующих мемориальный канон, основанный одновременно как на ценностях болгарского и гре-

ческого национализма, так и на принципах антикоммунистического воображения.

Проблемы развития и актуального состояния исторической политики как политики памяти в Болгарии и Греции в современной российской историографии изучены в меньшей степени чем аналогичные проблемы, связанные практиками и стратегиями «проработки прошлого» в некоторых других обществах. Часть работ по данной проблематике написана в рамках ее редукции до национальных форм, что, например, характерно для предшествующих работ автора (Кирчанов 2019). Поэтому в центре внимания историков, которые занимаются «политикой памяти», как правило, оказываются проблемы ревизии и реинтерпретации истории коммунизма как формы авторитаризма, перспективы его вытеснения и деконструкции из национальной памяти, в то время как другие аспекты, не менее важные для осознания процессов развития идентичности болгарского и греческого общества,

имеющего свой уникальный опыт «войн памяти», остаются изученными в гораздо меньшей степени.

«МАКЕДОНСКАЯ» ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В БОЛГАРИИ И ГРЕЦИИ: ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ

Особое место в современной политике памяти среди балканских государств занимают Болгария и Греция. Специфика болгарской и греческой исторической политики состоит в следующем: в тематическом плане историческая политика развивается как попытки ревизии и пересмотра наследия; важным фактором политики «проработки прошлого» в Болгарии и Греции является национализм; в отличие от других стран Центральной и Восточной Европы, где сфера исторической политики ограничивается ревизией истории левого (и частично правого) авторитаризма — в Болгарии и Греции идеологически мотивированным манипуляциям подвергается вся концепция национальной истории в целом. Основными участниками политика памяти являются средства массовой информации, хотя актуальный болгарский и греческий опыт демонстрирует вовлеченность интеллектуалов в проработку прошлого. Важной особенностью исторической политики в Болгарии и Греции является ее конфронтационный характер. Основным внешним оппонентом болгарской и греческой «проработки прошлого» является политика памяти, проводимая в Северной Македонии. В болгарской и греческой интеллектуальной истории сложились свои традиции изобретения Македонии как части собственной истории.

Современная греческая и болгарская историческая политика формируется общественными и культурными дискуссиями как относительно коммунистического прошлого, так и истории Македонии, что автоматически превращает антикоммунизм и национализм в определяющие факторы «политики памяти» в Болгарии и Греции в рамках формирования македонского пласта в современных идеологически мотивированных манипуляциях с историей.

МАКЕДОНСКИЕ НАРРАТИВЫ В БОЛГАРСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ ПОЛИТИКАХ ПАМЯТИ

Македония занимает особое место в интеллектуальной истории Греции и Болгарии. Несколько поколений интеллектуалов сформировали уникальный комплекс нарративов, изученных в историографии (*Кирчанов 2021*) и позволивших интегрировать «македонское» не только в национальную идентичность, но и в историческую память.

Суммируя «македонские» нарративы в болгарской и греческой национальной памяти и исторической политике, следует выделить их основные характеристики, а именно: 1) исторически независимой и самостоятельной Македонии с отдельной македонской славянской нацией никогда не существовало; 2) Македония исторически не была славянской страной и современные македонцы не имеют никакого отношения к античным македонцам; 3) Македония и македонцы — это историческая болгарская территория и этническая группа в рамках большой болгарской

нации, а македонский язык — диалект болгарского языка; 4) македонцы как нация и Македония как государство представляют собой искусственно созданные конструкты, создание которых было инициировано югославскими коммунистами; 5) Македония и македонцы, поэтому, представляют собой элементы политики соседних государств, направленные на ослабление Болгарии и Греции с целью отторжения территорий, которые могут восприниматься как исконно греческие или болгарские. Все эти нарративы стали «общими местами» или гранд-нарративами греческого и болгарского исторического воображения.

В целом, современный канон восприятия Македонии в современном греческом и болгарском мемориальном каноне основан фактически на двух формально взаимоисключающих принципах. С одной стороны, восприятие Македонии в актуальной политике памяти Болгарии и Греции основано на примордиализме, что позволяет интеллектуалам приписывать Македонии изначально греческие или болгарские этнические характеристики. С другой стороны, понимание Македонии как конструкта сближает современное восприятие «македонского» в болгарской и греческой политике памяти с социально-конструктивистскими интерпретациями нации и идентичности. Анализируя македонские нарративы в современной коммеморативной культуре Греции и Болгарии, во внимание следует принимать и то, что болгарское и греческое общества едины в своем отрицании существования македонской идентичности и, как результат, отдельной истории,

нации и культуры, так как таковая редуцируется до регионального варианта греческой или болгарской идентичности. Подобные нарративы в восприятии Македонии доминируют не только в болгарском или греческом национализмах, но и в историографии, что автоматически превращает интеллектуальные сообщества в активных участников исторической политики.

МАКЕДОНИЯ КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» В БОЛГАРСКОЙ ПАМЯТИ: ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ

Болгарская политика памяти в ее либеральной версии относительно Македонии признает то, что македонские образы вошли в число центральных не только в идентичности Болгарии, но и стали частью национальных проектов и исторических памятней целого ряда балканских стран — Греции, Северной Македонии, Сербии. А. Тодоров, комментируя образы Македонии в болгарской исторической памяти, констатирует, что они возникли под «давлением призрака истории» (Тодоров 2017: 47) на общество Болгарии, страдающего, по мнению С. Попова, от конфликта поколений в гуманитарных науках (Попов 2017: 68), которые руководствуются диаметрально противоположными методологическими предпочтениями. Македония имеет символически важное значение для современной болгарской идентичности.

Именно поэтому, «глядя на свои националистические версии истории, Болгария не только не осознает реальность Македонии, но и отказы-

вается открывать глаза, даже когда Европейский Союз указывает ей на это» (Добрев 2017: 60). Более того, по мнению М. Махон, трудности локализации «македонского» в болгарской исторической памяти состоит в том, что восприятие Македонии редуцировано историей «борьбы за единство болгарских земель» (Махон 2017: 250). В такой ситуации болгарский канон памяти оказывается преимущественно болгарским и этноцентричным, в значительной степени исключенным из европейских практик культуры памяти через осознание взаимных коллективных травм и признание важности примирения. Вероятно именно поэтому Бойко Василев полагает, что восприятие всего «македонского» в болгарском интеллектуальном дискурсе актуализирует «разницу между либеральной утопией и национальной утопией, а что еще хуже — между профессиональными патриотами и профессиональными антипатриотами» (Василев 2017: 56), так как в современной Болгарии взаимосвязанные категории «история» и «историческая память» имеют гораздо больше общего «с пропагандой и идеологией, нежели с наукой» (Добрев 2017: 61), что свидетельствует об одновременном сосуществовании различных модулей к развитию исторических памятей, которые в перспективе могут фрагментировать мемориальный канон или вовсе привести к его ревизии и деконструкции.

Либеральная версия болгарской исторической памяти не только склонна определять Македонию как «атавистическую вибрацию в болгарском фольклорном сознании» (Попов 2017: 72), но воспринимает ее соот-

ветствующим образом — как конструкт, но в отличие от сторонников ее националистического прочтения, которое доминировало в болгарской историографии на протяжении нескольких десятилетий, описывает «македонское» с использованием содержательно другой терминологии, включая «национализм», «нация-государство», «гомогенизация», «включение» и «ассимиляция». Михаил Груев, комментируя такие попытки конструирования «македонского» в рамках болгарской политики памяти, определяет их как «междисциплинарные», что, правда, позволяет ему редуцировать македонскую идентичность до «коллективной памяти локальной общности», «травматической памяти» или до «ситуативной идентичности» (Груев 2012).

Применение именно таких лингвистических клише в либеральной версии исторической политики содействует общей интеграции «македонского» в болгарские контексты в качестве конструкта, что предусматривает исторический, т.е. обретенный, а не изначально болгарский характер македонской идентичности. В сравнении с националистической версией исторической политики и политики памяти, либеральные мемориальные практики интегрированы в более широкие контексты междисциплинарной историографии национализма, а также памяти, культуры памяти и идентичности как его производных. Михаил Груев как один из участников болгарской «македонской» политики памяти актуализирует ее родовые особенности, синтезируя принципы академического исследования национализма

со склонностью к воспроизводству основных положений болгарского националистического дискурса.

Такая ситуация не является вполне нормальной для западных обществ, которые смогли преодолеть крайности этнического национализма, сделав выбор в пользу гражданской и политической нации. Развитие памяти о Македонии в Болгарии в националистической системе координат было связано с особенностями процессов демократизации в этой стране. По мнению М. Махон, после 1989 г. имел место не только «полный пересмотр коммунистического прошлого», но и усиление зависимости памяти от национализма, так как новый исторический нарратив оказался во многом основанным на «деконструкции вненациональной классовой идентичности», что позволило интеллектуалам реинтегрировать «македонское» в канон памяти.

МАКЕДОНИЯ В ГРЕЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ: ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ

Тон в формировании нового мемориального нарратива задавали те авторы, которые верили в том, что Македония не только «принадлежит Болгарии», но и была создана в результате «советского господства на Балканах» (Махон 2017: 265) в то время как в случае с Грецией доминирующей стала тенденция приобщения к результатам того, что они почти дословно перевели с немецкого как «*ἔριδας τῶν ἱστορικῶν*» (Φλάϊσερ 2002). Несмотря на то, что греческие интеллектуалы не были участниками «спора историков» и подобные явления в историографии Греции

отсутствовали, тем не менее, методологическое влияние его последствий было значительно. В целом, такая логика развития исторической памяти свидетельствует о том, что ведущим фактором в ее функционировании оказался националистический дискурс, четко воспроизводящий в отношении Македонии идею ее принадлежности к болгарской государственной традиции и этничности, а разного рода постмодернистские и конструктивистские интерпретации памяти, которые воспринимали бы ее болгарские и македонские версии как примерно одноуровневые конструкты, оказались маргинальны.

В отличие от болгарской мемориальной политики, направленной на конструирование македонских образов в контекстах истории Болгарии, греческие интеллектуалы, сотрудничающие с либеральными средствами массовой информации, подменяют идеологические клише гранд-нарративами постмодернистской и конструктивистской историографии, хотя несколькими десятилетиями ранее в греческой идентичности был институционализирован миф «*Ὁ Μακεδονικὸς ἀγῶνας*» (Μοῦησ 1950), глубоко интегрированный в национализм (Κωνσταντίνος 1970). Восприятие Македонии в исключительно эллинской системе координат (Μοῦησ 2007) доминировало в более ранней греческой историографии (Κωνσταντίνος 1952), содействуя интеграции «македонского» в эллинский контекст (Ιωάννης 2006). К моменту перехода от открытого идеологического контроля над историографией к исторической политике памяти, как форме контроля над академическим сообществом, задачи по эллинизации

ции Македонии в гранд-нарративах исторического воображения уже были выполнены. В такой ситуации актуальный мемориальный канон в его либеральной версии выдержан в категориях «модернизации» и «националистического воображения», выдержанного в стилистике Ойгена Вебера (*Гунарис* 2017а), хотя греческие авторы могли бы пойти по пути болгарских коллег и сформировать «македонское» как частный случай «эллинского».

Консолидация греческого общества, где процесс демократического транзита начался ранее чем в Болгарии, привела к формированию исторической памяти, в большей степени основанной на гражданской идентичности, что позволили Греции и Северной Македонии выйти из состояния «войн памяти», длившихся до 2018 г., т. е. до достижения Преспанского соглашения, по которому Греция признавала Македонию под названием «Северная Македония», одновременно соглашаясь с тем, что идентичность и этничность современных македонцев являются славянскими и не имеют отношения к античным македонцам, интегрированным в греческие версии исторической памяти.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭТНОЦЕНТРИЗМА В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ: ГРЕЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЛЯ БОЛГАРИИ

Доминирование националистического восприятия Македонии в современной болгарской памяти свидетельствует о кризисе мемориальных практик, который проявляется в «раздробленности научного

сообщества, дезинтеграции критической публичности и появлении атомизирующих сетей» (*Деянова* 2017:120), объединяющих интеллектуалов, имеющих не только разные представления о прошлом, то есть различные исторические памяти. Проблема в том, что такие памяти не только сосуществуют параллельно, но и их носители не имеют потребности коммуницировать друг с другом. Если одни интеллектуалы придерживаются традиционного мемориального канона, воспринимая Македонию и македонскую идентичность как результат подрыва идей болгарского единства со стороны сначала сербских националистов, а потом и югославских коммунистов, то другие, признавая влияние и первых, и вторых, полагают, что Македония стала результатом институционализации социальных и политических трансформаций (*Маринов* 2017б: 190–191). В этом контексте болгарская либеральная версия исторической памяти в определенной степени близка к греческому мемориальному канону (*Гунарис* 2017б: 300), в рамках которого вопросы этничности и принадлежности македонцев являются вторичными в контексте конструирования образа Македонии как институционализированной культурной травмы в рамках исторической и культурной памяти.

На протяжении 1990–2010-х гг. манипуляции исторической памятью на Балканах вели к «инфляции» памяти, что формально проявилось в «строительстве памятников, установлении исторических годовщин, создании музеев-исследовательских институтов, записи свидетельств травматического опыта» (*Μηταφίδη* 2019), что

содействовало замыканию национальных памятей на собственных мифах и травмах, замедляя возможное достижение мемориального компромисса. Греция и Северная Македония смогли достичь определенного прогресса в преодолении подобных травм, что привело к мемориальному компромиссу, сложившемуся после

Денес над Македонија се раѓа
ново сонце на слободата!
Македонците се борат
за своите правдини!
Македонците се борат
за своите правдини! [...]
Горите Македонски шумно пеат
нови песни, нови весници!
Македонија слободна,
слободна живее!
Македонија слободна,
слободна живее!
Македонија ξακουστή,
του Αλεξάνδρου η χώρα,
που εδιώξες τους βάρβαρους
κι ελεύθερη είσαι τώρα!
Είσαι και θα 'σαι ελληνική,
Ελλήνων το καμάρι,
κι εμείς θα σ'αντικρύζουμε,
περήφανα και πάλι!
Οι Μακεδόνες δε μπορούν
να ζούνε σκλαβωμένοι,
όλα και αν τα χάσουνε
η λευτεριά τους μένει!

Достижение македоно-греческого мемориального компромисса оказалось следствием не только проработки прошлого со стороны интеллектуалов двух стран, но и взаимных уступок, связанных как с признанием отдельной македонской славянской идентичности с греческой стороны, так и маргинализации в Северной Македонии радикальных трендов, основанных на попыт-

2018 г., когда стороны отказались от взаимных претензий к другу из-за националистически мотивированных текстов гимнов. Гимны как Северной Македонии, так и Греческой Македонии основаны на воспроизводстве образов Другого и нарративов гражданской идентичности, укорененной в ценностях свободы:

Сегодня над Македонией рождается
Новое солнце свободы,
Македонцы борются
За свои права!
Македонцы борются
За свои права! [...]
Македонские леса громко поют
новые песни, новые вести!
Македония свободная,
Свободная живёт!
Македония свободная,
Свободная живёт!
Известная Македония
Земля Александра,
Ты прогнала варваров,
И теперь ты свободна!
Ты есть и будешь греческой,
Великая слава греков,
И мы будем смотреть на тебя
с гордостью снова!
Македонцы не могут
жить порабощенными,
даже если они потеряют все,
они все же будут свободны!

ках интеграции античного наследия в канон исторической памяти современных македонцев, фактически не имевших к ним никакого отношения. Подобные трансформации исторической памяти не только привели к нормализации двусторонних отношений, но и к большей академизации восприятия мемориальных практик, так как те стали в меньшей степени зависеть от крайностей национали-

стического воображения, интегрируясь в актуальные историографические дискурсы, основанные на междисциплинарности.

В этой ситуации примечательно то, что первая (националистическая) и вторая (либеральная) точки зрения в Болгарии продвигаются средствами массовой информации, которые придерживаются различных идеологических предпочтений. Если традиционную точку зрения на Македонию тиражируют средства массовой информации, воспринимающие национализм примордиально, то вторая в большей степени характерна для либеральных участников политики памяти. Важным элементом болгарской политики памяти в отношении Македонии являются своеобразные социологические интервенции, периодически проводимые и организуемые болгарскими интеллектуалами, целью которых является анализ различных состояний и форм развития македонской идентичности и памяти в рамках их деконструкции.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КАНОН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ФОРМА МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПРОМИССА

Аналогичные практики и стратегии «проработки прошлого» применяют и современные греческие интеллектуалы, но делают это несколько иначе. Если перед болгарскими авторами стоит задача при помощи социологических методов визуализировать болгароцентричный канон восприятия памяти о Македонии, то греческие авторы (*Котзагеорги-Зимари, Хаджианастасиу* 2017) ставят перед

собой в большей степени конструктивистские задачи по демонтажу версий памяти различных поколений. Таким образом, деконструируя коллективные представления о прошлом, греческие интеллектуалы переносят тяжесть функционирования памяти с нации на более локальные и семейные группы. Сочетание академического с националистическим в болгарской политике памяти в отношении Македонии позволяет лишать ее исторической легитимности, видимой и выраженной генеалогии с предшествующими этническими сообществами и государственными структурами, редуцируя до «новой балканской нации» (*Mumев* 2017: 12).

В то время как болгарский канон памяти является именно болгарским, что проявляется в последовательной редукции «македонского» до частного случая «болгарского», то современные греческие комеморативные стратегии в отношении Македонии (*Колиопулос* 2017) в большей степени соотносятся с нормами и требованиями общеевропейского канона памяти, основанного на признании этнического разнообразия, чему предшествовала ревизия этноцентричной модели памяти в отношении истории этнических чисток (*Γούναρης* 2000) и принудительных перемещений населения (*Κωστόπουλος* 2006). Если Тодор Абазов полагает, что на современном этапе македонская нация является реальностью (*Абазов* 2017: 74), то о феномене македонского национализма М. Груев предпочитает писать как о «г. н. македонизме», обозначающим «демонстрируемое и/или воспринимаемое отличие идентичности православного славяноязычного населения Македонии

от болгарского этноса», что свидетельствует о склонности интегрировать «македонское» в более широкие контексты болгарской исторической памяти.

По мнению М. Груева, исторические понятия «Македония» и «македонское» использовались как синонимы концептов «Болгария» и «болгарское» (Груев 2012). Подобная редукция Македонии до частного регионального случая Болгарии позволяет некоторым болгарским интеллектуалам продвигать крайне негативный образ Македонии как общества, основанного на сегрегации, и искусственно созданного государства (Митев, Желязкова, Стойковски 2017: 18). Такое восприятие Македонии в болгарской политике памяти доминирует, хотя периодически подвергается крайне умеренной ревизии. Чавдар Маринов полагает, что традиция воспринимать македонцев как «зомби, придерживающихся нелепых измышлений, и параноиков, верящих в призраков» (Маринов 2017а: 27), является не очень корректной. Антоний Тодоров со своей стороны указывает на сложность присутствия Македонии в болгарском политическом дискурсе, так как в современной Болгарии «о Македонии говорить непросто, потому что это — всегда ожидание, что главным будет пафос — пафос исторической ностальгии, ностальгии по утраченному и безвозвратному прошлому, которое, однако, продолжает рассматриваться некоторыми крайними националистами как достижимое здесь и сейчас» (Тодоров 2007: 48).

Подобная рецепция Македонии как неотъемлемого элемента не просто

мемориального канона, но и всей культуры памяти в современной Болгарии в большей степени актуализирует травмы, которые общество не в состоянии преодолеть, так как оказалось не в состоянии принять сам факт невозможности реализовать проект Великой Болгарии, что стимулирует интеллектуалов поддерживать идентичность на основе исторических образов, видя именно в прошлом «золотой век», что содействует его воображению и изобретению в националистической системе координат.

Таким образом, трансформация македонского пласта в актуальной болгарской и греческой политике памяти актуализирует особенности восприятия истории в современном обществе, в котором этнический национализм относится к числу наиболее влиятельных идеологий. Кроме этого изменения македонских образов в греческом и болгарском историческом воображении визуализируют трансформации и социальные мутации современных мемориальных практик в контекстах конструирования категорий «политическое», «этническое» и «национальное».

Историческая политика в современной Греции и Болгарии в отношении Македонии имеет ревизионистский характер, одновременно актуализируя континуитет с более ранними традициями болгарского и греческого националистического воображения. Актуализируя македонские образы, греческие и болгарские участники политики памяти не стремятся создать и утвердить новый мемориальный канон. Болгарские и грече-

ские участники «войн памяти» последовательно интегрируют в современные практики политики памяти нарративы, ранее получившие развитие в греческом и болгарском этническом национализме, в рамках которого «македонское» редуцировано до частного случая «болгарского» или «греческого».

«Македонская» политика памяти в современной греческой и болгарской интеллектуальной ситуации контролируется формально различными интеллектуальными группами и сообществами, которые фактически вовлечены в практики воспроизводства болгарского и греческого националистического гранд-нарратива, основанного на отрицании существования отдельной македонской нации и идентичности, что автоматически редуцирует всё «македонское» в историческом воображении до регионального проявления «греческого» или «болгарского». Подобное отношение, разумеется, воспринимается крайне негативно со стороны македонских интеллектуалов.

На уровне культуры памяти между Болгарией, Грецией и Северной Македонией фактически идут «бои за историю», которые активно ведут средства массовой информации, привлекая к сотрудничеству академических интеллектуалов, фактически содействуя размыванию границ научного дискурса, превращая представления о прошлом в политический товар на символических рынках идентичности в современных обществах Болгарии, Греции и Северной Македонии. Болгарское и греческое общества потребления нуждаются в собственной легитимации, один

из вариантов которой обеспечивается ассимиляцией исторического академического дискурса. Ассимиляция научной историографии привела к тому, что средства массовой информации оказались в состоянии предложить македонские образы как частный случай болгарских и греческих нарративов, формирующих мемориальный канон, одновременно основанный на национализме и частично (в болгарском случае) на антикоммунизме.

Взаимозависимость националистического и антикоммунистического воображения стала системной особенностью болгарской политики памяти в то время, как греческие участники исторической политики склонны в большей степени актуализировать только националистические или идеологические мифологемы. Историческая политика в отношении македонских образов в современной Болгарии и Греции актуализирует общие тенденции в развитии исторического воображения общества со стабильными традициями развития политического и этнического национализма в направлении его переориентации на удовлетворение запросов общества потребления, историческая память которого характеризуется потребностью в наличии консолидирующих нарративов, одновременно актуализирующих категории Самости и Инаковости, что позволяет греческим и болгарским акторам исторической политики не только конструировать македонские образы в контекстах воображения собственной идентичности, но и использовать их для изобретения образов Другого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абазов 2017 — Абазов Т. Към Македония с необременен поглед // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 74–81.

Василев 2017 — Василев Б. Как се прави PR критика на една недочетена книга // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 55–57.

Груев 2012 — Груев М. Насилие и идентичност: Пиринска Македония в етнонационалните политики на комунистическия режим в България. Част 1–2 // Либерален преглед. 2012. Януари 17, 24. URL.: <http://librev.com/index.php/discussion-bulgaria-publisher/1463-viloence-identity>; <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1471--2-v15-1471>

Гунарис 2017a — Гунарис В. Ц. От селяни към граждани, от селото към нацията // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 309–329.

Гунарис 2017б — Гунарис В. Ц. Проповедници на бога и мъченици на нацията // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 287–301.

Деянова 2017 — Деянова Л. Кой казва кой е експерт? // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 120–127.

Добрев 2017 — Добрев П. За македонските спорове // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 59–63.

Кирчанов 2019 — Кирчанов М.В. Историческият ревизионизм в България: проблеми истории национального возрождения и политическая ответственность интел-

лектуалов // Историческая экспертиза. 2019. № 2 (19). С. 57–69.

Кирчанов 2021 — Кирчанов М.В. "Культура незнания" как форма исторического воображения и политической культуры русского и болгарского национализма // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5. № 3. С. 357–366.

Колиопулос 2017 — Колиопулос Й. Македония във водовъртежа на Втората световна война // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 343–363.

Котзагеорги-Зимари, Хаджианастасиу 2017 — Котзагеорги-Зимари К., Хаджианастасиу Т. Спомени за българската окупация на източна Македония: три поколения // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 459–481.

Маринов 2017a — Маринов Ч. Как се прави спешна антропология // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 26–41.

Маринов 2017б — Маринов Ч. От «интернационализъм» към национализъм // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 188–249.

Махон 2017 — Махон М. Македонският въпрос в България // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 250–273.

Митев, Желязкова, Стойковски 2017 — Митев П.-Е., Желязкова А., Стойковски Г. Македония на кръстопът. Атропологическа снимка // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 8–21.

Попов 2017 — Попов С. Македония, сянка в метафизиката на идентичността //

Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 67–72.

Тодоров 2017 — Тодоров А. Как да говорим за днешна Македония? // Македония близка и непозната. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: Издателство «Екстаз», 2017. С. 47–52.

Γούναρης 2000 — Γούναρης Β. Ο Μακεδονικός αγώνας στην ελληνική ιστοριογραφία (1904–1984) // Βαλκανικά Σύμμεικτα. 2000. No 11. Σ. 323–339.

Ιωαννης 2006 — Ιωαννης Ξ. Κ. Κοινωνικες και πολιτιστικες σχεσεις των μακεδονων και των αλων ελληνων. Συμβολη στην ερευνα της γραμματειακης και επιγραφικης παραδοσεως για την Αρχαια Μακεδονια. Θεσσαλονίκη: Εταιρεια μακεδονικων σπουδων, 2006. 248 σ.

Κωνσταντιнос 1952 — Κωνσταντιнос Α. Ι. Ο μακεδονικος ελλητισμος κατα το τελος του μεσαιωνου και την παλαιοτεραν τουρκοκρατιαν μεχρι του δεκατου ογδου αιωνου. Θεσσαλονίκη: Εταιρεια μακεδονικων σπουδων. 1952. 14 σ.

Κωνσταντιнос 1970 — Κωνσταντιнос Β. Α. Η μεγαλη ιδεα ως ιδεα και πραγματικοτησ. Πανηγυρικος λογος εκφωνησθειс 22 Μαρτιου 1970. Θεσσαλονίκη: Εταιρεια μακεδονικων σπουδων, 1970. 48 σ.

Κωστόπουλος 2006 — Κωστόπουλος Τ. Ο εμφύλιος Μακεδονικός Αγώνας (1904–1908): εκδοχές του κρατικού μονοπωλίου της συλλογικής μνήμης // Τα Ιστορικά. 2006. No 23 (45). Σ. 393–432.

Μηταφιδη 2019 — Μηταφιδη Τ. Η ιστορική μνήμη // Αυγή. 28 Οκτωβρίου 2019. URL.: https://www.avgi.gr/enttheta/328858_i-istoriki-mnimi

Μοδησ 1950 — Μοδηс Γ. Χ. Μακεδονικός αγών και Μακεδόνες αρχηγοί. Θεσσαλονίκη: Μακεδονική Βιβλιοθήκη, 1950. 343 σ.

Μοδηс 2007 — Μοδηс Γ. Ο Μακεδονικος αγων και η νεωτερη Μακεδονικη ιστορια. Θεσσαλονίκη: Εταιρεια μακεδονικων σπουδων, 2007. 432 σ.

Φλάϊσερ 2002 — Φλάϊσερ Χ. Η πολιτική αλλοιώνει την ιστορική μνήμη // Η Καθημερινή. 2002. 3 Μαρτίου. URL.: <https://www.kathimerini.gr/society/110262/h-politiki-alloioinei-tin-istoriki-mnimi/>

REFERENCES

Abazov 2017 — Abazov T. Kŭm Makedoniyasneobremenepogled. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 74–81.

Deyanova 2017 — Deyanova L. Koï kazva koï e ekspert? *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 120–127.

Dobrev 2017 — Dobrev P. Za makedonskite sporove. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 59–63.

Fláiser 2002 — Fláiser Ch. Η πολιτική αλλοιόνει την ιστορική μνήμη. *I Kathimerini*. 2002. 3 Μαρτίου. URL.: <https://www.kathimerini.gr/society/110262/h-politiki-alloioinei-tin-istoriki-mnimi/>

Γούναρης 2000 — Γούναρης Β. Ο Μακεδονικός αγώνας στην ελληνική ιστοριογραφία (1904–1984). *Valkaniká Symmeikta*. 2000. No 11. p. 323–339.

Gruev 2012 — Gruev M. Nasilie i identichnost: Pirinska Makedoniya v etnonatsionalnite politiki na komunisticheskiya rezhim v Bŭlgariya. Chast 1–2. *Liberalen pregled*. 2012. Yanuari 17, 24. URL.: <http://librev.com/index.php/discussion-bulgaria-publisher/1463-viloence-identity>; <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1471-2-v15-1471>

Gunaris 2017a — Gunaris V.T.S. Ot selyani kŭm grazhdani, ot seloto kŭm natsiyata. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 309–329.

Gunaris 2017b — Gunaris V.T.S. Propovednitsi na boga i mŭchenitsi na natsiyata. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 287–301.

Ioannis 2006 — Ioannis X. K. *Koinonikes kai politistikes scheseis ton makedonon kai ton allon ellinon. Symooli stin erevna tis*

grammateiakis kai epigrafikis paradoseos gia tin Archaia Makedonia. Thessaloníki: Etaireia makedonikon spoudon, 2006. 248 p.

Kirchanov 2019 — Kirchanov M. V. Istoričeskij revizionizm v Bolgarii: problemy istorii natsional'nogo vozrozhdeniya i političeskaya otvetstvennost' intellektualov. *Istoričeskaya ekspertiza*. 2019. N 2 (19). p. 57–69.

Kirchanov 2021 — Kirchanov M. V. "Kul'tura neznaniya" kak forma istoričeskogo voobrazheniya i političeskoy kul'tury russkogo i bolgarskogo natsionalizma. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2021. 5(3) p. 357–366.

Koliopulos 2017 — Koliopulos I. Makedoniya vŭv vodovŭrtezha na Vtorata svetovna voŭna. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 343–363.

Konstantinos 1952 — Konstantinos A. I. *O makedonikos ellinismos kata to telos tou mesaionos kai tin palaioteran tourkokratian mechri tou dekatou ogdoou aionos*. Thessaloníki: Etaireia makedonikon spoudon. 1952. 14 p.

Konstantinos 1970 — Konstantinos V. A. *I megali idea os idea kai pragmatikotis. Panigyrikos logos ekfonistheis 22 Martiou 1970*. Thessaloníki: Etaireia makedonikon spoudon, 1970. 48 s.

Kostópoulos 2006 — Kostópoulos T. O emfýlios Makedonikós Agónas (1904–1908): ekdochés tou kratikou monopoliou tis syllogikís mnímis. *Ta Istoriká*. 2006. No 23 (45). p. 393–432.

Kotzageorgi-Zimari, Khadzhiastasiu 2017 — Kotzageorgi-Zimari K., Khadzhiastasiu T. Spomeni za búlgarskata okupatsiya na iztochna Makedoniya: tri pokoleniya. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 459–481.

Makhon 2017 — Makhon M. Makedon-skiyat vŭpros v Búlgariya. *Makedoniya bliz-*

ka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled». Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 250–273.

Marinov 2017a — Marinov Ch. Kak se pravi speshna antropologiya. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 26–41.

Marinov 2017b — Marinov Ch. Ot «internatsionalizŭm» kŭm natsionalizŭm. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 188–249.

Mitafidi 2019 — Mitafidi T. I istorikí mními. *Avgí*. 28 Oktovriou 2019. URL: https://www.avgi.gr/entheta/328858_i-istoriki-mnimi

Mitev, Zhelyazkova, Stoikovski 2017 — Mitev P.-E., Zhelyazkova A., Stoikovski G. Makedoniya na krŭstopŭt. Atropologičeská snimka. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 8–21.

Modis 1950 — Modis G. *Makedonikós agón kai Makedónes archigoi*. Thessaloníki: Makedonikí Vivliothíki, 1950. 343 p.

Modis 2007 — Modis G. *O Makedonikos agon kai i neoteri Makedoniki istoria*. Thessaloníki: Etaireia makedonikon spoudon, 2007. 432 p.

Popov 2017 — Popov S. Makedoniya, syanka v metafizikata na identichnostta. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. S. 67–72.

Todorov 2017 — Todorov A. Kak da govorim za dneshna Makedoniya? *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 47–52.

Vasilev 2017 — Vasilev B. Kak se pravi PR kritika na edna nedochetena kniga. *Makedoniya blizka i nepoznata. Tematichen sbornik na spisanie «Liberalen pregled»*. Berlin: Izdatelstvo «Ekstaz», 2017. p. 55–57.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА — ДАЛЁКИЕ И БЛИЗКИЕ. РАЗЛИЧНЫЕ ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье исследуются различные формы и структуры интерпретации действительности в Юго-Восточной Европе и Латинской Америке. Автор считает, что в Латинской Америке основным принципом оценки общества, политики и международных отношений является социальная парадигма, т.е. когнитивное подчеркивание контраста между богатыми и бедными, наделёнными властью и безвластными. В противоположность этому в Юго-Восточной Европе развилась доминирующая национальная парадигма, которая склонна выделять национальные различия, а не социальные. Эта противоположность обусловлена различным имперским наследием: в то время как испанская колониальная империя оставила после себя общества с огромным социальным разрывом, Османская империя создала некоторую степень социального равенства среди своих христианских подданных.

К другим факторам относятся историческая память и география. Национальное освобождение в Юго-Восточной Европе было результатом конкурирующих исторических проектов, берущих начало в Средневековье и зачастую претендующих на одни и те же территории на довольно небольшом полуострове. Возникавшие в этой связи войны укрепили национальную идентичность и создали общества, привыкшие интерпретировать опасности посредством поиска национальных врагов. В Латинской Америке национальные государства возникли на основе колониальных провинций таким образом, что пограничные споры и войны между соседними государствами были редкостью. Здесь экономическая эксплуатация и господство как внутри общества, так и на международном уровне вышли на первый план в качестве основных тем дискурса, что скорее способствовало развитию общей латиноамериканской идентичности, нежели национальных идентичностей. Оба пути имеют глубокие последствия для современных интеграционных проектов, поскольку латиноамериканские государства (или гражданские общества) склонны к формированию коалиций для противодействия «неолиберальной» политике США. В то же время государства Юго-Восточной Европы редко могут сформулировать общие интере-

сы, предпочитая идти в Европу изолированным путём и демонстрируя недоверие скорее к другим этническим группам, чем к Европейскому Союзу.
Ключевые слова: Латинская Америка, Юго-Восточная Европа, сравнительный анализ, национализм, колониализм, становление нации.

Сведения об авторе: Клаус Бухенау — профессор, заместитель заведующего кафедры истории Юго-Восточной и Восточной Европы Регенсбургского университета.

Контактная информация: klaus.buchenau@ur.de)

K. Buchenau

SOUTHEASTERN EUROPE AND LATIN AMERICA — FAR AND CLOSE. DIFFERENT PATHS OF STATE-BUILDING AND THEIR CONSEQUENCES

This article explores different patterns of interpreting reality in Southeastern Europe and Latin America. It claims that in Latin America, a principal mode of viewing society, politics and international relations is the social paradigm — i.e. a cognitive stress on the contrast between the rich and the poor, the empowered and the powerless. Southeastern Europe, in opposition to that, has developed a dominant national paradigm, which tends to underline national differences rather than social ones. This contrast is rooted in different imperial legacies — while the Spanish colonial empire left behind societies with vast social cleavages, the Ottoman Empire produced a certain degree of social equality among its Christian citizens. Other factors are historical memory and geography — national liberation in Southeastern Europe proceeded from competing historical projects rooted in the middle ages, which often pretended to the same lands on a rather small peninsula. The resulting wars deepened national identities and produced societies used to interpreting danger in terms of national foes. In Latin America, the national states developed out of the colonial provinces, so that border disputes as well as wars between neighboring states were rare. Here, economic exploitation and domination — both within society but also on the international level — advanced as main themes of discourse, a fact that rather helped to develop a common Latin American identity than national identities. Both paths have deep consequences for contemporary integration projects, since Latin American states (or civil societies) tend to form coalitions vis-à-vis “neoliberal” US policies. Meanwhile, Southeast European states rarely articulate common interests but go their way to Europe in a rather isolated manner, displaying distrust rather of ethnic others than of the European Union.

Keywords: Latin America, Southeastern Europe, comparative analysis, nationalism, colonialism, nation-building.

About the author: Klaus Buchenau, professor, deputy chair for the history of Eastern and Southeastern Europe at the University of Regensburg;

Contact information: klaus.buchenau@ur.de

В Юго-Восточной Европе, как и в Латинской Америке, начиная с XIX в. много размышляют, пишут,

обсуждают, выражают недовольство и возмущение собственной «отсталостью». Однако решения «общей»

проблемы оказываются различными. В Латинской Америке уже достаточно рано вырисовывается социальная и антиколониальная парадигма, которая интерпретирует проблемы различного характера как социальные, в русле взаимоотношений между «верхами» и «низами». Прежде всего в Центральной Америке и странах Карибского бассейна этот дискурс является секулярным, левым и антиамериканским; он рассматривает вмешательство США как центральный момент с точки зрения собственных экономических интересов. Кубинский писатель Хосе Марти отмечал еще в 1889 г.: «Покупающий народ решает. Продающий народ служит. Когда один народ хочет умереть, то он продаёт только одному народу; если он хочет спастись, то он продаёт нескольким народам. Чрезмерное влияние одной страны в торговле переводится во влияние политическое» (*Rama* 1975: 84).

Частым явлением в Латинской Америке времён холодной войны была правая, опирающаяся на землевладельческую олигархию военная диктатура, которой противостояла закаленная левая оппозиция. Во многих латиноамериканских обществах социальный разрыв между элитой и народом в собственных странах (а также между богатыми и бедными частями света) воспринимается как основная проблема, и эта позиция переносится в политическую сферу. Поэтому фазы неоллиберальной экономической политики сменяются левыми противофазами, когда правительства видят свою важнейшую задачу в равномерном распределении

благополучия (на национальном и глобальном уровнях). Эта схема влияет и на формирование научных теорий, о чем свидетельствует ведущая роль Латинской Америки и латиноамериканских авторов в создании различных теорий зависимости¹.

Юго-Восточная Европа пошла по другому пути. Начиная с XIX в. доминирующий дискурс здесь определяют скорее национальные, нежели социальные аргументы. Формировавшийся в странах региона крестьянский социализм оказался в скором времени втянутым в водоворот национализма. Сквозь националистическую призму врагами нации казались одновременно и социальные угнетатели, но в случае ряда балканских регионов наиболее распространенный образ врага был связан с землевладельцем-мусульманином. Правда, как только его убивали, изгоняли или лишали прав и образовывалась собственная правящая бюрократическая прослойка, то, с точки зрения подчиняющихся, вопрос о справедливости вновь оказывался в повестке дня. Таким образом, и в Юго-Восточной Европе партиям социальной направленности удавалось преуспеть, однако, впрочем, ненадолго. Национализм, как правило, использовал в корыстных целях или же вытеснял тему социальной справедливости. Подобное можно наблюдать и у левых течений, в высшей степени догматически оформленных и управляемых извне, как, например, международное коммунистическое движение. Коммунистическая партия Югославии (КПЮ), которая в условиях социального

¹ Здесь прежде всего см. *Kaller-Dietrich, Mayer* 2003, глава 5.

кризиса стала крупнейшей коммунистической силой во всём регионе на выборах 1920-го г., так и не смогла — не только из-за государственных репрессий — долго удерживать свою популярность. Вместо этого, несмотря на принимаемые и здесь государственные контрмеры, смогла стабилизироваться этнически ориентированный партийный ландшафт. Между тем КПЮ, будучи в подполье, частично приспособилась к действительности и тратила свою энергию в дискуссиях о национальном вопросе. Коммунистические режимы в Румынии и Болгарии между 1945 и 1989 гг., хотя формально и не отказывались от классового подхода, едва смогли бы укрепиться у власти без убедительного позиционирования национального вопроса (ср. с обостренным отношением к «братству и единству» у югославских партизан). Начиная с 1960-х годов они демонстрировали (особенно в Румынии) беспрецедентные попытки «вылазки» в национальный коммунизм. Вместе с тем авторитарное партийное государство, присвоив левую идею, дискредитировало ее настолько, что после распада Восточного блока о социальных вопросах речь ведётся всё реже, чем следовало бы ожидать перед лицом острых проблем в этой области.

Хотя недостатка в мотивах возникновения и усиления левых тенденций ни в коем случае не было, однако же ни стремительно растущая социальная дифференциация в межвоенный период, ни зачастую головокружительный социальный разрыв наших дней не смогли привести к появлению у левых партий серьёзных шансов на успех. Исключением осталась

Греция, которая никогда не была коммунистической, однако позднее породила свой собственный левый популизм, не чуждый латиноамериканскому, который в 1980-е гг. при Андреасе Папандреу пережил свой первый, а после финансового кризиса, в годы правления левой партии СИРИЗА (2015–2019, ΣΥΡΙΖΑ, греч.), прошёл свой второй пик (Pappas, Aslanidis 2015: 181–198).

Мы наблюдаем, как общества Юго-Восточной Европы и далее истолковывают борьбу за распределение ресурсов как межэтнические столкновения: распад Югославии в 1990-е гг. или сегодняшние Босния и Северная Македония могут служить здесь наглядными примерами. Проблема ромов (цыган) также частично относится к этой категории в том случае, когда венгерские деревенские бедняки причисляются окружающими к ромам, хотя сами себя таковыми не считают и не имеют родственников среди данной народности (Thelen, Rassel 2014). Другими примерами «национального крена» в политике в Юго-Восточной Европе являются проведённые зачастую по этническому принципу аграрные реформы, присвоение гражданства и тому подобное (Müller 2005).

В чём же кроется причина такого преобладания социальной парадигмы в Латинской Америке и национальной парадигмы в Юго-Восточной Европе? И то, и другое не является чем-то само собой разумеющимся: в обоих регионах политические элиты имели возможность вдохновиться разнообразнейшими дискурсами своего времени. Различие, вероятно, заключается в потребностях. Латин-

ноамериканские государства провозгласили свою независимость после того, как колониальный центр — Испания — рухнул под натиском Наполеона. Ответственными за принятие решений о провозглашении независимости были креольские элиты — аристократы с испанскими корнями, которые, однако, родились уже в колониях. С точки зрения испанской короны креолы рассматривались как потенциально нелояльные, поэтому колониальная администрация начиная с 1750 г. регулярно отдавала предпочтение управляющим, родившимся в Испании и владеющим там собственностью, и потому считавшимся легче контролируемыми (Anderson 1983: 50–63; König 2006: 116). Проект независимости черпался в первую очередь из этого противоречия между креолами и «настоящими» испанцами. Во время и после французской оккупации Испании (1808–1813) креолы воспользовались благоприятным моментом и объявили свои колониальные провинции независимыми. Начавшееся в Латинской Америке государственное строительство являлось проектом элиты, даже когда его протагонисты ссылались на идеалы равенства и братства, порождённые Французской революцией, чтобы таким образом увлечь за собой остальную часть колониального общества. Элиты вскоре потерпели неудачу в формировании наций в своих государствах: слишком велик был разрыв между креолами, с одной стороны, и порабощёнными *indios*, с другой, а также слишком незначительным являлся средний класс, который мог бы восстановить

равновесие. Даже в Аргентине, где рабовладение и расовые различия играли, скорее, незначительную роль и где сформировалось общество иммигрантов с преобладанием европейцев, ведущие креольские слои поддерживали пирамидальное общественное устройство с радикально отличающимися возможностями партиципации (Osterhammel 2009: 501).

Дабы защитить свои интересы в качестве государственных руководителей и землевладельцев, креолы вскоре вытеснили из своей идеологии значительную часть европейской повестки национального государства, прежде всего ту её часть, которая провозглашает народ сувереном и требует установления соответствующей партиципации. Как до, так и после провозглашения независимости решающие разделительные линии проходили в этой связи между верхними и нижними слоями общества. Разделения между соседними государствами играли, напротив, незначительную роль. Креольская культура была присуща всем государствам, за исключением Бразилии. Территориальные же споры были редкостью, поскольку креолы, как правило, признавали внутреннее проведение границ испанской колониальной империи и лишь изредка учитывали границы ранее существовавших государственных образований, как, например, Ацтекская империя. Поэтому войны между латиноамериканскими государствами были, скорее, явлением нетипичным (Brading 1994: 83–108)². Серьёзней-

² К наиболее кровопролитной в XX в. латиноамериканской войне, Чакской войне 1932–1935 гг. между Боливией и Парагваем, привел не столько классический территориальный спор, имеющий

шей проблемой оставалась недостаточная внутренняя сопряжённость, разрыв между бедными и богатыми, низшими слоями населения и элитами. Следствием было широкое распространение социальных аргументов в политическом дискурсе: центральной была и оставалась тема справедливого распределения благ, как на локальном, национальном, так и на международном уровне (Здесь сыграло свою роль то, что экономика испанской колониальной империи имела «глобальную» направленность. В связи с этим латиноамериканская экономика в значительной степени строилась на экспорте сырья, а позднее — на вывозе сельскохозяйственной продукции. Следовательно, в экономическом плане уже изначально рассматривался широкий международный контекст). Внутренняя разрозненность, а также внешнеэкономическая зависимость способствовали поиску такого образа врага, на которого можно было возложить ответственность за имеющиеся проблемы и использовать в качестве элемента, консолидирующего общество. Решающий идеологический мотив укоренился начиная с конца XIX в., когда собственные землевладельческие элиты начали сотрудничать с новым гегемоном на севере — США, пришедшим на смену испанской колониальной державе в качестве носителя основной инаковости (McPherson 2006: 10–17). Социально окрашенный антиамериканский дискурс в определённой степени сблизил латиноамериканские общества, показал им общего противника

и попутно увековечил традицию относительно мирных добрососедских отношений на континенте.

В Юго-Восточной Европе освободительные движения приняли совершенно другой оборот. В антиосманских восстаниях XIX в. вполне угадывается социальный аспект. Например, в Герцеговине, где в 1876 г. православные крестьяне подняли восстание против своих землевладельцев-мусульман. Исходное положение в двух регионах было, в целом, относительно равным. Как Испанская, так и Османская империи знали рабство, хотя и применяли его абсолютно по-разному: в то время как в испанских колониях рабы составляли основу экономики в качестве персонала латифундий, в Османской империи они традиционно привлекались к государственной и военной службе. Реальность испанских колоний совпадала с нашими сегодняшними представлениями о рабстве как с правовой, так и с социальной точки зрения, тогда как в Османской империи речь зачастую шла «всего лишь» о правовом статусе человека. При этом южноамериканские провинции Испании были по большей части организованы феодально, то есть в них господствовал строго иерархический порядок, который охватывал всё общество. Экономические интересы, целью которых была эксплуатация, играли здесь ключевую роль, вследствие чего фокус политических дискурсов был предопределён. Османская империя в свою очередь была государством, которое следовало принципу

давние исторические корни, сколько борьба за обладание нефтеносными территориями (прим. отв. редактора).

«наслаивания», предоставляя завоеванным немусульманским народам местное самоуправление и не придавая экономическим вопросам ключевого значения. Это подтверждает, например, делегирование значительной части торговли христианам (как местным жителям, так и иностранцам). Схожим образом было организовано и сельское хозяйство: только на равнинах с хорошим доступом к османской столице возникли приблизительные эквиваленты латиноамериканских латифундий. На остальных же территориях доминировало мелкое сельское хозяйство более или менее изолированных локальных сообществ — положение дел, которое частично усилилось после «национального освобождения» и как раз не способствовало размышлениям о глобальных экономических связях, о справедливости и несправедливости международного обмена (*Inalcik, Quataert* 1994: 5; *Palairot* 1997: 361f.).

Центральными единицами социальной организации, из которых вышли балканские повстанческие движения, были деревенские общины, патрилинейные расширенные семьи и племена. Сецессионные движения XIX века в этой связи создавались в значительной мере (у сербов в большей, у греков в меньшей степени отчётливо выражено) снизу и считались в глазах современников в европейском сравнении особенно эгалитарными (*Шемякин* 2006). В латиноамериканских обществах, в которых классовые различия усиливались различным этническим происхождением и прежде всего цветом кожи, этот путь был не настолько легко преодолим.

Принцип «наслаивания» в османском государстве привёл в том числе и к тому, что в нижестоящей по отношению к османской элите среде смогли сохраниться языковые и религиозные культуры. В то время как Испания (а также и Португалия в своей колонии Бразилии) рассматривала католическое миссионерство как свою обязанность и таким образом передавала своё наречие и свои представления о ценностях вплоть до самых основ общества, Османская империя довольствовалась устранением немусульманских элит. Условия также не препятствовали образованию устной культуры памяти, в которой воспевалась доосманская государственность. Ещё до османских завоеваний Юго-Восточная Европа была в гораздо большей степени, нежели Латинская Америка, ареной конкурирующих государственных образований. Эта средневековая совокупность государств не может рассматриваться как национальная в современном смысле, хотя она и была время от времени разделена на основе культурных и лингвистических критериев — прежде всего на грекоговорящую Византию и на болгарское царство и сербское королевство, говорящие на славянских языках. Для балканских элит XIX в. эти традиции являлись, с одной стороны, значительной помощью при выработке аргументации; с другой стороны, они приводили в действие фатальный механизм, который до сих пор вызывает всё новые конфликты и всё новые волны национализма — каждый раз в ущерб социальной парадигме.

Поскольку средневековые Балканы были политически нестабильны,

происходил передел границ, различные государственные образования конкурировали друг с другом за территорию (та конкуренция, от которой географически более обширная Латинская Америка, в сущности, была далека). В конце XIX в. установился образец, согласно которому «территориальное тщеславие» ориентировалось на память о максимальной территориальной экспансии того средневекового государства, которое воспринималось как собственный предшественник. Это мышление привело в 1913 г. к настоящей межгосударственной — Второй Балканской войне между балканскими странами, за которой последовали и дальнейшие (хотя и частично привнесённые в регион извне): Первая Мировая война, приведшая также к обострению греко-турецкого конфликта, также разрешенного вооружённым путем; Вторая Мировая война и, в конце концов, серия вооружённых конфликтов, ознаменовавших распад Югославии. Большая часть этих военных столкновений привела к внутригосударственной национальной гомогенизации и к национальной обособленности, направленной вовне (Yavuz 2013: 33–35). Другим возможным парадигмам пришлось отойти в сторону, так как, в противоположность Латинской Америке, Юго-Восточная Европа не обрела вновь доминировавший ранее образ общего внешнего врага, сложившийся по итогам XIX в., отмеченного антиосманскими настроениями и восстаниями. В отличие от Латинской Америки, социальные вопросы оказывались и оказываются второстепенными по отношению к национальным вопросам, притом даже тогда, когда у людей вне зави-

симости от их национальной принадлежности наличествуют плохие условия жизни.

Самовосприятие так же, как и внешнее восприятие, долго воспроизводило эти различные когнитивные образцы. В одной местной группе Amnesty International, в которой я работал в начале 1990-х гг., латиноамериканские конфликты считались социальными, даже когда в их основе лежали этнические различия (о которых, кстати, в самом регионе всё больше говорят начиная с 1980-х гг.). Конфликты в Юго-Восточной Европе считаются даже тогда этническими/национальными, когда социальные компоненты являются очевидными. Это распространяется как на внешнее восприятие, так и в ещё большей степени на самовосприятие. Например, албанские нападения на монастырскую собственность Сербской православной церкви в Косово в 1990-е гг. глубоко врезались в сербскую коллективную память. Однако то, что начиная с османских времён также и сербские (а точнее, православные) крестьяне охотно овладевали монастырским имуществом, загоняли своих свиней в монастырские леса, воровали дрова у монахов и в некоторых случаях даже нападали на них, не встречается в национальной литературе даже в сносках, несмотря на многочисленные документально подтверждённые доказательства (Buchenu 2011: 201–203).

Как видно на примере развития арабского мира, помимо социальной и национальной возможна ещё одна парадигма — религиозная. Имеются в виду те ситуации, в которых границы группы или столкновения между

группами в первую очередь могут быть охарактеризованы как религиозные и в которых наблюдается тенденция к подавлению всех остальных противоречий или же их переосмыслению с точки зрения религии. Например, как в случае конфликтов между суннитами и шиитами в Ираке или между Исламским Государством и его арабскими противниками. Ни в Латинской Америке, ни в Юго-Восточной Европе религиозная парадигма не смогла по-настоящему утвердиться, невзирая на то, что такая возможность (например, Балканские войны 1912–13 гг. или последняя Боснийская война) временами прорисовывалась. В Латинской Америке антиамериканизм приобретал порой черты католической критики протестантского севера, но это никогда не выходило за рамки начальных проявлений. Приверженцами такого взгляда были, как правило, представители креольской элиты — такие, как чилийский писатель Франсиско Бильбао, который в 1856 г. отвергал прагматический и материалистический дух протестантской Северной Америки: «Мы предпочитаем социальное — индивидуальному, красоту — богатству, справедливость — власти, искусство — торговле, поэзию — индустрии, философию — учебникам, чистый дух — расчётливости и долг — собственным интересам» (McPherson 2007: 82).

Католицизм столкнулся с трудностями при распространении на остальные слои общества помимо элиты, поскольку в исторической памяти людей он был, очевидно, слишком сильно связан с колониальной историей. Иначе, чем в арабском мире, где начиная с конца XVIII в. всё ча-

ще колонизаторами были христиане, а колонизируемыми — мусульмане, католицизм в Латинской Америке должен был справиться с непростой задачей: с одной стороны, быть орудием имперской власти, с другой — повседневным духовным утешением для широких слоёв населения. Нам известна также похожая проблема из отношений Габсбургской монархии с её подданными-католиками. В данном случае, из-за меньшей асимметрии между правящими и управляемыми, это проявлялось в более слабой форме. В обоих случаях эта двойная функция подрывала авторитет католической церкви и препятствовала развитию религиозной парадигмы (Pike 1964: 3–27; Schulze Wessel 2001: 186–192).

Таким образом, в латиноамериканских дискурсах католические клирики редко почитаются как представители церкви. Скорее, они рассматриваются как люди, которые — будь то даже против воли Ватикана — вступались за народ. Ярчайший феномен в этом направлении — подъём теологии освобождения начиная с 1970-х гг., вследствие чего католический клир стал в большинстве своём «революционной силой», которая, однако, едва ли воспринималась как религиозный импульс как таковой (Schlegelberger 1994: 177–211). Некоторое время могло представляться, будто Латинская Америка заново изобрела марксизм: значительное присутствие левых теологов во время революции в Никарагуа, казалось, поставило политическую модель Советского Союза с её отношением к религии с ног на голову. При ближайшем рассмотрении это оказывается преувеличением, поскольку

религиозная парадигма только лишь подчинилась социальной, но не заменила её. За эту способность духовенства адаптироваться сандинисты отблагодарили его возможностью и далее работать в социалистической Никарагуа (Heinen 1995).

Многие конфликты в Юго-Восточной Европе имели религиозную окраску. Достаточно вспомнить о Четвёртом крестовом походе 1204 г., который довёл до крайности православно-католическую вражду; османские завоевания, которые были обоснованы джихадом; попеременные боины в первую очередь между православными и мусульманами в XIX и XX вв. Также стоит упомянуть и геноцид, организованный движением усташей во время Второй Мировой войны, при котором религиозный критерий оказывался решающим между жизнью и смертью. Всё же дискурсы в обществах Юго-Восточной Европы в большинстве своём не создают впечатление того, что они следуют религиозной парадигме. Религиозные различия важны, но они, как правило, если и встречаются, то в качестве одного из аспектов национального. Религиозные аргументы в узком смысле редко становятся (и становились уже в XIX в.) предметом серьёзных обсуждений широкой общественности. Вопрос «почему» здесь практически никогда не задаётся вероятно потому, что большинство комментаторов (прежде всего сторонних и либеральных, но не только их) считают саму идею того, что религиозные вопросы могли бы стать одними из важнейших для общества, абсурдной и неевропейской. В остальном же наблюдатели ограничиваются

тем, что с недоверием следят за увеличением числа религиозных аргументов и критикуют это. В этом уже отчасти и кроется объяснение: географическая близость к Западной Европе и ориентация на неё по большей части оказали сдерживающее влияние. Помимо этого, есть и другие факторы. Например, преобладание православия, чья иерархия зачастую становится на подветренную сторону политики и (в отличие от ислама и частично католицизма) крайне редко выступает с собственной повесткой по ту сторону монастырских стен. Традиционным же стало скорее лишь незначительное церковное влияние в сельской местности, которое привело к тому, что стандартизированные религиозные учения смогли раскрыть свой мобилизующий потенциал лишь весьма ограниченно. И не последнюю роль здесь играет ранее описанное преобладание национальной парадигмы, которая раскалывает надэтнические религиозные группы на «национальные регионы», подрывая таким образом притязание религий на универсальность (Buchenau 2014: 667–690; Id. 2015: 259–280).

В заключение можно констатировать, что регионоведению (англ. *area studies*) есть чему поучиться на примере сравнения Юго-Восточной Европы с Латинской Америкой — в первую очередь посредством упомянутого в начале этого очерка эффекта отчуждения. В данном кратком обзоре обращает на себя внимание тот факт, что главным образом латиноамериканцы воспринимают «свою» территорию как регион в положительном смысле и усиливают эту групповую сплочённость

с помощью конструирования объекта общей инаковости, воплощённой в США.

В Юго-Восточной Европе ничего подобного не происходит. Хотя сами общества и государства региональные названия, такие как «Балканы» или «Юго-Восточная Европа», не ставят под сомнение как таковые, тем не менее с ними зачастую не связывают ничего хорошего или не хотят себя к ним относить (в особенности, когда речь идёт о Балканах). Хотя «Европа» и является «другим» для многих обществ Юго-Восточной Европы, она преимущественно не расценивается как противник и уж тем более не рассматривается в качестве собирательного и общего для всей Юго-Восточной Европы образа врага. Вместо этого отдельные государства взаимодействуют с ЕС, проявляя готовность в большей или меньшей степени приспособляться к его требованиям. Критика устанавливаемых «центром» правил игры является, в отличие от Латинской Америки, скорее исключением или же откладывается до того момента, когда то или иное государство вступит в ЕС. Потенциал инаковости, который часто приписывался региону по причине его незападных религиозных традиций (православие и ислам), при данных обстоятельствах редко исчерпывается.

Данные результаты исследования соответствуют внутренним различиям, выраженным главным образом в когнитивных фильтрах — парадигмах. Несмотря на то, что парадигмы и сами возникли на фоне доязыковых фактов, они всё же обособливаются и приводят в итоге к тому, что схо-

жие реальности интерпретируются по-разному. И именно поэтому требуются различные решения проблем толкования. Это становится наглядным на примере отношения к ещё одной парадигме — неолиберальной. Сегодня она (хотя несколько подбита пандемией и новым американским экономическим национализмом) распространяется в первую очередь с «Запада» к перифериям и вызывает как в Юго-Восточной Европе, так и в Латинской Америке стресс, связанный с процессами трансформации. У протестных голосов левых в Латинской Америке есть потенциал стать лидерами общественного мнения целого континента, достаточно лишь подумать о популярности таких фигур, как Фидель Кастро или Уго Чавес. В Юго-Восточной Европе бывший министр финансов Греции (Янис Варуфакис) недавно попробовал себя в схожей транснациональной роли «мессии». Однако отклик в странах-соседах по Юго-Восточной Европе оказался мало-значительным несмотря на то, что и здесь возникает соблазн искать источник проблем не в своих действиях, а в правилах игры, заданных извне. Предположительно, причина тому кроется в традиции одиночной борьбы, которую оставила после себя национальная парадигма.

Таким образом, в Юго-Восточной Европе утвердилась национальная парадигма, в Латинской Америке — социальная; религиозная парадигма, напротив, не имела в обоих регионах никаких шансов. К развитию национальной парадигмы Юго-Восточной Европы невольно были причастны империи, прежде всего, Османская, которая привела к слиянию

социальных и этно-религиозных различий. Переход социальных требований в этнические, а не наоборот, не в последнюю очередь уходит корнями в соперничество множества наций за небольшую территорию, что в свою очередь являлось причиной войн, способствовавших возникновению национальной идентичности. Эти войны укрепляли этнократические режимы, в которых «национально заслуженная» элита всегда могла получить значительную часть общественного благосостояния. В итоге возникли общества, склонные к национальной интерпретации подобных конфликтов, хотя где-либо ещё они бы рассматривались как социальные. Даже такие уважаемые и стабильные институты как, например, религиозные общины, подчинились данной логике. Сравнение латиноамериканских и хорватского католических дискурсов быстро бы обнаружило, насколько силён социальный фокус первого и национальный второго — и это внутри одной и той же, казалось бы, управляемой из единого центра католической церкви.

Хотя очерченные в данной статье исторические пути явно оставляют свой отпечаток и на нашей современности, некоторые различия ослабевают под влиянием глобализации и глобальных кризисов. Если исторически латиноамериканские политические партии достаточно ясно делились на «левые», «либеральные» и «консервативные», что определялось различием подходов к распределению материальных ресурсов, то сейчас все-таки происходит размывание границ между догмами. Во многих государствах региона деинституционализируются партийные

системы, появляются разного рода популизмы; в некоторых случаях, этнические идентификации заменяют классовые (Hicken, Riedl 2018).

Так что наблюдается некоторое сближение ситуаций в Латинской Америке и Юго-Восточной Европе, хотя в плане этнонационализма и дальше первенствует последняя. За сближением, кажется, стоит общий механизм: поскольку теперешние государства — не только в упомянутых регионах — часто неспособны эффективно защитить своих граждан от все более частых кризисов (политических, экономических, миграционных, климатических, да и пандемических), то люди уже не доверяют стабильным политическим учениям, которые характеризовали классические партии от консерваторов до левых. Вместо этого, они чаще выбирают по принципам клиентелизма, личной харизмы лидера и тд. В этом отражается если не пессимизм, то по крайней мере потеря ясных ориентиров для будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. — London: Verso, 1983. — 160 p.

Brading D.A. Nationalism and State-Building in Latin American History // *Ibero-amerikanisches Archiv*. — Frankfurt: Iberoamericana Editorial Vervuert, 1994. — Vol. 20, Issue 1–2. — p. 83–108.

Buchenau K. *Auf russischen Spuren: Orthodoxe Antiwester in Serbien, 1850–1945*. — Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.

Buchenau K. Orthodox values and modern necessities / O. Listhaug, S. Ramet, D. Dulić (Eds.) // *Civic and Uncivic Values, Serbia in*

- the post-Milošević Era.* — Budapest, New York: CEU Press, 2011. — p. 111–142.
- Buchenau K. Religionen auf dem Balkan: Identität und Praxis vom Mittelalter bis in die Gegenwart / U. Hinrichs, T. Kahl, P. Himstedt-Vaid (Hg.) // *Handbuch Balkan.* — Wiesbaden: Harrassowitz, 2014. — S. 667–690.
- Buchenau K. Socialist Secularities — the Diversity of a Universalist Model / M. Wohlrab-Sahr, M. Burchardt, M. Middell (Ed.) // *Multiple Secularities beyond the West.* — Berlin: De Gruyter, 2015. — p. 259–280.
- Calic, M. *Südosteuropa: Weltgeschichte einer Region.* — München: C. H. Beck, 2016. — 704 S.
- Heinen G. „Mit Christus und der Revolution“: *Geschichte und Wirken der „iglesia popular“ im sandinistischen Nicaragua (1979–1990).* — Stuttgart et al.: Kohlhammer, 1995. — 344 S.
- Hicken, A., Riedl, R. From the Outside Looking In: Latin American Parties in Comparative Perspective / Mainwaring S. (Ed.) // *Party Systems in Latin America: Institutionalization, Decay, and Collapse.* Cambridge: Cambridge University Press, 2018. — p. 426–440.
- İnalçik H., Quataert D. Introduction / Ead. (Eds.) // *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — p. 1–7.
- Kaelble H. Die Debatte über Vergleich und Transfer und was jetzt? // *H-Soz-Kult.* — Berlin, 2005. — Mode of access: <http://www.hsozkult.de/article/id/artikel-574> (Date of access: — 29.07.2015).
- Kaller-Dietrich M., Mayer D. (2003). *Geschichte Lateinamerikas im 19. und 20. Jahrhundert: Ein historischer Überblick.* — Mode of access: <http://www.lateinamerika-studien.at/content/geschichtepolitik/geschichte/geschichte-166.html> (Date of access: — 30.07.2015).
- König H.-J. *Kleine Geschichte Lateinamerikas.* — Stuttgart: Reclam, 2006. — 814 S.
- McPherson A. Anti-Americanism in Latin America / B. O'Connor (Ed.) // *Anti-Americanism: History, Causes, Themes.* — Westport, CT: Greenwood World Publishing, 2007. — p. 77–102.
- Müller D. *Staatsbürger auf Widerruf: Juden und Muslime als Alteritätspartner im rumänischen und serbischen Nationscode. Ethnonationale Staatsbürgerschaftskonzepte 1878–1941.* — Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. — 537 S.
- Osterhammel J. *Die Verwandlung der Welt: Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts.* — München: Beck, 2009. — 1568 S.
- Paláiret M. *The Balkan Economies c. 1800–1914: Evolution Without Development.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 415 p.
- Pappas T.S., Aslanidis P. Greek Populism: A Political Drama in Five Acts / H. Kriesi, T.S. Pappas (Eds.) // *European Populism in the Shadow of the Great Recession.* — Colchester: ECPR Press, 2015. — p. 181–198.
- Pike F.B. Introduction / Id. (Ed.) // *The Conflict Between Church and State in Latin America.* — New York: Knopf, 1964. — S. 3–27.
- Politische und ethnische Gewalt in Südosteuropa und Lateinamerika* / W. Höpken, M. Riekenberg (Hg.). — Köln et al.: Böhlau, 2001. — 273 S.
- Rama C.M. *La imagen de los Estados Unidos en la América Latina: de Simón Bolívar a Salvador Allende.* — Mexico City: Sep-Setentas, 1975. — 166 p.
- Schlegelberger B. Der Streit um die Theologie der Befreiung: Kirche im Spannungsfeld sozialer Konflikte // *Ibero-amerikanisches Archiv.* — Frankfurt: Iberoamericana Editorial Vervuert, 1994. — Vol. 20, Issue 1–2. — S. 177–211.
- Schulze Wessel M. Konfession und Nation in den böhmischen Ländern / W. Koschmal, M. Nekula, J. Rogall (Hg.) // *Deutsche und Tschechen: Geschichte — Kultur — Politik.* — München: C. H. Beck, 2001. — S. 186–192.

Шемякин А.Л. (ред.) *Русские о Сербии и сербах*. Т.1 — СПб.: Алетейя, 2006. — 683 с. [Shemyakin A.L. (2006). *Russians about Serbia and the Serbs* [*Russkie o Serbii i serbakh*]. — Saint Petersburg: Aleteiya. — 683 p.]

Yavuz, M.H. Warfare and Nationalism: The Balkan Wars as a Catalyst for Homogenization / Id., I. Blumi (Eds.) // *War and Nationalism: The Balkan Wars, 1912–1913, and Their Sociopolitical Implications*. — Salt Lake City: The University of Utah Press, 2013. — p. 31–84.

И. Шварц

«НИЧЕГО ОН НЕ ОТТОРГАЛ, ОН ВОЗВРАЩАЛ!» ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ХОТЕЛ СКАЗАТЬ ПУТИН?

В день рождения Петра Первого, 9 июня, В. В. Путин выступил перед молодыми предпринимателями, инженерами и учёными с аналогией между современностью и правлением первого российского императора. Не в первый раз президент РФ использует историю для политических посланий, прибегая к приемам и методам исторической политики. Что за этим скрывается, в каком ключе они были высказаны, и как исторические аналогии соотносятся с исторической действительностью, все эти вопросы являются предметом выяснения в этой статье.

Ключевые слова: историческая политика, В. В. Путин, Петр I, Северная война, Украина, Нарва

Сведения об авторе: Искра Шварц — австрийский историк, болгарского происхождения, воспитанник Московского университета. Живет в Вене. Работает с 1990 г. в Институте Восточноевропейской истории Венского университета, профессор, доктор философских наук (Dr. phil.). Автор книг: «Петр I и Австрия. Исследования о петровской эпохе» (2022), «Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках» (2021, в соавторстве с В. В. Шишкиным), сборников «Die Flucht des Thronfolgers Aleksej» (2019), „Quo vadis EU?“ (2008, совместно с A. Suppan), «Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века» (2000, совместно с Л. Е. Семеновой и др.), «Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе в середине XVII в.» (2007, совместно с Л. Е. Семеновой и др.) и множества научных статей по истории России и стран Центральной и Восточной Европы.

Контактная информация: iskra.schwarzc@univie.ac.at

I. Schwarcz

„HE DID NOT CONQUER, HE BROUGHT BACK!“ WHAT DID PUTIN REALLY WANTED TO SAY?

On the birthday of Peter the Great, June 9, V. V. Putin gave a speech to young entrepreneurs, engineers and scientists in which he compared today and the

reign of this Russian Emperor. This is not the first time that the President of the Russian Federation uses history for political messages, resorting to the techniques and methods of history politics. What is hidden behind this, in what key he expressed himself, and how historical analogies relate to historical reality, all these questions are treated in this article.

Key-words: history politics, V. V. Putin, Peter the Great, Great Northern War, Ukraine, Narva

About the author: Iskra Schwarcz is an Austrian historian of Bulgarian origin, a graduate of Moscow State University and lives in Vienna. Since 1990 she has been working at the Institute of Eastern European History of the University of Vienna, Professor, Doctor of Philosophy (Dr. phil.). Author of the books: «Petr I i Avstriya. Issledovaniya o petrovskoj epohe» (2022), «Francuzskoe korolevstvo i Russkoe gosudarstvo v XI–XVI vekah» (2021, with the co-author V. V. Shishkin). Editor of the volumes «Die Flucht des Thronfolgers Aleksej» (2019), „Quo vadis EU?“ (2008, with the co-editor A. Suppan), “Russkaya i ukrainskaya diplomatiya v Evrazii: 50-e gody XVII veka» (2000, with the co-editors L. E. Semenova et. al.), «Russian and Ukrainian Diplomacy in the European International Relations in the Middle of the XVII-the Century» (2007, with the co-editors L. E. Semenova et. al.) and author of many more scientific articles on the history of Russia and other countries of Central and Eastern Europe.

Contact information: iskra.schwarcz@unvie.ac.at

В последние годы президент Российской Федерации В.В. Путин пользуется любой возможностью, чтобы задать «новые векторы» в понимании российской истории и обозначить новые «скрепы», присущие исторической специфике России. Достаточно назвать опубликованную в прошлом году и наполненную историческими мифами статью «Об историческом единстве русских и украинцев», высказывания о роли личности Александра Невского в истории России, а также недавние рассуждения о норманнском вопросе и возникновении российской государственности, которые вызвали острый резонанс не только в России, но и за рубежом. Следовало ожидать, что и в связи с 350-летним юбилеем Петра I мы узнаем от Путина много нового и интересного о царе-реформаторе: законодатель, полковод-

це и человеке. Поэтому удивляет, что исторический экскурс во время встречи 9 июня 2022, с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными,¹ занял только несколько минут и был посвящен не личности царя и его преобразовательной политике, а исключительно Северной войне и отвоеванию у шведов, как говорилось в сталинских учебниках, «исконных русских земель»:

«Вот сейчас мы были на выставке, посвящённой 350-летию Петра I. Почти ничего не изменилось. Удивительно! Как-то приходишь к этому осознанию, к этому пониманию.

Вот Пётр Первый Северную войну 21 год вёл. Казалось бы, воевал со Шведией, что-то отторгал... Ничего он не отторгал, он возвращал! Так и есть. Всё Приладожье, там, где Петербург

¹ Встреча с участниками ПМЭФ состоялась после посещения мультимедийной выставки «Пётр I. Рождение империи» в историческом парке «Россия – моя история» на ВДНХ в Москве.

основан. Когда он заложил новую столицу, ни одна из стран Европы не признавала эту территорию за Россией, все признавали её за Швецией. А там испокон веков наряду с финно-угорскими народами жили славяне, причём эта территория находилась под контролем Российского государства. То же самое и в западном направлении, это касается Нарвы, его первых походов. Чего полз туда? Возвращал и укреплял – вот что делал.

Судя по всему, на нашу долю тоже выпало возвращать и укреплять. И если мы будем исходить из того, что вот эти базовые ценности составляют основу нашего существования, мы, безусловно, преуспеем в решении задач, которые перед нами стоят» (Встреча б/д).

В очередной раз Путин использует историю для политических посланий, прибегая к приемам и методам исторической политики. Мы сталкиваемся с использованием прошлого исключительно для легитимации текущих решений и действий власти. То, что мы наблюдаем, это не просто увлеченность президента историческими темами, а инструмент политической борьбы и продуманная стратегия. Конструируя желательные версии исторического прошлого и подходящего образа предков, такие как славянин Рюрик, защитник и хранитель веры князь Александр Невский или царь Петр Первый, который «возвращал и укреплял» исконные русские территории, российская власть манипулирует исторической памятью.

Нет ничего нового в использовании истории для объяснения политики.

В любом обществе обострение политических противоречий затрагивает оценки исторических деятелей и событий прошлого, однако, в последнее время в России история все чаще заменяет собой политику и такая безудержная инструментализация истории опасна как для исторической профессии, так и для общества в целом (Курилла 2022: 8; Он же 2021: 119; Миллер б/д; Ачкасов б/д).

Вернемся к высказыванию президента. В риторике и в аргументации не приводятся конкретные исторические факты, а только аналогия между современностью и временами Петра Первого: «Почти ничего не изменилось. <...> Ничего он не отторгал, он возвращал! <...> Возвращал и укреплял – вот, что делал. <...> Судя по всему, на нашу долю тоже выпало возвращать и укреплять». Хотя Путин ни разу прямо не упомянул актуальные события в Украине, его слова являются, во-первых, признанием, что война, которая идет уже четвертый месяц, это война за возвращение украинских земель как «исконно русских», в лоно Российского государства, а во-вторых, высказывание Путина дает основание предполагать, что то, что происходит сейчас в Украине, это только начальный этап долгой эпопеи по «собираанию русских земель».

Высказывание Путина помогает лучше понять официальную позицию Кремля в нынешних конфликтах. Отсутствие упоминания Украины в контексте «возвращения» позволяет предположить, что для него существует только борьба великих держав и на данный момент Россия, по его мнению, противостоит

коллективному Западу. Поэтому и наблюдается уход от риторики о денацификации и демилитаризации Украины, характерной для начала «спецоперации», а взамен появляются слова «возвращать и укреплять». В сочетании со словами о «западном направлении» и Нарве, которые являются недвусмысленным вызовом Эстонии, Латвии и Литве, эти слова особенно настораживают. Сегодня на повестке дня находится возвращение территории Украины, следующим объектом военного воздействия может стать Нарва и Прибалтика в целом. Высказывание Путина вызвало резкую критику МИД Эстонии, который назвал подобные высказывания России «опасными и безответственными» (Посол б/д). Как образно выразился, комментируя эти слова, один из блогеров: «Украинский народ оказывается такой же пешкой в игре на большой европейской шахматной доске, какой были малые балтийские народы в игре XVII–XVIII веков (Блог б/д). Я бы к этому добавила — «и которые в XXI веке могут разделить нынешнюю участь Украины».

Путин не в первый раз предлагает откорректировать современные исторические взгляды и вернуться к оптике интерпретации русской истории как истории русского национального государства и как истории «русского мира» (Кантелер 1997: 10–11). Его представления о «возвращении исконных русских земель», корреспондируют с политической доктриной «собираение русских земель», которая возникла на пороге Нового времени и характерна не для правления Петра I, а для времени великого московского князя Ивана

III (1462–1505) и его наследника Василия III. Уже при Иване IV, когда началось «собираение земель Золотой Орды», эта концепция перестала отвечать требованиям времени. Вслед за аннексией Казанского и Астраханского ханств шаг за шагом шло завоевание и освоение земель Сибирского ханства, которые никогда до этого не были под контролем Российского государства. Т.е. говоря о времени Петра I, Путин ошибается, русский царь не собирал «исконные русские земли», а проводил безразличную к этническим границам имперскую политику *divide et impera* — брал то, что был в силах взять и удержать.

Как исторические аналогии из речи Путина 9 июня 2022 соотносятся с исторической действительностью?

С середины XVII века Россия являлась частью европейской правовой системы. В Вестфальских мирных договорах 1648 г. московский государь «Magnus Dux Moscoviae» упоминался наряду с французским королем как один из гарантов «универсального мира» (Instrumenta 1948: 77). Труды голландского юриста Гуго Гроция такие как *De jure belli ac pacis* (О праве войны и мира) и его учение об естественном праве и общественном договоре (*Natur- und Völkerrecht*), которые легли в основу теории современного международного права, были известны в России. В 1710 г. по приказу Петра I книга III «О праве войны и мира» была переведена на русский язык (Гроций б/д).

Для Петровской эпохи характерны коалиционные войны, которым предшествовало множество союзных переговоров и договоров. Напомним,

что Северная война носила коалиционный характер. Она началась после заключения союзного договора (Преображенский договор 11/21 ноября 1699) с саксонским курфюрстом и польским королем Августом II. В «Северный союз», наряду с Россией, входили Речь Посполитая, Саксония и Датско-норвежское королевство. Эти страны объединяла идея ослабить влияние Швеции. Ибо с середины XVI века Швеция вела долгие войны со своими соседями, которые привели к постепенному распространению шведских владений вдоль берегов Балтийского моря, превратив его, в сущности, во внутреннее шведское море (Анисимов 1989: 86).

Петр I правильно понимал, что судьба Балтийского моря могла быть решена только в совместных действиях несколько стран. Сравнив черновик и оригинал русско-саксонского договора (1699), Е. В. Анисимов обратил внимание на оформление окончательного текста — если в черновике говорилось, что Его царское величество «желает те земли паки возвратить, которые корона свейская... через *вредительные договоры* за собою содержати трудилась», то в окончательной редакции договора упоминается, что обе страны намеряют «иметь войну обще против короной Свейской *за многия их неправды*, обеим государством нашим учиненныя» (Анисимов 1989: 88).

Такая аргументация позволяла петровским дипломатам вести прагматичную и гибкую политику в международных переговорах. Пограничные и периферийные регионы рассматривались не как объект «собираания русских земель», а как объект пра-

вовой политики и правовых норм и цель государства была исправить старые «неправды», которые нашли отражение в «вредительных» договорах.

Итак, в феврале 1700 г. войну против Швеции начала Саксония, в марте присоединилась Дания и только в конце августа, после заключения мирного договора с Османской империей, в войну вступила и Россия. Мы видим, что Петр I прилагал значительные усилия, чтобы включить Россию в европейский «концерт», в то время как современная Российская Федерация все более превращается в страну-изгоя (*rogue states*) международной политики и с этой точки зрения попытки Путина провести аналогию между собой и Петром противоречат хрестоматийным историческим фактам.

Были ли во время Северной войны отвоены исконно русские земли?

Споры о том, какие территории являются «исконными», часто ведут к опасным последствиям. Прибалтика — исторически сложившийся регион, в котором живут разные народы и переплетаются различные исторические судьбы. Отфильтровать и учесть из множества исторических фактов и актёров самые главные, не так просто. Средневековые Псков и Новгород, а потом Великое княжество Московское и Российское царство были далеко не единственными игроками в регионе. Активную роль здесь играли Великое княжество Литовское, потом Речь Посполитая, а также Тевтонский орден и его отделение Ливонский орден, Дания и Швеция. В связи с изменением

баланса сил шел постоянный передел территорий. Так в ходе Ливонской войны (1558–1583) значительные части Ливонии и Великого княжества Литовского временно оказались под российским господством (*Donnert* 1963; *Филлошкин* 2013; *Филлошкин* 2018). В 1595 г. Тявзинский мирный договор закрепил за Швецией Ливонию, а по Столбовскому миру 1617 г. под власть Швеции перешли прибалтийские территории России – Карельский уезд и Ингрия, т.е. ижорские и новгородские земли, города Ивангород, Ям, Остров, Копорье, Корела, Орешек с уездами и вся Нева (*Селин* 2019; *Селин* 2016). В силу этого Россия надолго была отрезана от выхода в Балтийское море. Только сто лет спустя Швеция потеряла в Северной войне завоеванные земли и уступила России Ливонию, Эстонию, Ингерманландию, Выборгский уезд и южную часть Кексгольмского уезда (НМД б/д). Таковы исторические факты.

А как обстоит вопрос с Нарвой? В историографии принято считать, что коренное население раннего поселка относится к балтийским племенам (*Городские поселения* 1864: 581–582), у которых были тесные торговые связи с Новгородскими землями, и они засвидетельствованы в русских летописях. В 1329 г. Нарва, которая тогда находился под властью Дании, уже названа в хрониках не поселком, а городом (*civitas* или *oppidum*), городской статус также подтверждается более поздними документами XIV века. Но так как датчане не смогли заплатить Тевтонскому ордену сумму, которую орден запросил за подавление местных восстаний, король Дании Вальде-

мар IV продал всю Эстонию, а заодно и город Нарву и Нарвский замок в 1346 г. за 19 000 серебряных марок великому магистру Генриху Дуземеру (1280–1353). Год спустя магистр передал купленные земли Ливонскому ордену. Со временем Нарва превратилась в одну из самых важных пограничных крепостей Ордена, что не было в интересах Москвы. После присоединения Новгорода в 1478 г. Великое княжество Московское стало самым большим по территории государством в Европе. Амбиции великого князя Ивана III играть заметную роль и в прибалтийском политическом пространстве привели к строительству в 1492 г. крепости Ивангород напротив Нарвы с целью угрожать Ливонии (*Бессуднова* 2015: 187–188). Во время Ливонской войны с 1558 по 1581 г. город Нарва перешел в руки русских. В 1581 г. шведы завоевали Нарву и Ивангород. Затем на короткий срок во времена Бориса Годунова Ивангород опять отошел к русским, но в 1612 г. город снова вернулся под власть Швеции. С целью повысить значение Нарвы в восточной торговле шведы объединили в 1649 г. Нарву и Ивангород в один город и Ивангород стал называться «русской Нарвой». События, связанные с «Нарвской конфузией» в Северной войне и последующее взятие Нарвы в 1704 г., хорошо известны. По Ништадтскому мирному договору в 1721 г. Нарва отошла к России.

Как мы видим, это территории, которые переходили из рук в руки и не являлись исконными русскими землями в том числе и с точки зрения этнического состава местного населения. Возникает вопрос: а на

чьей территории был построен Петербург?

Нева и прилегающие земли упоминаются в древнейших из дошедших до нас летописных сводах в «Повести временных лет» как территория, через которую новгородские купцы регулярно путешествовали в скандинавские страны. Борьба за влияние Великого Новгорода в этом регионе встретила в лице Швеции серьезного противника. С XII века начинаются первые крестовые походы шведов, которые протекали с переменным успехом. Фортуна была то на стороне Новгорода, то на стороне шведов. Самая знаменитая битва для русских состоялась в 1240 г. Отряды новгородцев и ладожан под предводительством князя Александра Ярославича атаковали лагерь шведов у устья Ижоры и одержали победу, которая вошла в историю под названием Невская битва, а князь Александр получил прозвище Невский. В 1300 г. на Неве на так называемом Охтинском мысе была построена первая шведская крепость Ландскрона, но она скоро была разрушена русскими, и наоборот в 1323 г. новгородцы построили у истока Невы из Ладожского озера крепость Орешек, которая скоро попала в руки шведов. Территория от реки Нарова до Ладоги была населена преимущественно ингерманландскими финнами. Но так как у них не было своей государственности, то обе соперничающие державы в равной мере старались захватить их земли. В 1617 г. по Столбовскому миру Нева и крепость Орешек перешли под власть Швеции и оставались ее владением до 1702 г. Как мы видим, и эти земли переходили из рук в руки и их нельзя, осо-

бенно с учетом этнического состава населения, рассматривать в качестве исконно русских, а город Петербург был основан на территории, которая только после Ништадтского мирного договора официально перешла под власть России.

Своим «историческим» высказыванием Путин в очередной раз показал, что «непредсказуемое» прошлое является важным идеологическим ресурсом и его можно использовать и интерпретировать с целью оправдать и легитимировать современную политику. Подход к историческим нарративам как к языку, на котором говорит политика, и использование приемов исторической политики приводит не только к обострению взаимоотношений с соседними странами, но и чреват глобальными военными конфликтами и может привести к Третьей мировой войне.

В заключении хочу подчеркнуть, что у Петра Великого Россия всегда была частью Европы. Как выразилась продолжательница его преобразований Екатерина Великая: «Россия — есть европейская держава». Современная политика Путина отрывает Россию от Европы и разрушает те мосты, которые были созданы Петром Первым, а куда этот путь ведет, пока трудно сказать. Только нельзя забывать старую максиму «История повторяется дважды...».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Блог б/д — Блог Дмитрия Травина, 9 июня 2022. URL: <https://www.facebook.com/dtravin61> (дата обращения: 13.06.2022).

Встреча б/д — Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68606> (дата обращения: 22.10.2022).

Гроций б/д — Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М., 1994. URL: <https://studfile.net/preview/4593246/> (дата обращения: 22.10.2022).

НМД б/д — Ништадтский мирный договор. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/nishtadt.htm> (дата обращения: 22.10.2022).

Посол б/д — Посол России вызван в МИД Эстонии из-за слов Путина о Нарве. URL: <https://www.dw.com/ru/estoniya-osudila-slova-putina-o-vozvraschenii-narvu/a-62098138> (дата обращения: 22.10.2022).

Instrumenta 1948 — Instrumenta Pacis Westphalicae. Die Westfälischen Friedensverträge 1648. Bern, 1948.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анисимов 1989 — Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.

Ачкасов б/д — Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-istoricheskoy-politiki-v-formirovanii-rossiyskoy-identichnosti/viewer> (дата обращения: 22.10.2022).

Бессуднова 2015 — Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015.

Городские поселения 1864 — Городские поселения в Российской империи. Т. VII. СПб., 1864.

Канпелер 1997 — Канпелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997.

Курилла 2022 — Курилла И.И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. М., 2022.

Курилла 2021 — Курилла И.И. История как язык политики // Новое прошлое/ The New Past. 2021. № 1. С. 104–126.

Миллер б/д — Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra, май-август. 2009. № 3–4. С. 6–23. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf (дата обращения: 22.10.2022).

Селин 2016 — Селин А.А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Исторические очерки. СПб., 2016.

Селин 2019 — Селин А.А. Столбовский мир 1617 года. СПб., 2019.

Филлошкин 2013 — Филлошкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013.

Филлошкин 2018 — Филлошкин А.И. Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018.

Donnert 1963 — Donnert E. Der livländische Ordensritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die Baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963.

REFERENCES

Anisimov E. V. *Vremya petrovskih reform*. L., 1989.

Achkasov V. A. *Rol «istoricheskoy politiki» v formirovanii rossiyskoy identichnosti*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-istoricheskoy-politiki-v-formirovanii-rossiyskoy-identichnosti/viewer> (data obrascheniya: 22.10.2022).

Bessudnova M. B. *Rossiya i Livoniya v kontse XV veka. Istoki konflikta*. M., 2015.

Gorodskie poseleniya v Rossiyskoy imperii. T. VII. SPb., 1864.

Kappeler A. *Rossiya — mnogonatsionalnaya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad*. M., 1997.

Kurilla I. I. *Bitva za proshloe. Kak politika menyaet istoriyu*. M., 2022.

Kurilla I.I. *Istoriya kak yazyk politiki* // *Novoe proshloe/The New Past*. 2021. # 1. С. 104–126.

Miller A.I. *Rossiya: vlast i istoriya* // *Pro et Contra*, may-avgust. 2009. # 3–4. С. 6–23.
URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf
(data obrascheniya: 22.10.2022).

Selin A.A. *Russko-shvedskaya granitsa (1617–1700 gg.)*. Istoricheskie ocherki. SPb., 2016.

Selin A.A. *Stolbovskiy mir 1617 goda*. SPb., 2019.

Filyushkin A.I. *Izobretaya pervuyu voynu Rossii i Evropy: Baltiyskie voyni vtoroy poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov*. SPb., 2013.

Filyushkin A.I. *Pervoe protivostoyanie Rossii i Evropy. Livonskaya voyna Ivana Groznogo*. M., 2018.

Donnert E. *Der livländische Ordensritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die Baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583*. Berlin, 1963.

П. М. Полян

АНТИСЕМИТИЗМ В РОССИИ: ПОЗАВЧЕРА, ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА...

Антисемитизм — это национально и эмоционально негативное отношение к евреям как к некоему целостному контингенту. Не обязательно ненависть, достаточно зависти, неприязни, недоброжелательства. Российский антисемитизм — феномен более возрастной, чем российское еврейство. Он может быть государственным, корпоративным или индивидуальным (личным). Именно в соотношении этих разновидностей стоит вглядываться для характеристики эволюции антисемитизма в России. Всякий всплеск — надежный индикатор неблагополучия в стране. Россия специфична тем, что в ней почти всегда преобладал антисемитизм государственный. И лишь дважды — в 1917–1939 гг. и с 1991 по настоящее время — он таковым не был.

В статье рассматривается эволюция антисемитизма в России — в Российской империи, в СССР и в Российской Федерации. Приводятся и анализируются наиболее яркие или характерные примеры из новейшей истории антисемитизма.

Ключевые слова: Антисемитизм, Российская империя, СССР, Российская Федерация, Черта оседлости, Государственная дума РФ, Еврейское агентство («Сохнут»)

Об авторе: Павел Маркович Полян (Нерлер) — историк, географ и филолог. Директор Мандельштамовского центра НИУ-ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института географии РАН. Профессор, доктор географических наук, автор многочисленных книг и статей по широкому кругу гуманитарных вопросов, лауреат нескольких литературных и научных премий.

Контактная информация: pavel.polian@gmail.com

P. M. Polyan

ANTISEMITISM IN RUSSIA: THE DAY BEFORE YESTERDAY, YESTERDAY, TODAY,
TOMORROW...

Anti-Semitism is a nationally and emotionally negative attitude towards Jews as a kind of some complex and whole contingent. Not necessarily hatred, — envy, hostility, ill will is also enough. Russian Antisemitism is a phenomenon older than Russian Jewry. On its nature it could be state, or corporate or individual

© П. М. Полян, 2022
DOI 10.31754/2410-1419-2022-3-104-126

(personal). It is just the proportional ratio of these elements that makes sense to study for the evaluation of evolution of the Russian Antisemitism. Any its explosion serves a reliable indicator of trouble in the country. Russia is specific on the prevailing of the state Antisemitism. Only twice — in 1917–1939 and from 1991 to the present, it has been a combination of corporate or individual ones.

The article examines the evolution of Antisemitism in Russia — in the Russian Empire, in the USSR and in the Russian Federation. The most striking or characteristic examples from the recent history of anti-Semitism are given and analyzed.

Key words: Anti-Semitism — Russian Empire — USSR — Russian Federation — Pale of Settlement — State Duma of the Russian Federation — Jewish Agency ("Sokhnut")

About the author: Pavel Markovich Polyan (Nerler) is a historian, geographer and philologist. Director of the Mandelstam Center at the Higher School of Economics, Leading Researcher at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. Professor, Doctor habilit of Geography, author of numerous books and articles on a wide spectrum of humanitarian matters, winner of several literary and scientific awards.

Contact information: pavel.polian@gmail.com

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Антисемитизм — это национально и эмоционально негативное отношение к евреям. Не обязательно ненависть и погромобесие, достаточно и зависти, неприязни или недоброжелательства.

Не в силах дифференцировать и различать внутриеврейскую структурность — все эти подмножества верующих и секулярных, конфессиональных и этнических, ашкеназских и сефардских, горских и грузинских или бухарских, крещеных и марранов, — антисемитизм склонен не заморачиваться и адресован еврейству в целом, всей совокупности различных его подмножеств.

Впрочем, для «перекрестного опыления» и рутинного бытования антисемитизму много и не надо. Иной раз даже и евреи не нужны. Достаточно пары-тройки мифологем — о христопродавстве, об употреблении крови

христианских младенцев, о недостаточной почтительности к пророку или о геноциде арабов-палестинцев.

Антисемитизм может быть государственным, корпоративным или индивидуальным (личным). И именно в соотношение этих разновидностей в каждой стране в определенное время и стоит вглядываться для характеристики эволюции антисемитизма в ней.

Россия тут специфична тем, что в ней почти всегда преобладал антисемитизм государственный. Без него она прожила лишь полвека с небольшим — в 1917–1939 и в 1991–2022 гг. — он таковым не был.

Корпоративный антисемитизм, пожалуй, особенно пассионарен и опасен: его сочетание с «отвернувшимся» в нужный момент государством, как в середине 1900-х гг., или просто со слабым, де факто отсутствующим

государством, как во время Гражданской войны, — важнейшая предпосылка переваливания на евреев всех бед и неудач власти и, как следствие, еврейских погромов. В стране, в которой не все хорошо, евреи могут еще очень даже пригодиться — в привычном качестве виноватых.

Личный же антисемитизм, — хоть он и самый броский, креативный и пассионарный, — все же самое меньшее из зол. Он по-своему неистребим, но в ситуации, когда государственный антисемитизм отставлен, как правило, ослабевает и он.

Всплеск антисемитизма — надежнейший индикатор неблагополучия в стране, потому нелишне знать историю вопроса (она же история чьей-то болезни), точно понимать его/ее природу и предвидеть проявления.

АНТИСЕМИТИЗМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Самые ранние проявления антисемитизма в России относятся к первой половине XVII века, ко времени первых Романовых, когда в Россию с запада стали проникать первые иудеи — не российские, а иностранные поданные. С запада тянулось и их обозначение — «жиды», приобретаемая по ходу дела все более и более негативные коннотации.

Императрица Елизавета Петровна, кажется, первой среди российских монархов прибегла к массовой депортации евреев: указом от 2 декабря 1743 года она объявила всех иностранных евреев, кроме выкрестов, персонами нон грата и потребовала

их изгнания. В результате 35 тыс. евреев в 1753 году были высланы из левобережной Украины. На ходатайства с мест допустить приезд и пребывание евреев императрица ответила интересной резолюцией: «*От врагов Христовых не желаю интересной прибыли*».

Тем не менее в 1769 году — уже при Екатерине Великой — евреев стали пускать в Новороссию. То были первые «свои», а не иностранноподанные евреи, евреи-резиденты, первые россияне иудейской веры. И хотя Указом от 1786 года им была гарантирована свобода вероисповедания, тотчас же началась и политика, — поначалу совершенно не успешная, — подталкивания евреев к христианству.

Конец века прошел под знаком трехкратного раздела Польши и резкого скачка после этого еврейской доли в населении России. 1791 годом датируется и рождение такого уникального дискриминационного государственного института как черта оседлости, отмененного Временным правительством только в 1917 году. Так что применительно к русским как православным поданным и российским евреям как иноверцам можно говорить уже не о 200, а обо всех 250 совместных годах!

Но «общность» эта довольно специфическая: 126 лет, или половина совместной жизни, пришлось на взаимное смотрение сквозь незримые рогатки и решетки Черты. Все это время евреи были объектом разнообразной узаконенной дискриминации, то есть как бы натурального государственного антисемитизма.

Самое поразительное, что хотя бы отчет в этом не отдавал себе почти никто: как русское, так и еврейское большинство настолько свыклись с этим, что находили и черту оседлости, да и другие наложенные на евреев ограничения естественными, заслуженными и нормальными. Русские — с чванливым и предрассудочным убеждением в том, что все евреи, вместе и по отдельности, суть носители целого букета страшных грехов (например, употребления крови христианских младенцев и т.п.). Евреи же — из-за комплекса Галуты (изгнания, изгнанничества, изгойства) — воспринимали антисемитские проявления властей и соседей как заслуженное и насланное самим Богом наказание за их канонические грехи (несоблюдения кашрута и других регламентов Торы и т.п.).

Антисемитизм был повсеместно растворен в ментальной почве России — подобно тому, как грунтовые воды стоят или текут в ее натуральной почве. Где-то уровень этих вод был выше, где-то (например, в Грузии, где системообразующий объект ненависти был иным: армяне) определено ниже, но сама эта «влага» — не отнять! — наличествовала везде.

В коренной же России ее было хоть пруд пруди, о чем свидетельствуют многочисленные встречи с «жидками», «жидками» и «жидочками» у Пушкина, Достоевского, Чехова, Блока, Зинаиды Гиппиус или Кузмина. Но не надо хвататься за голову: сами по себе эти слова почти для большинства из них почти ничего специально антисемитского не значили, это был обычный фон их бытия, в котором евреи — законные

лузеры и изгои в силу рождения. Впрочем, сам этот фон и есть выразительный маркер.

Борьба за еврейскую эмансипацию всерьез началась только в середине XIX века. Впрочем, Россия всегда отставала от западных стран в вопросах гражданской эмансипации — и не только еврейского, но и титульного своего — крестьянского — населения. Первой страной с равноправием евреев стали США (1783, с первого же дня своей независимости), второй — Франция (1789, с принятием «Декларации прав человека и гражданина») и третьей — Нидерланды (1796). В XIX веке этот ряд пополнили Греция (1830), Турция (1839), Дания (1849), Австро-Венгрия (1867), объединенная Германия (1848, еще раз — 1871, причем во многих малых государствах периода немецкой раздробленности эмансипация наступила гораздо раньше), объединенная Италия (1871), Швейцария (1874), Болгария (1878), Сербия (1878), Великобритания (1890) и Испания (1910).

Борьба за еврейскую эмансипацию поднялась в стране на волне Гаскалы (Просвещения), впервые и решительно разделившей само российское еврейство на совершенно новые для себя структурные элементы, расщепляющие его идентичность. Происходил постепенный переход от конфессиональной моноидентичности к двойственной этно-конфессиональной и даже к множественной, учитывающей еще и возникшие много позднее институты нескольких гражданств или конфессий. Все это резко усилилось вследствие демографической катастрофы европейского

еврейства (в результате Холокоста) и образования государства Израиль, ставшего для многих евреев естественной метрополией — гарантом защиты и магнитом для эмиграции.

Формальное упразднение черты оседлости произошло только после Февральской революции. 20 марта 1917 года, или 2 апреля по новому стилю, по представлению министра юстиции А. Ф. Керенского на заседании Временного правительства в Мариинском дворце было внесено и принято Постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Ни выражение «черта оседлости», ни слово «евреи» в нем, по просьбе представителей самих еврейских организаций, даже не назывались¹.

А вот саму дату исторического события все же несколько уточним. Заседать начали в 22.30, и вопрос о черте был одним из последних. Так что хронологически оно явно попадало на 21 марта.

Итак, черта еврейской оседлости — эта своего рода географическая (и отнюдь не золоченая!) клетка для российского еврейства — опочила в бозе. Она была главным символом государственного антисемитизма и дискриминационной антиеврейской политики царской России. Самой последней среди европейских стран, полиэтничная Россия разомкнула, наконец, наручники на за-

пястьях и ярмо на шее пятого по численности своего народа и признала самое элементарное — достоинство и равноправие еврейских сограждан. Черта же навсегда осталась в российской истории несмываемым и дурно пахнущим пятном.

Наложение друг на друга Постановления от 20–21 марта (2–3 апреля) и фактической автономии Финляндии, при этом официально отложившейся от России только 6 декабря 1917 г. — уже после Октябрьской революции, — породило казус: самая общественно передовая «губерния» России — Великое Княжество Финляндское (тоже де факто личная уния) — вдруг оказалась единственной областью на пространстве постимперской России, где режим екатерининской черты оседлости по старинке некоторое время еще действовал!..

АНТИСЕМИТИЗМ В СССР

Но российский антисемитизм вовсе не умер 3 апреля 1917 года.

Материк российской государственности растрескался на архипелаг из десятков постоянно перекраиваемых и друг с другом воюющих островов — эфемерных республик всех цветов радуги, столь же эфемерных держав (гетманств), директорий, эмиратов, ханств и прочих гуляй-полей. В результате госантисемитизм растекся

¹ Не все оценили этот жест — «Не высовываться!» — как адекватный или уместный. Обозреватель берлинской «Jüdische Rundschau» писал: «Освобождение евреев хочется видеть в конкретном законе, недостаточно лишь общей формулировки о отмене ограничений. Следует четко поставить вопрос о государственных гарантиях и ожидать действия, благодаря которым все обещания окончательно и бесповоротно будут облечены в плоть и кровь. <...> Русское еврейство, наделенное свободой, достойно ее» (Jüdische Rundschau. 1917. Nr.12. 23 März).

из опрокинувшейся кадучки и, прикидываясь корпоративным, де факто возродился в большинстве из островов. Эта парцеллизация антисемитизма привела к погромам периода Гражданской войны, на фоне всего предшествующего в российско-еврейской истории неслыханным по своим масштабам и жестокости².

Двадцатилетие между Гражданской и Второй мировой — первое в России без черты оседлости — впервые в XX веке также обошлось и без погромов.

Отменив черту оседлости и демонополизировав антисемитизм в России де юре, Керенский и не покушался на антисемитизм личный, то есть бытовой. Войну последнему объявил уже Ленин, при котором за антисемитизм впервые в российской истории стали наказывать.

В новую, в советскую жизнь победители-большевики антисемитизм вроде не звали, да он и, правда, после Гражданской войны, в которой все главные погромщики евреев потерпели поражение, поослаб или, точнее, попритих. Но все же зацепился за что-то и в новую — в советскую — реальность, все же как-то спланировал и проскользнул.

Мешпохи не отменялись, но горизонты еврейского бытия раздвигались стремительно. В школах и институтах еврейские мальчишки и девчонки учились вместе с украинскими, русскими, польскими и прочими

парнями и дивчинами, влюблялись друг в друга, ссорились друг с другом, писали друг другу стихи³.

Если до революции смешанные межнациональные браки у евреев были отмечены разве что в столицах империи (около 7–8% перед Первой мировой), то сразу же после Гражданской произошел скачок, особенно сильный — в Европейской части РСФСР, где доля таких браков в 1924 году составляла 17,4% у мужчин и 8,9 у женщин. К 1936 году эти показатели составляли уже 44,2 и 35,2%, то есть приблизились к половине! Аналогичные уровни в Украине и в Белоруссии тоже росли, но были ощутимо ниже: соответственно, в Украине (1924 и 1936 гг.), — 3,7 и 4,4% и 18,2 и 16,8 и, в Белоруссии (1923 и 1937 гг.) — 1,0 и 2,7 и 10,3 и 14,7%.

Естественно, что преобладающими партнерами в смешанных браках с евреями в РСФСР были русские (1924 и 1936 гг.): соответственно, 86,6% и 88,6% для евреев-женихов и 79,0 и 81,1 для евреек-невест. В Украине эта же доля существенно ниже (соответственно, 49,2% и 62,7% для женихов и 53,5 и 57,6% для невест, причем в 1924 году серьезными «конкурентами» женихов-украинцев были русские — 41,7%), Белоруссия занимала промежуточное положение (Денисенко 2002:55–56).

Как бы то ни было, но смешанные межнациональные браки постепенно перестали быть исключениями и стали обыденностью. Вместе с тем

² Эмпирически исключений немного. Например, на Украине, без погромов обошлись держава гетмана Скоропадского и Западно-Украинская народная республика.

³ См., например, трогательную историю Сени Звоницкого и Наташи Жук в: Полян 2021.

и преубеждение против них оставалось сильным с обеих сторон, служа источником острейших внутрисемейных конфликтов. «Это что же получается? Мои внуки жиденятами будут?», — спрашивал один известный военный инженер Т.-Б. у своего сына-архитектора, собравшегося было жениться — по любви! — на еврейке.

Но с укреплением государственности советской — с постепенным переводом ее стрелок с де юре классовых на де факто национальные рельсы — антисемитизм вернулся и в государственную политику СССР. Еще бы! Удобно иметь под рукой яркий и пассионарный контингент, на который всегда можно переложить ответственность за то или другое. И не случайно максимум доморощенного антисемитского энтузиазма в 1920-е и 1930-е годы наблюдался там, где евреев было особенно много, — в пределах отмененной Черты, в частности и в особенности, — на Украине.

Заигрывание с «Джойнтом» и ОЗЕТОм обернулось пустыми разговорами о создании еврейской автономии в Крыму и действительным созданием в 1934 году Еврейской автономной области на Дальнем Востоке, в Биробиджане. Это выглядело не столько карикатурой на Палестину, сколько плацдармом для новой, если понадобится, Черты — теперь на востоке страны.

А война с фашизмом и Холокост обернулись и вовсе не скорбью и солидарностью с евреями, а главпуровским их отрицанием в качестве главных жертв национал-социалистического этноцида (или нацистских зверств против многомиллионного

советского народа), плавно перетекшим в «безродный космополитизм» для уцелевших. Миф же о гневе народном и о несостоявшейся депортации евреев в Биробиджан — это явный пик позднесталинского антисемитизма.

При Хрущеве и Брежневе (и тут свои дежурные мифы: первый якобы осуждал погромщиков в Донбассе, а отец второго — якобы спасал еврейских детей от погрома) латентный государственный антисемитизм напоминал скорее эпоху Александра III: все опустилось на уровень карьерной и образовательной дискриминации (та же *numerus clausus*, только гораздо худшая, поскольку негласная и не фиксированная, а произвольная), а также борьбы с правом на эмиграцию, главпуровского отрицания Холокоста и непротивления милиции бытовому антисемитизму.

На бытовом уровне элементы отрицания Холокоста присутствовали уже в советской «антисионистской» литературе, в годы Холодной войны обвинявшей «сионистов» в том, что они «наживались» на страданиях еврейских жертв и преувеличивали их численность, а главное — находились в прямом сговоре с нацистами. Классическим примером такого подхода может послужить диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенная в 1982 году на закрытом заседании Ученого совета Ордена Трудового Красного знамени Института востоковедения АН СССР. Название, кстати, вполне говорящее: «Связи между сионизмом и нацизмом. 1933–1945». Автор труда — нынешний глава Палестинской автономии

Махмуд Аббас, научный руководитель — бывший директор Института востоковедения АН СССР, бывший руководитель Главного разведывательного управления и бывший премьер-министр РФ академик Евгений Примаков.

При Горбачеве государство поэтапно отказывалось от государственного антисемитизма как идеологической доктрины — идеологические вожжи выпали из трясущихся суловских рук. Однако, по мере того как государственный российский антисемитизм сходил на нет, активизировались, почуяв отпущенные вожжи, и расцвели антисемитизмы корпоративный и частный — общество «Память» и иже с ним.

Не желая проверять на себе, чем и насколько такой приватный антисемитизм приятнее государственного, значительные массы еврейского населения СССР сполна воспользовались полученной из горбачевских рук свободой передвижения и устремились в эмиграцию — в США, Израиль или Германию, голосуя против всех ипостасей антисемитизма — ногами.

АНТИСЕМИТИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КАЗУС МАКАШОВА И РАЙ ДЛЯ ОТРИЦАТЕЛЕЙ

При Ельцине еврейская эмиграция продолжилась, ускорилась, расширилась, потом несколько спала и вошла в берега.

При нем же довершилось разгосударствление антисемитизма и его полная «приватизация». Антисеми-

тизм в новорожденной РФ стал сугубо частным делом ее граждан. Те из них, кто испытывал внутри себя неодолимую склонность к этой фобии, мог предаваться ей сколь угодно самозабвенно — и, в общем-то, безнаказанно.

Расставаясь с антисемитизмом, государство не озаботилось правовыми рамками, в которых оно не готово было мириться с частными инициативами своих граждан-антисемитов. Как-то убаюкивало, что с годами антисемитизм утратил свою ведущую роль в контексте общей ксенофобии: главными объектами вражды или неприязни уверенно стали кавказские народы, или, как их называли, «лица кавказской национальности».

Антисемитизм как фобия вернулся в лоно более широкого спектра мировоззренческих понятий, таких как правый радикализм, национал-шовинизм и даже фашизм, прекрасно ощущавших себя в России в 1990-е гг.

И хотя при Ельцине начали бороться и с корпоративным антисемитизмом, но это при нем кубанскому губернатору и борцу с «сионистской закулисой» Николаю Кондратенко и генералу Альберту Макашову с рук сходили любые высказывания. Даже такое макашовское: *«Слово 'антисемит' — это незаконно? Все, что делается во благо народа, — все законно. Народ всегда прав! Мы будем антисемитами и должны победить!.. Евреи так нахальны потому — позвольте я по-своему, по-солдатски скажу, — потому что из нас ещё никто к ним в дверь не постучал, ещё никто*

окошко не обоссал. Потому они так, гады, и смелы!»⁴.

Поле антисемитской активности стал рунет, где современный антисемитизм расселся широко и вальяжно — по-хозяйски. Здесь его охотно практикуют экстремисты любых окрасок — и «левые», и «правые», и православные, и исламисты, и даже язычники и сатанисты — силы, друг с другом не слишком сочетаемые. Почти всегда это индивидуалы-бытовики, знатоки закулисы и мастера художественной картавости.

Интересно, что благодаря им антисемитизм в России по-своему консервативен. Такие стандартные для современного Запада формы как мусульманский троллинг, отрицание Холокоста или маскировка под антисиионизм или «критику» Израиля здесь скорее маргинальны⁵.

Напомним, что Холокост как историческое явление и как предмет исследования вплоть до конца 1980-х гг. оставался табуизированной для советских историков зоной. Что не мешало «русским патриотам» — отрицателям Холокоста подавать время от времени негромкий голос: собственных «специалистов» по этому вопросу они не породили, поэтому довольствовались перепе-

вами и перепечатками из западных коллег.

Вот их типически-специфическое. Во-первых, написание слова «Холокост» со строчной буквы и укоренившееся представление о множественности «холокостов», тогда еврейский «холокост» лишь один из них. Советский тезис об интернационале жертв Второй мировой и о категорическом не-выделении среди них евреев получил в этом свое второе дыхание.

Начиная с 1996 года, одной из главных трибун для отрицателей Холокоста в России стала газета «Дуэль» Юрия Мухина. На ее сайте можно было найти десятки статей и книг на эту тему, в том числе, а, точнее, в первую очередь, переводных. Уже в середине 1990-х гг. на русский были переведены многие «труды» нескольких западных отрицателей (например, Р. Гароди и Ю. Графа). «Миф о холокосте. Правда о судьбе евреев во Второй мировой войне» Ю. Графа вышел как минимум дважды — сначала, в 1996 году, в газете «Русский вестник», а затем и отдельным изданием — попечением некоего Геннадия Кубрякова и с предисловием Олега Платонова — владельца и главного редактора издательства «История русской цивилизации». В 1997 году Платонов первым из отрицателей-

⁴ Произнесено 20 февраля 1999 г. в Новочеркасске, на конференции «Движения в поддержку армии». Комментарий и.о. прокурора Ростовской области С. Устинова к иску против Макашова: *«К примеру, Макашов употребил слово 'жиды', но есть мнение, что еще со времен Пушкина так называли стяжателей, расхитителей, проходимцев и воришек. Вот пускай лингвисты и решают, можно ли в контексте выступления Макашова рассматривать слово 'жиды' как попытку разжечь национальную вражду»*. Из решения прокуратуры: *«Анализ собранных материалов свидетельствует, что выступление Макашова не было направлено на возбуждение национальной вражды»*. В связи с этим в возбуждении уголовного дела было отказано. (см.: Антисемитизм узаконен. Макашов реабилитирован // Коммерсантъ. 1999. № 41. 16 марта).

⁵ Хотя, встречаются и они. Так, журналист Максим Шевченко известен своими обвинениями Европы в геноциде мусульман и Израиля в геноциде палестинцев.

россиян принял участие в ежегодной конференции Института ревизии истории; в том же году — одновременно с Ю. Графом и так же первым из россиян — удостоился сомнительной «чести» войти в состав редколлегии «Журнала пересмотра истории». После чего Э. Зюндель на своем сайте объявил Россию чуть ли не обетованной землей ревизионизма!

26–27 января 2002 года Москва стала местом проведения Международной конференции по глобальным проблемам всемирной истории, в целом посвященной глобализации как сионистскому вызову. В ней приняли участие такие видные отрицатели, как Ю. Граф, американцы Д. Дьюк и Р. Граната.

В 2003–2006 гг. функционировал сайт «Ревизионизм холокоста» — интернет-ресурс «Славянского Союза» (автор и хозяин сайта — Н. В. Саламандров). Здесь можно было найти более 400 наименований текстов, написанных исключительно «своими» и так или иначе причастных к отрицанию Холокоста⁶. Часть контента этого сайта перешла на специализированный и действующий до сих пор сайт «Ревизионисты» (www.revisionists.com) с интернет-чатом «Миф о холокосте» (<http://holokost.chat.ru>)⁷.

Российские отрицатели в общем-то мало интересовались демографией Шоа, им вполне хватало «выкладки» их западных коллег. Едва ли не единственное исключение — антисемит-интеллектуал Вадим Кожин. Сам Холокост Кожин не отрицал, но оспаривал его масштаб и ставил его в ряд с потерями русского народа. В очерке «Война и евреи» Кожин, как ему кажется, поймал двух еврейских историков, Л. Полякова и И. Вуля, а также других еврейских статистиков — за руку на передергивании цифр. Первые, как полагал В. Кожин, дважды посчитали два миллиона жертв, вторые — завысили естественный прирост своего населения для того, чтобы «скрыть» подлинные масштабы еврейской эмиграции из Европы в Америку и Палестину. Иными словами — типично еврейская приписка в два миллиона душ, раскиданная потом для правдоподобия по глобусу!.. При этом от кожиновского внимания и понимания не укрылось и то, что цифра «шесть миллионов» имеет для евреев не историческое, а глубоко «символическое» значение, связанное с сакральным шестиугольем звезды Давида (Кожин 1999).

Этот тезис подхватил и развил Станислав Куняев-старший, многолетний главный редактор «Нашего

⁶ Среди них — труды «классика» европейского ревизионизма Р. Гароди («Миф о сионистском антифашизме», «Миф о «Холокосте», «Миф о Нюрнбергском правосудии»), «конспиролога» Э. Саттона («Геополитика и ревизионизм»), таких авторов, как православный публицист Ю. Воробьевский («Освенцим: спор о крестах»), «высший социолог» и охотник за «вырожденцами-гомосексуалистами-евреями» Г. Климов («Интервью некоему московскому журналисту»), ультралевый израильский публицист И. Шамир («Холокост как удачный гешефт»), редактор газеты «Завтра» А. Проханов («А был ли холокост?»), автор предисловия к русскому изданию Ю. Графа О. Платонов, И. Шафаревич («Создание государств Израиль»), А. Панарин («Геноцид»), лидер Национально-Державной партии России А. Севастьянов («Не Вторая мировая, а Великая Отечественная»), редактора газеты «Дуэль» Ю. Мухин.

⁷ См. подробнее в: *Отрицание отрицания, 2008.*

современника» и самозванный раз-работчик, с государственных и патриотических позиций, идеологии новой России. Он любопытен уже тем, что своего антисемитизма совершенно не скрывает и не маскирует. Так, в книге о репрессированных крестьянских писателях, написанной на паях с сыном, Станиславом Куняевым-младшим, — он, точнее, они, не устыдились даже такого парафраза: «*Революция пожирает своих еврейских детей*» (Куняев, Куняев 1995: 110).

Холокост для Куняевых не человеческая трагедия и даже не историческое событие. Он интерпретируется ими как новая религия, отчего они даже не отказываются писать его с большой буквы. Поэтому свою книгу об этом он назвал «Жрецы и жертвы Холокоста» (Куняев 2011)⁸.

Но даже несмотря на выход книг Кожина и Куняева, вклад российских отрицателей в мировую копилку минимален, чтобы не сказать ничтожен. Максимум того, на что они способны — очередное предисловие к очередному переводу из «классических трудов» да матерщина в блогах. Их существенной особенностью, напрямую связанной с безнаказанностью, является «пена у рта» и та исключительная агрессивность и целеустремленность антисемитов вообще и отрицателей в частности в выражении и продвижении своих взглядов. Вершинные же по оригинальности их достижения ограничены вербальной сферой: это тезис о «Ташкентском

фронте» с намеком на глубокий эвакуационный тыл как место отсиживания трусливых евреев во время войны и ернический термин-шарж «Лохокост».

Сравнительны новым и оригинальным стал и такой тезис-передержка: мол, советские евреи должны быть вечно благодарны Сталину и Красной Армии за свое освобождение из концлагерей и спасение от Холокоста. На самом деле такого долга — или бремени — «благодарности» у евреев нет: во-первых, у Красной армии не было такой специальной задачи — спасать именно евреев, а во-вторых, среди спасателей, то есть в самой Красной Армии, было пропорционально много евреев, а вот в освобожденных Красной Армией различных лагерях смерти евреев оставалось как раз сравнительно мало, поскольку это были лагеря смерти именно евреев прежде всего.

Казус «Письма девятнадцати»

В начале 2000-х гг. самым пахучим антисемитским местом, с традиционным охотнорядским запашком, была Государственная дума РФ. Ее книжный киоск славился антисемитским репертуаром продававшейся там литературы, вплоть до «Сионизма как источника фашизма» В. Лузгина и «Майн кампф» А. Гитлера!

Когда в апреле 2001 года группа депутатов предложила отметить Международный день памяти жертв Холокоста минутой молчания, Вла-

⁸ Пишущий эти строки и его соавтор по книге «Отрицании отрицания, или Битва под Аушвицем» (2008), А. Кох причислены к «жрецам». В таком случае главной задачей «жрецов» является реставрация и поддержание в порядке и обоснованности сакральной цифры этой религии — цифры «6 000 000» жертв.

димир Жириновский наотрез отказался. Он заявил, что это для него «неприемлемо»: «У нас и так достаточно праздников. И что, российскому парламенту по каждому поводу надо что-то праздновать? Какой же мы российский парламент, если мы встаем в память евреев?»⁹. Его поддержали все депутаты от ЛДПР и большинство от компартии и от партии «Родина».

Но апогей парламентского антисемитизма был достигнут позже — это «Письмо девятнадцати» от 23 января 2005 года. Собственно, это не письмо, а официальный депутатский запрос в Генпрокуратуру РФ с требованием запретить все еврейские организации в России за исповедуемое ими (sic!) человеконенавистничество. Что вдруг? Не вдруг, а на основании избранных цитат из изданного в 2001 году в Москве перевода трактата «Кицур Шулхан арух», составленного в XIX веке и, в свою очередь, являющегося дайджестом труда раввина Йосефа Каро, жившего в XVI веке. Текст обращения в Прокуратуру был подготовлен публицистом-националистом Михаилом Назаровым, а официальная отправка адресату осуществлена депутатом-телеведущим А. Крутовым, автором телепрограммы «Русский Дом» и редактором одноименного журнала¹⁰. Из 19 номинальных соавторов 13 были из фракции партии «Родина» (ее

лидер — Д. Рогозин) и шестеро, в том числе Кондратенко и Макашов, из компартии (Зюганов вынужден был отмежеваться от них с их частными мнениями).

«Письмо» возникло не на пустом месте. В 2004 году Комитет Госдумы по делам национальностей, возглавляемый «единороссом» Е. Трофимовым, изо всех сил готовил законопроект «О русском народе». Русский народ рисовался в нем как единый, но разделенный, поскольку значительная его часть в результате распада СССР оказалась за пределами РФ, включая места компактного проживания русских в приграничных с РФ странах. В пояснительной записке можно было прочесть, что закон призван «... снять определенный комплекс ущемленности, которому в последние годы подвержены многие этнические русские, укрепить их национальное самосознание, дать государству и обществу инструмент в нейтрализации русофобии,... завершить один из основополагающих блоков стратегии государственной национальной политики современной России — [переход] от прав человека — к правам народов». Не слишком это и маскируя, законопроект призывал к переделу границ, то есть к войне!

Другой комитет — по делам СНГ и связям с соотечественниками (председатель — «единоросс» А. Ко-

⁹ В сети: <https://lenta.ru/news/2001/04/19/jirinovsky/> Ср. в другой книге В. Жириновского: «Коммунизм придумали евреи. Мои университеты, моя учеба прошла под знаком и огромным влиянием этой еврейской заразы... Евреи являются источником этой суперзаразы, этой чумы XX века — коммунизма»; «Почему я должен отказываться от русской крови, русской культуры, русской земли и любить весь еврейский народ из-за одной капли крови, которую мой отец оставил в теле моей матери?» (Жириновский 2003).

¹⁰ Довольно яркие антисемитские следы оставили в 2017 году вице-спикер — и тоже экс-телеведущий! — Петр Толстой и Вячеслав Милонов, но к этому мы еще вернемся.

кошин) — организовал 23 ноября 2004 года «круглый стол» с выступлением «расолога» В. Авдеева, превратившийся в антисемитский шабаш.

Как видим, партией-застрельщицей «Письма» была рогозино-глазьевская «Родина». Вот несколько патриотических тезисов тогдашнего Дмитрия Рогозина: *«Право национального большинства в целом выше, чем право входящего в него национального меньшинства»*. Или: *«Россия не может ограничивать себя территориальными рамками, забывая о тех, кто живет за пределами Российской Федерации, но связан с русской культурой и историей... Мы должны поставить себе задачу воссоединения, какой бы нереальной она не казалась в нынешних условиях. И создавать эти условия с той последовательностью в избранной позиции, которую 40 лет демонстрировала Германия, ставшая, в конце концов, единой»*. Поминал Рогозин и «местечковых русофобов», причем главными его медиа-оппонентами тогда смотрелись В. Познер, С. Шустер, М. Швыдкой и — не поверите! — В. Соловьев.

Скандал вышел оглушительный, часть подписантов отказалась от своих подписей, после чего, 25 января, письмо было отозвано. С резким осуждением антисемитизма «Письма» выступил МИД РФ, сама Дума отделалась осуждениями на уровне нескольких комитетов.

«Письмо», а точнее реакция на него, вынудили высказаться и Путина как

президента РФ. 27 января на форуме «Жизнь народу моему!», посвященном памяти жертв Освенцима: *«Я хочу сказать, что многим из нас должно быть стыдно и за сегодняшний день: эти "споры", "споры" этих болезней, к сожалению, не уничтожены, и мы с вами работаем недостаточно эффективно. Даже в нашей стране — в России, которая больше всего сделала для борьбы с фашизмом, для победы над фашизмом, больше всего сделала для спасения еврейского народа — даже в нашей стране сегодня, к сожалению, иногда мы видим проявления этих болезней. И мне тоже стыдно за это. Но должен сказать, что Россия всегда будет не только осуждать любые их проявления, любые проявления такого рода, но и будет бороться с ними силой закона и общественного мнения. И как Президент России говорю об этом здесь, на этом форуме, совершенно открыто и прямо»¹¹*.

Авторы специального исследования, посвященного «Письму 19-ти», пришли к такому выводу: *«Резкое сужение пространства для деятельности демократических сил в России привело к тому, что в роли оппозиции все чаще стали выступать представители националистических партий, использующие проявления недовольства населения трудностями реформ, высокий уровень ксенофобии и агрессии общества. Справедливости ради надо сказать, что представители демократических сил еще в 2003 г. предупреждали, что усиление авторитарных тенденций власти, сворачивание демократических завоеваний, ограничение свободы сло-*

¹¹ См. в сети: <https://www.youtube.com/watch?v=Tb-m9ADcxoc>

ва, давление административного ресурса на последних выборах приведет к тому, что в качестве оппозиции власть увидит националистических демагогов. К сожалению, их призывы так и не были услышаны» (Степанищев, Чарный 2005).

В таком контексте выдворение Дмитрия Рогозина из «Роскосмоса» выглядит не наказанием, а расчехлением для иных и еще более возвышенных, нежели космос, задач, — задач, к постановке которых он в свое время был причастен.

Казус Петра Толстого

В 2010-е гг. государственный антисемитизм в России не возродился, а корпоративный постепенно сходил на нет.

Тем не менее совсем на нет он не сошел, а местом, где публичный антисемитизм почувствовал себя выгодно, оказался все тот же Охотный Ряд — Госдума РФ.

К 2017 году после нескольких лет активной клерикализации государства и общества — агрессивной защиты даже не прав, а оскорбленных чувств и условных рефлексов неопределенной группы лиц, именующихся «верующими», что-то, похоже, опасно накренилось в стране. И как только системные сдерживающие факторы ослабли, все больше государственных мужей стали снова распускать язык — как бы от своего персонального имени.

Так, 23 января 2017 года вице-спикер от правящей партии Петр Толстой высказался по поводу передачи Исаакиевского собора Российской православной церкви так: *«Наблюдая за протестами вокруг передачи Исакия¹², не могу не заметить удивительный парадокс: люди, являющиеся внуками и правнуками тех, кто рушил наши храмы, выскочив из-за черты оседлости с наганом в семнадцатом году, сегодня их внуки и правнуки, работая в разных других очень уважаемых местах — на радиостанциях, в законодательных собраниях, продолжают дело своих дедушек и прадедушек»*. А спикер Володин не только не одернул своего зама, но неуклюже за него заступился: мол, имелась в виду «черта оседлости каторжан» — браво!¹³

Вскоре еще один охотнорядец — Виталий Милонов — поделился пикантным экзерсисом из истории уже не российского, а мирового «еврейства»: традиционное, по его выражению, «варение христиан в котлах»! Казалось, еще немного, и кто-нибудь из нынешних думцев-охотнорядцев поведаст о пархатых христородавцах, об авторизованных протоколах закулисных мудрецов и о вкуснейшей маце на крови христианских младенцев...

Продолжение, разумеется, последовало, хотя и совсем уж неожиданное: 6 мая 2019 года Сергей Глазьев поделился головокружительной гипотезой о видах заселения Донбасса выходцами из Земли обетованной как одной из стратегических задач Украины в борьбе за Донбасс!

¹² Имеется в виду Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге.

¹³ См. в сети: <https://www.interfax.ru/russia/547072>

Казус Арона Шнеера

В 2018 году, на конференции «Защитим будущее!», заместитель начальника Главного управления по противодействию экстремизму МВД России генерал-майор полиции В. А. Макаров, утверждал, имея в виду праворадикальный антисемитизм, что неонацистская ксенофобия в России подавлена (заметьте: подавлена — не изжита!), благодаря чему в РФ практически нет и антисемитизма. Ну как же просто: подавили, запытали, ликвидировали, разложили — и как рукой сняло: никаких тебе «Памятей», баркашевцев и тесаков.

Для того, чтобы убедиться в самообольщении генерала, хватило бы и пяти минут прогулки по российским социальным сетям.

Что можно уверенно констатировать — это разве что отсутствие у президента Путина личного антисемитизма. С чем бы это ни было связано, — со школьной ли учительницей, со спортивными ли тренерами или с компетентностью и качеством каких-то полученных им советов, но это факт. И факт тем более значимый, что для России малотиличный.

В то же время отсутствие антисемитизма еще не филосемитизм. Оно не служит гарантией от шагов, назвать которые по отношению к евреям дружественными сложно, но политическая целесообразность совершения которых перевешивали в президентском сознании его симпатию или эмпатию.

Вспоминается три эпизода последних лет, когда Путин так или иначе

задел и инструментализировал еврейскую тему.

Первый эпизод: 19 декабря 2019 года, на расширенной коллегии Министерства обороны РФ, Путин назвал «сволочью, свиньей антисемитской» Юзефа Липского — посла Польши в Третьем Рейхе, поддержавшего предложение фюрера решить еврейский вопрос посредством высылки всех европейских евреев в Африку (проект Мадагаскар) и в шутку пообещавшего за это памятник Гитлеру в Варшаве.

Второй — история с израильской Нахамой Иссахар. В апреле 2019 года она следовала авиарейсом из Индии в Израиль с пересадкой в Москве и была задержана в зоне для транзитных пассажиров международного аэропорта Шереметьево за предполагаемую контрабанду наркотиков: в её багаже были найдены 9,5 граммов гашиша. 11 октября 2019 года российский суд приговорил Нахаму к 7,5 годам лишения свободы по обвинению в хранении наркотиков и контрабанде. Этот вердикт вызвал широкий общественный протест в Израиле и других странах. 13 октября 2019 года президент Израиля Реувен Ривлин обратился к Путину с просьбой помиловать Нахаму, а премьер-министр Израиля Нетаньяху лично принёс извинения Путину за Иссахар и попросил об её освобождении.

Начались обсуждения, и форматом разрешения вопроса выдвигался обмен Нахамы на кого-то, в ком была заинтересована РФ, причем складывалось впечатление, что обмен и был одной из целей всей операции,

в которой Нахаме отводилась роль заложницы¹⁴. Желанной фигурой на размен был Алексей Бурков, гражданин России, ожидавший в Израиле экстрадиции в США по подозрению в совершении киберпреступлений. Но Высокий суд Израиля отклонил апелляцию Буркова, что привело к его выдаче в США.

В декабре 2019 года Министерство юстиции Израиля передало историческое Александровское подворье в Иерусалиме Российскому Императорскому Православному Палестинскому Обществу — прямо к Рождеству. Многие комментаторы увидели тут связь с переговорами об освобождении Иссахар. И уже 23 января 2020 года, во время визита Путина в Израиль он встретился с четой Нетаньяху и матерью Нахамы и сказал ей, что, по его мнению, дело закончится благополучно. 26 января Нахама написала Путину просьбу о помиловании, 29 января Путин подписал соответствующий указ, и уже 30 января девушка вышла на свободу, в объятья заплаканной от счастья матери и радостных Нетаньяху с женой. Хэппи энд!

Третий кейс — это не хэппи энд. Это история израильского архивиста и историка Холокоста Арона Шнеера, который, кстати, водил высоких гостей из Москвы по Яд Вашему, а в 2005 году — и самого Путина и Лаврова. 24 августа 2021 года Арон оставил в своем фб пост, начинающийся со слов: *«Позор “Мемориалу”, если он включает в список “Жертвы политического террора в СССР” немецких пособников и убийц. Надеюсь,*

что это происходит лишь по недосмотру, недоразумению. Необходимо перепроверить, перетрясти всю базу, ибо, возможно, это не единичный постыдный факт». В тот же день эту новость заметил и растиражировал в фб Александр Дюков — директор фонда «Историческая память».

Вернемся к словам Шнеера. Почему, собственно, позор, почему постыдный факт? Как специалисту по Лудзе, где были расстреляны и его родственники, Шнееру оказалось ведомо то, что составители атакованной им базы данных по их источникам (а это главным образом «Книги памяти») выяснить никак не могли: три фигуранта — это репрессированные коллаборанты. Им, палачам, самое место было бы в соответствующей базе, если бы таковая имела, или быть маркированными четким пояснением в базе жертв, но главное — самому Арону связаться бы с коллегами и сообщить о своих разысканиях. Так нет же! Вместо этого — «позор!» и столь же нелепая «надежда» на то, что это недосмотр или недоразумение? А что же тогда еще — некомпетентность? — или антисемитизм?.. И это — в адрес достойнейшей и гнобимой организации, «иностранного агента», на которую всей своей тушей навалилось государство российское?!

В сентябре 2021 года этих троих выпилили из базы данных, но было уже «поздно»! В декабре на заседании Совета по правам человека при президенте РФ Путин лично объявил, что в «мемориальных» списках обнаружены фамилии нескольких

¹⁴ Их еще иногда называют «обменным фондом», иногда — «консервами».

людей, участвовавших в убийстве евреев в Латвии в период нацистской оккупации. При этом он сослался на Шнеера и зачитал аккуратную справку, подготовленную на основе записей в его фейсбуке.

Чем безжалостно и хладнокровоно подставил не правозащитников (с ними ситуация и так ясна), а самого Арона, своего гида по Яд-Вашему, цинично и без спросу «использовал» его в чрезвычайно некошерной спецоперации. Ибо, как выразился впоследствии М. Эдельштейн: *«Вероятно, дело в том, что Шнеер давно живет в Израиле, от российского контекста далек и простое правило «прожить жизнь надо так, чтобы тебя не захотелось процитировать Владимиру Путину» едва ли является для него значимой этической максимой»* (Эдельштейн, 2021)¹⁵

Казус Змиёвской балки и региональных геноцидов советского народа

Во внутрироссийском контексте, при этнотолерантном Владимире Путине с его олигархическим интернационалом антисемитизм приобрел несколько неожиданный для себя привкус — чуть ли не гражданского сопротивления и протестного активизма. Даже при филосемите Путине ростовские власти не убоались своей фронды с антисемитским душком.

Политику ростовских властей наглядно демонстрирует история мемориализации и памятования жертв расстрелов в Змиёвской Балке.

В 2004 году — на основании постановления мэра города — здесь была установлена мемориальная доска с таким текстом *«11–12 августа 1942 года здесь было уничтожено нацистами более 27 тысяч евреев. Это самый крупный в России мемориал Холокоста»*.

Выражено неуклюже, так как имелся в виду не размер памятника, а самая крупная на территории РСФСР акция по уничтожению евреев. Но и такого ростовские «интернационалисты» стерпеть не могли: 28 общественных организаций дружно выступили против этой надписи и добились того, что в ноябре 2011 года мемориальную доску заменили другой, где Змиёвская балка, как в старые советские времена, была названа просто «местом массового уничтожения фашистами мирных советских граждан».

Время, однако, было уже не советское, а постсоветское, так что завязалась бурная полемика, и вот ее результат. 28 апреля 2014 года на фасаде траурного зала Мемориала памяти жертв фашизма в Змиёвской балке была установлена новая мемориальная доска со следующим текстом — *«Здесь, в Змиевской балке,*

¹⁵ См.: Базовые осложнения. Михаил Эдельштейн о войнах памяти // Вот так. 2022. 26 января. В сети: <https://vot-tak.tv/novosti/16-12-2021-edelshtejn-shneer-memorial/> См. также: Глава "Международного Мемориала" ответил на обвинения Путина. Ян Рачинский рассказал о неточностях в списках жертв репрессий // Московский комсомолец. 2021. 10 декабря. В сети: <https://www.mk.ru/politics/2021/12/10/glava-mezhdunarodnogo-memoriala-otvetil-na-obvineniya-putina.html> ; Историк Арон Шнеер о "Мемориале": "Знание истории своей страны делает гражданина гражданином. 2021. 17 декабря. В сети: https://www.newsru.co.il/israel/17dec2021/shneyer_501.html . И мн. др.

в августе 1942 года гитлеровскими оккупантами было уничтожено более 27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных. Среди убитых — представители многих национальностей. Змиевская балка — крупнейшее на территории Российской Федерации место массового уничтожения фашистскими захватчиками евреев в период Великой Отечественной войны».

Эволюция текста поддается такой интерпретации: здесь, в Змиёвской балке, были расстреляны разные контингенты — евреи и не-евреи, но никого не будем обижать перечислением, тем более что часть расстрелов не задокументирована. Нееврейские контингенты (и среди них евреи были тоже) — это главным образом подпольщики и душевнобольные (главным местом гибели военнопленных в Ростове был дулаг в районе Каменки).

Советское ноу-хау в отрицании Холокоста заключалось не в отрицании как таковом, а в отказе от национальной идентичности жертв во имя их интернационализации, то есть в намеренном растворении евреев в общей массе жертв, невзирая на то, что в ней они составляли неизменное и незавидное большинство. В тех случаях, когда национальности жертв все же назывались, евреев ставили на последнее место в этом ряду.

Мол, не одних «ваших» тут косточки лежат. В Ростове — та же картина, что и в Бабьем Яру, что и в Катюни. Ту же идею Мединский и его РВИО

хотели бы сегодня навязать и карельскому Сандармоху — разбавить жертв Большого террора жертвами извергов-белофиннов.

Но попытки Ростовской еврейской общины и Российского еврейского конгресса объяснить, почему линию компромисса в мемориализации Змиёвской балки надо провести иначе, с оглядкой только на историю, не только ни к чему не привели, но еще и были оценены как стремление выделить жертв Холокоста среди всех жертв фашизма и разрушить тем самым основы исторической памяти многонационального русского народа, то есть — как... сеянье национальной розни! Идея дополнить мемориал памятными плитами с выбитыми на них установленными именами убитых здесь евреев — тоже была встречена в штыки: от инициаторов издевательски требовали предоставить сначала доказательства (sic!) подлинности имен и факта их гибели.

Так что совершенно не случайно то, что первый из серии региональных судебных процессов по признанию преступлений (зверств) немецко-фашистских оккупантов и их пособников против мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны состоялся именно в Ростове-на-Дону¹⁶. Сами эти процессы и процедурно, и юридически производят довольно странное впечатление: в сущности, речь идет о механической перекалфикации зверств оккупантов в областные геноциды. Эмпирической базой при

¹⁶ По состоянию на конец 2022 г., аналогичные процессы прошли также в Новгороде, Пскове, Брянске, Орле, Краснодаре, Симферополе и Санкт-Петербурге.

этом, как правило, служат материалы региональных сборников «Без срока давности», выпущенных в 2020 году и содержащих, в том числе, и рассекреченные документы из фондов ФСБ, как правило, не добавляющие ничего нового тем источникам, что были рассекречены в начале 1990-х гг. Как правило, наиболее яркие эпизоды зверств оккупантов связаны именно с Холокостом. Результатом этой кампании является систематическая девальвация самого понятия геноцид — в угоду расширения его контингентной базы и растворения в ней двух подлинных и общепризнанных геноцидов — еврейского и цыганского.

Этими категориями жертв воспользовались как временными ситуативными союзниками, призванными послужить элементами упрощенных геополитических концепций. В понятийном смысле слова это явное продвижение назад — к старым советским представлениям о советских же людях как жертвах немецкой агрессии.

Казус Сергея Лаврова

24 февраля 2022 года случилось событие, именуемое в разных частях мира по-разному, но кое-где и войной.

25 апреля, в самый разгар этого события, представитель РФ в ООН Василий Небензя обрушился на Израиль с критикой за радикализм действий на святых для мусульман местах, колонизацию палестинских земель и попытку переключения мирового внимания с палестинско-из-

раильского конфликта на российско-украинский. Такого рода стилистика в российско-израильских отношениях не звучала уже очень давно.

А через неделю, 1 мая 2022 года, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров давал интервью итальянскому каналу «Медиасет» (медиахолдинг Сильвио Берлускони). Корреспондент спросил его: «...В.А. Зеленский... считает, что денацификация бессмысленна. Он же еврей. Нацисты, «Азов» — их мало (несколько тысяч). В.А. Зеленский опровергает Ваше понимание происходящего. Как Вы думаете, В.А. Зеленский является препятствием на пути к миру?»).

В ответ Лавров высказался так: *«Мне совершенно безразлично, что опровергает или не опровергает Президент В.А. Зеленский. У него «семь пятниц на неделе», как у нас принято говорить. В течении одного дня может поменять позицию несколько раз. Слышал, как он сказал, что мы демилитаризацию и денацификацию даже не будем обсуждать на переговорах. Во-первых, они саботируют эти переговоры, так же, как и восемь лет Минские договорённости. Во-вторых, нацификация есть: захваченные в плен боевики и батальоны «Азов», «Айдар» и других подразделений, носят на одежде, своём теле символ и татуировки свастики, нацистских батальонов Ваффен-СС, открыто читают и пропагандируют «Майн кампф». Он выдвигает аргумент: какая у них может быть нацификация, если он еврей. Могут ошибиться, но у А. Гитлера тоже была еврейская кровь. Это абсолютно ничего не значит. Мудрый еврейский народ говорит, что самые ярые антисемиты,*

как правило, евреи. «В семье не без урода», как у нас говорят»¹⁷.

Все в этом пассаже дипломата на уровне: и тон, и контент. И нет ни малейшего смысла вдаваться здесь в дискуссию (а она есть) о лакунах в биографии Гитлера — кем был или мог бы быть его дедушка по отцу. Или в дискуссию о грайферах или юденратах (а она тоже есть, да еще какая!).

Сухой остаток сказанного Лавровым: и Гитлер, может, не без еврейства, так что еврейская кровь от фашизма не индульгенция! Так что у власти в Украине — неважно еврей ее президент или не еврей — точно фашисты, да еще с татушками.

Именно так Лавров и был воспринят всем миром. И именно это вызвало девятый вал возмущения. «Опрометчивые слова», «Тест на прочность», «Конец нейтралитета» — так или примерно так выглядели заголовки большинства израильских и мировых газет.

Назавтра, 2 мая, министр иностранных дел Израиля Лапид вызвал к себе посла России Викторова и назвал высказывания его шефа неприемлемыми и непростительными. Премьер-министр Израиля Беннет, обвинив главу МИД России во лжи, заявил о недопустимости использования трагедии Холокоста в политических целях.

Произнесенное Лавровым — копейный ресентимент, к какому не

каждый уважающий в себе свою слабость антисемит прибег бы. Как же могло так случиться, что юдофобское словоизвержение произошло на столь высоком российском — правилительственном — уровне?

Ну хорошо: сорвалось с языка, — извинись, если сорвалось или если ошибся. А если это и впрямь твоя позиция, то промолчи — за дипломата сойдешь. Так нет же!

3 мая МИД РФ тупо ввязался в срач-полемику с приплетанием еврейских корней еще и президента Латвии Эгилса Левитса, что не мешает ему «прикрывать реабилитацию "Ваффен-СС" в своей стране». Прошлись и по Лапиду, чьи антиисторические заявления во многом объясняют курс Израиля на поддержку «неонацистского режима в Киеве». Лапиду как раз это и должно быть очень обидно: филигранных усилий Израиля простоять на дожде сухим между струями в Москве не оценили!

И, разумеется, прошлись по Зеленскому: «...спекулирующий на своих корнях Зеленский делает это вполне сознательно и вполне добровольно. Прикрывается происхождением сам и прикрывает им натуральных неонацистов, духовных и кровных наследников палачей своего народа... Лапид и его кабинет не видят, что Зеленский просто "завершает" сценарий, описанный еще немецким пастором Мартином Нимеллером. Сначала на Украине в 2014 году пришли за коммунистами, потом за социалистами, потом весь "цивилизованный"

¹⁷ Его полная расшифровка доступна на сайте МИД России: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1811569/

мир промолчал, когда на Украине "отменили" русских. Не хватает фантазии понять, какой "некоренной" народ пойдет "на ножи" да "на гиляку" за москалями?.. Лapid и его кабинет этого не видят?»

Сам Лавров так и не извинился, но 5 мая за него это сделал Путин, позвонивший Беннету. Тот извинения принял, и об этом можно прочесть на сайте правительства Израиля¹⁸. Но на сайте Кремля этот телефонный разговор хотя и обозначен, но его содержание не раскрыто¹⁹.

Казус «Сохнута»

В лучах такой «полемики» каждая еврейско-российская новость приобретает многокрасочность и полисемичность. Вот главный раввин Москвы по версии КЕРОР Пинхас Гольдшмидт покинул Россию назавтра после интервью Лаврова, отказавшись от публичной поддержки действий России на Украине.

Тогда же поползли слухи, что деятельность «Сохнута» (Еврейского агентства) в Москве под угрозой²⁰. 21 июля обнаружилось, что это не просто слухи и что Минюст РФ подал иск в суд о ликвидации российского подразделения международного еврейского агентства «Сохнут», обвиняемого в действиях, заключаю-

щихся в строгом следовании своему зарегистрированному в РФ уставу и продекларированному мандату. В случае «Сохнута» это поддержка еврейской диаспоры по всему миру и практическая помощь в репатриации евреев в Израиль. Прокуратура же РФ утверждает, что «Сохнут», собирая незаконным образом информацию о гражданах России, проживающих в России и имеющих право на репатриацию в соответствии с Законом Израиля о возвращении, нарушал закон о конфиденциальной информации в сфере личных данных. При этом приоритетом пользуются евреи-россияне, занятые научной деятельностью и предпринимательством, что ударяет по научному потенциалу и предпринимательству в РФ²¹.

И, чтобы мало не показалось, американская ассоциация хасидского движения «Хабад» разорвала 25 июля шаткий компромисс с РФ и снова потребовала у нее вернуть библиотеку Любавичского ребе — так называемое собрание Шнеерсона, в свое время незаконно национализированное СССР как якобы военный трофей.

Предварительное слушание в Басманном суде по иску Минюста состоялось 28 июля 2022 года, суд назначил первое слушание на 14 августа, а затем переносил его несколько

¹⁸ См. в сети: https://www.gov.il/he/departments/news/spoke_putin050522 Какая-то из русскоязычных эмигрантских газет — несколько грубовато — резюмировала историю так: «У Лаврова язык как бритва. Одним его движением он сделал Гитлеру обрезание. Так что Путину потом пришлось все пришивать обратно».

¹⁹ В сети: <http://kremlin.ru/events/president/news/68356>

²⁰ Вести: Израиль по-русски. 2022. 5 июля. См. в сети: <https://www.vesty.co.il/main/article/bj1u3ywj5>

²¹ См.: [/www.newsru.co.il/israel/21jul2022/kan11_sohnut_0014.html](http://www.newsru.co.il/israel/21jul2022/kan11_sohnut_0014.html)

раз: по состоянию на ноябрь 2022 года, — на 19 декабря 2022 года. В сочетании с первоначальным отказом израильской делегации «Сохнута» в российских визах, отказом прокуратуры от досудебных контактов и угрозами другим еврейским организациям в РФ объявить их иноагентами, фон какой-то вызывающе недружественный. Уж не железный ли занавес проскрежетал тут своей ржавчиной?

И то: зачем России евреи с их избыточной сложностью, множественной идентичностью и двумя паспортами в кармане? Или — наоборот — зачем евреям второй?

ФАЦИТ

Итак, российский антисемитизм — старший ровесник самого российского еврейства. Россия тут специфична тем, что в ней почти всегда преобладал антисемитизм государственный. Лишь дважды — в 1917–1939 гг. и с 1991 по настоящее время, то есть суммарно более полувека, он таковым не был.

Корпоративный антисемитизм особенно пассионарен и опасен: его сочетание с «отвернувшимся» в нужный момент государством, как в середине 1900-х гг., или просто со слабым, де факто отсутствующим государством, как во время Гражданской войны, — важнейшая предпосылка к преваливанию на евреев всех бед и неудач власти и, как следствие, еврейских погромов. В стране, в которой не все хорошо, евреи могут еще очень пригодиться, хоть это и последний аргумент.

Личный же антисемитизм, — хоть он и самый броский, креативный и пассионарный, — все же самое меньшее из зол. Он по-своему неистребим, но в ситуации, когда государственный антисемитизм отставлен, как правило, ослабевает и он. Уж больно он нуждается если не в поощрении, то хотя бы в отведенных глазах.

Как бы то ни было, уровень антисемитизма в современной России низкий. Но из истории мы хорошо знаем, что в моменты кризисов и неблагополучия всплывают самые разные риски. Накладываясь на веками выработанную у евреев установку «исходить из худшего», отношение евреев к сложившейся ситуации проявилось в резком усилении как реальной еврейской эмиграции из России, так и взрывного роста оформления российскими евреями второго — израильского — гражданства, если только оно еще не было оформлено. В XXI веке российские евреи и так прочно держали первую строчку в алии, причем их доля не опускалась ниже 25%. В 2021 году, в частности, на них пришлось 7500 репатриантов из 27050, или 27,7%. Итоговые цифры для 2022 года ожидаются на давно забытом уровне в 50–70 тысяч человек! Количество же тех евреев, кто при этом перенес из России в Израиль эпицентр своих жизненных интересов в 2022 году — более 30 тыс. человек — рекордное в XXI веке.

...Тем более важно доразобраться с казусом Лаврова. Что вдруг?

На проговорку или на сумасбродство не похоже. Но само вмешательство Путина уже не такое четкое, как

в 2005 году, после «Письма девятнадцати». Запусти это письмо его авторы сейчас, как и законопроект «О русском народе», шансы на успех, пожалуй, были бы выше.

Неужели кому-то и впрямь показалось, что в круг виновных в неудачах и незадачах страны пора уже толкнуть и евреев? И предложить глубинному народу спасти Россию традиционным дедовским способом?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Денисенко 2002 — Денисенко М. Б. Евреи и немцы в СССР: Национально-смешанные браки в 1920–1930-е годы // Российский демографический журнал. 2002. № 1. С. 46–57.

Жириновский 2003. — Жириновский В. Иван, запахни душу! Избранные места из романа-исследования о моем поколении. М., 2003.

Кожин 1999. — Кожин В. В. Россия, или — век XX, 1939–1964. М.: ЭКСМО, 1999.

Куняев, Куняев 1995. — Растерзанные тени. Избранные страницы из «дел» 20–30-х годов / Сост. Ст. Куняев, С. Куняев. М., 1995. С. 110.

Куняев 2011. — Куняев С. Жрецы и жертвы Холокост. Кровавые язвы мировой истории. М.: Алгоритм, 2011. 384 с.

Отрицание отрицания 2008. — Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста / Сост. П. Полян и А. Кох. М.: Три квадрата, 2008. 388 с.

Полян 2021. — Полян П. Гулкое эхо [Эссе]. Киев: Изд-во Мемориального центра Холокоста «Бабий Яр» — Издательский дом «Дмитрий Бурого», 2021. С. 87–106.

Степанищев, Чарный 2005. — Степанищев С., Чарный С. Национализм, ксенофобия, антисемитизм в Государственной Думе РФ. Доклад // Полит.ру. 2005. 10 февраля. В сети: <https://polit.ru/article/2005/02/10/aandf/>

REFERENCES

Denisenko M. B. Evrei i nemtsy v SSSR: Natsionalno-smeshannyye braki v 1920–1930-e gody // *Rossiyskiy demograficheskiy zhurnal*. 2002. #1. S. 46–57.

Zhirinovskiy V. *Ivan, zapahni dushu! Izbrannyye mesta iz romana-issledovaniya o moem pokolenii*. M., 2003.

Kozhinov V. V. *Rossiya, ili — vek XX, 1939–1964*. M.: EKSMO, 1999.

Rasterzannyye teni. Izbrannyye stranitsyi iz «del» 20–30-h godov / Sost. St. Kuniyev, S. Kuniyev. M., 1995. S. 110.

Kuniyev S. *Zhretsyi i zhertyi Holokost. Krovavye yazyvy mirovoy istorii*. M.: Algoritm, 2011. 384 s.

Otritsanie otritsaniya 2008. — *Otritsanie otritsaniya, ili bitva pod Aushvitsem. Debatyi o demografii i geopolitike Holokosta* / Sost. P. Polyan i A. Koh. M.: Tri kvadrata, 2008. 388 s.

Polyan P. *Gulkoee eho* [Esse]. Kiev: Izd-vo Memorialnogo tsentra Holokosta «Babiy Yar» — Izdatelskiy dom «Dmitriy Burago», 2021. S. 87–106.

Stepanischev S., Charnyy S. *Natsionalizm, ksenofobiya, antisemitizm v Gosudarstvennoy Dume RF. Doklad* // Polit.ru. 2005. 10 fevralya. V seti: <https://polit.ru/article/2005/02/10/aandf/>

«ОНА МЕНЯ ВСЕГДА ПРЕДУПРЕЖДАЛА:
“НИКОГДА НЕ ГОВОРИ ВНЕ ДОМА, ЧТО
МЫ ГОВОРИМ У СЕБЯ НА КУХНЕ”».

О Валерии Викторовне Перуанской
вспоминает ее внучка М. Гальчук

О Валерии Перуанской, известной советской и российской писательнице, вспоминает в интервью ее внучка Мария Гальчук

Ключевые слова: История семьи Валерии Перуанской, Октябрьская революция, Гражданская война, белое движение, НКВД, Великая Отечественная война, сталинизм, дневники, сценарии, журналистика, журналы «Дружба народов», «Москва»

Валерия Викторовна Перуанская (1920–2011) — писательница и журналист. С 1957 года — член Союза журналистов СССР. С 1968 года — член Союза писателей СССР.

“SHE ALWAYS WARNED ME: “NEVER SAY OUTSIDE THE HOUSE WHAT WE SAY IN OUR KITCHEN.” Valeria Viktorovna Peruanskaya is remembered by her granddaughter Maria Galchuk

About Valeria Peruvian, a famous Soviet and Russian writer, her granddaughter Maria Galchuk recalls in an interview

Keywords: Family history of Valeria Peruvian, October Revolution, Civil War, white movement, NKVD, Great Patriotic War, Stalinism, diaries, scripts, journalism, Friendship of Peoples, Moscow magazines

Valeria Viktorovna Peruanskaya (1920–2011) — writer and journalist. Since 1957 he has been a member of the Union of Journalists of the USSR. Since 1968 he has been a member of the Writers' Union of the USSR.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э.: *Ваша бабушка — Валерия Перуанская была писателем, журналистом, работала в советских «толстых журналах» и с детства вела свой*

дневник. Расскажите, пожалуйста, о ее предках.

М. Г.: В советское время о предках говорили очень мало. Я только знаю,

На фото: Валерия Перуанская (Лиля Гирина)

На фото: Анна Ивановна Римен (она же Анна Леопольдовна Гирина)

что матерью Валерии Перуанской была Римен Анна Ивановна. Она называла себя отпрыском обедневшего польского дворянского рода. Хотя, возможно, это было не так. Тут все очень приблизительно. Мне говорили, что прабабушка до конца своих дней даже разговаривала с польским акцентом.

Моя мама помнит от неё некоторые польские детские присказки. Из семейных легенд я знаю, что прабабушка практически потеряла свою семью. Дети рано остались сиротами. Старший брат Казек без вести пропал в Первую мировую, младших братьев и маленькую сестру забрали в польский католический приют. Прабабушка всю жизнь страдала по своим братьям и сёстрам. Анна была самая старшая из сестер, ее взял к себе экономкой дядюшка Леопольд в особняк на улице Гороховой. Позже Анне удалось пристроить к нему и свою сестру Юзефу. Анна надея-

лась, что когда встанет на ноги, то сможет забрать младших из приюта. Это была настолько больная тема для нашей семьи, что даже я — правнучка — помню всех по именам. Старшие: Казимир и Анна — носили фамилию матери — Римен и были Ивановичи по отчеству, т.к. были незаконнорожденными. Их родителям не разрешали жениться то ли из-за разницы в вероисповедании, то ли из-за финансовых трудностей... Когда они наконец поженились, то все младшие дети — Юзефа, Вильгельмина, Михель и Каспер — уже были Леонардовичами по отчеству и Станкевичами по фамилии. Это очень распространённая польская фамилия, поэтому родственников найти практически невозможно... В 1917 году, собираясь уезжать в Америку, дядюшка Леопольд предложил Анне, по слухам, поехать с ним, но на отказалась из-за своих братьев и сестёр. А приют, к несчастью, позже оказался на территории Финляндии, и единственное, что удалось о нем узнать, что он эмигрировал в Польшу, в Варшаву, и, скорее всего, во время войны от него ничего не осталось... Вот такая болезненная история по материнской линии.

Про бабушкиного отца я почти ничего не знаю. Знаю, что фамилия была Могилевский. Прадед вроде бы был тоже польского происхождения. Познакомилась они с прабабушкой то ли в Москве, то ли в Питере и вроде бы в Москве поженились. Я так понимаю, что это был юношеский всплеск эмоций, спонтанность, возможно там не было большой любви. Валерия Викторовна рассказывала, что как-то её будущие родители шли то ли по Пречистенке, то ли по

Остоженке и просто так вдруг решили зайти и пожениться. Вот так и зашли, и поженились. А бабушка моя родилась в 1920 году в Симферополе. В детстве я её спрашивала: «Твой отец москвич, мама жила в Питере, куда приехала из Прибалтики, а как же ты в Симферополе родилась?». На что она отвечала: «Они поехали отдыхать на море, и я там родилась». Я уже позже, когда стала старше, удивлялась: «Как это они в 1920 году в декабре (!) на море отдыхали?!». Потом бабушка всё объяснила... Хотя у нас в семье было принято говорить о многом прямо, этот факт она мне сообщила только тогда, когда я, проходя по истории «Советская Россия в кольце фронтов» или что-то вроде «Триумфальное шествие советской власти», поняла, что в 20-ом году советской власти в Крыму-то ещё не было. Я тогда её *прижала к стене*, и она призналась, что, когда они добрались до Крыма, для простых людей уже не было никакой возможности попасть на корабль.

С.Э.: *Они пытались убежать, но не получилось?*

М.Г.: Да. В Крыму они прожили там какое-то время. Там моя прабабушка сильно сдружилась с матерью Александра Галича. Вот так бывает тесен мир! Через какое-то время они возвращались в Москву уже с Галичами. Моя бабушка полная ровесница с Галичем, и поскольку их матери дружили, они вместе играли в детстве. Потом их пути разошлись, однако позже он жил в соседнем доме. В *Московском писателе* на стене дома есть его памятная доска, которую всё время то разбивают, то снимают, но энтузиасты заново вешают...

На фото: (слева направо) Елена Перуанская (Левенко), бабушка «Баня» — Анна Гирина, мама Валерии

Я называла бабушку по имени — Иля. Она всегда выглядела очень молодой, энергичной и красивой и категорически не желала называться бабушкой. Все звали её Лиля, а я — Иля, потому что «Лиля» в детстве было сложнее выговорить. И мои дети потом тоже называли её Илей.

С.Э.: В каком возрасте и в каком году она умерла?

М.Г.: Бабушка прожила до 91 года и умерла в 2012 году. А прабабушка умерла в 1967 году, не дожив несколько месяцев до моего рождения. Моя мама тоже называла её по имени: Баня (сократив «баба Аня»). Все рассказы о ней были настолько живыми и частыми, с просмотром фотографий, что я её

помню так, как будто бы знала её лично.

Где-то в 60-х годах (уже в Оттепель) им позвонил кто-то из знакомых, очень взволнованный. Он сказал, что слушал «Голос Америки» и там передавали, что разыскивается Анна Римен. Я знаю уже со слов бабушки, что Анна не имела никакой возможности ответить, — к тому же она ещё и боялась. Наверняка 37-ом году дедушка Яша сжёг все документы моей бабушки и прабабушки не случайно. Я пыталась запросить архив в Севастополе и в Симферополе (в паспорте записано, что она родилась в Севастополе, а с её слов — в Симферополе). Где она родилась — история достаточно тёмная. Когда я связывалась с севастопольским и вообще

На фото: братья Гирины, верхний крайний слева — Яков Михайлович Гирин

с Крымским архивом, мне ответили, что у них нет никаких записей. То ли это Яков Михайлович надежно зачищал следы, то ли, действительно, всё утеряно во время Гражданской и других войн. Свидетельства о рождении у моей бабушки нет в принципе, но есть справка, выданная Союзом писателей и Литфондом для представления на Новодевичье кладбище, о том, что по имеющимся у них документам Анна Римен является матерью Валерии Перуанской. Это для того, чтобы дочь имела возможность ухаживать за могилой матери и вообще — навещать, ведь раньше Новодевичье кладбище было закрытым. Больше нет никаких документальных подтверждений их родства.

На Новодевичьем кладбище прабабушка была похоронена со вторым своим мужем Яковом Михайловичем Гириным, фамилию которого ба-

бушка как раз носила в детстве: она была Лиля Гирина до того, как стала Перуанской.

А родного отца Валерии звали Виктор Александрович Могилевский. Умер он очень рано, в 1932 году, но до этого успел развестись с Анной и жениться на Клавдии. Его вторую жену я знала как свою прабабушку, «бабушку Клаву». Они с Илей были достаточно долго в очень теплых отношениях, Клава, бывало, сидела со мной маленькой, меня к ней забрасывали на праздники. После смерти прадеда она вышла замуж за другого человека, который потом тоже умер. Все троём (вместе с моим прадедушкой) они похоронены на Донском кладбище.

С.Э.: Кем работали ваши прабабушки и прадедушки в советское время, чем занимались?

На фото: Яков Михайлович Гирин на охоте с добычей

М. Г.: Прабабушка не работала. Как я говорила, по ее заверениям, она была из дворянской семьи и её учили быть хозяйкой дома: все это она делала она великолепно! Прабабушка Анна была очень эффектная, интересная женщина, пользовалась успехом у мужчин. Мама мне рассказывала, что поражалась, как можно в шикарном платье вытаскивать из духовки, например, шипящую курицу, не брызнув ни капельки ни на платье, ни на прическу, не испачкав рук? Анна занималась домом и собой, и, конечно, потом у неё были из-за этого проблемы с пенсией.

Она неплохо рисовала, музицировала, пела романсы, умела элегантно одеваться и создавать домашний уют. И шикарно готовила! Есть одна из семейных легенд, связанная с этим. Они часто принимали гостей. А Яков Михайлович (прадед) был работником НКВД, любил и имел возможность ходить на охоту со своими соратниками. С охоты он при-

носил дичь, которую она прекрасно готовила. И кто-то из гостей как-то сказал, мол такую-то шикарную птицу приготовит каждый дурак. На что прабабушка сильно обиделась и попросила прадеда в следующий раз поймать ворону, и потом эту ворону приготовила ... Для неё обида была смертельной, и *месть её была страшна*: после того, как обидчики, как всегда завистливо нахваливая, съели этого самого «фазана», она показала им вороньи перья, специально ею сохранённые. Конечно, эти люди больше в гости не приходили. Для прабабушки это был её статус, её искусство, её имидж, который она всегда поддерживала.

При этом прабабушка в молодости была в некотором смысле «*попрыгунья стрекоза*» и часто отдавала дочку Валерию в детские лагеря, а сама занималась личной жизнью. Поэтому бабушке она свой хозяйский опыт не передала. Зато потом, в военные и послевоенные годы, она уже проводила много времени с внучкой и тут уж щедро делилась своим опытом. И моя мама готовила мне прабабушкины блюда.

Из самых простых — драники (деруны, картофельные оладьи), но в их приготовлении есть свои хитрости. Моя бабушка их не знала и не готовила, а мама готовила, потому что напрямую получила навык от прабабушки.

А бабушка (есть много фотографий) часто бывала в НКВД-шных лагерях, где соответствующим образом воспитывали детей. Нужно ли говорить, каким духом классовой борьбы и коммунистической пропаганды

На фото: Анна Леопольдовна и Яков Михайлович Гирины с внучкой Леной (слева)

она там пропиталась. Даже Яков Михайлович, который варился в НКВДшной кухне тех лет и у которого совершенно отсутствовали «розовые очки», безуспешно пытался ей что-то объяснить о реальном положении дел.

С. Э.: В какой должности работал её отчим в НКВД?

М. Г.: Я знаю, что, когда его послали в Ленинград, его должность называлась типа «директор автобазы». В домовый книгу перед отъездом записано, что он инженер автобазы «Наркомпищпрома», по возвращении в Москву он записан уже как старший инженер, а затем директор радиоремонтной мастерской.

Он был по натуре не политиком, не управленцем, а скорее инженером,

механиком. Дело в том, что все его братья были на разных должностях в правительстве Москвы и в народных комиссариатах. Их всего было семеро братьев.

В «Некрополе Новодевичьего кладбища» перечислены практически они все и их должности. А у Якова Михайловича не указана должность, потому что он не был партийным работником. Он был технарь, любил технику, любил ее разбирать и чинить. Он притаскивал домой разные технические новшества, которые только появлялись. Про прадедушку у нас такая легенда: он приволок (именно ПРИВОЛОК) как-то новое изобретение — пароварку — и сказал всем уйти с кухни, мол, он сейчас за 15 минут сварит гречневую кашу. Можете представить, как его презирала прабабушка за всякие попытки

готовить! Она гордо удалась в комнату, ждать, что он там сварит. Не прошло и десяти минут, как раздался страшный взрыв. Пароварка оказалась бракованной — в ней забыли сделать клапаны (или они не работали) для выпуска пара. В общем, горе-устройство взорвалась, и кашу отскребали со всей кухни несколько дней. Прадеда спасло то, что он носил очки: взрыв произошел, когда наклонился над кастрюлей, у него всё лицо было в горячей каше, но глаза не пострадали.

А как-то он «притащил» холодильник, за что прабабушка Анна на него тоже фыркала и продолжала хранить масло — как всегда — в водичке на окне. Она побаивалась всем этим пользоваться, а он, наоборот — этим горел. Но, тем не менее, они очень хорошо вместе жили, очень друг друга любили и им не мешала разница во взглядах на технический прогресс. В то время у них у единственных в доме на Врубеля был телевизор — маленький, с огромной линзой. По особым дням — футбольным матчам или популярным кинопоказам — у них собирался практически весь дом. А гостей прабабушка очень любила.

Когда ещё до войны всех братьев Гириных снимали с должностей, Яков, по словам бабушки, решил не дожидаться, пока доберутся до него, и сам уехал работать в *лагеря*. Мама вспоминала, что вроде как он был в районе Воркуты, в Котласе. Но по документам, которые мне удалось найти, он побывал много где — и в Молотоской области (Пермский край, г. Кизел), работал он в Кизеллаге, в Печерлаге, среди заклю-

чённых. По легенде, они его очень уважали — за то, что он был добрым и порядочным, за золотые руки.

Есть ещё одна семейная история (уже не легенда, мне даже показывали ЭТОТ пропуск). Бабушка родила мою маму во время войны в 1943 году, а отчим в то время увез свою жену к себе в *лагеря*, потому что она не могла в Москве выносить воя сирен. Моя бабушка была с более крепкой нервной системой — она дежурила в ПВО, тушила фугаски, даже в бомбоубежище не ходила, а сразу шла на дежурство. Может быть потому, что в двадцать лет человек более бесстрашный, чем на пятом десятке. Валерию Перуанскую в домоуправлении даже представили к медали «За оборону Москвы».

Когда 1943 году бабушка родила мою маму и осталась без возможности работать, оказалось, что без рабочей карточки очень трудно прожить, так же как и без помощи бабушки с маленьким ребенком. Через каких-то знакомых военных она написала запрос в Кизел, чтобы вызвать свою маму (тогда это могло быть основанием для получения пропуска в Москву, иначе никак). Запрос ушёл, но несколько месяцев не было никакого ответа, и тогда послали второй запрос, уже с пометкой «срочно». Срочный дошёл, и её мама приехала — ей выдали пропуск по этому запросу. Мама Валерии стала сидеть с ребёнком — моей мамой, а Валерия смогла устроиться работу. И тут неожиданно приезжает дедушка. Откуда у дедушки появился пропуск? Оказалось, что его уговорили заключённые. Первый запрос (затерявшийся) пришёл через несколько недель

после отъезда жены. Заключение ему сказали: «Чего ты здесь сидишь? Там у тебя и внучка родилась, и жена твоя там. Что тебе с нами?» Он: «А как же я поеду?» «Мы тебе все сделаем». И на том первом запросе они подправили имя отчество так, что *комар носа не подточил*. Яков Михайлович не очень хотел пользоваться поддельным пропуском, но ребята настояли, убедили его, что все по справедливости, и он приехал в конце 1943-го года в Москву. Человек он был деятельный, в Москве занялся починкой техники, в частности — проигрывателей, радиоприёмников, записывающих устройств. У нас в семье был целый архив писем Дунаевского, которому прадедушка много чего чинил. До сих пор осталось несколько благодарственных открыток от Дунаевского, в том числе и его телеграмма-соболезнования по случаю смерти Якова Михайловича (остальное прабабушка сдала в архив — сохранилась справка).

С.Э.: *Вы сказали, что он уволился ещё до войны. А его братья были арестованы?*

М.Г.: Кто-то был арестован, кто-то сидел. Это была еврейская семья с большим количеством двоюродных, троюродных. По легенде, один из дальних родственников шил сапоги Сталину, он в какой-то момент буквально бросился в ноги вождю и попросил спасти свою семью. В результате никого не расстреляли, хотя отовсюду сняли, и вроде достаточно скоро всех выпустили.

У меня сохранились фотографии автомобильного цеха какого-то завода, где он снят среди большой компа-

нии. Он был технарём, мастер, интересовался автомобилями. При этом, говорят, в молодости он был кутила: то в карты проиграет, то на охоту так надолго уедет, что не дожидаться. Позже, конечно, он стал очень домашним семейным человеком.

С.Э.: *Давайте поговорим о вашей бабушке. О её идейной эволюции. Она была пионеркой, ездила в пионерские лагеря НКВД, её воспитали настоящей сталинисткой. Что она об этом рассказывала?*

М.Г.: Я так понимаю, ей было немножко стыдно об этом сильно распространяться. Это прослеживалось и в её письмах. Будучи наивной и честной сталинисткой, она очень верила в идеалы добра и считала, что справедливое устройство общества и справедливые равные отношения между людьми — это то, как должно быть, как и есть в нашей стране. Потом она мне обмолвилась, что спорила со своим отчимом, который ей объяснял, что идеалы справедливости, конечно, хороши, но здесь в данный момент они отсутствуют. Она рассказывала, что спорила с ним до такой степени, что грозилась даже донести на него как на антисоветчика. Она говорила: «Мне сейчас стыдно вспоминать, что я могла такое сказать своему любимому дяде Яше!» Потому что она его любила как родного, носила его фамилию, отчество не взяла только потому, что казалось трудно произносимым («Валерия-ковлевна»). И получилось, действительно, непонятно: Валерия Викторовна Гирина, плюс, она записалась еврейкой, когда получала паспорт в тридцать каком-то году. Еврейкой она, насколько я знаю, была очень

долго. И это несмотря на бурные возражения отчима. Он говорил, что она не понимает, к чему всё идёт. Зачем писаться еврейкой, если можно этого не делать? Каким-то образом примерно в 60-х годах она умудрилась переписаться русской, но как — история умалчивает...

С.Э.: Расскажите о том, как она окончила школу, куда поступила, о дальнейшей её карьере.

М.Г.: Я так понимаю, они жили в Москве с мамой и папой, с родными. А потом, как пишет бабушка, в 1925 году родители развелись. Я думала, что прабабушка сначала вышла замуж за Якова Михайловича, а потом они уехали в Питер. Но когда я стала смотреть по документам, оказалось, что есть Свидетельство о браке Анны Ивановны Рима и Якова Михайловича Гирина, датированное 2 февраля 1926 года в Центральном ЗАГСе Ленинграда. Из чего я могу заключить, что он уехал туда работать, а Анна Ивановна с дочкой приехали потом к нему, поскольку я знаю, что со второго по девятый класс бабушка училась в Петербурге. Это было время, оказавшее на неё очень большое влияние. Все её первые книги — про Ленинград. И естественно, что, окончив десятый класс в Москве, она поехала поступать в институт в своем любимом городе. Тогда считалось очень важным получить профессию инженера, и она, конечно, считала, что должна учиться на благо страны. Но поскольку она прекрасно понимала, что никаких способностей к техническим наукам у нее нет (особенно в сравнении с Яковом Михайловичем), то рассуждала так: где, будучи

инженером, она нанесёт наименьший вред народному хозяйству? Спроектированный ею мост (не дай Бог!) обвалится, дом сложится, где-то что-то протечёт... И она подумала, что если на съемках фильма, например, лампочка какая-то перегорит, или даже случится замыкание — это будет не так уж страшно для народного хозяйства. Так она поступила в Институт киноинженеров (ЛИКИ) и курса до третьего даже там проучилась.

При этом она всё равно писала рассказы, вела дневники, писала для каких-то газет. Ей очень нравился сам процесс написания слов на бумаге. Но при этом ей и в голову не приходило, что это может быть профессией.

В институте она сдавала сопромат, другие технические предметы, которые были ей *ни уму, ни сердцу*. С трудом учась, она с отвращением сдавала сессии, но преодолевала себя. По характеру она человек очень дисциплинированный. Видимо, сказала немецкая кровь. У неё и дома всегда был порядок, всё было разложено по полочкам. Это ей помогало справляться с математикой и вообще держать себя в руках.

Бабушка рассказывала: «Сижу я как-то в библиотеке, готовлюсь к сопромату или другому жуткому предмету. Вдруг слышу, недалеко от меня сидят ребята и разговаривают о литературе, спорят о Пушкине. Я к ним подседа, стала с ними тоже участвовать в разговоре. И выяснилось, что они учатся в ЛГУ на филфаке. Оказывается, есть люди, которые учатся на гуманитарных факультетах и не стесняются этого!».

Для неё это было открытие! «Такие милые ребята, у них такая интересная жизнь! А я сижу среди этих цифр и с тоски умираю». Тогда она решила, что что-то нужно, всё-таки, с этим делать. Хотя бы попробовать. Но в ЛИКИ не было ни сценарного, ни другого творческого факультета. Тогда она написала сценарий и послала его во ВГИК с просьбой о переводе.

Я даже не знаю, что это был за сценарий — так, что-то написала. Но во ВГИКе его заинтересовались. И её взяли то ли на первый, то ли на второй курс, и в 1940 году она уже занималась во ВГИКе, где проучилась целый год на сценарном факультете. Кажется, всё же на первый курс, потому что два года технического образования для ВГИКа ничего не значат. И так бы, наверное, она и училась, если бы не началась война, и ВГИК не уехал в эвакуацию. Бабушка категорически не хотела никуда ехать. Во-первых, у неё была убеждённости, что с ней ничего не случится. Во-вторых, она, видимо, не хотела оставлять *свою* Москву. Даже несмотря на то, что вместе со всеми уезжал молодой человек, который тогда за ней ухаживал — Женя, — у него было плохое зрение, поэтому в армию его не взяли. Она рассказывала, как уезжали в эвакуацию — на троллейбусах, поставленных на железнодорожные платформы. Ехали в основном те, кого комиссовали, кто не подлежал призыву по разным причинам. С ней вместе на курсе учился Валентин Георгиевич Морозов (есть несколько фильмов по его сценариям, он писал милые добрые детективчики, один из его фильмов — «Полёт на Луну»; он остался её другом и потом, приходил к нам в гости, я его хорошо помню),

он был лет на десять старше их всех и не подлежал призыву. В общем, те кто мог — пошли в добровольцы, а те, кто не мог — уезжали на этих троллейбусах. Летом 41-го была сильная жара, и бабушка с подругой (кажется Мариной Назаренко) искали для эвакуирующихся кепочки на каких-то развалах, чтобы хотя бы головы у них были прикрыты. Бабушка рассказывала, что они с подругой неслись-неслись, едва успели, — поезд уже отходил, и пришлось кидать кепки прямо в окна троллейбусов...

Так бабушка перешла в более творческую профессию. С войной ей пришлось прервать учёбу, но учиться всё равно очень хотелось. И уже в 1944 году, когда немцев отогнали и стало спокойнее, Москва стала просыпаться и подниматься, объявили набор в Литинститут. И Лиля Гирина, уже к тому времени ставшая Валерией Перуанской (1942), поступила в Литературный институт им. Горького на курс Константина Федина. Именно Федин помогал ей с первыми повестями. Я читала в её дневнике, что первый раз, когда она пошла в издательство, её *послали* в грубой форме. Она обижалась, плакала, расстраивалась (неприятно, когда ругают твоё детище). А потом Федин порекомендовал ей сходить в издательство снова. Когда она пошла во второй раз, ее снова продолжила ругать какая-то тетка, но сам директор издательства отнесся иначе — уже лояльно. И она догадалась, что, видимо, Федин уже позвонил и *замолвил словечко*. Еще нужно не забывать тот факт, что тогда она была еврейкой. И это тоже, возможно, как-то повлияло. Позже она убедилась, что Яков Михайлович был прав

по всем пунктам и не только по части национальности... Но, судя по дневникам, окончательно сообразила она это уже после смерти Сталина. Тогда же она перестала вести дневник. Либо уничтожила большую часть, потому что с 53-го по 68-й годы никаких дневников я не нашла. Хотя мне кажется, что они могли бы быть. Может быть, у неё не было желания или времени писать. А в 68-м году она открывает дневник записью о том, что пишет этот дневник для Маши, то есть для меня, и что я это когда-нибудь прочитаю. Это как раз в 1968 году, когда я родилась или должна была родиться.

С.Э.: А до 1953 года она вела дневник? Он сохранился?

М.Г.: Да, вела дискретно. Там все её рассуждения касались немного наивного восприятия того, что происходит в политическом плане. А так, она была много озабочена проблемами общечеловеческих отношений: как подло поступать, как не подло, кто кому должен помочь, кто как мог бы ответить, а кто как не мог бы ответить. То есть много анализа человеческих взаимоотношений, которые её всегда интересовали: чем руководствуются люди в своём поведении. Сама она всегда старалась исходить из своего понимания высшей справедливости. После 1968 года дневники велись гораздо более регулярно — видимо, у нее появилась конкретная цель — для чего и для кого писать.

С.Э.: Это было сталинское время: постоянно писали доносы, кого-то арестовывали. Трудно было это не заметить. В её дневнике нет ничего об этом?

М.Г.: Есть. У её одноклассницы арестовали отца, и бабушка рассуждает по поводу того, почему от подруги все отвернулись. Во-первых, могли ошибиться — людям свойственно ошибаться. Почему надо сразу делать далеко идущие выводы — сразу отворачиваться от человека. Она об этом искренне рассуждает. Второй пункт: даже если отец в чём-то и виноват, то причём здесь его дочь... Она потом сама мне рассказывала, что была настолько наивна (но, видимо, Яков Михайлович был ещё в силе), что пошла к этой своей (даже не подруге) однокласснице, у которой арестовали отца. Бабушка пришла и увидела, что у них нечего есть, мать уволили с работы, бабушка пенсию не получает. Как можно людей оставить в таком кошмаре! И она не только сама помогала, но ещё и сагитировала кого-то тоже помогать. Та девочка была ей благодарна! А бабушка в дневнике возмущалась тем, как люди отнеслись к этой девочке: вместо того, чтобы поддержать человека, у которого и так горе, все начали бояться и в разные стороны разбежались. Она рассказывала, как приходила с просьбой помочь и как от нее отворачивались, как будто уже она теперь была прокажённой. Тем не менее, она смогла это пройти, вынести. И нашла несколько друзей, которые тоже смогли поделиться продуктами. Дальше эта история теряется. Но в дневнике было именно её возмущение тем, как люди себя некрасиво ведут: ведь если отец не виноват, то делать выводы преждевременно; а если отец виноват — то, тем более, надо помочь.

С.Э.: А с какого года она вообще начала вести дневник?

М.Г.: Первая сохранившаяся запись с 1932 года, то есть с двенадцати лет.

С.Э.: *А более позднее время — когда была борьба с космополитизмом, — как-то отразилось в дневнике?*

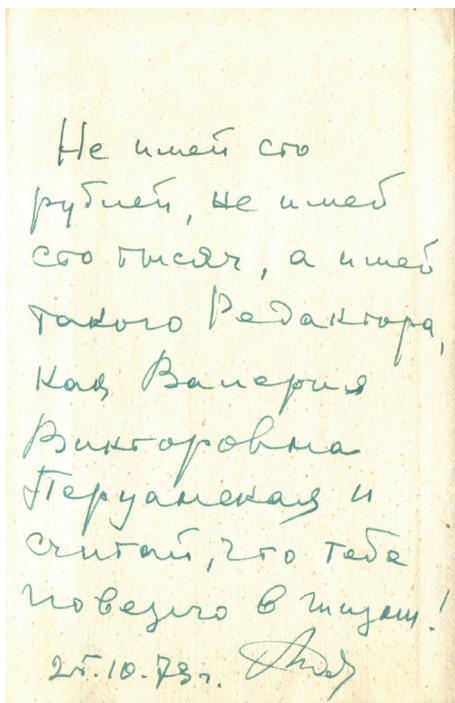
М.Г.: Я не всё читала. Этот дневник был достаточно дискретный. Есть несколько записей во время войны. Кстати, она мне рассказывала (и в дневнике это есть) насчёт начала войны, про 19 октября, когда утром была напряжённая тишина и она узнала, что ВГИК переезжает. Она пошла за своими документами. А до этого Яков Михайлович ей сказал: «Чёрные машины уезжают из Москвы. Наверное, нам всем тоже надо ехать. Пахнет жареным». Видимо он хорошо чувствовал опасность. А она ответила, что мол, какие немцы, они не зайдут никогда в Москву, пусть едут все, кто хочет. Она пошла во ВГИК и увидела там полное разорение: всё брошено, оставлено, сейфы распахнуты, на полу валяются документы. Найдя, всё-таки, свои документы в каком-то из сейфов, она забрала их. «И ты представляешь, — рассказывала она мне с ужасом, — я украла книгу!». Там на полу лежала книга известного поэта, и она её взяла, понимая, что всё равно все либо сторит, либо будет разграблено. И она всю жизнь переживала, что украла ту книгу... Но про 19 октября она написала, что пришлось идти пешком до ВГИКа (они жили на Соколе, а ВГИК тогда был на Мещанской), трамваи не ходили. Когда она шла, по воздуху летали бумаги и, действительно, проносились *чёрные машины*.

С.Э.: *Имеется в виду паника, когда начальство покидало Москву?*

М.Г.: Да. Она всё это наблюдала: кто-то из людей поддавался панике, кто-то тащил мешки и чемоданы, а кто-то, наоборот, в ужасе смотрел на это. Она была под впечатлением, это было настоящее светопреставление.

С.Э.: *Биография вашей бабушки во многом типична для «детей XX съезда». В 56-ом году её взгляды поменялись и она начала писать повесть «Четыре полосы» (её издавали в усечённом виде, а вы планируете издать её целиком), где отображается эпоха разоблачения культа личности Сталина. А вам она объясняла, как и почему поменялись её взгляды?*

М.Г.: Сам процесс она не объясняла. Этого нет и в её дневниках. В 1953 году у неё прослеживается некоторое недоумение и размышления по этому поводу. Она пишет: «Что-то меняется. Оказывается, это было не так, как я думала». И на этом всё. Бабушка была всегда достаточно честной и перед собой, и перед нами. Она не из тех, кто будет думать одно, говорить другое, а делать третье. Но позже, из естественного чувства самосохранения, она научилась держать многое при себе. Она меня всегда предупреждала: «Никогда не говори вне дома, что мы говорим у себя «на кухне»». Это закон советской страны. Не выносить из дома не столько наши внутренние дела и семейные тайны, а главное — взгляды... Сейчас у нас другой исторический момент и уже можно — с тех пор столько времени прошло. Меня это приучило, может быть даже и немного развило мозг — когда параллельно думаешь в двух направлениях. Хотя теперь уже снова нечто похожее у нас: снова

На фото: дарственная надпись Алеся Адамовича на книге «Хатынская повесть»

слушаем новости и пытаемся разобраться зашифрованное: «А что же там на самом деле?»

С.Э.: Мы многое сейчас понимаем из эпохи сталинских репрессий.

М.Г.: Сейчас мне придется так же учить свою дочь. Она спрашивает, зачем я смотрю новости, если они недостоверны. На что я отвечаю, что смотрю, чтобы научиться этому закодированному языку. В советское время я знала — если говорят *это*, то на самом деле подразумевают *то*. А теперь немного другая система кодировки, и я пытаюсь её тоже понять и изучить.

С.Э.: В советское время Валерия Петрушевская работала в журналах

«Дружба народов», «Москва». Расскажите про этот период её жизни.

М.Г.: Она работала редактором и ей пришлось редактировать многих известных людей. Самое яркое, из того, что она рассказывала мне — Адамович и Окуджава. От последнего осталось несколько записочек в нашей семье, фотографии он присылал с вопросом, подходят ли они для журнала. Она была одним из нескольких редакторов «Альтиста Данилова». Конечно, их была целая команда в «Дружбе народов». С Алесем Адамовичем завязалась длительная теплая дружба и переписка. Я даже помню, как он приходил к нам, бывая в Москве. Запомнилось главное ощущение — очень светлого, оптимистичного, остроумного человека.

Потом она ушла из журнала и стала просто писать. Уже не как журналист. Она говорила, что пока работала редактором, совсем не было ни времени, ни сил на что-то серьёзное своё. Хотелось просто сесть и писать. В журналах (как и в издательствах) много разных сложностей — интриги, ссоры, какие-то отношения, которые нужно разбирать. По бабушкиным словам, это сильно выматывало, не говоря уже о самой работе, которая отнимает много времени. Писать при этом очень трудно. Её первые повести были скорее публицистическими. Одна из первых — небольшая книжка «В поисках радости», где она рассуждает по поводу того, что все идут в инженеры, но работа всё-таки должна человеку нравиться, что каждый *заточен* под что-то, и, может быть, правильнее не агитировать молодёжь куда-то скопом

идти (1972 год), а, наоборот, научить человека разбираться в себе, понимать, где он может свои способности применить. Ведь у неё был тут свой опыт, когда она, повинаясь стадному ритму, пошла в инженеры и потом поняла, что это никак не её. В книге об этом достаточно подробно, с примерами расписано. Там чей-то молодой человек, который ни к чему не годен, ничто его не интересует, его пытаются пристроить куда-то, но всё никак, а потом он находит то, что ему интересно и, неожиданно для всех, в этом преуспевает... Она собирала случаи из жизни, похожие на свой. У неё было много публицистических вещей, поскольку она уже работала в газете («Красный флот»).

Ещё один интересный факт из её биографии. Она вышла замуж в 1942 году за моего дедушку Серафима Антоновича Перуанского. Он тоже учился в Ленинграде и, будучи студентом, пошёл добровольцем на фронт. Под Лугой его легко ранило — это точно Господь бог его спас (потому что потом он так и не смог никого найти из своих соратников по ополчению). А его ранило чуть ли не с первого выстрела в ногу, но достаточно легко. Его может быть бы не вывезли, если бы не было тяжелораненого, которому нужен был уход. Машина с тяжелораненым шла в госпиталь, и деда отправили с ним. Дед лечился всего дня три (сохранилась справка о ранении). А после этого, его сразу после госпиталя взяли в артиллеристское училище (Латуза — Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии). Потом училище эвакуировали в Томск. И так как у деда за плечами было пара курсов в институте связи

(ЛЭИС) — его сразу стали готовить к работе на английском радаре, который должен был по ленд-лизу прийти в Москву. Поскольку Москва была полупустым городом, а бабушка была одной из немногих, кто остался, друзья и знакомые, знакомые друзей и прочие, оказываясь в Москве транзитом, часто останавливались у нее. А дед как раз учился в ЛЭИС вместе с бабушкиной подругой — тётёй Соней, подругой настолько близкой, что я долгое время считала ее нашей родственницей. Соня сказала деду, что у ее подруги Лили в Москве есть большая пустая квартира (их тогда ещё не уплотнили), в которой можно остановиться, и отправила его к бабушке. У бабушки тогда была довольно большая компания из разных проезжих и командировочных. Она не возражала, тем более, что люди приходили не с пустыми руками — приносили продукты, особенно солдаты (тушёнка и др.). И один из немногих, кто уже повидал фронт и *порохом пропах*, был дед... Тут стоит вспомнить ещё один интересный факт из жизни Лили Гириной. Лет в пятнадцать, будучи в «Артеке», она познакомилась со своей первой *любовью* (хоть она и не признавала, что это была любовь) — Рубеном Ибаррури, сыном Долорес Ибаррури. Они потом долго переписывались, когда он до войны приезжал в Москву, они с Лилей много общались, гуляли вместе (может быть, не вдвоем, но в одной компании). Она про него рассказывала мне. Её даже как-то потом просили написать о нём воспоминания. Не помню, чем это кончилось, может быть, она и писала что-то, какую-то газетную статью мне показывала, сейчас это все в архиве РГАЛИ. Потом он погиб под Сталинградом.

На фото: Валерия и Серафим Перуанские

Я подозреваю, что Серафим очень напомнил Лиле погибшего Рубена... Посмотрите на фотографии моего деда — он типичный «латинос».

С.Э.: *Фамилия Перуанский — необычная, откуда она взялась?*

М.Г.: Это фамилия священнослужителей в Пензенской губернии. Его отец был священник. Бабушка об этом узнала только в шестидесятые годы, потому что дед *молчал как рыба об лёд*. Его так напугали.

В Лилиной семье к проблеме происхождения относились скорее с юмором. Прабабушка всегда спрашивала: «Не помнишь, что я в прошлой анкете писала: из кого я — из рабочих или из мещан? Или напишу — из крестьян?»

Для деда все было гораздо серьезней — отца его матери расстреляли в 1937-м. Дед во всех анкетах указывал, что его отец из рабочих. Антонин Перуанский приехал в Петербург в 20-х годах и поступил в типографию — поскольку он был не просто грамотен, а знал много языков, то был ценным типографским рабочим. А позже он работал уже просто в школе вахтёром. Так что дед всегда писал, что он из семьи рабочих, хотя по нему это трудно было сказать. Но (как мне объяснили) иначе он не мог бы поступить учиться. Иначе и ему, и сестре был закрыт путь к образованию выше четырех классов. Отказавшись от сана, их отец, Антонин, тем самым защищал своих детей. (Кстати, дед свое отчество тоже слегка подправил — на Антонович).

Мать моего деда была дочерью протоиерея Фёдора Степановича Каллистова, служившего в Соборной церкви города Троицка Пензенской губернии, который, кстати сказать, 29 октября 2019 года Священным Синодом РПЦ был причислен к лику святых как священномученик. Очень многие потомки Фёдора Степановича, в том числе и я, живут до сих пор, нашлись — и сейчас мы между собой общаемся. Сегодня уже написано несколько его икон — Святого Феодора, даже в Москве в одном из центральных храмов уже появилась его ростовая икона. Отец Феодор не отказался от сана, его сначала отправляли на три года в ссылку, он, когда вернулся, стал восстанавливать храм с помощью местных жителей, которые его очень уважали, но в 37-ом году по доносу его расстреляли. Но, тем не менее, почти очень многих своих детей и потомков он умудрился каким-то образом сберечь. Например, эта история с моим дедом — его должны были просто убить, там живых не оставалось: студенты без оружия против танков... То, что его ранили едва не первым выстрелом, то, что его смогли вывезти — я думаю, что без божьего промысла (или без покровительства его святого предка) не обошлось. И хотя отец деда Серафима, Антонин, умер в Питере от голода, мать и сестру всё-таки вывезли по «Дороге жизни» в Саратов. В Саратове теперь тоже живут потомки Феодора Каллистова — мой троюродный брат и его дети.

С.Э.: *Но происхождения фамилии вы не знаете? Это не священническая фамилия. К чему она относится?*

М.Г.: Это именно священническая фамилия, я выясняла. Мне выдали справку из Пензенского архива, что мать моего дедушки Римма Федоровна — дочка протоиерея Фёдора Степановича. А его отец — Перуанский Антонин Александрович был священником: он учился в семинарии, получил как священник сколько-то десятин земли и дом в селе Малая Вирга. А его отец — Александр — был диаконом, отец отца Василий — псаломщиком. А уже его отец был тоже диаконом, его звали Ефимий Перуанский. И вот по прямой ветке как минимум до середины XIX века все были священники по фамилии Перуанские. Как дед рассказывал, эта фамилия была приобретённая. Так же как Каллистов, например.

С.Э.: *Каллистов — греческая фамилия, её могли дать в академии или в семинарии. А вот Перуанский?*

М.Г.: Дед говорил, что ее, вроде, назначили в семинарии. Но если посмотреть на моего молодого деда, то язык не повернётся сказать, что он сын священника из Пензенской губернии...

В этой связи с дедом позже была забавная история, когда его фронтовой друг устраивал его работать в Москве в ящик. Это было где-то в 57–58-м годах, когда его турнули из Госконтроля, узнав, что у него отец священник — естественно, тогда это был страшный криминал. Его турнули не потому, что отец был священник, а потому, что он кому-то дорогу там перешёл — он был честный человек, и надо было как-то под него подлезть. И вот, они поехали

в эту деревню, нашли того, кто помнил его отца, рассказали, какой он был зажиточный, какая у него была лошадь. А я смотрела лист из переписи населения, там указано, сколько у него было десятин: у него была одна корова, одна лошадь и двое детей уже тогда было. В общем — ничего особенного. Он не был зажиточным... Но раскопали, что он был священником и деда выгнали из Госконтроля. Он пришёл в себя благодаря моей бабушке, получившей как раз тогда какой-то гонорар, на который она ему купила машину — 401-й «Москвич». Дед сразу воспрял духом. А тут как раз его фронтовой друг позвал на работу к себе — под свое начало завлабом в ящик. Это было уже после Оттепели. Дед, значит, приходит устраиваться, а его спрашивают, с чего он взял, что есть такая должность. А Николай Иванович говорит: «Ты просто расскажи о себе», а сам ушел куда-то по делам. Дед начал рассказывать: образование, воевал, имею ранения, работал там-то и там-то. Ему говорят, хорошо, но у нас нет мест. Николай Иванович возвращается, и говорит деду: «Ты не то рассказал. Расскажи, где ты родился, кто родители». Ну, дед тогда и говорит, что родился в Малой Вирге, что отец — православный священник. «А, — говорят, — так вы на то место его имели в виду?!» Как дед потом сказал — они, наверное, сначала подумали, что я еврей.

С.Э.: *Это было после 1967 года, когда была «Шестидневная война»?*

М.Г.: Да. Его и приняли, видимо, за еврея. Он был смуглый, с крупными чертами лица, тогда уже, наверное, седеющий. Я думала всегда, что он

просто загорелый. Но, оказывается, так гены интересно распределились. Его сестра была светлая, скорее рыжая, мой троюродный брат — её внук — тоже вполне славянского вида. А у меня волосы в детстве были чёрные-чёрные с голубоватым отливом, и тоже есть некоторая смуглость: чуть солнышко мимо промелькнёт, я уже становлюсь коричневая. Несмотря на то, что бабушка как раз была совершенно белокожей, покрывалась веснушками, всё время ходила с зонтиком от солнца. Но эта генетика «латиноса», который влез каким-то образом, проявилась во мне и маме. Я читала где-то, что до 1914 года переселенцам в России давали землю в некоторых отдаленных от центра губерниях, и из Южной Америки — то ли из Бразилии, то ли из Аргентины приезжали семьи. Возможно, мы потомки кого-то их них.

С.Э.: *Нужно искать и изучать отдельно, может ещё в XVIII-XIX веке попали. Потому что Перуанский — совсем не фамилия священника.*

М.Г.: Кто-то влез однозначно. Моя дочь училась в испанской школе, и я иногда смотрела на преподавателей-испанцев — прямо один в один типаж моего деда. Самый главный у меня аргумент такой (думаю, что тоже не без божьего промысла): когда человек скрывает особенно от близких людей своё происхождение и вообще ничего не говорит даже, когда может говорить! Его, видимо, Господь лишил речи: в 1976 году его хватил инсульт, но не настолько сильный, чтобы умереть, но у него пропала речь, которая не восстановилась. И 23 года бабушка за ним

ухаживала. Он был не говорящий, но при этом он продолжал хорошо соображать! Вначале бабушка взяла шофёра (они перед болезнью только купили новую машину). Что-то случилось с машиной, шофёр позвал своего брата, но они не могли разобраться, в чем там дело. Сидели на кухне и громко спорили. И тут решительно вошел дед и своей левой рукой нарисовал им схему машины, нарисовал то ли лонжерон, то ли ещё какую-то нужную деталь и ткнул туда пальцем. Они смотрели на него так, словно видели в первый раз, потому что поначалу едва его замечали, наверное, думали: «Что с ним разговаривать — человек болен». А после этого случая, когда он оказался прав, они его сразу зауважали, стали с ним здороваться отдельно: «Здравствуйте Серафим Антонович! А как вы думаете?.. А что вы считаете?..» Могу себе представить, каково ему было — находясь в здравом уме и памяти, полностью осознавая ситуацию, не иметь возможности выговаривать слова! И вот однажды речь зашла о происхождении его фамилии, он стал подавать знаки (у него иногда проскальзывали какие-то звуки, похожие на слова). Компания сидела за столом и ему отвечают: «Знаем-знаем, ты потомок древних инков». Он так шутил еще до болезни, мол, фамилия такая, потому что я потомок древних инков. Все как обычно посмеялись, а он вышел в коридор, остановил меня и начал говорить. А я же за многие годы его «молчания» научилась различать его знаки и звуки. В общем, я часто понимала, что он хочет сказать (у нас был свой общий код). Так вот, он меня останавливает, демонстративно кивает и говорит «да». Я спрашиваю: «Да — в смысле:

ты потомок древних инков?» Он говорит: «Да. Нет» «Ты имеешь в виду, что твои предки из Южной Америки?» Он говорит: «Да» Я: «Перуанцы?» Он: «Нет»... Но я тогда не много знала стран Латинской Америки, чтобы перечислить их по памяти, мне было лет 15 и я не очень этим интересовалась. По-моему, я ещё спросила о Бразилии, на что он тоже ответил отрицательно. Наверное, надо было дальше перечислять, и он бы кивнул. Но у нас были гости, я помогала по хозяйству, не было времени в это сильно вникать, а потом это всё забылось.

Но надо было, наверное, к этому вернуться, потому что сейчас мне это вдвойне интересно, а в 15–16 лет этим так не интересуешься. Он умер в 1998 году. И бабушка за ним всё это время героически ухаживала. При этом ещё могла писать! Она, действительно, очень сильно его любила. И когда ей один раз стало плохо и её увозили на скорой, её единственная фраза была: «Если со мной что-то случится, не отдавайте деда в дом престарелых». То есть она не о себе думала, а о нём в первую очередь. Двадцать три года она за ним ухаживала — логопеды, гимнастика, бесконечные занятия, какие-то лекарства, даже экстрасенсы. В дневнике я у неё почитала, она писала через полтора года после того, как он заболел: «Почему я продолжаю всё это делать, зачем я трачу столько сил, денег, времени и всего? Я уже поняла через год, что он не восстановится, это уже ясно. Почему? Во-первых, я не хочу, чтобы он догадался, потому что, если он догадается, что это невосстановимо, то я боюсь его реакции»... Лет через семь до него дошло,

что всё бесполезно, и реакция у него была такая, что он буквально не хотел жить. Очень больно вспоминать об этом.

Я его, помню, специально развлекала насколько часто могла, хотя мне было лет 12–13, была своя жизнь... Он мог читать, мог смотреть телевизор, что-то писать, рисовать. Но серьезных дел, конечно, у него не было. Остался один друг, как говорится: «да будет он упомянут, и свечку ему поставит». Эдик Тигран. Он приходил к нему больному, даже разговаривать мог с ним так же, как мы, что-то по дому чинил — тогда же это было очень важно, — розетку поменять или ещё что. Дед в свое время был очень в этом плане мастеровитый. А бабушка продолжала за ним ухаживать и при этом ещё успевала вести «светскую» жизнь: водила его с собой, возила в дома творчества. Он чувствовал себя человеком в каком-то смысле... Ещё был его Леонид Иванович Тороцин — лёгчик-испытатель. Он дожил до 94-х лет, был человек крепкий. Это был их совместный друг, из общей компании. Он, как раз, один из немногих, кто помогал, когда ВСЕ случилось. Тогда же не было сиделок, и бабушка торчала в больнице круглые сутки. Тороцины жили недалеко от больницы, бабушка приходила к ним, буквально падала от усталости. Леонид Иванович оставил её спать и пошёл дежурить в больницу сам, потом жена его сменила. Раньше у бабушки собирались столы человек по двадцать-тридцать за раз, а когда пришла беда, остались считанные люди. Поэтому я считаю, что их надо упомянуть обязательно! Таких людей мало...

Ещё один интересный факт, касающийся войны. Это не описано в дневнике, это то, что бабушка рассказывала сама. Она тогда была внештатным корреспондентом газеты «Красный Флот», а дед служил на радаре в ПВО. Когда немцев стали от Москвы отгонять, линия ПВО тоже стала удаляться от города дальше и дальше. И вдруг дед пропал. Она не могла понять, почему он перестал писать и присылать посылки? Уже приехали из эвакуации родители, она с маленьким ребёнком, а он вдруг вообще ничего не пишет, никаких следов нет, она про него ничего не знает. И — главное — он перестал присылать продукты. Тогда бабушка, пользуясь тем, что умеет писать, взяла в газете пропуск и документ, что едет за сбором фольклора, — и поехала искать его на фронт. Меня поразил сам факт! Я её спрашивала: «А как ты вообще узнала, где он? Кто тебе сообщил секретные сведения?» Оказалось — один знакомый генерал. То ли ещё знакомый Анны, её матери (у нас есть фотография одного генерала, я подозреваю, что это может быть он) — видный мужчина, сильно её старше. Он сказал, что точно не знает, где, но где-то в примерном месте на Украине. Вот она и поехала туда искать, буквально «на деревню дедушке», потому что номера частей тоже были засекречены. У неё была длинная поездка, она встречала везде каких-то людей и знакомых, которые ей помогали то сесть на поезд, то переночевать, то перекусить. У неё с собой был пустой чемодан, в котором болтался пустой рюкзак, — она надеялась, что с Украины хотя бы яблоки привезёт в Москву, потому что есть было совершенно нечего. На одной из сортировочных стан-

ций она неожиданно встретила с какого-то знакомого, который ночевал у неё в Москве, он обещал её помочь с поездом до нужной станции, только узнать бы ещё до какой. И они, буквально, кинули «орёл-решка»: либо Гродно, либо другое место, где тоже могла стоять зенитная часть. Что вышло, туда они и взяли билет. Бабушка выгрузилась из поезда и пошла совершенно наугад: лесополоса, берёзки, прогалины. Ничего, напоминающего военную часть. И вдруг откуда-то очень строгий женский голос: «Приставить шаг!» Она остановилась и «приставила шаг». Из-за кустов вышла девушка с ружьём, строго спросила, кто такая. Бабушка представилась, стала спрашивать, не знает ли она старшего лейтенанта Серафима Антоновича Перуанского, объяснила, что приехала к мужу. И вдруг неожиданно девушка повернулась (только что винтовку не бросила), и как победит с криком: «К Перуанскому жена приехала!» Бабушка рассказывала, что там оказалось довольно много красивых девушек, которых, видимо, и побежала быстрее предупреждать «дежурная». Наверное, они не были в курсе, что у старлея Перуанского уже есть жена...

Но главное, удивительно, что дед оказался именно в этой части! Ну как можно было его найти? Это такая потрясающая интуиция или судьба?

Бабушка рассказывала. Что они «на радостях» пили какой-то ужасный самогон, настолько сивушный, что кружки после него невозможно было оставлять в помещении, их выбрасывали за окно.

Тут выяснилась причина, по которой пропал муж: оказывается, соседка (они в подъезде на Соколе остались практически вдвоём с этой «доброй» женщиной) написала деду, что ребёнок не его, что жена гуляет и ещё кучу всяких гадостей. У бабушки же, и правда, ночевали люди. Выяснилось также, что продукты дед присылал, но они куда-то пропадали. Позже стало понятно, что их соседка и забирала. Бабушка с дедом дали ей какое-то не очень лестное прозвище, хотя вполне литературное, — то ли «Крыса», то ли «Ехидна». Вот такая «добрая» женщина жила по соседству. Зато благодаря ей получилось такое интересное, хоть и непростое приключение. Тем не менее, бабушка «погостила» у мужа на фронте несколько дней, — наверное, собрала нужное количество фольклора, потом получила на обратную дорогу тушенки и забила полный рюкзак яблоками, который, некстати, у неё в самый неподходящий момент порвался, и вся привокзальная детвора была накормлена яблоками, не знаю уж, осталось ли ей хоть одно...

С.Э.: *Спасибо вам за хорошее интервью!*

Н.Э. Кульбака

ДЕМОГРАФИЯ РЕПРЕССИЙ

Статья посвящена анализу динамики Сталинских репрессий по данным о годах рождения примерно 2,5 миллионов репрессированных в период с 1918 по 1953 год. При сопоставлении статистики возрастов репрессированных с данными о численности населения страны по переписи 1926 года был сделан вывод, что основная группа пострадавших от репрессий, это люди, родившиеся с 1878 по 1898 год. Тем самым, можно сделать вывод, что одним из основных мотивов репрессий было намерение убрать более молодых конкурентов, угрожавших старшему поколению, и, прежде всего, самому Сталину.

Ключевые слова: Демография, сталинские репрессии, история СССР,

Сведения об авторе: Николай Элиарович Кульбака — доцент кафедры политических и общественных коммуникаций Института общественных наук РАНХиГС при президенте РФ, кандидат экономических наук. Автор книг и статей по региональной экономике, экономической истории, транспортной логистике и истории транспорта.

Контактная информация: nkulbaka@yandex.ru

N. E. Kulbaka

DEMOGRAPHY OF REPRESSION

The article is devoted to analysis of dynamics of the Stalinist repressions according to the data on the years of birth of approximately 2.5 million repressed in the period from 1918 to 1953. When comparing the statistics of the ages of the repressed with the data on the population of the country according to the 1926 census, it was concluded that the main group of victims of repressions were people born from 1878 to 1898. Thus, we can conclude that one of the main motives for the repressions was the intention to remove younger competitors who threatened the older generation, and, above all, Stalin himself.

Keywords: Demography, Stalinist repressions, history of the USSR

About the author: Nikolai Eliarovich Kulbaka – Associate Professor of the Department of Political and Public Communications of the Institute of Social Sciences of the RANEPА under the President of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences. Author of books and articles on regional economics, economic history, transport logistics and transport history.
Contact information: nkulbaka@yandex.ru

Советский Союз пережил три основные волны репрессий – 1930–31, 1937–39 и 1942–44. Конечно, их было намного больше, но эти волны были самыми большими. Наиболее заметная из них, конечно, это период большого террора.

Одним из наиболее важных вопросов, который продолжает обсуждаться, является направленность террора. Рассмотрим возможный ответ на этот вопрос с помощью анализа распределения пострадавших от репрессий по годам рождения. Для этого были использованы следующие данные:

1) база данных репрессированных с годами рождения (составленная специалистами общества Мемориал). <https://base.memo.ru>

2) Распределение населения по возрастам, по данным переписи 1926 года (Всесоюзная перепись... 1928).

Собранные данные содержали значительную возрастную аккумуляцию (преобладание людей с круглыми возрастными). Это объясняется высоким уровнем неграмотности населения и низкой квалификацией переписчиков. Чтобы побороть такие скачки данных в годах, кратных 5 и 10, были использовано 5-летнее усреднение, которое сгладило пики.

На основе полученных путем усреднения данных для каждого года рождения было вычислено отношение числа репрессированных к общему числу жителей страны по переписи.

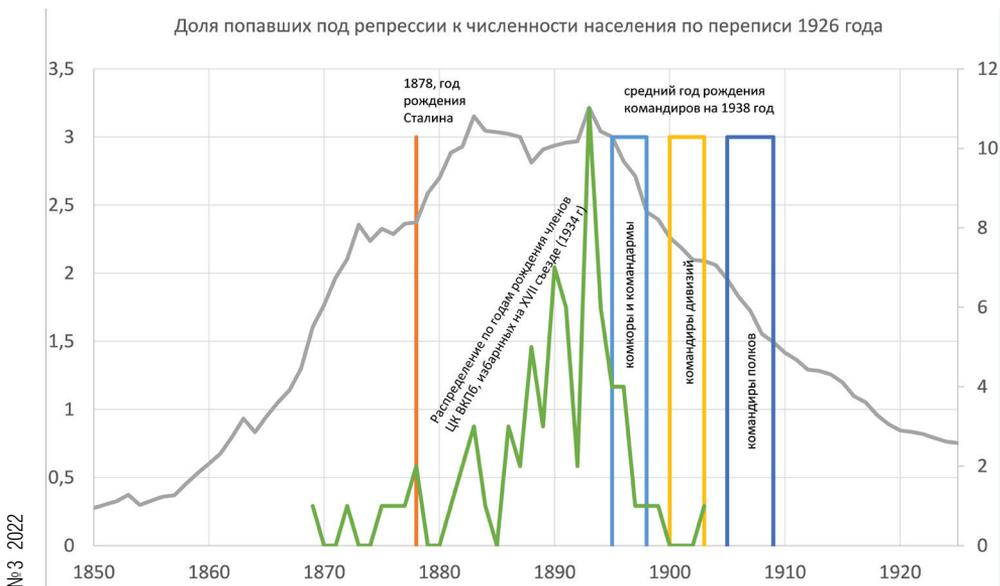

График показывает, что никаких отдельных трех пиков репрессий по возрастам не выделяется. Есть явно выраженный один пик с широкой вершиной. Фактически, почти половина людей, попавших под репрессии, родилась в период с 1878 по 1898 год. За пределами этого 20-летия доля репрессированных резко падает. И если для более молодых возрастов это можно понять, то отсутствие старших возрастов надо чем-то объяснить. При этом, поскольку данные по репрессиям для каждого возраста пересчитаны с учетом доли данного возраста, снижение доли старших возрастов в возрастной пирамиде на это влиять не должно. Фактически, под репрессии попали те люди, которые должны были прийти на смену тем, кто начинал революцию, кто участвовал в гражданской войне. Это стало очень хорошо видно, когда на схему было наложено распределение по годам рождения членов ЦК ВКП(б), избранных в 1934 году на XVII съезде ВКП(б). Подавляющее число из них (более 70%) не пережило период репрессий.

Похоже, что единственным объяснением является именно 1878 год (оранжевая вертикальная линия). Это год рождения Иосифа Сталина. Основной вал репрессий пришелся на возрасты моложе, чем у него. Видимо, Сталин избавлялся от тех, кто мог составить ему конкуренцию по возрасту. Своих ровесников и тех, кто старше, он трогал меньше. Если это так, то одним из объяснений репрессий может служить страх прихода новых, более молодых поколений. Конечно, списки на репрессии составлялись в разных местах, но общая тенденция была такова. Под

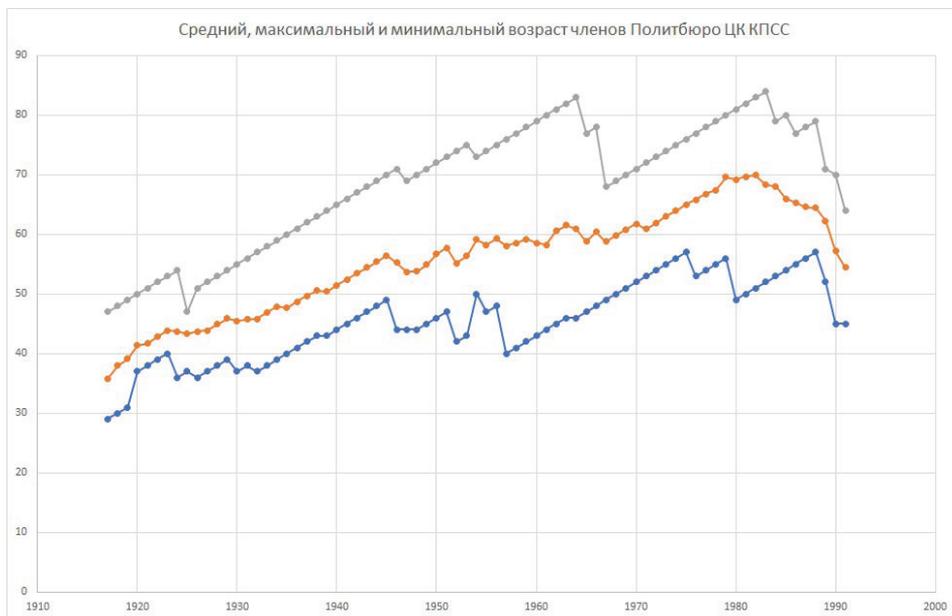
репрессии попадали более молодые конкуренты, от которых старались избавиться.

Даже если попавшие под репрессии и не были казнены, то карьерный темп и возможности добиться высоких должностей они потеряли. Конечно, были люди, которые смогли и после репрессий добиться многого, как, например, Константин Рокоссовский или Сергей Королев, но это были все-таки исключения.

Выбивание людей, которые родились в период с 1878 по 1898 год, привело к тому, что к 1938 году армейские командиры всех уровней сильно помолодели. Согласно опубликованным данным, средний возраст командиров полков составлял 29–33 года, командиров дивизий — 35–38 лет, командиров корпусов и командующих армиями — 40–43 года (Великая Отечественная... 2015: 428) (на графике их преобладающие годы рождения выделены цветными прямоугольниками).

Спротивление приходу молодых хорошо видно на возрасте Политбюро ЦК КПСС (со всеми разновидностями его названий). График возрастов показывает, как непрерывно старело и дряхлело руководство страны. В среднем, старение шло за три календарных года на один год возраста. Причем с 1930 по 1945 год изменения в составе Политбюро ВКП(б) были минимальными.

Итак, попробуем сделать некоторые выводы. Вопреки распространенному мнению, репрессии были направлены не на тех, кто помнил революцию и истинную роль Сталина в ней.

Этого он, похоже, не боялся. Основной удар репрессии нанесли по следующему поколению, по тем, кто мог прийти Сталину и его окружению на смену. Трудно сказать, насколько осозанным была направленность репрессий. Но результат получился именно такой. И выводить страну из экономического и политического тупика пришлось поколению, которое было лишь немногим моложе самого Сталина. А дальше ситуация только усугублялась, пока не кончилась «гонкой на лафетах» и резкой сменой

курса страны. Но это уже спасти оставший Советский Союз не смогло.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Великая Отечественная... 2015 — Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. — Изд. доп. и испр. — М.: Кучково поле, 2015.

Всесоюзная перепись... 1928 — Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Вып. 7: Возраст и грамотность населения СССР. 1928.

И. Шварц

ПРИНЯТИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ТИТУЛА КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ В РЕФОРМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕТРА I

В статье показана предыстория принятия Петром I императорского титула, проанализирована роль этого события в реформенной стратегии Петра в контексте международных отношений той эпохи.

Ключевые слова: Петр I, Максимилиан I, Иван IV, титул император, Северная война

Сведения об авторе: Искра Шварц — австрийский историк болгарского происхождения, профессор Института восточноевропейской истории Венского университета

Контактная информация: iskra.schwarzc@univie.ac.at

I. Schwarcz

THE ADOPTION OF THE IMPERIAL TITLE AS AN ELEMENT OF STRATEGY IN THE REFORM
POLICY OF PETER I

The article shows the prehistory of the adoption of the imperial title by Peter I, analyzes the role of this event in Peter's reform strategy in the context of international relations of that era.

Key words: Peter I, Maximilian I, Ivan IV, Title Emperor, Northern War

© И. Шварц, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-3-152-178

Доклад зачитан в секции «История реформирования в России: между Европой и Азией» Невского форума «Реформы в России: от Петра Великого до наших дней», 25 июня 2022 г., Санкт-Петербург. Я выражаю свою благодарность В.В. Шишкину за возможность принять участие в работе секции.

About the author: Iskra Schwarcz — Austrian historian of Bulgarian origin, professor at the Institute of the Eastern-European History of the University of Vienna.

Contact information: iskra.schwarcz@univie.ac.at

История государственной власти и самодержавия при Петре I достаточно хорошо изучена. Одним из наиболее важных юридических актов, по которому мы можем судить об укреплении самодержавия в России, несомненно, является акт 22 октября (2 ноября) 1721 г., провозгласивший Петра I «Императором Всероссийским», «Великим» и «Отцом Отечества» (Анисимов 1997: 270). Эти титулы применялись к нему и раньше. Так, Феофан Прокопович именует его «Отцом Отечества» в своей знаменитой оде «Эпиникион» (Песнь победная 1709 г.), посвященной Полтавской победе, и это выражение есть не что иное, как перевод латинского «*pater patriae*», почетного титула римских императоров. Однако, как отметил Б. А. Успенский, «в русском культурном контексте оно звучало совершенно иначе» (Успенский 1976: 287). Ода произвела на царя большое впечатление, и он тут же распорядился напечатать ее не только на русском, но и на польском, и на латинском языке (Прокопович 1961: 460).

Несомненна роль Петра I в преобразовании государства — он являлся главным инициатором, законодателем и исполнителем государственной реформы (Анисимов 1997: 272; Успенский 1976: 287–288). Поражает его активная деятельность в законодательстве. Среди написанных рукой царя законов огромное количество актов, заложивших основы государственности Российской империи. Все они пронизаны четкими идеями, тесно связанными в единую систему

(Анисимов 1997: 281). Было принятие императорского титула частью этой единой системы и существовала определенная стратегия, которая менялась в зависимости от конкретных политических событий — ведь титул, с одной стороны, являлся консервативным элементом делопроизводства, а с другой, очень гибким политическим инструментом? Цель этой статьи — проанализировать события, связанные с принятием титула, останавливаясь на двух аспектах — на предыстории его принятия и на конкретных мерах, которые в петровскую эпоху нашли реализацию в официальном юридическом акте.

Начнем с хрестоматийного примера. Ганноверский резидент при русском дворе Фридрих Христиан Вебер отметил в своём труде «Преображенная Россия» интересный исторический факт: «Тайный секретарь Шафиров <Михаил. — Прим. И. Ш.>, брат вице-канцлера, при разборе находящихся в архиве Русской канцелярии в Москве дел, нашел связку с письмом императора Максимилиана I-го к Русскому царю Василию, в котором Максимилиан дает Василию титул императора. Письмо это Его Царское Величество велел показывать в подлиннике всем и каждому, и я снял с него следующую копию» (Вебер б/д; Weber 1721: § 438, 356, 356–360). В 1718 г. Петр I повелел грамоту перевести и опубликовать как в оригинале, так и в переводе на русский язык «яко вещь древняя и курioзная», которая беспрекословно утверждала его высокое достоинство

и права «первого градуса» монарха (Пекарский 1862: 429, 430–431; Карамзин 1848: 36). Маленькая, на 4 страницах брошюра с текстом на немецком языке была официально вручена Венскому двору, а императорский резидент Отто Антон Плейер доносил к этому времени из Петербурга о том, что царь весной 1718 г. прямо заявил: «этот акт дает ему бесспорное право (*gutes Recht*) на титул <императора — Прим. И. Ш.>» (NHStA, Russland I, K. 25, Fol. 16v–17r, 36r, 43–48v; Флоровский 1972: 391).¹

О какой, в сущности, грамоте идет речь? — В начале XVI в. Габсбурги пытались включить Москву в союзную систему центральноевропейских держав в качестве противовеса османской экспансии и, кроме того, рассматривали московитов как потенциальных партнёров в борьбе с польской династией Ягеллонов за влияние в Восточной Европе. Эти стремления привели к отправлению в Москву посольства Георга Шнитценпаумера. В феврале 1514 г. посол прибыл в Москву, и, хотя полномочия заключать союзный договор с великим князем он не имел, месяц спустя отправился обратно с подписанным актом о «вечном докончании», любви и братской дружбе. В титулатуре договорной грамоты великий князь Василий III был назван «Божиею милостию царь и государь всея Руси и великий князь володимерский и московский...», но в немецком переводе договора он был обозначен

как «*von gotes gnaden Kayser vnnnd Herscher aller Rewssen*» (здесь и ниже выделено нами — И. Ш.) (NHStA, Urkunde 1514; РГАДА; Памятники 1852: 1437–1442, 1446–1448; Кудрявцев 2016: 49). Изготовленный в Москве проект немецкого текста, который сегодня хранится в Архиве внешней политики Российской империи Министерства Иностранных дел, был скреплен подписью и печатью посла (Памятники 1852: 1446–1448). В историографии сложилось мнение, что Шнитценпаумер превысил свои полномочия, но в современных исследованиях Д. Пицковой приводятся новые аргументы в пользу того, что посол четко проводил линию императора Максимилиана I (Pícková 2002; Герберштейн 2008: 41–43). Для ратификации договора вместе с Шнитценпаумером к императору отправились В.Ф. Ласкирев и Е.С. Суков. Ситуация, в которой Максимилиан I вдруг оказался, была сложной и требовала гибкого лавирования, так как одновременно шел процесс сближения Габсбургов с династией Ягеллонов. 4 августа 1514 г. император подписал в Гмюндене исправленный в некоторых пунктах договор: например, в немецком тексте уже не упоминалась одна из возжеленных целей внешней политики Василия III — завоевание Киева, зато и в новом договоре титул **Kayser** сохранился по отношению к великому князю Василию III (Fiedler 1863: 183–289; Uebersberger 1906: 74–96; Кудрявцев 2016: 47–50). Таким образом, в международно-правовых

¹ Текст брошюры (Fol. 16–17v) с пометой «1718 Mai 10 Russica» хранится вместе с письмом Плейера от 20 мая. В конце экземпляра отмечено место для печати Максимилиана I без оттиска этой печати. Далее в том же картоне находятся еще два экземпляра: один из них с печатью (Fol. 43–45v.), второй — без (Fol. 46–48v.). Видимо, брошюра немецкого текста печаталась на 4 или 5 страницах с разными оформлениями и в Вену были отправлены три экземпляра для сравнения.

документах было зафиксировано признание со стороны правителя Священной Римской Империи императорского достоинства русского государя (*Кудрявцев* 2016: 49).

Подлинные отношения с Империей носили сложный характер. Впоследствии Максимилиан I отказался от договора 1514 г., который всё же остался в дипломатической практике как первый случай признания императорского достоинства московского великого князя со стороны Священной Римской империи. Вторым стала грамота императора Карла V к великому князю Василию III в 1525 г. Фрагмент этой грамоты дошел до нас в трактате Иоганна Фабри о Московии (1526 г.) и в ней московский государь именован «императором и повелителем всех рутенов» (*Serenissimo, et potentissimo principi domino Basilio die gratia Imperatori et dominatori uniuersorum Ruthenorum*) (*Кудрявцев* 1997: 144, 172, ср. 24–25).

В опубликованном нами с В. Шишкиным труде о взаимоотношениях между Французским королевством и Русским государством в XI–XVI вв. мы обратили внимание на другой малоизвестный исторический факт — готовность со стороны императора Карла V признать царский титул за великим князем и московским государем Иваном IV в 1548 г. Напомним, что в январе 1547 г. состоялось венчание на царство молодого Ивана IV и новый титул все еще не был легитимирован европейскими государствами. Царский титул Ивана IV приближал его к статусу высочайших монархов вселенной — византийских василевсов и сменивших их султанов, монгольских ханов, ордынских

царей и западнохристианских императоров. Однако признание царского титула натолкнулось на непреодолимые барьеры со стороны Священной Римской империи и Ватикана (*Ерусалимский б/д*). Упомянутая нами история связана со знаменитым делом саксонского купца Ганса Шлитте, который в конце 1547 г. приехал в Аугсбург и выступил перед Рейхстагом с просьбой получить разрешение завербовать специалистов на русскую службу, а также позволить Великому Московскому князю носить титул **Kayser aller Reussen** (*Шишкин, Шварц* 2021: 193–194, 201–202). Вероятно, во время переговоров обсуждались и другие темы, такие как церковная уния, и согласие по этим вопросам в качестве чисто тактического хода могло иметь для московского государя важные политические результаты (*Фречнер* 2019: 92). Карл V обратился к курфюрстам, чтобы узнать их мнение, и после этого было изготовлено послание от его имени с разрешением нанять специалистов, а Ивану IV принять титул **einen Kayßer und herscher aller Reußen** («император и государь всех руссов») (*Шишкин, Шварц* 2021: 194, 202). К сожалению, под финансовым и юридическим предлогом Шлитте был арестован в городе Любеке и брошен в тюрьму, а грамоты Карла V до Москвы не дошли. Но в Венском архиве, в актах Рейхсхофрата (*Reichshofrat*) хранится донесение нюрнбергского купца Фейта Зенга Аугсбургскому Рейхстагу (1582 г.), в котором подробно рассказана эта история, а в дипломатической корреспонденции с Россией находится копия документов Карла V. Их два — грамота на латыни и грамота на немецком языке. В первой император

ссылается на уже упомянутый договор между Максимилианом I и Василием III и выражает желание сохранить дружественные отношения между обоими государствами, а во второй — Карл V разрешает Великому князю Ивану IV в будущем «называться и писаться императором всех Руссов» (**aller Reussen sich ein Kaiser zu nennen**) (HHStA, Russland I, K. 1, Konv. B, Fol. 20; *Фрëchner* 2019: 100). Важно отметить, что как в латинской, так и в немецкой грамоте в титулатуре сохранялась официальная форма обращения Карла V к Ивану IV как к «великому князю» — *Serenissimo ac potentissimo Principi Domino Iohanni, magno Duci Russiae*“; „Großfürsten inn Reussenn“, и только в тексте немецкого документа подчеркивалось, что он может в будущем называться и писаться не «императором», а **«императором всех Руссов»** (HHStA, Russland I, K. 1, Konv. B, Fol. 18, 20). Такая титулатура встречается и в грамоте Карла V Ивану IV из Брюсселя, 15 июля 1553 г., где московский царь назван только «великий князь»: «*Serenissimo ac Potentissimo Domino Joanni filio Wasilij magno Duci Russiae*“ (РЛА 1886: 381).

В литературе существует мнение, что немецкая грамота является фальсификатом Ганса Шлитте, но даже известный немецкий специалист по «делу Шлитте» Р. Фрëchner допускает, что документ может быть настоящим, и он не может с уверенностью сказать, является грамота подделкой или нет (*Фрëchner* 2019: 94). Вопрос остается пока дискуссионным, бесспорным фактом является только

использование титула в более поздних посланиях Шлитте Ивану IV от 20 мая 1548 г. из Аугсбурга и от 14 июня 1548 г. из Антверпена. В них саксонский купец уже официально обращается к великому князю как к императору — „*Keyser und Kunig aller Reussen*“ (Император и Король всех руссов), „*Keiser², Konig und Grosfürst inn Reussen*“ (Император, Король и Великий князь в Руси) (*Фрëchner* 2019: 97–98).

Грамота 1514 г. Максимилиана I и грамоты императора Карла V впоследствии служили веским аргументом в спорах о равном статусе обоих титулов: царь и император. Московские великие князья требовали признания соответствующего достоинства своей власти, а не, как подчеркивает О. Кудрявцев, «ее пожалования» (*Кудрявцев* 1997: 23), и дипломатическая переписка четко показывает, как трудно было, несмотря на все усилия, заполучить признание со стороны Венского двора.

Приведем еще один пример из этого раннего периода, связанный с дипломатической миссией имперского посла Иеронима Гофмана (1559–1560 гг.) в начале Ливонской войны. Приезжая в Москву, посол на вопрос дьяков «Какую верительную грамоту (*Crendentzrief*) он привез от императора Фердинанда I и велели ли его римское императорское величество в верительной грамоте титуловать Ивана IV императором (*einen Kaiser und Großfürst allen Russen*)?» ответил, что послали его к Великому князю всея Руси, а не к императору, и у него нет полномочий называть

² Так в тексте.

Ивана IV императором. Вслед за тем ему дали знать, что он находится во власти Великого царя всея Руси и поэтому должен последнего титуловать императором (Kaiser), а если этого не сделает, то посадят его под стражу как недавно это сделали с ливонским посольством, и отправят обратно домой — «Zum dritten haben Sie mich bald wieder lassen fragen Ob Ihm Eure Rö: Khay: Mays: als sein Geliebper herr Bruder Vnnd Freundt... auf den Credenztbrief einen Kaiserlichen tiethull hatt geben lassen, als einen Kaiser und Großfürst allen Russen» (HHStA, Russland I, K. 1, Konv. C, Fol. 56). До этого не дошло, Гофман не попал в тюрьму, но в финальной реляции (там же, Fol. 55–64; Ср.: Посольство 1957 б/д) о посольстве в Ливонии и в Московском государстве он подробно рассказал об этом случае. Слова о титулатуре в сохранившемся документе подчеркнуты более светлыми чернилами и на полях есть помета теми же чернилами: Kaiserlich Titel (императорский титул) (там же Fol. 56v). В заключительной части посольского отчета Гофман еще раз возвращается к проблеме с титулатурой и передает предложение царя об альтернативном решении Ливонского вопроса, комментируя позиции Ивана IV: «он же не перестанет воевать, пока не завоюет всю Ливонию, разве что ваше римское императорское Величество напишет ему более дружелюбно и будет титуловать его императором. Так, всемилостивейший император, он велел мне сказать» ((там же, Fol. 61r; Ср. Посольство 1957 б/д).

И в XVII веке дипломаты обеих стран продолжали ссылаться на договор Максимилиана I и Василия III

о дружбе и братстве, а споры о титулатуре не умолкали. Так, после 37-летнего перерыва в дипломатических отношениях между обоими государствами в октябре 1654 г. в Вену приехало посольство Ивана Баклановского и дьяка Ивана Михайлова с предложением возобновить союз о братстве и дружбе, заключенный Максимилианом I, а впоследствии и другими императорами Священной Римской империи с Великим московским князем. Переводчик Венского двора обратил внимание на неправильно выписанную титулатуру в грамоте Алексея Михайловича, но до острых споров не дошло (Шварц, Аугустинович 2007: 233–234). Зато особенно бурными были дискуссии о соотношении царского и императорского титулов во время посольства Аугустина фон Мейерберга и Гуильельмо Кальвуччи в Москве весной 1661 г. (Путешествие 1874: 117–118; Памятники 1856: 132, 134–137, 154–155). Ссылаясь на С. Герберштейна, Мейерберг тоже указывает на грамоту Максимилиана I, но предупреждает переводчиков предостерегаться от ошибки обыкновенного перевода, так как «на Русском наречии слово Царь не означает Императора, как переводят они <московиты — И.Ш.> обыкновенно» (Путешествие 1874: 117).

Интерес представляют события, связанные с посольством Б.П. Шереметева в Вену после заключения в 1686 г. вечного мира с Речей Посполитой, по которому Польша навсегда отказывалась от претензий на Киев и часть территории Украины, а московские цари обязывались разорвать мир с Турцией и в следующем году двинуть войска на Крым.

Официальная аудиенция состоялась в Вене 24 марта 1687 г. За ней последовали переговоры о заключении австрийско-русского союза и о будущих совместных действиях в рамках Священной лиги. Отчетливые противоречия возникли применительно к титулам, так как переводчики Посольского приказа использовали понятия *Imperator* и *Imperialis* для русского царя в привезенной в Вену посланниками латинской версии грамоты. Они были интерпретированы как следствие недостаточного знания латинского языка и, чтобы избежать таких «недоразумений», было принято решение в будущем поручать переводы на латинский язык императорской канцелярии (Augustynowicz 2003: 54, 214–215).

Итак, как мы видим, грамота императора Максимилиана I о союзном договоре с Великим московским князем 1514 г. находилась среди документов дипломатической корреспонденции со Священной Римской империей и при необходимости на нее не раз ссылались. Вряд ли Михаил Шафиров случайно на нее наткнулся, она никуда не исчезала, просто пришло время ее снова использовать как аргумент и политический инструмент.

В своей политике Московский двор рассматривал титулы **царь** и **Kaiser** как равные и непрерывно домогался к признанию этого в международных отношениях. Об этом пишет, например, Текандер, описывая аудиенцию у великого князя Бориса Годунова, которого москвиты называют «царь» или «император» (*die Moskowiter Czar oder Keyser nennen*) (Tectander 1978: 19), однако для Венского двора использование в дипло-

матической практике титулов **Император** или **Kaiser** по отношению к русскому Великому князю находилось в противоречии с представлениями об иерархии правителей в христианском мире. Императором в этом мире мог быть только один — глава Священной Римской империи (Флоровский 1972: 393–394; Филлюшкин 2006: 75). И в этом состояло глубинное противоречие концепта восточного царства с самой западной идеей христианской империи. «Существование одновременно двух императоров было так же немислимо, как и сосуществование двух римских пап» (Беккер 2004: 72; Филлюшкин 2006: 75–76). С другой стороны, в дипломатической переписке были прецеденты, и реальная политика и практика отличались от официальной концепции иерархии христианских владетелей. Но наделяя великого князя царским/императорским титулом, политики Венского двора не привязывали его к европейской титульной иерархии. Русский царь оставался вне ее.

Надо сказать, что применение термина «империя» к России и «император» к Великим московским князьям со стороны других европейских государств в допетровские времена не было редкостью. В Англии, которая не разделяла геополитические претензии Рима и Вены, титул «император» (*Emperor*) регулярно применялся по отношению к Московскому государю в официальных грамотах XVI–XVII вв. Но такая титулатура в Англии использовалась в дипломатической корреспонденции и по отношению к турецкому султану и к владетелям Марокко, Персии и Китая (Handbuch 1986: 354; Фи-

люшкин 2006: 113–114; Филлюшкин 2004: 400–401). Другими словами, эти титулы тоже не привязывались к христианской/европейской титульной иерархии.

Московское государство не раз обозначалось в раннее Новое время на европейских картах как империя, а московские государи как императоры. Назовем только раннюю карту Андреа Бианко (1436 г.), где Россия нанесена на карте как *imperio Rosie magna*, а ее соседом выступают *imperator Tartarorou*. Карта Бианко интересна своими условными знаками — крупные государства обозначены на ней символическими фигурами правителей в шатрах, на троне и с коронами. Так изображены императоры: русский, татарский и два романских (один помещен на Среднем Дунае, другой на Балканах), а также *Trabexonsa* (на месте Византии) (Филлюшкин 2013: 306). Приведем еще один пример того времени — изображение Ивана IV на карте А. Дженкинсона (1562 г.): В верхнем левом углу видно как русский царь сидит на европейском троне, к его ногам слегка поклоняется (склоняется) фигура дипломата, может быть самого Дженкинсона, а с левой стороны читается титулатура московского государя «великий император всей Руси» — «*Iohannes Basilius Dei gratia, magnus Imperator totius Rusie, magnus Dux etc.*» (Szykuła б/д).

С. Беккер обращает внимание на тот факт, что в период до возникновения национальных государств, «если государство занимало большую территорию, то оно, скорее всего, могло включать в себя народы, принадлежащие к разным культурам», и далее

подчеркивает, что подобные государства тоже подпадают под определенные империи вне зависимости от того, мыслили ли они себя империями и провозглашали ли себя таковыми официально (Беккер 2004: 72).

Какова была реакция в Московском государстве на договор 1514 г.? На страницах Уваровской летописи (Летописный свод 1518 г.), а также Софийской летописи (конца XV — начала XVI вв.) мы встречаем под 7022 г., т.е. под 1514 г., следующее заявление: «Князь же великий Василей, божиею милостью царь и государь всея Руси, с Максимилианом **избранным** римским цесарем взят братство и любовь и вечное докончание» (ПСРЛ 1963: 347; ПСРЛ 1853: 353, ср. 258–259, ПСРЛ 1859: 254, 248–259). К указанному летописному сообщению по идейному содержанию примыкает статья «Европейской страны короли», впервые появившаяся среди записей Уваровской летописи. Текст статьи по списку Синодальному № 645 гласит: «Европейския страны крали. Цесарь — царь римский. А под тем король немецкий, иже наследник Римскому царству. А под тем король французский. А под тем король угорский. А под тем король испанский. А под тем король неглитерьский. А под тем король портогальский. А под тем король анаполитанский. А под тем король ческий. А под тем король съкотский. А под тем король дацкий, иже и съфедский именуется. А под тем король польский» (Казакова 1964: 420; Ср. ПСРЛ 1910: 168). Нетрудно заметить, что текст дает политическую карту Европы и иерархическую лестницу государей, во главе которой стоит «цесарь — царь Римский»,

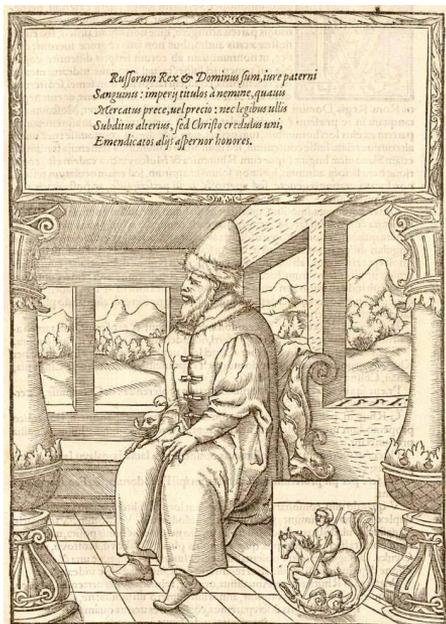

Фото 1

однако подчеркнутая выше зависимость цесарской власти от избрания подразумевает более высокое положение Московского государя как «прирожденного владетеля» по сравнению с европейскими монархами (Ильева 1986: 54–55).

Эта позиция Московского двора находит отзвук и в Базельском издании труда Герберштейна „Записок о Московии» 1556 г. Над гравированным портретом Василия III помещена надпись, в которой подчеркнуты претензией русского государя на королевскую и даже императорскую власть и полная независимость от кого бы то не было: *Russorum Rex et Dominus sum, iure paterni / Sanguinus: imperij titulos a nemine, quavis / Mercatus prece, vel precio: nec legibus ullis / Subditus alternis, sed Christo credulus uni, / Emendicatos aliis aspernor honores*. (Я, по праву

отцовской крови, — Царь и Государь руссов; державных титулов ни у кого не приобретал ни мольбами, ни деньгами; не подчинен я законам другого властителя, но, веруя во единого Христа, отвергаю высокие звания, выпрошенные у других. — перевод О. Кудрявцева) (Портрет Василия III б/д; Кудрявцев 1997: 132, ссылка 94). (Фото 1).

В дискурс об империях 1990-х и нулевых годах XXI в. прочно вошло представление об имперском статусе Российского государства (XVI — начала XVII вв.) после принятия царского титула и завоевания Казанского и Астраханского ханств. Назовём только труды А. Каппелера и Д. Ливена (Каппелер 1997: 22; Каппелер 2009: 69–81; Ливен 2007: 371–372, 402–409). Но дискуссия идет дальше и постоянно вносит коррективы. Так, К. Ерусалимский считает, что в этот ранний период во многих сферах московской политики наблюдается рост имперских тенденций, а московская церковь поддерживала имперские амбиции великих князей и способствовала укреплению власти, однако при этом остаются открытые вопросы, которые Ливен неаккуратно обходит (Ерусалимский б/д; Ерусалимский 2012: 207–216; Ерусалимский 2010: 616–617). Историки рассматривают территориальную экспансию как главный показатель «имперскости» в России, но нельзя не согласиться с Александром Филошкиным, который писал, что несмотря на интенсивный рост государственного тела и имперские претензии Московского государства, оно не воспринимается и само не воспринимало себя как империя. Использование титула «император»

не означало, что страна являлась империей (Филошкин 2004: 401; Ср. *Vulpius* 2020: 14–15). Поэтому Филошкин, учитывая дискурс об империях, предлагает новую терминологию применительно к этому периоду — «неонатальная империя», т.е. империя в процессе зарождения, в младенческой стадии, когда уже «фактически создано имперское тело и сформировалось поле имперской политики», но государство еще не усвоило имперских механизмов функционирования (Филошкин 2004: 379). Возникает вопрос — была ли Россия в начале XVIII века уже империей? Вышла ли из младенческой стадии? Означало ли принятие титула «император» само по себе тот факт, что страна окончательно превратилась в империю?

ПРИНЯТИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ТИТУЛА ПЕТРОМ I

Официальное принятие императорского титула в 1721 г. стало вызовом для европейских стран. Признание титула означало утверждение России в европейской системе как ведущей европейской державы. Р. Виттрам считает, что «империя, которую Петр Первый хотел построить, это не возвращение к модели погибшей “греческой монархии”», а строительство «новой русской империи... равной по рангу крупнейшим и самым могущественным европейским государствам», это «не мировая империя в преемственности старых империй, а современная в рациональности своих новых порядков и в соперничестве с другими странами Европы за власть и славу» (Wittram 1959: 568; Ср. *Madariaga* 1998: 20–25, 34–38).

Об этом свидетельствуют и слова Петра 22 октября 1721 перед Сенатом, в которых четко подчеркивается, что, сохраняя мир, Россия должна оставаться мощной державой, дабы не исчезнуть с карты мира как Византийская империя: «*надеяся на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с Нами не так стало, как с Монархией Греческою*» (ПСЗРИ 1830: 446).

Для понимания представлений Петра I о власти и императорском достоинстве Виттрам приводит высказывание Шафировова, прозвучавшее в Ярославле во время переговоров о польско-русском договоре в 1711 г.: «Его Царское Величество предпочел бы быть адмиралом одного из своих кораблей, чем императором азиатских стран» (Wittram 1964: 252, 567). Отголосок этих размышлений и возникшей дискуссии во время переговоров по поводу намерений и планов царя нашел впоследствии отражение в польско-русском договоре: «И понеже при иностранных областях в некоторых местах и вне явилось, будто бы его царское величество некоторое намерение имеет на **аргентальское царство**, таже и в том старается, дабы Речь Посполитую весьма разорить и разлучить, которое подозрение при иных дворах немало ревности возбудило и для того общим интересом северных союзных многой вред нанести могло, того ради и о сем по древней конфиденции благоуверенно разговаревано, и его царское величество свято засвидетельствовал... что оный ни (на) одно, ни на другое ис прежде объявленных намерений ни малой рефлексии не сочиняет и вперед сочиняти не будет» (Письма 1962: 261, § 14).

Фото 2

Слова Шафирова интересны тем, что, с одной стороны, они показывают современное представление о роли государственного правителя — «быть капитаном корабля», а с другой, отвергая модель устаревшей «ориентальской империи», дают завуалированный ответ на вопрос — кем должен быть настоящий российский государь. Видимо, идеальные представления Петра I были связаны с образом адмирала, уверенно ведущего среди морских бурь и препятствий свой корабль, символизируя рождающуюся Российскую империю, и этому процессу ее станов-

ления и выстраивания имперской идентичности отвечала стратегия принятия титула «император».

Что характерно для этой стратегии? Обратимся к фактам. Титул «император» находился в процессе утверждения в течение длительного периода. Наверно, идея провозгласить себя императором зародилась у Петра еще во время Великого посольства. Об этом свидетельствует отчеканенная в 1700 г. медная монета — ДЕНГА. Она дошла до нас в 3 экземплярах, которые незначительно отличаются друг от друга — два хранятся в Эрмитаже, а третий в ГИМ. На лицевой стороне монеты виден портрет Петра в лавровом венке и римском доспехе с латинской надписью *PET. ALEX. RVSS. IMP.*, а на оборотной стороне — двуглавый орел и под ним надпись кириллицей: ДЕНГА (Гузевич, Гузевич 2021: 131). Почему монета не вошла в оборот и осталась только пробной, можно только предполагать, но скорее всего идея выпустить ее была задумана как часть первого пакета реформ после возвращения из путешествия Петра I в Москву (Пробная монета б/д). (Фото 2).

В начале XVIII в. в связи с дипломатическими спорами о титулатуре шел процесс выяснения вокабулара, юридических прав и норм, и поиск исторических прецедентов. На русском языке были опубликованы такие труды, как триязычный тематический словарь И. Копиевского «Номенклатор на русском, латинском и немецком языке», который вышел в 1700 г. в Амстердаме, в издательстве Генриха Ветштейна (второе издание вышло в Петербурге,

в 1718 г.), и словарь Ф. Поликарпова-Орлова «Лексикон трехязычной (словенский, эллино-греческий и латинский) с чином расположения монархов», опубликованный в Москве в 1704 г. (Копицкий 1700; Кузнецова 2009: 319–326; Поликарпов-Орлов б/д). Год спустя (1705 г.) в Амстердаме была опубликована знаменитая книга «Символы и эмблемата». На титульных страницах этого труда указано, что книга печатается по повелению великого государя, «ИМПЕРАТОРА Московскаго Петра Алексеевича», а в латинской версии — «SACERRIMAE SUAE MAJESTATIS AUGUSTISSIMI AC SERENISSIMI IMPERATORIS MOSCHOVIAE Magni Domini CZARIS, et Magni Ducis PETRI ALEXEIDIS, totius Magnae, Parvae & Albae Rossiae» (Символы б/д). «Символы и эмблемата» была отпечатана тиражом больше 800.000 экземпляров и являлась программным посланием Петра I, который, хотя и называл себя «императором Московии», явно имел претензии на большее — быть «императором всех руссов» (Фото 3).

В этом же ключе можно указать и на графику голландского гравёра Адриана Шхонебека 1701 г. с изображением построенного по проекту русского царя корабля «Гото Предестинация» («Божие провидение», от нем. слова *Gott* и лат. *praedestinatio*). В надписи к графике встречается другая форма титула московского царя — «император руссов»: «CAESARE PETRO I MAGNO RVTENORVM IMPERATORE» (Графика б/д). (Фото 4). Графика распространялась впоследствии в большом количестве благодаря

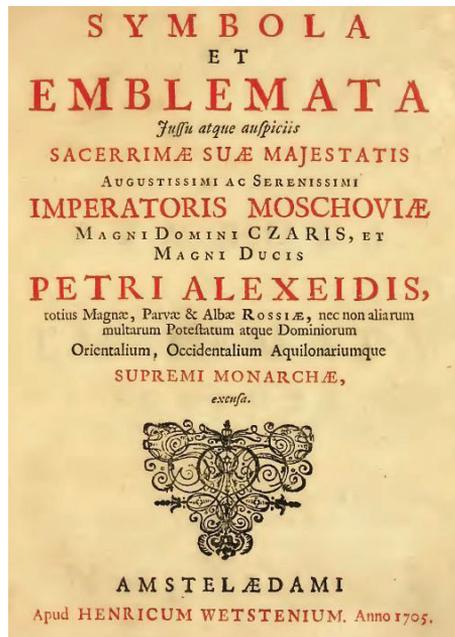

Фото 3

офортам Питера Пикарта. К этому времени популярность получила и другая гравюра Шхонебека, «Петр I» (1703–1705), которая и сегодня вызывает много вопросов. Молодой русский царь представлен в традиционной позе и одежде, характерных для императора Леопольда I, а за ним на столе видна императорская корона. Надпись на русском языке «ПЕТРЪ ПЕРВЫИ ИМПЕРАТОР ПРИСНО ПРИБАВИТЕЛЬ, ЦАРЬ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ» (Портрет Петра I б/д).

Пётр I высоко ценил гравюры, не только как произведения искусства, но и как средство массовой информации. Он сам обучился технике офорта и лично делал заказы художникам. Оттиски расходились по стране, отправлялись в европейские страны и всюду рассказывали о но-

Фото 4

вом Российском государстве. Будучи еще в Амстердаме, русский царь познакомился с гравером А. Шхонебеком (1661–1705), учеником известного нидерландского художника Ромейна Хоогге (Romeyn de Hooghe), и пригласил его приехать в Москву. С 1702 г. помощником Шхонебека стал его пасынок Пикарт, а после смерти отчима последний получил пост руководителя гравировальной мастерской Оружейной палаты.

Особый интерес представляет конный портрет Петра I Пикарта, который датируется 1707 г. Оттиск портрета с подписью гравера известен только в одном экземпляре и сегодня

хранится в собрании ГИМ. Портрет соответствует типу европейского парадного конного портрета монарха на фоне сражения, с атрибутами власти. Офорт является парным к конному портрету А. Д. Меншикова, также гравированному Пикартом, и вместе с ним составляет единую композицию с кулисами по сторонам и панорамой сражения в центре. За всадниками слева и справа — свита, несущая щиты с императорским двуглавым орлом (за Петром) и княжеским гербом (за Меншиковым). Баталия на заднем плане является видом осады Нарвы в августе 1704 года — единственном сражении (до Полтавы), где принимали участие оба изображенных. Внизу в картуше читаются три строки: «ВЕЛИКІЙ ГДРЬ И ВЕ-

Фото 5

ЛИКІЙ КНЯЗЬ ПЕТРЪ АЛЕКСІЕВИЧЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ ПРИСНО ПРИБАВИТЕЛЬ ЦРЬ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСИСКІЙ», а ниже подпись: «ПОДАЛЪ ЕГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ РАБЪ ПИКАРТЪ» (Петр I 1707 б/д). (Фото 5).

Конный портрет Петра I Пикарта является переделкой оригинала Ромейна Хооге, который использовался последним в портретах нескольких персонажей: испанского полковника дона Мануэля Лопеса де Суниги (1682), Иосифа Венгерского (1688), эрцгерцога Карла III Испанского (1705) и Вильгельма III Оранского (там же). При сравнительном ана-

лизе обнаруживается прямое заимствование из портрета короля Англии и Шотландии — Вильгельма III Оранского (Reiterporträt б/д). Впоследствии медная доска Пикарта была передана Алексею Зубову, младшему брату гравера Ивана Зубова. Около 1721 г. Зубов заменил голову молодого Петра более актуальным изображением по типу портрета К. Моора (1717 г.), отредактировал названия и подписал своим именем гравюру (Алексеева 1973: 353). (Фото 5а). Под изображением Петра теперь читалось: «Петръ Великіи. Отецъ Отечества. императоръ всеросіискіи», а внизу справа «Григорьеваль намѣди Алеѣѣи Зубовъ» (Гравюра 1721 б/д). Нужно отметить, что, хотя Петр I был знаком

Фото 5а

с гравюрами Зубова (известно, что он отправлял их гетману Скоропадскому), в письмах им упоминается только имя Пикарта (Алексеева 1973: 354, ссылка 73).

К этой группе примыкают и гравюры известного нидерландского художника Авраама Алларда (Abraham Allard, 1676–1725). Особое внимание заслуживает его конный портрет Петра I в позе молодого римского императора-триумфатора. Экземпляр из собрания генерала И.Д. Орлова (1870–1918) Российской государственной библиотеки можно было недавно увидеть на книжной выставке в Москве во время международной научной конференции о книжной культуре эпохи Петра I («Прекрасная была» б/д). В нижней части

портрета читается надпись — слева на латыни *Dei Gratia, illustrissimus Petrus Primus, Illustrissimus totius Magna GRAECO RUSSIAE IMPERATOR*, а справа «Божею Милостью Пресветлейший Петр Первый Августейший Всеа Великия Греко Российский Император». Между обеими надписями видна датировка светлыми чернилами «Anno 1710». Она имеет отношение к композиции на портрете, но отпечаток офорта датируется 20-ми годами XVIII в. В основу изображения Петра I легла оригинальная медная доска с конным портретом венгерского деятеля второй половины XVII в. Имре Тёкёли. При переделке доски изображение головы Тёкёли было заменено на изображение головы Петра I в лавровом венке³. (Фото 6). Выбор портрета молодого Петра дает нам основание предполагать, что гравюра была создана непосредственно

³ Выражаю свою благодарность Джамиле Н. Рамазановой за оказанную помощь при атрибуции портрета.

Фото 6

после Полтавской битвы. Изображения Петра в петровскую эпоху были строго регламентированы, разрешались только портреты с оригиналов европейских живописцев — Г. Кнеллер, Л. Каравакка, К. Моора, Ж. М. Натье, И. Таннауэра и Я. Купецкого, а из русских — И. Никитина и А. Матвеева (*Шварц* 2012: 188).

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА В СТРАТЕГИИ ПЕТРА

Заметный поворот произошел после победы при Полтаве (*Wortman* 1995: 48–51). Наблюдается более четкая медийная политика — увеличивается количество графических изображений и титульных страниц книг с упоминанием императорского титула. Г. Вилинбахов обращает внимание на изображения двуглавого орла с императорскими коронами на монетах, памятных медалях, барельефах и знаменах. Такая корона перекочевала и на государственную печать. На личных печатях русского царя тоже появились императорские

символы (*Хорошкевич, Вилинбахов* 1997: 265–266). Печати были двух типов — с двуглавым орлом и вензелевые. При этом круглой, вензелевой личной печатью, с вензелем под императорской короной, пользовался не только Петр I, но и Екатерина I. Например, такая печать стоит на ее письме, отправленном 23 июня 1717 г. из Амстердама, на ее письмах из Преображенского от 25 января и 16 февраля 1718 г., на письме с Марциальных вод от 14 февраля 1719 г. Оттиск этой же печати есть и на указе Петра I, датированном 31 января 1718 г. Всё это лишний раз подтверждает, что титул императора и его атрибут — императорская корона употреблялись Петром I задолго до юридического оформления титула в 1721 г. (*Матвеев б/д*).

Но если упомянутые примеры медийной политики — графика, титульные страницы книг, медали, монеты — были ориентированы на широкий круг читателей и потребителей, то после Полтавской битвы наступают изменения в официальной дипломатической переписке. Как уже не раз указывалось, для Петра I особенно важно было признание титула со стороны Венского двора. Занимавший с июня 1705 г. дипломатический пост в Вене Генрих фон Гюйссен выступал за достойное обозначение титула царя в международных дипломатических документах и был одним из первых, кто уже в 1708 г. титуловал Петра I императором (*Корзун* 2013: 73). Этот эпизод тесно связан с тем фактом, что с 1707 г. Петр I пошел на активное сближение с восставшим против Вены владетелем Трансильвании князем Ференцем II Ракоци. Связи

с Ракоци русский царь использовал для нажима, особенно после Полтавской битвы, надеясь на уступки со стороны Вены. Но Венский двор резко отреагировал на новые попытки использования титула «император» в отношении царя и выразил свое недовольство перед новым русским резидентом в Вене, бароном Иоганном Урбихом летом 1710 г. (Lukinich 1929: 369–370; Флоровский 1955: 18–19). В то же самое время аккредитированный в России имперский посол граф Вилчек с возмущением сообщал в своих донесениях, что руководители русской дипломатии канцлер Головкин и вице-канцлер Шафиоров домогаются с угрозами признания титула «Kaiser». С другой стороны, Вилчек предупреждал, что в этой сложной ситуации вполне возможно сближение русского царя с Францией, и Австрия может оказаться в очень неловком положении (Lukinich 1929: 371).

Смерть Иосифа I в апреле 1711 г. ничего не изменила в вопросе о титулатуре, а ответ Петра I на известие о смерти императора титулованием королевы-регентши Элеоноры только *Serenissima* вызвал громкое возмущение при Венском дворе. Специальная конференция обсудила критическую обстановку и пришла к выводу, что в случае ответных репрессий со стороны Австрии конфликт может перерасти в войну. Действия царя были настойчивыми, их нельзя было просто так обойти, но нужно было действовать внимательно и дипломатично и не допустить эскалации конфликта. Неудачный Прутский поход царя летом 1711 г. коренным образом изменил ситуацию; Петр I срочно нуждался в лечении в Карлс-

баде и вопрос о титулатуре временно был отодвинут на второй план (Lukinich 1929: 373–376).

Русский царь хорошо понимал, что получить признание со стороны Венского двора будет не так легко, ему предстоит еще трудный, длинный путь, поэтому, хотя и действовал с нажимом, но не спешил. Его стратегия на этом этапе была направлена в первую очередь на интеграцию захваченных с 1704 по 1710 гг. во время Северной войны территорий шведских прибалтийских провинций. Непосредственно после Полтавской битвы был опубликован манифест на немецком языке с обращением ко всем жителям Шведского королевства: «Wir, Petrus der Erste von Gottes Gnaden Czaar, **aller Rußen Keyser** / etc.» — «Мы Петр Первый, Божей милостью царь и **император всех руссов...** готовы вести войну до победного конца (den selben zu Ende zu bringen)». Далее Петр I обвинял Карла XII в том, что тот разорил свою собственную армию и после поражения при Полтаве не был готов «принести мир своим бедным, с кровавыми слезами плачущим верноподанным, а союзничал с проклятыми турками» и доверился их рукам. Петр обратился ко всем сословиям королевства, не только к аристократам, но и к гражданам, священникам, ко всем жителям страны, любого происхождения, чтоб засвидетельствовать им свое желание мира, но если они не будут его соблюдать и наступят смуты и беспорядки, то пусть для справедливого решения перед Богом и миром эти слова послужат ему как основание/аргумент (Justification)

(NHStA, Russland I, K. 20, Konv. 1709, Fol. 180). Манифест был написан образным, эмоциональным языком и не оставлял сомнения, что могло ожидать жителей Прибалтики, если они не будут подчиняться.

Год спустя, 16 августа 1710 года, в Универсале к жителям эстляндских земель и города Ревеля (город официально еще принадлежал Швеции), в титуле Петра на немецком языке впервые в официальном международном документе прозвучало не слово «Kayser», а «Imperator»: «Wier⁴, Petrus der Erste, von Gottes Gnaden Czaar und **Imperator von allen Reussen**» — «Мы Петр Первый, Божьей милостью царь и император всероссийский» гарантируем жителям эстляндских земель безопасность (Письма 1956: № 3930, с. 283–285; *Гузевич, Гузевич* 2021: 126; *Piirimäe* 2014: 79–80). За этим документом 29 августа 1710 г. следовала грамота на русском языке о бракосочетании царевны Анны Иоанновны с герцогом Курляндии Фридрихом Вильгельмом с использованием титула *император* — «Божьей милостью мы, Петр Первый, царь и император всероссийский» (Письма 1956: № 3959, 311–316). Эта же титулатура встречается и на грамотах к лифляндскому дворянству и магистрату Риги от 30 сентября 1710 г., а затем от 18 мая 1711 г. магистрату Риги (Письма 1956: № 4021, 356). Не трудно заметить, что все названные документы являются частью единой программы по отношению к завоеванным Прибалтийским землям. Петр I не хотел идти на конфронтацию, так как стремился по-

лучить поддержку со стороны как аристократии, так и городской элиты и поэтому при подписании договоров о капитуляции летом 1710 г. приказал генералу Б. Шереметеву сделать все необходимые уступки — например, городу Рига сохранить привилегии и территории под своей властью, а также политический и социальный строй (*Piirimäe* 2014: 65–86, Ср. 1–2).

Следующим этапом в стратегии принятия титула была публикация в Москве 10 мая 1718 г. грамоты 1514 г., о которой уже шла речь. Новые действия были вызваны как событиями Северной войны, так и бегством Алексея и позицией императора Карла VI в этом сложном вопросе, касавшемся не только отношений отца и сына, но и *Balance of Power* в Европе. Тактику Петра можно условно назвать словами «Иду на ВВ!» и Венскому двору она очень не понравилась. Был создан экспертный совет, который разобрал все особенности языка и формы грамоты и пришел к выводу, что грамота «едва ли не плод выдумки какого-то невежественного в области истории и дипломатии или полуграмотного (в немецкой речи) русского канцеляриста» или какого-либо немца, давно живущего в России, который еще не совсем забыл немецкий язык (*Флоровский* 1972: 391–392). Эксперты выложили в 45 пунктов свой анализ — «Lapis Lydius oder Probiertstein, auf welchen der Antwort einen unter folgenden Titl in dem Druck herausgegebenen Moskowitischen schrift der vemüthigen und geehrten Welt zum unpartheilichen Urteil

⁴ Так в тексте.

vorgestellt wird“ и заключили, что император не мог подписать такую грамоту, тем более написанную на немецком языке, а не на латыни. (NHStA, Russland I, K. 25/ Konv. Juli-Dezember, Fol. 53–99). Однако если бы пришли к выводу о подлинности, то это осложнило бы позиции Венского двора, «ибо отказаться от исключительности своих прерогатив и прав венское правительство никак не мог» (Флоровский 1955: 33–34). В интересах правды надо сказать, что эксперты не нашли в венских архивах документы о подписании подобного акта и работали с отпечатанным немецким текстом грамоты, который в нескольких экземплярах резидент Плейер переслал из России. Только в середине XIX в. документы были обнаружены и опубликованы известным венским историком Иосифом Фидлером (Fiedler 1863). Докладная записка экспертов получила широкое распространение в ряде ученых брошюр (Флоровский 1972: 392), но мнение экспертов вряд ли могло остановить или повлиять на стратегию Петра I. Процесс был уже необратим. Не случайно царевич Алексей в своих ответах на вопросы вице-канцлера Шёнборна утверждал, что его отец находится в мире фантазии «о титуле императора», и сам хотел знать, как обстоят дела с этим титулом (Шварц 2022: 136; NHStA, Russland I, K. 24, Konv. 2, Fol. 12v-13).

После успешного завершения долгой и трудной войны со Швецией и подписания мирного договора в церкви Святой Троицы в Петербурге 22 октября (2 ноября) 1721 года состоялась официальная церемония, на которой граф Г. И. Головкин от име-

ни Сената произнёс торжественную речь о провозглашении титула «Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского» (Реляция б/д; Агеева б/д). Будучи венчанным на царство в 1682 г., Петр I не был коронован императорской короной (Хорошкевич, Вилинбахов 1997: 269). С официальным принятием титула русский царь совершенно сознательно требовал для себя и своей страны место в первом ряду, которое до тех пор принадлежало лишь императору Священной Римской империи.

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ ТИТУЛА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ И РЕАКЦИЯ ВЕНСКОГО ДВОРА.

Принятие императорского титула Петром I сделало сотрудничество с венским двором практически невозможным. Конфликт о титуле дошел до того, что император Священной Римской империи приказал своему эмиссару покинуть миссию в Санкт-Петербурге. Уже во второй половине 1722 г. С. В. Кинский, ссылаясь на мнимые проблемы со здоровьем, простился с русским царем. В столице новой империи в качестве официального представителя Карла VI и информатора для венского двора остался только секретарь посольства Н. Гохгольцер (Nikolaus von Hochholzer) (Флоровский 1972: 396; Штеттан 2016: 87).

Новый этап сближения с русским двором стал возможен только после смерти Петра I и вступления на престол Екатерины I. Решающим фактором было достижение компромисса в титулатуре: Екатерина I отказалась от императорского титула

в переписке с Карлом VI, в то время как австрийский император обещал русской государыне в знак особого уважения писать ей официальные письма собственноручно (*Штвенн* 2016: 88). В результате сближения был подписан в 1726 г. союзный договор, который впервые содержал клаузы о военном сотрудничестве обеих стран (*Мартенс* 1874: 32–42).

В то время как император Священной Римской империи, а также Англия, Франция и Испания долго не хотели признавать новый титул для русского царя, такие страны как Пруссия, Швеция и Соединённые Нидерланды приняли его без особого колебания. Только в 1742 г. новоизбранный император Священной Римской империи Карл VII (1742–1745) из династии Виттельсбахов был готов признать императорский титул российских монархов, но официальное признание пришло с заключением в 1746 г. Петербургского союзного договора между Марией Терезией и Елизаветой Петровной (*Мартенс* 1874: 145–178). Тема взаимоотношений того периода хорошо исследована в австрийской историографии. Надо указать прежде всего на работы Ф. Пильсса, В. Лейча и К. Штеппана (*Pilss* 1949; *Leitsch* 1958; *Steppan* 2016: 287–357).

Следует отметить, что в раннее Новое время Московское государство вступало в культурный диалог с имеющейся европейской политической системой и стремилось вписаться в существующую систему координат, в «систему владетелей», как называл ее Франц Дьолгер, а также заботилось о возможности адекватного прочтения русского титула чу-

жеземными монархами (*Филлошкин* 2006: 7). В эпоху Петра I мы наблюдаем смену парадигмы — Петр I уже стремился не вписаться в европейскую систему, а изменить ее. Процессу становления Российской империи отвечала и стратегия принятия титула *император*. То, что принятие титула было давно задуманным актом, мы видим из конкретных исторических фактов, которые показывают, как шаг за шагом Россия добивалась признания. Можно в заключение сказать, что Ништадтский мир и принятие титула император были решающим этапом на пути к провозглашению империи и закреплению за «преображенной Россией» статуса империи.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 3. № 4. Л. 1.

NHStA, Urkunde 1514 — Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Allgemeine Urkundenreihe, Urkunde 1514. (Русская грамота Василия III Максимилиану I).

NHStA, Russland I, K. 1 — Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Russland I, Karton 1 (1481–1577).

NHStA, Russland I, K. 20 — Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Russland I, Karton 20 (1705–1709), Konv. 1709.

NHStA, Russland I, K. 24 — Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Russland I, Karton 24.

NHStA, Russland I, K. 25 — Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Russland I, Karton 25 (1718), Konv. Mai-Juni, Juli-Dezember.

Вебер б/д — Вебер Ф. Х. Преображенная Россия. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразовании. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus14/Veber_II/

text5.phtml?id=1460 , строфа 437 (дата обращения – 16.08.2022).

Герберштейн 2008 – *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 томах. Т. 2: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. М., 2008.

Гравюра б/д – Гравюра в России XVIII – первой половине XIX столетия. URL: http://www.russianprints.ru/printmakers/z/zubov_alexey/peter_on_horse.shtml (дата обращения – 05.10.2022).

Гравюра 1721 б/д – Гравюра А. Зубова, около 1721 года, созданная по случаю признания Петра I императором. URL: http://www.russianprints.ru/printmakers/z/zubov_alexey/peter_on_horse.shtml

<https://histrf.ru/read/articles/vivat-petr-velikiy-kak-rossiya-stala-imperiev> (дата обращения – 05.10.2022).

Графика б/д – Графика голландского гравёра А. Шхонебека 1701 г. с изображением построенного по проекту русского царя корабля «Гото Предестинация». URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Goto_predestinacia_6.jpg (дата обращения – 05.10.2022).

Копиевский 1700 – *Копиевский И. Ф.* Лексикон на латинском, немецком и русском языке (лат. Nomenclator in lingua latina, germanica et russica). Амстердам, 1700.

Мартенс 1874 – *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австрией 1648–1762 гг. СПб., 1874.

Памятники 1852 – Памятники дипломатических сношении древней России с державами иностранными // Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею, Т. II. С 1594 по 1621 г. СПб., 1852.

Памятники 1856 – Памятники дипломатических сношении древней России с державами иностранными // Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. Т. IV (с 1661 по 1674 год). СПб., 1856.

Петр I 1707 б/д – Петр I, конный портрет. Пикарт. 1707. URL:

<https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2224246?page=3&query=%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82&fund=12&index=124> ((дата обращения – 29.09.2022).

Письма 1956 – Письма и бумаги Петра Великого. Том 10 (январь-декабрь 1710 года). М., 1956.

Письма 1962 – Письма и бумаги Петра Великого. Том 11, вып. I (январь-12 июля 1711 года). Москва, 1962.

Поликарпов-Орлов б/д – Поликарпов-Орлов Ф. П. Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокровищ из различных древних и новых книг собранное и по славянскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704. URL: <https://www.prlib.ru/item/342071> (дата обращения – 24.09.2022).

ПСЗРИ 1830 – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. VI: 1720–1722. СПб., 1830.

ПСРЛ 1853 – Полное собрание русских летописей, т. VI, Софийские летописи. СПб., 1853.

ПСРЛ 1859 – Полное собрание русских летописей, т. VIII, Продолжение летописи по Воскресенскому списку, СПб., 1859.

ПСРЛ 1910 – Полное собрание русских летописей, т. XXIII, Ермолинская летопись, СПб., 1910.

ПСРЛ 1963 – Полное собрание русских летописей, т. XXVIII, Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись), Москва-Ленинград 1963.

Портрет Василия III б/д – Портрет Василия III, „Записок о Московии» С. Герберштейна, Базель 1556 г. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Vasili_III_Ivanovich,_Grand_Prince_of_Moscow_\(Illustration_from_the_Notes_on_Muscovite_Affairs_by_Siegmund_von_Herberstein,_alt\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Vasili_III_Ivanovich,_Grand_Prince_of_Moscow_(Illustration_from_the_Notes_on_Muscovite_Affairs_by_Siegmund_von_Herberstein,_alt).jpg) (дата обращения – 02.10.2022).

Портрет Петра I б/д — Портрет Петра I. Гравюра А. Шхонебека. URL: <http://www.rulex.ru/rpg/portraits/36/36363.htm> (дата обращения — 02.10.2022).

Посольство 1957 б/д — Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559–1560 гг. Пер. Ю.К. Мадиссон // Исторический архив. 1957. № 6. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Livonia/XVI/1560-1570/Botschaft_Hoffman_1560/text.phtml?id=2982 (дата обращения — 05.10.2022).

«Прекрасная была» б/д — «Прекрасная была сия самая первая печать: кругла, мерна, чиста». Книжная культура эпохи Петра I. Международная конференция. Москва, 2–3 июня 2022 г. URL: <https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/conf/mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferencziya-mk> ((дата обращения — 05.10.2022).

Пробная монета б/д — Пробная монета Петра I, 1700 г. URL: <https://vechi.com.ua/av/monetycar.php/petr-1/yearx1700> (дата обращения — 05.10.2022).

Прокопович 1961 — Прокопович Ф. Сочинения. Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1961.

Путешествие 1874 — Путешествие в Московию барона Августина Майерберга / Пер. А.Н. Шемякина. М., 1874.

Реляция б/д — Реляция что прежде, и при отправлении назначенного, от его императорского величества вероссийского. : В 22 день октября, сего 1721 году торжества; о заключении с короною швецкою вечного мира чинилось. — Печатана в Санктпитебурхе : В канцелярии Сената, 1 ноября 1721. URL: <https://www.prlib.ru/item/441985> (дата обращения — 02.10.2022).

РЛА 1886 — Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским. СПб., 1886.

Символы б/д — Символы и эмблемата. URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/symbolaetemblema.pdf> ((дата обращения — 24.09.2022).

Шварц, Августинович 2007 — Шварц И., Августинович Х. Отношения Габсбургов с Россией и Украиной в период международного кризиса середины XVII века // Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII века / Под ред. М.С.Мейера и др. М., 2007. С. 231–310.

Reiterporträt б/д — Reiterporträt von Wilhelm III., Prinz von Oranien. URL:

<https://www.meisterdrucke.com/kunst-drucke/Romeyn-de-Hooghe/1358264/Reiterportr%C3%A4t-von-Wilhelm-III.-Prinz-von-Oranien.html> ((дата обращения — 05.10.2022).

Tectander 1978 — Tectander G. Eine abenteuerliche Reise durch Russland nach Persien 1602–1604. Hg. von D. Müller-Ott. Tulln, 1978.

Weber 1721 — [Weber F. Christian], Das Veränderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist-und Weltlichen Regiments; der Krieges-Staat zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finanzen; die geöffneten Berg-Wercke, die eingeführte Academien, Kunste, Manufacturen, ergangene Ferordnungen, Geschäfte mit denen Asiatischen Nachbahren und Vassalen, nebst der allerneusten Nachricht von diesen Volkern, die Begebenheiten des Tzarewitszen, und was sich sonst merkwürdiges in Russland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbecandten Nachrichten, in einem bis 1720 gehenden Journal vorgestellet werden, mit einer accuraten Land-Karte und Kupferstichen versehen. Francfurth: Nicolaus Förster, 1721.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азеева б/д — Азеева О.Г. Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII века // Мир истории: российский электронный журнал. 1999. № 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> ((дата обращения — 13.10.2022).

Алексеева 1973 — Алексеева М.А. Братья Иван и Алексей Зубовы и гравюра

Петровского времени // Россия в период реформ Петра I / Под ред. Н. И. Павленко. М., 1973. С. 337–361.

Анисимов 1997 — *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.

Беккер 2004 — *Беккер С.* Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / Под ред. И. В. Герасимова и др. Казань, 2004. С. 67–80.

Гузевич, Гузевич 2021 — *Гузевич Д. Гузевич И.* Парадигма Герберштейна, или от царя к императору: пролог ко второму путешествию Петра I. СПб., 2021.

Ерусалимский 2012 — *Ерусалимский К. Ю.* Империя ad hoc и ее враги, о трудностях интерпретации российских политических дискурсов XVI — начала XVII века // *Theatrum Humanae Vitae*. Студії на пошану Наталі Яковенко. Київ, 2012. С. 207–216.

Ерусалимский б/д — *Ерусалимский К. Ю.* Как московский князь стал царем всея Руси. URL: <https://arzamas.academy/materials/1496> ((дата обращения — 26.09.2022).

Ерусалимский 2010 — *Ерусалимский К. Ю.* Родословное древо или пальма тирании: Переоценки прошлого русской земли в XVI веке // Образ времени и исторические представления Россия — Восток — Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 616–654.

Ильева 1986 — *Ильева И. Й.* Происхождение власти московских государей (по материалам Московского летописания конца XV — первой трети XVI вв. // *Bulgarian Historical Review*. 1986. № 4. С. 47–58.

Казакова 1964 — *Казакова Н. А.* «Европейской страны короли» // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. / Труды ЛОИИ. Вып. 7. Л., 1964. С. 418–426.

Каппелер 1997 — *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997.

Карамзин 1848 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. VII, СПб., 1848.

Корзун 2013 — *Корзун С. Г.* Представитель Петра I в Вене Генрих фон Гойссен и Освободительная война под предводительством Ференца II Ракоци // Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I / Под ред. К. А. Кочегаров, О. В. Хаванова и др. СПб., 2013. С. 65–75.

Кудрявцев 1997 — *Кудрявцев О. Ф.* Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. Сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 6–34.

Кудрявцев 2016 — *Кудрявцев О. Ф.* “*Kauser vñnd Herscher aller Rewssen*”: обращение к русскому государю как к императору в габсбургских документах первой трети XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 41–55.

Кузнецова 2009 — *Кузнецова И. Е.* Об источнике «Номенклатора на русском, латинском, и немецком языке» Ильи Копиевского // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2009. С. 319–326.

Ливен 2007 — *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.

Матвеев б/д — *Матвеев В. Ю.* Эмблематика личных печатей Петра I. URL: <http://ogerbah.ru/heraldry-science/heraldry-books/sematis/605-sematis-07> ((дата обращения — 05.10.2022)

Пекарский 1862 — *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. Т. 2. Описание славяно-русских книг и типографии 1698–1725. СПб., 1862.

Успенский 1976 — *Успенский Б. А.* *Historiae sub specie semioticae* // Куль-

турное наследие древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976. С. 286–292.

Филошкин 2013 — *Филошкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013.

Филошкин 2004 — *Филошкин А.И.* Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань, 2004. С. 375–408.

Филошкин 2006 — *Филошкин А.И.* Титулы русских государей. М., СПб., 2006.

Флоровский 1955 — *Флоровский А.В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. V Prazе 1955.

Флоровский 1972 — *Флоровский А.В.* Страница истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1972. С. 389–397.

Фрѣчнер 2019 — *Фрѣчнер Р.* Об особенностях московской дипломатии середины XVI в.: новые источники о миссии Ганса Шлитте // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 90–103.

Хорошкевич, Вилинбахов 1997 — *Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В.* «Бог России» // Герб и флаг России X–XX века. Отв. ред. Г.В. Вилинбахов. М., 1997.

Шварц 2022 — *Шварц И.* Бегство царевича Алексея и Венский двор // *Шварц И.* Петр I и Австрия: Исследования о петровской эпохе. СПб., 2022. С. 125–145.

Шварц 2012 — *Шварц И.* Неизвестный портрет молодого Петра I // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 187–194.

Шишкин, Шварц 2021 — *Шишкин В., Шварц И.* Французское королевство и русское государство в XI–XVI веках. СПб., 2021.

Штенман 2016 — *Штенман К.* Австро-русский альянс 1726 г.: долгий процесс при общих политических интересах сторон // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. Т. 11. С. 85–91.

Augustynowicz 2003 — *Augustynowicz Ch.* „Abligations-negocien von keiner Erhöblichkeit“? Wirken und Wirkung der Moskauer Großgesandtschaft in Wien 1687 // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 2003. № 5. S. 43–63, 201–224.

Fiedler 1863 — *Fiedler J.* Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I und Vasilij Ivanovič etc. von dem Jahre 1514 // Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1863. Bd. 43. S. 183–289.

Handbuch 1986 — *Handbuch der Geschichte Russlands.* Bd. 2 (1613–1856). Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. Hg. von K. Zernack. Stuttgart 1986.

Kappeler 2009 — *Kappeler A.* Die Formierung des russländischen Imperiums im 16. bis 18. Jahrhundert // Die Reiche Mitteleuropas in der Neuzeit. Integration und Herrschaft. Liber memorialis Jan Pirożyński. Hg. von A. Perlakowski u.a. Kraków 2009. P. 69–81.

Leitsch 1958 — *Leitsch W.* Der Wandel der österreichischen Rußlandpolitik in den Jahren 1724–1726 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1958. Bd. 6. Heft 1. S. 33–91.

Lukinich 1929 — *Lukinich E.* Der Kaisertitel Peters des Großen und der Wiener Hof // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. 1929. Bd. 5. S. 369–376.

Madariaga 1998 — *De Madariaga, Isabel* (Isabel de Madariaga) Tsar into emperor: the title of Peter the Great // Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia by Isabel de Madariaga, London and New York 1998. Pp. 15–39.

Picková 2002 — Picková D. Habsburkové a Rurikovci na prahu novověku. Příspěvek k dějinám rusko-habsburských vztahů na přelomu 15. a 16. století. Praha, 2002.

Piirimäe 2014 — Piirimäe P. The Capitulations of 1710 in the Context of Peter the Great's Foreign Propaganda // 1710 — Die Kapitulationen der baltischen Ritterschaft im Nordischen Krieg: Kontext — Wirkungen — Interpretationen. Hg. von K. Brüggemann, M. Laur und P. Piirimäe / Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. 2014. Bd. 23. S. 65–86.

Pilss 1949 — Pilss F. Die Beziehungen des kaiserlichen Hofes unter Karl VI. zu Russland bis zum Nystädter Frieden (1711–1721). Phil. Diss. Wien, 1949.

Steppan 2016 — Steppan Ch. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730) // Schriften zur politischen Kommunikation. Bd. 22. Göttingen 2016.

Szykula б/д — Szykula K. Anthony Jenkinson's unique wall map of Russia (1562) and its influence on European cartography // *Belgeo*. 2008. № 3–4 P. 325–340. URL: <https://journals.openedition.org/belgeo/docannexe/image/8827/img-3.jpg> ((дата обращения — 27.09.2022).

Uebersberger 1906 — Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. I: Von 1488–1605. Wien — Leipzig, 1906.

Vulpius 2020 — Vulpius R. Die Geburt des Russländischen Imperiums: Herrschaftskonzepte und -praktiken im 18. Jahrhundert. Wien/Köln/Weimar, 2020.

Wittram 1959 — Wittram R. Das russische Imperium und sein Gestaltwandel // *Historische Zeitschrift*. Bd. 187, Heft 3 (Jun. 1959). S. 568–593.

Wittram 1964 — Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Peter der Große in seiner Zeit. Bd. 2. Göttingen, 1964.

Wortman 1995 — Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian

Monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the death of Nicolaus I, Princeton 1995.

REFERENCES

Ageeva O.G. Titul «imperator» i ponyatie «imperiya» v Rossii v pervoy chetverti XVIII veka // *Mir istorii: rossiyskiy elektronnyy zhurnal*. 1999. # 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> ((data obrascheniya — 13.10.2022).

Alekseeva M.A. Bratya Ivan i Aleksey Zubovy i gravyura Petrovskogo vremeni // *Rossiya v period reform Petra I* / Pod red. N.I. Pavlenko. M., 1973. C. 337–361.

Anisimov E.V. *Gosudarstvennyie preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo v pervoy chetverti XVIII veka*. SPb., 1997.

Bekker S. Rossiya i kontsept imperii // *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statey (Biblioteka zhurnala «Ab Imperio»)* / Pod red. I.V. Gerasimova i dr. Kazan, 2004. C. 67–80.

Guzevich D. Guzevich I. *Paradigma Gerbershteyna, ili ot tsarya k imperatoru: prolog ko vtoromu puteshestviyu Petra I*. SPb., 2021.

Erusalimskiy K.Yu. Imperiya ad hoc i ee vragi, o trudnostyah interpretatsii rossiyskikh politicheskikh diskursov XVI — nachala XVII veka // *Theatrum Humanae Vitae. Studii na poshanu Natali Yakovenko*. Kiiv, 2012. C. 207–216.

Erusalimskiy K.Yu. *Kak moskovskiy knyaz stal tsarem vseya Rusi*. URL: <https://arzas.academy/materials/1496> ((data obrascheniya — 26.09.2022).

Erusalimskiy K.Yu. Rodoslovnnoe drevo ili palma tiranii: Pereotsenki proshlogo ruskoy zemli v XVI veke // *Obraz vremeni i istoricheskie predstavleniya Rossiya — Vostok — Zapad* / Pod red. L.P. Repinoy. M., 2010. C. 616–654.

Ilieva I.Y. Proishozhdenie vlasti moskovskikh gosudarey (po materialam Moskovskogo letopisaniya kontsa XV — pervoy treti XVI vv. // *Bulgarian Historical Review*. 1986. # 4. S. 47–58.

- Kazakova N.A. «Evropeyskoy straniyi kiroli» // *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu. Sb. statey, posvyaschennyiy 75-letiyu prof. S.N. Valka.* / Trudy LOII. Vyip. 7. L., 1964. S. 418–426.
- Kappeler A. *Rossiya — mnogonatsionalnaya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad.* M., 1997.
- Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*, t. VII., SPb., 1848.
- Korzun S.G. Predstavitel Petra I v Vene Genrih fon Gyuysen i Osvoboditelnaya voyna pod predvoditelstvom Ferentsia II Rakotsi // *Osvoboditelnaya voyna 1703–1711 gg. v Vengrii i diplomatiya Petra I* / Pod red. K.A. Kochegarov, O.V. Havanova i dr. SPb., 2013. S. 65–75.
- Kudryavtsev O.F. Zhizn za tsarya: russkie v vospriyatii evropeytssev pervoy poloviny XVI v. // *Rossiya v pervoy polovine XVI v.: vzglyad iz Evropyi.* Sost. O.F. Kudryavtsev. M., 1997. S. 6–34.
- Kudryavtsev O.F. “*Kayser vnnd Herscher aller Rewssen*”: obraschenie k russkomu gosudaryu kak k imperatoru v gabsburgskih dokumentah pervoy treti XVI v. // *Drevnyaya Rus. Voprosyi medievistiki.* 2016. # 1 (63). S. 41–55.
- Kuznetsova I.E. Ob istochnike «Nomenklatora na russkom, latinskom, i nemetskom yazyike» Ili Kopievskogo // *Indoevropayskoe yazyikoznanie i klassicheskaya filologiya. Materialyi chteniy, posvyaschennyih pamyati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo.* SPb., 2009. S. 319–326.
- Liven D. *Rossiyskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashih dney.* M., 2007.
- Matveev V.Yu. *Emblematika lichnyih pechaty Petra I.* URL: <http://ogerbah.ru/heraldry-science/heraldry-books/sematis/605-sematis-07> ((data obrascheniya — 05.10.2022))
- Pekarskiy P.P. *Nauka i literatura pri Petre Velikom.* T. 2. Opisaniye slavyano-russkiy knig i tipografii 1698–1725. SPb., 1862.
- Uspenskiy B.A. *Historiae sub specie semioticae* // *Kulturnoe nasledie drevney Rusi (Istoki. Stanovlenie. Traditsii).* M., 1976. S. 286–292.
- Filyushkin A.I. *Izobretaya pervuyu voynu Rossii i Evropyi: Baltiyskie voynny vtoroy poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov.* SPb., 2013.
- Filyushkin A.I. Problema genezisa Rossiyskoy imperii // *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statey (Biblioteka zhurnala «Ab Imperio»)* / Pod red. I.V. Gerasimova i dr. Kazan, 2004. S. 375–408.
- Filyushkin A.I. *Titulyi russkiy gosudarey.* M., SPb., 2006.
- Florovskiy A.V. *Russko-avstriyskie otnosheniya v epohu Petra Velikogo.* V Praze 1955.
- Florovskiy A.V. Stranitsa istorii russko-avstriyskiy diplomaticheskikh otnosheniy XVIII v. // *Feodalnaya Rossiya vo vse-mirmo-istoricheskom protsesse. Sb. statey, posvyaschennyiy Lvu Vladimirovichu Cherpninu* / Otv. red. V.T. Pashuto. M., 1972. S. 389–397.
- FrYochner R. Ob osobennostyakh moskovskoy diplomatii serediny XVI v.: novyye istochniki o missii Gansa Shlitte // *Drevnyaya Rus. Voprosyi medievistiki.* 2019. # 3 (77). S. 90–103.
- Horoshkevich A.L., Vilinbahov G.V. «Bog Rossii» // *Gerb i flag Rossii X-XX veka.* Otv. red. G.V. Vilinbahov. M., 1997.
- Shvarts I. Begstvo tsarevicha Alekseya i Venskiy dvor // *Shvarts I. Petr I i Avstriya: Issledovaniya o petrovskoy epohe.* SPb., 2022. S. 125–145.
- Shvarts I. Neizvestnyiy portret mladogo Petra I // *Petrovskie relikvii v sobraniyah Rossii i Evropyi.* Materialyi III Mezhdunarodnogo kongressa petrovskiy gorodov. SPb., 2012. S. 187–194.
- Shishkin V., Shvarts I. *Frantsuzskoe krolevstvo i russkoe gosudarstvo v XI–XVI vekah.* SPb., 2021.
- Shteppan K. Avstro-russkiy alyans 1726 g.: dolgiy protsess pri obschiy politicheskikh interesah storon // *Slavyanskiy mir v tretem tyisyacheletii.* 2016. T. 11. S. 85–91.

- Augustynowicz Ch. „Abligations-negocien von keiner Erhöblichkeit“? Wirken und Wirkung der Moskauer Großgesandtschaft in Wien 1687 // *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs*. 2003. № 5. S. 43–63, 201–224.
- Fiedler J. Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I und Vasilij Ivanovič etc. von dem Jahre 1514 // *Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Wien, 1863. Bd. 43. S. 183–289.
- Handbuch der Geschichte Russlands*. Bd. 2 (1613–1856). Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. Hg. von K. Zernack. Stuttgart 1986.
- Kappeler A. Die Formierung des russländischen Imperiums im 16. bis 18. Jahrhundert // *Die Reiche Mitteleuropas in der Neuzeit. Integration und Herrschaft. Liber memorialis Jan Pirożyński*. Hg. von A. Perlakowski u.a. Kraków 2009. P. 69–81.
- Leitsch W. Der Wandel der österreichischen Rußlandpolitik in den Jahren 1724–1726 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1958. Bd. 6. Heft 1. S. 33–91.
- Lukinich E. Der Kaisertitel Peters des Großen und der Wiener Hof // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*. 1929. Bd. 5. S. 369–376.
- De Madariaga, Isabel (Isabel de Madariaga) Tsar into emperor: the title of Peter the Great // *Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia by Isabel de Madariaga*, London and New York 1998. Pp. 15–39.
- Picková D. *Habsburkové a Rurikovci na prahu novověku. Příspěvek k dějinám rusko-habsburských vztahů na přelomu 15. a 16. století*. Praha, 2002.
- Piirimäe P. The Capitulations of 1710 in the Context of Peter the Great's Foreign Propaganda // 1710 – *Die Kapitulationen der baltischen Ritterschaft im Nordischen Krieg: Kontext – Wirkungen – Interpretationen*. Hg. von K. Brüggemann, M. Laur und P. Piirimäe / Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. 2014. Bd. 23. S. 65–86.
- Pilss F. *Die Beziehungen des kaiserlichen Hofes unter Karl VI. zu Russland bis zum Nystädter Frieden (1711–1721)*. Phil. Diss. Wien, 1949.
- Steppan Ch. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730) // *Schriften zur politischen Kommunikation*. Bd. 22. Göttingen 2016.
- Zykuła K. Anthony Jenkinson's unique wall map of Russia (1562) and its influence on European cartography // *Belgeo*. 2008. № 3–4 P. 325–340. URL: <https://journals.openedition.org/belgeo/docannexe/image/8827/img-3.jpg> ((дата обращения – 27.09.2022)).
- Uebersberger H. *Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts*. Bd. I: Von 1488–1605. Wien – Leipzig, 1906.
- Vulpus R. *Die Geburt des Russländischen Imperiums: Herrschaftskonzepte und -praktiken im 18. Jahrhundert*. Wien/Köln/Weimar, 2020.
- Wittram R. Das russische Imperium und sein Gestaltwandel // *Historische Zeitschrift*. Bd. 187, Heft 3 (Jun. 1959). S. 568–593.
- Wittram R. *Peter I Czar und Kaiser. Peter der Große in seiner Zeit*. Bd. 2. Göttingen, 1964.
- Wortman R. S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I, Princeton 1995.

**Н. В. Башнин, И. А. Устинова,
И. Н. Шамина**

НАЧАЛО ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ ПЕТРА I: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируется современное состояние исследования проблемы начального периода церковной реформы Петра I (рубеж XVII–XVIII вв.) в отечественной и зарубежной историографии, дан обзор публикаций переписных книг монастырей и архиерейских домов 1701–1703 гг.

Ключевые слова: Петр I, церковная реформа, историография, переписные книги.

Сведения об авторах:

Башнин Никита Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Контактная информация: nvbashnin@gmail.com

Устинова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Контактная информация: ilustinova@yandex.ru

Шамина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

Контактная информация: shaminy@yandex.ru

N. V. Bashnin, I. A. Ustinova, I. N. Shamina

THE BEGINNING OF THE CHURCH REFORM OF PETER I: THE HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

The article analyzes the current state of the study of the problem of the initial period of the church reform of Peter the Great (the turn of the 17th–18th centuries) in domestic and foreign historiography, an overview of the census books of monasteries and episcopal houses of 1701–1703 is given.

Key words: Peter I, church reform, historiography, census books.

About the authors:

Bashnin Nikita Viktorovich, candidate of Historical Sciences, senior researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: nvbashnin@gmail.com

Ustinova Irina Alexandrovna, candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: ilustinova@yandex.ru

Shamina Irina Nikolaevna, candidate of historical sciences, researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: shaminy@yandex.ru

Преобразования, проведенные царем Петром Алексеевичем, вот уже более трех столетий являются одной из самых обсуждаемых и актуальных тем русской истории. С повестки дня не сходят вопросы о причинах и предпосылках петровских реформ, наличия или отсутствия плана преобразований (их стихийности / структурности), их идейном наполнении и степени европейского влияния (как в широком смысле слова, так и в более узком контексте поездки молодого царя в Европу), обширной палитрой мнений представлен и ответ на вопрос о значении и последствиях реформ Петра I для страны в целом и отдельных сфер общественной жизни в частности.

Одним из самых неоднозначных и длительных реформаторских проектов является преобразование Русской церкви. Этот процесс, начавшись уже в 1690-х гг., с разной степенью интенсивности развивался до конца царствования Петра I и продолжился после его смерти. Если взглянуть на эти изменения со значительной исторической дистанции, то становится очевидным, что петровские преобразования оказались очередным (но отнюдь не первым) витком в развитии церковно-государственных отношений. Так, о «наступлении» государства на церковные и монастырские владения можно говорить уже в XV в., а в XVI–XVII в. тенденция усиления

контроля и ограничения церковного землевладения прослеживается вполне отчетливо. В период правления Петра I традиционные меры правительства по контролю за церковными владениями были значительно усилены, а спустя четверть века после его смерти доведены до логического завершения секуляризацией церковных земель в 1764 г. Тем не менее логика действий светской власти, объем конкретных мероприятий и их цели на каждом этапе церковно-государственного взаимодействия нуждаются в самостоятельных исследованиях.

Одной из наименее изученных страниц в этом проблемном поле остается начальный период церковной реформы Петра I, пришедшийся на рубеж XVII–XVIII вв. Степень изученности этого периода в историографии и стала предметом исследования в настоящей статье.

В последние годы история церковных преобразований Петра I исследовалась с разных сторон, осуществлялся поиск новых концептуальных решений для их описания и объяснения. Сегодня одной из наиболее авторитетных концепций при изучении истории Русской церкви XVII–XVIII вв. является теория конфессионализации (*die Konfessionalisierung*). Она была разработана несколько десятилетий назад в работах европейских уче-

ных В. Райнхарда, Х. Шиллинга, Ф. Горски (*Schilling* 1992; *Gorski* 2003) на основе исследования религиозных протестантских и католических обществ Европы Нового времени, а затем стала активно применяться для изучения русской церковной истории (*Дмитриев* 2021; *Крылов* 2013; *Сукина* 2014). Л. Штайндорф и А.И. Алексеев рассмотрели практики общественного дисциплинирования на примере роли русских монастырей и монашества (*Штайндорф* 2000; *Алексеев* 2011).

Весьма востребованным в отечественной литературе стало исследование процесса социального дисциплинирования в XVII–XVIII вв. в отношении русского духовенства (*Живов* 2009; *Живов* 2012; *Белякова* 2018). В работах А.С. Лаврова и В.М. Живова концепция конфессионализации была впервые опробована для объяснения церковной реформы Петра I (*Лавров* 2000; *Живов* 2004; 2009; 2012). В.М. Живов показал, как мечта Петра I о регулярном государстве и попытки ее реализации в значительной мере затронули слой высшего духовенства — светская власть начала вмешиваться в нормы церковного дисциплинирования простых верующих (традиционно начиная со старообрядцев), низшего духовенства и, наконец, представителей высшей духовной власти. Формой влияния на деятельность и поведение последних стали не только церковные указы Петра I, но собственноручное редактирование царем сугубо церковных документов — текстов настольных грамот и архиерейских обещаний, которые все в большей степени становились должностными инструкциями.

История эволюции текста архиерейских обещаний (по существу — публичной присяги архиерея) как наиболее динамичной и подверженной влиянию церковно-политической конъюнктуры части Чина поставления епископа вызвала исследовательский интерес (Русский феодальный архив 1988: 921, 925–927, 932; *Живов* 2002; 2009; 2012). Отдельные варианты текстов Чинов и Хиротонийных обещаний опубликованы (РИБ 1880, № 52; *Петрушевич* 1901; *Неселовский* 1906; *Желтов* 2005; АИ 1842. № 1; *Живов* 2004). Столь же лапидарной и избирательной остается картина изучения настольных грамот русских архиереев. Лишь некоторые из них были опубликованы (*Пискарев* 1854; *Троицкий* 1882; *Попов* 1890). В целом, комплекс канонических документов, связанных с поставлением архиерея, требует самостоятельного исследования. В последние годы И.А. Устинова продолжила работу по выявлению, введению в научный оборот и исследованию текстов архиерейских обещаний и настольных грамот русских епископов (*Устинова* 2019; 2019а; 2019б; 2019в). Исследования показали, что на рубеже XVII–XVIII вв. светская власть изменила требования к фигуре русского епископа: был значительно расширен список качеств архиерея, ощутимо обозначилась тенденция дисциплинирования в отношении высшего духовенства, понимания места иерарха «яко некоего уда», функционального элемента в системе церковного управления. Тексты настольных грамот рубежа веков по своему характеру и содержанию отражают церковные реалии начала XVIII в., когда патриаршество было упразднено. Редактирование

документов, определявших правовой и идеологический статус епископа в начальный период церковной реформы Петра I, привело к тому, что на их страницах из всеильного и самовластного владыки, деятельность которого понималась весьма расплывчато, в духе церковного предания, русский архиерей начал превращаться в своеобразное должностное лицо, деятельность и обязанности которого зафиксированы весьма подробно в публично-правовом акте.

Еще более осязаемым стало наступление правительства на экономические ресурсы Русской церкви. Различные аспекты церковной реформы Петра I привлекали внимание сначала современников (митрополит Стефан (Яворский), архиепископ Феофан (Прокопович)), а затем историков (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский). Изменения в жизни церкви изучали в общем контексте эпохи и через взгляд на личность Петра I (Павленко 1976; Анисимов 1982; Хьюз 2007; Бушкович 2008), а также как самостоятельную проблему, имеющую разные аспекты (Макарий (Булгаков), митр. 1996; Чистович 1868; Верховской 1912; Карташев 2009; Смолич 2004; Стасcraft 1971; Комиссаренко 1990: 3–10; Цытин, прот. 2012; Седов 2013). По словам И. М. Покровского, положительно оценивавшего значение церковной реформы для Российского государства, оно «высвободилось из-под опеки церковной иерархии», а «старая русская жизнь... подверглась всецелой ломке». Историк также пришел к выводу, что в результате преобразований «с государственных отпавлений» была снята «печать церковности и на многие церковные

дела наложена печать гражданственности». Религия же и Церковь, по его мнению, были нужны царю для «внутреннего спокойствия и материального благополучия государства» (Покровский 1913, т. 2: 2).

Накопленные к середине XX в. сведения о церковной реформе Петра I обобщил Б. Г. Слищан. С его точки зрения церковная реформа была вызвана «необходимостью использовать огромные богатства... церкви», что отразило «светский характер Русского государства первой четверти XVIII в.» (Слищан 1954: 372). Возросшие к началу XVIII в. экономические возможности церкви позволяли ей выступать в качестве оппозиции правительству (Сивков 1933; Слищан 1954: 372–373). В этой связи «прежде чем подорвать политическое влияние церкви, необходимо было лишить ее экономической базы и этим поставить в зависимость от светской власти» (Слищан 1954: 373).

Сегодня существуют несколько подходов в оценке петровской церковной реформы. Весьма распространена точка зрения о том, что Церковь до конца XVII в. оставалась самостоятельной, имело место тождество государства и Церкви, в то время как в ходе петровских преобразований она лишилась своей независимости (Чистович 1868: 59; Верховской 1912: 500–501). В современной процерковной историографии церковная реформа оценивается отрицательно. По словам В. А. Кучумова, «деятельность Петра I — царя-реформатора — нанесла ущерб не только традиционным формам русского православия... но и, в известной степени, его духовной основе» (Кучумов 2002:

223). В то же время исследователи не отрицают, что реформа преследовала и высокие цели, однако не привела к желаемым результатам. Упорядочивание «церковных и монастырских дел» сопровождалось «едва ли не более глубоким упадком веры и благочестия, чем было в бесполом, “бунташном” и “растерянном” семнадцатом столетии» (Лусовой 2002: 187). И. К. Смолич увидел в упадке Церкви возможность возвратиться к аскетической жизни (Смолич 1917: 279).

Дж. Крейкрафт назвал действия царя революционными (Cracraft 1988; 1997; 2004). В процессе осуществления церковных преобразований перелом произошел и в отношениях государства и Церкви. А. С. Лавров, напротив, указал, что «переворот в государственно-церковных» отношениях начался с церковных соборов 1666–1667 гг. и закончился лишь после 1740 г. По его мнению, это «один цельный период в русской церковной истории». Ученый также подчеркнул, что идейные истоки петровской церковной реформы не ясны, и для ее характеристики используются нетождественные по содержанию понятия «цезарепапизм», «секуляризация», «протестантизм», «Просвещение». Они подразумевают друг друга, но «ни одно из них не покрывает всю реформу в целом» (Лавров 2000: 341, 344). Рассел Мартин полагает, что царствование Петра I лишь условно делит единый период в истории России (Russell E. Martin 2010).

По мнению протоиерея В. Цыпина, в результате преобразований Петра I произошло сращивание функ-

ций государства и Церкви, возникла «государственная Церковь» (Цыпин, прот. 2006: 199–200). Эта позиция противоречит наблюдениям современных светских исследователей. Так, Б. Н. Миронов считает, что Русская церковь после реформы существовала как бы параллельно государственным институтам и обладала существенной автономией (Миронов 2003: 102–103).

Отдельные постановления, ограничивавшие имущественные права Церкви, появились еще в середине 1690-х гг. 6 декабря 1696 г. вышел указ Петра I об установлении государственного контроля над деревянным, каменным и келейным строительством в монастырях, в 1697 г. — о нерасходождении денег в епархиях на возведение новых зданий и присылке в Москву денежных и хлебных расходных монастырских книг. Последнее распоряжение получило отражение, в частности, в переписной книге церковей Устюжской епархии 1696/97 г., подробно разобранный М. С. Черкасовой. Исследовательница пришла к выводу, что эта перепись свидетельствовала об усилении государственного контроля над Церковью и свое непосредственное продолжение получила в мероприятиях, организованных Монастырским приказом в 1701–1702 гг. (Черкасова 2021: 62–75).

После поражения под Нарвой возникла необходимость в восстановлении артиллерии, для чего последовал петровский указ о снятии церковных колоколов и сдаче колокольной меди, который, к сожалению, не сохранился. П. В. Седов датировал его 22 января 1701 г. При этом автор

увидел в указе «не оскорбление веры, а часть напряженных усилий всей страны в тяжелой войне, в которой православная церковь по древнему обычаю жертвовала часть своего имущества на государственные нужды» (Седов 2014: 36).

Указом от 24 января 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ. Это оказалось лишь одной из мер преобразования в церковном управлении. Истории его формирования и преобразования посвящен немалый объем литературы. Система церковного управления патриаршего времени и начала XVIII в. была весьма хорошо изучена в работах Н. Ф. Каптерева, Т. В. Барсова, И. М. Лихницкого. В них содержится подробный обзор возникновения и функционирования органов церковного управления при патриархе (приказы, светские чиновники), а также общецерковных — Освященного собора и церковных соборов (Каптерев 1874; Барсов 1897; Каптерев 1906; Лихницкий 1906). Авторы отмечали серьезное влияние светской власти на функционирование органов высшего церковного управления, усиление бюрократизации и светского компонента в церковном управлении на протяжении XVI—XVII вв. Ослабление этой тенденции в 1660–1680-х гг. не привело к ее прерыванию, что наглядно выразилось в начале церковной реформы Петра I. В исследованиях И. М. Перова и И. М. Покровского были раскрыты вопросы епархиального строительства и властных полномочий русских архиереев в XVII — начале XVIII в. (Перов 1882; Покровский 1907; Покровский 1897; 1913). М. И. Горчаков и И. И. Шимко ввели

в научный оборот огромный массив делопроизводственных материалов Монастырского приказа и Патриаршего Казенного приказа, восстановили картину их функционирования в широком хронологическом диапазоне, в том числе и в начальный период церковной реформы Петра I (Горчаков 1868; Горчаков 1871; Шимко 1894).

И. А. Булыгин в работе о монастырских крестьянах в первой четверти XVIII в. обратился к начальному этапу церковных преобразований Петра I. Он разобрал этапы реформы и ход подготовки описания архиерейских домов, монастырей и церквей (Булыгин 1977). По мнению Булыгина, «в 1701–1705 гг. Петром I была проведена не частичная и временная, а фактически полная секуляризация церковных владений» (Булыгин 1977: 20). А. И. Комиссаренко подчеркнул, что Булыгину удалось показать «сопряженность всей сферы церковной политики правительства Петра I с наступлением на земельную собственность и богатства церкви». Однако он не согласился с положением о полной секуляризации и отметил, что оно «нуждается в более глубокой аргументации» (Комиссаренко 1979: 189–191).

Диссертация О. Ф. Козлова посвящена церковной реформе Петра I. Основное внимание в работе сосредоточено на реорганизации церковного управления и аппарата, а также изменениях религиозной деятельности церкви (Козлов 1970). Е. В. Анисимов пришел к выводу, что отсутствие патриарха и введение контроля за земельными и финансовыми богатствами архиерейских кафедр

и монастырей позволили Петру I использовать церковные ресурсы для нужд армии и флота (Анисимов 1989: 330; Анисимов 1987:163–172; Анисимов 2019: 707–712).

Тема церковных преобразований Петра I не раз становилась предметом исследования и в последние десятилетия. Вопрос о правовом положении Церкви в годы преобразований поставила М.Г. Дробина. Исследовательница установила, что церковная реформа Петра I не исчерпывалась реформой высшего церковного управления. Она включала в себя изменение правового статуса монастырей и монашества, приходского духовенства и епископата, а также попытки регламентации религиозной жизни подданных (Дробина 2005). Изучались историография петровских церковных преобразований (Реснянский 2001; Киенков 2013), а также проблемы взаимоотношений государства и Церкви в рассматриваемый период (Закржевский 2000; Бодрин 2008).

Проблему реализации начального этапа церковной реформы Петра I поставил Н.В. Башнин и на примере Вологодского архиерейского дома рассмотрел ее источниковедческий аспект. По словам исследователя, реализация правительственных мер на местах породила значительное количество документации, среди которой переписные книги 1701–1703 гг. (Башнин 2020: 119).

Несколько шире — на материалах Устюжско-Тотемской и Вологодско-Белозерской епархий — осуществление петровских замыслов на практике изучила М.С. Черкасова.

Она пришла к выводу, что перепись начала XVIII в. являлась «весьма масштабным мероприятием», для которого помимо стольников из Монастырского приказа привлекли архиерейских слуг и выборных от крестьян. Последние предоставляли свои «скаски», по которым можно уточнить хронологию описания в епархии (Черкасова 2021б: 81). Внимание исследователей реформы к Вологодскому уезду не случайно. Здесь хорошо сохранились документы, отражающие изучаемые процессы.

Н.В. Башнин и М.С. Черкасова на материалах северных епархий провели сравнительно-исторический анализ экономических и социальных сторон церковных преобразований Петра I в 1690-х — начале 1700-х гг. Авторы пришли к выводу, что начальный этап церковной реформы был сосредоточен в первую очередь на социально-экономических вопросах (Башнин, Черкасова 2021: 24–50).

И.Н. Шамина рассмотрела вопрос о реализации первоначальных замыслов Петра I по реформированию Церкви на практике. Используя наказы и ряд других инструкций, полученных переписчиками в Монастырском приказе, исследовательница показала, что церковная реформа оказалась продумана не до конца, не были четко сформулированы ее конкретные задачи. Различия в наказах стольникам и преамбулах к разным переписным книгам свидетельствуют о том, что требования к их составлению продолжали меняться уже в ходе описания. В итоге прикрепить монахов к монастырям также, как служилых людей к их службе или

крестьян к владельцам, не получили. Наиболее последовательно Монастырский приказ занимался имущественными вопросами, в то время как социальная составляющая реформы не являлась приоритетной (Шамина 2021: 60–73).

В течение XVI–XVIII вв. светская власть совершенствовалась инструменты контроля за церковной и монастырской собственностью, постепенно ограничивая хозяйственные привилегии Церкви. Одним из способов отслеживания имущественного положения церквей, монастырей и архиерейских кафедр стало составление описей строений и имущества (отписные, описные, переписные книги). Они представляют собой учетный документ, в который в XVII в. часто включали перепись не только икон, богослужебной утвари, книг и актов, но и сведения о вотчинных владениях духовных собственников (Никольский 1897; Налетов 1977: 53–62; Дмитриева 1998: 7; Дмитриева 2003: 78–79; Черкасова 2005: 39, 41; Черкасова 2011: 206–207, 218). По мнению исследователей «борьба государства за монастырское и церковное имущество началась задолго до Стоглавого собора и продолжалась до секуляризации 1764 г.» (см., например: Дмитриева 1998: 9).

Первым о существовании переписных книг, составленных по инициативе Монастырского приказа в начале XVIII в., упомянул М. И. Горчаков. Однако он не раскрыл содержание этого источника, указав лишь, что он богат информацией, не только необходимой для изучения Монастырского приказа, но и представляет со-

бой «драгоценнейший материал для истории русской жизни конца XVII и начала XVIII веков во всех отношениях» (Горчаков 1868: 137).

И. А. Булыгин использовал 23 сохранившиеся переписные книги с описанием четырех архиерейских домов и 149 монастырей. Он отметил, что, будучи практически единовременной, перепись охватила разные звенья церковной организации в России — архиерейские дома, монастыри, городские соборные и сельские приходские церкви. Однако Булыгин заметил, что описание коснулось не всех духовных организаций. По его мнению, перепись положила начало «полной секуляризации церковных владений и имущества». Исследователь установил сроки проведения переписи — 1701–1705 гг. (Булыгин 1977) Однако эта датировка подтверждения пока не получила. Все известные на сегодняшний день переписные книги архиерейских домов и монастырей были составлены в 1701–1703 гг.

Е. Н. Швейковская, рассматривая вопрос об обеспеченности крестьянских хозяйств надельной землей в конце XVII — начале XVIII в., остановилась на характеристике переписной книги Вологодского архиерейского дома, отметив, что в ходе переписи начала XVIII в. «учету подлежали вся церковная утварь, одежда, книги, казна, а также акты, на основании которых монастырь или архиепископский дом владел своими землями и деревьями». Переписные книги начала XVIII в. подводят итог состоянию вотчины в конце XVII в. и служат «отправной точкой для XVIII в.» (Бакланова [Швейковская]

1976: 52). Описания церковно-монастырских владений начала XVIII в. изучала Н.В. Соколова. Она проанализировала организационные принципы и практику проведения переписи в Нижегородском уезде (Соколова 2008: 44–60). Большое внимание переписи 1701–1703 гг. уделила М.С. Черкасова. Она рассмотрела механизм проведения этого описания в Вологодском уезде и выявила 3 книги в составе фонда Монастырского приказа РГАДА, а также несколько книг в фонде Вологодской духовной консистории Государственного архива Вологодской области. Исследовательница рассмотрела различные социально-экономические вопросы, на которые дает ответ источник. Это численность населения в монастырских вотчинах, численность монастырских слуг и размер их жалования, формы и размер налогообложения крестьян и др. (Черкасова 2009).

Материалы переписи 1701–1703 гг. уже неоднократно вводились в научный оборот. Первыми во второй половине XIX в. увидели свет переписные книги монастырей Углича и Угличского уезда (Углич 1887). В 2011 г. вышло издание, где опубликованы переписные книги вологодских Спасо-Каменного и Спасо-Евфимьева монастырей 1701 и 1702 гг. (Переписные книги вологодских монастырей 2011). По Вологодскому уезду изданы также описания Павлова Обнорского, Иннокентиева Комельского, Григориева Пельшемского, Дионисиева Глушицкого, Спасо-Нуромского монастырей, Успенской Семигородней пустыни и др. (Говорова 2008; Шамина 2009, 2010, 2011, 2017, 2020; Башнин 2013).

В 2018–2019 гг. Н.В. Башнин опубликовал комплекс хозяйственных документов Вологодского архиерейского дома 1701–1703 гг. (Хозяйственные книги 2018; Башнин 2019; Описи Вологодского архиерейского дома 2020). Значительная часть хозяйственного архива Устюжской епархии издана в томах «Русской исторической библиотеки», а недавно введены в научный оборот вновь выявленные документы конца XVII в. (Акты Холмогорской и Устюжской епархий 1890, 1894, 1908; Черкасова 2017).

Материалы описания монастырей Вологодского уезда, безусловно, представлены и изучены лучше. Однако вводятся в научный оборот и переписные книги обитателей из других регионов государства. Так, опубликованы описания нескольких монастырей Коломенской епархии (Шамина 2017; 2018), а также Троицкого Алатырского монастыря (Алатырский Троицкий мужской монастырь 2015). Введены в научный оборот и некоторые материалы по истории Новгородского архиерейского дома. Это 163 документа, освещающих его повседневную жизнь и устройство с 1716 по 1758 г. (Новгородский архиерейский дом 2016).

Большой вклад в изучение материалов переписи 1701–1703 гг. и других документов, связанных с церковными преобразованиями Петра I, внес А.В. Матисон. Он обратился к архиву Тверского архиерейского дома и ввел в научный оборот ряд новых источников. Ученый показал, что для изучения архиерейского дома можно использовать документы, происходящие из других учреждений (Матисон 2020а, 2020б, 2021а, 2021б).

Опубликованы отдельные разделы переписных книг. Так, в исследовании, посвященном библиотекам монастырей и архиерейских домов Урала, приведены фрагменты источников начала XVIII в., содержащие описания книжных собраний Вятского и Тобольского архиерейских домов, а также Хлыновского Успенского Трифонова, Чердынского Иоанно-Богословского, Соликамского Вознесенского и ряда других монастырей и приходских церквей (От Вятки до Тобольска 1994). А. В. Матисон издал описание архива Тверского архиерейского дома из переписной книги 1701–1702 гг. (Матисон 2019).

Описи начала XVIII в. привлекались исследователями для изучения различных сторон повседневной монастырской жизни. Такого рода источники широко использовались для изучения вопросов демографии (Водарский 1975; Водарский 1977) и аграрной истории (Шабанова 1971; Раскин 1971; Кондрашенков 1972; Чекунова 1972; Преображенский 1972; Прокофьева 1973; Горская 1977). В статье «Описи вологодских монастырей как источник по аграрной и демографической истории» ее авторы Н. В. Башнин, М. С. Черкасова и И. Н. Шамина подчеркнули многоплановость источника, а также и пришли к выводу, что эти документы содержат сведения о социокультурной истории монастырей и монашества, крестьянской общины, церковного прихода и других вопросов (Башнин, Черкасова, Шамина 2011).

С. В. Николаева использовала описание Троице-Сергиева монастыря 1701 г. для изучения состава братии крупнейшей духовной корпорации.

Причем в данном ключе эта переписная книга была привлечена впервые. Сравнение списков насельников Троице-Сергиева монастыря из описаний 1641 и 1701 гг., а также Ландратской книги 1715 г. позволило исследовательнице сделать некоторые наблюдения о частоте сменяемости братии и возрастном составе монахов (Николаева 2000). Е. В. Кустова использовала переписную книгу вятского Куринского Архангельского монастыря 1702 г. для установления состава вкладчиков (Кустова 2014).

О. Н. Адаменко, изучив опись Спасо-Каменного монастыря 1702 г., проанализировала вопросы землеустройства монастыря, налогообложения монастырских крестьян, организации хозяйства и проч. (Адаменко 2008). В другой своей работе она охарактеризовала крепостную казну монастыря и его архив (Адаменко 2008: 20–21).

А. М. Салимов, основываясь среди прочего на данных переписной книги тверского Отроча монастыря 1702 г., изучал каменное строительство в обители (Салимов 2011). Этой теме частично коснулась и И. Н. Шамина. Она показала, что описи 1701–1703 гг. содержат сведения по истории архитектуры монастырских оград. Для исследования ею были привлечены переписные книги 89 монастырей Москвы, Вологодского, Коломенского, Тульского, Каширского, Угличского, Галичского и других уездов (Шамина 2020).

Данные переписных книг начала XVIII в. исследователи использовали для анализа монастырских архивов. Так, М. С. Черкасова широко

привлекала их для реконструкции состава архивов вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв. (Черкасова 2021). И. Н. Шамина изучала архив Троицкого Белопесоцкого монастыря (Шамина 2019).

На основании переписных книг начала XVIII в. изучались монастырские и архиерейские библиотеки. А. В. Сиренов реконструировал библиотеку Макарьевского Желтоводского монастыря XVII в., привлекая, в том числе, и данные из переписной книги 1702 г. (Сиренов 2013). И. Н. и С. М. Шаминами на основании переписной книги 1702 г. изучена библиотека тульского Иоанно-Предтеченского монастыря (Шамин, Шамина 2020), а также проведено обобщающее исследование монастырских библиотек Российского государства конца XVII — начала XVIII вв. (Shamin, Shamina 2020). А. Н. Красиков показал информативность этого источника для изучения состава монастырских библиотек Русского Севера (Красиков 2009).

Менее исследованными на сегодняшний день оказались библиотеки архиерейских кафедр. Исключение составляет, пожалуй, книжное собрание Тобольского митрополичьего дома; в соответствующем исследовании приведены данные о количестве и составе хранившихся в ней рукописных и печатных книг, а также о судьбе некоторых из них (От Вятки до Тобольска 1994: 89–94). И. Н. Шамина и М. И. Давыдов на материалах переписных книг 1701 г. провели сравнительную характеристику библиотек Коломенского и Суздальского архиерейских домов (Давыдов, Шамина 2021).

Неоднократно исследователи, широко используя данные переписных книг 1701–1703 гг., обращались к изучению населения архиерейских домов. Так, сведения из документов XVII — начала XVIII в. позволили И. А. Никулину проследить эволюцию штатов и жалованья служащих Тобольского архиерейского дома (Никулин 2021). А. В. Матисон показал, что в исторической литературе господствует точка зрения о том, что «в начале XVIII в. произошло окончательное снижение значения архиерейских детей боярских, а по мнению некоторых историков — даже юридическое прекращение их существования: часть из них отчислили от архиерейских домов, главным образом в военную службу, других записали в подушный оклад и только некоторые остались служащими при епархиальных архиереях». По мнению исследователя, документы позволяют говорить о разделении архиерейских детей боярских на «домовых», «поместных» и «оброчных». В переписной книге Тверского архиерейского дома 1702 г. сначала перечислены именно «домовые» дети боярские, состоявшие при архиерейском доме. Значительная часть из них получала денежное и хлебное жалованье из архиерейской казны. В целом же в XVII — начале XVIII в. «поместные» и «оброчные» дети боярские относились к разным категориям архиерейских служащих (Матисон 2021: 29, 31, 32).

Изучались и иные аспекты, отраженные в переписных книгах 1701–1703 гг. В частности, состав монастырских кладовых (Шамина 2016). Морскую инфраструктуру Соловецкого монастыря по переписной книге

1705 г. изучала А. А. Богомазова (*Богомазова* 2015).

Таким образом, несмотря на то что ученые многократно обращались к теме церковной реформы Петра I, до сих пор в исторической литературе не до конца исследована предыстория и хронология этого масштабного преобразования. Не разработаны региональные аспекты и особенности реформы: непосредственный механизм проведения преобразований на местах, взаимодействие центральных и местных институтов власти — гражданских, церковных, земских (общинного самоуправления). Это связано с тем, что еще не до конца решены задачи выявления источников по истории русских архиерейских домов в начале церковной реформы Петра I.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 4. СПб., 1842.

Акты Холмогорской и Устюжской епархий // Русская историческая библиотека. Т. XII. СПб., 1890; Т. XIV. СПб., 1894; Т. XXV. СПб., 1908.

Алатырский Троицкий мужской монастырь: Документы 1612–1703 годов / Сост. В. Д. Кочетков, А. А. Чибис. Ульяновск, 2015.

Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области): сборник документов / Сост. Н. В. Салоников, О. В. Снытко. Великий Новгород, 2016.

Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII — начала XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. М., СПб., 2020.

От Вятки до Тобольска: церковно-монастырские библиотеки российской провинции XVI–XVIII веков. Екатеринбург, 1994.

Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Изд. подгот.: О. Н. Адаменко, Н. В. Башнин, М. С. Черкасова при участии А. П. Анишиной, Н. А. Бараевой, И. Н. Шаминой и др. Вологда, 2011.

Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. № 52.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Отв. ред. В. И. Буганов, подгот. текста А. И. Плигузова и др.; предисл. А. И. Плигузова. М., 1988. Ч. 3. С. 921, 925–927, 932.

Хозяйственные книги вологодского архиерейского дома Св. Софии XVII — начала XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. М.; СПб., 2018. С. 199–416.

Углич: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Адаменко 2008 — Адаменко О. Н. Земле-владение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Череповец, 2008.

Адаменко 2008 — Адаменко О. Н. Крепостная казна Спасо-Каменного монастыря по описям XVII–XVIII вв. // *Материалы XVI всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.»: к столетию со дня рождения П. А. Колесникова*. М., 2008. С. 20–21.

Алексеев 2011 — Алексеев А. И. Русские монастыри и практика общественного дисциплинирования в России до начала петровских реформ // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 3 (32). С. 50–54.

Анисимов 1989 — Анисимов Е. В. *Время петровских реформ*. Л., 1989.

Анисимов 2019 — Анисимов Е. В. *Петр I Алексеевич* // *Православная энциклопедия*. Т. 55. М., 2019. С. 707–712.

Анисимов 1982 — Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982.

Анисимов 1987 — Анисимов Е.В. Церковная и податная реформы Петра I // Вопросы научного атеизма. Сборник статей. Вып. 37. М., 1987. С. 163–172.

Бакланова [Швейковская] 1976 — Бакланова [Швейковская] Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976.

Барсов 1897 — Барсов Т.В. Синодальные учреждения прежнего времени. СПб., 1897.

Башнин 2013 — Башнин Н.В. Опись имущества и строений Дионисиева Глушицкого монастыря 1701 г. и переписные книги вотчины Дионисиева Глушицкого монастыря 1702 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4(31/32). С. 138–177.

Башнин 2019 — Башнин Н.В. Переписные книги вотчин вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг.: Исследование и тексты. М.; СПб., 2019.

Башнин 2020 — Башнин Н.В. Церковная реформа Петра I: историко-культурный аспект (по материалам Вологодского архиерейского дома Св. Софии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 5. С. 113–130.

Башнин, Черкасова 2021 — Башнин Н.В., Черкасова М.С. Как начиналась церковная реформа Петра I? (По материалам севернорусских епархий 1690–1700-х гг.) // Canadian-American Slavic Studies. 2021. Т. 55. № 1. С. 24–50.

Башнин, Черкасова, Шамина 2011 — Башнин Н.В., Черкасова М.С., Шамина И.Н. Описи вологодских монастырей как источник по аграрной и демографической истории // Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Изд. подгот.: О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова при участии А.П. Анишиной, Н.А. Бараевой, И.Н. Шаминой и др. Вологда, 2011. С. 424–449.

Белякова 2018 — Белякова Е.В. Дисциплинирование духовенства и прихожан в XVII в. (по материалам поучений Кормчих западнорусской редакции // Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Б.Н. Флори. М., 2018. С. 369–380.

Богомазова 2015 — Богомазова А.А. Морская инфраструктура Соловецкого монастыря в XVII — начале XVIII вв. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 368–373.

Бодрин 2008 — Бодрин А.В. Проблемы взаимоотношений государства и церкви в Российской империи в первой половине XVIII века: на примере Нижегородской епархии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Булыгин 1977 — Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977.

Бушкович 1912 — Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008.

Верховской 1912 — Верховской П.В. Очерки по истории русской церкви. Варшава, 1912.

Водарский 1977 — Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

Водарский 1975 — Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. // Историческая география России XII — начало XX в. Сб. статей к 70-летию профессора Л.Г. Бескровного. М., 1975. С. 79–95.

Говорова 2008 — Говорова А.Н. Житие преподобномученика Симона Воломского // Вестник церковной истории. 2008. № 4(12). С. 5–60.

Горская 1977 — Горская Н.А. Внеадельное землепользование монастырских крестьян в XVII веке // История СССР. 1977. № 1. С. 49–70.

Горчаков 1868 — Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725 гг.). Опыт

историко-юридического исследования. СПб., 1868.

Горчаков 1871 — Горчаков М.И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. (988–1738 гг.). Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871.

Давыдов, Шамина 2021 — Давыдов М.И., Шамина И.Н. Библиотеки архиерейских домов конца XVII — начала XVIII в.: к постановке проблемы // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 4 (в печати).

Дмитриев 2012 — Дмитриев М.В. «Православная конфессионализация» в Восточной Европе во второй половине XVI века? // Дрогобицкий краеведческий збірник. Вип. XVI. Дрогобич, 2012. С. 133–152.

Дмитриева 1998 — Дмитриева З.В. Введение // Описание строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. СПб., 1998.

Дмитриева 2003 — Дмитриева З.В. Вытненные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003.

Дробина 2005 — Дробина М.Г. Правовое положение Русской Православной Церкви в период проведения церковной реформы Петра I: историко-правовой аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.

Желтов 2005 — Желтов М.С. Чины рукоположений по древнейшему славянскому списку: рукопись РНБ. Соф. 1056, XIV в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2005. № 14. С. 147–157.

Живов 2009 — Живов В.М. Архиерейское обещание: Эволюция текста в России XV–XVIII вв. и проблемы церковной истории // Православное учение о церковных таинствах (V Международная Богословская Конференция Русской Право-

славной Церкви. Москва, 13–16 ноября 2007 г.). Т. II. Евхаристия: Богословие. Священство. М., 2009.

Живов 2012 — Живов В.М. Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // Cahiers du Monde Russe. 2012. № 53(2–3). P. 349–374.

Живов 2009 — Живов В.М. Дисциплинарная революция и борьба с суевением в России XVIII века: «провалы» и их последствия // Антропология революции. Сборник статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение» (Москва, 27–29 марта 2008 года). М., 2009. С. 327–360.

Живов 2004 — Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого. Исследования и материалы. М., 2004.

Живов 2002 — Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

Закржевский 2000 — Закржевский А.Г. Архиерейская власть в системе церковно-государственных отношений в первой половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

Кантрев 1874 — Кантрев Н.Ф. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874.

Кантрев 1906 — Кантрев Н.Ф. Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий. Сергиев Посад, 1906.

Карташев 2009 — Карташев А.В. Очерки истории русской церкви. Т. 2. М., 2009.

Киенков 2013 — Киенков А.А. Церковная политика Петра I в отечественной историографии XIX — начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

Козлов 1970 — Козлов О.Ф. Церковная реформа первой четверти XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

Комиссаренко 1979 — Комиссаренко А.И. [Рец.: Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977] // История СССР. 1979. № 3. С. 189–191.

Комиссаренко 1990 — *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990.

Кондрашенков 1972 — *Кондрашенков А.А.* Хозяйство монастырских и церковных крестьян в XVIII веке. // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972.

Красиков 2011 — *Красиков А.Н.* Книжные собрания вологодских монастырей по переписным книгам // Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Изд. подгот.: О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова при участии А.П. Анишиной, Н.А. Бараевой, И.Н. Шаминой и др. Вологда, 2011. С. 450–457.

Крылов 2013 — *Крылов А.О.* Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского (К вопросу о конфессионализации в России рубежа XVII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 1. С. 51–62.

Кустова 2014 — *Кустова Е.В.* «Малобратственный» монастырь между двух эпох: из истории Куринского Архангельского монастыря 1676–1764 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 48–65.

Кучумов 2022 — *Кучумов В.А.* Русское старчество // Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002.

Лавров 2000 — *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.

Лисовой 2002 — *Лисовой Н.Н.* Восемнадцатый век в истории русского монашества // Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002.

Лихницкий 1906 — *Лихницкий И.М.* Освященный собор в Москве в XVI–XVII веках. Санкт-Петербург, 1906.

Макарий (Булгаков), митр 1996 — *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 7–8. М., 1996.

Матисон 2019 — *Матисон А.В.* «Писано в сих книгах ниже сего имянно по статьям». Опись архива Тверского архиерейского дома стольника Михаила Федоровича Пушкина. 1701–1702 гг. // Исторический архив. 2019. № 3. С. 148–187.

Матисон 2021 — *Матисон А.В.* Архиерейские «поместные» и «оброчные» дети боярские Тверской епархии XVII–XVIII вв. // Российская история. 2021. № 2. С. 28–40.

Матисон 2020 — *Матисон А.В.* Подьячие приказной избы Твери в XVII веке // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2020. № 1(53). С. 106–122.

Матисон 2020 — *Матисон А.В.* Приказная элита Тверского архиерейского дома (1675–1742 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 92. С. 61–74.

Матисон 2021 — *Матисон А.В.* Архиерейские дворяне, дети боярские и приказные служители в XVII–XVIII веках (Тверской архиерейский дом, 1675–1764 гг.). М., 2021.

Миронов 2003 — *Миронов Б.Н.* Социальная история России (XVIII–XX в.). Т. 1. СПб., 2003.

Налетов 1977 — *Налетов А.Г.* Государство и монастыри во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам московского Донского монастыря) // Вестник Московского государственного университета. Серия История. 1977. № 4. С. 53–62.

Неселовский 1906 — *Неселовский А.* Чины хиротесий и хиротоний. Каменец Подольский, 1906.

Николаева 2000 — *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII века: состав монашеской братии

и вкладчиков». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Никольский 1897 — Никольский Н.К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в XV веке. СПб., 1897.

Никулин 2021 — Никулин И.А. Эволюция штатов и жалования служащих Тобольского архиерейского дома в 1621–1701 гг. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2021. № 1(13). С. 96–107.

Павленко 1976 — Павленко Н.И. Петр Первый. М., 1976.

Перов 1882 — Перов И.Ф. Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII веках: (Историко-канонический очерк). Рязань, 1882.

Петрушевич 1901 — Петрушевич А.С. Архиератикон Киевской митрополии с половины XIV столетия, по списку конца XVI столетия. Львов, 1901.

Пискарев 1854 — Пискарев А.Н. Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854.

Покровский 1897 — Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 1: XVI–XVII вв. Казань, 1897; Т. 2: XVIII-й век. Казань, 1913.

Покровский 1764 — Покровский И.М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань, 1907.

Попов 1890 — Попов М.Г. Материалы для истории патриарха Московского Питирима // Христианское чтение. 1890. № 9–10. С. 489–492.

Преображенский 1972 — Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.

Прокофьева 1973 — Прокофьева Л.С. Повинности и платежи крестьян Кирилло-Белозерского монастыря в первой

четверти XVIII в. // Вопросы аграрной истории Европейского Севера. Вып. 4. Вологда, 1973. С. 230–250.

Раскин 1971 — Раскин Д.И. Крестьянские челобитные в крупной монастырской вотчине в первой четверти XVIII в. // Проблемы феодальной истории России. Л., 1971. С. 186–194.

Реснянский 2001 — С.И. Российская историография взаимоотношений государства и церкви в период петровских преобразований. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.

Салимов 2011 — Салимов А.М. Каменное строительство в тверском Отроче монастыре во второй половине XV–XVI вв. // Архитектурное наследство. 2011. № 55. С. 40–50.

Седов 2013 — Седов П.В. «Все-де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сборник статей. СПб., 2013. С. 122–124.

Седов 2014 — Седов П.В. Снятие церковных колоколов для литья пушек в начале Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 25–40.

Сивков 1933 — Сивков К.В. К истории землевладения в России в начале XVIII в. // Известия АН СССР. Отделение общ. наук. 1933. № 3. С. 214–217.

Сиренов 2013 — Сиренов А.В. О библиотеке Макарьевского Желтоводского монастыря в XVII в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 1. С. 7–14.

Слицан 1954 — Слицан Б.Г. Реформа церковного управления // Очерки Истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразование Петра I. М., 1954. С. 371–381.

Смолич 2004 — Смолич И.К. История русской церкви. М., 2004.

Смолич 1917 — Смолич И.К. Русское монашество: 988–1917. М., 1917.

Соколова 2008 — Соколова Н.В. Описание церковно-монастырских владений в про-

цессе секуляризации начала XVIII в.: Опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2008. С. 44–60.

Сукина 2014 — Сукина Л. Б. Концепция «конфессионализации» — одна из возможных парадигм изучения Русской истории XVI–XVII веков? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. № 2. С. 115–119.

Троицкий 1882 — Троицкий Н. Царские жалованные и патриаршие настояльные грамоты, данные епископом Коломенским и Каширским // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1882. Кн. IX. Сентябрь.

Устинова 2019 — Устинова И. А. Высшая церковная иерархия Русской православной церкви 1620–1640-х гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2019. С. 22–27.

Устинова 2019 — Устинова И. А. К вопросу о датировке чинов поставления епископа второй половины XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X международной научной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2019. С. 204–205.

Устинова 2019 — Устинова И. А. Сборник хиротонийных обещаний русских архиереев последней трети XVII в. из Синодального собрания ГИМ // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2019. С. 404–406.

Устинова 2019 — Устинова И. А. Подходы к публикации настояльных грамот русских патриархов XVII в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 152–155.

Хьюз 2007 — Хьюз Л. Петр Первый. У истоков великой империи. М., 2007.

Хьюз 1998 — Хьюз Л. Россия в эпоху Петра Великого. М., 1998.

Цытин 2012 — Цытин В., прот. История русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005. М., 2012.

Цытин 2006 — Цытин В. А., прот. Государственная церковь // Православная энциклопедия. Т. 12. М., 2006. С. 199, 200.

Чекунова 1972 — Чекунова А. Е. Источники по урожайности монастырских вотчин в первой четверти XVIII в. (по фондам Донского монастыря) // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вып. 1. М., 1972.

Черкасова 2012 — Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

Черкасова 2017 — Черкасова М. С. Великоустюжский архиерейский дом: открытие и начальный этап деятельности (1682–1700 гг.) // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2(45/46). С. 193–271.

Черкасова 2021 — Черкасова М. С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда, 2021. С. 62–75.

Черкасова 2009 — Черкасова М. С. Государственная ревизия вологодских монастырей в начале XVIII в. // Управление и экономика: опыт, теория, практика. Материалы научной конференции (Вологда, 10–11 апреля 2009 г.). Вологда, 2009. С. 132–145.

Черкасова 2005 — Черкасова М. С. К характеристике монастырских архивов России XVI–XVII вв. (Ч. 2) // Археографический ежегодник за 2004 г. М., 2005. С. 30–45.

Черкасова 2011 — Черкасова М. С. Об эволюции комплекса монастырских описных книг в XV–XVI вв. // VII Ушаковские чтения: Сборник научных статей. Мурманск, 2011. С. 206–207.

Чистович 1868 — Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

Шабанова 1971 — Шабанова А. М. Организация обложения владельческими повинностями крестьян Александровской Свирской вотчины в первой половине XVIII в. // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.

Шамин, Шамина 2020 — Шамин С. М., Шамина И. Н. Печатные книги в библиотеке тульского Иоанно-Предтеченского монастыря в 1701 г.: к вопросу о вытеснении из обихода рукописных книг // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII международной научной конференции. М., 2020. С. 446–449.

Шамина 2011 — Шамина И. Н. Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII — начала XVIII в. // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4 (23/24). С. 30–63.

Шамина 2019 — Шамина И. Н. Архив Троицкого Белопесоцкого монастыря на рубеже XVII–XVIII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X международной научной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 232–233.

Шамина 2018 — Шамина И. Н. Документы по ранней истории орловского Введенского девичья монастыря // Вестник церковной истории. 2018. № 3/4(51/52). С. 29–39.

Шамина 2020 — Шамина И. Н. Ограды русских монастырей начала XVIII в. по переписным книгам 1701–1702 гг. // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Л. А. Беляев, В. Н. Захаров. М., 2020. С. 101–117.

Шамина 2010 — Шамина И. Н. Описание имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2(17/18). С. 17–107.

Шамина 2020 — Шамина И. Н. Переписная книга вологодского Спасо-Нуром-

ского монастыря и его вотчины 1701–1702 гг. // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2(57/58). С. 5–37.

Шамина 2017 — Шамина И. Н. Переписная книга Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда 1702 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2(45/46). С. 99–111.

Шамина 2017 — Шамина И. Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 96–226.

Шамина 2021 — Шамина И. Н. Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701–1703 гг.) // Российская история. 2021. № 4. С. 60–73.

Шамина 2009 — Шамина И. Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2(13/14). С. 26–99.

Шамина 2016 — Шамина И. Н. Что хранилось в монастырской кладовой: предметный мир русского монастыря рубежа XVII–XVIII вв. // От Смуты к империи: новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVII вв. М.; Вологда, 2016. С. 487–493.

Шимко 1894 — Шимко И. И. Патриарший Казенный приказ. Его внешняя история, устройство и деятельность. М., 1894.

Штайндорф 2000 — Штайндорф Л. Монашеская культура как способ общественного дисциплинирования в Московской Руси: общеевропейский образец // Русская религиозность: проблемы изучения. СПб., 2000. С. 276–283.

Cracraft 1971 — Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. Stanford, 1971.

Cracraft 1988 — Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago, 1988.

Cracraft 1997 — Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Imagery. Chicago, 1997.

Cracraft 2004 — *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Architecture. Cambridge (Mass.), 2004.

Gorski 2003 — *Gorski Ph. S.* The Disciplinary Revolution: Calvinism, Confessionalism and the Growth of State Power in Early Modern Europe. Chicago, 2003.

Russell E. Martin 2010 — *Russell E. Martin.* The Petrine Divide and the Periodization of Early Modern Russian History // *Slavic Review*. 2010 № 69(2). P. 410–425.

Schilling 1992 — *Schilling H.* Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society. Essays in German and Dutch History. Leiden: Brill, 1992.

Shamin, Shamina 2020 — *Shamin S. M., Shamina I. N.* Biblioteki russkikh monastyrei v nachale pravleniia Petra I. K voprosu o roli monastyrskikh sobranii v knizhnom potreblenii i razvitii knizhnogo rynka // *Cahiers du Monde russe*. 2020. T. 61. № 1. C. 51–65.

REFERENCES

Adamenko O. N. *Zemlevladienie i hozyaystvo Spaso-Kamennogo monastyrya v XV–XVII vv.* Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Cherepovets, 2008.

Adamenko O. N. Krepostnaya kazna Spaso-Kamennogo monastyrya po opisyam XVII–XVIII vv. // *Materialy XVI vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Pistsovyie knigi i drugie massovyie istochniki XVI–XX vv.»: k stoletiyu so dnya rozhdeniya P. A. Kolesnikova*. M., 2008. S. 20–21.

Alekseev A. I. Russkie monastyri i praktika obschestvennogo distsiplinirovaniya v Rossii do nachala petrovskikh reform // *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2011. # 3 (32). S. 50–54.

Anisimov E. V. *Vremya petrovskikh reform*. L., 1989.

Anisimov E. V. Petr I Alekseevich // *Pravoslavnaya entsiklopediya*. T. 55. M., 2019. S. 707–712.

Anisimov E. V. *Podatnaya reforma Petra I*. L., 1982.

Anisimov E. V. Tserkovnaya i podatnaya reformy Petra I // *Voprosyi nauchnogo ateizma*. Sbornik statey. Vyip. 37. M., 1987. S. 163–172.

Baklanova [Shveykovskaya] E. N. *Krestyanskiy dvor i obschina na Russkom Se-vere*. *Konets XVII — nachalo XVIII v.* M., 1976.

Barsov T. V. *Sinodalnyie uchrezhdeniya prezhnego vremeni*. SPb., 1897.

Bashnin N. V. Opis imuschestva i stroeniy Dionisieva Glushitskogo mona-styirya 1701 g. i perepisnyie knigi votchinyi Dionisieva Glushitskogo mona-styirya 1702 g. // *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2013. # 3/4(31/32). S. 138–177.

Bashnin N. V. *Perepisnyie knigi votchin vologodskogo arhiereyskogo doma Sv. Sofii 1701–1702 gg.*: Issledovanie i tekstyi. M.; SPb., 2019.

Bashnin N. V. Tserkovnaya reforma Petra I: istochnikovedcheskiy aspekt (po ma-terialam Vologodskogo arhiereyskogo doma Sv. Sofii) // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnyie otnosheniya. 2020. T. 25. # 5. S. 113–130.

Bashnin N. V., Cherkasova M. S. Kak nachinalas tserkovnaya reforma Petra I? (Po materialam severnorusskikh eparhiy 1690–1700-h gg.) // *Canadian-American Slavic Studies*. 2021. T. 55. # 1. S. 24–50.

Bashnin N. V., Cherkasova M. S., Shamina I. N. Opisi vologodskikh monastyrey kak istochnik po agrarnoy i demograficheskoy istorii // *Perepisnyie knigi vologodskikh monastyrey XVI–XVIII vv.: issledovanie i tekstyi* / Izd. pod-got.: O. N. Adamenko, N. V. Bashnin, M. S. Cherkasova pri uchastii A. P. Ani-shinoy, N. A. Baraevoy, I. N. Shaminoy i dr. Vologda, 2011. S. 424–449.

Belyakova E. V. Distciplinirovanie duhovenstva i prihozhan v XVII v. (po ma-terialam poucheniy Kormchih zapadnorusskoy redaktsii) // *Vertograd mnogotsvetnyiy*. Sbornik k 80-letiyu B. N. Flori. M., 2018. S. 369–380.

Bogomazova A. A. Morskaya infrastruktura Solovetskogo monastyrya v XVII —

- nachale XVIII vv. // *Rus, Rossiya. Srednevekovye i Novoye vremya*. 2015. № 4. S. 368–373.
- Bodrin A.V. *Problemy vzaimootnosheniy gosudarstva i tserkvi v Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XVIII veka: na primere Nizhegorodskoy eparhii*. Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008.
- Bulyigin I. A. *Monastyirskie krestyane Rossii v pervoy chetverti XVIII veka*. M., 1977.
- Bushkovich P. *Petr Velikiy. Borba za vlast (1671–1725)*. SPb., 2008.
- Verhovskoy P.V. *Ocherki po istorii russkoy tserkvi*. Varshava, 1912.
- Vodarskiy Ya.E. *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka* (chislen-nost, soslovno-klassovyyi sostav, razmeschenie). M., 1977.
- Vodarskiy Ya.E. Tserkovnyie organizatsii i ih krepostnyie krestyane vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII v. // *Istoricheskaya geografiya Rossii XII – nachalo XX v. Sb. statey k 70-letiyu professora L. G. Beskrovnogo*. M., 1975. C. 79–95.
- Govorova A.N. Zhitie prepodobnomuchnika Simona Volomskogo // *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2008. № 4(12). S. 5–60.
- Gorskaya N. A. Vnenadelnoe zemlepolzovanie monastyirskih krestyan v XVII veke // *Istoriya SSSR*. 1977. № 1. S. 49–70.
- Gorchakov M. *Monastyirskiy prikaz (1649–1725 gg.)*. Opyit istoriko-yuridicheskogo issledovaniya. SPb., 1868.
- Gorchakov M. I. *O zemelnykh vladeniyah vserossiyskikh mitropolitov, patri-arhov i sv. Sinoda*. (988–1738 gg.). Iz opytov issledovaniya v istorii rus-skogo prava. SPb., 1871.
- Davyidov M. I., Shamina I. N. Biblioteki arhiereyskikh domov kontsa XVII – nachala XVIII v.: k postanovke problemy // *Vestnik Ekaterinburgskoy duhovnoy seminarii*. 2021. № 4 (v pechati).
- Dmitriev M. V. «Pravoslavnyaya konfessionalizatsiya» v Vostochnoy Evrope vo vtoroy polovine XVI veka? // *Drogobitskiy kraeznavchiy zbirnik*. Vip. XVI. Drogobich, 2012. S. 133–152.
- Dmitrieva Z. V. *Vvedenie // Opis stroeniy i imuschestva Kirillo-Belozerskogo monastyirya 1601 goda: Kommentirovannoe izdanie* / Sost. Z. V. Dmitrieva, M. N. Sharomazov. SPb., 1998.
- Dmitrieva Z. V. *Vyitnyie i opisnyie knigi Kirillo-Belozerskogo monastyirya XVI–XVII vv.* SPb., 2003.
- Drobina M. G. *Pravovoe polozhenie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v period provedeniya tserkovnoy reformy Petra I: istoriko-pravovoy aspekt*. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2005.
- Zheltoy M. S. Chinyi rukopolozheniy po drevneyshemu slavyanskomu spisku: rukopis RNB. Sof. 1056, XIV v. // *Vestnik pravoslavnoy Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 1: Bogoslovie. Filoso-fiya. 2005. № 14. S. 147–157.
- Zhivov V. M. Arhiereyskoe obeschanie: Evolyutsiya teksta v Rossii XV–XVIII vv. i problemy tserkovnoy istorii // *Pravoslavnoe uchenie o tserkovnykh tainstvakh* (V Mezhdunarodnaya Bogoslovskaya Konferentsiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Moskva, 13–16 noyabrya 2007 g.). T. II. Evharistiya: Bogoslovie. Svyaschenstvo. M., 2009.
- Zhivov V. M. Dva etapa distsiplinarnoy revolyutsii v Rossii XVII i XVIII stoletiya // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53(2–3). P. 349–374.
- Zhivov V. M. Distciplinarnaya revolyutsiya i borba s sueveriem v Rossii XVIII veka: «provalyi» i ih posledstviya // *Antropologiya revolyutsii*. Sbornik statey po materialam XVI Bannykh chteniy zhurnala «Novoe literaturnoe obozrenie» (Moskva, 27–29 marta 2008 goda). M., 2009. S. 327–360.
- Zhivov V. M. *Iz tserkovnoy istorii vremen Petra Velikogo*. Issledovaniya i materialy. M., 2004.
- Zhivov V. M. *Razyiskaniya v oblasti istorii i predyistorii russkoy kultury*. M., 2002.

- Zakrzhevskiy A.G. *Arhiereyskaya vlast v sisteme tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy v pervoy polovine XVIII veka*. Dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2000.
- Kapterev N.F. *Svetskie arhiereyskie chinovniki v drevney Rusi*. M., 1874.
- Kapterev N.F. *Tsar i tserkovnyie moskovskie sobory XVI i XVII stoletiy*. Sergiev Posad, 1906.
- Kartashev A.V. *Ocherki istorii russkoy tserkvi*. T. 2. M., 2009.
- Kienkov A.A. *Tserkovnaya politika Petra I v otechestvennoy istoriografii XIX – nachala XX vv.* Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2013.
- Kozlov O.F. *Tserkovnaya reforma pervoy chetverti XVIII veka*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1970.
- Komissarenko A.I. [Rets.: Bulyigin I.A. *Monastyirskie krestyane Rossii v pervoy chetverti XVIII veka*. M., 1977] // *Istoriya SSSR*. 1979. №3. S. 189–191.
- Komissarenko A.I. *Russkiy absolyutizm i duhovenstvo v XVIII v.* (Ocherki istorii sekularizatsionnoy reformy 1764 g.). M., 1990.
- Kondrashenkov A.A. *Hozyaystvo monastyirskih i tserkovnykh krestyan v XVIII veke*. // *Tezisy dokladov i soobshcheniy XIV sessii mezhprespublikanskogo sim-poziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. M., 1972.
- Krasikov A.N. *Knizhnyie sobraniya vologodskikh monastyirey po perepisnyim knigam* // *Perepisnyie knigi vologodskikh monastyirey XVI–XVIII vv.: issle-dovanie i tekstyi* / Izd. podgot.: O.N. Adamenko, N.V. Bashnin, M.S. Cherka-sova pri uchastii A.P. Anishinoy, N.A. Baraevoy, I.N. Shaminoy i dr. Vo-logda, 2011. S. 450–457.
- Kryilov A.O. *Cheti-Minei Dmitriya Rostovskogo (K voprosu o konfessiona-lizatsii v Rossii rubezha XVII–XVIII vv.)* // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 8: Istoriya. 2013. # 1. S. 51–62.
- Kustova E.V. «Malobratstvennyiy» monastyir mezhdru dvuh epoh: iz istorii Kurinskogo Arhangel'skogo monastyirya 1676–1764 gg. // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2014. # 6. S. 48–65.
- Kuchumov V.A. *Russkoe starchestvo // Monashestvo i monastyiri v Rossii XI–XX veka: Istoricheskie ocherki*. M., 2002.
- Lavrov A.S. *Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg*. M., 2000.
- Lisovoy N.N. *Vosemnadtsatyy vek v istorii russkogo monashestva // Monashestvo i monastyiri v Rossii XI–XX veka: Istoricheskie ocherki*. M., 2002.
- Lihnitskiy I.M. *Osvyashchennyiy sobor v Moskve v XVI–XVII vekah*. Sankt-Peterburg, 1906.
- Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy tserkvi*. T. 7–8. M., 1996.
- Matison A.V. «Pisano v sih knigah nizhe sego imyanno po statyam». Opis arhiva Tverskogo arhierey'skogo doma stolnika Mihaila Fedorovicha Pushkina. 1701–1702 gg. // *Istoricheskiy arhiv*. 2019. №3. S. 148–187.
- Matison A.V. *Arhiereyskie «pomestnyie» i «obrochnyie» deti boyarskie Tverskoy eparhii XVII–XVIII vv.* // *Rossiyskaya istoriya*. 2021. №2. S. 28–40.
- Matison A.V. *Podyachie prikaznoy izbyi Tveri v XVII veke* // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Istoriya. 2020. №1(53). S. 106–122.
- Matison A.V. *Prikaznaya elita Tverskogo arhierey'skogo doma (1675–1742 gg.)* // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2020. Vyip. 92. S. 61–74.
- Matison A.V. *Arhiereyskie dvoryane, deti boyarskie i prikaznyie sluzhiteli v XVII–XVIII vekah (Tverskoy arhierey'skiy dom, 1675–1764 gg.)*. M., 2021.
- Mironov B.N. *Sotsialnaya istoriya Rossii (XVIII–XX v.)*. T. 1. SPb., 2003.
- Naletov A.G. *Gosudarstvo i monastyiri vo vtoroy polovine XVII – pervoy chetverti XVIII v. (po materialam moskovskogo Donskogo monastyirya)* // *Vestnik Mosko-*

- uskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. 1977. № 4. S. 53–62.*
- Neselovskiy A. *Chinyi hirotiesiy i hirotoniy. Kamenets Podolskiy, 1906.*
- Nikolaeva S.V. *Troitse-Sergiev monastyr v XVI — nachale XVIII veka: sostav monasheskoy bratii i vkladchikov». Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2000.*
- Nikolskiy N.K. *Opisanie rukopisey Kirillo-Belozerskogo monastyrira, sostavlenoe v XV veke. SPb., 1897.*
- Nikulin I.A. Evolyutsiya shtatov i zhalovaniya sluzhaschih Tobolskogo arhi-ereyskogo doma v 1621–1701 gg. // *Paleorossiya. Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. Nauchnyy zhurnal. 2021. № 1(13). S. 96–107.*
- Pavlenko N.I. *Petr Pervyy. M., 1976.*
- Perov I.F. *Eparhialnyie uchrezhdeniya v russkoy tserkvi v XVI i XVII vekah: (Istorko-kanonicheskiy ocherk). Ryazan, 1882.*
- Petrushevich A.S. *Arhieratikon Kievskoy mitropolii s poloviny XIV stoletiya, po spisku kontsa XVI stoletiya. Lvov, 1901.*
- Piskarev A.N. *Drevnie gramoty i akty Ryazanskogo kraia. SPb., 1854.*
- Pokrovskiy I.M. *Russkie eparhii v XVI–XIX vv., ih otkrytie, sostav i predely: Opyit tserkovno-istoricheskogo, statisticheskogo i geograficheskogo issledovaniya. T. 1: XVI–XVII vv. Kazan, 1897; T. 2: XVIII vek. Kazan, 1913.*
- Pokrovskiy I.M. *Sredstva i shtatyi velikorusskikh arhierayskikh domov so vremeni Petra I do uchrezhdeniya duhovnykh shtatov v 1764 g. Kazan, 1907.*
- Popov M.G. Materialy dlya istorii patriarha Moskovskogo Pitirima // *Hristianskoe chtenie. 1890. № 9–10. S. 489–492.*
- Preobrazhenskiy A.A. *Ural i Zapadnaya Sibir v kontse XVI — nachale XVIII v. M., 1972.*
- Prokofeva L.S. Povinnosti i platezhi kreystyan Kirillo-Belozerskogo monastyrira v pervoy chetverti HVIII v. // *Voprosyi agrarnoy istorii Evropeyskogo Severa. Vyip. 4. Vologda, 1973. S. 230–250.*
- Raskin D.I. Krestyanskie chelobitnyie v krupnoy monastyriskoy votchine v pervoy chetverti XVIII v. // *Problemy feodalnoy istorii Rossii. L., 1971. S. 186–194.*
- Resnyanskiy S.I. *Rossiyskaya istoriografiya vzaimootnosheniy gosudarstva i tserkvi v period petrovskikh preobrazovaniy. Dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2001.*
- Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 6. SPb., 1880.*
- Salimov A.M. Kamennoe stroitelstvo v tverskom Otroche monastyre vo vtoroy polovine XV–XVI vv. // *Arhitekturnoe nasledstvo. 2011. № 55. S. 40–50.*
- Sedov P.V. «Vsede nyine gosudarevo»: traditsii i novatsii v tserkovnoy reforme Petra I // *Fenomen reform na zapade i vostokey Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.). Sbornik statey. SPb., 2013. S. 122–124.*
- Sedov P.V. Snyatie tserkovnykh kolokolov dlya litya pushek v nachale Severnoy voyny // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2014. № 1. S. 25–40.*
- Sivkov K.V. K istorii zemlevladieniya v Rossii v nachale XVIII v. // *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie obsch. nauk. 1933. № 3. S. 214–217.*
- Sirenov A.V. O biblioteke Makarevskogo Zheltovodskogo monastyrira v XVII v. // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2013. T. 4. № 1. S. 7–14.*
- Slitsan B.G. Reforma tserkovnogo upravleniya // *Ocherki Istorii SSSR. Period feodalizma. Rossiya v pervoy chetverti XVIII veka. Preobrazovanie Petra I. M., 1954. S. 371–381.*
- Smolich I.K. *Istoriya russkoy tserkvi. M., 2004.*
- Smolich I.K. *Russkoe monashestvo: 988–1917. M., 1917.*
- Sokolova N.V. Opisanie tserkovno-monastyriskikh vladieny v protsesse sekulyarizatsii nachala XVIII v.: Opyit rekonstruktsii (na materialah Nizhegorodskogo uezda) // *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii: Me-*

zhvuzovskiy tema-ticheskiy sbornik nauchnykh trudov. Kaliningrad, 2008. S. 44–60.

Sukina L. B. Kontseptsiya «konnfessionalizatsii» — odna iz vozmozhnykh paradigim izucheniya Russkoy istorii XVI–XVII vekov? // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kulturologiya. Religiovedenie. 2014. № 2. S. 115–119.

Troitskiy N. Tsarskie zhalovannyye i patriarshie nastolnyie gramoty, dannyye episkopom Kolomenskim i Kashirskim // *Chteniya v Obschestve lyubiteley duhovnogo prosvescheniya*. 1882. Kn. IX. Sentyabr.

Ustinova I. A. Vysshaya tserkovnaya ierarhiya Russkoy pravoslavnoy tserkvi 1620–1640-h gg. // *Istoriya Rossii s drevneyshih vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novyye vzglyady*. M., 2019. S. 22–27.

Ustinova I. A. K voprosu o datirovke chinov postavleniya episkopa vtoroy poloviny XVII v. // *Kompleksnyy podhod v izuchenii Drevney Rusi*. Sbornik materialov H mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Prilozhenie k zhurnalu «Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki». 2019. S. 204–205.

Ustinova I. A. Sbornik hirotoninykh obeshchaniy russkikh arhiereev posledney treti XVII v. iz Sinodalnogo sobraniya GIM // *Vspomogatelnyie istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii*. M., 2019. S. 404–406.

Ustinova I. A. Podhodyy k publikatsii nastolnykh gramot russkikh patriarhov XVII v. // *Rus, Rossiya. Srednevekovye i Novoe vremya*. 2019. # 6. S. 152–155.

Hyuz L. *Petr Pervyiy. U istokov velikoy imperii*. M., 2007.

Hyuz L. *Rossiya v epohu Petra Velikogo*. M., 1998.

Tsyipin V., prot. *Istoriya russkoy pravoslavnoy tserkvi*. Sinodalnyiy i noveyshiy periody. 1700–2005. M., 2012.

Tsyipin V. A., prot. Gosudarstvennaya tserkov // *Pravoslavnaya entsiklopediya*. T. 12. M., 2006. S. 199, 200.

Chekunova A. E. Istochniki po urozhaynosti monastyrskikh votchin v pervoy chetverti XVIII v. (po fondam Donskogo monastyirya) // *Tezisy dokladov i so-obscheniy XIV sessii mezhpublikanskogo simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. Vyip. 1. M., 1972.

Cherkasova M. S. *Arhivny vologodskikh monastyirey i tserkvey XV–XVII vv.: Issledovanie i opyt rekonstruktsii*. Vologda, 2012.

Cherkasova M. S. Velikoustyuzhskiy arhiereyskiy dom: otkrytie i nachalnyi etap deyatel'nosti (1682–1700 gg.) // *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2017. № 1/2(45/46). S. 193–271.

Cherkasova M. S. *Vologda i Ustyug v epohu Petra I (kraevedcheskie ocherki)*. Vlogda, 2021. S. 62–75.

Cherkasova M. S. Gosudarstvennaya reviziya vologodskikh monastyirey v nachale XVIII v. // *Upravlenie i ekonomika: opyt, teoriya, praktika. Materialy nauchnoy konferentsii (Vologda, 10–11 aprelya 2009 g.)*. Vologda, 2009. S. 132–145.

Cherkasova M. S. K karakteristike monastyrskikh arhivov Rossii XVI–XVII vv. (Ch. 2) // *Arheograficheskiy ezhegodnik za 2004 g.* M., 2005. S. 30–45.

Cherkasova M. S. Ob evolyutsii kompleksa monastyrskikh opisnykh knig v XV–XVI vv. // VII Ushakovskie chteniya: Sbornik nauchnykh statey. Murmansk, 2011. S. 206–207.

Chistovich I. A. *Feofan Prokopovich i ego vremya*. SPb., 1868.

Shabanova A. M. Organizatsiya oblozheniya vladelcheskimi povinnostyami kre-styan Aleksandro-Svirskoy votchiny v pervoy polovine XVIII v. // *Problemy istorii feodalnoy Rossii*. L., 1971.

Shamin S. M., Shamina I. N. Pechatnyie knigi v biblioteke tul'skogo Ioanno-Predtechenskogo monastyirya v 1701 g.: k voprosu o vyitesnenii iz obihoda ru-kopisnykh knig // *Vspomogatelnyie istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii*. Materialy XXXIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. M., 2020. S. 446–449.

- Shamina I. N. Dokumenty po istorii Grigorieva Pelshenskogo monastyrya XVII — nachala XVIII v. // *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2011. № 3/4 (23/24). S. 30–63.
- Shamina I. N. Arhiv Troitskogo Belopetsotskogo monastyrya na rubezhe XVII–XVIII v. // *Kompleksnyy podhod v izuchenii Drevney Rusi. Sbornik materialov X mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Prilozhenie k zhurnalu «Drevnyaya Rus. Voprosy i medievistiki». M., 2019. S. 232–233.
- Shamina I. N. Dokumenty po ranney istorii orlovskogo Vvedenskogo devichya monastyrya // *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2018. № 3/4(51/52). S. 29–39.
- Shamina I. N. Ogrady russkikh monastyrey nachala XVIII v. po perepisnyim knigam 1701–1702 gg. // *Zhizn i smert v Rossiyskoy imperii. Novyye otkryitiya v oblasti arheologii i istorii Rossii XVIII–XIX vv.* / Отв. ред. L. A. Belyaev, V. N. Zaharov. M., 2020. S. 101–117.
- Shamina I. N. Opis imuschestva vologodskogo Pavlova Obnorskogo monastyrya 1701–1702 godov // *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2010. № 1/2(17/18). S. 17–107.
- Shamina I. N. Perepisnaya kniga vologodskogo Spaso-Nuromskogo monastyrya i ego votchinyi 1701–1702 gg. // *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2020. № 1/2(57/58). S. 5–37.
- Shamina I. N. Perepisnaya kniga Uspenskoj Semigorodney pustyini Vologodskogo uezda 1702 g. // *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2017. № 1/2(45/46). S. 99–111.
- Shamina I. N. Perepisnyie knigi kolomenskikh Spaso-Preobrazhenskogo, Golutvina, Bobreneva i Brusenskogo monastyrey 1701 g. // *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2017. № 3/4(47/48). S. 96–226.
- Shamina I. N. Prakticheskaya realizatsiya pervogo etapa tserkovnoy reformy Petra I (1701–1703 gg.) // *Rossiyskaya istoriya*. 2021. № 4. S. 60–73.
- Shamina I. N. Prepodobnyy Innokentiy Komelskiy i osnovannyiy im monastyr // *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2009. № 1/2(13/14). S. 26–99.
- Shamina I. N. Chto hranilos v monastyrskoy kladovoy: predmetnyy mir russkogo monastyrya rubezha XVII–XVIII vv. // *Ot Smuty k imperii: novyye otkryitiya v oblasti arheologii i istorii Rossii XVI–XVII vv.* M.; Vologda, 2016. S. 487–493.
- Shimko I. I. *Patriarshiy Kazennyiy prikaz. Ego vneshnyaya istoriya, ustroystvo i deyatelnost*. M., 1894.
- Shtayndorf L. Monasheskaya kultura kak sposob obschestvennogo distsiplinirovaniya v Moskovskoy Rusi: obscheevropeyskiy obrazets // *Russkaya religioznost: problemy izucheniya*. SPb., 2000. S. 276–283.
- Cracraft J. *The Church Reform of Peter the Great*. Stanford, 1971.
- Cracraft J. *The Petrine Revolution in Russian Architecture*. Chicago, 1988.
- Cracraft J. *The Petrine Revolution in Russian Imagery*. Chicago, 1997.
- Cracraft J. *The Petrine Revolution in Russian Architecture*. Cambridge (Mass.), 2004.
- Gorski Ph. S. *The Disciplinary Revolution: Calvinism, Confessionalism and the Growth of State Power in Early Modern Europe*. Chicago, 2003.
- Russell E. Martin. The Petrine Divide and the Periodization of Early Modern Russian History // *Slavic Review*. 2010. № 69(2). P. 410–425.
- Schilling H. *Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society*. Essays in German and Dutch History. Leiden: Brill, 1992.
- Shamin S. M., Shamina I. N. Biblioteki russkikh monastyrei v nachale pravleniia Petra I. K voprosu o roli monastyrskikh sobranii v knizhnom potreblenii i razvitii knizhnogo rynka // *Cahiers du Monde russe*. 2020. T. 61. № 1. C. 51–65.

**М. В. Ефимов, Н. Л. Елисеев,
О. Ю. Сконечная**

Д. Святополк-Мирский. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И СОВЕТЫ

Публикация, вступительная статья и комментарии М. Ефимова и Н. Елисеева, перевод с французского О. Сконечной

В российский научный оборот впервые вводится статья о Петре Первом, написанная по-французски литературным критиком и историком литературы кн. Д. П. Святополк-Мирским (1890–1939). Опубликованная во французском журнале “Vu” статья представляет собой интерес не только предлагаемой Святополк-Мирским оценкой деятельности Петра Первого, но и как ценное свидетельство идеологической метаморфозы, которую Святополк-Мирский претерпел в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: Святополк-Мирский, Петр Первый, Ленин, Сталин, Эмиль Людвиг, СССР, Россия, история, “Vu”.

Сведения об авторах:

Ефимов Михаил Витальевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник» (г. Выборг, Ленинградская область).

Контактная информация: mikhail.v.efimov@gmail.com

Елисеев Никита Львович — литературный критик, переводчик, Санкт-Петербург.

Контактная информация: Neliseew@gmail.com

Сконечная Ольга Юльевна — кандидат филологических наук, PhD, исследовательский центр Eur’Orbem (Paris-Sorbonne).

Контактная информация: oskonechnaya@gmail.com

M. Efimov, N. Eliseev, O. Skonechnaya

D. SVYATOPOLK-MIRSKY. PETER THE GREAT AND THE SOVIETS

Publication, introductory article and comments — M. Efimov and N. Eliseev, translation from French by O. Skonechnaya

The present publication introduces an article of 1931 in French by D. P. Sviatopolk-Mirskii (Prince D. S. Mirsky, 1890–1939), the literary critic and historian

of literature. Published in French magazine “Vu”, apart from its importance in illustrating Sviatopolk-Mirskii’s views on Peter the Great, the article offers valuable testimony concerning the ideological metamorphosis of Sviatopolk-Mirskii in late 1920s. It has not previously been translated to Russian language.

Key words: Sviatopolk-Mirskii, Peter the Great, Lenin, Stalin, Emil Ludwig, USSR, Russia, history, “Vu”.

About the authors:

Efimov Mikhail Vitalievich — Cand. of Philology, Senior Researcher, Vyborg United Museum (Vyborg, Leningrad Region).

Contact information: mikhail.v.efimov@gmail.com

Eliseev Nikita Lvovich — literary critic, translator, St. Petersburg

Contact information: Neliseew@gmail.com

Skonechnaya Olga Yulievna — Cand. Of Philology, PhD, Research Center Eur’Orbem (Paris — Sorbonne)

Contact information: oskonechnaya@gmail.com

18 ноября 1931 г. в парижском журнале “Vu” («Взгляд»), в тематическом номере, посвященном СССР, было напечатано — на французском языке — эссе Дмитрия Святополк-Мирского «Петр и Советы» (*Mirsky* 1931a: 2535–2536). Текст находился вне поля зрения исследователей до 1997 г., когда его републиковали в Великобритании Джеральд Смит и Ричард Дэвис (D.S. Mirsky 1997: 33–43). Ныне, в год 350-летия со дня рождения первого русского императора, русский читатель получает возможность впервые ознакомиться с переводом на русский язык этого текста.

Князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (далее: Мирский) (1890–1939) — выдающийся историк литературы и литературный критик. В 1920–1932 гг. находился в эмиграции в Европе, в 1932 г. уехал в СССР, где и погиб через семь лет.

На протяжении своей недолгой жизни Мирский выступал в нескольких социальных ролях, часто совмещая их. Он был и профессиональным во-

енным, и переводчиком-полиглотом, и филологом, и участником евразийского движения. Мирский проявил себя также и как разносторонний историк России (*Святополк-Мирский* 2015: 331–381). Более того, обсуждая в начале 1930 г. со своим коллегой М. Флоринским возможность переезда из Европы в США, Мирский специально подчеркивал: «...специальность моя не литература, а история» (*Smith* 1994: 133).

Идеологическая метаморфоза, которую Мирский претерпел в эмиграции на протяжении 1920-х, привела его ко все более левым взглядам. В конце 1920-х гг. Мирский уже отождествляет свои взгляды с марксистской идеологией в целом, и — применительно к изучению истории — с концепцией исторического материализма.

Потому написанный Мирским в 1931 г. по-французски текст о Петре Первом меньше всего можно считать беспристрастным анализом академического историка. Это — идеологический текст. Потому и ме-

сто его публикации представляет отнюдь не факультативный интерес.

Журнал “Vu” был создан в 1928 г. Люсьеном Вожелем. В 2009 г. опубликовано исследование под красноречивым заголовком — «Журнал, создавший эпоху» (*Frizot, Veigy 2009*). Дизайнером журнала работал Александр Либерман, будущий создатель журнала “Vogue”. Фотографами журнала были Картье-Брессон, Ман Рей, Андре Кертеш. В редакционной статье первого номера журнала (фактически, его манифесте) были сформулированы задачи нового периодического издания. В изложении современной исследовательницей Пенелопой Рук они таковы: «... ни один из существующих журналов не обращается к такому широкому спектру тем, какой надеется охватить VU, публикуя разнообразные материалы, отражающие “стремительный ритм современной жизни” (*le rythme précipité de la vie actuelle*). Журнал задуман так, чтобы рассказывать обо всем, что происходит в мире; его страницы будут “переполнены фотографиями” (*bourrées des photographies*), а сам он будет “срежиссирован, подобно прекрасному фильму” (*animé comme un beau film*)» (*Рук 2020: 155–156*). Эту программу журнал и воплощал с 1928 по 1940 гг. По сути, он создал новый тип периодического издания, без которого были бы невозможны ни “Life”, ни “Look”.

Эстетическое кредо “Vu” вполне определено. Его создатель и его сотрудники были близки к эстетическому авангарду Европы, конструк-

тивистам и сюрреалистам. Не менее ясно и политическое кредо журнала. Это был левый, антифашистский, близкий к французским коммунистам печатный орган. Близкий настолько, что дочь главного редактора и сотрудница журнала, эссеистка и фотограф, Мари-Клод Вожел, стала женой одного из создателей Французской коммунистической партии, Поля Вайяна-Кутюрье. Таким образом, сотрудничество с журналом Мирского в его марксистский период жизни можно считать вполне закономерным.

Текст в “Vu” относится к последнему году пребывания Мирского в Европе. В сентябре 1931 г. в журнале “La Nouvelle Revue française” Мирский опубликовал программную статью «История одного освобождения»¹. В ней Мирский — русский аристократ, ветеран двух войн, мировой и гражданской, бывший белогвардеец, бывший евразиец — объясняет, как и почему он стал марксистом. Статья Мирского в “Vu”, таким образом, становится своеобразной демонстрацией того, как он применяет или будет применять марксистский метод в своих печатных трудах. Или, говоря другими словами, честная демонстрация того, как он собирается служить тем и тому, в чей лагерь он переходит.

Еще до своих выступлений на французском языке Мирский откровенно сформулировал это в личном письме к М. Горькому от 30 декабря 1929 г., ходатайствующему за него и за его друга, Петра Сувчинского, перед Сталиным: «...во-первых, меня дви-

¹ Сокращенный вариант был опубликован по-русски в феврале 1932 г. в «Литературной газете».

гает не советский патриотизм, а ненависть к буржуазии международной и вера в социальную революцию всеобщую; во-вторых, что я совсем не хочу быть советским обывателем, а хочу быть работником ленинизма. *Коммунизм мне дороже СССР...*» (Ефимов, Смит 2021: 523).

В конце 1920-ых гг. Мирский написал по-английски книгу о Ленине, в которой в полной мере выразил свои новые взгляды. Однако, ни личное письмо, ни книга не сопоставимы, конечно, со статьёй в журнале, рассчитанном на самую широкую аудиторию, от интеллектуалов и эстетов до простого потребителя.

Здесь же следует обратить внимание на то, *как*, в свою очередь, ходатайствовал Горький перед Сталиным (письмо от 17 февраля 1930 г.) за двух эмигрантов (Сувчинского и Мирского), перешедших на советские позиции. — «Это — здоровые энергичные парни, в возрасте 30–35 лет, широко образованные, хорошо знают Европу. Мирский показался мне особенно талантливым, это подтверждается его статьями об эмигрантской литературе и книгой о текущей нашей. За эту работу эмиграция возненавидела его, и он принужден был уехать в Лондон, где сейчас пишет книгу о Ленине. У него и у Сувчинского широкие связи среди литераторов Франции и Англии.

У нас им делать нечего <Курсив наш. — М. Е., Н. Е.>. Но я уверен, что они могли бы организовать в Лондоне или в Париже хороший еженедельник и противопоставить его прессе эмигрантов <...> Книгу о В. И. <Ленине><Мирский> пишет по-ан-

глийски. В “Британской энциклопедии” помещена его статья о В<лади-мире> И<льиче>, в ней он называет В. И. “гением”. За это и потерпел от эмигрантов» (Ефимов, Смит 2021: 516).

Новых «работников ленинизма» Горький предлагал использовать не «у нас» (в СССР), а на Западе, где у них «широкие связи среди литераторов Франции и Англии». Это предложение, судя по всему, было известно и в среде, далекой от СССР. В. Набоков написал Глебу Струве в декабре 1932 г., что Мирский вместе с Бабелем будет издавать про-советский еженедельник в Париже (Ефимов, Смит 2021: 539).

В свой «евразийский» период Мирский спрашивал Сувчинского: стремимся ли <мы>влиять на Сталина?» (Ефимов, Смит 2021: 456). Представляется, что вопрос, заданный в марте 1929 г., нашел косвенный ответ в событиях конца 1931 г.

13 декабря 1931 г. Сталин дал первое интервью иностранному корреспонденту, немецкому писателю Эмилю Людвигу. Первый же вопрос, который задал Эмиль Людвиг Сталину, был: «...допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра?» (Сталин 1951: 104). По сути, это парафраз начала статьи Мирского в журнале “Vu” — *без упоминания* Сталина.

Тем значительнее ответ Сталина: «Да, конечно, Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал

очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры. Что касается меня, то я только ученик Ленина и цель моей жизни — быть достойным его учеником. Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении другого класса, а именно — рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо “национального” государства, а укрепление государства социалистического, и значит — интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса. Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной. Вы видите, что Ваша параллель не подходит. Что касается Ленина и Петра Великого, то последний был каплей в море, а Ленин — целый океан» (*Сталин* 1951: 105).

Сходство высказываний Мирского и Сталина позволяет предположить их неслучайный характер.

Однако даже если допустить, что не только Э. Людвиг, но и Сталин ознакомился — в переводе — со статьей Мирского, можно предположить, что на собеседников в той или иной степени оказал влияние не только текст

статьи, но и его визуальное решение, т.е. — иллюстративный ряд.

На иллюстрации к журнальному тексту обратили особое внимание первые републикаторы статьи, Дж. Смит и Р. Дэвис, хотя и в ином контексте. Попытаемся восполнить этот пробел для российского читателя.

Первая фотография: На всю страницу — Ленин на митинге по поводу советско-польской войны 1920 г. Заметим, что в личном, биографическом плане эта фотография должна была быть важна для Мирского, бывшего денкинца. Корпус генерала Бредова, в котором воевал князь Святополк-Мирский, в самом начале советско-польской войны был интернирован на территории Польши. Белогвардейцы отказались воевать на стороне Польши Пилсудского против России, хотя бы и ленинской. Именно тогда для князя Святополк-Мирского и окончилась Гражданская война, он совершил побег из лагеря, после чего начались его годы в эмиграции.

На другой странице в текст врезана фотография фрагмента «восковой персоны», лицо Петра. Создается визуальный контрапункт: Ленин — огромен, лицо Петра — маленькое. Ленин — яростно говорящий, чуть ли не кричащий, Петр — застывший, с остановившимся взглядом. С одной стороны — революционер, с другой — царь.

На следующей странице — ступенчатые фотоврезки в текст. «Медный всадник» Фальконе, по изогнутой бронзовой змее карабкаются по скале-постаменту дети, внизу — памятник

Ленину у Нарвских ворот. У поста-мента — толпа. Фотографии смонтированы так, что Ленин указывает вверх на «Медный всадник». Здесь снова — контрапункт. Фамильярное вскарабкивание детей на памятник Петру и грозный жест революционера — на царя. Последняя страница вся целиком занята фотографией: рабочие у саркофага Ленина.

Весь изобразительный ряд встро-ен в содержание статьи. Ленин и Петр — скорее враждебны друг другу, чем родственны. В тексте Мирского 1931 г. и иллюстрациях к нему на последней странице дол-жен, казалось бы, быть верный уче-ник и продолжатель дела Ленина — Сталин, а не сгрудившиеся вокруг саркофага вождя скорбящие рабочие и работницы. Однако никакого «про-должателя» в публикации нет.

При этом, сам Сталин в «Петре и Со-ветах» один раз даже назван по фа-милии: «Цель Петра заключалась в том, чтобы сделать из России дере-венской, отсталой и бедной, Россию, экономически равную индустриаль-ным странам Запада. Эта цель ка-жется вполне схожей (что признает даже Сталин) с той, что ставит перед собой Республика Советов».

В финале своей статьи Мирский не просто солидаризуется с полити-кой Сталина, разгромившего левую оппозицию Троцкого и Зиновьева и «правый уклон» Бухарина и осу-ществившего «великий перелом» в деревне, он пропагандирует ее. Мирский ясно пишет, что эта поли-тика в равной степени и ленинская, и марксистская, спасительная для дела мировой революции.

При этом двух противников Стали-на, Троцкого и Бухарина, Мирский называет по фамилиям, а сам Сталин представлен как один из безымянно-коллективных «коммунистических руководителей». Поскольку в «Ис-тории одного освобождения» (1931) Мирский аттестовал «Основы ле-нинизма» Сталина как «совершен-но замечательную книгу», которая является «мастерским изложением мыслей учителя его самым великим и лучшим учеником» (Ефимов, Смит 2021: 482), у нас нет оснований пред-полагать, что Мирский намеренно избегал в тексте для журнала «Vu» параллели «Ленин — Сталин».

В своей французской статье Мир-ский противопоставляет Петра Пер-вого Ленину, а анализ достижений Петра дает, опираясь на труды глав-ного русского/советского историка-марксиста М. Н. Покровского.

В 1931 г., в книге “Russia. A Social History” Мирский писал, что общая схема русской истории, предложенная Покровским, сделала устаревшими все предшествующие (Mirsky 1931b: VIII). Мирский уже находился в СССР, ко-гда в 1933 г. в Лондоне вышел выпол-ненный им перевод «Истории России» Покровского (Pokrovskii 1933).

В 1936 г. в СССР начнется широкая компания по развенчанию «антипа-триотической» и «очернительской» концепции Покровского.

Известный афоризм Покровского, «история — это политика, опрокину-тая в прошлое», для Мирского поте-рял свой смысл, когда он решил стать «работником коммунизма». Рабо-тник строит будущее. Потому Мир-

ский из филолога решил стать историком, чтобы перестать быть и им и превратиться в строителя коммунизма. Вместо «истории» («истории вчерашнего дня») — еще ненаписанная история дня завтрашнего.

В 1929 г. А.Н. Толстой начал работать над романом «Петр Первый». В 1934 г. были опубликованы две его первые книги. Начинаясь поворот в советской исторической идеологии. Мирский же в статье 1931 г. проводил исторические параллели того рода, о которых Сталин в беседе с Людвигом произнес знаменитые слова: «Исторические параллели всегда рискованны». Сталин мог позво-

лить себе рисковать, Мирский — как показало его скорое будущее — нет.

Неизвестные ни Мирскому, ни Сталину слова М. Волошина в поэме «Россия» (1924), «Великий Петр был первый большевик», звучат как эпитафия с вопросительным знаком к статье, которая девятью годами спустя приходит к русскому читателю.

Благодарим Дж. Смита, Р. Дэвиса, Е.В. Анисимова, П. Кинана за разнообразные помощь и содействие в подготовке публикации.

Д. Святополк-Мирский ПЕТР ВЕЛИКИЙ И СОВЕТЫ

Когда в 1920 году Жорж Сорель первым сравнил Ленина с Петром Вели-

ким, он, наверняка, полагал, что честует и прославляет Ленина².

² Сорель Жорж (Georges Sorel, 1847–1922) — французский анархо-синдикалист, автор книги «Размышления о насилии» (“Réflexions sur la Violence”, 1908), оказавшей влияние как на крайне правых политиков (Б. Муссолини), так и на крайне левых (Че Гевара).

В сентябре 1919 г. Сорель опубликовал заметку «За Ленина» (“Pour Lenine”, вошла в состав четвертого издания «Размышлений о насилии», вышедшего в 1920 г.), о которой Виктор Чернов в своей работе 1925 года «Конструктивный социализм» писал: «Максиму Горькому, кажется, первому пришла на ум “блестящая” мысль сравнить Ленина с Петром Великим. Но он не остался в этом отношении одиноким. Жорж Сорель, прочитав в буржуазной швейцарской газете слова о том, что Ленин весь пропитан духом сорелевской апологии насилия, немедленно — в сентябре 1919 года — откликнулся на них заметкой “За Ленина”. “У меня — писал он — нет никакого положительного основания предположить, что Ленин черпал свои идеи из моих книг; но если бы это было так, я не мало гордился бы тем, что участвовал в идейном формировании человека, который представляется мне одновременно самым крупным теоретиком социализма со времени Маркса и главою государства, гений которого напоминает гений Петра Великого <...> Можно было бы сказать — прибавляет Сорель, — что Ленин хочет, подобно Петру Великому, форсировать историю (forcer l’histoire)”. И, ставя все точки над i, поясняет: “слово forcer взято здесь в смысле, весьма близком к тому, какой оно имеет у садовников” (“Pour Lenine”, appendice III, в “Réflexions sur la Violence”, p. 442 и 443)» (Чернов 1997: 142–143).

Заметка Сореля в переводе на английский язык была также опубликована весной 1920 г. в официальном органе советского правительства в США (Sorel 1920: 356).

В 1920 г. в своей речи по случаю пятидесятилетия Ленина М. Горький сравнивал Ленина и Петра: «... есть люди, значение которых как-то не объемлется человеческим словом. Русская история, к сожалению, бедна такими людьми. Западная Европа знает их. Вот, например, Христофор Колумб... И мы можем назвать в Западной Европе целый ряд таких людей, — людей, которые как будто играли как бы каким-то рычагом, поворачивая историю в свою сторону. У нас в истории

Когда четыре года спустя Петроград был переименован в Ленинград, только русские эмигранты и их идейные союзники кричали об осквернении памяти императора³. Сегодня необязательно быть коммунистом, чтобы считать, что сравнение Сореля было чересчур лестным для Петра.

Личность этого царя, несомненно, сильно поразила воображение современников. С одной стороны, философы, с другой — русская традиция сделали все, чтобы придать Петру гигантский масштаб. XVIII век создал из него полубога, даже бога. Русский поэт, живший во время правления его дочери Елизаветы, дошел до того, что назвал место рождения императора «Русским Вифлеемом»⁴.

был, — я бы сказал: почти был, — Петр Великий таким человеком для России. Вот таким человеком только не для России, а для всего мира, для всей нашей планеты является Владимир Ильич» (*Горький* 1953: 204).

³ Переименование Петрограда в Ленинград вызвало волну откликов в эмигрантской печати. Напр.: «Петербургский совет по переданному по телеграфу из Москвы предложению Зиновьева постановил переименовать Петербург в Ленинград. Предложение переименовать чудесное творение Петра, разрушенное коммунистами, должно было исходить именно от Зиновьева, который и у товарищей иначе не называется, как Гришкой» (Руль 1924: 1; Последние новости 1924: 1). «Через несколько дней исполняется 200-летие смерти Петра Великого. В какой трагический момент нашей истории приходится отмечать это событие и как совпадает оно, почти совпадает, с отменой Петербурга, с этой яркой иллюстрацией к теме о благодарности потомков, говорить не приходится. <...> наша родина не послушалась великого поэта, не исполнила его завещания: “Красуйся, Град Петров, и стой неколебимо, как Россия”: переименовала она все имена — и теперь нет Петербурга, нет Петрограда, нет России» (*Каменецкий* 1925).

«Идейными союзниками» эмигрантов Мирский называет интеллигентов, оставшихся в Советской России, очень долгое время упорно называвших Ленинград Петербургом.

⁴ Имеется, в виду поэт, драматург и переводчик А. П. Сумароков (1717–1777) и его стихотворение о селе Коломенском, в котором (по ошибочному мнению Сумарокова) родился Петр: «*Российский Вифлеем: Коломенское село, / Которое на свет Петра произвело! / Ты счастья нашего источник и начало*» (*Трудолюбивая Пчела* 1759: 140).

Мирский мог встречать отсылки к «Российскому Вифлеему» Сумарокова в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (т. 26, гл. 3) и в «Русской истории» К. Н. Бестужева-Рюмина (Санкт-Петербург, 1872, т. 1).

Мирский упоминает образ Сумарокова в своей книге “Russia. A Social History” (*Mirsky* 1931b: 207).

⁵ Неточная цитата из записок датского аптекаря (отнюдь не сподвижника Петра) Сайделина о пребывании русского царя в Копенгагене в 1716 г., в свою очередь процитированных священником Иоанном Щелкуновым в его статье «Житье-бытье Петра Великого в Дании»: «Он похож был на унтер-офицера или скорее на палача» (*Щелкунов* 1915: 246).

Петр — мифологический герой а, значит, едва ли не религиозный символ, но он ведь еще и персонаж романа, что не под силу никакому Достоевскому или Бальзаку, ведь если мы посмотрим на этого варварского монарха глазами художника или литератора, то увидим рыжеватого, прозаического человека, которого многие его сподвижники при первой встрече принимали за маркитанта⁵; садиста, душившего людей самым неромантичным способом

Если мы рассматриваем только исторический результат деятельности Петра и Ленина, то, несомненно, можем поставить их рядом. Разве не были они оба революционерами, разве не стали революции, с которыми связаны их имена, событиями перво-степенной важности для их стран?

Для тех, кто утверждает, что ленинская революция явилась важным событием только для России и не считает, что русский Октябрь лишь поднял занавес Октября мирового, вполне естественно говорить о Царе и Коммунисте как о величинах сходного порядка.

Между тем ясно, что роль Петра весьма отличалась от роли Ленина. Ленин был не только человеком действия, он был марксистом, то есть политиком, который знал, что он делает и куда идет; политиком, для которого практика была лишь выводом из теории; политиком, который, прилагая открытые Марксом законы диалектики, к революционной действительности, создал новый тип политического действия и превратил то, что до той поры было игрой случая, в научную технологию, победившую постольку, поскольку давала возможность предвидеть возможность победы.

Революционный характер реформы Петра Великого неоспорим. Речь идет не только о «европеизации» костюма, прически, типографских шрифтов, светского и административного, вокабуляра: все это только символ и показатель изменений куда более глубоких. Административные приемы, которыми пользовался

Петр, были от начала и до конца революционными.

Его действия никогда не совершались на основании реформы существовавших институций, но каждый раз он создавал новые институции, и именно внутри них осуществлял свои реформы.

Новые административные органы были созданиями *ad hoc*, революционными комитетами сравнимыми с комитетами Конвента⁶. Правосудие, в чистом виде творческое, действовало, нимало не заботясь о законности или о прецеденте. В целом режим Петра был революционной диктатурой, то есть властью, свободной от всякой законности и традиции. Впрочем, революция Петра была парадоксальна. Ее парадокс состоял в том, что вождь революции был в то же время представителем традиционной законности. Он был порожден всем тем, что собирался уничтожить.

Цель Петра заключалась в том, чтобы сделать из России деревенской, отсталой и бедной, Россию, экономически равную индустриальным странам Запада. Эта цель кажется вполне схожей (что признает даже Сталин⁷) с той, что ставит перед собой Республика Советов.

⁶ Конвент — высший законодательный и исполнительный орган первой французской республики во время Великой французской революции (1789–1794), созданный после восстания 10 августа 1792 г., свергнувшего монархию. Сравнение деятельности Петра с деятельностью Конвента и его комитетов очень часто в текстах важного для Святополк-Мирского мыслителя, А. И. Герцена. Напр.: «Петр, как все революции, был исключительно, односторонне предан одной идее и ее развивал всеми средствами, даже доходил до жестокостей, как Реформация, как французский Конвент» (Герцен 1954: 53; статья впервые опубликована М. К. Лемке в журнале «Былое» в 1907 г.).

⁷ Святополк-Мирский, вероятно, имеет в виду цель ВКП (б), сформулированную Сталиным в политическом отчете ЦК ВКП (б) на XIV съезде ВКП (б) 18 декабря 1925 года: «...мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке» (Сталин 1952: 299).

Для последней индустриализация и американизация, вытеснившие европеизацию, являются не самыми важными составными частями плана, куда более обширного, в соответствии с которым бедная и отсталая Россия должна стать примером и авангардом для более развитых стран.

Экономический прогресс, каким задумал его Петр, должен был, по сути, служить лишь национальным целям, то есть привести к огромному росту военной и политической мощи империи царей. Поэтому, вернее всего сравнивать реформу Петра Великого с императорской революцией в Японии, кемалистской революцией в Турции или преобразованиями Амануллы в Афганистане⁸.

Сколько ни проводи параллели между методами революционной диктатуры, которыми пользовался Петр, с методами советского правительства — разница остается: диктаторские действия большевиков всегда были выражением интересов, желаний и настроений в той или иной степени сознательных, в той или иной степени отчетливых, широких масс трудящихся; они получили одобре-

ние в той или иной степени молчаливое, рабочих и крестьян, в то время как диктаторские действия Петра Великого были только выражением интересов и воли правящего меньшинства, основной потребностью которого было найти способ лучше эксплуатировать крестьянские массы.

Европеизация, за которую взялся Петр, была лишь трансформацией московского феодального и крепостнического общества в современное ему европейское, то есть, в основе своей буржуазное, и переходом власти из рук высшего духовенства и бояр в руки торговой буржуазии и крупных промышленников.

Однако противоречия программы реформаторов сделали европеизацию российского общества невозможной. Первым среди них была необходимость завоевания торговых путей и прежде всего балтийского побережья. Это завоевание, необходимое для успешного осуществления буржуазной программы, было вдвойне выгодно для крепостнической знати. Завоевание — это война, война — это власть в руках армии, то есть знати. С самого начала мо-

⁸ «Императорская революция в Японии», «Мэйдзиисин» (Реставрация Мэйдзи или Революция Мэйдзи) — комплекс вестернизаторских реформ в Японии (1869–1889), проведенных императором Мэйдзи (Муцухито, Meiji, Meiji-tenno; 1852–1912).

«Кемалистская революция» — турецкая революция 1918–1923, чей лидер Мустафа Кемаль Ататюрк (Mustafa Kemal Atatürk; Гази Мустафа Кемаль-паша, Ghazi Mustafa Kemal Pasha; 1881–1938) стал первым президентом Турецкой республики. По внешним проявлениям кемалистское движение и впрямь можно сравнить с петровскими реформами: новый (европейский) шрифт — латиница, запрет носить фески, появление фамилий. Первой турецкой фамилией стала фамилия Кемаль — Ататюрк, «отец турок».

«Преобразования Амануллы» — реформы Аманулла-хана (Ghazi Amanullah Khan; 1892–1960), эмира и короля (с 1926 г.) Афганистана (1918–1929). Попытка провести структурные антифеодальные реформы в стране вызвала яростное сопротивление крестьянства. В 1929 г. был свергнут, бежал в Швейцарию, где и умер.

Святополк-Мирский перечисляет структурные вестернизаторские реформы в странах Востока, проводившиеся властью в интересах государства и появляющихся буржуазии со средним классом, часто против воли значительной части народа.

дернизированная русская Империя получила печать милитаризма, которую вынуждена была сохранить навсегда. Именно при посредстве армии и в особенности императорской гвардии в XVIII в. знать сумела заставить уважать свою волю. С другой стороны, завоевание балтийского побережья облегчило экспорт сельскохозяйственной продукции, льна и пеньки с Северо-Запада, результата труда крепостных. Все это сильно способствовало установлению гегемонии крепостников.

Второе противоречие программы петровской модернизации заключалось в невозможности для новых промышленников найти свободную рабочую силу. Практически полное отсутствие ремесленного производства в городах и преобладание натурального хозяйства в аграрной стране создавали условия, при которых у работников не было ни необходимости, ни возможности продавать свою рабочую силу. Для того, чтобы работник стал промышленным рабочим, не было иного способа, кроме принуждения. Таким образом, рождение новой индустрии, нимало не модернизируя социальные отношения, сделало крепостное право куда более универсальным. С самого начала петровской модернизации индустриальная рабочая сила была почти исключительно крепостной. Собственники шахт и заводов, хозяева крепостных рабочих, лендлорды российской промышленности легко

срослись с дворянством (тем более что в большинстве своем из рядов дворянства они и вышли) и образовали наиболее влиятельный и привилегированный слой. В конечном счете, новые буржуазные силы, созданные реформой, послужили только тому, чтобы сделать из России страну еще более феодальную, крепостническую, более подчиненную знати, чем она была до Петра.

Случилось то, что обязательно случается со страной, чья социальная структура остается близкой к натуральному хозяйству, а экономика оказывается захвачена мощными щупальцами мирового рынка. Ибо именно европейский спрос заставил дворян и русских индустриальных магнатов выращивать картофель, производить лен и железо. В результате именно европейская (и в особенности английская) буржуазия получила от этого большую выгоду, нежели русские торговцы.

Прогресс капитализма в обществе, где рыночный обмен на, если можно так выразиться, «клеточном» уровне еще мало развит, может привести только к росту внеэкономической эксплуатации, грубой феодальной силы, крепостничества в той или иной форме.

Режим Диаса в Мексике или Гомеса в Венесуэле аналогичны тому, чем была в XVIII в. крепостническая диктатура в России⁹. Иной мировой

⁹ «Режим Диаса» — так называемый Порфириат, фактически единоличная диктатура, установленная в Мексике диктатором Порфирио Диасом (José de la Cruz Porfirio Díaz Mori; 1830–1915) в 1876–1911 гг.

Гомес Хуан Висенте (Juan Vicente Gómez; 1857–1935) — венесуэльский диктатор в 1909–1935 гг., создатель концепции «демократического цезаризма», предполагающей, что существуют народы (в частности, венесуэльский), органически не приспособленные для западной модели демократии.

контекст, но результат для трудящихся этих стран тот же, петровский.

Так называемая революция Петра Великого не была даже равна той коммерческой и антифеодальной революции, которой стала Реформация в странах Запада. Между тем, именно с ней лучше всего соотнести русскую петровскую «реформу». Сходство этих явлений усилено тем, что единственным участком общественного фронта, где усилия русских реформаторов имели революционный эффект, была Церковь.

Сугубо экономические причины постепенно ослабили верхушку русского духовенства и уменьшили долю его участия в альянсе правящих сил. Его идеологический престиж был поколеблен еще сильнее движением Раскола — идеологически реакционной, но, в основе своей, революцией малой и средней буржуазии против церковного феодализма и крепостнической бюрократии. После Раскола официальная Церковь потеряла для большей части народа, а именно, наиболее искренно и истово религиозной, всякий авторитет. Вследствие этого Петру было легко подчинить Церковь, поставив доверенных людей на высокие иерархические посты и осуществив то, на что московские цари никогда прежде не отваживались — бюрократический захват церковного имущества.

Земли духовенства, правда, оставались номинальной собственностью Церкви, и лишь полвека спустя Екатерина II завершила их конфискацию.

Однако смертельный удар по высшему духовенству как общественному

классу был нанесен при Петре. Церковь стала департаментом государственной администрации, лишенным всякой независимости, а социальная роль духовенства в массе своей сделалась совершенно незначительной. Именно эта секуляризация способствовала более, чем что бы то ни было, приданию крепостнической и феодальной России XVIII в. поверхностно модернизированного и европейского вида, так же, как отсутствие королевских династий дало в XIX в. ложный демократический облик республикам Латинской Америки.

При Екатерине II Россия, за вычетом Англии и Голландии, была наиболее светским государством Европы. Ни сильная клерикальная реакция, которая началась при Александре I, ни религиозное пробуждение в среде буржуазии, не смогли вновь поднять русскую Церковь на ту ступень, с которой она упала в XVIII в. Если после Революции Церковь утратила столь окончательно, столь непоправимо и негромко, то в большой степени это явилось следствием секуляризации, осуществленной Петром.

Но так же, как ласточка еще не означает, что пришла весна, эта секуляризация не была знаком настоящей «европеизации», буржуазного возрождения России. Только сто лет спустя были заложены первые камни новой капиталистической России. Понемногу развился рыночный обмен на «клеточном» уровне, барщина стала заменяться денежной платой, и рабочая сила, нуждаясь в средствах, чтобы оплачивать свои феодальные повинности, составила трудовой резерв для капиталистического предприятия.

Новая, европейская Россия начинается не с показной «индустриальной» революции», затеянной Петром Великим, но со скромных начинаний текстильной промышленности, где в течение долгого времени и мастера, и рабочие оставались в равной степени рабами, облагавшимися тяжелой повинностью перед барином, но чьи отношения друг с другом, как и с рынком, уже подчинялись законам «liberté, égalité и Иеремии Бен-тама»¹⁰.

Мы видим, что реформа Петра Великого не заслуживает имени революции, которое ей любят давать, — и не от того, что ее совершил государь, ибо императорская революция в Японии имеет право на это название, а от того, что она не привела к смене правящего класса. Ее цели были подорваны противоречивостью ее задачи. Она не породила контрреволюции: буржуазная курочка просто высидела феодального утенка.

Так ли это в отношении ленинской революции? Явилась ли Октябрьская революция чем-то иным, неже-

ли какое-нибудь 10 августа¹¹, чем-то иным, нежели стрела, пущенная в невозможное революционерами, поставившими перед собой неосуществимые цели? Стал ли ее результат чем-то иным, чем тот, к которому приводит настоящая буржуазная революция? Во время НЭПа в это поверили все за исключением тех, для которых только действия могли опровергнуть данную точку зрения¹².

Возрождение передовых отраслей индустрии не было достаточным основанием для ее опровержения. Даже пятилетний план, в том виде, в каком он был провозглашен в 1928 г., не был ее опровержением. Тот СССР, где стратегические объекты находились бы в руках пролетарского государства, но массовую сельскохозяйственную основу которого составляли миллионы мелких собственников, готовых вновь вырастить зародыши капитализма, кулаков, вновь и вновь совершающих коварные набеги на промышленную твердыню коммунистов, словом, в том СССР, которого хотели Бухарин и Троцкий¹³, было бы столь же мало социализма, сколь

¹⁰ Знаменитый лозунг Великой французской революции: «Liberté. Égalité. Fraternité» («Свобода. Равенство. Братство») Святополк-Мирский иронически перетолковывает в духе усвоенного им тогда марксизма: в условиях буржуазного общества необходима экономическая свобода, возможно равенство всех перед законом, но человеческое братство в условиях буржуазного общества невозможно, оно заменяется Иеремией Бен-тамом (Jeremy Bentham; 1748–1832), одним из основателей утилитаризма, сторонником ничем не стесненной конкуренции, положившим в основу своей этики принцип пользы и личного преуспеяния индивида, благодаря которому увеличивается общая сумма человеческого счастья.

¹¹ 10 августа 1792 г. — дата народного восстания в Париже, свергнувшего монархию. По мнению советских марксистских историков, это событие Великой французской революции было шагом к установлению господства буржуазии, каковое было подорвано, но не сломлено якобинским террором 1793 г. Рывок к свободе привел только лишь к смене господствующего класса, к созданию капиталистического общества.

¹² Имеется в виду, что НЭП, предполагавший существование личного крестьянского землепользования и частных мелких предприятий в городах, не мог не привести к тому самому капитализму, борьбу с которым провозглашали революционные диктаторы России, большевики.

¹³ Кажется странным уравнивание лидера «правого уклона», Н. Бухарина, настаивавшего на продолжении политики НЭПа и «Третьей революции» (в деревне), утверждавшего: «Кулак — не

мало буржуазности было в России XVIII в., он был бы в основе своей столь же буржуазным, сколь феодальной была та.

Коммунистические руководители сделали то, что меркантилистские правительства XVIII в. не сумели (и не хотели) сделать. Они подвергли атаке фундамент, клеточную структуру, глубинное единство сельскохозяйственного общества, мелкую собственность, индивидуальное производство, отношения купли-продажи, которые связывают индивидуально-производителя с рынком.

Коммунистическая революция была осуществлена только тогда, когда начался и был доведен до конца великий сдвиг к коллективному сельскохозяйственному производству. Без аграрной революции 1929–1930-х гг., которая образовала колхозы и «ликвидировала кулаков как класс [sic!]¹⁴, СССР остался бы социалистическим гигантом из стали на глиняных мелкобуржуазных ногах. Именно преобразование самой структуры крестьянского общества сделало его гомогенным организмом, социалистическим сверху донизу.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Бюллетень оппозиции 1930 — Бюллетень оппозиции. 1930. №9. URL: <https://iskra-research.org/FI/BO/BO-09.shtml> (дата обращения 03.03.2022).

Колчак», и вождя левой оппозиции, Л. Троцкого, требовавшего наступления на частнособственные элементы в городе и деревне и форсированного развития тяжелой промышленности. Святополк-Мирский, однако, не мог не знать, что Троцкий подверг резкой критике сталинский «великий перелом» в деревне, в частности, в своей статье «Экономический авантюризм и его опасности» (Бюллетень оппозиции 1930).

¹⁴ Формулировка «ликвидация кулачества как класса» была предложена Сталиным в его речи «К вопросам аграрной политики в СССР» на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.

Герцен 1954 — *Герцен А.И.* Двадцать осмое января // *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. М., 1954.

Горький 1953 — *Горький М.* Собрание сочинений в 30 т. Т. 24. Статьи, речи, приветствия. 1907–1928. М., 1953.

Святополк-Мирский 2015 — Д. П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист. Публикация М. В. Ефимова и О. А. Коростелева. Перевод с английского и вступительная статья М. В. Ефимова. Примечания О. А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015. М., 2015.

Каменецкий 1925 — *Каменецкий Б.* <*Айхенвальд Ю.*> Литературные заметки // *Руль*. 1925. 4 февраля.

Последние новости 1924 — Последние новости. 1924. 26 января.

Руль 1924 — *Руль*. 1924. 26 января.

Сталин 1951 — *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951.

Сталин 1952 — *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 7. М., 1952.

Трудолюбивая пчела 1759 — Трудолюбивая Пчела. 1759. Апрель.

Шелкунов 1915 — *Шелкунов И.* Житье-бытье Петра Великого в Дании // *Русская старина*. 1915. № 2.

D. S. Mirsky 1997 — D. S. Mirsky: A Forgotten Article on Peter the Great (1931) / Ed. by R. Davies, G. S. Smith // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1997. № 25. P. 33–43.

Mirsky 1931a — *Mirsky Dimitri S., Prince.* Pierre-le-Grand et les Soviets // *Vu*. 1931. 18 Novembre. no. 192.

Mirsky 1931b — *Mirsky D.S.* Russia: A Social History. London, 1931.

Smith 1994 — *Smith G.S.* The Correspondence of D. S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–32 // Slavonic and East European Review. 1994. Vol. 72, № 1.

Sorel 1920 — *Sorel G.* For Lenin // Soviet Russia, Official Organ of The Russian Soviet Government Bureau. New York. Vol. II, January–June 1920 (10 April 1920).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ефимов, Смит 2021 — *Ефимов М., Смит Дж.* Святополк-Мирский. М., 2021.

Рук 2020 — *Рук П.* Модная фотография и фотожурналистика: позирование для журнала VU // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2020. № 54.

Чернов 1997 — *Чернов В.* Конструктивный социализм. Т. 1. М., 1997.

Frizot, Veigy 2009 — *Frizot M., Veigy de C.* VU: The Story of a Magazine That made an Era. London, 2009.

Pokrovskii 1933 — *Pokrovskii M.N.* Brief History of Russia: 2 vols / Transl. by D. S. Mirsky. London, 1933.

REFERENCES

Chernov V. *Konstrukivnyj socializm*. T. 1. M., 1997.

Efimov M., Smit Dzh. *Svyatopolk-Mirskij*. M., 2021.

Frizot M., Veigy de C. *VU: The Story of a Magazine That made an Era*. London, 2009.

Pokrovskii M.N. *Brief History of Russia: 2 vols* / Transl. by D.S. Mirsky. London, 1933.

Ruk P. *Modnaya fotografiya i fotozhurnalistika: pozirovanie dlya zhurnala VU. Teoriya mody. Odezhda. Telo. Kul'tura*. 2020. № 54.

Е. В. Анисимов

Рец.: Шиппан М. Петр I в Германии. 1697–1717. Научный редактор Д. Ю. Гузевич, подготовка текста, указатели Г. Б. Богуславской, А. В. Кобака, перевод с нем. И. Ю. Тарасовой. Изд. «Европейский дом». СПб., 2021–632 с., 500 экз. (Серия «Петр I в Европе»)

В книге видного немецкого историка-слависта Михаэля Шиппана воссоздается картина пребывания Петра I в германских землях в ходе его многочисленных зарубежных поездок 1697–1717 гг. В одной из глав содержится подробный обзор немецкой историографии, посвященной личности и эпохе Петра Великого.

Ключевые слова: германские земли, Петр I, русско-немецкие связи в раннее новое время, немецкая историография истории России.

Сведения об авторе: Анисимов Евгений Викторович, д.и.н., профессор НИУ-Высшей школы экономики (Санкт-Петербургский филиал), главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, научный руководитель Института Петра Великого.

Контактная информация: info@instpeter.ru

E. V. Anisimov

Review: Piotr I v Germanii. 1697–1717 / ed. by D. Guzevich, prepared for publication by G. Boguslavskaya, A. Kobak, translated by I. Tarasova. Sankt-Peterburg: Evropeiskii dom, 2021. 632 p. (book series “Piotr I v Evrope”)

The book of the prominent German expert in Slavic history Michael Schippan recreates the picture of Peter I’s stay in the German lands during his numerous trips abroad in 1697–1717. One of the chapters contains a detailed review of German historiography on the personality and era of Peter the Great.

Key words: German lands, Peter I, Russian-German relations in early Modern Era, German historiography of the history of Russia.

About the author: Anisimov Evgenii Viktorovich, Dr.Hist., Professor (National Researches University – High School of Economics, Branch in Sent-Petersburg), chief researcher (Institute of History in Sent-Petersburg, Russian Academy of Sciences), Sc. Chief (Institute of Peter the Great).

Contact information: info@instpeter.ru

Фигура Петра Великого оставила яркий след всюду, где он побывал во время своих бесчисленных поездок,

походов и путешествий. В последние годы наши западные коллеги взялись за изучение европейских

маршрутов Петра. Тут уместно упомянуть книги Э. Кросса, Д. и И. Гузевич, Э. Вагеманса, Х. Баггера, И. Шварц (Кросс 2013; Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. 2008; Вагеманс 2013; Вагеманс 2020; Баггер 2017; Шварц 2022). Привлекая доступные им архивные и прочие источники своих стран, они воссоздали довольно полную картину пребывания Петра в самых разных странах, они также проследили, как эти поездки Петра отразились в исторической памяти и культуре Западной Европы. Работы этих ученых, вкупе с исследованиями отечественных историков (Мезин 2015), образуют целую серию исследований «Петр I в Европе». Так книга крупного германского русиста Михаэля Шиппана, хорошо известного в России своими работами по истории Петра Великого и русско-германских культурных связей, оказалась изданной в этой серии.

Перед нами удивительный случай в отечественном книгопечатании: книга М. Шиппана — публикация перевода на русский язык неизданной рукописи, подготовленной автором по-немецки (перевод И.Ю. Тарасовой). М. Шиппан доверился издательству «Европейский дом» неслучайно, ибо пятнадцать лет это издательство выпускает серию книг, издаваемых в рамках многолетней программы Фонда имени Д.С. Лихачева и Института Петра Великого «Путь Петра Великого». Эта программа, помимо самых разнообразных мероприятий, посвященных истории Петра и Петровских реформ, включает два главных направления: проведение ежегодных Петровских конгрессов (в июне 2022 г. прошел пятнадцатый по счету

конгресс), а также издание научной и научно-популярной литературы по петровской тематике. Сейчас уже образовалась целая «петровская библиотека» — больше четырех десятков исторический исследований, публикаций, справочных изданий, представляющих собой конкретный вклад в научное исследование Петровской эпохи.

По своей структуре и содержанию книга М. Шиппана также уникальна. В ней подведены итоги многолетних углубленных занятий М. Шиппана историей Петра и его эпохи. Важно заметить, что содержание книги явно выходит за рамки простого описания многократных визитов Петра Великого в Германию, которая занимала важное место в политике и жизни царя. В монографии выделяется несколько частей. Первые семь глав посвящены собственно поездкам Петра по Германии в разные периоды, от первого путешествия в составе Великого посольства 1697–1698 г. до последнего в 1717 г., когда Петр через Германию возвращался в Россию из длительной поездки по Европе.

Автор не ограничивается пунктуальным (на основе редких немецких, а также русских источников) хронологическим описанием пребывания Петра в каждом немецком городе, а знакомит нас с людьми, которые встречали Петра, останавливается на подробностях его времяпрепровождения, приводит суждения современников, видевших необыкновенного русского царя. При этом автор заботливо стремится ввести читателя в контекст эпохи, используя в своем повествовании выделенные рамками отступ-

ления — характерная особенность структуры монографии Шиппана. Это своеобразные «расширения», посвященные истории тех мест, в которых бывал Петр, или биографиям людей, с которыми он общался. Так, сообщая о посещении Петром замка Швёббер под Пирмонтом, автор приводит историческую справку об этом замке, которым 400 лет владел род баронов Мюнхгаузен, причем тот из них, кто жил в замке в петровское время, приходился кузеном знаменитому барону-вралю Иерониму Карлу Фридриху фон Мюнхгаузену. М. Шиппан пишет также о прилежавшем к замку парку и оранжерее с ананасами, которыми заинтересовался Петр. Для полноты информации автор сообщает нам, в какой коллекции можно увидеть гравюру с видом этого, уже исчезнувшего, ренессансного парка. Более того, в справке сообщается также о судьбе владельцев старинного замка и последующей истории самого парка (с. 248). Этот прием «расширений» автор применяет во многих местах книги, идет ли речь о городах, крепостях, памятниках истории и культуры, которые встречались на пути Петра по Германии и которые дошли до наших дней или безвозвратно канули в прошлое. В отступлениях рассказывается также о знаменитых людях, родившихся или живших в этих местах, как до Петра, так и после него. Нельзя не заметить, что эти отступления при всей своей информативности и фундированности порой представляют собой маленькие выразительные эссе.

Вот Петр 27 января 1713 г. приехал в небольшой шлезвигский город

Хузум. Тут он провел несколько дней, руководя действиями русской армии в сражении против шведов, а потом двинулся с полками дальше. И мы скоро забыли бы про этот городок, если бы автор не сообщил нам, что здесь родился известный немецкий писатель Теодор Шторм, который в 1884 г. написал о событиях 1713 г., полного невзгод и людских страданий, роман «Хроника Грисхуса», а еще сочинил новеллу «Всадник на белом коне», которая «до сих пор входит в школьную программу по (немецкой) литературе» (с. 212). Новелла эта с детских лет известна мне, как и многим другим людям в России. Теперь, благодаря этому отступлению автора, Хузум уже не растворится в памяти, и рука произвольно тянется набрать в поисковике название этого приморского городка, чтобы потом «гулять», вослед Петру, по его уютным улочкам, а потом «выйти» на дамбу, с которой открывается чудесный вид на Северное море. А мы-то знаем, как Петр любил море и шум морской волны.

Поэтому чтение описания поездок Петра по Германии, в изложении М. Шиппана, становится увлекательным научно-познавательным путешествием. У читателя создается эффект присутствия, как будто мы следуем по Германии за Петром в параллельном мире. За всем этим видна колоссальная эрудиция автора, любознательность и доброе желание приобщить русского читателя к своей прекрасной стране. Важно отметить, что М. Шиппан, издавна занятый историей немецко-славянских отношений, не упускает возможности познакомить читателя со

славянской предысторией многих мест Германии, некогда населенных славянами, которые оставили после себя названия городов и урочищ. Но ценность этой части книги, прежде всего, в детальном прописании каждого шага Петра буквально по дням и часам, с современной локализацией мест, где он ехал, вплоть до микротопонимики и названий гостиниц и трактиров, где останавливался царь. Эта колоссальная информативность текста, вдумчивая работа М. Шиппана с источниками позволяют расширить и уточнить многие эпизоды в истории Петра, понять неясные места в его переписке, воссоздать картину международных отношений России и германских государств.

Вторую условную часть книги образует глава 8 «Петр Великий в немецкой историографии». Перед нами 150 страниц содержательного обзора и анализа исследований и различных публикаций о Петре в Германии. Автор показывает развитие немецкой науки о Петре профессионально, объективно, с глубоким знанием как текстов историков, так и контекста их работ в разные времена. Перед читателем предстает вереница разнообразных суждений, наблюдений о личности и деяниях Петра Великого в немецкой науке и вообще в немецком обществе с начала XVIII века до наших дней. Важно заметить, что глава эта написана ученым, который сам принадлежит к школе историка Эдуарда Винтера (1896–1982), автора концепции «германо-славянской взаимности», в которой уделено особое внимание тому, что объединяет Россию Петра и Европу, а не то, что их делает противниками. Эта концепция отраже-

на в полной мере в книге Михаэля Шиппана, что кажется важным для русского читателя, особенно сейчас. Можно с уверенностью сказать, что эта глава будет непременно востребована в историографии Петровской эпохи. Впрочем, эту фразу я — даже в большей степени — приложил бы также и к библиографии, составленной автором. Это и есть третья часть книги. Библиография работ о Петре огромна — около 2000 работ, преимущественно на немецком языке. Этот колоссальный труд М. Шиппана, совершаемый им на протяжении многих десятилетий, неповторим, что подтверждают профессионалы. Книгу украшают составленные Г.Б. Богуславской именной и географический двуязычные указатели сотен мест и имен людей, упомянутых в книге — незаменимое пособие при научной работе. Словом, и описание путешествия Петра по Германии, и историографический очерк, и библиография, и указатели — все это дает читателю кажется исчерпывающее представление как о Петре в Германии, так и о Германии времен Петра.

Из недостатков издания мне бросился в глаза один главный и довольно необычный. Речь идет о своеобразной работе научного редактора, в роли которого выступил известный русско-французский историк и знаток Петровской эпохи Дмитрий Гувевич. Он прибег к необыкновенному в известной мне научной литературе приему: поправлять, дополнять и даже оспаривать суждения автора не в виде отдельного предисловия/ послесловия, а прямо в самом авторском тексте, лишь обозначая свой пассаж скобками и курсивом — *Прим. науч. ред.* Выглядит это все

довольно странно. Так, М. Шиппан пишет: «Заметим, что вопреки распространенному мнению, после стрелецкого восстания 1698 г. стрелецкие полки не только не исчезли, но даже привлекались к военным действиям за рубежом. (Более того, в ходе Северной войны формировались новые стрелецкие полки. Окончательно стрелецкое войско, за исключением городских стрельцов, было расформировано лишь к концу войны — *Прим. науч. ред.*). В 1706 г. российские войска впервые в истории появились на территории...» и т.д. (С. 91). Порой научному редактору не нравится, как автор излагает исторические события, и он его решительно поправляет. На с. 91–92 М. Шиппан описывает сражение при Фрауштадте 1706 г., и тут же научный редактор вводит свой текст («Это довольно своеобразное описание сражения...»), а далее следует изложение хода битвы в интерпретации научного редактора (причем, в отличие от автора, без ссылок на источники), превосходящее по объему описание этого сражения, данное самим М. Шиппаном. В другом случае научный редактор даже прерывает авторское предложение, спеша в скобках позабавить читателя древними сплетнями. На с. 81, где М. Шиппан пишет о супруге короля и курфюрста Августа II Кристине Эбергардине, в середине предложения автора внезапно появляется сообщение научного редактора: «Обманутая изменами супруга с многочисленными фаворитками и возлюбленными (у него насчитывали до тысячи любовниц и 365 незаконнорожденных детей, среди которых такие известные в будущем военачальники, как граф Мориц Саксонский (Moritz von

Sachsen (1696–1750) или шевалье де Сакс (Йоганн Георг Саксонский; Johann Georg, Chevalier de Saxe; 1704–1774). — *Прим. науч. ред.*), курфюрстина удалась в замок Преч на Эльбе». Таких вставок в тексте книги довольно много.

Впрочем, это не смутило кроткого автора, который в предисловии благодарит Д. Гузевича «за включение в текст нашей книги полезных для читателя объяснений и дополнений. Это является для меня образцом плодотворного русско-немецкого сотрудничества» (с.14). Ну, если так считает сам автор, то мы, привыкшие к традиционному принципу работы автора с научным редактором, только разведем руками!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баггер* 2017 — *Баггер* Х. Петр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений. СПб., 2017.
- Вагеманс* 2013 — *Вагеманс* Э. Царь в Республице: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.). СПб., 2013.
- Вагеманс* 2020 — *Вагеманс* Э. Путешествие Петра I по Южным Нидерландам в 1717 году: Образ русского царя в Бельгии. СПб., 2020.
- Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* 2008 — *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698. СПб., 2008.
- Кросс* 2013 — *Кросс* Э. Английский Петр: Петр Великий глазами британцев XVII — XX веков. СПб., 2013.
- Мезин* 2015 — *Мезин* С. А. Петр I во Франции. СПб., 2015.
- Шварц* 2022 — *Шварц* И. Петр I и Австрия. СПб., 2022.

REFERENCES

Bagger H. *Petr Velikiy v Danii v 1716 godu: Perelomnyiy moment datsko-rossiyskikh otnosheniy*. SPb., 2017.

Vagemans 2013 — Vagemans E. *Tsar v Respublike: Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Niderlandyi (1716–1717 gg.)*. SPb., 2013.

Vagemans 2020 — Vagemans E. *Puteshestvie Petra I po Yuzhnyim Niderlandam v 1717 godu: Obraz russkogo tsarya v Belgii*. SPb., 2020.

Guzevich D.Yu., Guzevich I.D. 2008 — Guzevich D.Yu., Guzevich I.D. *Velikoe posolstvo: Rubezh epoh, ili nachalo puti: 1697–1698*. SPb., 2008.

Kross 2013 — Kross E. *Angliyskiy Petr: Petr Velikiy glazami britantsev XVII — XX vekov*. SPb., 2013.

Mezin S. A. *Petr I vo Frantsii*. SPb., 2015.

Shvarts I. *Petr I i Avstriya*. SPb., 2022

К. Н. Морозов

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ 9 МАЯ И ПОЧЕМУ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕГО НЕИЗБЕЖНА

Статья посвящена противоречивости дня 9 Мая, который был «праздником со слезами на глазах» для многих опаленных войной и громом фанфар и демонстрацией силы и величия — для других. Но победа сегодня последних, которые под лозунгом «можем повторить» привели страну и мир на грань катастрофы, вовсе не значит, что общество должно в будущем отказаться от дня 9 Мая. Этот день останется в России будущего, но он станет иным, он вернется к тому, что прежде всего видели в нем наши родители и миллионы фронтовиков — скорбь о жертвах, величайшую цену, заплаченную за войну, и «Чтобы никогда больше война не повторилась». Нельзя отдавать этот день наших родителей, день скорби и памяти, тем, кто прихлопнул его для упрочения своей власти и своего режима.

Ключевые слова: 9 Мая, историческая политика, историческая память

Сведения об авторе: Морозов Константин Николаевич — доктор исторических наук, куратор проекта ликвидированного Международного Мемориала, профессор МВШСЭН (Шанинка) и Свободного университета.

Контактная информация: mak92@internets.ru

K. N. Morozov

WHY IT IS IMPOSSIBLE TO REFUSE MAY 9 AND WHY ITS TRANSFORMATION IS INEVITABLE

The article is devoted to the contradictory nature of 9th May, which was a "holiday with tears in the eyes" for many people scorched by war and the thunder of fanfares and a demonstration of power and grandeur for others. But the victory of the latter, who under the slogan "we can do it again" brought the country and

the world to the brink of disaster, does not mean that society should abandon the 9th of May in the future. This day will remain in Russia of the future, but it will be different, it will return to what our parents and millions of front-line soldiers saw in it in the first place – grief for the victims, the great price paid for the war, and "May war never happen again». We must not give this day of our parents, a day of mourning and remembrance, to those who appropriated it to consolidate their power and their regime.

Keywords: 9 May, historical politics, historical memory

About the author: Konstantin Morozov – Doctor of History, Curator of the liquidated International Memorial project, Professor at The Moscow School of Social Economic Sciences and Free University.

Contact information: mak92@internets.ru

Последние годы я часто задумывался над тем, во что превратили власти (и, увы, не только они) День 9 мая. И конечно же думал о том, почему нельзя отказываться от 9-го мая и почему трансформация его неизбежна?

Вынужден начать с трюизма, который, тем не менее, люди (в массе своей и из поколения в поколение) склонны игнорировать.

С точки зрения истории, нет ничего неизменного и застывшего — сменяются эпохи, идут противоречивые процессы гибели старого и рождения нового или трансформации старого в нечто старо-новое, радикально или плавно трансформируются старые традиции и праздники, порой сохраняются внешние формы традиций, а истинные причины, вызывавшие их к жизни, прочно забыты.

Но люди не видят или не помнят этих длительных трансформаций, порой происходящих веками, порой десятилетиями, и склонны абсолютизировать то, что их окружает. Парадоксально, но такая абсолютизация характерна и для противоположно мыслящих и действующих людей. И для тех, кто предлагает в эпоху пе-

ремени и трансформаций «рубить гордиев узел» проблем и отказываться от старых традиций, символов и их материального овеществления (памятников, топонимов, памятных дат и праздников и т.д.). И для тех, кто предпочитает консервировать старое содержание/наполнение памятников и праздников в изменившемся мире, исходя из желания сохранить свой мир (во всех его частях и ипостасях) неизменным. И для тех, кто сначала исподволь, а затем и напролом усиливает, а затем и доводит до абсурда нужную им лишь одну из прямо противоположных тенденций/смыслов противоречивого праздника или памятника.

Для нашей семьи 9 Мая был особым, двойным праздником. И потому, что мать с 1942 г. была на Сталинградском фронте, сначала в БАО, где они, мобилизованные, отмывали зимой в ледяном керосине авиационные снаряды (или крупнокалиберные патроны) от смазки (вероятно, там и заработала себе ревмокардит), а затем санитаркой во фронтовом госпитале дошла до Варшавы. И потому, что старшего сына она родила именно 9 мая. Но это был необычный праздник. И светлый, и очень грустный.

И мать, и отец, потерявший своего брата в 1942 г. под Ростовом, и все вокруг горевали о погибших. В их числе, и моя родная тетка, потерявшая в 1942 г. своего мужа-командира РККА и попавшая с восьмилетней дочкой в плен в Сталинграде, где Сталин оставил все мирное население в зоне боевых действий. Меня, мальчишку, потряс ее случайный рассказ-проговорка, как в плену ее дочка всегда держала ее за подол, даже когда она шла в туалет, т.к. боялась, что мать ее бросит, как это делали некоторые другие женщины, для своего выживания сбегавшие от детей с немецкими солдатами.

Моя мать всегда ощущала жуткую несправедливость и несправедливость того, как поступила советская власть в коллективизацию с народом, а "компетентные органы" — с ее отцом, в частности. Она остро переживала эту несправедливость несмотря на прошедшие десятилетия. Она чувствовала ложь властей и жаждала восстановления справедливости. Думаю, что она никогда не простила этого властям и думаю, что именно из-за этого она всегда отвергала предложение вступить в партию, куда ее толкало начальство как начальника лучшего отделения связи в районе. Хотя ей прямо говорили, что вступление в КПСС откроет ей возможности для служебной карьеры. Думаю, что то, что я пришел в "Мемориал", "вина"/заслуга не только и не столько моих профессиональных интересов, но прежде всего моей матери.

Она никогда не рассказывала о войне, и то, что я узнал от нее — это короткий рассказ на тетрадных листах, которые она записала, когда мне,

четверокласснику, велели в школе перед 9 мая расспросить родителей о войне. Она, как обычно, ничего не стала рассказывать, а просто записала несколько страничек. Это был страшный рассказ, как шестнадцатилетние девчонки зимой 1942 г. на военном аэродроме под Сталинградом отмывали в ледяном керосине снаряды (или патроны) для авиационных пушек и пулеметов от смазки в неотапливаемых ангарах. Работали весь день и ложились спать в плохо протопленных землянках, так как в степи было плохо с топливом. Я очень жалею, что эти листики не сохранились.

Я помню, как ездил с матерью в свои семь лет на недавно открывшийся мемориал на Мамаевом кургане, и помню лица людей, которые внимательно читали надписи на барельефах и будто бы прислушивались к себе, верно ли отражена их боль, не слишком ли много фанфар. Меня тогда поразило, почему они шепчут — "Правильно!", но понял я причины этого много позже. Не сомневаюсь ни капли, что моя мать, которая всегда воспринимала день 9 мая как "праздник со слезами на глазах", не приняла бы нынешнего рева фанфар, за которыми теряется боль и трагедия их поколения (и не только их). Мать ушла, когда мне было всего 22 года.

О войне люди, опаленные войной, очень мало рассказывали, но то немалое, что они рассказывали, было очень страшно и трагично.

Помню, как в середине 80-х 9 мая во дворе сосед-фронтовик мрачно посмотрел на нас, празднично

настроенных, и рассказал, как его, восемнадцатилетнего пацана, попросившегося в разведку, «проверили» в разведроту, дав в руки финку и велел зарезать спящих в землянке немецких солдат. Он помнил, что их было 9 человек, а глубокая психологическая травма, которую он перенес, угадывалась в его глазах и сорок лет спустя... После его короткого рассказа вся праздничность и вся веселость с нас слетела, как от ледяного душа...

Власть тогда не могла увлекаться "фанфарами", так как на нее смотрели миллионы переживших трагедию и боль войны.

Сегодня уже ушли почти все пережившие войну... Они уже давно не шепчут "Правильно!", сверяясь с внутренним камертоном своей боли...

Можно ли уверенно ответить, что было главным в 9 мая, в этом противоречивом празднике, «празднике со слезами на глазах»? Наверное, как и обычно бывает, для разных людей — главным было разное. Пожалуй, для многих из тех, кого война лишила отцов и мужей, матерей и жен, детей, для тех, кого покалечила и исковеркала тело и душу — главным была скорбь и слова «Никогда больше!».

Для других — это был прежде всего праздник победы, праздник величия и силы... Их хватало и в военных поколениях...

И количество тех, кто позже стал писать на машинах «Можем повторить!», все время росло ... Оно и не могло не расти, и не только потому,

что уходили поколения, которые знали цену этим шапкозакидательским настроениям, а главное — хорошо помнили, что это они заплатили своей кровью за эти настроения своих вождей...

Сами власти всегда были заинтересованы в росте именно фанфарных, победных настроений. Сталин во все не случайно указом в декабре 1947 г. сделал 9 мая рабочим днем. Это была попытка снизить значение этого дня, попытка показать вчерашним фронтовикам, ощутившим себя субъектами и гражданами своей страны, а не объектами тоталитарной власти и воли вождя. Сталин окончательно взял курс на усиление репрессий и укрепление тоталитарных и антидемократических тенденций в ответ на желание народа, ярко проявившееся еще во время войны, как сегодня сказали бы, перезаключить социальный контракт между властью и народом. Народ, спасший страну и саму власть, ждал от власти не только фанфар и словесных благодарностей, но и роспуска колхозов и прекращения репрессий. Сталин ответил фанфарами, усилением репрессий и закручиванием всех гаек, каких только можно.

Власть десятилетиями была вынуждена сдерживаться... И только в 2000-е она распоясалась, с одной стороны вновь стала закручивать гайки и усиливать репрессии против всех инакомыслящих, а с другой, вновь вернулась к безудержной пропаганде и включив рев фанфар на полную мощь... В результате, власть одновременно и затыкала рот несогласным, и заглушила в народе и этот камертон, и саму боль... Из

этого родилась псевдорелигия... Из этого родилась традиция одевать маленьких детей в военную одежду, что немислимо было представить себе 40 лет назад... Из этого в последние годы родился слоган "Можем повторить!"

Повторили.... Теперь весь мир снова содрогается от ужаса...

Теперь стало окончательно понятно, что 22 июня и 9 мая неразрывны. И именно в таком порядке. День скорби и День памяти "со слезами на глазах". Да, о героизме мы будем помнить тоже, но если забывать про слезы и скорбь, то все быстро скатится к "грому фанфар" и к "шапкозакладательству" (и к новым потрясениям для страны)!

Эти два дня — об ответственности правителей, расплачивающихся кровью своего народа за собственные ошибки и преступления! Увы, и это не только про Сталина, которого вновь пытаются оживить... Увы, не поняв этого, наше общество так и будет всегда наступать на грабли под водительством очередного "вождя" (как бы он ни назывался) ... Да и правителям всех времен и народов полезно помнить о том, что власть — это не бонус, а гигантская ответственность... и что хотя бы перед историей они ответят! А может, и не только перед ней...

Совершенно уверен, что несмотря на то, что власти извратили День 9 мая, — это не повод отказываться от него. Власти — и сегодняшние, и советские, и царские — традиционно выступали в роли свое рода Антимидаса, в отличие от царя Мида-са, превращавшего все в золото, они

любое золото и любые ценности превращали совсем в иную субстанцию. И в советское время, и в постсоветскую эпоху власти дискредитировали все идеи и ценности гуманизма, свободы, демократии и прав личности, заменив их ложью и симулякрами... Но разве это повод отказываться от этих ценностей? Разве это повод не строить настоящую работающую демократию и парламент, не повод защищать права человека и создавать правовое государство, избавившись от структур-симулякров?

Уверен, что этот День останется в России будущего, в которой скорее всего будут иными флаг, герб и гимн, а этот День 9 мая останется. Но он станет иным, он вернется к тому, что прежде всего видели в нем наши родители и миллионы опаленных войной — скорбь о жертвах, величайшую цену, заплаченную за войну, и чтобы «Никогда больше!» война не повторилась...

Мы не должны отдавать этот День наших родителей, день скорби и памяти, тем, кто присвоил его для упрочения своей власти и своего режима.

Об этом мы говорили последние годы, собираясь за общим столом в этот день. После ухода из жизни родителей мы стали встречаться 9 мая — дети тех, кто встречался многие десятки лет. Мы собирались 9 мая и вспоминали своих родителей и их рассказы и о войне, и о жизни, о том, как они старались "жить не по лжи" ...Именно так вместо парадов с бронированными автозаками и военной полицией мы впервые без них в 2019 г. отметили 9 мая! Так, как они отмечали. Это был очень правильный

день с правильными людьми... И мы продолжили эту традицию. И будем продолжать, пусть уже и в зуме, но и это не мешает вспомнить тех, кто погиб на этой войне, и тех, кто оказался опаленным ею, но прожил достойную жизнь...

Сейчас мы должны передать своим детям и внукам эту боль о войне. Объяснить, что война- это страшно, что наши родители хотели, чтобы ее никогда больше не было, что идиотская похвальба и "шапкозакидательство" всегда ведет к большой крови. Мы должны передать им и помочь впитать от нас боль и па-

мять наших родителей, понять то, что поняли мы.

Да, миллионам людей задурили голову пропагандой и запутали в «трех соснах»... Но прозрение наступит...

Все большему количеству людей не нравится такое откровенное использование в своих интересах такого святого для нашего народа Дня. Но я очень надеюсь на то, что рано или поздно, этот день 9 мая снова станет — днем памяти, "праздником со слезами на глазах", каким он был для наших родителей и для всех опаленных войной. Но это зависит и от нас.

«КОНЕЧНО, НИ ЛЕНИН, НИ БОЛЬШЕВИКИ НЕ ЯВЛЯЛИСЬ АГЕНТАМИ ГЕРМАНСКОГО ГЕНШТАБА ИЛИ ШПИОНАМИ».

Интервью с А. К. Сорокиным

В интервью¹ Андрей Константинович Сорокин, научный руководитель Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), затрагивает, отвечает на вопросы о своей семейной памяти, о работе российских архивов, об исторических событиях, связанных с причинами и обстоятельствами Октябрьской революции 1917 года.

Ключевые слова: Семейная память, российские архивы, Ленин, Октябрьская революция

Сорокин Андрей Константинович — кандидат исторических наук, научный руководитель Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), главный редактор издательства «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Контактная информация: rgaspi_dr@mail.ru

"OF COURSE, NEITHER LENIN NOR THE BOLSHEVIKS WERE AGENTS OF THE GERMAN GENERAL STAFF OR SPIES." INTERVIEW WITH A. K. SOROKIN

In an interview, Andrey Konstantinovich Sorokin, research director of the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), touches on answers to questions about his family memory, about the work of Russian archives, about historical events related to the causes and circumstances of the October Revolution of 1917.

Keywords: Family memory, Russian archives, Lenin, October Revolution

Sorokin Andrei Konstantinovich — Candidate of Historical Sciences, Research director of the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), Editor-in-Chief of the Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) publishing house.

Contact information: rgaspi_dr@mail.ru

Беседовал Н. С. Эрлих

Н.Э.: Андрей Константинович, наш журнал во многом посвящён проблемам исторической памяти, в том числе семейной, и поэтому традиционно первый вопрос: расскажите, пожалуйста, о себе и своей семье.

А.С.: Семья моя простая. По советской терминологии — рабоче-крестьянская. Я горожанин в первом поколении. Мой отец переселился в Москву сразу после окончания Великой Отечественной войны, учился в фабрично-заводском училище и всю жизнь проработал электромонтажником высокой квалификации в одном из научно-исследовательских институтов. Моя мама попала в Москву во младенчестве со всей большой семьёй в 1931 году. Семейная память сохранила воспоминания об этом переезде, как об уходе от коллективизации. Папа — Константин Николаевич — родом из Рязанской области, мама — Анна Ивановна — из Смоленской. Встретились они в Москве, в Москве поженились, в Москве родились я и мой старший брат Виктор. Так что, я горожанин и москвич в первом поколении. Ну, надеюсь, что не в последнем.

Н.Э.: Вы сказали, что семья «уходила от коллективизации». Это означает, что была угроза быть высланными?

А.С.: Да, такая угроза была, как сохранило об этом память семейное

предание. Это был, что называется, «превентивный исход». Это хорошо известное явление: «великий перелом», юбилей которого мы отмечаем в этом году (или «сталинская революция сверху») и последующие события, сдвинули с места в добровольном или принудительном порядке миллионы жителей Советского Союза. И моя семья по обеим линиям оказалась затронутой этим процессом. Но главным образом это коснулось семьи по линии моей матери.

Н.Э.: Расскажите, пожалуйста, что повлияло на Ваш выбор стать историком.

А.С.: Это была тяга с детства, возникшая благодаря школьному образованию и конкретному школьному учителю Нине Петровне Резодубовой, которая в 4–5 классах советской школы своим уровнем культуры и каким-то доверительным и увлекательным разговором об истории пробудила во мне этот интерес, сохранившийся по сию пору, что и повлияло на выбор профессии.

Н.Э.: Сколько лет Вы уже являетесь директором архива?

А.С.: Я профессиональный историк по образованию и первой профессии. В архивное дело, однако, я пришёл из другой профессии, которой отдал перед этим более полутора десятков

лет, но, и заняв место директора архива, не оставил её. В 1991 году было создана общественная организация «Ассоциация “Российская политическая энциклопедия”», сразу ставшая одним из заметных научно-издательских центров и преобразованная затем в связи с изменением законодательства в издательство. Оно больше известно по своей аббревиатуре РОССПЭН. Его генеральным директором и главным редактором я являлся в течение длительного времени: с 1991 по 2010 год. В 2010 году я возглавил Российский государственный архив социально-политической истории, в связи с чем оставил административную позицию в издательстве, но сохранил за собой творческую позицию — должность главного редактора и продолжаю работать с этим издательством по-прежнему плотно, как и раньше реализуя целый ряд больших научно-издательских проектов.

Н. Э.: В «Живом Журнале» приводилась Ваша цитата о том, что большевики получали определённые деньги от немецкого правительства (это, в общем-то, известный и часто обсуждаемый факт) и в архиве есть документы, подтверждающие это. Не знаю, насколько корректно пользователь ЖЖ отразил Ваше высказывание. Есть ли действительно в архиве документы, подтверждающие эти факты? Могли бы Вы рассказать об этом подробнее?

А. С.: Во-первых, конечно, это не совсем корректное изложение дискуссии, состоявшейся во время одной из встреч в стенах архива. Изложение записи этой встречи было

опубликовано на страницах «Российской газеты», думаю, что в архиве на сайте РГ несложно это найти. Действительно, в двух российских архивах — Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и в нашем — Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) сохранились документы из следственного дела, которое велось Временным правительством в 1917 году. В советское время эти материалы оказались раздробленными между двумя архивами. По материалам этого дела сотрудниками ГАРФ была подготовлена двухтомная документальная публикация, кстати, осуществленная издательством РОССПЭН в 2012 г.: «Следственное дело большевиков: материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в Петрограде против государственной власти...». Так что все эти документы опубликованы. Материалы эти дали основания составителям сборника прямо в предисловии указать (или согласиться) с существующим в историографии мнением о том, что большевики получали деньги из Германии. При этом мы должны понимать, и об этом пишут авторы предисловия, что в российских архивах мы не найдём расписок за получение таких денег. Но большое количество документов, раскрывающих схему движения финансовых средств, по мнению составителей сборника (и я склоняюсь к этому же), вполне убедительно доказывают, что большевики получали деньги из Германии. Однако, при этом нужно понимать, что этот фактор не играл решающей роли ни в созревании, ни в организации большевистской революции. Тем более,

конечно, ни Ленин, ни большевики не являлись ни агентами германского генштаба, ни шпионами. Они использовали полученные средства с вполне определённой целью. Это была их собственная, ими самими сформулированная и поставленная перед собой цель — совершить социальный переворот. Они не преследовали целей, поставленных перед ними теми или иными деятелями из состава военной или политической элиты Германии.

Н.Э.: То есть, Германия просто хотела воспользоваться назревающей в России революционной ситуацией, и с этой целью финансировались не только большевики, но, возможно, и другие политические силы?

А.С.: Сомнений в этом нет. Нужно, конечно, смотреть на контексты и понимать, что все воюющие страны занимаются примерно тем же самым на территории своего противника — организацией разведдеятельности, организацией лоббирования своих интересов, сбором информации, проведением или популяризацией своей политики на территории воюющей страны, влиянием тем или иным способом на политических и военных деятелей и т.д. Думаю, что в этом смысле ни одна из воюющих крупных держав не отличалась по набору своих действий и арсеналу средств от всех других. Германия оказалась в этом смысле наиболее успешной, и деятельность германских спецслужб наиболее видима просто потому, что результаты этой деятельности оказались под микроскопом внимания со стороны мировой общественности.

Н.Э.: Сейчас часто говорят о том, что не будь участия России в Первой мировой войне, то возможно царская власть удержалась бы и сменилась не в ближайшие 5–10 лет. Как по-вашему, действительно ли Первая мировая война стала финальной точкой, после которой царизм уже не мог удержаться у власти?

А.С.: Главным авторитетом в этой сфере является вождь Великой Октябрьской социалистической революции, известной нам по этому названию с советских времён, а сам долгое время называвший эту революцию — Октябрьским переворотом. Поначалу Владимир Ильич Ленин (чья решающая роль не подвергается сомнениям ни с чьей стороны) прямо в своих работах указывал на то, что не будь Первой мировой войны, социалистическая революция в России не случилась бы. Эти признания содержатся в ряде и его письменных работ, и устных выступлений. И спорить с этим авторитетным мнением не приходится.

Да, как и многие историки, я считаю (и еще в своей кандидатской диссертации этой темой немного занимался) — нет оснований даже с точки зрения так называемой марксистско-ленинской теории говорить о зрелости социально-экономических предпосылок социальной революции того типа, которая случилась в октябре 1917 года в России. Таких оснований нет. Россия поступательно развивалась, развивался капитализм, темпы роста накануне войны были самыми высокими в мире, причем капитализм этот развивался вширь. И последние исследования говорят,

что развивался он не за счёт сверхэксплуатации населения в целом и рабочего класса, в частности. Социальная сфера жизни в стране тоже развивалась поступательно, росли доходы населения, увеличивалась продолжительность жизни, улучшалась структура питания. Наверное, совсем не теми темпами, на которые рассчитывали сами трудящиеся массы и интеллигенция, бывшая их рупором. Но общий темп, динамика и направление развития не предвещали социальных катаклизмов такого характера и масштаба, которые случились в 1917 году.

Н. Э.: *Насколько я знаю, была развита активная взаимовыручка — образовывалось много артелей, обществ. Демократия была, что называется — низовой. Грубо говоря: колхозы, только на более хорошем уровне — инициатива шла не сверху, а снизу.*

А. С.: Действительно, мы можем и должны говорить о том, что капитализм в результате «Великих реформ» 60–80-х годов XIX века развивался очень бурно и активно, причем в очень значительной мере посредством именно низовой инициативы масс людей из разных социальных слоев, которые получили возможность это делать. Об этом пятидесятилетнем отрезке предреволюционного развития страны мы можем говорить как о так называемом органическом типе развития, простимулированном комплексом реформ. Очень важным элементом этого развития были демографические процессы. Нужно вспомнить о том, что всего за полстолетия население в России выросло больше, чем в 2,5

раза — с 70 миллионов в начале этих реформ в самом начале 1860-х годов, Россия подошла к революции с населением более чем 170 миллионов. При этом невообразимом сегодня темпе прироста населения страны, ВВП на душу населения вырос почти в 2 раза. Так что экономика развивалась очень динамично и поступательно.

И развивалась она во многом потому, что товарное хозяйство получило возможности расширенного производства на самых разных уровнях — на микроуровне, на уровне отдельно взятого крестьянского хозяйства, на уровне кустарного производства, и заканчивая индустриальным производством, созданием крупных монополистических объединений, которые, однако, не контролировали тотально экономику в России в начале XX века (как утверждал, например, Ленин). Говоря шире, на всех этапах социальной пирамиды процветало предпринимательство как род социальной активности. И между прочим, кооперация в сфере сельскохозяйственного производства действительно развивалась, только на добровольных, а не принудительных началах, как в советское время.

Н. Э.: *Был ещё один важный момент — черта оседлости, сохранявшаяся условно вплоть до 1917 года. Из неё могли выйти в люди и жить в Москве, в Петербурге буквально единицы. Могла ли эта проблема решиться раньше, чтобы не было такого активного участия евреев в Революции? Предпринимались ли какие-то попытки отменить черту оседлости пораньше?*

А.С.: Эта тема имеет очень длинную историю. Национальный вопрос имел в России достаточную напряжённость и остроту, хотя называть российскую империю «тюрьмой народов», как это делалось в советской пропаганде, особых оснований нет. Нужно при этом понимать, что в данном конкретном случае мы должны говорить не о национальном, а о вероисповедальном измерении этого вопроса. Ограничения имели не евреи как этнос, а иудеи — люди, придерживавшиеся иудаизма, т.е. «иудейской религии». Исповедуют иудаизм, как мы знаем, не только евреи. А евреи (и не только они), переставшие быть иудеями, принявшие христианство, переставали быть ограниченными в своих правах. Более того, находясь на государственной службе, они могли получать и дворянство. Кроме того, за пределами черты оседлости могли проживать люди с высшим образованием, купцы первой гильдии и ряд других категорий населения. Это очень важный аспект проблемы.

Могла ли произойти отмена черты оседлости раньше, чем в 1917 году? Ответить на этот вопрос представляется затруднительным. Наверное, если поразмышлять, то можно себе представить, что если бы линия великих реформ Александра II продлилась во времени, и сам император прожил бы дольше, то в повестку дня встал бы и этот вопрос, который мог бы найти некоторое решение. Ведь упомянутые мною исключения из общего правила были сделаны именно в это царствование. Но убийство «царя-освободителя» российскими революционерами-народниками привело, как мы знаем, к воцарению

его сына — Александра III и формированию политического курса, известного историкам как курс контрреформ: заморозка либеральных настроений, задержка или пересмотр тех или иных начинаний либерального свойства, начатых ещё при его отце. Этот курс, во многом, привел к обострению социально-экономических противоречий. И к началу XX века эти противоречия обострились настолько, что целому ряду наблюдателей это дало возможность прогнозировать революцию в России, которая в конечном итоге и произошла сначала в 1905–1907 годах, а затем в 1917–1922 гг.

Н.Э.: *Если вернуться к теме архивов, то сейчас во всех архивах идёт большая работа по оцифровке имеющихся документов. Насколько активно идёт эта работа в вашем архиве? Какой процент документов уже оцифрован?*

А.С.: Прежде всего, нужно понимать, что главным для федеральных архивов и для Федерального архивного агентства в целом, является оцифровка не документов для создания электронных коллекций, а оцифровка описей архивных дел. Работы в этой области ведутся довольно давно и активно. Один из федеральных архивов и самый крупный — Государственный архив Российской Федерации — по состоянию на сегодняшний момент все свои описи оцифровал, и они доступны в онлайн режиме на сайте ГАРФа. То же самое удалось сделать и Российскому государственному архиву литературы и искусства. В очень близкой перспективе, в течение ближайших двух-трёх лет все федеральные архивы

оцифруют свои описи и сделают их доступными для публики бесплатно в онлайн режиме. По моим представлениям, это беспрецедентный по своим масштабам и значимости проект, который не имеет аналогов в архивном деле за пределами нашей страны. Такой масштаб оцифровки описей предпринят только в России. В очень близкой перспективе мы получим беспрецедентную по своим объемам базу данных для архивного поиска.

Кроме того, конечно, разные федеральные архивы осуществляют создание электронных коллекций документов, для чего эти коллекции цифруются. Несколько лет назад наш архив стал инициатором создания сайта «Документы советской эпохи». Эта инициатива была поддержана Федеральным архивным агентством. Росархив создал специальный сайт, доступ к которому можно получить на портале «Архивы России». На этом сайте сегодня размещён в бесплатном (для граждан России и Беларуси) режиме целый ряд важных коллекций. Например, нами оцифрован личный архив Сталина, он размещён на этом сайте; нами оцифрован фонд документов Государственного комитета обороны (это высший чрезвычайный орган управления Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны). Частично оцифрованы документы Политбюро с 1919 по 1932 годы. Государственный архив Российской Федерации оцифровал документы Совета народных комиссаров (то есть правительства Советского Союза) за годы Великой Отечественной войны. На этом же сайте можно увидеть и получить доступ к электронному архиву Коминтерна, который

так же хранится в нашем архиве. Эта работа по созданию в разных формах тематических электронных коллекций продолжается.

И я не скрою, что у архивов, подведомственных Федеральному архивному агентству, есть большие планы по развитию этого направления работы и созданию обширных коллекций электронных документов. Если эта работа со стороны правительства РФ будет профинансирована в предварительно намеченных масштабах, то в близкой перспективе пользователи получат возможность в онлайн режиме работать с огромными массивами документарной информации.

Н. Э.: *Документы по Катынскому делу тоже выложены на этом сайте?*

«Катынская папка» была оцифрована и выложена на портал Росархива в 2010 году. Она доступна. Тогда это вызвало гигантский интерес. Если я не ошибаюсь за давностью лет, то около 2 миллионов пользователей в течение суток постарались получить доступ к этим документам. Так что, интерес к документам, хранящимся в российских архивах, есть. В том числе, конечно, и к электронным коллекциям. Количество пользователей нашего сайта и портала «Архивы России» год от года растёт, но при этом растёт и количество пользователей, приходящих в архив «ногами», с целью познакомиться с документами в их физическом виде.

Н. Э.: *А прийти может любой человек, подавший заявку?*

А. С.: Прийти может любой человек. Федеральные архивы работают точно так же, как федеральные библиотеки — они являются гражданским публичным институтом.

Н. Э.: *Важная тема — тема закрытых документов: ещё довольно большой процент документов недоступен для общего пользования. Часто можно услышать, что где-то там открыто чуть ли не всё. Но, наверное, это не совсем так? Мне кажется, что в любой стране определённое количество архивов всё равно будет какое-то время закрыто.*

А. С.: Вам кажется совершенно справедливо. Нет ни одной страны мира, в которой архивные документы были бы открыты нараспашку безо всяких ограничений. В подавляющем большинстве стран установлены сроки давности, за пределами которых документы начинают рассекречиваться. В этом смысле Российская Федерация не является исключением. Наверное, процесс рассекречивания сегодня мог бы идти интенсивнее. Нужно при этом понимать, что процессом рассекречивания занимаются сегодня не сами архивы. Им такое право было предоставлено на очень короткий срок в 1991–1992 годах.

А с 1993 года по указу Президента была создана «Межведомственная комиссия по охране государственной тайны», которая и осуществляет эти функции, создав экспертную систему, в рамках которой именно привлеченные эксперты, а не архивисты, хранящие документы, делают заключения — оставить конкретный документ на секретном хранении, или

рассекретить его, сделав доступным для публики. Роль архивов заключается в том, чтобы сформировать свои предложения к плану работы Межведомственной комиссии, чем мы регулярно и занимаемся. Повторюсь, на мой взгляд, работа эта могла бы идти активнее. Пропускная мощность Межведомственной комиссии не слишком высока, поэтому на секретном хранении остаются большие массивы документов за пределами установленного Законом РФ 30-летнего срока давности.

При этом я хотел бы обратить внимание на другую сторону проблемы: мы очень много говорим о необходимости ускорить процесс рассекречивания, но ничего не говорим о том, как рассекреченные документы осваиваются публикой и историками. Надо сказать, что этот процесс идёт тоже не слишком быстро. Придя в архив и начав знакомиться с наиболее, на мой взгляд, важными и востребованными архивными коллекциями, прежде всего по истории Великой Отечественной войны, я с большим удивлением столкнулся с явлением, которое, выступая публично, называю «архивным абсентеизмом», имея в виду сознательный отказ профессиональных историков, журналистов, публицистов и публики от работы с архивными документами, документальными источниками.

Очень часто случается видеть архивные дела, в листах использования которых по-прежнему нет записей. То есть, с момента рассекречивания, которое происходило 16–20 лет назад, их не трогала рука исследователей. В том числе, это касается и документов по истории Великой

Отечественной войны, несмотря на всю риторику, существующую вокруг этой темы в общественном сознании. Публицисты — ни левые, ни правые, ни так называемых либеральной, или патриотической ориентации, иницируя дебаты об очень острых проблемах национального сознания, не затрудняют себя походом в архивы и поисками ответов на дебатруемые вопросы в архивных документах. Так случилось, например, с темой обороны Ленинграда. Несколько лет назад я оказался втянут в дискуссию по этой теме и тогда обнаружил, что на большое количество дебатруемых вопросов не так сложно найти ответы в документах, которые мы храним в самых разных фондах: и в личных фондах Сталина, Молотова, Микояна, Жданова и ряде других. Например, в последнем из названных фондов, я, к своему удивлению, увидел целый ряд архивных дел, в которых я первым оставил запись в листе использования. Историки эти документы не брали в руки. И это на самом деле печальная история, при том, что национальное сознание остаётся расколотым по вопросам отношения к разным событиям отечественной истории. И зарубцевать, зашить, залечить эти раны — по моим представлениям — и можно, и нужно, используя инструментарий архивиста.

Я часто использую метафору об архиве, как о докторе исторической памяти. И в реальности считаю, что архив, хранящий весь массив документов о национальной истории, документов, фиксирующих ошибки, трагедии, преступления, но и документов, фиксирующих в том числе и пафос Победы, и свершения наро-

да в ходе исторического развития — именно этот гражданский институт в состоянии предотвратить развитие раскола и нарастание количества произвольных интерпретаций и умозрительных конструкций в области исторического прошлого. Именно поэтому мы считаем своей очень важной функцией не только сохранение историко-документального наследия, но и его использования по назначению: в виде подготовки документальных сборников; создания электронных коллекций, доступных широкому пользователю; организации большого количества самых разных историко-документальных выставок; проведения научных конференций и т. д. В общем говоря, речь идет об организации максимально широкого серьезного разговора с документами в руках по поводу самых острых страниц отечественной истории.

Н. Э.: *Получается, что многим людям, называющим себя исследователями, правда не нужна, потому что она уже сформирована где-то в глубине их сознания, они её и выдают?*

А. С.: Вы, во многом, правы. Печально, что многие историки привносят в ткань исторического исследования свои ценностные ориентации, не будучи в состоянии освободиться от идеологических пристрастий или политических симпатий, интерпретируют исторические события, руководствуясь проходящими мотивами и обстоятельствами, а не логикой исторического развития, не содержанием исторических документов, широким историческим контекстом, в котором проходили те или иные

события. С этим мы имеем дело, в том числе, и в профессиональной среде. Но в наибольшей степени это касается широкой публики, публицистов, которые работают в жанре исторической публицистики — здесь мы с этим явлением сталкиваемся сплошь и рядом.

Н. Э.: Вопрос в связи с вашей работой в РОССПЭНе: не секрет, что сейчас книжные тиражи сильно упали даже по сравнению с нулевыми годами, не говоря уже о 90-х или о советском времени. Вы считаете, что этот процесс необратим в принципе, и в будущем тиражи сократятся чуть ли не до обязательных экземпляров для Книжной палаты, или всё же есть какие-то перспективы роста бумажных тиражей?

А. С.: Сложно прогнозировать развитие этой отрасли. Вероятнее всего, тенденция сокращения бумажных тиражей продолжится. Происходит это по ряду причин. В том числе и потому, что читательский спрос диверсифицируется. За последние годы многократно усложнилась социальная жизнь, увеличилось количество и разнообразие форм человеческой активности, занятий и увлечений. Вслед за этим увеличением количества тем, интересующих современный социум, многократно увеличилось и количество названий издаваемых книг. Вслед за дроблением общества по интересам, произошло и дробление книжного выпуска. К сожалению, или к счастью, ничто не говорит о том, что ситуация может измениться. Надо понимать также, что производство традиционной бумажной книги довольно дорогое де-

ло. Мы находимся в условиях рынка, когда минимизация затрат является очень важным параметром процесса производства и все издатели ищут возможности снижения затрат. Одно из средств минимизации — представление на рынок произведения в электронной форме. Поэтому можно наблюдать, что книги всё чаще продаются в электронных форматах, и цена скачивания этих книг, конечно, существенно ниже, чем приобретение бумажной книги. В нашей стране бумажная книга и традиция чтения имеют достаточно глубокие корни, и процесс «угасания» отрасли идёт, может быть, медленнее, чем в странах Европы и США, но он идёт тоже. Этому процессу, конечно, способствует отсутствие развитой инфраструктуры дистрибуции книжно-журнальной продукции на территории РФ. Эта система так и не была создана в современной постсоветской России.

Та очень эффективная система дистрибуции, которая существовала в Советском Союзе, благополучно приказала долго жить. Результатом стало отсутствие очень важного института — это институт не только рынка: дистрибуция книжной продукции, по моим представлениям, является очень важным общественным институтом, который позволяет создавать на территории страны единое научное, культурное, интеллектуальное общественное пространство, которое на самом деле сегодня, как мне кажется, отсутствует в необходимых масштабах. А надеяться на то, что две-три кнопки общероссийских телеканалов являются тем инструментом, который связывает воедино страну — мне кажется это

опасным заблуждением. Они неспособны в полном объёме решить эти задачи. Решают носители знаний, носители культуры, которыми всегда в России являлась книга.

Возникающее на месте книгоиздания производство электронных контентов, на самом деле, сталкивается с очень похожими проблемами, с которыми сталкивается и книжная дистрибуция. И в том, и в другом случае нужны агрегаторы информации, центры, в которых пользователь может, с одной стороны, получить необходимую информацию о выходящем в свет в той или иной форме интеллектуальном продукте, а, с другой, — может оперативно получить к нему доступ. И в обоих случаях — и в работе с бумажной книгой, и в работе с электронной книгой — эти проблемы решаются недостаточно оперативно. В случае с Интернетом и с электронной книгой есть и другая проблема: информации в Интернете сегодня в сотни тысяч раз больше, чем на книжном рынке. Как фильтровать эту информацию, как отбирать её, как разбираться в том, что является ценным, а что является мусором; что несёт в себе адекватную информацию, а что является фейком; как научить пользователя отличать одно от другого; где можно найти ресурсы с информацией аутентичной и адекватной реальности?

Мне кажется, эти проблемы не только не решены, но и должным образом не отражены. Так что, проблем в этой сфере много. Я думаю, однако, что несмотря ни на что, книга в России будет продолжать существовать в очень долгой исторической перспективе. Думаю,

что в большей степени будет сжиматься сегмент книгоиздания, связанный с развлечением, поскольку развлечение становится всё больше доступным в электронной форме. И поскольку они более доступны молодым людям с ранних лет, то уже сегодня мы видим, что, в основном, молодёжь уходит с рынка бумажной книги, а всю нужную информацию и делового, и развлекательного плана находит в Интернете, а не в книжном магазине. Книжных магазинов в стране не так много. И в лучшие времена, например, полтора-два десятка лет тому назад, обеспеченность книжными полками в расчёте на 100 тысяч населения даже в Москве и Петербурге в разы отставала от среднеевропейских показателей. Не говоря уже о среднестатистическом показателе по России в целом. Этот процесс так же развивается в негативном для книгоиздания ключе. И всё это способствует тому, что книжные тиражи сокращаются быстрее, чем сокращается реальный интерес к бумажной книге. Думаю, что научная или общекультурной направленности книга продолжают жить довольно долгое время.

В этой связи я бы скорее говорил не о закате эпохи Гуттенберга, а, наоборот, о возврате в эту эпоху. Поскольку в эпоху Гуттенберга книга не была продуктом массового пользования и массового спроса. Книга имела спрос со стороны так называемых элит. И до тех пор, пока культурные, интеллектуальные элиты будут существовать в российском обществе, бумажная книга будет востребована вне зависимости от того, какую роль в информационных потоках и вообще в культурном интеллектуальном

пространстве займёт книга электронная или электронный ресурс. Можно сказать, что в этом плане мы вернёмся к истокам.

Н. Э.: И напоследок традиционный вопрос: расскажите, пожалуйста о Ваших личных творческих планах и, как директора архива.

А. С.: У нас очень много планов. И за девять лет моей работы на посту директора архива многие идеи были реализованы. Продолжается проект «Политические партии России. Конец XIX-первая треть XX в. Документальное наследие». В 2002 г. группа подготовителей получила за эту работу Государственную премию Российской Федерации и к сегодняшнему дню выпущено в свет более 50 томов. Нами был подготовлен целый ряд энциклопедических проектов. Была выпущена в свет трёхтомная энциклопедия «Россия в Первой мировой войне», за которую в 2014 г. мы получили гран-при национального конкурса «Лучшая книга года». Был энциклопедический проект «Россия в 1917 году». Сейчас мы заканчиваем работу над энциклопедией «Россия в Гражданской войне». Мы реализовали целый ряд наших проектов в сфере публикации документальных сборников, которые можно увидеть и на нашем сайте, и на сайте издательства. Мы начали и успешно поддерживаем большой проект «Труды РГАСПИ», в рамках которого публикуются и документальные сборники, и монографии наших сотрудников. Продолжается серия изданий «Документы советской истории», которая была начата более 20 лет назад и в которой на сегодня выпущено уже более 3-х десятков то-

мов. Продолжается серия «Архивы Кремля» и целый ряд других документальных серий, реализующихся и нашим архивом, и другими федеральными архивами. Один из крупнейших проектов «История сталинизма», начатый и инициированный мною 12 лет назад, продолжается и сегодня. В его рамках выпущено более 230 монографических исследований, принадлежащих перу российских и зарубежных авторов. И мы надеемся продолжать эту тему.

Очень много в разных формах мы работаем с темой Великой Отечественной войны. Одной из важнейших публикаций считаю подготовку аннотированного каталога документов Государственного комитета обороны. Вот уже 6 лет делаем большой выставочный проект под названием «В штабах Победы», который посвящён теме государственного управления в годы войны, теме, изыскания в рамках которой отвечают на вопрос о причинах провала и катастрофы 1941 года, но точно так же дают нам понимание, почему после этой катастрофы случилась Великая победа 1945 года. Тема государственного управления, по неясным для меня причинам, не востребована не только общественным сознанием, но и профессиональными историками. И мы стараемся восполнить эту лагуну, устранить этот пробел через презентацию этой темы в жанре историко-документального выставочного проекта. В будущем году мы планируем провести целый ряд больших и малых выставок, посвящённых 75-летию Победы. Есть ряд идей и проектов, связанных с международным сотрудничеством. Причем, не только планы. Нами уже реализован целый

ряд совместных мероприятий и выставок, конференций, изданий сборников, создания электронных ресурсов. Есть такие идеи и в дальнейшем. Это касается не только нашего архива, но и целого ряда других федеральных архивов.

Что касается меня, то я продолжаю активно заниматься советским периодом истории, который меня чрезвычайно интересует. Только что вышел в свет пятитомник под названием «Вождь». Это историко-документальный проект, в рамках которого публикуются и комментируются документы из личного архива Сталина, которые, как мне кажется, выстраивают определенную линию его развития как государственного и политического деятеля с 1917 по 1953 годы. Помимо опубликованных документов, каждый из пяти томов сопровождается большой аналитической статьёй. Намереваюсь продолжить эту линию работы. Посмотрим, в каких конкретно формах она будет реализована. До конца года выйдет в свет книга, посвященная истории обороны Ленинграда в 1941–1944 гг.

Есть идея создать электронную базу данных — и она близка к реализации — по всем книгам, выпущенным в рамках проекта «История сталинизма», сделать этот ресурс бесплатным и общедоступным с тем, чтобы любой пользователь, обращаясь к тем или иным моментам самого острого периода отечественной истории, получил доступ к научным исследованиям, а не к публицистическим интерпретациям этих сюжетов.

Н. Э.: И завершающий вопрос от себя: мы говорили про Российскую

империю, про Первую мировую, которая явилась локомотивом Революции. Считаете ли Вы, как специалист по советской истории, что Советский Союз был обречён, или Перестройка явилась локомотивом распада Союза? Или это не совсем справедливые мнения?

А. С.: Я не считаю, что Советский Союз был обречён. Так же, как не была обречена Российская империя. Мне кажется, что в обоих случаях во времени и пространстве совпал целый ряд объективных и субъективных факторов. Но даже их сочетание не предопределяло развитие исторического процесса по возобладавшему в конечном итоге пути — ни в 1917, ни в 1991 году. Как мне кажется, в 1991 году точно так же, как и в 1917, активное меньшинство — отечественные интеллектуальные, политические, экономические элиты, или наиболее активная часть этих элит, приняли кризис общественного развития за его тупик. В результате бульдозером снесли до основания всё, что было построено до них их предшественниками. На мой взгляд, это крайне ущербный и крайне разрушительный способ социальной активности. Это нас раз за разом возвращает к вопросу о цене революционных преобразований. На мой взгляд, нам всем пора научиться искать в своей политической и общественной жизни менее травматичные для социума способы реализации социальной активности и социального конструирования.

К сожалению, в пространстве XX века мы прошли через две полномасштабные революции. И каждый раз эта революция тотально отрицала

все достижения предшествующего периода. Это слишком разрушительный и травматичный для социума способ общественной трансформации. Мы должны оставить революционные потрясения как метод в прошлом. Эта претензия равным образом адресуется к государственной власти, к конкретным её представителям, оказавшимся не способными отрефлексировать потребности общественного развития, найти способы стоявших тогда перед страной проблем. Это в равной степени относится и к наиболее активной части общества, которая оппонировала государственной власти. В социальной сфере мы должны начать искать компромиссные решения и целенаправленно формировать не конфронтационный тип политической культуры, который дважды заводил Россию в XX веке в тупики

исторического развития. Дело не в социально-экономических предпосылках пройденных нами потрясений, а в особенностях российской ментальности, российской политической и социальной культуры. Мы слишком часто настроены на уничтожение не только чужого мнения, но и носителя этого мнения. Нам нужно от этой культуры отказаться. И поставить в задачу дня воспитать поколение, которое станет носителем другого типа культуры. Культуры, которая понимает развитие не как победу своей собственной точки зрения над оппонентом, а развития — как соединения в векторе движения разнонаправленных сил, мнений, суждений, программ социального развития.

Н. Э.: Спасибо большое за интересное интервью!

«ИЗМЕНЯЙТЕ БИОГРАФИЮ. ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ЖИЗНЬЮ. ЛОМАЙТЕ СЕБЯ О КОЛЕНА...»

Интервью с Т. М. Горяевой

В интервью¹ Татьяна Михайловна Горяева, доктор исторических наук, рассказывает о своей семейной памяти и основных вехах своей биографии, о проблемах архивоведения в России, об опыте, который она получила, занимая пост директора Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) в 2001–2019 годах.

Ключевые слова: семейная память, РГГУ, репрессии, цензура, история советского радиовещания, архивы, Российский государственный архив литературы и искусства, «Народный архив», ГМИИ им. А. П. Пушкина

Татьяна Михайловна Горяева — доктор исторических наук, директор Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) 2001–2019.

Контактная информация: Tatiana.goryaeva@arts-museum.ru

Автор книг: Радио России. Партийно-государственный контроль радиовещания в 1920-е – начале 1930-х гг.: Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000; изд. 2-е, 2008; Политическая цензура в СССР. 1917–1991. — М.: РОССПЭН, 2002; изд. 2-е, испр. и доп. М.: 2009.

Составитель документальных изданий: История советской радиожурналистики. Документы. Тексты. Воспоминания. Т.1 1917–1945 гг. /Под ред. Я. Н. Засурского. — М.: Изд. МГУ, 1991; Исключить всякие упоминания. Очерки истории советской политической цензуры. — Минск-М.: Старый Свет-Принт, Время и место, 1995; История советской политической цензуры. Документы и комментарии. — М.: РОССПЭН, 1997; Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: схемы / Федеральное архивное агентство, РГАСПИ, РГАЛИ, ГА РФ. — М.: РОССПЭН, 2004 (Культура и власть от Сталина до Горбачева. Исследования); «Великая книга дня...». Радио в СССР: Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2007; Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии. Т. 1: 1925 — июнь 1941 г. / Федеральное архивное агентство, РГАЛИ; рук. коллектива, авт. предисловия. — М.: РОССПЭН, 2010; «Мы предчувствовали польуханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Кн. 1: 22 июня 1941–1943 г.; Кн. 2. 1944 г. — 2 сентября 1945 гг. — М.: РОССПЭН, 2015.

“CHANGE YOUR BIOGRAPHY. ENJOY LIFE. BREAK YOURSELF ON THE KNEE...” INTERVIEW WITH T. M. GORYAeva

In an interview, Tatyana Mikhailovna Goryaeva, Doctor of Historical Sciences, talks about her family memory and the main milestones of her biography, about the problems of archiving in Russia, about the experience she gained while holding the post of director of the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) in 2001–2019 years.

Key words: family memory, RSUH, repressions, censorship, history of Soviet radio broadcasting, archives, Russian State Archive of Literature and Art, "People's Archive", Pushkin Museum im. A. P. Pushkin

Tatyana Mikhailovna Goryaeva — Doctor of Historical Sciences, Director of the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) 2001–2019.

Contact information: Tatiana.goryaeva@arts-museum.ru

Беседовали С. Е. Эрлих и Н. С. Эрлих

С.Э., Н.Э.: Расскажите, пожалуйста, о вашей семейной памяти.

Т.Г.: У меня, в общем-то, типичная для нашей страны интересная семья. Перекрёсток всех возможных течений, национальностей, социальных слоёв... Я родилась, как раньше бы написали — в семье служащих. Точно не из дворян. Можно считать — это была семья разночинцев.

Мой прадед, по материнской линии, Фридрих Лудшувейт, занимался юридическими услугами, и затем эта традиция продолжилась. У прадеда была адвокатская контора в Москве. Насколько я помню по рассказам бабушки, контора располагалась у Красных ворот. После Революции она закрылась, и он пытался прокормить семью с тремя детьми любыми способами. Он даже завёл цветочное хозяйство под Москвой, пытался каким-то образом заработать, но тоже неудачно. Однажды он поехал в желании взять семейные вещи, столовое серебро, какие-то домашние предметы, чтобы потом, как и многие хотели

в то голодное время, обменять их на хлеб, но простудился, вернулся домой заболевшим и вскоре скончался.

Прабабушка с прадедушкой были выходцами из семей эстонских немцев, они познакомились в поезде, в котором следовали (оба по отдельности) на заработки из Тарту, тогда Юрьев, в Москву. Стоял конец XIX века, работы на окраине Российской империи не было. И они отправились на заработки, познакомились в поезде и потом создали семью. В семье родились трое — моя бабушка Маргарита (старшая), её сестра Ирма и младший брат — Евгений...

Семейная история сложилась непростая. Надо понимать, что это было начало революционных событий. Бабушка начала свою трудовую деятельность очень рано — она «давала уроки», так тогда это называлось, в богатых семьях, ещё учась в гимназии. У моей мамы в квартире висят картины, которые бабушка получила в качестве своего первого гонорара — хозяин рассчитался с ней этими

картинами. Как оказалось позже — это копии с работ Куинджи! На работу после окончания гимназии бабушка пошла уже при советской власти. Конечно, нужно было приспособляться, зарабатывать на хлеб, с этого всё и началось.

Совершенно случайно, по рекомендации, она поступила на работу в Кремль. Начинала с машинистки, позже, изучив стенографию, была стенографисткой. И всю жизнь использовала эту систему для своих личных записей, но, к сожалению, не оставила к ней ключ. Поэтому её многочисленные дневники не поддались расшифровке. Она проработала в Кремлёвском аппарате долгое время. Сначала в аппарате М.И. Калинина, а потом помощником А.С. Енукидзе.

Параллельно складывалась семейная жизнь. Она вышла замуж за польского офицера родом из Белостока, где жила его семья. Он участвовал в Первой мировой войне, позже перешёл на сторону революционной России и начал делать активную карьеру — по всей видимости, как все поляки с такой «военной косточкой». История семьи моего деда Станислава Сандомирского — это совершенно отдельная страница моей жизни. О том, что в Польше осталась многочисленная его семья, с членами которой я смогла познакомиться только в 2014 году, ни мама, ни тем более я ничего не знали. И ведь тоже ничего удивительного для нашего советского прошлого, в котором люди скрывали свою национальность, социальное происхождение, вынуждены были отказываться от своих родителей, жен и детей.

Я никогда не видела своего деда, потому что, когда он выходил из окружения в 1943 году, с ним случился сердечный приступ. Он и до войны страдал грудной жабой, имел тяжёлое ранение после Первой мировой войны. Он лечился в знаменитом госпитале в Архангельском. Мама и бабушка, вернувшиеся с поселения, успели с ним увидеться... Ведь бабушку репрессировали по «Кремлёвскому делу». Её арестовали в январе 1937 года. Несколько месяцев она сидела в «Бутырке». Я помню её рассказы очень хорошо, о том, что она находилась в одной камере с Анной Бухариной. Позже, вспоминая её рассказы об этом времени, я поняла, что она передавала мне свой тюремный опыт — авось пригодится. Например, как она в камере делала зарядку (она всю жизнь её делала каждый день, как я сейчас). Даже маме в своё время она рассказывала меньше, чем мне. Да и зачем? Ведь у мамы был свой опыт ребенка репрессированного.

Замуж бабушка вышла в 1924 году, а в 1929 году родилась моя мама. С 1934 года семья жила на улице Качалова (нынче это Малая Никитская), дом 16. Это знаменитый дом, второй после дома на Набережной. Легендарный. Многие старые москвичи очень хорошо знают этот дом.

С.Э., Н.Э.: А дедушку не репрессировали?

А.Г.: Нет. Ему удалось избежать ареста. Они с мамой не пострадали, правда — лишились трёхкомнатной квартиры, но остались в том же доме, уже в другой — более скромной — квартирке. Недавно на сайте «Ре-

прессированная Москва» я нашла наш дом, и узнала о судьбах жильцов, проживавших в нём до и после. И я с ужасом обнаружила, что родилась и прожила в страшной квартире. Моих родных переселили в квартиру, в которой арестовали всех членов семьи. Это были сотрудники кремлёвской библиотеки. Их всех расстреляли! А в «освободившуюся» квартиру переселили следующих. И, представьте себе, я никогда не ощущала, что стены этой квартиры буквально дышали трагедией, они впитали столько боли и крови убитенных... Я обожала нашу квартиру, наш дом и двор, которые казались мне такими по-московски уютными. Правда, это уже был конец 1950-х—1960-е годы.

Вообще репрессии, особенно в период большого террора, как и все системные явления имели свои порой необъяснимые повороты. Вот таким, одним из множеств и множеств исключений стала моя семья. Бабушка уцелела, и ей удалось избежать физических пыток, хотя моральные были ужасны! На ночь открывали двери камер и были слышны крики: грозили, шантажировали, говорили, что и муж уже арестован, и дочь уже неизвестно где. В общем, она, конечно, находилась под сильным давлением. Такое развитие событий в самый разгар «Кремлевского дела» она объясняла своим «правильным» поведением. Незадолго до этого она окончила вечерний юридический факультет и, как ей казалось, она «правильно» вела себя на допросах, и поэтому ей удалось избежать самого страшного: после определённого срока, проведённого в тюрьме, она была выслана на поселение в Уфу.

Конечно, это были тяжёлые условия, но тем не менее, через какой-то промежуток времени ей удалось устроиться на работу, и даже по специальности. А в это время дед продолжал работать и воспитывать мою маму.

Когда началась война, дед пошёл на фронт несмотря на то, что у него был «белый билет» — ещё в Первой мировой у него отсутствовала часть кости на ноге, но он скрыл это... А мама осталась с няней, но уже вскоре её со школой эвакуировали. Их везли на пароходах по Москва-реке, а рядом с их разбомбили другой пароход. В семье, таким образом, окончательно потеряли друг друга. Потом маму нашли в довольно плачевном состоянии. И привезли в Уфу. Пришлось наголо состричь густые косы, где к тому времени завелись вши. Как могли — откормили. И это большое чудо, что семья потом как-то воссоединилась! Правда, совсем ненадолго.

С.Э., Н.Э.: А бабушка была в то время в ссылке?

Т.Г.: Да. Но бабушка была невероятно энергичный человек! Она, разумеется, не могла сама, а потому попросила своего товарища из Уфы разыскать мою маму. Он прошёл весь путь от Москвы до той деревни, где жили вывезенные из московских школ дети. Они жили там в ужасных условиях, вшивые, больные, без теплой одежды, без всего необходимого.

Что касается семьи моего отца — он тоже из семьи с трагической судьбой. Родился он в Чечельнике Винницкой области. Это был еврейский городок. В 1933–1934 году, спасаясь от

голода, он мальчишкой босиком пришёл в Москву. Папа 1921 года рождения — на 7 лет старше моей мамы. Когда он пришёл в Москву, тут уже были родственники. Он зацепился за них, спал, как он позже вспоминал, на батарее. Так началась его столичная жизнь.

С. Э., Н. Э.: А родители вашего отца погибли от голода?

Т. Г.: Нет. Они все потихоньку выжили с Украины. Конечно, он пришёл с кем-то из взрослых... Вообще, папа это никогда не любил вспоминать. И эту историю я знаю даже не от него, а от своих тётушек — у него были две младших сестрёнки. Все они тогда перебрались к родственникам, которые, пытаясь как-то выжить, на тот момент уже жили в Москве в районе Новослободской. В далеком детстве я даже помню эту квартиру, где мне была показана батарея, на которой спал мальчиком мой папа.

После окончания школы папа поступил и закончил Севастопольское военно-морское училище. Сохранилась его фотография, где он кудрявый красавец-морячок с глазами-сливами! Таким он встретил войну. Он воевал с первого до последнего дня. С очень тяжёлыми последствиями, потому что попал в плен под Керчью. Я побывала на том перешейке, судя по всему, там теперь Крымский мост. В самом начале 1980-х я прошла весь путь его пленения. А история была такая. На наш адрес пришло письмо из совхоза, который располагался в местах самых кровавых боев с фашистами. В письме была фотография обелиска, где фамилия отца значи-

лась в числе погибших. И как же были они удивлены, когда узнали, что отец жив! Папа скончался только в 2009 году. Он прожил очень большую и благополучную жизнь после войны.

С. Э., Н. Э.: А когда он попал в плен, его не выдали, как еврея?

Т. Г.: И вот это самое удивительное. Ну, во-первых, он закончил русскую школу в Малаховке, был очень весёлым и открытым юношей. Как мне кажется, он не ощущал себя евреем в полном смысле этого слова. Хотя его отец был глубоко религиозным человеком. Но дети росли абсолютно советскими, а значит интернациональными. Мало того, на фронт он попал уже лейтенантом и комсомольцем. То есть все три позиции были смертельны! Но его никто не выдал! Он был для всех такой свой, «Мишка» — очень компанейский, очень весёлый! Согласитесь, что история скорее редкая, чем обычная. Я сталкивалась с десятками и сотнями совсем иных человеческих проявлений! Но папа на всю жизнь сохранил эту искреннюю веру в благородство людей. Вот об этом он мне очень часто говорил.

Концлагерь был неподалёку от основания горы, где находятся знаменитые керченские катакомбы. Я ездила туда со своей маленькой дочкой и мужем, но это было уже очень давно, в 1982 году. Мы несколько лет подряд ездили летом отдыхать в Керчь, снимали в частном доме комнату в поселке Героевка. У местных жителей мы случайно узнали, что это за место и почему оно так названо. Земля, буквально пропитанная кровью! По

дороге из Тамани в Керчь наш попутчик, узнав, где мы остановились, с вызовом спросил: «Вы в Героевке отдыхаете?! Да вы что — московские, или с Украины?!» Откуда нам было знать, что во время войны там всё было абсолютно сметено, шли страшные бои. Поэтому коренные жители, конечно, старались туда вообще не приезжать!

Ну а отец бежал из плена с товарищем. Каким-то образом они оказались в Одессе. Папа говорил, что он даже в женскую одежду был переодет! В Одессе их укрывала какая-то женщина.

С.Э., Н.Э.: В то время в Одессе были немцы или румыны?

Т.Г.: Там были румыны. А отец по внешности походил скорее на румына или молдаванина, но не на еврея!

С.Э., Н.Э.: А когда пришли советские войска, он сдался, сказал, что был в плену?

Т.Г.: Они с товарищем сами пробивались к своим, и после соответствующей проверки он попал не в штрафной, а в штурмовой батальон — в знак благодарности за жизнь! И прошёл всё, в том числе и Секешфехервар, где развернулось одно из кровавых сражений Второй мировой. Закончил войну в Австрии. Он всегда говорил: «Танька, я богом освящённый! Так надо, значит!». Везунчик!

Ещё в самом начале 1950-х, и бабушку, и папу вызывали на так называемые собеседования. И совсем недалеко от нашего дома в Скарятинском переулке располагалось одноэтажное здание. Они послушно ходили чуть

ли не к одному и тому же сотруднику органов, а потом моя опытная во всём бабушка сказала: «Всё, больше не ходим!». А вскоре наступил 1953 год, и всё закончилось. Правда, записи в анкетах остались.

А мама с папой познакомились на юрфаке — дочь фронтовика и фронтовик. Вот такая семейная история.

С.Э., Н.Э.: Вы стали историком, расскажите, что оказало влияние на ваш выбор?

Т.Г.: У меня были замечательные учителя! Учительница истории — Нина Петровна и учительница по литературе Надежда Яковлевна Мирова (жена литературоведа Лазаря Ильича Лазарева). Раньше я могла бы сказать, что её знает пол-Москвы, но сейчас Москва очень сильно изменилась и так уже не скажешь... Надежда Яковлевна — это знаменитая Ная, одна из помощниц-«невидимок» Александра Исаевича Солженицына. Но мы тогда, конечно, об этом ничего не знали.

Атмосфера была совершенно исключительная! Им было тогда, в конце 1960-х, немногим более сорока лет, они были близкими подружками и, как могли, старались нам, неразумным и очень разным, вложить в головы гораздо больше, чем предполагалось по учебному плану! И это стало фундаментом на всю жизнь.

С.Э., Н.Э.: Учителя не боялись рассказывать о «крамольных», с точки зрения тогдашних идеологических установок и цензурных ограничений, сюжетах нашей истории?

Т.Г.: Самое яркое воспоминание: это, наверное, был 1966 или 1967 год, когда ещё не произносилось вслух и официально не комментировалось число погибших в годы Великой Отечественной войны, а мы уже тогда знали, что погибло 20 миллионов!

Незабываемыми стали литературно-исторические вечера, которые они организовывали, чтобы расширить школьную программу. В течение полугода мы готовили вечер, посвященный Великой Отечественной войне, следующие полгода — Революции. Патриотизм, который сейчас искусственно насаждается, воспитывался в нас через лучшие произведения классиков — Ахматову, Цветаеву, Гумилёва, Пастернака. Что может быть патриотичней, чем русская литература и поэзия?! Они не боялись давать нам читать наизусть Гумилёва. А уж что говорить о Цветаевой и Мандельштаме, сборники которых только-только появлялись в серии «Библиотека поэта»?! Очень сильным переживанием стали лично для меня стихи фронтовых поэтов — Павла Когана, Николая Майорова, Михаила Кульчицкого — их стихи мы знали наизусть!

С.Э., Н.Э.: *После школы вы поступили в Историко-архивный. Расскажите о ваших преподавателях.*

Т.Г.: И здесь мне опять очень повезло с преподавателями! Я поступила в институт в 1968 году. Это был знаковый год — Пражские события... Помню, что после вступительных экзаменов мы поехали с мамой в Одессу. На обратном пути навстречу нам шли военные эшелоны. Ощущение

было зловещее! Поразительно, что в 1991 году, когда в институт поступила моя дочь, мы с ней также после вступительных поехали в Ригу и попали в *августовские события!* Дежавю. Выбирались домой в Москву на самолёте, поменяв билеты и уехав на неделю раньше...

А в институт я пришла 1 сентября, и это была незабываемая первая встреча с только что назначенным ректором Сергеем Ильичом Мурашовым. Он встретил нас такой ре- чью: «Вы особый набор! Кругом — щупальцы буржуазной пропаганды, которые проникли и в наш инсти- тут». На нас это произвело оше- ломляющее впечатление. Только потом выяснилось, что речь шла об Александре Гинзбурге и Ире Якир, которые учились на старших кур- сах. Вот так началась наша студен- ческая жизнь.

Но все-таки нам очень повезло, и мы застали «золотой век» Историко-архивного института, потому что тот профессорско-преподавательский состав, который потом разными способами «выдавливался» Мурашовым, пока ещё по инерции оставался на своих местах. Сигурд Оттович Шмидт — гордость нашего института и его визитная карточка! Он встречал всех первокурсников своими блистательными вводными лекциями. Потом — Леонид Николаевич Никифоров — бывший ректор, которого сместили именно за то, что он допустил известные вольности. Он вёл у нас увлекательный семинар по внешней политике России, ему уже не дозволялось читать лекции, и он вёл только семинары. Ну а Александр Александрович Зимин — Саныч, как мы

его звали! Мне очень повезло, я была у него два года в семинаре. Как сейчас помню, я писала у него доклад: «Архитектура XVI века на Руси». Он меня потряс тем, что мне, студентке первого курса, дал свою пока не опубликованную рукопись — у него была монография как раз на эту тему. Это была невероятная честь и ещё важный урок педагогического мастерства! Я ведь потом тоже больше 10 лет преподавала в РГГУ, никак не могла оторваться от родного гнезда.

С.Э., Н.Э.: *Зимин — замечательный автор, который писал великолепным литературным языком! Бытует мнение, что люди, хорошо пишущие, не очень хорошо читают лекции. А он был хорошим лектором?*

Т.Г.: Он был блестящим ученым и педагогом. Это была целая жизнь! Во-первых, занятия по вспомогательным историческим дисциплинам проходили во дворе на Никольской в нашем знаменитом *Теремке*, который, к сожалению, сейчас находится в плачевном состоянии! У меня до сих пор перед глазами живые и очень яркие воспоминания: печка с изразцами, расписанные потолки. Это старопечатный двор XVII века. Интерьеры сохранялись в прекрасном состоянии! «Проклятая советская власть» на эту красоту руку не подняла! Но в 90-е годы Теремок был сдан в аренду, и арендаторы хозяйничали вволю. Теперь он есть, и его нет. В теремке было два крыла. В одном крыле шли заседания знаменитого кружка Шмидта. В другом проходили семинарские занятия. Александр Александрович замечательно общался, именно общался со

студентами. Он был блистательный, остроумный, лёгкий. Я помню, как мы праздновали его 50-летие. Мы что-то выдумывали, сочиняли стихи. Помню, что я сушила березовую кору, чтобы на этой «бересте» скорописью написать юбилейное поздравление. Это была любовь!

С.Э., Н.Э.: *Если судить по характеристикам коллег в его воспоминаниях, он был очень едким человеком! А каким он был в общении?*

Т.Г.: В тот период был как раз разгар дискуссии о «Слове о полку Игореве». От нас он ничего не скрывал, высказывая свою научную позицию. И эта позиция до сих пор имеет много сторонников. Поэтому, безусловно, по отношению к Д.С. Лихачеву и к Ленинградской академической школе у нас сформировалось свое отношение. Во всяком случае, это было всегда интересно и убедительно!

С.Э., Н.Э.: *А ему не запрещали высказываться, проводить обсуждения? Это всё проходило в тайне?*

Т.Г.: Да нет, это были обычные занятия. Стукачи, наверное, были. Не могу сказать, потому что не знаю. Первая и шестая аудитории точно были радиофицированы. Это мы точно знали. Не знаю — откуда, но знали все!

С.Э., Н.Э.: *Его не увольняли с работы?*

Т.Г.: Увольнять не увольняли, но, конечно, были интриги: выдавливали, лишали часов! Я не знаю, был ли он в штате, или почасовиком. Он работал одновременно в Институте

истории. Наверное, это было так: «Извините, но на этот учебный год у нас часов не запланировано». И всё. Так это делалось...

Потом наступила эпоха Татьяны Петровны Коржихиной, она преподавала историю государственных учреждений советского периода. Досоветский период вёл Николай Петрович Ерешкин. Эти педагоги имели не только фундаментальные знания, были авторами учебников, но и обладали огромной харизмой, были очень артистичны. У Коржихиной очень много учеников, и мне приятно думать, что я смогла заслужить её признание и одобрение! Но я долго шла к этому.

Вообще, школа Историко-архивного, вобравшая в себя традиции российского классического источниковедения, была настолько сильная! И так горько и тяжело осознавать, что она утрачена! В советское время сохранилась, а уже в постсоветское мы все потеряли. К сожалению, Историко-архивный институт в структуре РГГУ под напором времени и разных новшеств многое утратил. Я считаю, что наиболее ценным в нашем базовом образовании был этот стык всего комплекса вспомогательных исторических дисциплин, источниковедческой традиции и истории госучреждений, плюс — навык работы с документами и знание системы хранения. Весь этот очень важный инструментарий и дал возможность потом очень многим выпускникам нашего поколения найти себя, и в профессии, и в науке.

С.Э., Н.Э.: *В институте вы уже начали заниматься темой «Ра-*

диокомитета». Потом она стала и темой вашей диссертации?

Т.Г.: Да, как раз у Татьяны Петровны.

С.Э., Н.Э.: *А позже была ещё тема цензуры?*

Т.Г.: Гораздо позже. Татьяна Петровна вела у нас спецкурс «Литературно-художественные группировки 1917–1929 гг.» — *золотой век* советской культуры. Я влюбилась тогда в 1920-е годы! Это был интереснейший спецкурс! Потом на эту тему вышла её книга. Она говорила нам: «Девочки, дорогие, неизвестно, что важнее — выбрать мужа или тему!».

Тема «радио» мне была близка, потому что с радио я была связана с детства. Маленькое отступление. На улице Качалова, где я жила, находился знаменитый Дом радиовещания и звукозаписи — ГДРЗ. Его работники ходили по окрестным школам и отбирали детей с хорошей дикцией и природной энергетикой. Так я стала ведущей «Звёздочки» и «Пионерской зорьки». У меня был уже радиный опыт, который обогатился в конце 1960-х в редакции передачи для старшеклассников «Ровесники», главным человеком которой был Игорь Васильевич Дубровицкий. Вообще, «Ровесники» — это уже другая очень важная страница биографии. Там я училась писать, излагать своё мнение и разговаривать с людьми. Выходцы из «Ровесников» разных поколений — Евгения Альбац и её старшая (к сожалению, скончавшаяся) сестра — Таня Комарова (Альбац), Владимир Гескин, Александр Архангельский, Дмитрий Быков

и многие другие. Вообще я уже гораздо позже поняла, как и зачем мне посылались важные события и встречи, смысл которых определял в дальнейшем мой выбор и судьбу.

Так вот, возвращаясь к институтскому периоду, темой для курсовой в семинаре у Коржихиной стала довольно для этого времени ходульная тема «Ленин и радио: история советского радиовещания». Но лично для меня она такой не стала, и уже на следующем курсе я продолжила серьезно заниматься радиоархивами, готовя сначала курсовую, а потом и дипломную работу, научным руководителем которой была Татьяна Петровна. А вскоре приступила к кандидатской диссертации у Моисея Наумовича Черноморского — профессора кафедры вспомогательных исторических дисциплин, автора учебника по источниковедению, человека очень известного в нашей среде. Так получилось, что Татьяна Петровна не могла быть моим научным руководителем, потому что не имела докторской степени. Она защитила докторскую диссертацию через много лет. Но как? Это была блестящая защита! К сожалению, вскоре её не стало.

А «цензура» — это была уже тема моей докторской диссертации. Вообще, я не собиралась писать докторскую. Этому предшествовала интрига, которая случилась на самой защите кандидатской. Мне задали вопрос: «Вот вы про войну пишете. А можете всю историю радио воссоздать?» И я опрометчиво ответила, что могу, легко! А когда я копнула и выяснилось, что все довоенные архивы радио были уничтожены или просто не сохранились, вот здесь мой поиско-

вый инстинкт сработал и стал главным стимулом моей дальнейшей научной работы... Я как все советские люди люблю преодолевать препятствия. А ещё Иракий Луарсабович Андроников прославлял поиск источников, ставя этот процесс выше самого результата.

С.Э., Н.Э.: Эти архивы уничтожили специально?

Т.Г.: Ну, отчасти так. Как известно, 16 октября 1941 года в Радиокomitee, который тогда располагался в Путинках, сожгли архивы радио, микрофонные материалы, другую документацию. В Москве жгли архивы: немцы были в 30 км от Москвы.

С.Э., Н.Э.: То есть, не из идеологических соображений?

Т.Г.: Да нет, конечно. Кстати сказать, звукозапись наших радиопередач велась на ВВС. Так что, по всей вероятности, она там и сохранилась. Но о каких архивах ВВС могла идти речь в начале 1980-х?

С.Э., Н.Э.: А на какие носители они тогда записывались?

Т.Г.: Тонфильмы, шринофоны — это как киноплёнка. Катушечные магнитофоны появились на радио только в 1945 г., это была трофейная аппаратура. В 1930-е годы запись велась только самых значительных событий — парады на Красной площади, встреча папанинцев, выборы в Верховный Совет СССР 1937 г. и т.д. Я собирала по крупницам радиотексты из разных источников, архивных и опубликованных, воссоставляла макет радиовещания

по радиопрограммам, которые тогда публиковались в газете «Говорит Москва». Эта работа заняла у меня 10 лет жизни! Реально — жизни. Потому что я была полностью поглощена этой целью. Она полностью меня поглотила. Но всё-таки мне удалось в определенный момент поставить точку и определить, что собранный массив действительно отражает советский радиоэфир, начальный этап становления радио, и 1930-е, включая годы массового террора, и военный период. Ведь не даром последнее время ко мне все чаще обращаются зарубежные исследователи за опытом и методикой реконструкции радиоэфира. Действительно, красненский сборник «История советской радиожурналистики. 1917–1945 гг.», который вышел в 1990 году в издательстве МГУ незадолго до того, как вся советская издательская система рассыпалась, до сих пор не утратил своей научной ценности. И, слава богу, что второй том не успел выйти (хотя был уже готов), потому что подготовить полный массив я смогла только в 2007 году. «Великая книга дня» вышла в издательстве «РОСС-ПЭН». В эту книгу вошли тексты и расшифровки звукозаписей за весь период до 1970 года. Конечно, мною был использован весь архивный потенциал, который к этому времени был широко доступен.

Параллельно я начала расширять тематику, поскольку довольно часто сталкивалась с инструментами цензуры на низовом уровне прохождения радиоматериалов. И меня страшно заинтересовал институциональный аспект. Тем более, что началась перестройка, и я почувствовала, что появился шанс приоткрыть завесу

над этим тайным механизмом. Возникло редкое совпадение истории с современностью. В 1990 г. вышла первая моя статья с таким заголовком: «Журналистика и цензура» — в журнале «История СССР». Тогда Иван Дмитриевич Ковальченко был главным редактором журнала, и он разрешил публикацию. А это было еще советское время и ещё был жив сам Главлит.

С.Э., Н.Э.: Научные журналы тоже проходили через Главлит?

Т.Г.: Конечно! У них был двойной контроль — Академия наук и соответствующий отдел Главлита. Ефим Иосифович Пивовар заведовал отделом источниковедения в редакции журнала, так что мы начинали эту работу с ним. А редактором была Наталья Викторовна Елисеева, теперь известный автор учебников по постсоветской истории России. Творили мы с ней долго и тщательно.

В тот момент заместителем директора ЦГАОР СССР была Татьяна Фёдоровна Павлова, работавшая потом долгое время в Росархиве начальником публикаторского отдела. Она до сих пор член научного совета РГАЛИ, опытнейший публикатор. Так вот, по нашей совместной инициативе и с разрешения самого Главлита мы начали рассекречивание его архивного фонда. К этому времени был накоплен хороший опыт по подготовке издания «История советской радиожурналистики», о котором я рассказывала, и мы задумали подготовить такое же издание по истории советской цензуры. Когда мы начинали эту работу, мы не могли, конечно, предположить

масштаб и объёмы предстоящего исследования. Участие принимали буквально все центральные архивы и ряд ведомственных. В качестве ответственного составителя я проводила тотальное выявление документов. Конечно, условия были самые благоприятные. Ведь это было совместное издание. Документы из хранилищ я получала практически на следующий день. Каждый архив выделил сотрудников, которые помогали мне как составители. Но, конечно, было сложно доверить даже опытным архивистам первичное выявление. Поэтому я с резиновым напальчником просматривала сотни дел, занимались отбором, извлекала. Тогда всё примитивно делалось. Огромные пачки ксероксов скапливались и систематизировались у меня дома. Это была грандиозная работа. После 1991 года стали доступны бывшие партийные архивы. Удалось привлечь документы Архива Президента, в который у меня был оформлен доступ. Документы, которые позднее были переданы в состав фондов РГАСПИ и РГАНИ, я изучала либо на микрофильмах, либо в так называемых досье. В целом работа была организована так хорошо именно потому, что архивисты прекрасно понимали важность и значимость этой темы и того, что впервые к публикации готовились документы, в полной мере раскрывающие всю систему политического контроля и цензуры.

К середине 1990-х в РГГУ начались кризисные явления, стало понятно, что время перемен завершилось, и я собиралась уже уходить, не видела смысла в своей преподавательской работе. И тут поступило предложение из научного отдела РГГУ —

возможность докторантуры. И если раньше приходилось заниматься научной работой по ночам или в отпуске, то тут мне были предоставлены такие льготные условия, что грех было отказываться. И я на два года ушла, но по просьбе кафедры вела какие-то вечерние семинары. А в целом — два года была впервые предоставлена самой себе. Научным консультантом была Ольга Михайловна Медушевская, с которой к этому времени у меня сложились тесные научные связи и теплые человеческие отношения.

Осенью 1999 г. года я была уже готова к предзащите на кафедре. Владимир Петрович Козлов, который тогда заведовал нашей кафедрой, и мои коллеги по кафедре высказали мнение, что в работе не хватает архивоведческого аспекта. Я же работала на кафедре архивоведения! Предложили подготовить еще одну главу. Конечно, я была готова к доработке. И тут надо отдать должное Александру Борисовичу Безбородову, который сказал: «Это уже готовая работа по отечественной истории. Что родилось, то родилось». Вторая предзащита была уже на кафедре отечественной истории. Кафедральным консультантом была назначена Тамара Юсуфовна Красавицкая, с которой я начинала свою рабочую карьеру во ВНИИДАД в 1977 году. Она была моим первым начальником, мы работали с ней в одном секторе использования архивных документов. Тамара Юсуфовна очень помогла мне своими советами и рекомендациями. Благополучным образом я уже в марте завершила всю работу и передала её в Научный Совет. В ВАКе была очередная

реорганизация и я настроилась на долгое ожидание, когда неожиданно мне позвонил Александр Петрович Логунов и сказал, что Юрий Николаевич Афанасьев (он был председателем этого Совета) назначил защиту на 15 сентября. И я вздрогнула. Это день моего рождения.

С.Э., Н.Э.: Расскажите, пожалуйста, о проекте «Народный архив», в котором вы принимали активное участие — как он возник, и что с ним стало?

Т.Г.: Это очень красивая история с печальным концом. Я не люблю незавершённые дела и хочу всё-таки попытаться завершить этот проект. Хочу предложить свои навыки и возможности, даже резервы РГАЛИ, для того, чтобы хоть немного выправить ситуацию ...

Это была замечательная идея, и это связано с моим приходом в РГГУ (тогда он был ещё Историко-архивным институтом). Многие из нас работали во ВНИИ документоведения и архивного дела. Я работала в пяти секторах, т.е. освоила почти все направления архивной деятельности. Но, главным образом, я занималась использованием, археографией, кинофотофонодокументами, и даже автоматизированными системами на самой заре их внедрения в архивное дело. В 1980 году многих сотрудников института мобилизовали на подготовку к внедрению автоматизированной системы научно-технической информации (АСНТИ) по документам Государственного архивного фонда СССР. Позже я оценила этот опыт. Потому что, когда пришла в РГАЛИ, у меня уже было полное

представление, как нужно развивать информатизацию в данном архиве. Возвращаюсь к Народному архиву. Он возник первоначально как идея на кафедре архивоведения, которой заведовал Борис Семёнович Илизаров. Это была целиком его идея. И мне повезло быть у истоков Народного архива, поскольку с 1989 года я начала преподавать на кафедре. Тогда и Александр Борисович Каменский — замечательный историк — тоже работал вместе с нами на одной кафедре архивоведения.

Идея была совершенно революционная! Хотя и имела аналоги в нашей истории. В первые годы Советской власти происходило нечто похожее: тектонический социально-политический слом, попытка создать документальную базу и сохранить её даже до мелочей. В 1990-е были уже современные средства фиксации действительности — звукозапись, видео. Проект первого негосударственного архива нового типа создавался в то же время, когда и «Мемориал». Средства для деятельности были предоставлены Фондом Сороса: мы получили первые видеокамеры, диктофоны (это тогда было чем-то космическим!). Мы находились прямо на Никольской улице, в соседнем здании с Историко-архивным институтом. Оно до сих пор в прекрасном состоянии... Ну, а тогда это было так замечательно! Улица 25 Октября, пожалуй, одна из самых любимых и популярных улиц Москвы, по которой в любое время дня и даже ночи проходит толпа людей. Огромные витрины, выходящие прямо на улицу, мы использовали в просветительских целях: устраивали выставки старых документов, фотографий,

продуктовых карточек и артефактов. Люди просто заходили к нам с улицы, спрашивали, узнавали, а затем и передавали свои семейные архивы. Простые рядовые граждане, москвичи и не только. Они доверяли нам свои семейные реликвии, рассчитывая, что история их семьи, их самое сокровенное будет сохранено и востребовано потомками. В архиве было несколько отделов — семейные архивы, диссидентское движение, звуковые и видео-мемуары — этим направлением как раз я занималась.

С.Э., Н.Э.: Люди приносили дневники, мемуары, переписку?

Т.Г.: Мемуары в меньшей степени. Самый ценный источник — это письма и дневники. И, конечно — фотографии, артефакты. Семейные реликвии, вплоть до трамвайных билетиков и билетов в кино и театр. Когда эти материалы оказывались на выставочном обозрении, у людей буквально переворачивалось сознание! Они смотрели на то, что лежит у них в шкафах и в семейных альбомах, совсем другими глазами!

С.Э., Н.Э.: А сколько, например, дневников удалось собрать?

Т.Г.: В целом было собрано примерно около ста дневников.

Дневник — самая легитимная форма отражения некоторых событий, потому что попытка их исторически осмыслить в момент, когда они происходят, — это фальшь. Но дневник — это еще и литературный памятник. И это избирательно, кому могли принадлежать возможности вести такой дневник. Как, допустим, знаменитый

дневник Лизы Дьяконовой. Именно эти источники привлекали внимание исследователей, в том числе и зарубежных. Тем более, что только в Народном архиве собирались документы рядовых людей. Этот источник был еще не вполне оценен нашими специалистами, а для западных историков, которые уже смело осваивали «серую историю», такие документы были особенно притягательны. Так широко в научной среде стал известен уникальный образец народного повествования, «наивное письмо» Е.Г. Киселевой или так называемый «дневник стукача», автор которого С.Ф. Подлубный прошел витиеватый путь информатора НКВД. Многие из этих уникальных памятников были полностью опубликованы и проанализированы в десятках научных работ. Но большая часть так и остается прибежищем архивной полки.

Надо сказать, что я вынуждена была прервать свою деятельность в этом архиве, и это было связано с переходом на работу в РГАЛИ. Это был 2000 год, практически сразу после защиты диссертации. К сожалению, совмещать стало очень сложно. Борису Семёновичу пришлось испытать и взлёт, и падение. Во-первых, мы потеряли наше помещение ещё в середине 1990-х. Пришлось уступить его магазину «Софрино», который и до сих пор там располагается. Таково было решение администрации университета. Поразило всех только то, что наряду с церковной утварью в магазине торговали колготками и дешевыми турецкими украшениями. Но нас не выбросили на улицу, как это происходит сейчас! Нам предоставили неплохую альтернати-

ву — помещение напротив, в глубине дворов, дверь в дверь с журналом «Знамя». Там были довольно большие комнаты, в которых были размещены и стеллажи, и рабочие места, но всё-таки это была совсем другая позиция. Нас будто бы убрали с глаз долой. Тем более, что мы еще потеряли довольно большое помещение в подвале, и первые наши альманахи так и назывались — «Из подвала». Вышло только два выпуска. Один из них, «Женская судьба», которым я занималась как составитель и автор, был особенно популярен. Туда вошли наиболее яркие документы и расшифровки интервью наших многочисленных героинь.

Ну а потом и по поводу этого помещения архив начал испытывать определённое давление. И мы были вынуждены переехать в освобожденные квартиры жилого дома в Костомаровском переулке, прямо у набережной Яузы. Всем стало понятно, что это почетная ссылка и очень похоже на закат: отдаленный район, куда трудно было добраться, полное отсутствие финансирования. Надо было как-то спасти материалы. И Илизаров обратился в Росархив к Владимиру Петровичу Козлову, который принял решение передать всё собрание Народного архива в РГАНИ. В 2006 году архив был перевезен на улицу Вильгельма Пика в здание Института Марксизма-Ленинизма, где находится до сих пор в законсервированном виде. К сожалению, у Бориса Семёновича не было другого выхода. Здоровье подвело, не стало сотрудников, а привлекать новых не было никаких финансовых возможностей. Раньше мы использовали энтузиазм студентов, ещё были

какие-то деньги для оплаты определённых видов работ. Допустим, даже по созданию научно-справочного аппарата. Всё-таки, вышел краткий путеводитель. Любопытно, что изначально Народный архив задумывался как исключительно электронный архив. Такая задумка была у Бориса Семёновича: «Мы сейчас всё соберём, оцифруем, заберём в базу данных». В конце 1980-х опыт зарубежных архивистов был очень привлекателен. И многие — с определёнными видами документации — отчасти идут по такому пути. Решается проблема архивной полки. Но это не в отечественной традиции! А вскоре мы все убедились, что расстаться с подлинниками невозможно! Проводилась оцифровка. Но самое главное — создавался научно-справочный аппарат. Теперь уже эта база данных давно не поддерживается. Вот ответ на вопрос об электронных архивах — о носителях, о долгосрочности их хранения, о программном обеспечении, о его поддержке или переводе в другие программы. Это гигантские сложности и значительные финансовые затраты! Бумага и чернила — самое надёжное, что существует! Совсем другая история — поисковый аппарат.

С. Э., Н. Э.: *Этот архив сейчас работает, и можно получить доступ к документам?*

Т. Г.: Я затрудняюсь сказать. Это не в моей компетенции. Но знаю, что в Росархиве несколько раз обсуждалась эта ситуация и варианты её решения. Что такое архив?! Извините, но это просто помойка, если он не систематизирован, если нет научно-справочного аппарата по доступу

к документам. То есть, нужно его обработать по определённой архивной методике. А для обработки нужны средства. Я не могу, например, в плановом порядке дать задание своим сотрудникам, потому что у нас свой план по научному описанию. В отличие от других архивов в РГАЛИ достаточно много сотрудников, занятых научным описанием, потому что мы комплектуемся личными фондами, которые поступают на хранение не описанными. Все остальные федеральные архивы не занимаются в таком объеме этой работой, так как получают учрежденческие фонды. Да, они сейчас тоже формируются личными фондами — это теперь «в тренде». И это, конечно, правильно. Каждый по своему направлению. Я знаю, что РГАСПИ занимается личными фондами, ГАРФ. Но не в том масштабе, как у нас, конечно. Вопрос, как всегда, упирается в финансирование и профессиональные кадры!

С.Э., Н.Э.: *С 2001 года вы директор РГАЛИ — легендарного архива национального наследия. Расскажите о перспективах и о том, с какими проблемами в работе вы сталкиваетесь.*

Т.Г.: Недавно после проведения очередного открытого хранения, где мы демонстрируем свои раритеты, РГАЛИ был назван не просто жемчужиной, как говорилось раньше, а бриллиантом среди всех архивохранилищ!

А проблемы такие же как у всех — полка. Хотя надо отдать должное, в 2012 году мы окончательно получили на баланс соседнее здание, исторически зеркальное, бывший трофей-

ный архив — Государственный архив СССР. После 1991 г. он был объединен с Российским государственным военным архивом, бывшим ЦГАСА. Некоторое время назад в этом корпусе были оборудованы дополнительные читальные залы РГАЛИ в связи с большим количеством исследователей. Постепенно освободившиеся хранилища заполнялись документами учреждений культурной отрасли. А полтора года назад при содействии директора частного Музея Анатолия Зверева Натальи Владимировны Опалевой мы смогли открыть выставочный зал, который теперь очень активно используется. Недавно у нас было открытие выставки «Российско-вьетнамские культурные связи». По заданию Росархива мы выходим и на такие серьезные темы. Теперь архив расположен в двух корпусах. Но тем не менее, проблема архивной полки существует. Мы же комплектуемый архив! Есть исторический архив, а есть комплектуемый. Так вот, мы — активно комплектуемый. Не надо забывать, что наш архив — не только по литературе и искусству. У нас вся отрасль культуры, включая Министерство культуры и все подведомственные учреждения Министерства культуры. У нас более двухсот источников комплектования (имеются в виду учреждения). Это большая забота, и гигантские усилия.

Структура источниковой базы была задумана совершенно феноменально! Фонды учреждений тесно связаны с личными фондами деятелей, непосредственно связанных с этой институцией. Допустим, фонд Государственного театра имени Мейерхольда связан с личными собраниями В. Мейерхольда, З. Райх,

Э. Гарина, Х. Локшиной, материала-ми Н. А. Базилова и А. В. Февральского. Постепенно уже собирается подобный «венок» вокруг Театра на Таганке — Владимир Высоцкий, Вениамин Смехов, Леонид Филатов. Центр комплектования состоит из двух подразделений — одно занимается личными фондами, другое ведомственными архивами. Они работают во взаимодействии. Так что, традицию по комплектованию мы сохраняем очень серьёзно.

Сейчас в главном историческом корпусе оборудованы исключительные хранилища с новым оборудованием! Два года назад нам выделили серьёзные средства, и впервые за все годы мы установили автоматическую систему пожаротушения. У нас есть диспетчерская, где круглосуточно находятся четыре сменяемых диспетчера. Сигнализация, электрика — всё поменяно. Конечно, трудно представить, что такая сокровищница до сих пор была без такого оборудования. По пожарным требованиям мы оборудуем хранилища с определёнными отклонениями от стен и потолка — не так, как было раньше. Поэтому, когда мы завершим хранилище там (сейчас у нас идёт грандиозная работа по двум хранилищам: мы их освобождаем, перемещаем материалы), то мы немного теряем протяжённость наших архивных полок. По результатам — у нас 16 хранилищ на два корпуса и 3 хранилища для микрофильмов — фонды пользования. В общем, в результате этих пожарных требований мы потеряем ровно не одно хранилище, а целых два хранилища. И тем не менее нельзя забывать, что эти здания уже значительно устарели. Но мы ими очень дорожим!

Ведь они несут в себе определённую эстетику времени. Это послевоенные постройки, которые внешне напоминают школьные корпуса.

С. Э., Н. Э.: На сколько лет ещё хватит места? Что будет дальше?

Т. Г.: Складывается довольно напряжённая ситуация. Несмотря на то, что появился новый корпус, он уже практически заполнен. Идёт очень активно комплектование документами Министерства культуры и других ведомств. Ликвидируются долги перед учреждениями списка источников комплектования, там истекли уже сроки хранения, и мы должны были принять их на государственное. Это обработанные материалы.

А дальше пока перспектив нет. Я могу отвечать только за своё хозяйство, а стратегию разрабатывает Росархив. Сейчас вводится в эксплуатацию новый корпус РГАКФД по последнему слову техники и электроники. Принято решение строить для ГАРФА в Обнинске гигантский комплекс с дата-центром. Коллеги, конечно, принимают грандиозные объёмы документации, хранилища уже давно трещат по швам. Но главное — цифра. Вопрос с «облаком» на государственном уровне пока не решён. Сейчас мы получили дополнительное финансирование на оцифровку. Мы храним уникальные вещи, разнотипные, поливидовые и политематические на разных носителях — огромное разнообразие. У нас есть и музейный фонд, и книжно-печатное хранилище с уникальными автографами, и сейфовое хранение. Единственное — мы избавляемся от плёночных носителей, т. к. отсутствуют

условия хранения, передаём этот материал в профильные архивы, которые хранят подлинные документы, предоставляя в РГАЛИ цифровые копии. Начиная с 2003 года, мы приступили к реализации программы по информатизации нашего архива. В 2017 году достигли 100%-го размещения в Интернете всех архивных описей. И не только на уровне единиц хранения, но и отдельных документов, письменных и изобразительных, и их оцифрованных образов.

У нас сейчас огромное количество пользователей со всего мира. Они идут и находят интересующую их информацию о документах, регистрируются в «личном кабинете», делают выписки, посылают заявку. Если им помимо совокупности информации нужны отдельные сканы, за отдельную плату они могут их получить в удалённом доступе.

С.Э., Н.Э.: Сколько это стоит?

Т.Г.: Прейскурант вывешен, он универсален для всех федеральных архивов. Это решение было принято недавно. Скидки предоставляются только фондообразователям или их наследникам (в других архивах это неактуально). У нас есть практика сотрудничества с издательствами, она применяется нами очень давно и прекрасно работает. Когда раньше обращался издатель и говорил, что хочет издать литературную или мемуарную рукопись, но не имеет возможности оплатить расходы на полный цикл копирования и археографическое сопровождение, поскольку издательство некоммерческое, возникал неразрешимый тупик. В результате и книга не издаётся,

и источник хранится годами невостребованный. Мы понимали, что это неправильно и с этим нужно что-то делать! Государство вкладывает в создание национальной документальной памяти не только для его физического сохранения. Есть не менее важная функция — научно-просветительская, когда накопленный столетиями опыт возвращается нынешнему поколению. Понимая это, мы выработали формы сотрудничества. Поэтому создана «линейка» для совместной реализации документальных изданий с использованием нашего грифа. Вот уже 10 лет архив активно принимает участие в книжных ярмарках. Проводим презентации, встречи с авторами и читателями для представления наших книг. Безусловно, без поддержки Роспечати и лично М.В. Сеславинского и В.В. Григорьева это было бы невозможно.

С.Э., Н.Э.: То есть, если к вам обращаются издательства, вы бесплатно предоставляете отсканированный материал?

Т.Г.: Не бесплатно, заключается договор, в котором закрепляются определённые условия. Частично издательства оплачивают услуги архива, другую часть мы получаем в виде книг. Довольно щадящие условия, которые позволяют интеллектуальным издательствам осуществлять свои проекты. Потому что тираж всего 1000 экземпляров, а книга РГАЛИ — это хороший подарок. Книги у нас содержательные, не однодневки. Свои издания мы готовим совместно с экспертами, представителями академической науки. У нас есть свои специалисты

и специализация поддерживается, но главные исследовательские силы всё-таки сосредоточены в академических институтах. Мы сотрудничаем с ИМЛИ и с ИРЛИ — они наши постоянные партнёры, авторы и соавторы, составители научных комментариев, статей, предисловий. Вот только последние из наших работ. К военному тому по истории Союза писателей предисловие писал Александр Архангельский. К альбому «200-летие Тургенева» — Игорь Петрович Золотусский — известнейший литературный критик, человек, многие годы занимающийся Н. В. Гоголем, к одному из томов дневников Ольги Берггольц — Тамара Юсуфовна Красовицкая.

Многие годы мы были связаны творческим сотрудничеством с Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы и Издательством им. М. И. Рудомино. Готовили совместные издания, выставки, культурные акции. Екатерина Юрьевна Гениева, с которой меня связывали более 20 лет дружбы, своей неутомимой энергией вовлекала нас в различные проекты, юбилейные мероприятия, расширяя диапазон возможностей такого уникального архива как РГАЛИ.

С. Э., Н. Э.: И в завершение — традиционный вопрос о ваших творческих планах.

Т. Г.: Мои творческие планы пока что тесно связаны с творческими планами РГАЛИ. Прекрасно, что темы меняются, один за другим празднуются юбилеи. И все они так или иначе затрагивают наши богатые фонды, которые мы с радостью предлагаем

для публикации, демонстрации или любой другой доступной формы, интересной для аудитории. Я стараюсь участвовать в наших научных работах и оставаться исследователем наших документов. Последние два года мы работаем над подготовкой документальной биографии Александра Исаевича Солженицына. Эта работа началась в связи со 100-летием писателя. В рамках этого проекта была подготовлена выставка, посвященная самому яркому периоду жизни Солженицына, связанному с журналом «Новый мир».

Вот уже много лет идёт работа над документальным изданием «История Союза советских писателей»; выпустили три тома: это и годы, предшествовавшие созданию Союза советских писателей, и годы предвоенные, т. е. 1920-е—1930-е годы — том «Между молотом и наковальней», а затем и два тома, посвященные периоду войны. Сейчас завершается работа по послевоенным годам — с 1946-го по 1956 год. После этого будет ещё один заключительный том. Это большая работа, и я включаюсь в нее совместно с сотрудниками по мере возможности.

И очень важная для нас тема — это дневники Ольги Фёдоровны Берггольц. Это блокадные дневники, которые мы выпустили в 2016 году (издательство «Вита Нова»). А сейчас уже совместно с издательством «Кучково Поле» мы готовим трёхтомник — это полное издание дневников с 1924-го по 1975 год, до конца её жизни. Сейчас заканчивается работа над выверкой текста её послевоенных дневников для третьего тома.

Если первое десятилетие можно назвать «Цветаевским», потому что мы публиковали все неизданное к тому времени биографическое и мемуарное наследие Марины Ивановны, то второе десятилетие XXI века мы посвятили Берггольц.

Еще одна важная для РГАЛИ тема — русский художественно-литературный авангард и особенно всё, что связано с архивом Николая Ивановича Харджиева. Совместно с Фондом IN ARTIBUS мы выпустили в свет уже два тома научных статей и публикаций, а сейчас уже на выходе третий том, для которого я готовлю публикацию «Харджиев и Маяковский». Всё это, и выставка в 2017 году, и эти издания, и международная конференция, которая совсем скоро пройдет у нас, с 20 по 23 июня — все это часть большой научной программы по освоению богатейшей коллекции Николая Ивановича, которая теперь в полном объеме хранится и доступна специалистам всего мира. Сейчас мы ждем интереснейшие доклады, с которыми у нас выступят самые лучшие специалисты из США, Франции, Германии, Нидерландов, Греции. Ну и, конечно, наши отечественные исследователи из ГМИИ, Третьяковской галереи, Русского музея. Проведение события такого масштаба — это наш первый подобный опыт.

С.Э., Н.Э.: Наш разговор с Татьяной Горяевой состоялся в конце мая 2019 года. После этого в её жизни произошли значительные перемены. Как сейчас складывается жизнь экс-директора? Что изменилось в РГАЛИ после её ухода? С этими вопросами мы обратились к ней, вот

уже полгода как советнику директора ГМИИ им. А.П. Пушкина М.Д. Лошак.

Т.Г.: Конечно, вы правы, перемены очень большие. Но пока еще слишком рано откровенно говорить о том, как и почему было принято такое решение. Наступит время, когда я смогу поделиться и этим. Но одно очевидно, «обстоятельства непреодолимой силы», я имею в виду возгорание в первом корпусе, которое произошло 12 июля прошлого года, не было тому причиной. Зато именно этим легче всего было воспользоваться, чтобы сформировать общественное мнение, что «меры приняты, стрелочник наказан». Гораздо хуже другое. Это решение было принято так скоропалительно и впопыхах, что не было обеспечено главное — преемственность. Вот почему всё накопленное за два десятилетия — научный и культурный потенциал, деятельность редакционного, научного и Попечительского советов теперь сведены на нет. Не говоря уже о научно-публикационной деятельности и международном сотрудничестве. Очень тревожусь за информационное обеспечение электронного каталога. Когда я пришла в РГАЛИ почти 20 лет назад, я твердо знала, что и как я буду делать в этом архиве. И не только потому, что за плечами был уже определенный организационный опыт, но и потому, что я хорошо знала не только фонды, а со многими я работала как исследователь, но и достаточно хорошо знала коллектив архива, и, прежде всего, руководство — Наталью Борисовну Волкову и Ирину Павловну Сиротинскую. И тем не менее я почти полгода находилась в должности

заместителя, чтобы непосредственно от них плавно принять руководство. И потом они достаточно долго работали в архиве, и у нас на всю жизнь сохранились добрые и дружеские отношения. А с моей стороны только глубокое уважение и признательность. «Низкий поклон нашим великим предшественникам за то, что они создали и сохранили великий РГАЛИ» — именно с этими словами начинались все мои выступления по случаю юбилеев, открытий выставок, презентаций изданий.

В нашем архивно-музейном деле — главное это сохранение традиций и накопленного опыта. Это культура и уважительное отношение к коллегам. Вот эта аура теперь нарушена и больше не существует.

Я прекрасно понимаю и почти уверена, что должен пройти еще один исторический виток, чтобы все вернулось на правильный путь — созидания и творчества. И несмотря на то, что уже многие сотрудники были вынуждены расстаться с архивом, я уверена, что то, чего мы смогли достигнуть за эти 20 лет нашей работы, уже вошло в историю отечественного архивного дела.

Не надо специально говорить, что я ощутила, получив приглашение от директора ГМИИ им. А.С. Пушкина Марины Лошак, с которой меня связывают годы дружбы и сотрудничества, прийти на работу в музей. И это произошло практически сразу после моего ухода. Это было просто чудо! Мой самый любимый и самый близкий по духу музей. Первое, что возникло в голове: я теперь буду жить в живописной части знаменитой коллекции Ильи Самойловича Зильберштейна, с архивной частью которой я была кровно связана в РГАЛИ. Да ещё с таким невероятно заманчивым предложением заниматься научным проектированием нового музейного пространства Дом текста. И я как всегда с большим увлечением и энтузиазмом погрузилась в эту атмосферу. Думаю, что через некоторое время уже смогу рассказать об этом более подробно. А пока я уже в который раз убеждаюсь в абсолютной правоте Виктора Борисовича Шкловского, великого реформатора и креатора, который вывел формулу вечного движения и преодоления: «Изменяйте биографию. Пользуйтесь жизнью. Ломайте себя о колено».

«НАШ АРХИВ — ЭТО И СЕМЕЙНАЯ, И ОБЩЕСТВЕННАЯ, И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ». Интервью со М. И. Смилянской

В интервью¹ с директором Российского государственного архива фонодокументов Смилянской Мариной Ивановной поднимаются вопросы о семейной памяти, об истории звукозаписи в России и в мире, о работе архива, в котором хранятся звукозаписи, сделанные на различных носителях.

Ключевые слова: история звукозаписи, Российский государственный архив фонодокументов, оцифровка фонодокументов современными техническими средствами

Смилянская Марина Ивановна — директор Российского государственного архива фонодокументов.

Контактная информация: rgafd@mail.ru

"OUR ARCHIVE IS BOTH FAMILY, SOCIAL AND POLITICAL MEMORY."

Interview with M. I. Smilyanskaya

In an interview with Marina Ivanovna Smilyanskaya, director of the Russian State Archive of Audio Documents, questions are raised about family memory, about the history of sound recording in Russia and in the world, about the work of the archive, which stores sound recordings are made on various media.

Keywords: history of sound recording, Russian State Archive of Audio Documents, digitization of audio documents by modern technical means

Smilyanskaya Marina Ivanovna — Director of the Russian State Archive of Audio Documents.

Contact information: rgafd@mail.ru

Беседовал Н. С. Эрлих

Н. Э.: *Марина Ивановна, наш журнал посвящён исторической памяти: расскажите, пожалуйста, о себе, о своей семье и предках.*

М. С.: Мои предки — самые обычные люди, россияне. Если вспоминать

о детстве, то больше всего, конечно, мне дали родители, которые любили Родину, её историю, рассказывали о наших предках, о непростой жизни — на их долю достались и война, и оккупация.

Отдельно мне хочется рассказать о своём первом учителе — это Разумовский Юрий Петрович. Я родилась в Москве, но жили мы в Звенигороде, а в школу я ходила в Саввинской слободе — это рядом с Саввино-Сторожевским монастырём. Там была начальная школа, в которой преподавали муж и жена — Разумовские, вырастившие всю округу. Я даже где-то читала, что в районе Звенигорода была целая династия Разумовских-учителей. Вот эти учителя, конечно, оставили огромный след! Мы часто бродили по окрестностям, взбирались на гору, на которой стоит Саввино-Сторожевской монастырь, и Юрий Петрович нам рассказывал о том, как приходили завоеватели, как была организована оборона этого монастыря, про историю и культуру этой местности — там же очень многие деятели культуры отдыхали и творили: Танеев, Левитан и другие. Там было создано художниками много картин. Однажды в Третьяковской галерее я узнала мостик в Саввинской слободе, написанный Левитаном.

Так проходило моё детство. Папа был геологом, мы много путешествовали. Я увидела, что везде живут хорошие люди — работающие, любящие свою землю и своих соседей. Всегда можно было найти со всеми общий язык.

Уже взрослою, судьба занесла меня в архивные учреждения. А архивные учреждения имеют такую особенность — они «не отпускают». Хотя в 90-е годы мне пришлось пойти на заработки в другие организации, я всё равно вернулась. Сначала я работала в Российском государственном

ном архиве экономики, а потом ещё 15 лет проработала в Федеральном архивном агентстве (до 2004 года — Федеральная архивная служба России). А после работы в Росархиве я была назначена на работу в Российский государственный архив фонодокументов. Архив оказался очень интересным по содержанию и специфике хранящихся в нем документов и замечательным — своим хорошим коллективом. Сотрудники РГАФД — знающие, работающие по велению души люди, очень инициативные, дружные, интеллигентные — одно удовольствие работать с такими! Мне кажется, мы сдружились, нашли точки понимания, и вот уже 4 года я работаю здесь (с 1 декабря 2014 года).

Наш архив организован в 1932 году по инициативе А. В. Луначарского. Сотрудники архива проводят экскурсии и рассказывают посетителям о Немецкой слободе, Лефортовском дворце (Дворце Петра I на Яузе), об истории звукозаписи и Российском государственном архиве фонодокументов. В нашем архиве создана небольшая музейная экспозиция, где представлены копии документов, касающихся истории создания архива, фотографии Лефортовского дворца в прошлом. Посетителям предлагается послушать самые интересные, на наш взгляд, звукозаписи.

Инициатором создания архива звукозаписи был А. В. Луначарский. Он говорил, что живой голос человека даёт гораздо больше представления о том, что в своей речи оратор хотел донести до слушателей — помимо слов, это ещё интонация, живой голос — речь в звуке производит гораз-

до более яркое впечатление, чем печатный текст. Он говорил, что надо собирать и хранить звукозаписи голосов политических и общественных деятелей. Когда после Октябрьской революции встал вопрос о развертывании агитации, были организованы массовые выпуски грампластинок с выступлениями политических деятелей. С них начинался звуковой архив.

К началу XX века прошло чуть больше 20 лет со времени изобретения технологии записи звука, а грамзапись достигла бума популярности — она стала более доступной — даже простые люди могли позволить себе приобретение граммофона, повсеместно продавались пластинки. Из-за большого спроса как грибы стали расти фирмы, производившие грампластинки.

В наш архив попали различные виды носителей звука, начиная с фоноваликов. У нас хранятся уникальные фоновалики, на которых записаны голоса певцов из народа, записанные Митрофаном Ефимовичем Пятницким.

Н. Э.: *Они не очень известны широкой публике?*

М. С.: К сожалению, нет, они не очень известны. У нас эти звукозаписи хранятся как особо ценные, 17 из них — уникальные. Они доступны на сайте — на портале Архива России размещен Реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации, в том числе и наши семнадцать записей на фоноваликах. Качество звукозаписей, конечно, не очень хорошее. Но как красиво, прак-

тически профессионально, на голоса, пели простые крестьяне села Александровка Бобровского уезда Воронежской губернии (например, № 366 реестра, архивный шифр РГАФД, ф.100, оп.1ф/в, № 026).

И, конечно же, у нас хранятся пластинки и технологические этапы изготовления пластинок — это граммо оригиналы. У нас более 64 тысяч граммо оригиналов на никеле, меди, на различных металлических основах.

Н. Э.: *Грамморигиналы — это, по сути, как пластинки?*

М. С.: Необходимо немного рассказать о классической технологии грамзаписи, как это делалось изначально: когда звук записывался, акустическая волна шла от рупоров, принимающих звук, на резец; резец чисто механически двигался по мягкой поверхности пластинки, на которую нанесён воск или лак, таким образом на них записывался звук. Но хранить восковые и лаковые диски практически невозможно, воск и лак недолговечны, плохо сохраняют запись. Поэтому её сразу переводили гальваническим способом на металл — обсыпали очень мелким серебряным порошком, опускали в гальваническую ванну, в которой происходило нанесение металлического слоя — оттиска этой пластинки, получался первый (нечётный) граммо оригинал с выпуклой дорожкой.

В то время считалось, что с каждого граммо оригинала можно сделать восемь качественных гальванических оттисков. Если вам нужен тираж грампластинок, то есть вы хотите получить определенное количество

прессовочных матриц, вам необходимо провести соответствующее количество операций по гальваническому копированию, причем с каждой копии создается 8 следующих: с нечетных — четные, с четных — нечетные, матрицы должны быть нечетными. И вот первые и вторые экземпляры этих металлических оттисков у нас и хранятся. Всего более 64 тысяч. Есть непростой момент: нечётные граморигиналы — с выпуклой дорожкой. Если чётные можно поставить на проигрыватель-грамстол и проводить оцифровку, то нечетные — не получится. Это невозможно физически. Либо должна быть вилочковая иголка звукоснимателя, либо нужно делать гальваническую копию — т. е. создавать чётный граморигинал и таким образом делать этот фонодокумент звучащим. Дело это довольно дорогое. Граморигиналы содержат очень интересные фонодокументы. Архив уже много лет занимается оцифровкой фонодокументов современными техническими средствами, чтобы ввести в общественное использование и научный оборот звукозаписи и хранить фонодокументы в цифровом виде с применением всех технических мер защиты и восстановления информации при возникновении дефектов и ошибок. Вот такая задача оцифровки грамориригиналов сейчас стоит перед нами.

Н.Э.: *Какая часть архива уже оцифрована?*

М.С.: Пока ещё небольшая. Впереди много работы. До 2018 года существовала Федеральная целевая программа «Архивы России (2012–2018 гг.)», и мы, участвуя в ее реализации, за счёт средств ФЦП

выполняли эту работу силами победивших в конкурсах сторонних организаций. При этом Технический отдел архива занимается оцифровкой непрерывно.

Н.Э.: *Сейчас этой программы не существует?*

М.С.: Федеральная целевая программа завершилась в 2018 году. Мы надеемся, что в будущем будут другие программы и мы примем в них участие и продолжим оцифровку фонодокументов. Это существенно упростит доступ к хранящимся в архиве документам и обеспечит их сохранность.

Возвращаясь к носителям звука:

После изобретения грамзаписи был создан ряд различных, очень интересных, носителей звука. В 1920–1930 годах произошел настоящий бум разработок устройств звукозаписи. Проблема сохранения звука просто висела в воздухе.

В 1931 году советским изобретателем Александром Федоровичем Шориным создан метод кодировки звука нанесением царапин-штришков на киноплёнку. Аппараты шоринофоны есть в Политехническом музее (мы не знаем, в рабочем ли они состоянии). Шоринофонные фонодокументы, хранящиеся в РГАФД, скопированы на магнитную ленту и сейчас доступны для прослушивания. Поскольку шоринофонная звукозапись — это плёнка на нитрооснове, т. е. самовоспламеняющаяся, наши фонодокументы-шоринофоны хранятся в подземных архивохранилищах Российского государственно-

го архива кинофотодокументов в г. Красногорске.

В Советском Союзе в 1930-х годах был разработан и другой, очень интересный, носитель звука — «говорящая бумага». Изобретатель — Борис Павлович Скворцов.

Очень интересно было бы узнать что-то о Б.П. Скворцове — где жил, где работал. Но, к сожалению, пока мы ничего не знаем.

Этим исследованием очень активно занимается Коломенский краеведческий музей, в частности, исследование истории изобретения и поиск информации об изобретателе «говорящей бумаги» Б.П. Скворцове ведет заместитель директора музея Татьяна Алексеевна Стукнина. Почему Коломенский музей — именно в Коломне был завод, где производили эти аппараты. Мы тоже пытались найти по этому вопросу какую-то документацию и нашли в Российском государственном архиве экономики заявку Б.П. Скворцова на изобретение «говорящей книги». К сожалению, заявка на изобретение была не очень тщательно оформлена и по ней ничего не удалось узнать об изобретателе. Мы надеемся, что поиск сведений о Б.П. Скворцове еще не исчерпан, хотелось бы найти его потомков и что-то узнать о нем из семейной истории.

В экспозиции Коломенского музея представлен работающий аппарат для воспроизведения звука с «говорящей бумаги» (кстати, такие аппараты есть и в Политехническом музее). Коломенские музейщики привлекли и заинтересовали инже-

нерные силы Коломны и аппарат заработал, заиграл музыку. Иногда, редко, аппарат включают. И, как это ни странно, зрелище очень впечатляющее! Мы привыкли, что какое-то даже маленькое звуковоспроизводящее устройство работает за счет электроники, транзисторов, процессоров и т.д., и всё это нами воспринимается как норма. А когда перед нами громоздкий аппарат с валиками внушительных размеров, на которые ставится рулон бумаги (нечто похожее на перфоленту, только не с перфорацией, а с волнистыми линиями, как на сейсмографе), и неожиданно раздаётся звук — выглядит необычно! На рулоне «говорящей бумаги» восемь линий звукозаписи, рулон прокручивается сначала в одну сторону, потом в другую восемь раз, таким образом, на рулоне бумаги могло содержаться достаточно большое количество музыки.

По сведениям Коломенского музея, вопрос запуска этого изобретения в серию решался очень долго — с начала 1930-х годов до начала Великой Отечественной войны. Госплан тормозил запуск аппарата в серийное производство, поскольку цена аппарата казалась чрезмерно высокой — спрос у населения будет небольшой, поэтому запускать серийное производство нецелесообразно. Ведь «говорящую бумагу» изобретали для повседневного, домашнего использования. В качестве усилителя звука планировалось использовать радиоприёмники, которые выпускал Воронежский радиозавод. В мае-июне 1941 года пробная партия приставок для воспроизведения «говорящей бумаги» была отправлена в Воронеж. Но началась война. Под колесо

войны попал и Воронеж. С тех пор следы пробной партии аппаратов для воспроизведения «говорящей бумаги» потеряны. Осталось совсем немного этих приборов — может быть, это были выставочные или экспериментальные экземпляры.

Технология шоронофонов и «говорящей бумаги» заглохла и в дальнейшем не получила развития. После войны в звукозаписи уже царила магнитная лента.

Н. Э.: *А образцы «говорящей бумаги» у вас в архиве есть?*

М. С.: Да, но всего 23 рулона. Есть «говорящая бумага» ещё в Политехническом музее и в Коломенском краеведческом музее.

Все те документы, которые у нас есть на нетрадиционных носителях — за исключением «говорящей бумаги», — переведены на магнитную ленту. Поэтому тот звук, который был на них записан — доступен. А что касается «говорящей бумаги», там записаны фокстроты и танцевальная музыка. То есть, это музыка, которая наверняка присутствует на грампластинках. И новизны от снятия звука с «говорящей бумаги», скорее всего, не будет.

Н. Э.: *Это был просто эксперимент, как форма записи звука?*

М. С.: Да. Она и продвигалась, как дешёвая запись. Сама бумага же очень дешёвая. В отличие от магнитной ленты, которая гораздо дороже. Оставалось только снизить себестоимость аппаратов. Но война сломала все планы.

Н. Э.: *И вроде бы событие значимое — более незначительные события остаются в истории, — а тут как-то ничего не осталось.*

М. С.: Во-первых, война. И, возможно, ещё элемент какой-то небрежности.

Н. Э.: *Или тайны?*

М. С.: Сомневаюсь, могла ли быть тайной «говорящая бумага»... Хотя, кто знает, возможно. У немцев же разработка магнитной ленты предназначалась для военных целей.

Кроме перечисленных видов документов в нашем архиве хранится большой фонд тонфильмов. Носитель этих фонодокументов — тоже киноплёнка, где документ записывается так же, как звуковая дорожка кинофильмов. Та часть тонфильмов, которая записана на киноплёнку на нитрооснове, хранится в Красногорске, а фонодокументы на триацетатной основе — у нас в Лефортовском дворце.

И конечно, в фондах РГАФД хранится много документов на магнитной ленте, более поздние поступления — на компакт-кассетах, компакт-дисках, CD, DVD и т. д. — на всем известных носителях информации.

Практически каждый комплектующийся архив имеет три главных архивных направления деятельности: комплектование, обеспечение сохранности и использование документов архива.

Первостепенная задача любого архива — обеспечение сохранности

документов. В РГАФД этим занимается Отдел обеспечения сохранности и входящие в его состав архивохранилища. Ведутся стандартные архивные работы: поддержание нормативных условий хранения, проверка наличия документов и пр. Технический отдел ведет постоянный плановый контроль технического состояния звукозаписей, проводит регламентные работы по видам носителей, оцифровку фонодокументов. Важно, чтобы своевременно были созданы копии фонодокументов, сейчас мы создаем цифровые копии на современных носителях с использованием серверного оборудования и ленточной библиотеки. Во всех государственных архивах документы, принятые в архив на государственное хранение, называются «документами постоянного хранения», и в скобках — «вечного». То есть, наша задача — сохранить их как можно дольше на оригинальных носителях, и сохранить звук, содержание фонодокумента для его использования путем оцифровки, перенесения на другие носители.

Благодаря финансовой помощи Росархива в архиве осуществляется модернизация оборудования для звукозаписи и звуковоспроизведения, компьютерной техники и средств хранения электронных документов.

Архив активно занимается комплектованием своих фондов. Источниками комплектования РГАФД являются звукозаписывающие фирмы, общественные и творческие организации, коллекционеры, наследники композиторов и исполнителей, писателей и поэтов, общественных и политических деятелей.

Большое и важное направление комплектования архива — запись документов фонда «Устная история». Специалисты Отдела комплектования производят звукозаписи различных мероприятий, событий, и просто воспоминаний людей, рассказывающих интересные моменты из своей жизни, о событиях, свидетелями которых они были.

Н.Э.: *Это тоже своего рода «семейная память».*

М.С.: Это и семейная, и общественная, и политическая память. Таким образом, если пользователь архивной информации пожелает исследовать какие-то сферы жизни народа, страны — в нашем архиве можно найти очень много интересного.

Самое эффективное и наиболее известное публике направление работы архивов — это использование архивных документов. Специфика нашего архива — специфика звука. Конечно, мы участвуем в разного рода проектах, но звук сам по себе мало где может быть экспонирован. Нужен дополнительно какой-то визуальный ряд, сопровождение. При этом всегда важно, чтобы звук был достаточно хорошо слышен, чтобы один звук не заглушал другой, чтобы прослушивание фонодокумента не мешало другим посетителям и т. д.

Наибольший эффект (отдачу) в работе по популяризации хранящихся в РГАФД фонодокументов дает сайт архива. На сайте архив размещает новости, материалы звукового календаря (шесть-семь раз в месяц) к юбилейным датам или интересным событиям, причем все заметки

сопровождаются рисунками, фотографиями и обязательно прикрепляются звуковые фрагменты.

Конечно, обязательная архивная работа — это формирование и размещение на сайте РГАФД каталогов фонодокументов. На сайте размещены первая и вторая части, а также 5 выпусков третьей части одного из самых крупных тематических каталогов РГАФД «Военная история СССР»; первая часть и три выпуска второй части тематического каталога «Музыкальное творчество народов России»; тематические каталоги о творчестве М. И. Глинки, А. Н. Скрябина, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского. В каталогах перечислены все документы, которые есть по этим темам, к некоторым документам прикреплены фрагменты фонодокументов.

Для посетителей сайта — а мы стараемся, чтобы у нас были постоянные посетители — на сайте РГАФД сформированы тематические рубрики: «Рассказы старого граммофона», «Архивные редкости», «Театр в звуке», «Москва и москвичи», «Из истории музыкальной индустрии», «История отечественной звукозаписи и фоноархивистики», «Устная история». Мы надеемся, что каждый посетитель сайта найдет для себя что-то интересное. Существенной новизной материалов этих рубрик является то, что в них представлены, в том числе, ранее не звучавшие звукозаписи, например, путем воспроизведения грамморигиналов. Конечно, звукозаписи сопровождаются подробными пояснениями, рассказами об упомянутых там персонажах, исполнителях, чей голос представлен посетителям сайта.

Кроме того, на сайте архива размещены проекты, посвященные отдельным темам. Один из последних — проект «Русская Арктика. Живые голоса истории». Первый выпуск был посвящен героической эпопее спасения челюскинцев. Следующий выпуск этого проекта — «Освоение северного морского пути». Выпуск этой серии, запланированный на 2020 год, будет посвящен военным действиям в Арктике во время Великой Отечественной войны.

Посетители сайта могут ознакомиться с проектами РГАФД «Космические старты», «История создания Красной Армии», «Композиторы — исполнители собственных сочинений», «Женщины на войне», «Голоса писателей и поэтов России», «Поющие актеры советского кино» и многие другие.

В 2019 году мы начали осуществление нового вида популяризации архивных документов — музыкально-публицистические вечера. Нам, как и любому архиву, очень хочется показать публике хранящиеся в архиве сокровища в непосредственном общении со зрителями и слушателями. Благодаря дружественным контактам с «Домом русского зарубежья», в 2019 году архив провел два музыкально-публицистических вечера. Первый наш опыт — вечер, посвященный творчеству и судьбе певицы начала XX века Надежды Плевицкой. Публике вечер понравился, зал был полон, было много заинтересованных слушателей, чувствовалось, что посетителям вечера предложенная тема была интересна.

Второй вечер мы посвятили певице Варе Паниной, исполнительнице

романсов и цыганских песен конца XIX — начала XX века.

Обе певицы были любимцами Николая II. Он интересовался музыкой, у царя была большая коллекция грампластинок. Поэтому, когда Николай II слушал этих певиц на концертах, он говорил: «Записывайте ещё! Почему, например, у меня нет пластинки Вари Паниной?». Таким образом и остались для истории их голоса. Первая пластинка Вари Паниной записана в 1905 году. На пластинки было записано много романсов и песен в ее исполнении. Интересно, что сегодня слушателю заметна своеобразная манера исполнения, близкая и понятная современникам певицы, ее искусство затрагивало сердца людей, у Вари Паниной была бешеная популярность.

Отзывы о втором вечере были очень тёплые, с пожеланиями развивать эту работу и дальше.

Иногда идеи по использованию фоновых документов приходят и реализуются неожиданно: например, когда мы начали снимать звук с чётных грамморигиналов, мы оцифровали несколько старинных маршей. Они так замечательно звучат — это совершенно другая манера, другое звучание, чем у современной музыки (так же, как другая манера исполнения музыки оперной и эстрадной). Используя два оцифрованных марша («Страдалец» и «Девятый вал» 1912–1914 годов), мы сделали небольшой видеомузикальный проект: сопроводили звук маршей фотографиями из фондов Российского государственного военно-исторического архива. Видеокомпозиция «Звуки

и лица Первой мировой войны» размещена на сайте архива. Интересно, что второй марш, который был использован в видеокомпозиции, назывался «Девятый вал» и, как мы ни искали, нигде в Интернете не нашли ни упоминания самого этого марша, ни информации об авторе и оркестре-исполнителе. Для иллюстрации звука этого марша мы использовали фотографии из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота.

Сотрудники архива — инициативные, энергичные профессионалы, у них так много идей, что на их реализацию не всегда хватает рабочих рук. Коллектив работает с большим интересом, поэтому и проекты реализуются интересно! Я иногда сама на даче по выходным открываю сайт и провожу вечер, слушая концерты и читая познавательные тексты... Вот такая у нас интересная жизнь!

Н. Э.: *А самые ранние записи у вас с какого времени?*

М. С.: Начало XX века. Понимаете, грампластины тогда подчас так небрежно оформлялись, что не были помечены ни год, ни автор. Во времена наибольшей популярности грамзаписи существовали как известные серьезные звукозаписывающие фирмы, так и «однодневки», которые, только начав свою деятельность, скоро прекращали существование. И в их технологических поведенческих манерах не указывать авторов и исполнителей. Были и фирмы-воришки, выпускавшие контрафакт. Но и они остались в истории, потому что звукозаписи хранятся в нашем архиве. Для уточнения данных

о звукозаписях мы пользуемся фирменными каталогами тех времён. Особенно много вопросов к звукозаписям на граморгиналах, поскольку на них нет этикеток — только производственные номера. Отвечая на Ваш вопрос, надо отметить, что в архиве хранится много дореволюционных звукозаписей.

Н. Э.: *Некоторые документы в архивах бывают под грифом «секретно», а со звуковыми носителями такого нет?*

М. С.: Нет, в нашем архиве секретных документов нет. Другое дело, что нам иногда сдают документы, которые автор — фондообразователь не разрешает никому давать прослушивать в течение определенного времени. И мы выполняем это требование, соблюдаем условие заключенного договора.

Н. Э.: *Получается, что оцифровать такой документ невозможно?*

М. С.: Мы, в случае необходимости — если документ, например, в угрожающем физическом состоянии и его надо спасать — мы его оцифруем, но и в отношении копии будем соблюдать условия договора.

С тем, кто сдаёт в архив документы, мы обязательно заключаем договор, которым, в частности, предусмотрено, что фондообразователю всегда открыт доступ к сданным им документам, по его просьбе архив делает ему копию его документов бесплатно. Вообще, для пользователей, которые приходят в архив, бесплатно предоставляется научно-справочный аппарат, возможность прослушать

фонодокументы, но снимать копии мы обязаны по прејскуранту. И поскольку федеральные архивы — казённые учреждения, то есть их содержит государство, обеспечивая всем необходимым для работы, создавая условия хранения документов, выплачивая зарплату и т. д., все деньги, которые зарабатывает федеральный архив, поступают в государственный бюджет.

Н. Э.: *Вы говорили о записях 1905 года. А что именно в тех записях? Это музыкальные записи, или в них есть голоса царской семьи, например?*

М. С.: В основном, дореволюционные фонодокументы содержат звукозаписи музыкальных произведений, народной музыки. Есть записи голосов знаменитых людей: Л. Н. Толстого, Ф. И. Шаляпина. Записей голосов членов царской семьи, или, о чем часто спрашивают, голоса П. И. Чайковского не существует, во всяком случае, достоверно и точно подтвержденных.

Среди фонодокументов более позднего времени есть и политические речи, и всевозможные выступления на творческих вечерах и митингах. Людмила Васильевна Королева — начальник отдела РГАФД, которая проводит экскурсии, подбирает для демонстрации слушателям такие записи, которые были бы трудно узнаваемыми, являлись бы для посетителей загадкой. Практически никто не узнаёт подлинный голос Сталина, Есенина принимают за Маяковского. Очень большое впечатление на экскурсантов производит звукозапись выступления одной

домохозяйки на митинге, требующем расправы над врагами народа. Ее иступленные крики передают страшную атмосферу периода массовых репрессий.

Н. Э.: *Это московские процессы?*

М. С.: Да, это один из московских процессов, яркость впечатления в том, что в этой звукозаписи можно услышать психологическое состояние человека, одурманенного массовой пропагандой. Это производит впечатление.

Экскурсии, по-видимому, нравятся посетителям, по окончании экскурсий посетители остаются, чтобы задать вопросы и поделиться впечатлениями. Конечно, эту работу надо расширять. Популяризация того, что мы храним, кажется очень благодарным направлением работы.

Н. Э.: *Экскурсии у вас проходят регулярно?*

М. С.: К сожалению, нет. Оплата услуг архива возможна только по безналичному расчёту, то есть мы не можем проводить экскурсии для неорганизованных групп. Поэтому экскурсии проводятся только для организаций или групп из нескольких человек, которые готовы перечислить деньги в госбюджет по безналичному расчёту. Стоимость экскурсии по прейскуранту 200 рублей за человека. Но не все желающие могут организовать такие группы, и это очень жаль, но система такова.

Н. Э.: *Получается, только организованные посещения?*

М. С.: Да, только группы, оплатившие в госбюджет проведение экскурсии безналично.

Н. Э.: *И с улицы на выходные к вам попасть нельзя?*

М. С.: Нет, в выходные дни посещения нет. У нас режимная территория. Когда в будние дни проводятся экскурсии, мы встречаем группы, посетители проходят на территорию дворца по спискам по предъявлении паспортов.

Н. Э.: *В завершение, расскажите, пожалуйста, о своих творческих планах.*

М. С.: Архив будет продолжать создание проектов и тематических каталогов, подготовку музыкально-публицистических вечеров. На второе полугодие 2019 года запланирован вечер, посвященный творчеству Михаила Вавича — тоже забытого певца, и когда-то знаменитой певицы Анастасии Вяльцевой. В начале XX века они были популярными и известными исполнителями, а ныне их мало кто знает. На следующий год планируем продолжение темы освоения Арктики, и создание проекта об освоении Антарктиды. К 75-летию Победы готовим проект о партизанах и подпольщиках, уже идет подбор фонодокументов и иллюстративного материала.

Н. Э.: *Спасибо большое за интересное интервью!*

М. А. Артемьев

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПИГРАММЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА И ВИКТОРА ГЮГО

Текст посвящен сравнению эпиграмматических стихотворений Александра Пушкина и Виктора Гюго. Сопоставляются сюжет, персонажи, сходство и различие произведений обоих авторов.

Ключевые слова: Александр Пушкин, Виктор Гюго, эпиграмма, классицизм.

Об авторе: Артемьев Максим Анатольевич — литературный критик, писатель, журналист. Кандидат психологических наук.

Контактная информация: art-maksim@yandex.ru

M. A. Artemyev

REFRACTION OF THE CLASSICAL EPIGRAM TRADITIONS IN THE WORKS OF ALEXANDER PUSHKIN AND VICTOR HUGO

The text is dedicated to the comparative epigrammatic poems of Alexander Pushkin and Victor Hugo. The plot, characters, similarities and differences of the works of both authors are compared.

Key words: Alexander Pushkin, Victor Hugo, epigram, classicism

About the author: Artemyev Maxim Anatolyevich. PhD in Psychology, Associate Professor. Journalist, writer, literary critic. Author of the books "Guide to World Literature", "Hugo" (in the series The life of remarkable people).

Contact information: art-maksim@yandex.ru

© М. А. Артемьев, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-3-276-279

Александр Пушкин (1799–1837) и Виктор Гюго (1802–1885) принадлежали к одному поколению в поэзии и являлись его ведущими представителями в своих странах.

При всех своих формальных различиях — Гюго ярко выраженный романтик со склонностью к пафосу, громкой фразе, Пушкин, напротив, отрицавший неоднократно эстетику Гюго и выбиравший среди современных ему поэтов Франции Альфреда Мюссе, с его подчеркнутой иронией и трезвой интонацией, равно как и Ш. О. Сент-Бёва, чьи стихи проникнуты саморазрушительной рефлексией — они занимают схожее место в поэзии России и Франции. Пушкин считается «началом всех начал», создателем современного русского литературного языка. Гюго принадлежит к числу самых крупных поэтов Франции, а по мнению, например, А. Жида, он самый значительный.

Тем интереснее увидеть неожиданное совпадение в их творчестве, когда эти два столь разных по эстети-

ческим предпочтениям поэта-современника написали стихотворения, в которых практически совпали формально и содержательно, при этом создав их на разных этапах своего творчества, Пушкин — в его начале, Гюго — спустя двадцать семь лет, будучи в середине своего литературного пути.

В 1822 году 23-летний Александр Пушкин написал в южной ссылке эпиграмму —

На А. А. Давыдову

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом её страшая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

В апреле 1849 года Виктор Гюго, в возрасте сорока семи лет, создал стихотворение, напечатанное посмертно в сборнике «Вся лира» (Toute la lyre)

IDYLLE DE LA RUE N. D. DE LORETTE

— Six amants ! — Cela fait crier ?
— A la fois ? — Pourquoi pas ? Coquette,
Pourquoi Psaphon ? — C'est un poète.
— Pourquoi Dimas ? — C'est un banquier.
— Et Grib, l'affreux casse-noisette
Plus noirci que son encrier ?
— Diable ! il écrit dans la gazette.
— Pourquoi Senex, le maltôtier ?
— Avoir un vieux, c'est mon système.
— Et Mars ? — C'est un beau grenadier.
— Et moi, madame ? — Ah ! toi ! je t'aime.

— Шесть любовников! — И надо
кричать?
Сразу? — Почему нет? Кокетка,
Почему Псафон? — Он поэт.
Почему Димас? — Он банкир.
— А Гриб, уродливый шелкунчик,
Чернее чем его чернильница?
— Черт подери! Он пишет в газетах.
— Зачем Сенекс, откупщик?
— Иметь старичка в моем обычае.
— И Марс? — Он гренадер-красавчик.
— А я, сударыня? — Ах, тебя я
(просто) люблю.

Стихотворение Гюго написано в форме диалога, возможно, поэтому в нем чуть больше объем — 11 строк вместо 8 строк у Пушкина. Число любовников одинаково — везде по шесть. У Пушкина это офицер, богач, француз, «умник», поэт («пел» тут можно интерпретировать именно в смысле «певец любви», то есть лирический поэт) и муж. У Гюго набор в целом совпадает — поэт, банкир, журналист, откупщик (maltôtier допустимо перевести именно так), гренадер и вопрошающий возлюбленный. Фигура богача у него раздваивается на банкира и откупщика, а пушкинский «умник» вполне может соответствовать журналисту Гюго.

Героини у поэтов несколько различаются, у Пушкина — неверная жена, у Гюго — ветреная кокетка. Соответственно лирический герой (сам автор) Пушкина обращается к ней опосредовано, причем сам вопрос — сугубо риторический, который никогда не может быть задан напрямую. Это простое описание (недоброжелательно-ироническое) ситуации и поведения чужой жены, в котором достается и мужу. У Гюго героиня вынуждена отвечать поклоннику (видимо, подавленного открывшейся вдруг ему правдой).

В результате у Пушкина ответ на вопрос, при всей его риторичности, остается открытым, у Гюго он получает исчерпывающее объяснение. Но, собственно, вопрос Пушкина и не предполагает никакого ответа, данная эпиграмма — констатация.

И Пушкин, и Гюго в своих стихотворениях выступают как продолжатели традиций эпиграммы классицизма

XVIII века, в духе Вольтера, А. Пирона и П. Д. Экушар-Лебрена, отличительной характеристикой которой является лаконичность, бинарная оппозиция (героев, характеристик) и неожиданный вывод, например, известная эпиграмма Вольтера на критика Фрерона:

*L'autre jour, au fond d'un vallon
Un serpent mordit Jean Fréron
Que pensez-vous qu'il arriva?
Ce fut le serpent qui creva!*

Или автоэпитафия Пирона:

*Ci-gît Piron qui ne fut rien,
Pas même académicien.*

Пушкин особенно часто работал в этом жанре —

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян как маков цвет,
Я как смерть и тощ и бледен.

Частой особенностью такой эпиграммы являются условные имена в античном духе, латинские и греческие. Псафон — имя тщеславного ливийского божка, учившего птиц произносить «Псафон — великий бог». Димас — искаженное греческое от святого Дисмаса. Дамис (замечательно созвучие с Димасом) — мифический гигант. Гриб, возможно, с намеком на французское scribe — «писец» и на Эжена Скриба — автора популярных пьес. Сенекс — от латинского Senex, «старец». Марс — от бога войны. Клеон — имя классического демагога древних Афин. В этот контекст вписывается и Аглая («радость») — младшая из трех харит в древнегреческой мифологии, хотя

это имя реального прототипа героини эпиграммы.

Название стихотворения Гюго раскрывает подоплеку происходящего — в середине XIX века в квартале возле церкви Норт-дам-де-Лорет проживало большое количество гризеток. Это привело к появлению слова «лоретка» (фр. *lorette*), означавшее «кокотка».

Разумеется, Гюго не мог знать пушкинской эпиграммы, которая к 1849

не была и по-русски еще напечатана. Поэтому речь может идти только параллельном возникновении схожих сюжетов и способов их воплощения в одну эпоху. У Пушкина в эпиграмме описывается светская львица, доминирующая над своим мужем. У Гюго — стандартная сценка из жизни гризетки. При всем культурно-бытовом различии контекста поэты прибегли к одним и тем же инструментам для воплощения замысла.

А. В. Макаркин

БОРИС АКУНИН И КЕН ФОЛЛЕТТ: РОССИЙСКИЙ ПЕССИМИЗМ И ЗАПАДНЫЙ ОПТИМИЗМ

Рец: Акунин Б. Он уходя спросил. М.: АСТ, 2022. 304 с.; Фоллетт К. Вечер и утро / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2022. 736 с.

Рецензируемые книги Бориса Акунина и Кена Фоллетта являются примерами современной российской и западной исторической романистики. Книга Акунина завершает серию романов, посвященных различным этапам истории России, книга Фоллетта является частью (приквелом к предыдущим книгам) его серии «Кингсбридж», действие которой происходит в различные периоды английской истории.

Ключевые слова: Борис Акунин, Кен Фоллетт, история России, история Англии, политические реформы.

Сведения об авторе: Макаркин Алексей Владимирович, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», первый вице-президент Центра политических технологий.

Контактная информация: a_makarkin@mail.ru

A. V. Makarkin

BORIS AKUNIN AND KEN FOLLETT: RUSSIAN PESSIMISM AND WESTERN OPTIMISM

Review: Акунин Б. Он уходя спросил. М.: АСТ, 2022. 304 p.; Фоллетт К. Вечер и утро / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2022. 736 p.

The peer-reviewed books by Boris Akunin and Ken Follett are examples of modern Russian and Western historical novelistics. Akunin's book completes a series of novels devoted to various stages of the history of Russia, Follett's book is a part (a prequel to previous books) of his Kingsbridge series, which takes place in various periods of English history.

Keywords: Boris Akunin, Ken Follett, history of Russia, history of England, political reforms.

About the author: Makarkin Alexey Vladimirovich — Professor of the National Research University «Higher School of Economics», First Vice-President of the Center for Political Technologies.

Contact information: a_makarkin@mail.ru

Вышел последний роман Бориса Акунина из цикла беллетристических приложений к его же «Истории Российского государства» — «Он уходя спросил». Заключительные книги из этой серии — своего рода прощание с главным акунинским героем, Эрастом Фандориным, которого в них нет.

Прощание было долгим, что неудивительно, так как речь шла о одном из самых важных российских литературных персонажей. Фандорин появился в литературе как образ, соединяющий служение государству и либеральную идею, что намного вышло за пределы первоначального авторского эксперимента с различными детективными жанрами в стиле ретро. Востребованность такого образа была очевидна — либерально настроенные россияне, нередко находившиеся во внутренней оппозиции советской власти, воспринимали Россию 1990-х годов как свое государство. Неидеальное — для многих из них разочарование началось еще до конфликта 1993 года — но все же свое, с которым не просто можно, но и нужно сотрудничать для того, чтобы оно стало более свободным, европейским, цивилизованным, то есть похожим на современные западные демократии. Понятие «цивилизованности» в их отношении стало быстро дискредитироваться в российском обществе после войны в Югославии 1999 года, хотя признаки разочарования в Западе были заметны еще раньше.

Фандорин выглядел парадоксальной, даже эпатажной фигурой для российской либеральной традиции. Юный чиновник сыскальной полиции — либералы стремились держаться подальше от любых полицейских учреждений, тем более что стены между теми из них, кто выполнял политические и неполитические функции не было (на это обратил внимание один из реальных исторических персонажей нынешнего акунинского романа, лидер кадетов Павел Милоков). Так, в 1905 году московскую сыскальную полицию возглавил опытнейший специалист по борьбе с революцией Александр Войлошников, убитый во время восстания пресненскими боевиками. Затем чиновник самого ненавистного не только революционерам, но и либералам государственного учреждения — Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (Эльдар Рязанов попытался определить в нее своего самого отвратительного героя — графа Мерзляева из «О бедном гусаре замолвите слово» — но советские цензоры справедливо посчитали это скрытой инвективой в адрес КГБ). После дипломатической службы в Японии — чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе, успешно решающий сложные проблемы (своего рода антикризисный менеджер) и тесно взаимодействующий с правоохранительными органами, хотя умудряющийся при этом не запачкаться в политических провокациях.

В современной России, впрочем, дореволюционный сыщик является фигурой, вполне совместимой и с либерализмом, и с интеллектуальной (например, университетской) сферой. Дело не только в «государственности», но и в антиреволюционности как реакции на революционную драму 1917-го и многих последующих годов. В постсоветской России известный эмигрантский спор между двумя лидерами кадетов — Павлом Милюковым и Василием Маклаковым (*Карпович* 1997: 387–407) — решался в пользу последнего. Маклаков с позиций консервативного либерализма упрекал кадетский мейнстрим, идейным и организационным лидером которого был Милюков, в левизне, в неконструктивном противостоянии с правительством, отказ от сотрудничества с ним, который способствовал революции. Будучи строгим легалистом (разумеется, в эмиграции; в реальной политической борьбе в предреволюционной России он оказался вовлечен в подготовку убийства Григория Распутина), Маклаков отвергал любое революционное насилие и примиренчество с ним, что вполне вписывалось в настроения людей 1990-х годов с их послезнанием о «красном колесе».

На фоне большевистского террора Третье отделение, департамент полиции и отдельный корпус жандармов, действительно, выглядят старыми добрыми респектабельными учреждениями — тем более, что недавнее интересное исследование Любови Ульяновой «Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905» показыва-

ет, как полицейские заинтересованно и без особой неприязни анализировали ситуацию в либеральной среде, воспринимая ее как данность, а не объект для искоренения. Другое дело, что речь идет опять-таки о послезнании — давление на общество даже в умеренном формате означало увольнение и высылки (как поступили с Милюковым, который в результате не только не получил профессию, но и оказался лишен права преподавания в государственных учебных заведениях) или недопуск к научной деятельности через отказ разрешить остаться при университете (аналог аспирантуры; такова была судьба Маклакова — в результате ему пришлось получать второе высшее образование, чтобы стать адвокатом). И эта «имперская» ограниченная несвобода вызывала немалое общественное раздражение — но эти эмоции было трудно понять людям, если не самим испытавшим на себе особенности неизмеримо более суровой советской несвободы, но хотя бы читавшим Солженицына и Шаламова.

Акунин не был одинок в стремлении примирить интеллектуалов и государство на исторических примерах — уже в нулевые годы в сериале «Гибель империи», поставленном Владимиром Хотиненко по сценарию другого крупнейшего современного российского исторического писателя, Леонида Юзефовича, одним из главных персонажей является Александр Михайлович Нестеровский — бывший криминалист, избранный профессором права в университете, читающий лекции и на высших женских курсах (но сохранивший тесные связи с охранным отделением, в ко-

тором пользовался полным доверием), а во время Первой мировой войны — офицер контрразведки. Человек с такой биографией вряд ли мог быть избран профессором в преимущественно либерально-оппозиционной столичной ученой среде начала XX века — и даже его назначение министерством народного просвещения, безуспешно стремившимся как раз в предвоенные годы заменить либеральных профессоров на лоялистов, выглядело маловероятным, так как повлекло бы за собой немедленную обструкцию со стороны коллег и студентов.

Но Фандорин-государственник в книжном варианте не пережил 90-х годов — «Статский советник», в котором Фандорин уходит в отставку, отказываясь от генеральского чина, был опубликован в 1999-м. Правда, через несколько лет вышел одноименный фильм, в котором Фандорин лояльно остается на госслужбе — но это уже от Никиты Михалкова (фильм был поставлен его студией «ТриТэ»), а не от Акунина. Идея о том, что нужно служить Отечеству, а не Его превосходительству, теоретически весьма привлекательна, но в российских условиях как без строгих правил и традиций универсалистской государственной службы, так и без гражданского контроля, реализовать ее очень непросто. Можно легко натолкнуться на разные вариации цинично-веселого князя Пожарского.

Однако Фандорин не порвал полностью с государством — став частным детективом международного масштаба, он получил возможность сотрудничать с ним тогда, когда как благородный муж считал для себя

возможным (а в конце цикла государство снова притянуло его к себе, сделав-таки штатским генералом). Но здесь уже просматривалась некая неизбежность — если в «иностраных» сюжетах фандориниады можно обойти государство — например, в Америке выстраивать отношения непосредственно с бизнесом — то в России это невозможно; государство в том или ином виде присутствовало и присутствует во всех сферах.

В приложениях же к «Истории Российского государства» рассматриваются два других варианта отношений человека с государством. Первый — участие в больших реформах, хоть екатерининских («Доброключения и рассуждения Луция Катина» — 2019 год), хоть александровских («Дорога в Китеж» — 2021-й). И здесь тупики — либо все слои общества отвергают реформы, удавшиеся в маленьком германском княжестве, либо сами реформаторы оказываются вовлечены в масштабную коррупцию, с которой был тесно связан знаменитый роман государя Александра II с Екатериной Долгоруковой. Либо реформатора заносит в радикалы и заговорщики, причем с вполне вероятным в такой ситуации несимпатичным двойным дном (которое может быть как в виде азевовщины, так и в несколько иной форме двойничества, когда под маской лояльного благомысла скрывается ненавистник режима). Второй вариант — малые дела. Но и здесь выясняется, что сделать многого не удастся — из-за все той же коррупции и косности. Более того, малые дела неспособны вдохновить молодежь, рвущуюся в революцию

и отрицающую скромный опыт отцов.

Симпатичные персонажи «Дороги в Китеж» пытаются навести порядок в железнодорожном строительстве и заниматься полезными земскими делами — но результат оказывается печальным. Причем в этой книге появляется новый, после князя Пожарского, образ нелиберального государственника, который больше, чем его предшественник, думает о государственной пользе в сочетании, разумеется, с собственной карьерой. Но с Пожарским его роднит цинизм и полная неразборчивость в средствах, которые не только аморальны, но и неспособны выстроить сколь-нибудь стабильную и легитимную конструкцию.

На этом фоне только что вышедшая последняя книга «приложений», «Он уходя спросил», выглядит печальным эпилогом акунинского сериала. Либералы полностью отчуждены от власти, не доверяя никаким ее инициативам. Соперничающие друг с другом околосударственные люди используют для своих целей откровенно криминальные методы разной степени дикости — от попытки политического убийства до убийств невинных детей.

Общую пессимистичную картину дополняют три явления, свойственных России предреволюционного времени. Революционное подполье, в котором циничное отношение к человеческой жизни соседствует с криминальными повадками. Декаданс, демонстрирующий саморазрушительные практики серебряного века. Истовая, но при этом изрядно сует-

верная религиозность, ведущая к отказу от рационального мышления в отчаянной надежде на чудо. Все это выглядит страшными девиациями по отношению к разумному прогрессу. Такая Россия — это град обреченный, который не могут спасти ни старательные чиновники, ни теневые администраторы, ни иностранные специалисты.

Вечный спор о сочетании государственных интересов и общечеловеческой морали в книге оборван, так как найти убедительное и универсальное для всех случаев его завершение весьма затруднительно. А семейная линия, проходящая через все приложения, заканчивается за границей, откуда, кстати, необдуманно вернулся Эраст Петрович в одной из заключительных книг фандоринской эпопеи — чтобы погибнуть в безумии гражданской войны с множеством разнообразных «грязных» (используя классификацию Василия Шульгина, который противопоставлял идеал белого воина деградировавшим и лишившимся чести «грязным» представителям белого же движения).

На контрасте с Борисом Акуниным (главным историко-политическим романистом современной России) посмотрим на «Кингсбридж» Кена Фоллетта — одного из главных историко-политических романистов современного же Запада. «Кингсбридж» — тетралогия, включающая в себя «Столпы Земли», «Мир без конца», «Столп огненный» и «Вечер и утро» (последняя по времени книга, но приквел к остальным). Это история вымышленного (но весьма реалистично представленного) ан-

глийского города, от основания при одном из последних саксонских королей до первого Стюарта.

И через все четыре мощных тома проходят две простые идеи. Первая — терпимость лучше фанатизма, вторая — созидание лучше разрушения. Найти правителя, который был бы терпимым созидателем, в английской истории затруднительно (разве что Альфред Великий, но при нем Кингсбридж еще не был основан) — так, королева Елизавета из «Столпа огненного», безусловно, созидательница, но ее планы более терпимого подхода к конфессиональным вопросам не выдерживают испытания практикой. Так что в качестве носителей всей совокупности позитивных ценностей у автора выступают вымышленные персонажи — мастера-строители (любимые герои Фоллетта), торговцы, просвещенные церковные деятели и даже сотрудник специальной службы королевы Елизаветы (созидательницы, не отличавшейся, однако терпимостью — хотя, с точки зрения автора, и более терпимой, чем адепты инквизиции). Фоллетовские герои словно сходят со страниц традиционного учебника истории с масштабными историческими нарративами в строго хронологическом порядке — впрочем, тех страниц, которые многие школьники стремятся побыстрее пролистать, чтобы перейти к великим завоеваниям и битвам, запоминая Александра Македонского и Цезаря, но быстро забывая Фидия и Витрувия.

На примере романа «Вечер и утро» можно проследить основные авторские темы. Главный герой — мастер Эдгар, который постоянно занима-

ется созидательной деятельностью. Вначале строит лодки, затем пивоварню, мост (важный для торговли и городского развития), эффективно управляет каменным карьером, сооружает канал для транспортировки камня и, наконец, возводит романский собор (на смену которому придет готический из «Столпов Земли»). К тому же в свободное от строительства время организует рыбную ловлю, что помогает выжить его родственникам. Эдгар — инноватор по своей природе — он переносит в Англию современные для того времени строительные технологии, с которыми познакомился во Франции.

Монах Олдред — книжник, интеллектуал, библиотекарь, терпимый и гуманный клирик, мягко относящийся к грешникам (тем более, что и сам он не без греха — Фоллетт не делает его идеальным святым из житий). И при этом организатор монастырской жизни, способный и организовать перенос в малоизвестную обитель святых мощей (что привлекает паломников и стимулирует пожертвования, попутно развивая местную торговлю), и инициировать строительство, которым занимался Эдгар. Нормандская аристократка Рагна способна эффективно управлять хозяйством и гуманно осуществлять справедливый суд, повышающий авторитет власти, что отличает ее от других представителей элиты.

Антагонисты же главных героев не только творят неблагоприятные дела, но и потрясающе неэффективны — ни один из них ничего не созидает (даже в виде исключения автор не позволяет им выходить за рамки

деструкции). Все они расточают контролируемые ими благодаря социальному статусу ресурсы — и их пребывание на высоких постах способно привести к катастрофическим последствиям. Даже если такой антагонист наделен немалыми способностями — в «Вечере и утре» это епископ Уинстан, представитель семьи, доминирующей в регионе — он все равно предельно эгоистичен и заинтересован лишь в карьере, обогащении и удовольствиях.

Побеждают у Фоллетта (не только в «Вечере и утре», но и в других книгах), разумеется, те, кто действуют pro bono publico (ради общего блага) — развития экономики, технического прогресса, смягчения нравов. Автор оптимистичен и верит в торжество прогресса, несмотря на сопротивление со стороны реакционеров (баронов-разбойников, властолюбивых и беспринципных клириков, а в «Столпе огненном» — и католиков, мечтающих с помощью испанской Армады уничтожить религиозное разномыслие), способных добиваться лишь отдельных успехов. Конечно, не без потерь, но добро одерживает верх, и книги заканчиваются комфортно для читателя, успевшего за сотни прочитанных страниц привязаться к главным героям. Старая добрая идея прогресса торжествует над реакцией.

Альберт Швейцер писал, что история западной философии — это история борьбы за оптимистическое мировоззрение, тогда как песси-

низм — это ослабленная воля к жизни, проявляющаяся там, где «человек и общество уже не находятся больше во власти идеалов прогресса» (Швейцер 1992: 98–99) (в этом смысле современный пессимистичный западный популизм несовместим с многовековой мейнстримной западной же традицией). Но российская аудитория, мучающаяся вечными («Кто виноват» и «Что делать») и смежными с ними вопросами, потом пытается понять, почему ее прогрессивные западные современники (и во многом единомышленники — когда речь идет о правах и свободах) так просто смотрят на мир. Впрочем, так же просто смотрел в своих лучших книгах и Солженицын, для которого было ясно, кто волкодав, который прав, а кто заведомо неправый людоед. Но ясно ли это всегда и во всех случаях (в том числе и когда Солженицын на склоне лет давал рецепты, как поступать современным политикам) — большой вопрос.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Карпович 1997 — *Карпович* М. Два типа русского либерализма. Маклаков и Милуков. // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон, 1997.

Швейцер 1992 — *Швейцер* А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992.

REFERENCES

Karpovich M. Dva tipa russkogo liberalizma. Maklakov i Milyukov. // *Opyit russkogo liberalizma. Antologiya*. M.: Kanon, 1997.

Shveytser A. *Blagogovenie pered zhiznyu*. M.: Progress, 1992.

К. Г. Фрумкин

«ФАКТ» И «ДУХ»: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

В русской литературной критике с начала XIX века существует устойчивая традиция оценки достоверности исторических литературных произведений. Достоверность выступает важной ценностью в глазах русского литературного сознания. Однако внутри данной традиции выделяется две линии аргументации, связанных с поощрением изображения фактов либо духа изображаемых исторических эпох. К концу XX века в русской алитературной критике доминирующей стала вторая традиция.

Ключевые слова: история, историческая литература, исторический роман, литературная критика, аргументация, достоверность, дух эпохи, исторический факт

Сведения об авторе: Фрумкин Константин Григорьевич, кандидат культурологии, начальник отдела по работе со СМИ Национального исследовательского ядерного университета МИФИ

Контактная информация: ariel2@mail.ru

K. G. Frumkin

"FACT" AND "SPIRIT": THE PROBLEM OF HISTORICAL AUTHENTICITY OF FICTION IN
RUSSIAN LITERARY CRITICISM

In Russian literary criticism since the beginning of the XIX century, there has been a stable tradition of assessing the reliability of historical literary works. Authenticity is an important value in the eyes of the Russian literary consciousness. However, within this tradition, there are two lines of argumentation associated with encouraging the depiction of facts or the spirit of the historical epochs depicted. By the end of the XX century, the second tradition became dominant in Russian literary criticism.

Keywords: history, historical literature, historical novel, literary criticism, argumentation, authenticity, spirit of the epoch, historical fact

About the author: Frumkin Konstantin G., Candidate of Cultural Studies, Head of the Media Department of the National Research Nuclear University MEPHI

Contact information: ariel2@mail.ru

С самого начала XIX века и до нынешних времен в русской литературной критике существует устойчивая традиция поощрительных, похвальных суждений о литературных произведениях, которые, по мнению критиков, являются достоверными — в частности достоверными в изображении различных социальных фактов и явлений. Соответственно, «зеркальным» отражением аргументации этого типа являются негативные суждения, когда критик порицает художественное произведение за недостоверность.

Этот тип аргументации, характерной для русской критики последних двух веков, можно назвать «гносеологической аргументацией».

Отдельное семейство «гносеологических» похвал и обвинений мы застаем в оценках литературных произведений, посвященных исторической тематике. Тут мы видим довольно парадоксальную ситуацию: критики выносят суждения о достоверности исторических романов и поэм, и таким образом выражают претензию быть историческими экспертами, сравнивая изображенное в тексте с некой исторической «подлинной реальностью».

Отношения критика с этой «подлинной реальностью» различны и, пожалуй, тут можно выделить четыре случая:

1) иногда критик действительно берется быть отчасти историком, опираясь на свои знания и эрудицию;

2) иногда речь идет скорее об интуитивных представлениях о «духе прошедших эпох»;

3) иногда впечатление о достоверности литературно-исторического текста порождается впечатлением от самого текста, и, таким образом, «достоверность» смешивается с «правдоподобием»;

4) иногда суждениями о достоверности управляет какая-либо политическая идеология.

Заметим, что эти случаи далеко не всегда выступают перед нами в чистом виде, особенно когда автору приписывается точное (или неточное) воспроизведение не фактов, а «духа» соответствующей эпохи.

Суждения такого рода мы застаем в истории критики уже в начале XIX века, примером чего может служить статья историка П. М. Строева от 1815 года о поэме Хераскова «Россиада» (поэма посвящена взятию Казани Иваном Грозным):

«Все великие стихотворцы, древние и новые, с точностию описывали нравы и обыкновения того времени, в которое жили их герои. Творения Гомера и Виргилия при возобновлении наук, были источниками для сочинения греческих и римских древностей, для древней географии, языческого богопочитания или мифологии. В "Освобожденном Иерусалиме" виден дух времен рыцарских, тогдашние мнения — странные

обычаи. Мильтон, по словам Гиббона, во ста тридцати прекрасных стихах заключил два рассуждения Селдена о богах сирских и арабских, глубокою ученостию преисполненные. Вот как лучшие эпические стихотворцы старались об изображении нравов и обычаев. Но Херасков? Не говоря уже о мелких подробностях, замечу только погрешности грубые и непростительные» (*Строев* 1980: 221).

Отметим два момента в вышеприведенном отрывке. Во-первых, его автор — профессиональный историк, и его претензия на «историческую экспертизу» литературного текста, по меньшей мере, понятна. Но при этом, во-вторых, автор — можно сказать авансом, без анализа — приписывает точное воспроизведение картины соответствующих эпох великим писателям прошлого: Гомеру, Вергилию, Тассо и Мильтону, что делается, однако, не ради них самих, но в качестве контрпримера, противопоставляемого «изобилующему ошибками» Хераскову. Интуиция и уважение к авторитетам, а отнюдь не тщательный анализ подсказывает критику, что поэма Тассо является вовсе не романтической фантазией в средневековом антураже — нет, автор настаивает, что «В "Освобожденном Иерусалиме" виден дух времен рыцарских».

С другой стороны, в случае благожелательного отношения к оцениваемому тексту критик может использовать авторитет древних литературных памятников не для противопоставления их современным произведениям, но наоборот, чтобы подчеркнуть, что современные

авторы не уступают классическим — и в том числе как создатели картин исторической реальности. Примером этого может служить отзыв Белинского о «Тарасе Бульбе» Гоголя:

«Если говорят, что в "Илиаде" отражается вся жизнь греческая в ее героический период, то разве одни пиитики и риторики прошлого века запретят сказать то же самое и о "Тарасе Бульбе" в отношении к Малороссии XVI века?.. И в самом деле, разве здесь не все козачество, с его странною цивилизациею, его удаю, разгульною жизнью, его беспечностию и ленью, неутомимостию и деятельностию, его буйными оргиями и кровавыми набегами?.. Скажите мне, чего нет в этой картине? Чего недостает к ее полноте? Не выхвачено ли все это со dna жизни, не бьется ли здесь огромный пульс всей этой жизни?» (*Белинский* 1976: 181).

С позиций сегодняшнего дня и «Илиада», и, конечно, «Тарас Бульба» Гоголя являются весьма сомнительными историческими источниками, хотя судить об этом в 1830-е годы, когда написана статья Белинского, было куда сложнее — однако, если вчитаться в вышеприведенный отрывок, можно увидеть, что Белинский и не настаивает на достоверности «Илиады и «Бульбы»; он использует конструкцию «если» — более того — «если говорят»: поскольку «Илиада» обладает авторитетом, и поскольку составной частью этого авторитета является мнение, что «Илиада» с большой полнотой отражает некий период греческой истории, то и «Тарас Бульба» может претендовать на такой же авторитет; если «Илиада» — исторический

источник, то «Тарас Бульба» — тоже и по тем же основаниям; что касается оснований, то к ним относится, во-первых, правдоподобие изображаемой реальности, и, во-вторых, полнота ее отражения — даже если, заметим в скобках, эта реальность и фиктивная.

Таким образом, суждения литературных критиков об исторической достоверности или недостоверности литературного текста представляют собой довольно сложное явление, поскольку речь идет не просто о сравнении текста с фактом, а о целой системе культурных детерминант, влияющих на критика, и идеологических, и эстетических. Негативное отношение к историческому роману может вытекать просто из-за того, что критик придерживается иной чем автор концепции какого-либо исторического события, а также иной системы симпатий. Примером этого может служить оценка романа Фадея Булгарина «Дмитрий Самозванец» Бесстужевым-Марлинским: «Труд его, конечно, заслуживает одобрение современников, но едва ль врежется в память потомства, оттого что автор не постиг духа русского народа, недоглядел того, что не народ, а вельможи подкопали трон Годунова, что не любовь к Рюриковичам, а зависть бояр к власти недавнего товарища была причиной успехов Дмитрия» (*Бестужев* 1978:119).

Ну а вообще и позитивные, и негативные оценки литературных произведений с точки зрения их отношений к исторической реальности можно разделить на две большие группы, в которых оценивается либо точное знание писателями исто-

рических фактов как таковых, либо «понимание» исторических фактов, способность их осмыслить и увидеть сквозь факты «дух эпохи». Очевидно, что суждения второго типа являются и более субъективными, и более идеологически нагруженными, зато суждения первого типа не всегда бывают уместны, учитывая право художник на вымысел.

Примером безусловной похвалы писателя за его способность понять смысл исторических событий — оценка «Войны и мира» Н.Н. Страховым: «Характер отступления французской армии и образ действий наших войск показан с такою же ясностью и верностью, как и смысл Бородинской битвы и значение гибели Москвы для нас и для французов» (*Страхов* 1984:326).

А вот противоположный пример, когда писатель высоко оценивается за воспроизводство в своих текстах большого количества исторических фактов — в данном случае это написанная в конце XIX века статья критика П.П. Сокальского, посвященная творчеству Данилевского: «...все произведения г. Данилевского отличаются богатым реальным содержанием, иногда переступающим рамки художественной необходимости, но за то широко охватывающим русскую общественную жизнь за целых два последних столетия» (*Сокальский* 1885). Несомненно, важным моментом в этом отрывке является то, что автор признает: избыток фактов бывает «переступающим рамки художественной необходимости», то есть само по себе богатое «реальное содержание» не является специфическим достоинством художествен-

ной литературы как таковой, однако оно само по себе, без связи с особенностями поэзии и искусства, является непреходящей ценностью и поэтому может стать причиной похвалы автору — но, однако, с некоторыми оговорками.

Особой разновидностью позитивных суждений, формально являющихся разновидностью суждений о достоверном изображении социальных явлений, но крайне специфических и возникших именно в советский период, стали похвалы писателям за качественное (в гносеологическом или идеологическом смысле) изображение бурных революционных и военных событий XX века. Причина появления этой темы понятна: произошедшие в истории России катастрофические события, революция и Гражданская война, а затем участие СССР во Второй мировой войне стали важнейшими точками притяжения внимания и для официоза, и для коллективного сознания, и критика поощряла «синхронизацию» литературы с этой ориентацией. С другой стороны, немаловажно отметить, что романы, посвященные недавним военным событиям, в советский период стали появляться очень быстро по следам прошедших событий — так что данные романы, совпадая с традиционными историческими, «вальтер-скоттовскими» романами по теме, не могли быть названы историческими из-за отсутствия временной дистанции, отделяющей от описываемых событий.

В 1920-х годах очень быстро появилась обширная романная литература о революции и гражданской войне — произведения Фурманова,

Серафимовича, Фадеева, Артема Веселого — и критика, кроме прочего, дружно и стереотипно отмечала именно познавательную, «эпистемическую» ценность этих произведений, констатируя, с одной стороны, что революция и гражданская война являются чрезвычайно ценными и достойными усилий объектами познания, и, с другой стороны, что данная проза является качественным инструментом познания. Так, в предисловии А.В. Луначарского к «Чапаеву» читаем: «Фурманов хочет познать и дать другим познать, но так как явление, им изучаемое, великолепно и высоко, то, конечно, это познание не приводит к разочарованию и книгу Фурманова делает своего рода Живым учебником не только по психологии гражданской войны, но отчасти и по организаторскому искусству, с нею связанному» (*Луначарский* 1988:67). Аналогичные похвалы Фурманову достались и от В.П. Полонского: «И в «Чапаеве, и в «Мятеже» мы видим художника, который показывает нам сложное и многообразное явление, но показывает с простотой, без ухищрений и натяжек, не боясь взглянуть правде в глаза, не отвращая от нее взора» (*Полонский* 1988:45).

Иногда похвалы писателям в этот период высказываются в выражениях, которые скорее подошли бы журналистам, хроникерам, историкам: «Мы видим смелую попытку художника дать широкую картину великих и малых событий русской жизни, начиная с тех дней, когда после Февраля стал рассыпаться фронт... Удалась ли автору эта дерзкая задача? Мы отвечаем утвердительно» (*Полонский* 1988:81).

Похвалы такого рода конвертируются в свою противоположность: рядом же существуют инвективные суждения, обвиняющие авторов в неточном, в неполном отражении героических событий эпохи. Например, Борис Пильняк, по мнению Полонского «обманул всех, прикидываясь живописцем революции, потому что революции-то он не знал — ее то ему увидеть и не удалось, а все, что увидел он в теплушке и что разрисовал мрачными красками, — это ведь не революция, а всего только ее хвост, если смотреть на революцию сзади» (Полонский 1988:148). Очевидно, что претензии к Пильняку в данном случае скорее идеологические, автору, большевистскому критику, не нравится мрачная атмосфера романов Пильняка, но очень характерно, что он маскирует свои претензии под гносеологические, обвиняет Пильняка в незнании — и это свидетельствует, что традиция гносеологической аргументации была чрезвычайно авторитетна, заставляя иногда даже идеологизированных авторов маскироваться под нее. Но в целом, конечно, претензии Полонского к Пильняку надо отнести к той линии критики, в которой важным объявляется изображение не факта, а духа исторических событий.

Любопытно, что аналогичные похвалы появляются в это время и в эмигрантской прессе. Вот, например, опубликованный в 1930 году в Париже отзыв на роман Н.Н. Брешко-Брешковского «Дикая дивизия»: «Я очень рад, что за этот роман взялся Брешковский, который сумел почувствовать всю экзотику и проникнуть в психологию наших доблестных "дикарей". Как офицер этой дивизии,

я отношусь к автору с чувством понятной признательности. Будущий читатель составит себе по его роману ясное представление о быте и подвижниках этой — увы! — уже не существующей конницы, о ее — тоже увы! — и не по ее вине не удавшейся роли в подавлении большевистского бунта. С живым, захватывающим и острым интересом читается эта книга, на страницах которой мелькают дорогие и знакомые имена, — "одних уж нет, а те далече!" — события, картины, подвиги, доблести, надежды и разочарования» (Светлов 1930).

Правда, в этом отзыве мы не видим характерной для советских критиков склонности к обобщающим и панорамным материалам, желания увидеть через роман всю эпоху, всю войну — но общее с советской критикой тут то, что недавние военные события представляются не просто достойными изображения в литературе, но в определенном смысле крайне нуждающимися в таком изображении — причем в изображении, отличающемся журналистской точностью.

Похвалы такого рода о произведениях про Гражданскую войну будут встречаться и во второй половине века, хотя все реже. Вот, например, фрагмент из статьи В.В. Ермилова 1954 года, посвященный повести А. Малышкина «Падение Даира»: «Героический подвиг Красной Армии предстает тем более величественным, что писатель строго верен действительности. ... все это изображено в повести с тем соблюдением фактических обстоятельств, которое характерно для труда кропотливого ученого-историка» (Ермилов 1956:362).

Разумеется, похвалы такого рода появились после Второй мировой войны по поводу военной прозы — и вот любопытный фрагмент из статьи И. П. Золотусского 1965 года, в котором военной прозе приписывается важная функция исторического просвещения:

«Потом мы взрослеем. И книжки, где война была приключением ... отдвигаются от нас... Мы узнаем об Освенциме и Орадуре, о Бресте и боях под Москвой... Нет, война здесь не выглядит игрушечной. Она серьезна, непосильна, отталкивающая. Мы бы не знали этого, если бы не книги о войне, если бы не правда, заключенная в них» (*Золотусский* 1986:21).

Однако, этот же автор может резко осуждать посвященные войне произведения за неточное воспроизведение — не фактов, но духа, за недостаточное понимание войны вопреки формальной, фактологической достоверности. Уже в 1970-х годах И. П. Золотусский так говорит о современных ему романах-эпопеях, посвященных Великой Отечественной войне: «герои как будто не вымышлены, говорят они слова, которые говорили на самом деле, и одеты так, как их исторические предшественники, но историей, честно говоря, тут и не пахнет, ибо история — это не одно присутствие исторических фактов, но и прежде всего исторический взгляд на жизнь. Исторический в смысле соотношения прошлого с настоящим, в смысле некоего воспарения над материалом, и ощущения его положения в историческом ряду» (*Золотусский* 1986:184).

Итак, в оценках русской критикой исторической достоверности литературных произведений имеются две линии — ориентация на фактическую достоверность или на понимание «духа времени» — и тут мы видим некоторую линию разлома в русской общественной мысли, касающейся художественной литературы. Вопрос, требует ли «правильное», «релевантное», понимание исторической реальности в литературе точного изображение исторических фактов, становится, в сочетании с также имеющейся традицией поощрения жизненного опыта писателя как залога достоверности, может порождать конфликты, любопытным примером чего является обмен репликами между Владимиром Маканиным — автором посвященного чеченской войне романа «Асан» и участником этой войны, журналистом Андреем Бабицким — последний упрекал писателя в фактологической неточности. Маканин отвечал, что участие в войне не означает понимание войны, и в одном из своих интервью прямо сказал, что надо различать категории «было» и «правда», ради художественной правды можно прямо исказить некоторые факты (*Козлов* 2014: 66–67). Так или иначе, критика замечает именно «гносеологические» достоинства романа Маканина, признавая, что «дух» важнее «факта»: как писал В. И. Козлов, у Маканина образы «оказываются более правдивыми, чем сама реальность», а «Образ Асана-Жилина — узнаваемое экзистенциальное уравнение Маканина, концентрированный результат авторской попытки понять Чечню в ее напряженном и выходящем за пределы культуры диалоге со своим большим соседом»

(Козлов 2014: 68). С другой стороны, избыток фактического материала в современной критике может даже восприниматься как недостаток, например, большое количество заимствований из исторических источников в текстах Михаила Шишкина приводит к тому, что писателя «не раз упрекали в плагиате и «мародерстве» и небезосновательно (Чердиченко 2014: 86). Таким образом, в XXI веке достоинство «понимания духа» явно перевешивает заслугу в точном отражении фактов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белинский 1976 — *Белинский В.Г.* Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т.1 Статьи, рецензии и заметки 1834–1836. Дмитрий Калинин. М.: Художественная литература, 1976.

Бестужев 1978 — *Бестужев А.А.* О романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем». — в кн. Литературно-критические работы декабристы. М.: Художественное литература, 1978.

Ермилов 1956 — *Ермилов В.В.* Избранные работы в трех тома. Т.3. Драматургия Чехова. О советской литературе. М.: ГИХЛ, 1956.

Золотусский 1986 — *Золотусский И.П.* Трепет сердца: Избранные работы. М.: Современник, 1986.

Козлов 2014 — *Козлов В.И.* Экзистенциальный задачник. — в кн. Литературное сегодня. Мастерская современной критики. М.: Фонд СЕИП, 2014.

Луначарский 1988 — *Луначарский А.В.* Статьи о литературе. Т.2. Советская литература. Теория и литературная критика. М.: Художественная литература, 1988.

Полонский 1988 — *Полонский В.П.* О литературе. Избранные работы. М.: Советский писатель, 1988.

Светлов 1930 — *Светлов В.* «Дикая дивизия» и ее автор // «Мир и Искусство», Париж, 1930, № 3.

Сокальский 1885 — *Сокальский П.П.* Поэзия труда и борьбы. По поводу 4-го полного издания "Сочинений Г.П. Данилевского". // "Русская Мысль", кн. XII, 1885. — http://az.lib.ru/s/sokalxskij_p_p/text_1885_01_poezia_truda_i_borby_olderfo.shtml

Страхов 1984 — *Страхов Н.Н.* Литературная критика. М: Современник, 1984.

Строев 1980 — *Строев П.М.* О "Россияде", поэме г. Хераскова — в кн. Русская литературная критика 1800–1820-х годов. М.: Художественная литература, 1980.

Чердиченко 2014 — *Чердиченко С.А.* Коллекционер. Михаил Шишкин. — в кн. Литературное сегодня. Мастерская современной критики. М.: Фонд СЕИП, 2014.

REFERENCES

Belinskij V.G. *Sobranie sochinenij. V 9-ti tomah. T.1 Stat'i, recenzii i zametki 1834–1836. Dmitrij Kalinin.* М.: Hudozhestvennaya literatura, 1976.

Bestuzhev A.A. О romane N. Polevogo «Klyatva pri grobe Gospodnem». *Literaturno-kriticheskie raboty dekabristy.* М.: Hudozhestvennoe literatura. 1978.

Ermilov V.V. *Izbrannye raboty v trekh toma. T.3. Dramaturngiya CHEkhova. O sovetsoj li-térature.* М.: GIHL, 1956.

Zolotusskij I.P. *Trepet serdca: Izbrannye raboty.* М.: Sovremennik, 1986.

Kozlov V.I. *Ekzistencial'nyj zadachnik. Literaturnoe segodnya. Masterskaya sovremennoj kritiki.* М.: Fond SEIP, 2014.

Lunacharskij A.V. *Stat'i o literature. T.2. So-vetskaya literatura. Teoriya i literaturnaya kritika.* М.: Hudozhestvennaya literatura, 1988.

Polonskij V.P. *O literature. Izbrannye raboty.* М.: Sovetskij pisatel', 1988.

Svetlov V. «Dikaya diviziya» i ee avtor . *Mir i Iskusstvo*, P., 1930, № 3.

Sokal'skij P.P. Poeziya truda i bor'by. Po povodu 4-go polnogo izdaniya "Sochinenij G.P. Danilevskago". *Russkaya Mysl, kn. XII*, 1885.

Strahov N.N. *Literaturnaya kritika*. M: Sovremennik, 1984.

Stroev P.M. O "Rossiyade", poeme g. Heraškova. *Russkaya literaturnaya kritika 1800–1820-h godov*. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1980.

Cherednichenko S.A. Kollekcioner. Mihail SHishkin. *Literaturnoe segodnya. Masterskaya sovremennoj kritiki*. M.: Fond SEIP, 2014.

Л. Р. Хут

«МЫ НЕ ВЫБИРАЕМ ВРЕМЯ, В КОТОРОМ ЖИВЕМ. ВСЕ, ЧТО МЫ МОЖЕМ ВЫБРАТЬ, ЭТО КАК НАМ ПОСТУПАТЬ...»

Рец.: «Мюнхен. На грани войны» (реж. Кристиан Швохов, 2021), немецко-британский художественный исторический кинофильм

Фильм «Мюнхен. На грани войны» (2021) немецкого режиссера К. Швохова, представляющий собой экранизацию романа английского писателя Р. Харриса «Мюнхен» (2017), анализируется как пример художественного высказывания современного западного кинематографа о проблеме нацизма. В его основу положены реальные исторические события — Мюнхенское соглашение 1938 г. между Германией, Великобританией, Францией и Италией, ставшее прелюдией ко Второй мировой войне. Внимание рецензента сосредоточено на том, как, с одной стороны, создатели фильма реконструируют контексты Большой Истории, а с другой — помещают в них вымышленных персонажей — немецкого и британского дипломатов, выпускников Оксфорда и бывших друзей, поднимая тему ответственности каждого из нас за мир, в котором мы живем. В центре авторской рефлексии — проблема нравственного выбора, который делают герои фильма, стремясь спасти мир от надвигающейся катастрофы.

Ключевые слова: современный западный кинематограф, проблема нацизма, Мюнхенское соглашение 1938 г.

Сведения об авторе: Хут Людмила Рашидовна, доктор исторических наук, независимый исследователь (Майкоп)

Контактная информация: ludmila1302@mail.ru

L. R. Khut

«WE DO NOT CHOOSE THE TIME IN WHICH WE LIVE. WE ARE ONLY ABLE TO CHOOSE HOW TO ACT...»

Rev.: «Munich — The Edge of War» (dir. Christian Schwochow, 2021), a German-British historical feature film.

«Munich — The Edge of War» (2021) by the German director C. Schwochow, a film adaptation of the novel by the English writer R. Harris «Munich» (2017), is analyzed as an example of an artistic expression of modern Western cinema about the problem of Nazism. It is based on real historical events — the Munich Agreement of 1938 between Germany, Great Britain, France and Italy, which became the prelude to World War II. The reviewer's attention is focused on how, on the one hand, the filmmakers reconstruct the contexts of Big History, and on the other hand, how they place fictional characters in them — German and British diplomats, Oxford graduates and former friends, raising the theme of the responsibility of each of us for the world, in which we live. In the center of the author's reflection is the problem of the moral choice made by the main characters of the film, trying to save the world from an impending catastrophe.

Key words: modern Western cinema, the problem of Nazism, the Munich Agreement of 1938.

About the author: Khut Ludmila Rashidovna, Doctor of Historical Sciences, independent researcher (Maikop)

Contact information: ludmila1302@mail.ru

Премьера рецензируемого фильма «Мюнхен. На грани войны» состоялась на Лондонском кинофестивале 13 октября 2021 г. (на Netflix он стал доступен позже — с 21 января 2022 г.), а в 2018 г., в восьмидесятую годовщину Мюнхенского соглашения — события, которому этот фильм посвящен, мир вспоминал одну из самых драматических страниц в истории международных отношений XX в.

Настойчиво рекомендовали мне к просмотру эту художественную киноленту одновременно несколько коллег-историков. Я была впечатлена, так как такое единодушие в наших не очень стройных рядах случается нечасто. Так работа режиссера К. Швохова попала в мой

список обязательных к просмотру фильмов о нацистской и постнацистской Германии и Европе той поры. Все это происходило на фоне того, что случилось 24 февраля и после с нашей страной, с Украиной, с миром, с каждым из нас. В моей жизни, в том числе профессиональной, тоже произошли серьезные перемены. Я уволилась из университета, в котором работала с 1979 г. У меня было твердое ощущение, что вся моя профессиональная деятельность перечеркнута вот этим вот одним днем. Все разделилось на «до» и «после». Возникла острая потребность, здесь и сейчас, найти точку опоры, и я стала искать современные художественные высказывания на тему нацизма и борьбы с ним.

Список фильмов родился из частной переписки с коллегами, обрывков разговоров, прочитанных в соцсетях отзывов. В него было включено то, что, как мне казалось, должно помочь мне разобраться в собственной эмоциональной сфере. Я хотела увидеть и понять, как люди, оказавшиеся в ситуации форс-мажора, когда «музы молчат», смогли выжить, о чем они думали и что делали, чтобы сохранить себя. Собственно говоря, я составила два списка: «must see» и «must read», т.е. список фильмов соседствовал со списком книг, тоже о нацизме и противостоянии ему.

Ко времени просмотра рецензируемого фильма у меня уже был достаточный запас свежих впечатлений от западного кинематографа начала XXI в., точнее, того, как он видит тему нацизма. Мною были просмотрены фильмы: «Жизнь других» (2006, реж. Флориан Хенкель фон Доннерсмарк); «Чтец» (2008, реж. Стивен Долдри); «Воровка книг» (2013, реж. Брайан Персивал); «Наши матери, наши отцы» (2013, реж. Филипп Кадельбах); «Жена зрителя зоопарка» (2017, реж. Ники Каро); «Работа без авторства» («Никогда не отводи взгляд») (2018, реж. Флориан Хенкель фон Доннерсмарк); «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» (2018, реж. Майк Ньюэлл). Я была впечатлена, прежде всего, пронизательностью западных кинематографистов, которые, как будто чувствуя, к чему все идет в современном мире, создали эти блистательные художественные полотна-предупреждения, через воспоминания о сравнительно недавнем прошлом обращая к нашему стремительно наступающему будущему.

Параллельно, чуть раньше или чуть позже, я прочитала резонансные тексты о войне: Дж. Литтелла «Благовоительницы» (Литтелл 2021), Б. Шлинка «Чтец» (Шлинка 2022), С. А. Алексиевич «У войны не женское лицо» (Алексиевич 2022), а также роман Р. Харриса «Мюнхен» (Харрис 2019), по которому, собственно, и снят фильм.

Это, казалось, ставшее для меня бесконечным чтение-смотрение было связано еще с одним обстоятельством, связанным с жизнью в профессии. Много лет мне, как вузовскому преподавателю истории, не давал покоя вопрос, ответ на который не находился в моем сознании: как могло случиться, что немцы — «нация философов» так массового пошли за своим психически нездоровым фюрером, как они могли позволить себе столь глубоко заразиться ядом нацизма? Этот вопрос, уже в другой постановке, с еще большей силой зазвучал в моей голове после 24 февраля.

Собственно, кинематографический 2022-й начался для меня с просмотра вышедшего в самом конце 2021 г. американского сатирического научно-фантастического фильма «Не смотрите наверх» (реж. Адам Маккей), который невольно стал фоном всех моих последующих «смотрений», хотя он вовсе не о Германии и не о нацизме. Дело в том, что этот фильм, эта горькая сатира сквозь слезы очень точно передает механизмы восприятия современным обществом (неважно, российским или западным) любых катастрофических сценариев ближайшего будущего человечества.

Подобного рода сценариям просто нет места в мире тотальной постиронии. Мы не хотим видеть, как то самое стремительно наступающее будущее одаривает нас жуткой улыбкой Джокера.

Фильм немецкого режиссера К. Швохова «Мюнхен. На грани войны», как уже было упомянуто, снят по роману английского писателя Р. Харриса «Мюнхен», который был опубликован в 2017 г., а его русский перевод появился в 2019 г. В основу книги и фильма легли реальные исторические события, ставшие прологом ко Второй мировой войне и вошедшие в учебники истории как «Мюнхенское соглашение», «Мюнхенский договор», «Мюнхенский сговор», «Мюнхенская сделка», «Мюнхенская трагедия», «политика "умиротворения"», «политика "умиротворения агрессора"», «Чехословацкий кризис», «Чехословацкая трагедия».

Как известно, в конце сентября 1938 г. в Мюнхене встретились Адольф Гитлер, рейхсканцлер, фюрер и верховный главнокомандующий вооружёнными силами Германии, Невилл Чемберлен, премьер-министр Великобритании, лидер Консервативной партии, а также премьер-министр Италии, дуче Бенито Муссолини и Эдуард Даладьё, премьер-министр Франции. Встретились, чтобы решить судьбу Чехословакии в отсутствие ее представителей, которые были приглашены на конференцию, но не были допущены за стол переговоров. В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. было подписано Мюнхенское соглашение, в соответствии с которым Чехословакия в течение 10 дней должна была усту-

пить Германии Судетскую область — часть своей территории, являвшуюся местом компактного проживания этнических немцев, на которой незадолго до описываемых событий произошли инспирированные германской стороной протестные выступления местных немцев против чехословацких властей. Передача Судет Третьему рейху преподносилась как восстановление поправленной в результате версальско-вашигтонских договоренностей исторической справедливости. Однако участники сделки не могли не понимать, что тем самым они открывают ящик Пандоры, из которого очень скоро посыпятся территориальные претензии «всех ко всем», но на данном этапе «сильные» договорились между собой за счет «слабых». Чемберлену был нужен мир любой ценой, а Гитлеру не нужна была открытая конфронтация с лидерами Европы в самом начале его будущих «славных дел». Чехословакия в этой большой игре стала разменной монетой. «Прагу принуждали к смирению, покупая мир для себя, мир любой ценой» (*Капитонова* 2018: 195).

Историческая канва Мюнхена многократно описана в западной (см.: *Харрис* 2019: 379–381) и отечественной (см.: *Хахалкина, Ганжа, Рац* 2020: 179–190) научной литературе, отражена в многочисленных источниках официального и личного происхождения. К 80-летию юбилею Мюнхенской конференции академический журнал «Новая и новейшая история» опубликовал ряд материалов, которые дают общее представление о современных подходах российских историков к осмыслению темы (*Вершинин* 2018: 42–70;

Капитонова 2018: 176–204; *Матвеев* 2018: 134–156; *Орлик* 2018: 15–28; *Сератионова* 2018: 205–223; *Шубин* 2018: 29–41). Из современных публикаций источников на русском языке отметим сборник документов службы внешней разведки Российской Федерации, изданный в 2020 и переизданный в 2021 гг. (Мюнхенский стговор 2021). Документы представлены также в интернет-проекте «Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию «Мюнхенского стговора» (Накануне и после Мюнхена 2018). Российское историческое общество (РИО) к юбилею запустило интернет-проект «80-летие Мюнхенского соглашения 1938 года» (80-летие Мюнхенского соглашения 2018) (на сайте РИО этот проект фигурирует как под этим, так и под вторым названием: «80-летие «Мюнхенского стговора» 1938 года» (Проекты Российского исторического общества)). Там же опубликована статья Ю. Петрова «Историография «Мюнхенского стговора» 1938 года» (Петров 2018).

Но Мюнхенское соглашение — это все же фон, на котором в фильме разворачивается история двух бывших друзей и однокашников по Оксфордскому университету: горячего и нервного немца Пауля фон Хартманна (Яннис Нивёнер), и внешне отстраненного, сдержанного англичанина Хью Легата (Джордж МакКей). Оба после учебы заняли вполне себе престижные ниши во властных структурах обеих стран — нацистской Германии и Британской империи. Они вошли в высокие кабинеты, в том числе к высшим должностным лицам государства, пусть

и на ролях помощников. В истории этой прерванной дружбы прежде был еще третий персонаж — еврейская девушка Лейна (Лив Лиза Фрис), подруга Пауля и яростная противница Гитлера, впоследствии ставшая жертвой разнузданной антиеврейской истерии Третьего рейха и охоты на коммунистов.

Роман начинается со сцены встречи Хью Легата с женой в лондонском ресторане «Риц». Авторы же фильма идут другим путем. Фильм начинается с развеселой студенческой вечеринки летом 1932 г. в Оксфорде. Пауль и Хью изрядно навеселе. С ними Лейна, добывающая для них две бутылки шампанского. Пауль и Хью рассуждают о своем «сумасшедшем» поколении. Пауль не скрывает своих симпатий к людям, которые в его родной Германии озабочены восстановлением былого величия империи и идут к власти.

По ходу фильма, тема дружбы Пауля, его девушки Лейны и Хью возникает трижды: в начале и в конце фильма (упомянутая вечеринка в Оксфорде) и еще раз — летом 1932 г. в Мюнхене, когда Лейна уговаривает друзей отправиться к резиденции Гитлера и посмотреть на него вблизи. Между ней и Паулем вспыхивает ссора. Для Пауля «голосовать за Гитлера не значит голосовать против евреев». Глас условного народа (случайный посетитель кафе, к которому обращается Пауль) звучит так: «...Гитлер позволил нам вновь гордиться нашей нацией...» Между тем, для Хью происходящее в Германии — это не что иное, как проявление фанатизма масс. Степень этого фанатического опьянения народа идеями фюрера

позже осознает и Пауль. Где-то в середине романа Р. Харрис приводит беспощадные, прежде всего, по отношению к себе размышления прозревшего Хартманна: «...люди верят в то, во что хотят верить, — это было великое открытие Геббельса» (Харрис 2019: 162).

После оксфордской вечеринки 1932 г. действие фильма стремительно переносится в лондонскую осень 1938 г. К этому времени Хью уже является личным секретарем Чемберлена. Напряжение, висящее в воздухе британской столицы в связи с готовящимся вторжением Гитлера в Чехословакию, чувствуется повсюду. Глазами Легата мы видим косвенные доказательства подготовки Лондона и его жителей к возможным бомбардировкам со стороны люфтваффе: поднятый в небо над городом дирижабль; мешки с песком, которыми укрепляют памятники британской столицы; надпись белой краской на тротуаре: «Whereis your gas mask?»

Далее в фильме будут улицы Берлина, на которые мы смотрим глазами Пауля. На этих улицах много военных в форме, с красными нарукавными повязками и черной свастикой в белом круге. Витрины берлинских магазинов размалеваны антисемитскими лозунгами («Auswandern! Auf nach Jerusalem!») со стекающей на них звездой Давида. Пауль встречается на своем пути толпу, глумящуюся над еврейской парой. И буквально повсюду огромные полотнища нацистских флагов («Никуда не денешься от эстетики фюрера! Даже если пойдешь облегчиться» (Харрис 2019: 185)). Создатели фильма не оставляют сомнений, что соро-

каметровые полотнища со свастикой — это прямая отсылка к теме погранного величия, которое должно быть восстановлено любой ценой, особенно для маленького человека, одурманенного мечтой о «вставании с колен» и реванше.

Если по прошествии шести лет с момента последней встречи двух друзей Хью женат (правда, у него напряженные отношения с женой, он еле уговаривает ее покинуть вместе с сыном Лондон), то Пауль по-прежнему холост (Лейны рядом с ним нет, но есть любовница фрау Винтер, сотрудница аппарата германского МИДа, которая сыграет ключевую роль в передаче ему секретного документа, проливающего свет на истинные цели внешней политики Гитлера).

Практически сразу мы узнаем, что Пауль, несмотря на относительную близость к фюреру, является участником какой-то антиправительственной группировки, члены которой готовят заговор против Гитлера. История Пауля Хартманна — это история немецкого интеллектуала, вначале очарованного речами маленького ефрейтора о величии родины, а потом осознавшего ужас сделанного однажды выбора. В фильме мы видим как бы двух Хартманнов: первый — яростный сторонник национал-социалистической партии; второй — рефлексирующий интеллект, понимающий всю глубину надвигающейся катастрофы и решившийся на убийство Гитлера. Мы знаем, что этого не произойдет. Но для нас также важно знать, что такие люди в гитлеровской Германии были, что не все немцы были заражены ядом нацистской пропаганды.

Немецкий дипломат, имеющий возможность наблюдать Гитлера с ближнего расстояния, уверен, что он не тот, за кого выдает себя международному сообществу. Он понимает, что речь идет о чудовище, созревшем для того, чтобы поджечь Европу и мир. Для него вопросом жизни становится передача дезавуирующего планы Гитлера документа британской стороне через Хью.

Двое друзей встречаются в Мюнхене. «Добро пожаловать в новую Германию, Хью!» — с горькой иронией говорит Пауль. Оценки текущего момента, которыми Хартманн делится с Легатом, эмоциональны, но чувствуется, что за ними стоят долгие и мучительные размышления бывшего сторонника Гитлера. Германский фюрер для Пауля — безумец, а весь мир на грани: «Я знал, что он расист, но не думал, что эту антиеврейскую истерию можно не учитывать... Если они способны на такое, они способны на все».

Пауль, не без труда, добывается от Хью помощи в организации короткой встречи с Чемберленом, в ходе которой передает экземпляр секретного меморандума, представляющего собой протокол совещания в рейхсканцелярии в Берлине 5 ноября 1937 г. Из него совершенно очевидно следует, что Гитлер собирается развязать мировую войну и не остановится на аннексии Австрии и захвате Чехословакии.

Можно долго спорить на тему о том, какова степень достоверности фабулы фильма, существовал ли в высших эшелонах власти Третьего рейха в 1938 г. заговор против Гитлера, как

соотносятся между собой реальный исторический персонаж Адам фон Тротт цу Сольц (1909–1944), один из руководителей заговора полковника Клауса фон Штауффенберга 20 июля 1944 г. (операция «Валькирия», также известная как «заговор 20 июля» и «заговор генералов») с целью убийства Гитлера (Adam von Trott zu Solz), и Пауль Хартманн, можно ли считать т.н. «протокол Хоссбаха» («меморандум Хоссбаха») (Протокольная запись беседы 1937), фигурировавший на Нюрнбергском процессе, тем самым секретным документом, который Хартманн передал британской стороне. Но в данном случае меня больше интересуют не масштабные исторические реконструкции, а траектории жизни конкретных людей в контекстах Большой Истории, причастными к которой волею судеб они оказались.

Перекрестки Большой Истории, на которых суждено было встретиться двум бывшим друзьям по Оксфорду, персонифицированы в (противо)стоянии Чемберлена и Гитлера.

Образ Чемберлена, созданный в фильме блистательным Джереми Айронсом, весьма близок к замыслу Р. Харриса, для которого, по его же собственному признанию, роман стал кульминацией длившегося более тридцати лет увлечения Мюнхенским соглашением. Начало этому увлечению положило участие в создании телевизионного документального фильма «Да хранит вас Бог, мистер Чемберлен», приуроченного к отмечавшемуся в 1988 г. пятидесятилетию конференции в Мюнхене (Харрис 2019: 379). Р. Харрис не скрывает своих симпатий к премьер-

министру Великобритании, неоднократно подчеркивая значимость достигнутой им мирной передышки: «Чемберлен перестал быть педантичным администратором, каким рисовала его молва, и стал древним пророком — мессией мира, облаченным в невзрачный костюм престарелого бухгалтера» (Харрис 2019: 356).

Чемберлен Айронса — это, прежде всего, представитель старшего поколения европейцев, пережившего Первую мировую войну и не желающего повторения военного опыта. И в фильме, и в книге много его прямой речи. Он уверен, что «народ Британии никогда не возьмется за оружие из-за локального пограничного спора». Британский премьер, казалось бы, искренне озабочен сохранением мира, используя любой шанс. В то же время — тоже очень искренне — Чемберлен мечтает войти в историю как великий миротворец и на протяжении всего фильма примеривает на себя эту роль. После подписания Мюнхенского соглашения Чемберлен решил, перед возвращением в Лондон, встретиться с Гитлером и вынудить его подписать совместную Декларацию о ненападении. Гитлер пошел ему навстречу, так как «мало значения он придавал этому клочку бумаги и его содержанию» (Капитонова 2018: 196). Известный чемберленовский слоган «Я привез мир для нашего времени» — это фраза, которую произносит после возвращения домой и экранный Чемберлен.

Авторы фильма создали вызывающий симпатии апологетический образ британского политика, однако далеко не всеми в самой Великобритании разделявшийся и разделяе-

мый. С одной стороны, мы понимаем мотивы Чемберлена, подписавшего соглашение с Гитлером, отсрочившего, пусть ненадолго, войну с ним, верим, что он действовал в интересах своей страны. Но все время перед глазами встает образ растерзанной Чехословакии, которую союзники оставили на произвол судьбы и фактически положили на жертвенный алтарь. Члены чехословацкой делегации — посол В. Мастны и представитель министерства иностранных дел Г. Масаржик были вызваны Чемберленом и Даладье уже после подписания Мюнхенского соглашения, чтобы ознакомить сугубо формально их с документом. Таким образом, представители расчленяемой страны были просто поставлены перед свершившимся фактом. Кстати, в романе Р. Харриса весьма драматично описывается ситуация фактического «заложничества», в которой оказались прибывшие в Мюнхен два представителя этой страны.

Чемберлена везде (и в Германии, и в Британии) встречали как миротворца. Он купался в лучах славы. Это было хорошо, но недолго. Последовавший вскоре после Мюнхена захват Германией 15 марта 1939 г., при участии Польши и Венгрии, оставшейся части Чехословакии нанесет по престижу Чемберлена «сокрушительный удар» (Капитонова 2018: 199). Создатели фильма по этому поводу сообщают, что подписанное в Мюнхене соглашение действовало менее года, потом началась Вторая мировая война, а премьер-министр вынужден был оставить свой пост и вскоре умер.

Визави Чемберлена Гитлер (Ульрих Маттес) — это невзрачный человек

в военной форме, с маленькими, близко посаженными глазами. «Почти удивительно, насколько непримечательно выглядел диктатор — даже еще больше, чем шесть лет назад, когда Хью мельком видел его на улице. Он напоминал квартиранта, всегда старающегося держаться в сторонке, или ночного сторожа, исчезающего поутру с окончанием смены» (Харрис 2019: 283). Идущий от Гитлера запах нечистого тела в книге передан очень реалистично: «...от фюрера резко пахло потом — Хью уловил его прежде, в кабинете, и ощутил теперь, пока он проходил мимо. От него воняло, как от солдата с передовой или от рабочего, который с неделю не мылся или не менял робу» (Харрис 2019: 358). Вдруг подумалось, если бы кому-то из коллег-историков пришлось в голову написать книгу о тиранах и диктаторах как историю запахов их тел, наверное, получилось бы во многом неожиданное чтение. У этой мысли есть еще один бэкграунд, о котором, пожалуй, сейчас умолчу. Скажу лишь, что он родился после просмотра одного из интервью на YouTube-канале «Скажи Гордеевой».

И еще из поразившего при чтении книги. Р. Харрис вкладывает в уста Чемберлена следующую оценочную характеристику Гитлера: «...мне дважды приходилось смотреть ему в глаза, и я считаю, что если есть для него нечто совершенно невыносимое, так это потеря лица» (Харрис 2019: 32). Эта пресловутая потеря лица, которая заботит всех диктаторов и заботящихся о диктаторах во все времена.

Фильм заканчивается тем же, с чего начался: вечеринкой в Оксфорде.

Трое лежат на траве и курят одну сигарету. Кажется, что впереди у каждого много долгих счастливых лет. Между тем, из книги мы узнаем, что раньше всех уйдет из жизни так и не оправившаяся от пыток Лейна. Жизнь Пауля оборвется в 1944 г.: как участника антигитлеровского заговора, его удавят на рояльной струне в берлинской тюрьме Плётцензее (Харрис 2019: 376). Этот эпизод заставляет вспомнить о том, что в реальной жизни в августе 1944 г. были казнены участники упоминавшегося антигитлеровского заговора полковника Клауса фон Штауффенберга, в том числе Адам фон Тротт цу Сольц. Именно в этой параллели Хартманн — Тротт цу Сольц эксперты обнаруживают отдаленную связь описанных в романе и воспроизводимых в фильме событий. И только Хью Легат проживет долгую жизнь и уйдет из нее известным политическим деятелем.

Последний кадр фильма представляет собой следующий текст: «The extra time bought by the Munich agreement enabled Britain and her allies to prepare for war and ultimately led to Germany's defeat» («Дополнительное время, полученное в результате Мюнхенского соглашения, позволило Великобритании и ее союзникам подготовиться к войне, что в конечном итоге привело к поражению Германии»).

В основном, создатели фильма следуют канве романа, но есть отступления:

— начальная и финальная сцены фильма, отсутствующие в книге (Лейна не была в Оксфорде и не участвовала ни в каких оксфордских вечеринках);

— фрау Винтер, любовница Пауля, отправилась вместе с ним на конференцию в Мюнхен в составе немецкой делегации (по книге она осталась в Берлине и была арестована гестапо);

— не было драки между Хью Легатом и следящим за ним и Паулем офицером СС Францем Зауэром.

В фильме упущены некоторые подробности:

— случайная близость Лейны и Хью, положившая конец юношеской дружбе между ним и Паулем;

— 2 июля 1932 г., в тот самый день, когда Гитлер обратился к огромной толпе своих сторонников со своей очередной безумной речью, Хью, Пауль и Лейна были там, в окрестностях Мюнхена, рядом с резиденцией фюрера, в этой огромной толпе, и Лейна эмоционально выкрикнула: «Ты трахал свою племянницу, убийца!» (Лейна имела в виду племянницу Гитлера Гели Раубаль, с которой он состоял в кровосмесительной связи и которая то ли застрелилась, то ли была застрелена в 1931 г.).

Из действующих лиц фильма и книги мне более всего симпатичен Пауль Хартманн. Я понимаю сложность выбора, перед которым оказался Хью Легат, в конечном итоге рискнувший карьерой, чтобы помочь другу, и тем самым сохранивший достоинство и честь. Но Пауль в этом тандеме для меня первый.

Для каждого народа важно иметь свой пантеон праведников, который он может предъявить на суде исто-

рии, как бы пафосно это ни звучало. Особенно это важно для народа, на каком-то витке своей истории впадшего в историческое беспамятство, а потом в страшных муках пробуждающегося от него.

В период пробуждения как раз важно осознавать, что морок не был тотальным, что в самые темные времена были те, кто чувствовал наперед, что будет. Вряд ли Паулю Хартманну приходило в голову примеривать на себя белые одежды. Ведь, как правило, те, кто потом оказываются настоящими праведниками, были такими же людьми, как все: любили, иногда запретной любовью, совершали ошибки, теряли друзей, рожали детей, хотели жить. Но они, в отличие от других, обостренно чувствовали свою ответственность за происходящее, и эта ноша не позволяла им просто жить, а заставляла действовать. Даже в ущерб себе и своим близким.

Пауль — очень импульсивный, в отличие от своего английского друга, человек. Он как натянутая струна. Он не создал «образцовую» семью, а живет с любовницей — женщиной старше его по возрасту. Он несдержан и может вспылить. Но он берет на себя хлопоты по уходу за умирающей Лейной после пыток, которым она подверглась в гестапо: она выпала из окна третьего этажа, а до этого у нее на спине была вырезана звезда Давида. Рискуя жизнью, Хартманн делает все возможное и невозможное для того, чтобы передать англичанам документ, компрометирующий Гитлера и недвусмысленно свидетельствующий о его истинных намерениях. В отличие от настроя большинства современников, он жаждет

немедленного развязывания войны, так как, по его мнению, она позволит сокрушить Гитлера малой кровью, совместными усилиями внешних сил в лице западных демократий и внутренних его противников в армии. Кстати, современные исследователи, ссылаясь на современников событий, подтверждают тезис о неготовности Германии на начало октября 1938 г. вести войну одновременно против Чехословакии, Англии и Франции, не говоря уже об СССР (*Шубин* 2018: 38).

Мы знаем сегодня, что этим планам не дано было осуществиться. Мир выпил горькую чашу мирового шестилетнего вооруженного противостояния до дна, но Хартманн заразил своим неистовством и своего английского друга, цепляясь за малейшую возможность изменить ход истории. Он проиграл, вряд ли подозревая, что на самом деле работал на будущее своей страны.

Закончу свою рецензию, пожалуй, отдельным пунктом о саундтреках к фильму, которые написала британский композитор Изобель Уоллер-Бридж. Музыкальная тема «You Dream» для меня — это не что иное, как положенные на ноты слова Пауля Хартманна: «Мы не выбираем время, в котором живем. Все, что мы можем выбрать, это как нам поступать...» В этих словах, с одной стороны, предвосхищение своей трагической судьбы, а с другой — твердость человека, решившегося сделать шаг ей навстречу.

Фильм «Мюнхен. На грани войны» — это, прежде всего, художественное высказывание о нацизме

и проблеме нравственного выбора каждого из нас. Стремясь спасти мир от надвигающейся катастрофы, герои фильма — маленькие персонажи Большой Истории этот выбор делают. Вопреки инстинкту самосохранения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексиевич 2022 — *Алексиевич* С.А. У войны не женское лицо. 12-е изд. М.: Время, 2022. 352 с. (Собрание произведений).

Вершинин 2018 — *Вершинин* А.А. Эдуард Даладьё и политика «умиротворения агрессора» накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 42–70.

80-летие Мюнхенского соглашения 2018–80-летие Мюнхенского соглашения 1938 года: интернет-проект Российского исторического общества. URL: <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglashenie-1938-goda.html> (дата обращения: 12.06.2022)

Капитонова 2018 — *Капитонова* Н.К. Невилл Чемберлен и политика «умиротворения» // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С.176–204.

Литтелл 2021 — *Литтелл* Дж. Благовоительницы / пер. с фр. И. Мельниковой под ред. М. Томашевской и Д. Диминьша; науч. ред. перевода В. Акунов. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 720 с.

Матвеев 2018 — *Матвеев* Г.Ф. Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 году // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С.134–156.

Мюнхенский сговор 2021 — Мюнхенский сговор: рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации, 1933–1939 / составитель Л.Ф. Соцков. М.: Вече сор, 2021. 662 с.

Накануне и после Мюнхена 2018 — Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию

«Мюнхенского сговора»: интернет-проект. URL: <http://munich.rusarchives.ru/> (дата обращения: 12.06.2022)

Орлик 2018 — Орлик И. И. Москва — Прага: накануне чехословацкой трагедии по материалам архива Министерства иностранных дел Чешской республики // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 15–28.

Петров 2018 — Петров Ю. Историография «Мюнхенского сговора» 1938 года // 80-летие Мюнхенского соглашения 1938 года: интернет-проект Российского исторического общества. URL: <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglashenie-1938-goda/istoriografiya-myunkhenskogo-sgovora-1938-goda.html> (дата обращения: 12.06.2022)

Проекты Российского исторического общества — Проекты Российского исторического общества. URL: <https://historyrussia.org/proekty.html> (дата обращения: 12.06.2022)

Протокольная запись беседы 1937 — Протокольная запись беседы, состоявшейся в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 г. с 16 час. 15 мин. до 20 час. 30 мин., 10 ноября 1937 г. // Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию «Мюнхенского сговора»: интернет-проект. URL: <https://munich.rusarchives.ru/dokumenty/protokol-soveshchaniya-germanskogo-politicheskogo-i-voennogo-rukovodstva-opolozhenii-germanii-v> (дата обращения: 12.06.2022)

Серпионова 2018 — Серпионова Е. П. Эдвард Бенеш и Мюнхенский кризис // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 205–223.

Харрис 2019 — Харрис Р. Мюнхен: роман / пер. с англ. А. Яковлева. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 384 с.

Хахалкина, Ганжа, Рац 2020 — Хахалкина Е. В., Ганжа Д. В., Рац Д. В. Мюнхенское соглашение 1938 года в оценках советских и российских историков //

Вестник Пермского университета. Серия: История. 2020. Вып.1 (48). С. 179–190.

Шлинк 2022 — Шлинк Б. Чтец / пер. с нем. Б. Хлебникова. СПб.: Азбука, 2022. 256 с.

Шубин 2018 — Шубин А. В. СССР и Мюнхенский договор 1938 г. // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 29–41.

Adam von Trott zu Solz — Adam von Trott zu Solz. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4a9555a8-62a340b9-946ad9f1-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Adam_von_Trott_zu_Solz (дата обращения: 12.06.2022)

REFERENCES

Aleksievich S. A. *U voiny ne zhenskoe litso*. 12-e izd. M.: Vremya, 2022. 352 s. (Sobranie proizvedenii).

Vershinin A. A. Ehdvard Dalad'e i politika «umirotvoreniya agressora» nakanune Vtoroi mirovoi voiny // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2018. № 4. S. 42–70.

80-letie Myunkhenskogo soglasheniya 1938 goda: internet-proekt Rossiiskogo istoricheskogo obshchestva. URL: <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglashenie-1938-goda.html> (дата obrashcheniya: 12.06.2022)

Kapitonova N. K. Nevill Chamberlen i politika «umirotvoreniya» // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2018. № 4. S. 176–204.

Littell Dzh. *Blagovolitel'nitsy* / per. s fr. I. Mel'nikovoi pod red. M. Tomashevskoi i D. Dimin'sha; nach. red. perevoda V. Akunov. 2-e izd. M.: Ad Marginem Press, 2021. 720 s.

Matveev G. F. Uchastie Pol'shi v raschlennii Chekhoslovakii v 1938 godu // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2018. № 4. S. 134–156.

Myunkhenskii sgovor: rassekrechennyye dokumenty Sluzhby vneshnei razvedki Rossiiskoi Federatsii, 1933–1939 / sostavitel' L. F. Sotskov. M.: Veche cop, 2021. 662 s.

Nakanune i posle Myunkhena. Arkhivnye dokumenty rasskazvayut. K 80-letiyu «Myunkhenskogo sgovora»: internet-proekt.

URL: <http://munich.rusarchives.ru/> (data obrashcheniya: 12.06.2022)

Orlik I. I. Moskva — Praga: nakanune chek-hoslovatskoi tragedii po materialam arkhiva Ministerstva inostrannykh del Cheshskoi respubliki // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2018. № 4. S. 15–28.

Petrov YU. Istoriografiya «Myunkhenskogo sgovora» 1938 goda // 80-letie Myunkhenskogo soglasheniya 1938 goda: internet-proekt Rossiiskogo istoricheskogo obshchestva. URL: <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglashenie-1938-goda/istoriografiya-myunkhenskogo-sgovora-1938-goda.html> (data obrashcheniya: 12.06.2022)

Proekty Rossiiskogo istoricheskogo obshchestva. URL: <https://historyrussia.org/proekty.html> (data obrashcheniya: 12.06.2022)

Protokol'naya zapis' besedy, sostoyavsheisya v reikhskanselyarii 5 noyabrya 1937 g. s 16 chas. 15 min. do 20 chas. 30 min., 10 noyabrya 1937 g. // *Nakanune i posle Myunkhena. Arkhivnye dokumenty rasskazyayut*. K 80-letiyu «Myunkhenskogo sgovora»: internet-proekt. URL: <https://munich.rusar->

[chives.ru/dokumenty/protokol-soveshchaniya-germanskogo-politicheskogo-i-voennogo-rukovodstva-o-polozhenii-germanii-v](https://munich.rusarchives.ru/dokumenty/protokol-soveshchaniya-germanskogo-politicheskogo-i-voennogo-rukovodstva-o-polozhenii-germanii-v) (data obrashcheniya: 12.06.2022)

Serapionova E. P. Ehdvard Benesh i Myunkhenskii krizis // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2018. № 4. S. 205–223.

Kharris R. *Myunkhen: roman* / per. s angl. A. Yakovleva. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. 384 s.

Khakhalkina E. V., Ganzha D. V., Rats D. V. Myunkhenskoe soglashenie 1938 goda v otsenkakh sovetskikh i rossiiskikh istorikov // *Vestnik Permskogo universiteta*. Seriya: Istoriya. 2020. Vyp.1 (48). S. 179–190.

Shlink B. *Chtets* / per. s nem. B. Khlebnikova. SPb.: Azbuka, 2022. 256 s.

Shubin A. V. SSSR i Myunkhenskii dogovor 1938 g. // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2018. № 4. C. 29–41.

Adam von Trott zu Solz. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4a9555a8-62a340b9-946ad9f1-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Adam_von_Trott_zu_Solz (data obrashcheniya: 12.06.2022)

Б. Л. Хавкин, Н. С. Моисеева

КИНОЖУРНАЛ «DIE DEUTSCHE WOCHENSCHAU» («НЕМЕЦКОЕ НЕДЕЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ») КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

В статье на основе исследования главного пропагандистского киножурнала Третьего рейха — «Die Deutsche Wochenschau» («Немецкое недельное обозрение») за 1940–1945 гг. рассматривается проблема использования документального кино в военной пропаганде, изучаются основные свойства нацистской кинопропаганды времен Второй мировой войны. Приводятся результаты контент-анализа содержания «Die Deutsche Wochenschau»; сделаны выводы о причинах провала нацистской военной кинопропаганды и важности рассматриваемого источника как свидетельства преступлений нацистского режима.

Ключевые слова: Вторая мировая война, документальное кино, кинопропаганда, Третий рейх, киножурнал «Die Deutsche Wochenschau» («Немецкое недельное обозрение»).

Сведения об авторах:

Хавкин Борис Львович — доктор исторических наук, профессор факультета Международных отношений политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Контактная информация: novistor@mail.ru

Моисеева Нина Сергеевна — магистрант факультета Международных отношений политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Контактная информация: bri_27@mail.ru

B. L. Khavkin, N. S. Moiseeva

NEWSREEL "DIE DEUTSCHE WOCHENSCHAU" ("GERMAN WEEKLY REVIEW") AS A HISTORICAL SOURCE FOR THE STUDY OF MILITARY PROPAGANDA IN THE THIRD REICH

In the article, based on a study of the main propaganda film magazine of the Third Reich — "Die Deutsche Wochenschau" ("German Weekly Review") for 1940–1945. the problem of using documentary films in military propaganda is considered, the main properties of Nazi film propaganda during the Second World War are studied. The article presents the results of content analysis of the content of "Die Deutsche Wochenschau"; conclusions are drawn about the reasons for the failure of the Nazi military film propaganda and the importance of the source as evidence of the crimes of the Nazi regime.

Keywords World War II, documentaries, film propaganda, Third Reich, newsreel "Die Deutsche Wochenschau" ("German Weekly Review").

About the authors:

Khavkin Boris Lvovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities.

Contact information: novistor@mail.ru

Moiseeva Nina Sergeevna — Master student of the Faculty of International Relations of Political Science and Foreign Regional Studies of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities.

Contact information: bri_27@mail.ru

Актуальность темы исследования обусловлена широким применением в современном общественно-политическом дискурсе, в частности в пропаганде, аудиовизуальных источников. Вовлечение кинодокументов в научный оборот и их предоставление пользователям в цифровом формате при удаленном доступе открывает ученым новые перспективы.

В наши дни приобретает особую роль изучение проблемы использования кинодокументов в военной пропаганде. Причем военная пропаганда включает психологическое воздействие как со стороны своих, так и со стороны противника. Важно уметь разоблачать и обезвреживать пропаганду противника, знать ее методы и язык. В этом плане поучителен исторический опыт Второй мировой войны.

В Третьем рейхе пропаганда, наряду с террором и военной силой, была инструментом установления, сохранения и упрочения нацистской диктатуры. Искусство пропаганды, по словам Гитлера, «именно в том и состоит, что она, постигая чувственный мир представлений большой массы населения, в психологически правильной форме находит путь к вниманию, а затем и к сердцу широких масс» (*Hitler* 1939: 198).

Советский и российский историк А. А. Галкин так определял главную задачу нацистской пропаганды: «Тотальное воздействие на народ, обеспечение единой реакции на события» (*Галкин* 1989: 340).

Государственное значение пропаганды нашло выражение в создании

в Третьем рейхе первого в мире министерства пропаганды; причем пропаганда была объединена с народным просвещением. Рейхсминистр просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс сформулировал основные правила тотальной пропаганды: «Дайте мне средства массовой информации, и я из любого народа сделаю стадо свиней»; «ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой»; «худший враг любой пропаганды — интеллектуализм»; «чем чудовищнее ложь, тем охотнее толпа верит в нее» (*Oven* 1987: 71–73).

Важнейшую роль в нацистской пропаганде играло кино (*Becker* 1973: 191–194). В кинотеатрах Германии каждый художественный фильм сопровождался пропагандистским фильмом. Пропустить эту часть программы было невозможно. Чаще всего демонстрировался киножурнал «Die Deutsche Wochenschau» («Немецкое недельное обозрение»). В начале Второй мировой войны выпуски журнала длились 10–15 мин., в конце войны — полчаса). Кроме того, были и специальные часовые выпуски «Die Deutsche Wochenschau» (*Witte* 1993: 122): их показывали на сеансах кинохроники. Еженедельно рассылалось по 2000 немецкоязычных фильмокопий журнала. Выпуски «Die Deutsche Wochenschau», предварительно переведённые на местные языки, применялись в качестве пропагандистского материала на оккупированных территориях (Немецкая хроника: 1936–1940).

Объектом исследования в нашей статье является нацистская кинопропаганда, а предметом исследования —

главный орган нацистской военной кинопропаганды киножурнал «Die Deutsche Wochenschau».

Целью статьи является изучение киножурнала «Немецкое недельное обозрение» как исторического источника по изучению военной кинопропаганды в Третьем рейхе. Кадры из «Die Deutsche Wochenschau» часто вводятся в ткань современных российских документальных и игровых фильмов, придавая им ощущение большей достоверности. Как иллюстративный документальный материал журнал используется и в исторических публикациях, экспозициях музеев и выставок.

Теоретическую основу статьи составили работы российских источниковедов и архивистов В.С. Листова, В.М. Магидова, Г.Н. Ланского. В.С. Листов доказал, что документальное кино отражает объективные события и служит памятником общественной мысли, т.е. выполняет те же функции, что и письменные источники, что обуславливает возможность критики кинодокумента как исторического источника (*Листов* 1966: 235–249). В.М. Магидов определил источниковедческие признаки кинодокументов. Одним из наиболее продуктивных методов изучения кинодокументов историк считал транспозицию (перенос) зрительного ряда в письменный (*Магидов* 1992: 104–116). Г.Н. Ланской предложил изучать кинодокументы на междисциплинарной основе (на стыке искусствоведения, психологии, учения об информации, источниковедения) и разработал классификацию кинодокументов, разделив их на хроникальные (буквально фиксирующие

события) и документальные (предусматривающие воплощение сценарного замысла при отображении действительности) — (Ланской 2006: 291–299).

Источниковую основу статьи составили оригиналы «Die Deutsche Wochenschau» из рейхсфильмархива Германии. Они ныне хранятся в Госфильмофонде России в подмосковных Белых Столбах и описаны в подготовленном Госфильмофондом аннотированном каталоге «Die Deutsche Wochenschau» («Die Deutsche Wochenschau». Аннотированный каталог 2008: 3). Коллекция материалов рейхсфильмархива Германии поступила в СССР после Великой Отечественной войны. Причем если трофейные кинодокументы, в том числе киножурналы, были переданы на хранение в Госфильмофонд, то фотодокументы — в Центральный государственный архив кинофотофонодокументов. Полное оцифрованное собрание выпусков «Die Deutsche Wochenschau» хранится ныне в Федеральном киноархиве ФРГ в Берлине (ВА/ФА: 511–755).

В середине июня 1940 г. немецкие киножурналы, которые выпускались различными фирмами, были объединены на базе журнала «UFA Topwoche» («Звуковой еженедельник УФА»). Новый журнал под названием «Die Deutsche Wochenschau» перенял нумерацию своего предшественника и выходил в кинопрокат начиная с №511. С ноября 1940 г. производством новостей занималась киностудия «УФА» («Universum Film AG»). С декабря 1944 г. (с №746) киножур-

нал «Die Deutsche Wochenschau» выходил на экраны два раза в месяц (Немецкое еженедельное обозрение. Электронный ресурс б/д).

Согласно каталогу Госфильмофонда России, последний выпуск киножурнала (№754) вышел на экран после 11 марта 1945 г. («Die Deutsche Wochenschau». Аннотированный каталог 2008: 460). Однако по данным киноархива Германии, последним был №755 (ВА/ФА: 755). Российский исследователь А.А. Полякова называет дату выхода №755: 22 марта 1945 г. (Полякова 2013: 204).

Американский историк Роберт Герцштейн отмечал, что «Немецкое еженедельное обозрение» приблизило войну к немецкому народу. «Эта война была с предельной тщательностью, хотя и ненавязчиво, заснята на пленку и отредактирована хорошими операторами и монтажерами... “Die Deutsche Wochenschau” справилось, главным образом благодаря постоянному вмешательству самого Геббельса, с еще двумя жизненно важными задачами. Оно способствовало поднятию патриотических настроений и объясняло войну идеологическими терминами, выработанными нацистским режимом» (Герцштейн 1996: 608).

Если руководство военной пропагандой внутри рейха было поручено Геббельсу и его подчиненным, то в зоне боевых действий и тылу вермахта этими вопросами занимались военные власти. В вермахте были сформированы роты пропаганды. Кинооператоры, которые в них служили, должны были снимать военные события для «Не-

мецкого недельного обозрения». 1 апреля 1939 г. начал функционировать отдел военной пропаганды вермахта («Die Propagandatruppen der Deutschen Wehrmacht»). Эту структуру возглавил полковник (с 1 сентября 1943 г. — генерал-майор) Хассо фон Ведель. К 1 сентября 1939 г. в вермахте было 14 рот пропаганды. При подготовке нападения на СССР их численность возросла до 19 (12 находились в сухопутных войсках, 4 в военно-воздушных и 3 в военно-морских силах); 11 из них, общей численностью 2224 человека, были развернуты на советско-германском фронте. Позже общее число рот пропаганды было увеличено до 33. Кроме вермахта, подразделения пропаганды имели войска СС. С октября 1943 г. все пропагандистские структуры СС были преобразованы в специальный полк «штандарт СС Курт Эггерс». Командиром полка пропаганды был штандартенфюрер СС Гюнтер д'Алкен. В апреле 1945 г. он возглавил отдел военной пропаганды вермахта (Белков 2019: 43–48). В дивизиях СС действовали свои военные корреспонденты и кинооператоры.

Большая часть выпусков «Die Deutsche Wochenschau» отводилась пропагандистскому освещению военных действий германских войск. Для каждой военной кампании создавалась команда кинооператоров; некоторые погибли на фронте во время съёмок. В титрах киножурнала упоминаются фронтовые кинооператоры: Вильгельм Бастаниер, Петер Халлер, Фридрих Липп, Хост Мейер, Вальдемар Закеус, Фр. Роттенвальнер, Вольф Шнайдер, Хайнц Шмидт, Конрад Фишер и другие.

Дикторский текст читал актер Гарри Гизе: он озвучивал почти все выпуски киножурнала (в 1943–1944 годах его временно заменял Вальтер Таппе).

Главным редактором журнала был Генрих Рёлленберг, а после того как он попал в опалу у Геббельса — Фриц Деттман. Композитор Франц Р. Фридль был музыкальным редактором журнала. За съёмки Гитлера отвечал его личный оператор Вальтер Френц. В качестве музыкальной заставки киножурнала был использован фрагмент из «Песни Хорста Весселя». После нападения Германии на СССР вслед за фанфарами из Хорста Весселя стали исполнять «русские фанфары» — фрагмент из «Прелюдий» Ференца Листа (Полякова 2013: 204).

Набор используемых мелодий был невелик. Это со временем стало дезориентировать зрителя, снижая пропагандистский эффект: например, один и тот же марш сопровождал кадры вступления немецких войск в Киев 19 сентября 1941 г. («Die Deutsche Wochenschau»: 577), и кадры из последнего выпуска журнала от 22 марта 1945 г., запечатлевших поспешную морскую эвакуацию немцев из Кёнигсберга («Die Deutsche Wochenschau»: 754).

По мере решительных ударов по нацистской Германии, нанесенных Красной Армией и армиями союзников СССР по антигитлеровской коалиции, выпуски «Die Deutsche Wochenschau» становились все более пафосными, менее информативными и конкретными. Пленение Красной армией 31 января 1943 г.

генерал-фельдмаршала Паулюса (Бланк, Хавкин 1990: 90–106) и капитуляция в конце января — начале февраля 1943 г. 90-тысячной немецкой армии под Сталинградом не нашли своего отражения на страницах «Die Deutsche Wochenschau». На экране показывались общие, не привязанные к определенному участку фронта, сцены боевых действий, работа в тылу, награждения солдат. Однако отдельные тактические успехи вермахта, в частности, наступление в Арденнах в декабре 1944 г., сразу появлялись в «Die Deutsche Wochenschau» («Die Deutsche Wochenschau»: 748).

Главными темами «Die Deutsche Wochenschau» были сюжеты, связанные с войной. Контент-анализ, проведенный на основе представленных в аннотированном каталоге Госфильмофонда России 243-х выпусков изучаемого источника за 1940–1945 гг., позволяет установить, что чаще всего в журнале упоминались германские люфтваффе (195 раз), артиллерия (154 раза), танки (151 раз), кригсмарине (123 раза), пехота (70 раз).

Бомбежки, взрывы, разрушения и пожары вражеских городов в общей сложности показывали 233 раза. Больше всего сюжетов (147) демонстрировали захваченных вермахтом военнопленных, в основном советских. 92 сюжета рассказывали о награждении немецких солдат и офицеров. Спорту был посвящен 61 сюжет, фронтовому быту — 46. Из персоналий на первом месте, разумеется, Гитлер (появляется в кадре 101 раз), затем идут Геббельс (68 раз) и Геринг (51 раз). Из стран чаще всего упоминается Германия (во всех 243

выпусках), затем идет Россия (163 упоминания) и Франция (76 упоминаний). Реже всего «Die Deutsche Wochenschau» рассказывала о культуре: театр — 6 раз, балет и танцы — 5 раз; выставки и книги — 2 раза, печать — 2 раза, фестивали — 1 раз («Die Deutsche Wochenschau». Аннотированный каталог. 2008: 461–479).

Таким образом, источник позволяет определить приоритеты нацистской кинопропаганды. Что касается ее приемов, то в «Die Deutsche Wochenschau» использовались все характерные нацистские пропагандистские клише. Почти в каждом выпуске, посвященном восточной кампании, Гарри Гизе говорил что-то вроде «вот так живут рабочие и крестьяне в большевистском раю» и сопровождал эти слова сценами бедно одетых жителей, видами землянок и бараков, кадрами разрушений. При этом зачастую вся ответственность за разрушения (которые могли быть вызваны боями) в советских городах возлагалась на самих «большевиков», придерживавшихся тактики «выжженной земли». При изображении советских военнопленных обычно выбирались лица азиатской или еврейской внешности («Die Deutsche Wochenschau»: 580, 602–604, 606, 699).

Пропаганда строилась по простейшей схеме: противопоставление по контрасту. С одной стороны — бравые идущие вперед пехотинцы вермахта, сметающие все преграды немецкие танки, самолеты люфтваффе, наносящие точные бомбовые удары по советским городам, с другой — колонны сдающихся в плен оборванных советских солдат.

Целостного образа Советской России в Третьем рейхе не существовало — это заметно и на киноэкране. Можно говорить о «калейдоскопе», в котором затасканные нацистской пропагандой темы чередовались в разных сочетаниях. Однако поражения вермахта в России надо было как-то объяснять. Как отмечает историк Герд Кёнен (ФРГ), «национал-социалистическая военная пропаганда против сталинской Советской России представляла собой единственное в своем роде балансирование на лезвии ножа, ибо девиз “сила через страх”... все-таки подразумевал признание силы противника, пусть и в форме пугающего образа “азиатских орд”» (Кёнен 2010: 403).

Главная причина конечного провала нацистской пропаганды, в частности, кинематографической, была в полной противоположности изображения и дикторского текста реальному ходу событий Второй мировой войны. Чем ближе было поражение нацистской Германии в войне, тем более жестокой и бессмысленной становилась нацистская пропаганда.

Гитлер, который первоначально сомневался в ценности выпусков «Die Deutsche Wochenschau», особенно на раннем этапе войны, в 1941 г. заявил: «Я в восторге от нашей современной кинохроники. Мы становимся свидетелями героической эпохи, не имеющей аналогов в истории. Ради будущего нам необходимо сохранить военную кинохронику. Она станет бесценнейшим документом» (Герцштейн 1996: 278). История перевернула смысл этого высказывания: гитлеровская военная кинохроника, сохраненная в архивах, действительно

стала ценным свидетельством истории, но не пропагандирующим нацизм, а разоблачающим его преступления.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ВА (Bundesarchiv) / FA (Filmarchiv). Berlin-Lichterfelde. № 511–755. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.filmarchives-online.eu/hitlist?b_size:int=1622&search_holding=all&b_start:int=0&Fulltext=Die%20Deutsche%20Wochenschau&select1=all (дата обращения: 04.04.2022).

Немецкая хроника 1936–1940 — еженедельное кинообозрение / Die Deutsche Wochenschau (Германия, все выпуски, с переводом) // https://voenhronika.ru/publ/vtoraja_mirovaja_vojna_germanija_khronika_nemeckoe_ezhenedelnoe_kinoobozrenie_s_perevodom_germanija_sbornik_iz_17_chastej_po_1_5_chasa_1936_1945_god/23-1-0-323 (дата обращения: 04.04.2022).

«Die Deutsche Wochenschau». — «Ди Дойче Вохеншау». (Немецкое еженедельное обозрение. Германия, 1940–1945 гг.). Аннотированный каталог. Сост.: Пустынская С. Д., Кривуля В. И., Савина Н. Ф. Общ. рук-во: Бородачев Н. М. Научн. рук-во: Дмитриев В. Ю. М.: Госфильмофонд РФ, РИД «Интерреклама». 2008.

Немецкое еженедельное обозрение. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 04.04.2022).

Hitler A. Mein Kampf. München 1939. S. 198. — Цит. по: Национал-социалистическая пропаганда // https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1320324#cite_note-1 (дата обращения: 04.04.2022).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белков 2019 — Белков А. Н. Пропаганда поможет нам завоевать весь мир. Структура органов пропаганды нацистской

германии и вермахта // Военно-исторический журнал. М.: 2019. № 1. С. 43–48.

Бланк, Хавкин 1990 — Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М.: Патриот, 1990.

Галкин 1989 — Галкин А.А. Германский фашизм. М., «Наука», 1989.

Герцштейн 1996 — Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 1996.

Кёнен 2010 — Кёнен Г. Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев 1900–1945. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.

Ланской 2006 — Ланской Г.Н. Особенности и методы изучения изобразительных источников в исторических исследованиях // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во МГУ, СПб.: Алетейя, 2006.

Листов 1966 — Листов В.С. Приёмы источниковедческого анализа киноскриптов документального кино периода Октябрьской революции и Гражданской войны // Труды МГИАИ. Т.24. М., 1966.

Магидов 1992 — Магидов В.М. Кинофотофонодокументы как исторический источник // Отечественная история. 1992. № 5.

Полякова 2013 — Полякова А.А. Пропаганда войны в кинематографе Третьего рейха. Изд-во "Маска", М., 2013.

Becker 1973 — Becker W. Film und Herrschaft: Organisationsprinzipien und Organisationsstrukturen der nationalsozialistischen Filmpropaganda. Berlin: 1973.

Oven 1987 — Oven von, W. Wer war Goebbels? Biographie aus der Nähe. — Herbig, 1987.

Witte 1993 — Witte K. Film im Nationalsozialismus // Geschichte des deutschen Films. J.В. Metzler. Stuttgart — Weimar 1993.

REFERENCES

Belkov A.N. *Propaganda pomozhet nam zavoevat' ves mir* [Propaganda will help us conquer the whole world]. Moscow, Voenno-istoricheskii zhurnal publ., Moscow, 2019, no. 1, pp. 43–48.

Blank A.S., Khavkin B.L. *Vtoraya zhizn' fel'dmarshala Paulyusa*. [The Second Life of Field Marshal Paulus]. Moscow, Patriot publ., 1990.

Galkin A.A. *Germanskij fashizm* [German fascism]. M., «Nauka», 1989.

Herzstein, R.E. *Vojna, kotoruyu vyigral Gitter*. [The War that Hitler Won]. Smolensk: Rusich, 1996.

Koenen G. *Mezhdru strakhom i voskhishcheniem*. «Rossiiskii kompleks» v soznanii nemtsev 1900–1945. [Between fear and admiration. "Russian complex" in the minds of the Germans 1900–1945]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. publ., 2010.

Lanskoi G.N. *Osobennosti i metody izucheniya izobrazitel'nykh istochnikov v istoricheskikh issledovaniyakh* [Features and methods of studying visual sources in historical research. In Russ.] In: *Problemy metodologii i istochnikovedeniya. Materialy III nauchnykh chtenii pamyati akademika I.D. Koval'chenko*, Moscow, MGU, Alateya publ., 2006.

Listov V.S. *Priemy istochnikovedcheskogo analiza kinoskriptov dokumental'nogo kino perioda Oktyabr'skoi revolyutsii i Grazhdanskoi voiny* [Techniques of source analysis of film scripts of documentary films of the period of the October Revolution and the Civil War. In Russ.]. *Trudy MGIAI* [Works MGIAI. In Russ.]. Moscow, 1966.

Magidov V.M. *Kinofotofonodokumenty kak istoricheskii istochnik* [Film, photo, audio documents as a historical source. In Russ.]. In: *Otechestvennaya istoriya*, 1992, No. 5.

Polyakova A.A. *Propaganda voiny v kинематографе Tret'ego reikha* [War propaganda in the cinema of the Third Reich. In Russ.], Moscow, Maska publ., 2013.

К. В. Душенко

ШОВИНИЗМ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ В XIX В.

Слово 'шовинизм' появилось в 1832 г. во Франции в контексте критики ультрапатриотических настроений. Ранее в сходном значении употреблялось выражение «патриотизм передней» (*le patriotisme d'antichambre*). Многие авторы, не исключая левых республиканцев, считали, что понятие 'шовинизм' лишено реального содержания и пущено в ход хулителями французского патриотизма. Ностальгирующая окраска феномена, определявшегося словом 'шовинизм', была очень сильна по крайней мере до Крымской войны, а его связь с наполеоновской легендой сохранялась на протяжении всего XIX в. С 1848 г. шовинизм все чаще упоминался в связи с возвышением Луи Бонапарта и политикой бонапартизма. В словарных определениях шовинизма наблюдался сильный разброс значений — от «хронического фанатизма» до «страстного чувства гордости славой французского оружия». В печати других европейских стран шовинизм понимался обычно как французская форма национальной мегаломании, гораздо реже — как сочетание мегаломании с ксенофобией. В русской печати слово 'шовинизм' появилось в 1839 г. С конца 1860-х гг. оно стало применяться также к русскому национализму великодержавного толка.

Ключевые слова: политический язык, национализм, бонапартизм, Стендаль, Ж. Мишле.

Сведения об авторе: Душенко Константин Васильевич, кандидат исторических наук, ИНИОН РАН (Москва).

Контактная информация: kdushenko@nlr.ru.

K. V. Dushenko

CHAUVINISM: THE ORIGIN AND EVOLUTION OF THE CONCEPT IN THE 19TH CENTURY

The word 'chauvinism' appeared in 1832 in France in the context of criticism of ultrapatriotic sentiments. Previously, the expression "the patriotism of the

antechamber” was used in a similar sense. Many authors, not excluding left-wing republicans, believed that the concept of ‘chauvinism’ was devoid of real content and was used by detractors of French patriotism. The nostalgic coloring of the phenomenon, defined by the word ‘chauvinism’, was very strong at least until the Crimean War, and its connection with the Napoleonic legend persisted throughout the 19th century. From 1848 chauvinism was increasingly mentioned in connection with the rise of Louis Bonaparte and the politics of Bonapartism. In dictionary definitions of chauvinism, there was a strong spread of meanings — from “stationary fanaticism” to “exalted feeling of the glory of French arms”. In the press of other European countries, chauvinism was usually understood as a French form of national megalomania, much less often as a combination of megalomania and xenophobia. The word ‘chauvinism’ appeared in the Russian press in 1839. From the end of the 1860s, it has been applied also to Russian nationalism of the great-power type.

Keywords: political language, nationalism, Bonapartism, Stendhal, J. Michelet

About the author: Dushenko Konstantin V., Ph.D. (History), Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Contact information: kdushenko@nl.n.ru.

Шовинизмом называют ныне всякий агрессивный и нетерпимый национализм; однако первоначально в нем видели специфически французское явление. Шовинизму в этом, более узком значении, посвящена монография Жерара де Пюимежа «Шовен, солдат-землепашец» (1993) (*Пюи-меж* 1999). Здесь шовинизм понимается как феномен общественного сознания, реконструируемый исследователем на основании определенных критериев.

Наша задача скромнее. Нас интересует понятие ‘шовинизм’ в языке XIX в., прежде всего во Франции: как оно появилось, в каких контекстах выступало, какое вкладывалось в него содержание и как оценивалось обозначаемое им явление.

Слово ‘шовинизм’ (*фр.* chauvinisme) образовано от имени вымышленного персонажа по имени Шовен (Chauvin). В его создании участвовали поэты-песенники, художники-

графики, водевилисты, писатели, критики, эссеисты. Этой теме посвящена 1-я часть монографии де Пюи-межа, а также наша статья (*Душенко* 2022).

Шовен как символ шовинизма возник в результате контаминации двух образов. Одним из них был фарсовый новобранец эпохи Реставрации (1814–1830), персонаж фривольных песен по имени Шовен, вторым — наполеоновский ветеран (гроньяр), первоначально выступавший под самыми разными именами. Буквальное значение слова grognard — ‘ворчун’; так были прозваны ветераны наполеоновских войн, ставшие в эпоху Реставрации излюбленными героями популярных литографий, песен, водевилей и мелодрам. Шовен-новобранец, призывник из крестьян, пребывает, в сущности, вне истории и национальной традиции. В армии он осознает себя частью нации, а образцом ему служит гроньяр, зримое воплощение воинской славы Империи.

Образ гроньяра теснейшим образом связан с наполеоновской легендой. Эту связь унаследовал и Шовен. Поворотным моментом в истории образа Шовена стал водевиль «Трехцветная кокарда» (1831), действие которого происходит в начале Алжирской войны. Старый гроньяр по прозвищу Кокарда приобщает новобранца Шовена к патриотизму бонапартистского толка, а белое знамя Бурбонов после победы Июльской революции сменяется национальным триколором. Апология солдатского братства, пафос колониальных завоеваний и либерально окрашенный патриотизм сливаются воедино.

Во французских справочниках слово 'шовинизм' датируется 1834 г. Однако уже летом 1832 г. — всего через полтора года после премьеры «Трехцветной кокарды» — оно встречается в легитимистском сатирическом еженедельнике *Le Revenant* («Призрак»). Здесь оно означает искусственно возбуждаемую патриотическую экзальтацию: «Франция чудовищно устала, поскольку не находит ничего великого, доброго, счастливого в том патриотическом шовинизме, который, подобно религии Магомета, служил лишь обогащению нескольких наглых обманщиков и кучки презренных интриганов <...>» (*Se qui s'achète... 1832: 2*).

Сенсимонистская газета *Globe*, согласно сатирическому еженедельнику «Шаривари» от 15 декабря 1833 г., изъяснялась такими терминами, как «имбецилизм, идиотизм, беотизм (неотесанность. — *К.Д.*), рутинизм,

меркантилизм, шовинизм, вольтерьянизм, архикретинизм» (*De pos deux... 1833: 2*).

Отсюда следует, что в начале 1830-х гг. язвительное словечко 'шовинизм' взяли на вооружение представители двух противоположных, казалось бы, лагерей: легитимистов и сенсимонистов. Те и другие, однако, сходились в критике бонапартизма.

В ранних упоминаниях 'шовинизм', вероятно, ассоциировался прежде всего с новобранцем из «Трехцветной кокарды». Но очень скоро Шовен преобразился в наполеоновского ветерана, сохраняя, впрочем, некоторые фарсовые черты Шовена-новобранца. С середины 1830-х гг., вследствие знаменательной аберрации восприятия, старого гроньяра Франкёра, героя знаменитого водевиля «Солдат-землепашец» (1821), начали ошибочно называть Шовеном, и именно от него вести родословную шовинизма.

В 1830-е гг. шовинизм чаще всего упоминается в связи с песнями, водевилями и литографиями эпохи Реставрации. Согласно историку и журналисту Огюстену Жалю, «инстинктивный *Шовинизм*, начало которому положили наивно-кичливые <...> песни», главенствовал в оппозиционных кругах с 1814 по 1825 г., «когда более широко понимаемый либерализм начал смеяться над похвалами, которые французы расточали французам <...>. Шарле¹, создав новобранца Шовена, воздал должное этому ребячеству обще-

¹ Никола Туссена Шарле (1792–1845), автор необычайно популярных литографий из военной жизни.

ственного мнения» («Парижская веселость и парижские комики», 1834) (*Jal* 1834: 272). Именно на эту статью чаще всего ссылались позднейшие авторы, занимавшиеся генеалогией понятия 'шовинизм'.

В 1834–1835 гг. слово 'шовинизм' многократно встречается в театральном разделе рубрики «Хроника» влиятельного литературного журнала *Revue de Paris*². Первое из этих упоминаний связано с драмой «Тадеуш воскресший», поставленной в Национальном театре Олимпийского цирка 17 декабря 1834 г.: «Переходя от триумфа к триумфу и водружая своего орла с колокольни на колокольню (стиль бюллетеня³), он (Олимпийский цирк. — К.Д.) победил множество русских, пруссаков, англичан и даже турок. <...> Жгучий шовинизм, охвативший, подобно греческому огню, своды зала⁴, воспламенил зрителей, актеров, музыкантов, статистов и лошадей!» (*Chronique* 1834: 165).

В следующем номере журнала сообщалось: «...Лепентр-старший⁵ провел полжизни, представляя старых сержантов, старых полковников, щедрых фабрикантов, словом, весь военный шовинизм Империи и промышленный шовинизм Реставрации» (*Vaudeville* 1835: 358). Под «промышленным шовинизмом», по-видимому, имелось в виду восхваление

французских предпринимателей, по аналогии с восхвалением воинских подвигов солдат Империи. Позднее либеральный экономист Луи Вольски назовет «промышленным шовинизмом» систему протекционизма (*Wolowski* 1848: 296).

Самое критическое из упоминаний о шовинизме в «Хронике» связано с панорамой «Битва под Москвой» Ж.Ш. Ланглуа, выставленной в 1835 г. в Париже с огромным успехом: «...Зрелище этой битвы под Москвой опасно; оно возрождает воинскую гордыню нации, стоившую нам столько крови, поражает оупляющим *шовинизмом* самые скептические умы; ибо есть разновидность истинно французских французов (*exclusivement Français*) — антирусских, антианглийских, врагов всех на свете, фанатиков Великой армии, фанатиков императора, жаждущих гренадерских шапок и славы, готовых идти, чтобы перерезать глотку первому встречному либо вышибить себе мозги у подножия (Вандомской. — К.Д.) колонны» (*Chronique* 1835: 307).

Проспер Мериме вспоминал: «...Он (Стендаль. — К.Д.) боялся преувеличений национального тщеславия» и «беспощадно высмеивал то, что потом было названо *шовинизмом* — чувство, которое все же имеет и свою

² Цитировавшийся выше Огюстен Жаль публиковался в этом журнале; можно предположить, что ему принадлежала и театральная часть «Хроники».

³ Аллюзия на знаменитое воззвание Наполеона от 1 марта 1815 г.: «Орел с национальным триколором полетит с колокольни на колокольню, пока не опустится на башне Собора Парижской Богоматери».

⁴ По случаю премьеры в зале театра была установлена огромная газовая люстра.

⁵ Шарль Эммануэль Лепентр (Лепентр-старший, 1782–1854); именно он играл главную роль в водевиле «Солдат-землепашец».

хорошую сторону, заставляя новобранца драться, как старого солдата» («Анри Бейль (Стендаль)», 1850) (*Mérimée* 1874: 187). Альбер Колиньон в очерке о Стендале (1868) замечает: «...Шовинизм <...> он, вслед за Тюрго, называл патриотизмом передней (*le patriotisme d'antichambre*) <...>» (*Collignon* 1868: 101).

Со ссылкой на Тюрго о «патриотизме передней» неоднократно говорилось в «Литературной корреспонденции» Мельхиора Гримма за 1770–1771 гг. (опубл. в 1812 г.). Имелись в виду «плоские и преувеличенные похвалы французскому народу, <...> на которые не скупятся наши второразрядные авторы в доказательство своего патриотизма» (*Grimm, Diderot*: 27; подробнее об этом: *Душенко* 2019: 223–225). В 1827 г. П. А. Вяземский перевел выражение «*patriotisme d'antichambre*» (взяв его, вероятно, у Стендаля) как «лакейский патриотизм», а в качестве русского аналога ввел выражение «квасной патриотизм».

Выражение «*le patriotisme d'antichambre*» встречается у Стендаля в 1820-е гг. Слово 'шовинизм' тогда не существовало, но «патриотизм передней» Стендаль осуждает почти в тех же выражениях, в которых десятилетием спустя осуждался шовинизм: «Мудрец Тюрго, который любил свою страну и в лести ей видел лишь промысел мошенников и глупцов, назвал *патриотизмом передней* энтузиазм дураков <...>» («Рим, Неаполь и Флоренция», 2-е изд., 1826) (*Stendhal* 1826: 250). «Я видел, как это чудовище заставляло тупеть самых умных людей»; «...Одной из форм этого патриотизма являет-

ся неумолимая ненависть ко всему иностранному» («О любви», 1822) (*Стендаль* 1978: 152, 153).

Тем не менее позднейший биограф замечает по поводу стендалевской «Жизни Наполеона» (1818): «Бейль оказывается здесь шовинистом — таким же шовинистом, как Беранже. В своем углу он тоже трудился над легендой!» (*Bérard-Varagnac* 1887: 58). Как видим, здесь шовинизм, как и у многих других авторов XIX в., едва ли не синоним наполеоновской легенды.

В монографии де Пюимежа примером «национальной идеологии, строящейся <...> на основе шовинистических мотивов», служит прежде всего творчество Жюль Мишле, историка и философа романтической школы. В знаменитом трактате Мишле «Народ» (1846) отечество понимается как «невидимый Бог в его высшем единстве» (*Пюимеж* 1999: 230, 231). Обожествление отечества сочетается у Мишле с народопоклонством (пользуясь термином Вл. Соловьева), т.е. верой в то, что главные национальные и универсальные ценности воплощены в простом народе. Однако известные нам упоминания современников о Мишле в связи с шовинизмом имели в виду прежде всего его англофобию как проявление национальной мегаломании.

В 1847 г. в журнале *Revue britannique* отмечалось, что Мишле «видит в англичанине лишь хорошо устроенную и хорошо питающуюся машину, деятельное орудие, но не человека. <...> ...Англофобия — это то, что

вульгарно называется шовинизмом <...>» (Correspondance 1847: 211 (редакционное примечание)).

Действительно, согласно Мишле, француз есть целостный человек, тогда как англичанин — «всего лишь винтик машины». «Англичанин — часть человека. Эта часть может быть замечательным, исключительно полезным работником; неважно! это лишь часть. Что бы он ни делал, он относителен, он существует по отношению к общему действию, к машине, к вещи. Это жизнь вещей, а не жизнь человека» («История Французской революции» (1847), II, 3, 3) (Michelet 1847: 222, 254).

Жон Лемуан⁶ говорил о «ребяческом применении шовинизма к пятнадцатому веку», имея в виду Мишле, обличавшего англичан как убийц Жанны д'Арк, хотя «Жанна <...> стала жертвой не столько англичан, сколько политиков французского двора» (Lemoine 1863: 302).

Напротив, историк Габриель Моно, отмечая, что Мишле « всю свою жизнь проповедовал патриотизм, как религию», не видит какой-либо связи между этими взглядами и шовинизмом. В преддверии франко-прусской войны Мишле «почти в одиночку осмелился публично протестовать против воспитания тщеславного и дикого шовинизма» (Monod 1875: 56).

Г. Моно был зятем А. Герцена, который также противопоставлял взгляды Мишле шовинизму. «Подвиг

Мишле» он усматривал в том, что, повествуя об истории XVI столетия, Мишле «отрешается от французски-национальной точки зрения». Это выделяет его среди соплеменников, которые «готовы считать других равными, если только другие их будут считать первыми. <...> Насколько эти остановившиеся понятия, эти национальные предрассудки мешают развитию и революции, лучше всего показывает шовинизм французов, на котором Наполеон I создал империю, а Наполеон III поддерживает свой хилый трон» (Герцен 1957: 280).

Влиятельный публицист Альфонс Карр характеризует шовинизм как воинственную мегаломанию, свойственную не только французам:

«...Если верить водевилям и песням, один француз стоит четырех англичан, четырех русских, четырех пруссаков и т. д.; но <...> в Лондоне поют, что один англичанин стоит четырех французов, четырех немцев и т. д.; в Петербурге — что один русский стоит четырех французов, четырех англичан и т. д. Всюду, словно это почетный титул, произносят:

“Я француз”,

“Я немец”,

“Я англичанин” и т. д.

<...> Если прогресс мысли и разума не химера, то нам во Франции следовало бы отказаться от этого шовинизма <...>» (Karr 1840: 32).

⁶ Ж. Лемуан (1815–1892), орлеанист, умеренный критик бонапартистского режима, с 1875 г. член Французской академии.

Радикальный республиканец Этьен Араго думал иначе: «...Мы признательны нашей стране и всей ее славе. <...> Мы немного *шовинистичны*... (un peu *chauvin*). Когда при Реставрации некоторые газеты ополчались на *шовинизм* наших театров⁷, они прекрасно знали, что посредством литературы придут к фатальному космополитизму, к тому преступному равнодушию в вопросах политической религии, которое иссушило наши сердца. *Шовинизм* — это общедоступный способ проявления национального чувства. Увы! не вина тех, кому мы симпатизируем, если слова *Франция и доблесть, лавры и войны, успех и французский* (France et vaillance, lauriers et guerriers, succès et français) стали в наших устах смешными и давно уже рифмуются разве только для слуха!» (Arago E. 1839: 333).

Многие авторы, не исключая левых республиканцев, считали, что понятие 'шовинизм' лишено реального содержания и пущено в ход хулителями французского патриотизма:

«...Сегодня <...> военные или национальные песни именуются *шовинизмом* — неологизм, используемый фельетонистами, чтобы насмешкой опорочить воспоминания, в которых, тем не менее, есть нечто благородное!» (Du Mersan 1843: 9);

«...Материальные интересы, восторжествовавшие над великими абстракциями славы и отечества, изобрели гнусное слово *Шовинизм*, что-

бы высмеивать чувства, которых они не понимали» (Regnault 1846: IV);

«... (Простые французы) не знали, что патриотический порыв наших славных отцов 93 года граничил с чем-то смешным, с *шовинизмом* — оскорбительное словечко, придуманное для того, чтобы заклеить глуповатую и свирепую преданность своей стране» (Эжен Сю, роман «Мартин-подкидыш», 1846) (Sue 1846: 117).

В эссе Жака Араго⁸ «Шовинизм» (1845) Шовен наделен фиктивной биографией наполеоновского ветерана и то же время представлен как универсальный, общечеловеческий тип. Это тип человека, который «поклонялся одному богу... *своей родине!*» «*Шовинизм* сделался смешным лишь по вине тех, кому не понять, что такое преданность. *Шовинизм* встречается во всех государствах, во все времена, во всех землях. *Шовены* существуют среди парикмахеров, бюрократов, печников, бакалейщиков, среди богатых и бедных; всюду, где есть соперничество, есть *шовинизм*, так что он, как видите, вечен» (Arago J. 1845).

Для Теофиля Готье шовинизм и в 1850-е гг. ассоциируется с революционными и наполеоновскими войнами: «Мы смиренно признаемся — пусть даже нас сочтут отчасти подверженными шовинизму (un peu *chauvin*), — что мы сожалеем об Олимпийском цирке; это было красивое и поистине национальное зрелище! <...> Эпосы наполеоновского

⁷ Понятие 'шовинизм' в эпоху Реставрации не существовало; соответственно, и нападки на него относятся уже к позднему времени.

⁸ Брат цитировавшегося выше Этьена Араго.

и революционного цикла, представленные там, затрагивали благороднейшие струны души — преданность родине, презрение к смерти, отвагу, энтузиазм и беззаботную веселость, которая смеется перед лицом опасности <...>» (*Gautier* 1859: 177).

Наиболее громкий пример ‘шовинизма’ революционера-республиканца — письмо Армана Барбеса (1809–1870) от 18 сентября 1854 г. из тюрьмы Бель-Иль-ан-Мер, где он отбывал пожизненное заключение. Адресованное одному из соратников Барбеса письмо было перехвачено полицией и передано Наполеону III. Здесь говорилось: «Если ты затронут шовинизмом, потому что не хочешь победы русских, то я еще больший шовинист, чем ты (*plus chauvin que toi*), потому что желаю побед нашим французам. Да, да! пусть они там хорошенько побьют казаков, от этого много выиграет дело цивилизации и всего мира! Как и ты, я хотел бы, чтобы у нас не было войны; но раз уж меч обнажен, не следует вкладывать его в ножны без славы. Эта слава принесет пользу нации, которая нуждается в ней больше всего на свете. Со времени Ватерлоо мы — побежденные Европой, и чтобы сделать что-то хорошее даже у себя, я считаю полезным показать иностранцам, что и мы не разучились драться. Мне жаль нашу партию, если кто-то в ней думает иначе» (цит. по: *Napoleon III* 1860: 293).

Наполеон III опубликовал выдержки из письма и свою резолюцию: «Заключенный, сохранивший, несмотря на долгие страдания, столь патрио-

тические чувства, не может в мое царствование оставаться в тюрьме» (*Ibid.*). В эмиграции Барбес оставался ярким критиком бонапартистского режима, тем не менее уже после окончания Крымской войны Жорж Санд писала ему: «Я рада видеть, что вы остались *шовинистом* (*chauvin*), как говорят наши молодые блестящие умы в Париже, то есть воином и рыцарем <...>» (письмо от 15 января 1867 г.) (*Sand* 1882: 163–164).

С 1848 г. шовинизм все чаще упоминался в связи с возвышением Луи Бонапарта и политикой бонапартизма: «...кандидатура Луи Наполеона, рожденная шовинизмом» (*Hennequin* 1848: 97); «Именно невежеством в сочетании с имперским шовинизмом и объясняются успехи г-на Луи Бонапарта» (*Chronique* 1848: 357); «...Именно императоры, разрушители республики, попиратели закона, проповедовали патриотизм и сделали его орудием господства. *Шовинизм* восходит к Юлию Цезарю» (*Proudhon* 1868: 176).

Оценивая ситуацию во Второй империи ретроспективно, Теодор Дюре⁹ замечает: «Три слова — отечество, патриот и патриотизм — почти вышли из обихода в эпоху империи; их употребление словно бы предполагало оппозицию к существующей власти. Для сторонников такого режима нет отечества, есть только империя, есть император, а патриотизм вырождается в шовинизм. <...> ...Шовинизм как раз и есть чувство, для которого слава нации состоит исключительно или почти исключительно в ее во-

⁹ Т. Дюре (1838–1927), журналист, писатель, искусствовед, пропагандист импрессионизма.

енном превосходстве» (*Duret* 1876: 189).

Жюль Норьяк определяет шовинизм как «вечное повторение слов: “Отечество, слава, Франция, честь”» (*Noriae* 1859: 64–65). Но далее он расширяет значение слова до крайних пределов, именуя шовинизмом всякое преувеличение, экзальтацию, манерность, так что «ростовщический шовинизм» оказывается в одном ряду с «эксцентричным шовинизмом» бодлеровских «Цветов зла» (Там же: 66).

Морис Блок¹⁰, подобно многим другим авторам, видит в шовинизме «карикатуру на патриотизм». «Шовинист (*le “chauvin”*) считает, что любить свою страну — значит ненавидеть, презирать других. При этом “слава” для него заключается исключительно в военных успехах. Он не принимает к сведению, что нация может стать великой благодаря мирным искусствам, благодаря справедливости и свободе. Это заблуждение, хотя и в разной степени, встречается во всех странах и во все времена <...>. ...Подобно тому как в язвительных чертах карикатуры мы узнаем оригинал, так и в шовинизме мы находим какие-то искры священного огня патриотизма, но эти искры не дают благотворного тепла, а могут разве что произвести взрыв» (*Block* 1863: 326).

В том же духе высказывался философ-моралист Эрнест Берсо (1816–1880): «Есть патриотизм, считающий свою

страну совершенной, и патриотизм, стремящийся дать своей стране то, чего ей не хватает; высокий, просвещенный патриотизм, и патриотизм, именуемый шовинизмом, скорее упрямый, чем разумный. <...> ...Шовинизм <...> признает лишь одну добродетель — презрение ко всему иностранному <...>: он протестовал против Шекспира, против итальянской музыки, против немецкой музыки и немецкой литературы, против английской свободы <...>» (*Bersot* 1868: 40).

На Всемирной выставке в Париже 1867 г., по словам Жюль Симона¹¹, родился «своего рода новый шовинизм <...> взамен другого шовинизма, отжившего». «Мы с энтузиазмом хвалимся тем, что являемся номером один во многих отраслях промышленности» (речь в Законодательном корпусе 20 февраля 1870 г.) (*Simon* 1870: 242).

Для братьев Гонкур шовинизм неприемлем как потакание грубым страстям и дурному вкусу толпы. В отклике на смерть Беранже они замечают: «...Весь этот шовинизм, вся эта осанна сабле, <...> эта овация мансарде и служанке, <...> эта тиртеида¹² черни и мещан — вот он, Беранже» («Дневник», 20 июля 1857 г.) (*Гонкур Э., Гонкур Ж.* 1964: 145).

О «плебейском шовинизме» говорится в романе Р. Флери «Врач с фиалками» (1861). Однако у Флери эта оценка не носит негативного характера; шовинизм для него — «глубокое

¹⁰ М. Блок (1816–1901), французский статистик и экономист родом из Германии.

¹¹ Ж. Симон (1814–1896), философ, критик бонапартизма, в 1871–1873 гг. министр просвещения, в 1876–1877 гг. председатель правительства.

¹² Поэт Тиртей (VII в. до н. э.), по преданию, внушал спартамцам отвагу своими песнями.

чувство, которому Наполеон воздавал должное в своем изгнании» (*Fleury* 1861: 21).

В 1867 г. Л. Ж. Трошю, будущий председатель правительства национальной обороны (1870–1871), опубликовал трактат с резкой критикой военных порядков Второй империи. Здесь говорилось: «...Свойственный нашей стране дух, именуемый *шовинизмом*, — род военного энтузиазма, проистекающий из хорошего источника, но обладающий недостатками любого предвзятого убеждения, то есть иллюзиями, предрассудками и своего рода слепотой. Шовинизм для военного духа то же, что фанатизм для религиозного духа: искажение и крайность» (*Trochu* 1867: 64).

Зато Орельян Шоль¹³ оценивал шовинизм целиком положительно, как французскую форму патриотизма и национального единения:

«Франция, где так много дурных страстей высвобождается под флагом образования, философии или литературы, — Франция всегда будет охраняться шовинизмом.

Патриотизм принадлежит всем народам, шовинизм принадлежит только нам.

У нас барабан и рожок заглушают все волнения и объединяют все мнения» (*Scholl* 1865: XII).

Военный публицист Йоахим Амбер в 1830-е гг. защищал фигуру Шовена

от нападок, возводимых на него как олицетворение армии (см.: *Душенко* 2022). Три десятилетия спустя Шовен для него — «символ почтенного возраста, обветшалой традиции» (*Ambert* 1868: 320), а шовинизм понимается крайне расширительно, утрачивая связь с национальной мегаломанией и воинственными устремлениями: «На всех поприщах самые молодые, самые остроумные, самые галантные в свой черед станут, если Бог дарует им долгую жизнь, шовинистами. *Шовинизм* — синоним *минувшего*. Настоящее и будущее сходятся в том, что жалеют его, а часто и презирают. Романтики презирали классиков, которые, дескать, были шовинистами в литературе. В искусстве, в политике, на войне есть свои шовинисты» (*Ibid.*: 319).

Военная катастрофа 1870–1871 г. в огромной мере способствовала дискредитации комплекса идей и настроений, обозначавшихся словом ‘шовинизм’. «...Патриотизм мира, — заявляет историк Альфонс Марешаль, — должен прийти на смену патриотизму войны, патриотизму свободы — на смену шовинизму тирании» (*Maréchal* 1872: 301).

Тем не менее взгляд на шовинизм как на вполне приемлемую форму патриотизма не исчез окончательно. «Франция, — писал Жюль Кларети¹⁴, — единственная страна, у которой <...> достало остроумия скрыть свой собственный патриотизм и воплотить его в комичной фигуре *Шовена*, откуда и произошел *шови-*

¹³ О. Шоль (1833–1902), писатель и журналист.

¹⁴ Ж. Кларети (1840–1913), журналист, драматург, беллетрист, с 1888 г. член Французской академии.

низм — болезнь и, похоже, порок. Порочен он или комичен, я, тем не менее, готов преклоняться перед ним как перед добродетелью» (*Claretie* 1883: 430–431).

С 1850-х гг. слово 'шовинизм' (в значениях: национальная мегаломания, экзальтированный патриотизм) начинает применяться и к другим европейским странам:

«В настоящее время (после Крымской войны. — *К.Д.*) английский шовинизм оставил далеко позади французский шовинизм, который столь часто высмеивали» (*Sachot* 1857: 402);

«То, что он (Пальмерстон. — *К.Д.*) представляет в данный момент у власти, <...> это английский патриотизм, я бы даже сказал английский шовинизм, за неимением лучшего слова, чтобы выразить чувство, за которое часто упрекают Францию, но которое существует и в этой стране и отличается еще большей нетерпимостью и резкостью» (*Phillips* 1862: 598);

«Они (англичане. — *К.Д.*) патриоты и даже, если можно так выразиться — а почему бы и нет? слово уже утвердилось, — они шовены (*chauvins*). Нас столько раз упрекали за наш французский шовинизм, что я весьма рад случаю упрекнуть в этом других. Немцы, бельгийцы, англичане, конечно, такие же шовены, как и мы» (*Claretie* 1865: 136).

После 1871 г. чаще говорилось уже о германском шовинизме: «В Германии патриот 1813 года стал шовинистом в 1871 году» (*Humbert* 1877: 193); «...Шовинизм — хроническая

болезнь, которой они (немцы. — *К.Д.*) страдают очень давно» (*Boillot* 1883: 33).

В словарных определениях шовинизма на протяжении XIX в. наблюдался сильный разброс значений, в зависимости от общественно-политической позиции лексикографа.

Л. Н. Бешерель в 1845 г. определяет шовинизм как «хронический фанатизм» (*fanatisme stationnaire*), который может быть и «культурным», и «политическим» и «военным». Здесь же цитировался анонимный автор журнала *Revue de Paris* за 1844 г.: «Всякий шовинизм есть проявление дурного вкуса» (*Bescherelle* 1845; *Le juif...* 1844: 84).

Живучесть многократно осмеянного шовинизма отмечается в словаре 1853 г.: «Шовинизм до сих пор разжигает энтузиазм в лавках и хижинах и доблестно воюет с казаками и прочими ветряными мельницами, крылья которых хлопают на словах и поодаль. Pamфлеты его уже высекли, но он по-прежнему жив <...>» (*La Châtre* 1853: 932).

В словаре Буйе (1854) 'шовинизм' — это «наполеоновский, а затем и всякий другой политический фанатизм» (*Bouillet* 1854: 323). В словаре Ларусса 1867 г. — «патриотизм, воинственные и прочие чувства, питающиеся пылкостью воображения и совершенно чуждые соображениям разума» (*Larousse* 1867: 1111). В словаре Ларчи 1872 г. дается также расширительное толкование шовинизма как «всякого банального преувеличения» (*Larchey* 1872: 89). Пример

такого понимания мы видели у Жюлья Норьяка.

В словарь Французской академии слово 'шовинизм' было включено в 1878 г., причем соответствующая статья выдержана отнюдь не в академической тональности: «Обиходный термин, который использовался для осмеяния. Страстное чувство (*sentiment exalté*) гордости славой французского оружия» (*Dictionnaire... 1878: 297*).

Можно предположить, что автором статьи был Камиль Дусе (1812–1895), поэт и драматург, непреходящий секретарь Французской академии. Двумя годами ранее в докладе о работах, представленных на соискание премии Французской академии, он возражал географу Альберу Дюпеню, который в национальной мегаломании усматривал причину угрожающего Франции цивилизационного отставания. Французы, согласно Дюпеню, привыкли смотреть свысока на достижения прочих народов. «Это преднамеренное невежество в настоящий момент составляет самый опасный и самый серьезный недостаток французского характера. Именно оно, подпитываемое ложью газет и революционных историков¹⁵, в конце концов пропитало нашу кровь гротескно-наивной формой патриотической гордыни, известной под именем *шовинизма* <...>» (*Duraigne 1873: 48*).

Дусе, комментируя это высказывание, анонсирует появление в словаре Академии слова 'шовинизм', а пока

замечает: «Как сказал один из наших коллег, шовинизм — это хороший порок, который следует сохранить, это народная, а не гротескная форма патриотизма. Со своим шовинизмом, говорил другой, Франция всегда была первой на страже закона и справедливости. Справедливость и закон стали менее слышны с тех пор, как наши несчастья обрекли ее на молчание».

В других европейских языках слово 'шовинизм' появилось в конце 1830-х гг., но общеупотребительным стало в эпоху Второй империи. В англо-французских словарях последних десятилетий XIX в. оно определяется как «фанатизм, чрезмерный энтузиазм», «партийный фанатизм», «ультрапатриотизм». В «Имперском словаре английского языка» Дж. Огилви (1882) — как «нелепо преувеличенный патриотизм или военный энтузиазм», «восторженная, бездумная преданность какому-либо делу» (*Ogilvie 1882: 447*). В американской энциклопедии 1891 г. — «экстравагантный и нелепый патриотизм и гордость за собственную страну» (*Chamber's... 1891: 139*). В словаре Брюэра — «слепое идолопоклонство перед Францией и французами» (*Brewer 1885: 157*).

Американский дипломат Альберт Родс видит в шовинизме специфически французскую форму мегаломании: «Такова его (француза. — К.Д.) национальная гордость: он склонен полагать, что все иностранцы сожалеют о том, что они не французы. Его

¹⁵ Тут, судя по контексту, имелись в виду авторы сочинений о революционных и наполеоновских войнах.

шовинизм не имеет аналогов <...> с библейских времен, когда евреи считали себя богоизбранным народом. По его убеждению, он принадлежит к самому авангарду цивилизации, преодолевающему препятствия и указывающему путь другим. Его страна — родина благородных политических идей и колыбель всех искусств. Это поле битвы, на котором утверждается истина и разбивается заблуждение. Отсюда исходят непреходящие принципы свободы и справедливости, несущие избавление всюду, где бы они ни были провозглашены» (*Rhodes* 1875: 23). Заметим, что именно эти идеи развивались в трудах Мишле, хотя, разумеется, он не был единственным их выразителем.

Существенно реже шовинизм определялся как форма ксенофобии¹⁶, напр.: «Шовинист — это человек, способный проявлять свои патриотические чувства не иначе как в выражении ненависти к другим странам» (*Foundlings* 1863: 504).

В немецкой печати 1850–1860-х гг. шовинизм — характеристика прежде всего идеологии и внешней политики бонапартизма.

В начале франко-прусской войны известный физиолог Эмиль Генрих Дюбуа-Реймон заявил: «Она (Франция. — *К.Д.*) до сих пор одержима мечтами о военной славе и завоеваниях. Следовательно, в нашем понимании французы нецивилизованный народ. Древняя кельтская дикость, которая губит Ирландию,

есть и у них в крови». Но можно надеяться, продолжает Дюбуа-Реймон, что эта война «полностью излечит французский народ от иллюзии собственного превосходства, от воображаемых притязаний, дерзкого высокомерия, дикой жажды войны и завоеваний, словом, от шовинизма» (*Du Bois-Reymond* 1870: 38, 40).

Согласно Вольфгангу Менцелю, прозванному в Германии «французоедом», «шовинизм столь же стар, как история Франции. Это врожденный, безрассудный и бесчеловечный эгоизм и высокомерие нации; не исключение, сделанное Наполеоном, а правило» (*Menzel* 1870: 58). В словаре 1892 г. 'шовинизм' определяется как «хващливая ненависть французов к немцам (по имени Шовена, старого солдата и восторженного поклонника Наполеона I)» (*Äbelacker* 1892: 44).

В двуязычных немецко-французских словарях 'шовинизм' определялся как «чрезмерный воинственный пыл»; «постоянный политический или социальный энтузиазм» (*Peschier* 1862: 110); «комичная национальная гордость французов» (*Haas* 1885: 80). В этимологических и толковых словарях 1890-х гг. — как «идолопоклонство перед Наполеоном» (*Kluge* 1894: 63); «преувеличенное восхищение Наполеоном I; преувеличенный, страстный патриотизм» (*Mann* 1895: 44).

У К. Маркса и Ф. Энгельса 'шовинизм' означает обычно агрессивный национализм, стремящийся к завоеваниям; в этом смысле он равно

¹⁶ Само это слово появилось лишь на рубеже 1870–1880-х годов и вплоть до конца XIX в. употреблялось редко.

свойственен самодержавной России, империи Наполеона III и бисмарковской Германии. Такое понимание было вообще свойственно интернационалистским идейным течениям XIX в. У Энгельса слово 'шовинизм' встречалось также в его исходном значении (преувеличенный, экзальтированный патриотизм): «У нас вызывает улыбку шовинизм Виктора Гюго, который считает Париж священным городом — в высшей степени священным! — а всякую попытку атаковать его — святотатством» («Заметки о войне. XX», 13 октября 1870) (Маркс, Энгельс 1960: 135).

В русской печати слово 'шовинизм' появилось в 1839 г. в статье, переведенной с английского¹⁷. В статье приводятся выдержки из памятного альбома гостиницы La Belle Alliance близ места битвы при Ватерлоо. Запись английского ветерана, вспоминающего о «великих подвигах» товарищей по оружию, названа здесь «клочком прозы, внушенной тем воинским чувством, которое французы называют шовинизмом (chauvinisme)» (Ватерлоский альбом 1839: 39).

Первоначально под 'шовинизмом' в русской печати, как и в печати других европейских стран, чаще всего имелась в виду военно-патриотическая экзальтация, тесно связанная с наполеоновской легендой. Это значение указывалось в качестве главного или одного из главных в энциклопедиях и словарях: «фанатическое преклонение памяти Наполеона

1-го; восторженное, безусловное восхваление его системы и всего, что было сделано им» (Макаров 1870: 189); «бурное патриотическое настроение воинственного характера, поддерживаемое разгоряченной фантазией» (Энциклопедический... 1903: 761); «сперва <...> всякое безграничное удивление, питаемое к Наполеону после 1815 г., потом вообще политическое самообольщение, самообожание» (Чудинов 1894: 959); «воинственный задор и стремление ставить себя выше других народностей» (Попов 1907: 438 (1-я пар.)).

П. Д. Боборыкин считал «задор, самообман, фанфаронство, невежественную узкость взглядов» неизбежными спутниками французского шовинизма (Боборыкин 1875: 160). А. Герцен определял шовинизм как «исключительный национализм», «аннексионистский и эгоистический патриотизм» (письмо к Прудону от 13 апреля 1861 г. на франц. яз.) (Герцен и Запад: 321); Ф. М. Достоевский — как «обидчивый патриотизм» («Дневник писателя», июнь 1876, гл. 1: «Смерть Жорж Занда») (Достоевский 1981: 31).

С конца 1860-х гг. 'шовинизмом' в русской печати начинает именоваться также русский национализм великодержавного толка. Обозреватель либерального «Вестника Европы» писал: «...В то самое время, когда оказывается вся несостоятельность шовинизма, наши шовинистские органы находят как будто особенно удобным для усугубления своей про-

¹⁷ Оригинальное название: «The Waterloo Album»; вероятно, впервые статья появилась в журн. «Naval and Military Magazine», а затем была перепечатана в ряде французских, немецких и американских изданий.

поведи, своих призывов к “укреплению национального самосознания”, к непрерывному произношению русскими гражданами слова “патриотизм”, и вообще ко всяким мерам самовозбуждения» (*Полонский 1870: 900*). «Московские ведомости» и «Голос» «хотят уверить нас, что именно этот шовинизм, то есть национальное чванство, бездельное презрение к другим народам, глупое самообольщение своим несравненным величием — этот-то шовинизм будто бы и создает все могущество Пруссии» (Там же: 901).

Позднее такое понимание шовинизма было особенно характерно для русской социал-демократии. Уже в советское время, в 1920-е гг., оно нашло выражение в формуле «великодержавный шовинизм».

Итак, шовинизм в XIX в. понимался обычно как специфическая форма национальной мегаломании, гораздо реже — как сочетание мегаломании с ксенофобией. В высказываниях о французском шовинизме на первом плане стоит «слава, купленная кровью». Ностальгирующая окраска феномена, определявшегося словом ‘шовинизм’, была очень сильна по крайней мере до Крымской войны, а его связь с наполеоновской легендой сохранялась на протяжении всего XIX в. Но шовинизмом могли называть и «цивилизационную» мегаломанию, т.е. убеждение в том, что Франция идет во главе идейного прогресса, прогресса науки и культуры. Обозначением любого воинствующего национализма ‘шовинизм’ становится лишь в последние десятилетия XIX в.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Боборыкин 1875 — *Боборыкин П. Д.* Пьер Жозеф Прудон в письмах. Статья первая // Вестник Европы. СПб., 1875. Кн. 3. С. 154–185. Подпись: Д-ев.

Ватерлоский альбом 1839 — Ватерлоский альбом. (Из записок путешественника) // Отечественные записки. СПб., 1839. Т. 5. С. 37–43 (8-я паг.).

Герцен 1957 — *Герцен А. И.* «Renaissance» par J. Michelet (Paris, 1855) // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1957. Т. 12. С. 277–288.

Герцен и Запад 1985 — Герцен и Запад. М.: Наука, 1985. 743 с. (Лит. наследство. Т. 96.)

Гонкур Э., Гонкур Ж. 1964 — *Гонкур Э., Гонкур Ж. де.* Дневник. Записки о литературной жизни. Избр. страницы: В 2 т. М.: Худож. лит., 1964. Т. 1. 712 с.

Достоевский 1981 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. 423 с.

Макаров 1870 — *Макаров Н. П.* Полный французско-русский словарь. СПб.: Неключдов, 1870. Ч. 1. 512 с.

Маркс, Энгельс 1960 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 30 т. М.: Политиздат, 1960. Т. 17. 841 с.

Полонский 1870 — (*Полонский Л. А.*) Внутреннее обозрение // Вестник Европы. СПб., 1870. Кн. 10. С. 899–918.

Попов 1907 — *Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Изд. 3-е. М.: Сынтин, 1907. 458, 136 с.

Стендаль 1978 — *Стендаль.* Собрание сочинений: В 12 т. М.: Правда, 1978. Т. 7. 400 с.

Чудинов 1894 — *Чудинов А. Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Губинский, 1894. 989 с.

Энциклопедический... 1903 — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: И. А. Ефрон, 1903. Т. 39а. 494 с.

Äbelacker 1892 — *Äbelacker M.* Ausführliches Wörterbuch über die Hauptschwierigkeiten der deutschen Sprache. Berlin: A. Schultze 1892. 334 S.

Ambert 1868 — *Ambert J.* Arabesques. Paris: Berger-Levrault, 1868. 414 p.

Arago E. 1839 — *Arago E.* Revue de théâtres // Revue du progrès politique, social et littéraire. Paris, 1839. T. 1, 1ère série. P. 330–335.

Arago J. 1845 — *Arago J.* Chauvinisme // Dictionnaire de la conversation et de la lecture: Supplément. Paris: Garnier, 1845. T. 4(16). P. 452–455.

Avenel 1889 — *Avenel P.* Chants et chansons. Paris: Librairie moderne, 1889. 414 p.

Barbès 1896 — *Barbès A.* Lettres à Georges Sand // La Revue de Paris. Paris, 1896. T. 4, 1er Juillet. P. 5–41.

Bérard-Varagnac 1887 — *Bérard-Varagnac É.* Portraits littéraires. Paris: Lévy, 1887. 331 p.

Bersot 1868 — *Bersot E.* Morale et politique. Paris: Didier, 1868. 440 p.

Bescherelle 1845 — *Bescherelle L.-N.* Chauvinisme // Bescherelle L.-N. Dictionnaire national ou Grand Dictionnaire classique de la langue française. Paris: Simon, 1845. T. 1. P. 618.

Block 1863 — *Block M.* Dictionnaire général de la politique. Paris: Lorenz, 1863. T. 1. 1176 p.

Boillot-Robert 1886 — *Boillot(-Robert) J.* Le pays de la Revanche et le Pays des Milliards: Réponse au au Dr Rommel Neuchatel: Delachax & Niestlé, 1886. 317 p.

Brewer 1885 — *Brewer E. C.* Dictionary of phrase and fable. London; Paris; New York: Cassel, 1885. 1061 p.

Bouillet 1854 — *Bouillet M.-N.* Dictionnaire universel des sciences, des lettres et des arts. Paris: Hachette, 1854. 1750 p.

Chamber's... 1891 — Chamber's Encyclopædia: A Dictionary of Universal Knowledge. London; Edinburgh: Chambers, 1891. Vol. 3. 827 p.

Chauvinismus 1860 — Chauvinismus // Lesefrüchte vom Felde der neuesten Literatur des In- und Auslandes. Hamburg, 1860. Bd. 4, № 22. S. 352.

Chronique 1835 — Chronique // Revue de Paris. Paris, 1835. T. 19. P. 301–314.

Chronique 1834 — Chronique. Cirque Olympique. Prologue d'ouverture. Thadéus le ressuscité // La revue de Paris. Bruxelles, 1834. T. 12. P. 165–167.

Chronique 1848 — Chronique (Paris, le 15 juin 1848) // Journal des économistes. 1848. T. 20, 15 juin. P. 356–360.

Claretie 1883 — *Claretie J.* La vie à Paris. Paris: Victor-Havard, 1883. X, 548 p.

Claretie 1865 — *Claretie J.* Voyages d'un Parisien. Paris: Faure, 1865. 313 p.

Collignon 1865 — *Collignon A.* L'art et la vie de Stendhal. Paris: Baillièrre, 1868. T. 1. 535 p.

Correspondance 1847 — Correspondance <...>. Londres, 24 novembre 1847 // Revue britannique: Paris; Londres, 1847. Vol. 12, Novembre. P. 203–224.

De nos deux... 1833 — De nos deux bêtes noires // Le charivari. Paris, 1833. № 319, 15 décembre. P. 2–3.

Dictionnaire... 1878 — Dictionnaire de l'Académie française. 7e éd. Paris: Firmin-Didot, 1878. T. 1. 903 p.

Du Bois-Reymond 1870 — *Du Bois-Reymond E. H.* Über den deutschen Krieg: Rede am 3. August 1870 in der Aula der Königl. Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Berlin: Hirschwald, 1870. 46 S.

Doucet 1880 — *Doucet C.* Rapport <...> sur les concours de l'année 1876 // Recueil des discours, rapports et pièces diverses lus dans les séances publiques et particulières de l'Académie française. 1870–1879. Paris: Firmin-Didot, 1880. 2e par. P. 585–612.

Dupaigne 1873 — *Dupaigne A.* Les Montagnes. Tours: A. Mame, 1873. 641 p.

Duret 1876 — *Duret T.* Histoire de quatre ans. 1870–1873. Paris: Charpentier, 1876. T. 1: La Chute de l'Empire. 374 p.

Fleury 1861 — *Fleury R.* Le médecin aux violettes // Revue des races latines. Lagny 1861. Liv. 55, Janvier. P. 7–36.

Foundlings 1863 — Foundlings // The Home and Foreign Review. London, 1863. Vol. 3. P. 497–521.

Gautier 1859 — *Gautier T.* Histoire de l'art dramatique en France depuis vingt-cinq ans. Paris: Hetzel, 1859. T. 5. 328 p.

Grimm, Diderot 1812 — *Grimm F.M., Diderot D.* Correspondance littéraire, philosophique et critique... Paris: F. Buisson. 1812. T. 1. 515 p.

Haas 1885 — (*Haas J.G.*) Wörterbuch der französischen und deutschen Sprache. Braunschweig: Westermann, 1885. 994 S. (На титуле псевд.: M. A. Thibant.)

Hennequin 1848 — *Hennequin A.* Histoire de Louis-Napoléon Bonaparte. Paris: Librairie politique de France, 1848. 132 p.

Humbert 1877 — *Humbert V.* L'anniversaire de la capitulation de Sedan dans les Écoles Primaires d'Allemagne // Revue politique et littéraire. Paris, 1877. № 9, 1er septembre. P. 193–197.

Jal 1834 — *Jal A.* La Gaité et les comiques de Paris // Nouveau tableau de Paris, au XIXme siècle. Paris, 1834. T. 12. P. 262–332.

Karr 1840 — *Karr A.* Les guêpes. Bruxelles, 1840. № 12, octobre. 64 p.

Kluge 1894 — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Strassburg: Trübner, 1894. 491 S.

La Châtre 1853 — *La Châtre M.* Le dictionnaire universel. Paris: Administration de librairie, 1853. T. 1. 724 p.

Larchey 1872 — *Larchey L.* Les excentricités du langage. 6 éd. Paris: Polo, 1872. 236 p.

Larousse 1867 — *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. Paris: Administration du grand dictionnaire universel, 1867. T. 3. 1164 p.

Le juif... 1844 — Le juif errant (Revue) // Revue de Paris. Paris, 1844. № 59, 17 septembre. P. 83–84. Подпись: Н. В.

Lemoine 1863 — *Lemoine J.* Nouvelles études critiques et biographiques. Paris: Lévy frères, 1863. 374 p.

Mann 1895 — *Mann F.* Kurzes Wörterbuch der deutschen Sprache. Langensalza: Beyer, 1895. 332 S.

Maréchal 1872 — *Maréchal A.* Histoire de la Révolution de 1830. Paris: Degorce-Cadot, 1872. 504 p.

Menzel 1870 — *Menzel W.* Elsass und Lothringen sind und bleiben unser. Stuttgart: Kröner, 1870. 95 S.

Mérimée 1874 — *Mérimée P.* Henri Beyle (Stendhal): Notes et souvenirs // Mérimée P. Portraits historiques et littéraires. Paris: Michel Lévy frères, 1874. P. 157–194.

Michelet 1847 — *Michelet J.* Histoire de la Révolution française. Paris: Chamerot, 1847. T. 2. 603 p.

Monod 1875 — *Monod G.* Jules Michelet. Paris: Sandoz et Fischbacher, 1875. 121 p.

Noriat 1859 — *Noriat J.* La vie en détail: Le 101e Régiment. Paris: Bourdilliat, 1859. 292 p.

Ogilvie 1882 — *Ogilvie J.* The Imperial Dictionary of the English Language. New ed., <...> greatly augmented <...> by C. Annandale. London: Blacky, 1882. Vol. 1. 703 p.

Peschier 1862 — *Peschier A.* Wörterbuch der französischen und deutschen Sprache. Stuttgart: Gotta, 1862. 1 Bd. 639 S.

Phillips 1862 — *Phillips.* Correspondance de Londres. 11 août 1862 // Revue germanique et française. Paris, 1862. T. 22, 4e liv., 16 aout. P. 596–598.

Proudhon 1868 — *Proudhon P.-J.* De la justice dans la révolution et dans l'Église. Bruxelles: Lacroix, 1868. T. 1. 372 p.

Regnault 1846 — *Regnault E.* Histoire de Napoléon. Paris: Perrotin, 1846. T. 1. IV, 359 p.

Rhodes 1875 — *Rhodes A.* The French at Home. New York: Dodd & Mead, 1875. 256 p.

- Sachot* 1857 — *Sachot O.* Les grands périodiques anglais // *Revue contemporaine.* Paris, 1857. Т. 30, février-mars. P. 397–421.
- Sand* 1882 — *Sand G.* Correspondance. 1812–1876. Paris: Lévy, 1882. Т. 5. 398 p.
- Scholl* 1865 — *Scholl A.* Préface // (Lafont J.M.F.P.) *Les Bivouacs de Vera-Cruz à Mexico par un Zouave.* Paris; Leipsik: Treuttel, 1865. P. I–XII.
- Simon* 1870 — *Simon J.* Le Libre-Échange. Paris, 1870. VI, 334 p.
- Stendhal* 1826 — *Stendhal.* Rome, Naples et Florence. Paris: Delaunay, 1826. Т. 1. 348 p.
- Sue* 1846 — *Sue E.* Martin, l'enfant trouvé, ou Les mémoires d'un valet de chambre. Leipzig: Kollmann, 1846. Т. 1. 244 p.
- Trochu* 1867 — (*Trochu L.J.*) L'armée française en 1867. Paris: Amyot, 1867. 288 p.
- Vaudeville 1835 — Vaudeville. Elle est folle!, pièce en deux actes // *La Revue de Paris.* Paris, 1835. Т. 1, janvier. P. 355–358. Подпись: N. R.
- Wolowski* 1848 — *Wolowski L.* Études d'économie politique et de statistique. Paris: Guillaumin, 1848. 423 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Душенко 2019 — Душенко К.В. Квасной патриотизм // Душенко К.В. Цитата в пространстве культуры: Из истории цитат и крылатых слов. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 221–225.

Душенко 2022 — Душенко К.В. Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма // *Литературоведческий журнал.* М., 2022. № 2(56) (В печати.)

Пуимеж 1999 — Пуимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: эпизод из истории национализма / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: Языки рус. культуры, 1999. 401 с.

REFERENCES

Dushenko K.V. *Kvasnoi patriotizm.* Dushenko K.V. *Tsitata v prostranstve kul'tury: Iz istorii tsitat i krylatykh slov.* Moscow: INION RAN, 2019. S. 221–225.

Dushenko K.V. *Nikola Shoven, legendarnyi patron shovinizma.* *Literaturovedcheskii zhurnal.* Moscow, 2022. No. 2(56) (In the press.)

Puymège G. de. *Shoven, soldat-zemle-pashets: epizod iz istorii natsionalizma.* Moscow: Iazyki rus. kul'tury, 1999. 401 s.

В. А. Иванов

Рец.: Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / Отв. ред. К. А. Пахалюк. М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество», Яуза-каталог, 2021. 656 с., ил.

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, написанных на основе докладов, озвученных на заседаниях тематических секций I и II Всероссийских военно-исторических форумов «Георгиевские чтения» (2019–2021 гг.). Авторы акцентируют внимание читателя на такой непростой проблеме отечественной военно-исторической науки как «человек и война», рассматривая ее через призму основных аспектов вооруженных противостояний XX века: военные преступления и преступления против человечности, коллаборационизм, геноцид и депортации. В сборнике докладов дается краткий анализ дискуссии в отечественной и зарубежной историографии по ряду вопросов истории изучения Первой и Второй мировой войн, особенно усилившейся после 2009 и 2014 гг.

Ключевые слова: XX век, вооруженные конфликты, военные преступления, преступления против человечности, коллаборационизм, геноцид, депортации.

Сведения об авторе: Вячеслав Александрович Иванов, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»; отдел «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь «Красный»; старший преподаватель кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (по совместительству).

Контактная информация: slavik1855@gmail.com

V. A. Ivanov

Rev.: Tragediya voynyi. Gumanitarnoe izmerenie vooruzhennyih konfliktov HH veka / Otv. red. K. A. Pahalyuk. M.: Izdatelskiy dom «Rossiyskoe voenno-istoricheskoe obschestvo», Yauza-katalog, 2021. 656 s., il.

The book under review is a collection of articles written on the basis of reports presented at the meetings of the thematic sections of the I and II All-

Russian military-historical forums «George's Readings» (2019–2021). The authors draw the reader's attention to such a difficult problem of the national military-historical science as «man and war», considering it through the prism of the main aspects of armed confrontations of the 20th century: war crimes and crimes against humanity, collaboration, genocide and deportation. The collection of reports provides a brief analysis of the discussion in the domestic and foreign historiography on a number of issues in the history of the study of the First and Second World Wars, intensified especially after 2009 and 2014.

Key words: XX century, armed conflicts, war crimes, crimes against humanity, collaboration, genocide, deportations.

About the author: Vyacheslav A. Ivanov, SBI RK «Central Museum of Tavrida», Department Memorial to the victims of the fascist occupation of Crimea 1941–1944, Concentration camp «Krasny»; Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea «Crimean University of Culture, Arts and Tourism» (concurrently).
Contact information: slavik1855@gmail.com

Представленная читателю книга — результат многолетнего труда ответственных исследователей, занимающихся проблемами гуманитарного измерения вооруженных конфликтов. Поскольку автор рецензии значится специалистом по истории Второй мировой войны, то он рассматривает в своем тексте наиболее весомые публикации, на его взгляд, наглядно отражающие именно этот период (примером служат малоисследованные страницы истории Великой Отечественной войны на Северо-Западе и Юге России). В настоящем обзоре анализируются тексты ведущих экспертов по истории коллаборационизма и нацистского оккупационного режима на территории Северо-Запада и Юга России — Б. Н. Ковалева, В. Г. Колотушкина и Н. Б. Акоевой.

В статье Б. Н. Ковалева «Особенности взаимоотношений мирного населения и советских военнопленных на северо-западе России с военнослужащими вермахта и их союзниками» дается последовательный анализ вынужденной связи между

гражданским населением оккупированных областей Севера РСФСР и коллаборационистскими формированиями на службе нацистской Германии. Автор справедливо отмечает, что причиной замалчивания в советский период сотрудничества уроженцев Прибалтики и иностранных добровольцев, воевавших на стороне нацистской Германии, явилось образование Литовской, Эстонской и Латвийской Союзных республик, а также то, что «о преступлениях вермахта и СС писалось, естественно, гораздо больше» (С. 152). Б. Н. Ковалев демонстрирует в своей работе три основных аспекта, характеризующих основополагающие факторы периода нацистской оккупации Северо-Запада России:

1) немцы активно вербовали и использовали в карательных операциях против советских патриотов прибалтийские формирования, кавказские и казачьи карательные отряды. Эти добровольцы отличались особой ненавистью к советскому строю, подпитывались нацистской пропагандой,

где среди прочего наблюдался явный антисемитизм. В качестве наглядного примера приводится случай т.н. «армянского национального легиона». Легионеры, как подчеркивает Б.Н. Ковалев, «в составе крупных соединений проводили боевые операции против партизан, задержанных народных мстителей расстреливали или направляли в лагеря в Германию» (С. 148). Приведенный Б.Н. Ковалевым пример наглядно иллюстрирует факт пребывания иностранных добровольцев на службе нацистской Германии и при этом неоднозначно трактуется не только в западноевропейском историографическом дискурсе, но и среди историков стран СНГ (вспомним аналогичные случаи относительно трактовки судьбы Гарегина Нжде в отечественном и армянском историческом поле);

2) в оккупации Северо-Запада России принимали участие испанские добровольцы (т.н. «Голубая дивизия», которую диктатор Ф. Франко отправил на Восточный фронт на помощь германским войскам). Последние не зарекомендовали себя превосходными солдатами. Однако согласно цитируемым Б.Н. Ковалевым письменным источникам, проявили себя как мародеры и насильники, в принципе ничем не отличаясь в этом отношении от оккупантов-немцев. При этом «большинство местных жителей не видели существенной разницы между немецким и испанским языком, тем более что военная форма у тех и других была практически одинакова» (С. 149). Б.Н. Ковалев вместе с тем подчеркивает, что испанцы не были замечены в участии в массовых казнях и репрессиях против мирного населения.

3) сами немцы в психологическом восприятии жителей Северо-Запада России воспринимались как наибольшее из зол: в массовом порядке грабили обитателей края, подвергали советских военнопленных тяжелым физическим работам и издевательствам (пытки, содержание их в грязных и холодных помещениях, уморение голодом (С. 153)).

Работа В.Г. Колотушкина «Жертвы Жестяной Горки (новые данные из документов Государственных архивов Новгородской области)» опирается на значительный массив документов из хранилищ Государственного архива Новгородской области (ГАНО), Государственного архива новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО), архива Управления ФСБ России по Новгородской области и Центрального архива ФСБ России; приводится также обширная историография проблемы, хронологически охватывающая труды отечественных ученых с 2005 г.

Довольно длительное время тема Жестяной Горки была закрыта для отечественных историков, занимающихся проблемой нацистского оккупационного режима. В советский период не детализировался момент, касающийся этнической принадлежности палачей. При описании казней местного населения или активных антифашистов указывалось, что операции проводились силами «дислоцированных частей СС со своим штабом» (С. 158). Лишь постепенно, исследуя документы, В.Г. Колотушкин устанавливает, к каким конкретным подразделениям СС и СД принадлежали каратели (С. 159). Основная задача нацистов и их пособников

из числа латышей и эстонцев заключалась в том, чтобы свозить в Жестяную Горку людей из разных районов Новгородской области и убивать их. Причем организационно, как отмечает автор статьи, каратели делились на две группы: первая, состоявшая из немцев, боролась против партизан, вторая (из уроженцев прибалтийских республик) — боролась против гражданского населения. Чтобы скрыть масштаб преступления, расстрелы проводились, как правило, ночью (приведенный В. Г. Колотушкиным пример позволяет отметить, что этот механизм бесчеловечных расправ немцами практиковался практически везде — будь то лесисто-болотистые просторы Северо-Запада России и Белоруссии или же лесостепные районы Украины и Крыма) (С. 161).

Расследование совершенных нацистами преступлений в Жестяной Горке, подчеркивает исследователь, началось уже в 1944 г. сотрудниками Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК), а чуть позднее оперативно-следственной группой МВД СССР. Активно оно велось в первые годы после окончания Великой Отечественной войны, а также в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Окончательно было прекращено в 1989 г. в силу невозможности экстрадиции ряда военных преступников (в отличие, к примеру, от Симферопольских судебных процессов 1972, 1974, 1977, 1986 гг., где удалось разыскать 13 пособников врага и привлечь их к ответственности). Немецкие офицеры, принимавшие участие в этих кара-

тельных акциях, понесли наказание, как отмечает В. Г. Колотушкин, еще по результатам Новгородского судебного процесса в декабре 1947 г. Однако многие факты, свидетельствующие о массовом характере преступлений, остались фактически за скобками. Символично, что только 22 июня 2020 г. (всего лишь год назад!) прошла траурная церемония погребения останков 447 мирных жителей, поднятых в 2019 г. Новгородской поисковой экспедицией «Долина» памяти Н. И. Орлова, сотрудниками Следственного комитета РФ и военнослужащими 90-го отдельного поискового батальона Министерства обороны России (С. 164). В. Г. Колотушкину удалось, благодаря доступу к документам областного архива новейшей истории, установить сведения о некоторых жертвах массовых расстрелов. Работа была проведена на основе анализа данных из дел о приеме в Коммунистическую партию, персональных дел коммунистов, книги регистрации учетных карточек членов и кандидатов в члены ВКП (б) и других документов.

Различные аспекты нацистского оккупационного режима в Краснодарском крае в 1942–1943 гг. на основе как источников, находящихся в открытом доступе, так и неопубликованных архивных материалов, рассматривает профессор Краснодарского государственного института культуры Н. Б. Акоева в своей публикации «"Новый порядок" немецкой администрации на территории Краснодарского края в 1942–1943 гг.». Она выделяет следующие методы реализации захватнической политики нацистов на Кубани:

1) **административно-организационный** — передача кубанских земель в собственность Третьего рейха; вся власть теперь принадлежала военным комендатурам; с целью предупреждения антигерманских выступлений формировалась вспомогательная полиция (С. 172);

2) **социально-экономический** — управление экономикой было подчинено целям грабительской политики гитлеровских захватчиков на Востоке: тотальный грабеж мирного населения, попытка восстановления работы промышленного производства, насильственное привлечение людей к принудительным работам (С. 173), содержание советских граждан в трудовых лагерях и др.;

3) **демографический** — стремление насильственным способом изменить расовый и численный состав населения Краснодарского края с помощью принудительных депортаций. Как отмечает Н.Б. Акоева, «всего насильственно было вывезено 130 521 человек, в том числе 81 089 женщин и 38 022 ребенка до 16 лет»;

4) **карательно-репрессивный** — проведение в жизнь нацистской стратегии уничтожения «расово-неполноценных» представителей славянской расы, осуществление акции Холокоста в отношении евреев Кубани и Северного Кавказа, постепенная ликвидация цыган Краснодарского края (зверства нацистов и их пособников в станицах Красноармейской, Ново-Рождественской, Отрадной Краснодарского края (С. 178–179)).

В сборнике «Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных

конфликтов XX века» представлены еще два вызывающих определенный интерес текста: А. И. Шнеера «Рядом с убийцами. Могильщики (из истории нацистских преступлений в Даугавпилсе в 1941 г.)» и К. А. Пахалока «"Дело Оберлендера" 1960 г., коллаборационизм и память о нацистских преступлениях в советском обществе».

В первой из этих статей А. И. Шнеер шаг за шагом рассматривает истоки Холокоста на территории оккупированной Латвии в 1941 г., фокусируя внимание читателя не только на нацистах, основных виновниках трагедии, но и на **соучастниках** — жителях Латвии, по различным причинам участвовавших в преступлениях против человечества. Автор предлагает различать соучастников по следующим категориям:

1) **активные** участники преступлений (в свою очередь, делившиеся на «добровольных», «принудительных» и «случайных» исполнителей убийств и истязаний);

2) **пассивные** участники преступлений — как таковые в убийствах участия они не принимали, занимая позицию стороннего наблюдателя, однако, не брезговали грабежом и мародерством, присваивая себе имущество арестованных евреев (С. 460). А. И. Шнеер показывает, что в среде последних развивалось такое явление как «могильщики» из специальных рабочих команд. В Даугавпилсе такая команда во главе с неким Иваном Лисовским была активна несколько месяцев. По завершении «работы» ее участники получали денежное вознаграждение

за свои «труды», а кроме того — реквизировали вещи, принадлежавшие убитым евреям (С. 460).

А. И. Шнеер подводит читателя к осознанию того, что в современной Латвии Холокост, как сам факт геноцида евреев не отрицается, однако про **соучастников** из числа местного латышского населения, тем или иным образом потворствовавших нацистам в уничтожении невинных людей, официальная историография страны, равно как и соседних Эстонии и Литвы, предпочитает умалчивать, зачастую даже возводя их в статус национальных героев, борцов за независимость и жертв двух тоталитарных режимов — нацистской Германии и Советского Союза (С. 455, 461). Кроме айнцакомманд из группы А в Латвии особенно зверствовали отряды местной вспомогательной полиции, стремительно создававшиеся после германского вторжения в июне — июле 1941 г. Именно она создавала гетто, организовала принудительные рабочие команды из евреев, вела их учет и регистрацию, а позднее бесчеловечно уничтожала их (С. 458). В своей статье А. И. Шнеер приводит материалы из Государственного архива Российской Федерации (Ф. Р-7021. Оп. 93. Д. 22, копия этого дела хранится в Архиве Яд-Вашема (АЯВ)), дело наглядно иллюстрирует роль т. н. похоронной команды в осуществлении геноцида на территории оккупированной Латвии в годы Второй мировой войны (С. 461–491).

К. А. Пахалюк в своей публикации акцентирует внимание читателя на т. н. «деле Оберлендера» и в этой связи на проблеме исторической

памяти о нацистских преступлениях в советском обществе. Теодор Оберлендер происходил из протестантской семьи, слыл интеллектуалом. Уже в молодости примыкал к правым группировкам. К моменту прихода нацистов к власти он уже был достаточно известным в Германии специалистом по Восточной Европе, профессором Кёнигсбергского университета (С. 492), а в мае 1933 г. вступил в НСДАП. Ему покровительствовал сам А. Розенберг. Позже, работая в аннексированной нацистами Чехии, Оберлендер участвовал в подготовке агентов из числа членов Организации Украинских Националистов (в будущей мировой войне последние рассчитывали с помощью нацистской Германии подготовить и вооружить армию Украинского государства, которая поможет покончить как с польским, так и с советским, а также румынским господством на украинских землях, находившихся, как они считали, под оккупацией) (С. 493–494). Обученные и находившиеся под контролем Оберлендера украинские комбатанты принимали участие в захвате Львова 30 июня 1941 г., согласно ряду источников и историографии, непосредственно участвуя в расправах над польской интеллигенцией и евреями. На волне «освобождения» Львова от «советской оккупации» была провозглашена украинская самостоятельность, впрочем, сразу ликвидированная немцами, явно в этом незаинтересованными (С. 496–497). Позднее Оберлендер был причастен к созданию подразделений добровольцев из числа выходцев из среднеазиатских и кавказских республик «Бергманн» («Горец»), а закончил войну в качестве офицера связи при

Русской Освободительной армии (РОА).

Как справедливо отмечает К. Пахалюк, процесс Т. Оберлендера был раскрыт советским руководством на фоне раскола Германии на Западную и Восточную, ремилитаризации первой. Это всё происходило при попустительстве правительства Конрада Аденауэра бывшим нацистам (причем на фоне вхождения ФРГ в НАТО, что особенно раздражало советское руководство). Несмотря на проведенную предварительную работу, советское правительство вынуждено было свернуть начатую кампанию против Т. Оберлендера, поскольку показания о его причастности к массовым убийствам были косвенными, а не прямыми, однако последний все же был вынужден уйти в отставку с должности министра по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны (С. 512). На наш взгляд, если бы в деле Т. Оберлендера проявил больше активности Израиль, возможно, его судьба сложилась бы иначе (достаточно вспомнить о судьбе А. Эйхмана). К своей публикации К.А. Пахалюк приложил значительный массив документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, наглядно демонстрирующих подго-

товку процесса против нацистского военного преступника Т. Оберлендера (С. 515–653).

На основании приведенного материала авторы книги приходят к выводу о том, что одна из задач, которую ставили перед собой гитлеровцы, состояла в том, чтобы скрыть масштабы преступлений, совершенных на Восточном фронте. Кроме того, для организации этих преступлений нацисты энергично использовали пособников из числа лояльного им населения оккупированных территорий СССР (и тут авторы сборника вступают в дискуссию с некоторыми зарубежными исследователями). Нацисты также проводили последовательную кампанию по грабительскому извлечению ресурсов из покоренных земель, активизировали усилия по насильственной мобилизации и угону советских граждан на территорию Третьего Рейха.

Донесение до мировой общественности исторической правды относительно произошедшей трагедии в СССР во время Второй мировой войны — одна из тех непростых задач, с которой в целом справились авторы настоящего коллективного издания.

Н. Н. Подосокорский

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ САЙМОНА ДЖЕНКИНСА

Рец.: Дженкинс С. Краткая история Европы / Пер. с англ. Галины Бородиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 484 с.

Рецензируемая книга журналиста, колумниста Guardian, члена Королевского литературного общества Саймона Дженкинса написана как научно-популярный обзорный труд, посвященный политической истории Европы с глубокой древности до наших дней. Автор, главным образом, касается истории крупных европейских государств и надгосударственных объединений.

Ключевые слова: Саймон Дженкинс, Европа, политическая история, антисемитизм, Мартин Лютер, войны в Европе.

Сведения об авторе: Подосокорский Николай Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН (Великий Новгород);

Контактная информация: n.podosokorskiy@gmail.com

N. N. Podosokorsky

ON THE POLITICAL HISTORY OF EUROPE BY SIMON JENKINS

Review: Simon Jenkins *Kratkaya istoriya Evropyi* / Per. s angl. Galina Borodina. M.: Alpina non-fikshn, 2022. 484 p.

The peer-reviewed book by journalist, Guardian columnist, member of the Royal Society of Literature Simon Jenkins is written as a popular science re-

view work on the political history of Europe from ancient times to the present day. The author mainly concerns the history of major European states and supranational associations.

Keywords: Simon Jenkins, Europe, political history, anti-Semitism, Martin Luther, wars in Europe.

About the author: Nikolay Nikolayevich Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of Dostoevsky and World Culture. Philological journal (Veliky Novgorod, Moscow, Russia).

Contact information: n.podosokorskiy@gmail.com

Книга британского журналиста, колумниста Guardian, члена Королевского литературного общества Саймона Дженкинса «Краткая история Европы» (Альпина нон-фикшн, 2022) ориентирована на массового читателя, но жанрово наследует классическим обзорным историческим трудам профессоров XIX — начала XX века, хотя и значительно уступает им по объему. Труд позволяет освежить в памяти ряд дат (время правления многочисленных средневековых королей и протяженность различных военных конфликтов) и восстановить в уме последовательность событий, происходивших в разных странах.

Ранее на русском были изданы «Краткая история Англии» (2015) и «Краткая история Лондона» (2021) того же автора. В этой книге, посвященной Европе (оригинал ее вышел в 2018 году), Дженкинс сосредоточился на политической истории, преимущественно, Франции, Германии, Англии (Британии), Испании и Италии. Но и тут, в силу понятных причин, все события и явления описаны самыми широкими мазками. Автор, согласно популярному обзорному жанру, не дает ссылок на источники, но указывает имена тех историков, которые вдохновили его на этот труд:

«Любой краткой истории приходится опираться на вторичные источники, в данном случае в основном на те, что перечислены в разделе “Дополнительное чтение”. Бóльшая их часть посвящена общей истории Европы, как и эта книга. Самым надежным источником информации стала серия “История Европы” издательства Penguin. Если говорить о современной литературе, книги Нормана Дэвиса и Д.М. Робертса выше всяких похвал. Особенно полезные подробности взяты из книги Дэниела Бурстина “Первооткрыватели” (The Discoverers, 1985) и из исследования Питера Уилсона, посвященного Священной Римской империи. Что касается классических трудов, прекрасные тексты Эдуарда Гиббона и Г.А.Л. Фишера все так же выразительны и доставляют неизменное удовольствие читателю» (с. 443).

Несомненным достоинством труда Дженкинса является легкий (но не всегда легковесный) слог автора. При этом книга не перегружена именами и датами, поэтому вполне может иметь и определенный просветительский эффект. Больших претензий к самому методу такого изложения истории у меня нет, хотя подход Дженкинса, решившего сосредоточиться только на

политической истории государств, кажется несколько архаичным. Но без этого фактора рассмотрение истории Европы вряд ли возможно.

Из «Краткой истории» Дженкина читатель может узнать ценные сведения, вроде следующих: «Великая пирамида в Гизе (2560 г. до н.э.), высота которой составляла 146 м, была самым высоким строением на планете до XIV в., пока к небу не вознесся Линкольнский собор» (с. 43); у Александра Македонского «один глаз был голубым, а другой — карим» (с. 55); «Карл Великий (768–814) был по тем временам гигантом: рост его превышал шесть футов (182 см). Он был бородат, носил накидку из овечьей шкуры и штаны с подвязками» (с. 104); королева Швеции Кристина (1632–1654) была «лесбиянкой» (с. 239), а король Пруссии Фридрих II — «гомосексуалом» (с. 245); «Бисмарк говорил, что человеку не пристало умирать, пока он не выпьет пять тысяч бутылок шампанского и не выкурит сто тысяч сигар» (с. 324–325); во время осады столицы Франции пруссаками в 1870–1871 года «парижане голодали и съели всех собак, кошек и обитателей зоопарка. Забили двух слонов — Кастора и Поллукса, что произвело небольшую сенсацию. Слоновье мясо пользовалось большим спросом на бульваре Осман. Английский журналист Генри Лабушер описывал его как “жесткое, грубое и жирное” и не рекомендовал в пищу англичанам» (с. 330) и т. п.

Авторские оценки значимых исторических вех максимально лапидарны и нередко ироничны. Например, о Великой хартии вольностей

1215 года он пишет: «Каждый человек теперь имел право на “справедливый суд равных по закону страны”. Это была примитивная декларация о равенстве всех мужчин перед законом. Женщины не упоминались» (с. 136).

Касается автор и болезненной темы антисемитизма. Вот как он описывает чудовищный погром еврейского населения в Испании в конце XV века: «Фердинанд посулил маврам свободу передвижения и вероисповедания и немедленно нарушил свое обещание. Альгамбрский эдикт 1492 г. предписывал не католикам не только Гранады, но и всей Испании либо креститься, либо покинуть пределы страны. Около 40 000 евреев приняли крещение, а более 100 000 отправились в ссылку, в основном сначала в Португалию. Знаменитая библиотека Гранады, где хранилось не менее пяти тысяч арабских книг, улетучилась с дымом пожара. Считается, что инквизиторы замучили насмерть около двух тысяч евреев» (с. 177).

Вообще в книге хорошо показано, как такого рода расправы авторитарных властей над «лишними» и «неудобными» гражданами, придерживающимися иных взглядов, и спровоцированная политическими преследованиями вынужденная массовая миграция наиболее образованных и активных деловых людей меняли экономический потенциал государств, одних обрекая на отставание, а других стимулируя на ускоренное развитие. Вот еще один пример из истории Франции XVII столетия: король Людовик XIV «считал, что у нации должна быть одна, общая ре-

лигия — та, которой придерживается король. В 1685 г. он отменил Нантский эдикт и приказал гугенотам перейти в католичество или покинуть страну. Эффект был ужасен. Оценка числа депортированных колеблется в широких пределах, но известно, что от 250 000 до 900 000 гугенотов покинули свои дома и перебрались в Англию, Нидерланды или Пруссию. Переселенцы дали толчок развитию капитализма в Северной Европе, обеспечив ее умелыми ремесленниками, торговцами и финансистами» (с. 228–229).

К историческим деятелям Дженкинс относится с разной долей симпатии. Например, очень непривлекательным получился созданный им портрет инициатора Реформации Мартина Лютера: «Когда в 1525 г. германское крестьянство восстало против землевладельцев, Лютер содействовал подавлению восстания и призывал “резать, бить и душить... вороватые кровожадные орды крестьян”. Он выступал против других реформаторов, анабаптистов, цюрихских протестантов Ульриха Цвингли, против Кальвина и его женеvских приверженцев. Он высмеивал утверждение Коперника, что Земля вращается вокруг Солнца, как идею “высочки-звездочета... этого дурака”» (с. 186). Крупнейшего учёного Северного Возрождения Эразма Роттердамского, прозванного «князем гуманистов», Лютер именовал «змеем, лжецом, языком и глашатаем Сатаны» (с. 185).

Вообще, видно, что Дженкинс не жалуется религиозных фундаменталистов. Рассказывая о преддверии Английской революции, он отмеча-

ет, как «в 1637 г., консервативный архиепископ Уильям Лод навязал кальвинистской Шотландии молитвенник, который считался католическим. Епископу Брихина приходилось читать его, положив на кафедру пару заряженных пистолетов» (с. 219).

Периодически Дженкинс обращается и к истории России. Немного непривычно видеть, как князь Владимир Святой именуется автором «Владимиром Великим» (с. 170). Выводы относительно особенностей устройства власти в России при этом вполне можно соотнести с тезисами другого известного современного литератора, взявшегося за написание обзорных исторических трудов, Бориса Акунина. Так, читаем у Дженкинса: «Однако Возрождением Россия не увлеклась, не говоря уже о религиозных реформах, охвативших немецкоязычные страны. Татарские ханы оставили Руси недоброе наследство. Русские правители считали само собой разумеющимся, что такая протяженная и разобщенная империя требует сильной централизованной власти и одного единовластного лидера. Проверая на прочность эту норму, последние русские цари обрекут страну на гибель» (с. 170–171).

В силу чрезмерной краткости текста при описании такого огромного периода истории целого континента, ряд оценок неизбежно выглядят сомнительными и мало содержательными. Вот как Дженкинс описывает состояние русской культуры в начале правления Александра II: «Российская творческая мысль переживала расцвет, словно бы поражение

в войне побудило русских влиться в европейскую культуру. Толстой, который воевал в Крыму, открыл обитателям европейских гостиных бескрайние русские просторы. Достоевский поведал о запутанных нравственных проблемах. Русские композиторы Чайковский, Мусоргский и Бородин, а вслед за ними драматург Чехов вошли в число самых оригинальных и популярных деятелей европейского искусства. Москва при Александре не превратилась в третий Рим, зато Санкт-Петербург (столица России с 1712 по 1918 г.) стал вторым Парижем» (с. 319). Дают ли нам такого рода штампы хоть какое-то понимание происходящего? Ведь, скажем, к примеру, о «запутанных нравственных проблемах» кто только не писал, и всемирное значение Ф. М. Достоевского состоит во все не в этом. То же касается и других обозначений больших и сложных явлений одним-двумя словами.

Есть в книге, к сожалению, и досадные ошибки, и даже опечатки. На некоторые из них указано в примечаниях научного редактора русского перевода Антониной Шаровой, вроде той, где автор называет князя Болгарии Александра I (Баттенберга) «племянником русского царя» (с. 332), хотя тот был племянником жены Александра II, российской императрицы Марии Александровны. Но прокомментированы в книге далеко не все «вольности» автора. Так, Дженкинс пишет, что «правление Наполеона [III] — сначала президента, потом императора — продлится двадцать два года вплоть до 1870 г., что в два с лишним раза превысит срок правления его дяди» (с. 316). Не знаю, как он считал, но дядя На-

полеона III — Наполеон I — правил Францией сперва как первый консул республики, а затем как император, с 1799 по 1814 год, и еще сто дней в 1815 году, — это составляет не менее 14 лет; и, стало быть, правление его племянника никак не может превышать этот срок в два с лишним раза.

Или еще один пример: «В 1888 г. в возрасте за девяносто скончался Вильгельм I Прусский, а его сын практически сразу оставил корону его двадцатидевятилетнему внуку Вильгельму II (1888–1918). Новый король, увечный, самовлюбленный и раздражительный человек, немедленно заявил: “У этой страны есть только один владыка — и это я”. Вильгельм II шокировал Европу, безотлагательно отправив Бисмарка в отставку, чем вызвал поток карикатур, изображающих, как корабль Европы лишается лоцмана» (с. 336). В данном случае стоит заметить, что «безотлагательная отставка» 74-летнего рейхсканцлера Германской империи Отто фон Бисмарка на самом деле состоялась только через двадцать один (!) месяц после воцарения Вильгельма II.

Или более близкий к нашему моменту пассаж: «На Востоке сгушались черные тучи. В 2018 г. квазиавтократический лидер Венгрии Виктор Орбан вернулся к власти под лозунгом: “Суверенитет, независимость, свобода, Бог, родина и безопасность”. Европу он не упомянул, но ЕС обличил как “либеральную болтовню» (с. 426). Не вполне ясно, почему Орбан назван «квазиавтократическим», а не просто авторитарным лидером, но совершенно точно, что во второй

раз он стал премьер-министром Венгрии в 2010 году, и остается им по сей день, то есть в 2018 году он никуда не «возвращался». Такая небрежность автора несколько портит впечатление от его труда в целом.

Странным кажется и следующее замечание Дженкинса: «Новоизбранный президент России Борис Ельцин заставлял вспомнить о разбитных пьяницах, правивших Россией в прошлом» (с. 410). Если насчет Ельцина еще можно как-то согласиться, то совершенно неясно, о каких «разбитных пьяницах, правивших Россией» до Ельцина, здесь идет речь? Если о Петре Великом, известном своей страстью к выпивке, то сам Дженкинс в посвященном ему параграфе отмечает, что Петр I был «одним из тех иногда появляющихся в России лидеров, чьи личные качества и способности соответствуют невероятным размерам страны» (с. 240). Так, может, не в пьянстве дело, и оценивать правителей надо как-то иначе?

Говоря о военном конфликте России с Грузией в августе 2008 года, Дженкинс странным образом «забывает», что президентом первой тогда был Дмитрий Медведев (в книге он вообще не упомянут, будто его и не существовало), полностью приписывая это решение Владимиру Путину (с. 421), занимавшему на тот момент пост главы российского правительства.

В последней, 23-й главе книги «Напряженность старая и новая» Дженкинс укоряет европейские власти в игнорировании национальных интересов России, что привело к созданию крайне опасной ситуации

конфронтации, напоминающей ту, которая возникла на континенте после Версальского договора (1919), унизившего Германию, проигравшую в Первой мировой войне. По его мнению, возможность избежать этого была упущена в период, когда рушился Советский Союз. «Несмотря на все просьбы Горбачева, Востоку не предложили ни нового плана Маршалла, ни существенных инвестиций, по крайней мере пока некоторые бывшие коммунистические страны не вступили в ЕС. Вместо этого Лондон открыл свои рынки для краденых российских рублей. Одновременно с Востока на Запад потекла дешевая рабочая сила, обескровливая восточные экономики и способствуя дальнейшему росту западных. Самым опасным шагом стало немедленное приглашение в НАТО стран — членов бывшего Варшавского договора и прежних союзников России» (с. 432).

Как отмечает автор, «Ельцин умолял Запад притормозить, называя натовский экспансионизм “крупной политической ошибкой”. Он предупреждал, что “огонь войны может вспыхнуть по всей Европе”. Его проигнорировали. В этом смысле не предвещавшее ничего хорошего окончание холодной войны повторяло поверхностный триумфализм Версаля» (с. 413). Уже при наследнике и преемнике Ельцина Владимире Путине Россия, по словам Дженкинса, «стала определяющим фактором европейской дипломатии. Страна располагает огромными запасами природных богатств, большой армией, ядерным арсеналом и бескомпромиссной готовностью вызывать конфликты, проводить

кибератаки и устранять своих оппонентов в других странах» (с. 423).

Высокая вероятность нового крупного горячего военного столкновения в Европе, по Дженкинсу, вызвана «недооценкой Москвы», которая «долго была профессиональным заболеванием европейской дипломатии. В прошлом эта болезнь поражала шведов и поляков, Наполеона и Гитлера, а сегодня ослепила западный альянс, члены которого не могут прийти к согласию и решить, как реагировать на эту новую агрессивную Россию. У ЕС нет вооруженных сил, хотя союз периодически возвращается к этой идее» (с. 422).

Нынешнее состояние Европы Дженкинс оценивает крайне скептически. «Вера в европейские институты не безгранична. В начале XXI в. царило убеждение, что “западные ценности” одержали верх и вскоре завоюют мир. Сегодня в это трудно поверить. На фоне усиления позиций авторитарного Китая, возврата к прошлому в России и борьбы за реформирование ислама европейские демократические ценности кажутся сугубо европейскими, а отнюдь не лучом надежды для всего мира. В качестве одной из причин можно назвать утрату Европой идеологической идентичности. Политическая структура ЕС, скроенная по меркам холодной войны, стала громоздкой, она обращена в прошлое и страдает от дефицита демократии, который никто не может восполнить. У Евросоюза нет конституции, которую ее непохожие друг на друга субъекты могли бы всецело одобрить. Европейские лидеры оказались не способны достичь столь

необходимого для стабильности баланса между государством и надгосударственными структурами, центром и регионами, гражданством страны и гражданством Евросоюза. Пятьдесят лет центристскими движениями сменялись центробежными импульсами» (с. 433).

Свое повествование автор остановил на 2018 году, еще не зная об эпидемии ковида, которая захлестнула мир годом позже, и беспрецедентном обострении отношений между Россией и Западом, случившемся в начале 2022 года. Однако относительно новых старых угроз в скором будущем Саймон Дженкинс оказался весьма прозорлив, поскольку увидел их неизбежность, исходя из наблюдений над невыученными уроками прошлого: «Каждому из договоров, что придорожными вехами размечают историю, — Аугсбургский, Вестфальский, Утрехтский, Венский, Версальский — удавалось сохранить мир как минимум на два поколения, а затем война разгоралась снова. Даже Потсдамский договор, подписанный в 1945 г., действовал только до 1989 г., когда начал рушиться Советский Союз. Отсутствие какого бы то ни было регулирования после окончания холодной войны заново испытывает на прочность европейскую дипломатию. Слово бы европейский генетический код позволяет народам жить в мире друг с другом не дольше, чем живет память о прошлом витке кровопролития. История может дать нам мудрый совет словами умирающего Людовика XIV: “Самое главное — живи в мире с соседями. Я слишком любил воевать”» (с. 431).

М. Е. Сорока

Рец.: Neville Thompson. *The Third Man. Churchill, Roosevelt, Mackenzie King and the Untold Friendships that Won WW II*. Toronto: Sutherland House, 2021.

Рецензируемая книга известного канадского историка, посвященная отношениям премьер-министра Канады Л. Макензи Кинга с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, дает представление о роли Канады в антигитлеровской коалиции. В книге в качестве источника привлекаются дневники канадского политика.

Ключевые слова: Канада, Вторая мировая война, антигитлеровская коалиция, Л. Макензи Кинг, У. Черчилль, Ф. Рузвельт, И. Сталин.

Сведения об авторе: Сорока Марина Евгеньевна, независимый исследователь, доктор философии (история) (Канада).

Контактная информация: mevorobieva@gmail.com

M. E. Soroka

Rev.: Neville Thompson. *The Third Man. Churchill, Roosevelt, Mackenzie King and the Untold Friendships that Won WW II*. Toronto: Sutherland House, 2021.

The book under review is by a well-known Canadian historian Dr. Neville Thompson. It shows Canada's role in the anti-Hitler coalition. The book uses the diaries of the Canadian politician as a source.

Key words: Canada, World War II, anti-Hitler coalition, Lyon Mackenzie King, Winston Churchill, Franklin Roosevelt

About the author: Soroka Marina, independent researcher, PhD (Canada).

Contact information: mevorobieva@gmail.com

Книга вышла в феврале 2021 г. Ее автор, доктор Невилл Томпсон, специалист по истории Великобритании и Канады; до ухода на пенсию профессор Университета Западного Онтарио (Канада). До сих пор он печатался в издательствах Оксфордского и Торонтского университетов, а последнюю рукопись отдал в новое канадское издательство по двум причинам: во-первых, тема и материал

чисто канадские; во-вторых, процесс рецензирования в университетских издательствах чересчур длительный.

Тема книги — история отношений «треугольника», лидеров трех англоязычных стран, с 1900 до 1950 года, увиденная глазами канадского премьер-министра и пересказанная нашим современником. События, в которых участвовали

сэр Уинстон Черчилль (1874–1965), Фрэнклин Д. Рузвельт (1885–1945) и Уильям Лайон Макензи Кинг (1874–1950), — как предвоенные, так и времен антигитлеровской коалиции — достаточно значимы, чтобы породить море литературы, включая мемуары самого Черчилля. Но мемуары — подготовленная, отредактированная и иногда откровенно самовосхваляющая версия событий. Дневник Макензи Кинга — записи для одного читателя, самого себя, по горячим следам, отражающие то, что автор знал в момент, когда писал. Как многие, кто ведут дневники, Макензи Кинг предполагал написать на их основе мемуары, но умер, не успев отредактировать записи, и для историков это стало большой удачей. Только в 1965 году в канадской печати появились сообщения, что он оставил многотомные дневники, в которых много говорится о канадской политической жизни, а также о Рузвельте и Черчилле.

Канадские историки много пользовались этим источником при написании монографий по канадской политической и социальной истории. Невилл Томпсон первым прочел их как свидетельство очевидца о главах союзных правительств, с которыми канадский премьер-министр тесно сотрудничал во время Второй мировой войны, и о международных отношениях. Для него дневники Макензи Кинга — предыстория и история сотрудничества трех англоязычных государств, рассказанная не чиновником и не журналистом, а равным, коллегой, государственным деятелем. Это также впервые рассказанная история о дружбе трех политических лидеров, которая, как говорится

в заглавии, помогла выиграть Вторую мировую войну.

Во введении даны история Атлантического триумvirата и характеристики трех главных действующих лиц. Начало знакомства Кинга и Черчилля, показавшегося канадцу «великим гением», относится к 20-м годам. В 1935 г. Кинг знакомится со своим «отважным соседом», Рузвельтом. С тех пор его связывали с обоими теплые отношения. Три мужчины из привилегированных семейств, выпускники лучших университетов мира (кроме Черчилля, который учился в военной академии), обладатели научных степеней, кровно связанные с западной культурой. Сверстники, равные по образованию, воспитанию и близкие по жизненному опыту. Все трое много путешествовали, видели мир, выросли в семьях, издавна активных в политике своих стран. Все трое знают Библию с детства, что сильно повлияло на их отличный ораторский стиль.

Для российского историка это сразу делает очевидной сложность взаимопонимания между западными союзниками и сталинскими дипломатами. Если нарком Молотов и мог похвастаться дворянским происхождением, то особенности его жизни и деятельности, как и среда обитания после 1917 г., должны были напрочь стереть ненужные сподвижнику Буденного, Ворошилова, Кагановича и Сталина «интеллигентские замашки». А про уровень общей культуры и манер аппарата его наркомата — особенно после «большого террора» — и говорить не стоит. Ведь из всей заграничной службы россий-

ского императорского МИД только один дипломат не очень высокого ранга пошел на службу к большевикам. После 1917 г. кадры пополнялись революционными матросами, «профессиональными революционерами» и старыми студентами с революционным прошлым — но иногда без диплома. И диплом о советском высшем образовании не был эквивалентом культуры, и культура их зачастую ограничивалась кратким курсом по пользованию столовыми приборами под руководством уцелевших дворянских старух. Что общего было у советского «сотрудника органов» или инженера (которых, в основном, и посылали в советские посольства во время войны, как свидетельствуют мемуары А. Добрынина), выросших, к тому же, в культурной изоляции сталинского СССР, с выпускником юридической школы Колумбийского университета (главы внешней разведки США)? Один цитировал Уильяма Джеймса и Канта, а другие «диалектику учили не по Гегелю» и для них основополагающим документом были труды тов. Сталина. Поэтому исходили они из различных принципов и аргументы собеседника принимали не всегда адекватно. Дело было не во владении английским языком и качестве перевода, а в том, что одни и те же слова означали для них разные вещи и одни и те же понятия имели совершенно различный вес.

В любом дневнике неизбежно множество тем, но в книге, написанной на основе дневников Макензи Кинга, можно выделить несколько главных. Это предыстория англо-американского альянса военного времени, альянс во время Второй мировой войны

и роль в нем Канады; эволюция идеи Рузвельта о послевоенном устройстве мира, а также самое начало холодной войны. Для канадского политика война была моментом, когда Канада из доминиона превратилась в члена коалиции и союзника великих держав и произошло решающее сближение Великобритании и США.

Макензи Кинг был спиритом и философски смотрел на жизнь и смерть. Когда умер Рузвельт в апреле 1945 г., Кинг утешил себя: смерть — это переход из материальной в духовную сферу, оттуда его влияние будет продолжаться (с. 394). Хотя он общался с иным миром постоянно, но провидцем не был. Так, посетив Гитлера в преддверии войны (он был одним из многих мировых политиков, навестивших фюрера), он говорит об искренности и теплом характере Гитлера, который убедил его, что для Германии главное — свои внутренние проблемы и что потому она хочет мира (с.73). А в период антигитлеровской коалиции Макензи Кинг надеялся, что после войны СССР сосредоточится на перестройке страны вместо распространения коммунизма. Он записал слова Энтони Идена после возвращения из Москвы в конце войны, что советские, конечно, варвары, но не агрессивные.

Он считал, что Канада может существовать либо в сфере влияния Британии, либо США, и хотел балансировать между ними, что удавалось ему в том числе благодаря его миролюбивому упрямству, широкой политической культуре, а также и политической системе, которая ограничивала пространство для его ошибок. Личные добрые отношения почти

со всеми американскими и британскими политиками, умение прятать обиду и отделять личное самолюбие от интересов Канады помогли ему не меньше, чем большое самомнение. (Комментируя историческую речь Рузвельта перед Конгрессом США, он одобрительно замечает, что речь неплохая и очень похожа на ту, которую он сам, Макензи Кинг, недавно произнес в Оттаве.)

В его дневнике военного времени выступают на первый план: борьба канадских консерваторов и либералов; вопрос о том, вводить или не вводить в Канаде обязательный призыв в армию, которым партии в парламенте пользовались как орудием борьбы за власть; расклад политических сил в 1940 г. Заметна его гордость за Канаду и стремление сохранить как можно больше жизней канадских добровольцев, воевавших с Гитлером в Европе.

Из деталей сотрудничества трех стран на высшем политическом уровне постепенно складывается история антигитлеровской коалиции. Канада присутствовала практически на всех совещаниях союзников, потому что во время войны играла очень важную роль. Ее вклад в войну был огромен для страны с населением в 12 млн.: из добровольцев она укомплектовала более, чем миллионную армию, из которой потеряла 47 тысяч убитыми, 54 тысячи ранеными и 8 300 пленными. ВМФ Канады за время войны вырос до 450 судов, которые охраняли половину всех караванов, шедших через Атлантический океан. ВВФ Канады в это время был третьим по величине в мире. Канада производила корабли, самолеты, воору-

жение, еду, сырье для союзников, а ее население собралось только в Англию, «старую родину», на 4 миллиарда долларов безвозмездных пожертвований. Значительные сборы пожертвований проводились и в пользу СССР, когда он стал союзником.

Поэтому Макензи Кинг присутствовал почти на всех встречах Черчилля и Рузвельта и эффективно посредничал между ними, хотя Черчиллю было несвойственно признаваться, что ему нужны посредники. Мнение, что Черчилль был позером и хвастуном, довольно распространено; известно и то, что у него были периоды эмоциональных спадов и депрессии. Это подтверждает Макензи Кинг. В 1937 г. Черчилль уже кажется канадцу «конченным», обессиленным. Но с началом войны в дневнике появляются записи, опровергающие эти обвинения: когда Британия осталась одна лицом к лицу с гитлеровской армией, он записывает после встречи, что Черчилль очень храбр и ничего не боится. В 1941 г. английский политик уже говорит о победе, и на протяжении войны он ни разу не упомянул о возможности поражения. Канадец записывает слова Черчилля о том, что о военных потерях в Англии «всегда публикуют самые худшие новости и держат хорошие в секрете, чтобы население не перебирало по части оптимизма» (с.176).

Макензи Кинг прослеживает, как в ходе войны менялась позиция Черчилля: в самый тяжелый для Англии начальный период войны он предпочитал, чтобы Британия воевала одна, т.к., если США вступят в войну, то неизбежно сократят помощь Британии по лендлизу. Однако, позже он

признал: «Без США мы не сможем победить в этой войне». И теперь он предпочел бы, чтобы американцы объявили войну даже ценой прекращения материальной помощи Англии (с. 179).

Черчилль мог смотреть на ведение войны не только как политик, но и как профессиональный военный — преимущество, которого не было ни у кого из его партнеров, кроме де Голля. Макензи Кинг упоминает, что когда Молотов приехал требовать открытия второго фронта в 1942 г., то Черчилль был против «преждевременного и потенциально провально-го вторжения во Францию», потому что вторичная (после 1940 г.) эвакуация британских войск будет чувствительным поражением, а гитлеровские войска еще лучше укрепятся на побережье Франции. Действительно, рейд в Дьепп в 1942 г. обернулся кровавой трагедией для англо-американских войск. До июня 1944 года Дьепп оставался для союзного командования жутким предупреждением (с. 231). То, чего советское правительство, а за ним и советские историки — не могли понять, это нежелание союзников заваливать противника трупами своих солдат. Оно казалось советской стороне расчетливостью и желанием загребать жар чужими руками, что не учитывает ни историческую традицию, ни военную науку, ни политическую культуру союзных стран, ни их понимание ценности человеческой жизни.

Была еще одна причина для задержки со вторым фронтом в Европе. После вступления США в войну Черчилль считал бесполезным бросить молодых и зеленых американских

солдат против закаленных немецких ветеранов в Европе, пока они не наберутся боевого опыта. Поэтому американцы высадились во французской Северной Африке к концу 1942 г., чтобы взять немцев в клещи между американскими и английскими войсками вместо безотлагательного вторжения в Северную Европу, как предлагали генералы Маршалл и Стимсон. Победа при Эль Аламейне стала предвестником успеха в Северной Африке. 10 ноября Черчилль, наконец, сказал знаменитые слова: «Это не конец. Это даже не начало конца. Но, возможно, это конец начала» (с. 215).

Постоянный рефрен разговоров и переписки трех лидеров — беспокойство о том, как необходимые внешнеполитические шаги отразятся на внутренней политической ситуации в их странах. Много внимания Макензи Кинг уделял стараниям своих коллег обезоружить политических противников в парламенте и конгрессе. В 1939–41 гг. Черчилль и Кинг понимали, что Рузвельт хочет, но не может стать их союзником против Гитлера. Он, со своей стороны, делал то, что мог. Первая встреча Рузвельта и Черчилля после начала войны, в августе 1941 г., была политически опасна для Рузвельта, т.к. Британия уже воевала, а поездка Рузвельта, с точки зрения мощной американской изоляционистской группы, была вызовом Гитлеру. А ведь приоритетом для американского президента должно быть укрепление нейтралитета США, а не поддержка Британии. Тем не менее, Рузвельт летит в Англию и первое, что его поразило, как он сказал Макензи Кингу, это усталые изможденные лица

английских женщин, которых он видел, проезжая по улицам (с. 171). Он уже принял решение о вступлении в войну, но его избиратели были еще не согласны.

Если по поводу участия в европейской войне США разделились, то в декабре 1941 г. японское нападение объединило американцев. Рузвельт сказал: «Теперь мы все в одной лодке». Пока он старался убедить американцев, что Пирл Харбор связан с немецкими и итальянскими военными действиями в Европе (с. 192), 11 декабря Гитлер объявил войну США, за ним последовал Муссолини. Макензи Кинг резюмировал: «Надо благодарить Гитлера, а не американцев за то, что США вступили в европейскую войну» (с. 193). Тем не менее, трудности Рузвельта не кончились: когда он выступал перед Конгрессом, то его сообщение об отправке американских войск в Англию было встречено очень сдержанными аплодисментами, а когда он попросил новый бюджет — 56 миллиардов долларов — на ведение войны, то конгресс ответил молчанием (с. 214).

Все внимание Макензи Кинга сосредоточено на Рузвельте и Черчилле, которых он регулярно видел, с которыми часто беседовал. Только после подписания военного союза с СССР канадский премьер записывает мнения и сообщения своих коллег о Сталине, которого он так никогда и не встретил лично. Для Черчилля Сталин был просто средневековым тираном, и его единственным достоинством было то, что он не тянул с решениями (с.179) — как все диктаторы, которым отвечать ни перед кем не надо. Когда Гитлер напал на

СССР, Черчилль сказал Макензи Кингу, что СССР сделал большую ошибку, отказавшись от ранее предложенной помощи и не готовясь к войне против Германии. Черчилль, по его словам, предупредил Сталина о предстоящем нападении Германии в мае 1941 г. Позже Макензи Кинг записывает услышанный в Вашингтоне рассказ Гарри Хопкинса, правой руки Рузвельта, об июльском визите в Москву и о том, что теперь Сталин «вдруг заговорил о морали и этике», напоминая на то, что у его недавнего союзника Гитлера они отсутствуют. При этом Сталин усиленно отрицал всякую причинно-следственную связь между пактом Молотова-Риббентропа и гитлеровской агрессией против Польши (с. 169). Ну, просто наивное дитя!

Как поделился Черчилль с Макензи Кингом, некоторые послания Сталина настолько грубые и наглые, что он сказал советскому послу, что никому не позволит так с ним разговаривать (с. 350). В марте 1943 г., подозревая, что Сталин воспользуется снятием блокады с Ленинграда и капитуляцией Паулюса, чтобы заключить сепаратный мир с Германией, Черчилль предложил поехать в Москву, чтобы умягчить диктатора, который рассержен отсутствием второго фронта и недостаточными поставками по лендлизу. Причины были веские: огромные человеческие и материальные потери американцев, канадцев и англичан при транспортировке, ограниченные мощности американской промышленности при необходимости поддерживать англо-американские войска в Северной Африке. В октябре 1943 г. Сталин написал обещание Черчилля прислать зи-

мой караваны в Мурманск: «Это его обязанность...» — Черчилль сдержал гнев, вызвал советского посла и вернул письмо Сталина, сказав, что будет считать, что не получал его (с. 253). Советской стороне пришлось сделать усилие и умерить тон в разговорах с британскими союзниками.

В июле 1943 г. американская армия высадилась в Сицилии. В августе Черчилль прилетел в Квебек. Когда его спросили про СССР, он отозвался о союзнике с похвалой, но напомнил, что в начале войны СССР был готов «позволить Германии проглотить Британию». Философ Кинг записал это и добавил: «Но с другой стороны, Британия была готова дать Германии проглотить Россию». Ему казалось возможным предотвратить преобладание СССР в Европе с помощью плана Рузвельта: создать новую Лигу Наций для поддержания мира. Еще в 1941 г., когда Рузвельт и Черчилль искали удачное название для стран, воюющих против гитлеровской коалиции, Рузвельт вдруг сказал: «Уинстон, я придумал: Объединенные Нации» (с.203).

Рузвельт предполагал, что после войны для поддержания мира 4 великие державы будут командовать международным воздушным флотом, содержать который будут совместно. Чтобы избежать проблемы «победителей», которая была в 1918 г., он считал нужным заранее подготовить план. Рузвельт хотел встречи трех союзных лидеров, чтобы согласовать планы и цели ведения войны. Сталин отказался от встречи на Аляске и потому Черчилль и Рузвельт встретились в Касабланке (с. 247).

В Тегеран Рузвельт приехал несмотря на тяжелое физическое состояние, чтобы установить личные отношения со Сталиным, получить его согласие на вступление в войну против Японии и на план четырех держав, которые будут обеспечивать мир во всем мире. Сталин пользовался всякой возможностью, чтобы настроить Рузвельта против Черчилля (с. 306), но это ему не удалось. Осенью 1942 г. Канада и СССР установили дипломатические отношения. Первым советским послом в Канаду прислали плюсового и скучного Ф. Гусева. Кинг периодически обедал в посольстве и убеждал Гусева: «Мы должны делать все, чтобы укреплять дружбу между разными странами, особенно между нашими...», то есть на дипломатическом языке он призывал СССР стать законопослушным гражданином мира. Гусев кивал и улыбался. После короткого и бедного событиями пребывания в Оттаве Гусева перевели в Британию. В Канаде о нем тут же забыли (с. 417).

И вдруг 5 сентября 1945 г. служащий советского посольства Игорь Гузенко пришел в полицейский участок в Оттаве и попросил убежища, предложив раскрыть советскую сеть шпионажа в Канаде, созданную Гусевым за время его пребывания в посольстве. Советское посольство требовало вернуть Гузенко, т.к. он якобы украл казенные деньги, но Канада предоставила Гузенко убежище. Кинг чувствовал себя оскорбленным: он вел себя с советским послом как с союзником, а его водили за нос (с.409).

Но Кинг опасался трогать уже выявленных советских шпионов, т.к.

считал, что у канадского правительства недостаточно улики для предъявления в суде. Черчилль уверял канадского премьер-министра, что советские правители понимают только силу: «Мы ничего не выиграем тем, что не покажем им, что не боимся их». Он называл советских руководителей «прагматичными рептилиями», которые будут подлизываться к вам всюю, хотя готовы перегрызть вам горло (с. 415).

В это время Макензи Кинг узнал из радиопередачи, что в США и в Англии арестовали 39 человек и осудили 18 из них за шпионаж в пользу СССР. Среди осужденных был английский физик Алан Нанн Мэй, который еще недавно работал в Канаде и передал СССР образцы урана и отчеты об исследованиях в области атомной физики. Канада разорвала отношения с СССР и отозвала посла из Москвы, предложив советскому послу покинуть Оттаву. Дипломатические отношения не были восстановлены до 1953 г.

А для Черчилля после проигранных выборов эти события стали идеальной возможностью вернуться на мировую арену — в Фултоне (Миссури) его пригласили в колледж прочесть лекцию о положении в Европе и он произнес знаменитую речь, которая,

как считается, положила начало холодной войне. Поскольку право вето в ООН позволило СССР препятствовать расследованию о своей подготовке к войне, бывшие союзники пришли к выводу, что надо создать организацию без СССР. Так возникла мысль о НАТО (с.365).

Первой книгой Невилла Томпсона была монография о британских политиках предвоенного периода, которые выступали против «умиротворения» Гитлера, а его предпоследняя книга — о канадском журналисте, который провел большую часть жизни в Англии, комментируя для канадской печати политическую жизнь Британии 1930х-1950х гг., так что он хорошо знает и политические события эпохи, и ее главных действующих лиц. В книге использованы множество канадских, английских и американских источников для того, чтобы дополнить картину, которую иногда рисует, а иногда только набрасывает в дневниках Макензи Кинг. Как со всеми хорошими книгами, начинаешь читать, чтобы узнать о том, что указано в названии, а узнаешь гораздо больше: о политической культуре трех англоязычных стран, о роли и обязанностях глав правительств, о том, как строились и поддерживались эффективные союзные отношения.

Н. Н. Морозов

УДИВИТЕЛЬНАЯ КНИГА

Рец.: В. А. Солонарь «Очищение нации. Насильственные перемещения населения и этнические чистки в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску (1940–1944)». 2020. Санкт-Петербург: «Нестор-История»

Рецензируемая книга посвящена политике силовых перемещений населения и этнических чисток в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску. Этой теме уделяется явно недостаточное внимание в современной Румынии, она считается неудобной, так как плохо вписывается в доминирующие националистические нарративы, поддержанные общественным мнением.

Ключевые слова: Румыния, вторая мировая война, диктатура Иона Антонеску, идеология национализма, насильственные миграции, этнические чистки, Холокост.

Сведения об авторе: Морозов Николай Николаевич, кандидат филологических наук, политический аналитик, публицист, переводчик. Автор многих работ по проблемам Румынии, румынской истории и культуры.

Контактная информация: morozovvv1952@mail.ru

N. N. Morozov

AMAZING BOOK

Vladimir Solonari. "Ochiszenie natsii". Nasilstvennyye peremescheniya naseleniya i etnicheskie chistki v Rumynii v period diktatury Iona Antonescu (1940–1944)». 2020. Sankt-Peterburg: «Nestor-Istoriya»

The subject of the book which is under review is the policy of forceful displacement of the population and ethnic cleansing in Romania during the dictatorship of Ion Antonescu. This topic is clearly not given enough attention now in Romania, it is considered inconvenient, as it does not fit well into the dominant nationalist narrative supported by public opinion.

Key words: Romania, World War II, dictatorship of Ion Antonescu, ideology of nationalism, forced migrations, ethnic cleansing, Holocaust.

About the author: Morozov Nikolai Nikolaevich, Cand. Of Philology, political analyst, publicist, translator. Author of many works on the problems of Romania, Romanian history and culture.

Contact information: morozovvv1952@mail.ru

В Санкт-Петербургском издательстве «Нестор-История» в 2020 году вышла удивительная книга. Это — «Очищение нации. Насильственные перемещения населения и этнические чистки в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску (1940–1944)».

Автор книги — 62-летний молдавский политик и историк Владимир Солонарь. В 1986–1990 годы он преподавал в Кишиневском университете, затем в 1992–1993 годы в Тираспольском университете. В 1994–2001 годы — депутат молдавского парламента. В 2003 году уехал из Молдавии, живет в США, преподает в Университете Центральной Флориды.

В книге рассказывается о том, как в Румынии была предпринята попытка реализовать этническую чистку в масштабах всей страны. Книга удивительная и прежде всего потому, что до сих пор подавляющее большинство румынских историков, занимающихся новейшим временем, старательно избегали неудобной темы из патриотически-идеологических соображений, чтобы в результате совершенно о ней забыть. Отдавая себе отчет в деликатности предмета и всей ситуации, автор позаботился о безупречном обосновании своих тезисов — подкрепил их многочисленными архивными ссылками и привлек широкую библиографию на разных языках.

Уникальность работы состоит в том, что В. Солонарь — носитель двух культур, русской и румынской, да к тому же работает в американском

университете. Он хорошо знает изнанку политической истории Румынии, показывает не только то, что пишут или говорят румынские политики, но и то, что они подразумевают, останавливается на особенностях психологии и менталитета румын. Этого, конечно, не хватает большинству иностранных, в том числе российских историков, и позволяет автору осветить предмет исследования с различных углов зрения.

В. Солонарь трактует тему в широком историческом контексте, и в этом смысле книгу можно назвать монографией, рассматривающей определенный исторический период в целом. В текст вкраплены, по сути, небольшие эссе о различных явлениях политической и идеологической жизни в Румынии первой половины 1940-х годов (например, о румынском евгеническом движении, об истории Кадрилатера¹, о проблеме цыган), портреты политических деятелей, ученых, писателей (Иона Антонеску, Кароля II, Юлиу Маниу, Димитрие Густы, Никифора Крайника и других). Особенно ценными представляются остранные (термин Виктора Шкловского) комментарии автора, позволяющие читателю выйти из автоматизма восприятия и увидеть реальные, не всем известные пружины событий.

ЭТНИЧЕСКАЯ ЧИСТКА ОТ «А» ДО «Я»

«Ученое сообщество <...> еще не осознало в полной мере истинные размеры ксенофобии румынских правых,

¹ Территория в Южной Добрудже, после 1878 г. неизменно выступавшая предметом румыно-болгарских территориальных споров.

их враждебности к лицам иной этнической принадлежности, степени их одержимости идеей этнической чистоты как единственного "естественного" состояния нации», — пишет В. Солонарь во введении.

Автор уточняет, что целью главы государства И. Антонеску было воссоздание Великой Румынии в границах 1939 года² и тотальное этническое «очищение» страны путем обмена населением с соседними странами или «одностороннего перемещения» нерумын за пределы страны. «Чтобы видение Антонеску стало явью, — отмечает он, — Румынию должны были покинуть 3 581 618 человек, а из соседних государств переселиться в Румынию 1 602 399 этнических румын».

«В 1939–1940 произошла фундаментальная переориентация румынской внешней политики: из союзника Англии и Франции страна превратилась в сателлита нацистской Германии, — пишет Солонарь. — Вслед за тем произошел не менее глубокий сдвиг во внутренней политике: новое румынское правительство взяло курс на строительство тоталитарного государства фашистского типа. <...> Не приходится сомневаться, что перемену курса поддержала значительная часть румынского политического класса, одни — скрепя сердце, другие — с энтузиазмом».

Предпринятый осенью 1940 года массовый обмен населением с Болгарией, который задумывался как

полное «очищение» Румынии от этнических болгар и замена их «румынами по крови» из Болгарии, не достиг цели, указывает автор. И все же «ранее немислимая идея, что румынских граждан можно заклеить как "чужаков" и затем выдворить, вопреки их ясно выраженной воле, за пределы Румынии, заменив их другими, воспринимавшимися как часть румынской этнической группы, даже если они никогда в Румынии не жили и не хотели там жить, будучи однажды испытана на практике, стала восприниматься как законный и вполне приемлемый инструмент управления».

Как известно, в 1940–1941 гг. Румыния вступила в полосу бурных событий: 28 июня 1940 года советские войска заняли Бессарабию и Северную Буковину, 4 сентября 1940 года генерал Ион Антонеску был назначен премьер-министром, 6 сентября Кароль II отрекся от престола, 28 января 1941 года после подавления мятежа легионеров Антонеску стал военным диктатором — «кондукэ-турулом», 22 июня 1941 года Румыния вступила в войну против СССР. Весь этот процесс сопровождался политической радикализацией режима, в том числе укреплением идеи тотального этнического очищения страны.

В. Солонарь не проходит мимо жестоких действий советского режима. «Советские власти причинили огромные страдания населению Бессарабии и Северной Буковины,

² Необходимо помнить, что в условиях начавшейся мировой войны Румыния потеряла территории Бессарабии и Северной Буковины, оккупированных Красной Армией в июне 1940 г., Северной Трансильвании, переданной Венгрии вследствие так называемого второго венского арбитража 30 августа 1940 г., и Южной Добруджи, которую пришлось уступить Болгарии.

которому пришлось пережить аресты, депортации и конфискации имущества, а также казни политических противников нового режима, — пишет он. — <...> По оценкам историков, советские органы за эти два дня (12–13 июня 1941 года — *прим. авт.*) депортировали из Бессарабии и Северной Буковины приблизительно 30 тыс. человек.

Автор развеивает миф о том, что бессарабские евреи подвергли покидавших провинцию в результате советского ультиматума румынских военных нападениям и унижениям, отмечая, что одной из причин преувеличения роли евреев в антирумынских манифестациях была «необходимость объяснить тот невыносимый факт, что бессарабское население, если не все, то значительная его часть, радовалось уходу румынских войск и властей, а не сожалело об этом».

«Можно с уверенностью утверждать, что в конце 1940 и в 1941 году, а возможно, и позднее, до середины 1942 года, политика И. Антонеску, нацеленная на союз с Гитлером и Муссолини, пользовалась широкой поддержкой в румынском обществе, — пишет В. Солонарь. — <...> Более того, многие румыны весной 1941 года с нетерпением ожидали войны с Советским Союзом, чтобы отомстить за унижение лета 1940 года и вернуть Бессарабию и Северную Буковину».

Автор описывает взрыв здания румынской комендатуры в Одессе 22 октября 1941 года, в результате которого погибли 135 офицеров и солдат, после чего И. Антонеску приказал «за каждого убитого рас-

стрелять 200 евреев и за каждого раненого расстрелять 100 евреев».

Новые «восточные провинции» Румынии стали своеобразным испытательным полигоном по тотальной этнической чистке в стране. В июле-августе 1941 года по Бессарабии и Северной Буковине прокатилась кампания массовых убийств евреев с последующей депортацией выживших в Приднестровье. Целью было превратить эти провинции в образец для всей Румынии. «Бессарабия и Буковина должны были стать живым доказательством того, что румыны могли процветать в стране, очищенной от национальных меньшинств», — пишет В. Солонарь.

Автор отмечает и особую роль в уничтожении евреев в Северной Буковине боевиков из Организации украинских националистов (ОУН). «Хотя евреев арестовывали, избивали и убивали румыны, украинцы и немцы, цели у них не были идентичны, — пишет он. — Решительность, с которой действовали украинцы, беспокоила румын. Убийства евреев украинскими националистами были частью их кампании по закладке основ чисто украинского государства, так что преступные действия ОУН были направлены на захват Буковины. Румынские власти отдавали себе отчет, что украинское антисемитское насилие переплеталось с антирумынскими намерениями украинцев».

«Хотя оппозиция могла легко получить достоверную информацию о том, что там [в восточных провинциях] происходило, она предпочитала этого не делать, чтобы не оказаться слишком уж тесно вовлеченной

в защиту изолированного и непопулярного меньшинства», — подчеркивает автор.

К 1942–1943 годам ситуация стала меняться: в результате сложного положения на фронте румынские лидеры «уже не верили в безоговорочную победу держав Оси над союзниками по антигитлеровской коалиции». «Румыны уже мечтали о заключении державами Оси сепаратного мира с западными державами, — пишет В. Солонарь. — Такой мир, как надеялись румыны, позволил бы создать антисоветскую коалицию, в которой участвовали бы западные державы и Германия с союзниками».

«Чем меньше шансов оставалось на победу Германии и ее союзников, тем более умеренной становилась румынская политика в отношении евреев», — отмечает автор. «Двумя последствиями этой перемены были отказ от чудовищного эксперимента в восточных провинциях и прекращение депортаций».

На этом этапе у Антонеску, который, тем не менее, «до конца оставался привержен большой идее этнической чистоты Румынии», возник план превратить Бессарабию и Буковину «в неприступную стену против того, что он считал вечной угрозой славянского нашествия с востока», пишет В. Солонарь. Для этого Бессарабия и Буковина «должны быть очищены этнически и заселены наиболее лояльными румынскими элементами, предпочтительно выходцами из старого королевства, <...> ветеранами войны, в особенности кавалерами воинских орденов, предпочтительно высшего ордена Михая Храброго.

Они должны были получить неотчуждаемые земельные наделы значительно больше нормы <...>, чтобы таким образом сформировать привилегированное сословие фермеров-воинов, стоявшее щитом на самых опасных рубежах страны». Таким образом, речь шла о «создании привилегированного сообщества воинов-земледельцев, биологически сильного и плодovitого, идеологически выдержанного и патриотически настроенного», продолжает он. «Именно оно должно было стать краеугольным камнем будущей очищенной и переустроенной Румынии».

При этом «как в своей готовности адаптироваться к меняющейся международной обстановке, так и в своей преданности идеалу этнически чистой Румынии режим пользовался пониманием и поддержкой значительной части политической и интеллектуальной элиты нации», — отмечает автор.

«Румыния и ее государственность в конечном итоге принадлежала румынской этнической нации, — резюмирует В. Солонарь идеологию режима. — Миссия правительства состояла в защите интересов этой нации, а не интересов национальных меньшинств, чье присутствие на национальной румынской территории и, тем более, лояльность румынскому государству были проблематичными». Если государство иногда и проявляло к этим меньшинствам определенную терпимость, по крайней мере делая вид, что предоставляет их членам равные права, в иной ситуации оно подготавливало их изгнание во имя достижения «этнической чистоты» страны.

КОРНИ И ПОБЕГИ

В сегодняшнем комфортном обществе потребления психологически трудно себе представить даже «окончательное решение» еврейского вопроса в гитлеровской Германии, о котором написано много. Что же говорить о практически неизвестном мрачном эпизоде в истории Румынии, у которой (как у страны-союзницы по ОВД и СЭВ) был в свое время, по крайней мере, в Советском Союзе достаточно светлый, положительный имидж!? Поэтому книга В. Солоняря поначалу может быть воспринята неподготовленным читателем как некая художественная антиутопия, плод фантазии автора, вроде оруэлловского «1984» — настолько все это в новинку для читателя, не особенно искушенного в тонкостях румынской истории. Когда же углубляешься в чтение достаточно нейтрального с эмоциональной точки зрения текста и постепенно отдаешь себе отчет, что это все было в реальности, то можно пережить шок.

Согласно докладу Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии под председательством Эли Визеля (2004), в годы Второй мировой войны, когда Румыния была союзником гитлеровской Германии, на территориях, находившихся под румынским управлением, погибли от 280 тыс. до 380 тыс. евреев и 11 тыс. цыган. Родившийся в ныне румынском городе Сигету-Мармацией общественный деятель и журналист, лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель (1928–2016) был узником нацистских концлагерей Освенцим и Бухенвальд, а позднее посвятил свою литературную

деятельность изучению Холокоста. Согласно переписи 2011 года, в сегодняшней Румынии насчитывается около 3,2 тыс. евреев.

Книга В. Солоняря удивительна еще и потому, что она была издана и в Румынии (в яском издательстве «Polirom» в 2015 году). В целом она осталась в стране практически незамеченной, хотя и получила несколько положительных откликов от авторов, которым «Юпитер друг, но истина дороже».

«В книге ставится цель объяснить, "почему" и "как" было возможно побиение таких масштабов в государстве», которое, по оценке рецензента, пока еще сохраняло демократические институты, — писал, например, в еженедельнике «Observatorul cultural» от 13 мая 2016 года Петру Негурэ. «Как произошло, что столь кровавый проект встретил столь минимальное сопротивление в момент, когда было решено его реализовать? Более того, как объяснить приверженность этой идее стольких политиков и интеллектуалов того времени, многие из которых не были закоренелыми антисемитами и ксенофобами, или апологетами авторитарного государства и тем более адептами мер по массовому уничтожению?»

К сожалению, эти вопросы не получают в книге достаточно убедительного ответа, и после ее чтения остается ощущение некоей недосказанности, незавершенности.

Автор предпринимает попытку объяснить стойкую приверженность румынского общества национализму тем, что Великая Румыния была

образована в соответствии с национальным, этническим принципом. Однако на Парижской конференции 1919 года, где было санкционировано разрушение империй и возобладали «четырнадцать пунктов Вильсона», вся европейская карта была переключена по национальному принципу. Кстати, в реальности это оказалось возможно далеко не везде (например, на Балканах), так что в конечном итоге проведение послевоенных границ стало результатом многосторонних переговоров и сделок, главным образом, между великими державами.

«Политический язык, ставивший знак равенства между этническим сообществом и политической нацией, был едва ли не единственным политическим языком, доступным всем участникам политического процесса [в Румынии] как до, так и во время Второй мировой войны, — подчеркивает В. Солонарь. — В этих терминах воспринимали реальность и свою миссию не только Антонеску и его команда, но и находившиеся в оппозиции к режиму политики и интеллектуалы».

Однако национализм румын родился отнюдь не в 1919 году, он уходит корнями в «седую старину». И сам В. Солонарь пишет, что эти идеи «были укоренены в румынской политической культуре и недавней политической истории», «многие годы циркулировали в правых кругах». Примерами служат колонизация северной Добруджи с целью изменения демографического характера этой провинции после войны за независимость 1877–1878 годов, когда она стала румынской, или отказ де

факто румынского парламента предоставить румынское гражданство евреям, несмотря на то, что это было одним из условий признания независимости Румынии на Берлинском конгрессе (1878).

«Мечта уходила корнями во внеисторическое видение прошлого Румынии как земли, принадлежавшей румынской этнической нации "от начала времен", — объясняет В. Солонарь. — Присутствие какой-либо другой этнической группы на территории страны считалось аномалией, возникшей в результате махинаций враждебных сил, желавших удерживать румын в отсталом и подневольном состоянии».

Отсюда до вывода о том, что этнический национализм является неотъемлемой составной частью румынской идентичности, всего один логический шаг, который автор по понятным соображениям не решается сделать, и в результате ценный, собранный по крупицам материал остается констатацией отдельных фактов, а выводы предоставлено делать читателю. Между тем, здесь можно было бы забыть о политкорректности, потому что проблема вовсе не в национальной специфике румын, а гораздо шире — в природе человека. Рассматриваемый труд основан на румынском материале, однако подобные зловещие факты, полагаю, можно найти в истории и многих других стран, понятно, с соответствующей национальной окраской.

Вплотную сюда примыкает и тема «обыкновенного зла», которой занимались Х. Арндт («Банальность

зла»), К. Браунинг («Совершенно обычные мужчины: резервный полицейский батальон 101 и "окончательное решение" в Польше»), Джонатан Литтелл («Благовоительницы») и другие.

«Обычные люди, низшие чины румынской армии, в большинстве своем вчерашние крестьяне, реже ремесленники или рабочие, с тремя-четырьмя классами образования <...> во мгновение ока стали дисциплинированными и надежными убийцами, которые, исполняя свой "долг", стреляли на поражение по безоружным мужчинам, женщинам и детям», — пишет В. Солонарь, пытаясь дать психологическое объяснение «пути от теоретического согласия с концепцией этнического государства к допущению массовых убийств». «Большинство молчаливо согласилось <...>, немало было также и добровольных убийц <...>, и лишь очень немногие боролись со злом».

Но больше всего поражает почти шизофреническое раздвоение румынских лидеров того периода: с одной стороны, они предприняли буквальную, почти простодушную попытку реализовать на практике человеконенавистническую теорию, с другой, — вполне отдавали себе отчет в преступном характере всей этой операции, допускали возможность, что когда-то им придется понести за нее ответственность, о чем свидетельствует стремление не оставлять следов. «Массовое убийство евреев в Бессарабии и на севере Буковины <...> никогда не было официально признано режимом Антонеску», — подтверждает В. Солонарь.

«Союз Румынии с Гитлером с энтузиазмом приветствовался большинством румынских элит в ожидании скорой победы в войне против Советов», — объясняет он. Отсюда и «решимость искать расположения нацистских лидеров, чтобы обеспечить стране наиболее благоприятный статус в послевоенной Европе».

На наш взгляд, феномен обыкновенного зла связан, в частности, с оппортунизмом: с моральными пределами, который ставит себе и государство, и отдельная личность в усилиях по достижению своих интересов, обеспечению благосостояния и комфорта. В таком крайнем случае, как описываемый, когда нет никаких внутренних религиозных, моральных или психологических тормозов, допустимо все, что позволяют обстоятельства. Здесь уместно вспомнить Ивана Карамазова: «Если Бога нет, все позволено».

У каждого явления, в том числе у румынского этнического национализма, есть корни и побег. О корнях В. Солонарь написал, а говорить о побегах в Румынии, как правило, избегают, потому что официально этнического национализма сегодня в стране нет.

И все же автор рецензии в «Observatorul cultural» отмечал, что представители властей и преподаватели истории в Румынии «по-прежнему трактуют эту тему со своеобразным пассивным сопротивлением, если не отрицают ее открыто, за отсутствием реальной общественной дискуссии». «Отношение в румынском обществе к различным меньшинствам, а также к беженцам с Ближнего Востока и из

Африки сейчас как две капли воды похоже на националистический язык межвоенного периода», — считает Негурэ.

В 2021 году в Румынии вышла и другая книга В. Солоняра, «Империя-сателлит — румынское правление в Приднестровье». Напечатавшее ее бухарестское издательство «Humanitas» 9 февраля 2022 года организовало онлайн обсуждение книги, видеозапись которого размещена во многих социальных сетях.

"Завоевания на Востоке дают повод [в Румынии 1940–1944 годов] говорить о культурном и расовом превосходстве [румын], особенно интересовало культурное и цивилизационное [превосходство] по отношению к населению на Востоке, — сказал, в частности, в ходе этого обсуждения историк Адриан Чофлынкэ, директор Центра по изучению истории евреев в Румынии им. Вильгельма Филдермана. — Речь идет о том, что в специальной литературе называется евроориентализмом, то есть о таком виде ориентализма, который относится презрительно ко всему, что [находится] на Востоке, соответственно, в Восточной Европе. Другими словами, румыны находят наконец своих восточников, о которых говорят в уничижительном тоне».

Модератор дискуссии, журналист Мариан Войку обратился к профессору политических наук в Бухарестском университете, бывшему европарламентария Кристиану Преде с вопросом: «Кстати, об этом отношении к восточникам (cei din Est), о том, что румыны нашли своих восточников (esticilor)... Не думаете ли вы, что из этого отношения [в Румынии] кое-что сохранилось и после Второй мировой войны, не обязательно у коммунистов, а у крайне правых партий в 1990-е годы. Как румыны, в частности, некоторые крайне правые политики относятся к Востоку [Европы] сегодня, сохранилось ли что-то от того типа отношения?»

Профессор К. Преда однако оставил вопрос без ответа.

Между тем, настоящая история невозможна, если не говорить о проблемах, о которых не принято говорить. Тяжкость приведенного в книге материала и поднятых в ней проблем требуют обобщений и выводов такого же звучания. Судя по всему, В. Солонярь продолжает работу над этой темой, и мы ждем его новых книг. В конечном итоге, какой смысл в истории, если она не помогает нам лучше понять нашу настоящую жизнь?

М. В. Новикова

АНГЕЛА МЕРКЕЛЬ ЗНАЛА О ГЛАВНОМ СТРАХЕ РУССКИХ

Рец.: Ангела Меркель. Самый влиятельный политик Европы / Мэтью Квортруп; перевод с английского Н. Лисовой: АСТ; Москва; 2022. 500 стр.

Рецензируемая книга Мэтью Квортрупа «Ангела Меркель. Самый влиятельный политик Европы» представляет собой одну из первых обширных биографий германского канцлера на английском языке. Она опубликована недавно и в переводе на русский.

Ключевые слова: Ангела Меркель, миграционный кризис, российско-украинский конфликт, Владимир Путин

Сведения об авторе: Новикова Марина Валентиновна, кандидат исторических наук, консультант отдела аналитики и координации общественных проектов департамента общественных отношений администрации города Нижнего Новгорода; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород).

Контактная информация: marina.novikova@mail.ru

M. V. Novikova

ANGELA MERKEL KNEW ABOUT THE MAIN FEAR OF THE RUSSIANS

Review: Angela Merkel. Samyiy vliyatelnyiy politik Evropyi / Matthew Qvortrup; perevod s angliyskogo N. Lisovoy»: AST; Moskva; 2022. 500 p.

The book of Matthew Qvortrup, which is reviewed, “Angela Merkel: Europe’s Most Influential Leader”, is one of the first extensive biographies of the German Chancellor in English. It was translated also into Russian recently and published in Russia.

Keywords: Angela Merkel, migration crisis, Russian-Ukrainian conflict, Vladimir Putin.

About the author: Novikova Marina, Cand. In History (Nizhnii Novgorod city administration advisor; Lobachevskii State University of Nizhnii Novgorodm teacher).

Contact information: marina.novikova@mail.ru

© М. В. Новикова, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-3-366-371

Книга Мэтью Квортрупа «Ангела Меркель. Самый влиятельный политик Европы» вышла на русском языке в феврале этого года, поэтому даже в предисловии к русскому изданию автор не успел бы задаться вопросом, который с 24 февраля звучал неоднократно — могла бы как-то иначе сложиться ситуация вокруг событий на территории Украины, находясь Ангела Меркель по-прежнему в кресле канцлера Германии. Прочитав биографию, мы можем с некоторой долей вероятности предполагать, как она себя повела бы, основываясь на предыдущем опыте. После присоединения Крыма канцлер Германии и президент России провели 38 телефонных разговоров, в которых Меркель на «чистом русском языке советовала Путину уйти из Украины, пока Запад еще может помочь ему сохранить лицо» (с.175.) И на протяжении всех дальнейших переговоров по украинской проблеме немецкий канцлер играла ведущую роль. По мнению автора, среди европейских лидеров именно Ангела Меркель по-настоящему могла понять, что двигает русскими в украинском конфликте. Но обо всём по порядку.

Сегодня написано уже несколько биографий Ангелы Меркель. Для 2016 года эта работа профессора политологии из Университета Ковентри М. Квортрупа была первой серьёзной подробной биографией немецкого канцлера на английском языке. По замыслу автора, это была попытка написать историю современной Германии вокруг фигуры одного человека. На протяжении всего повествования Квортруп ищет ответ на вопрос: как скромный квантовый

физик из Восточной Германии в сжатые сроки стала самым влиятельным политиком в Европе, про которую говорили, как заметил британский аналитик и писатель Аластер Кэмпбелл: «Мы живем в “эпоху Меркель”».

Основной источниковой базой для М. Квортрупа служила открытая информация в Интернете, поездки в Германию, во время которых он много общался с чиновниками, с журналистами, и с обычными немцами. Он уверяет, что это не официальная и не авторизованная биография; отсылая рукопись в канцелярию канцлера, он настаивал на исправлении только фактических ошибок — а если в чём-то были не согласны с его мнением, он всё равно оставлял авторские трактовки (*Дудина* 2022).

Первая треть биографии посвящена детству Меркель, тогда ещё Ангелы Каснер. В его описании автор движется в кильватере западного дискурса о жизни в ГДР, как тоталитарном обществе, где «Штази готова шпионить за каждым жителем и убивать его при попытке к бегству». Несмотря на то, что в многочисленных интервью Меркель подчёркивала, что «у неё было прекрасное детство и далеко не всё в Восточной Германии было завязано на политику», Квортруп, анализируя подобные её высказывания, констатирует: «Создавалось впечатление, что она испытывала странную потребность защитить государство, которое в свое время прикладывало все силы, чтобы контролировать ее жизнь» (с.29).

На одном сюжете из детства Ангелы автор акцентирует внимание, чтобы

показать истоки формирования её стиля принятия решений. «В третьем классе учитель физкультуры, вечно озабоченный (на него давили сверху) поиском спортивных талантов для успешной олимпийской сборной Восточной Германии, предложил Ангеле прыгнуть с трехметровой вышки. Она знала, что прыжок в воду головой вперед может быть болезненным, и учитель ожидал, вероятно, что девочка прыгнет ногами вперед, а затем объявит, что это не для нее. Это сэкономило бы ему немало времени. Ангела никаким боком не входила в его список потенциальных будущих олимпийцев, так что он не сильно беспокоился. Но Ангела всегда поступала так, как ей говорили. Она взобралась на двенадцать ступенек, нерешительно шагнула к краю и уставилась на воду. Было очень страшно. Она отвернулась от края, но вниз не спустилась. Она ходила по площадке вышки взад и вперед, анализируя ситуацию. Остальных детей это позабавило, и некоторые мальчики начали смеяться. Но Ангела продолжала анализ. Наконец, когда звонок возвестил конец урока, она бросилась в воду вниз головой. Прыгуньи в воду из нее не получилось, но зато она сумела набраться храбрости и нырнуть. Одноклассники не смеялись: никто из них не нырнул с вышки. Ангела нырнула — после того как проанализировала ситуацию» (с.22).

В зрелом возрасте Меркель вспоминала историю прыжка с вышки всякий раз, когда её критиковали за нерешительность. В ответственные моменты ей просто необходимо было взять тайм-аут для всестороннего анализа ситуации.

К моменту начала Перестройки в Советском Союзе Ангеле 30 лет. Она занимается фундаментальными исследованиями в области физики и ...скучает. Жизнь становилась мрачной канителью утомительных рутинных дел: «каждое утро я выходила из дома очень рано, ехала на электричке от платформы Пренцлауэр-Берг и приезжала к 7:45, когда у нас начинался рабочий день. На самом деле это слишком рано для фундаментальных исследований» (с.55). Поэтому её, как и большинство немцев по обе стороны Стены, так заинтересовал молодой, на фоне предшественников, советский лидер и те реформы, которые он затеял в Советском Союзе. Пьянящая атмосфера 9 ноября 1989 года не могла не коснуться и Меркель, она тоже в толпе восточногерманских немцев оказалась в Западном Берлине, но домой вернулась вовремя, что заставило биографа отметить, что «ёе никогда не заносило. Она всегда придерживалась своего расписания» (с.60).

Основная часть биографии посвящена тому, как Ангела становится Меркель, а затем «европейской королевой», той, которая, по словам Хиллари Клинтон, «несет Европу на своих плечах» (с.195). Проследившая путь физика из ГДР, ставшего сначала самым молодым министром в правительстве Гельмута Коля (которая может расплакаться на заседании кабинета министров), а затем и первой женщиной в кресле канцлера, М. Квортруп не старается сгладить углы при описании «предательства» и «подножек», на которые Меркель приходится идти, расчищая себе место на политическом Олимпе, следуя своему кредо: «только тот, кто выиг-

рывает, не следует правилам игры» (с.92).

Она больше не плачет, становится жёстче и может, не выказывая публично эмоций, отомстить тем, кто её оскорбил. Как, по мнению автора, получилось с Берлускони, который в частном телефонном разговоре в конце лета 2011 г. нелестным образом отозвался о своей германской коллеге и назвал её «нетраханной задницей» (с.165).

Российского читателя в рецензируемой биографии заинтересует, как трактует автор взаимоотношения немецкого канцлера с американской и российской стороной. С американской точки зрения Меркель представляла собой почти идеальный образец того, каким должен быть глава правительства союзной страны. Слишком уж часто европейские политики, от Шарля де Голля в 1960-е гг. до Герхарда Шрёдера и Жака Ширака в начале 2000-х гг., проявляли двусмысленное отношение к своему крупнейшему военному союзнику. Заявляя официально о приверженности принципам свободы, свободного предпринимательства и военного союза, эти самые политики почти никогда не упускали возможности использовать антиамериканские настроения (*Yankee go home*), преобладающие в некоторых странах, в собственных политических целях. Но только не Меркель, которая заявляла, что «мы, немцы, знаем, сколь многим мы обязаны вам, нашим американским друзьям, и мы — я лично — никогда, никогда этого не забудем». По мнению автора, не случайно употребляя местоимение первого лица (с.162).

Как считают авторы недавно вышедшей книги «Германия и Россия. Что же дальше?» Кристиана Реймани и Вольфганг Герке, безусловно строгим табу для немецких лидеров является также и НАТО. «Тех, кто сомневается в этом, правящий класс лишает атрибутов власти, поэтому перед вступлением в должность Йозеф Фишер, Герхард Шрёдер и Ангела Меркель обязательно представлялись в Вашингтоне с заверениями, что они будут твёрдо стоять на стороне трансатлантического альянса» (Реймани, Герке 2021: 58).

Сюжетная линия взаимоотношений с Владимиром Путиным начинается как сцена из романа. «Она ехала по Элизабет-стрит в центре Брисбена на черном BMW. В 20:01 она припарковала машину. В 20:02 вошла в отель “Хилтон” и направилась прямо в его номер.... Что происходило за закрытыми дверями в течение шести часов, можно только гадать, но она вышла из номера в два часа утра. Это не было романтическим свиданием двух людей почтенного возраста в тропическом городе. Надо сказать, Владимиру Путину и Ангеле Меркель никогда не удавалось найти между собой общий язык. Да и как могло быть иначе? Ему принадлежало громкое заявление о том, что распад Советского Союза был “крупнейшей геополитической катастрофой двадцатого века”, а она была антикоммунисткой, выросшей при сталинской диктатуре.

В этот вечер они были одни. Советник Путина по безопасности Юрий Ушаков и главный советник Меркель по внешней политике Кристоф Хойсен на встрече не присутствовали. Не

было ни вездесущих переводчиков, ни стенографистов. Только Путин и Меркель вдвоем в номере австралийского отеля. Но прорыва не произошло. Ситуация осталась ровно такой, какой была с конца февраля 2014 г., когда Путин отреагировал на украинскую революцию» (с.171–172).

По мнению автора, советник канцлера по внешней политике и безопасности Кристоф Хойген, не испытывая симпатий к В. Путину, тем не менее был весьма впечатлен тем, насколько гладко прошла операция по присоединению Крыма к России. Что касается отношения к украинским событиям самой Меркель, то здесь автор обращает внимание на тот факт, что она лучше других понимает русских и их страхи. Дело в том, что накануне объединения Германии, Лотар де Мезьер поручил ей пообщаться с простыми русскими людьми, чтобы прощупать их взгляды на предмет их отношения к воссоединению Германии. Выполнив это поручение со свойственной ей ответственностью, Меркель поняла, что у русских людей имеется глубоко вьевшийся страх перед ползучим вторжением Запада... Обоснованно или нет, но страх перед тем, что история может повториться и что за Наполеоном и Гитлером последуют новые армии Запада, глубоко врезан в русскую душу. Автор считает, что в отличие от других лидеров Запада, Меркель могла здраво оценить позицию Путина — хотя, само собой, и не разделяла его оценок (с.174). Поэтому она в 2008 году на апрельском саммите НАТО в Бухаресте, по существу, заблокировала продвигавшийся американцами план дей-

ствий по членству в НАТО Грузии и Украины. Президент Грузии был слишком непредсказуем и опасен, чтобы Меркель могла ему доверять, а Украина была, по ее убеждению, слишком непостоянна и переменчива, чтобы прикрывать ее статьей 5 Устава НАТО: «что вооруженное нападение на одну или несколько из них в Европе или Северной Америке будет считаться нападением на всех». Она, как и ее советники, сознавала также, что русских остро тревожит постепенное наступление Запада. Со стороны НАТО принять в свои ряды эти две бывшие советские республики означало бы сыграть на руку страхам перед угрозой с Запада, которая была постоянной темой внешней политики России (с.174).

В 2014 г., когда западные державы ломали руки по поводу кризиса на Украине, французский философ Бернар-Анри Леви написал статью для французского журнала, в которой заключил, что, в конце концов, все будет хорошо, потому что у Европы есть «великая женщина по имени Ангела Меркель» (с. 201).

Рецензируемая биография — это продукт середины второго десятилетия XXI века. Российско-украинскому конфликту в ней посвящено достаточно места, но ещё большей проблемой для «самого влиятельного политика Европы», самым критикуемым в тот момент её решением был европейский миграционный кризис. Главный вопрос, которым задаётся автор — почему такой прагматичный политик как Ангела Меркель, несмотря на то, что теряет сторонников и рейтинг, под свою ответственность открыла шлюзы для

многотысячного потока беженцев из Ближнего Востока в Германию? И отвечает, что именно тогда, когда правая германская пресса призывала канцлера к действиям, другие страны закрывали границы, а телеэкраны были полны сюжетов, в которых полиция избивала отчаявшиеся семьи, пытавшиеся проникнуть в южноевропейские страны, а потом и глубже, в Венгрию, в наибольшей мере проявилось христианское мировоззрение немецкого канцлера, сформированное лютеранской верой её родителей. Меркель заново открыла для себя, почему так важна политика, почему необходимо отдавать всего себя великим делам. И неважно, уцелеет ли при этом она сама; ее действия «имели смысл». Именно это хотела она сказать, когда обратилась к своей партии в самый разгар миграционного кризиса в декабре 2015 г. «Она говорила ясно и откровенно; говорила, что ее партия “находит опору в христианстве; в Богом данном достоинстве каждой личности. Это значит, что приезжают к нам не массы, а отдельные личности. Ибо каждое

человеческое существо обладает достоинством, данным ему Господом”. После ее речи делегаты девять минут аплодировали стоя» (с.191).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дудина 2022 — Дудина Г. «Хорошо, когда политики уходят на пенсию». Интервью с Мэтью Квортрупом, автором биографии «Ангела Меркель. Самый влиятельный политик Европы»/ Коммерсантъ. 09.02.2022.

Рейманн, Герке 2021 — Рейманн Кристиана, Вольфганг Герке Германия и Россия что же дальше? Выход из германо-российского кризиса. — М.: Издательство «Наше завтра», 2021. — 206 с.

REFERENCES

Dudina G. «Horosho, kogda politiki uho-dyat na pensiyu». Intervyu s Metyu Kvor-trupom, avtorom biografii «Angela Mer- kel. Samyiy vliyatelnyiy politik Evropyi»/ *Kommersant*! 09.02.2022.

Reymann Kristiana, Volfgang Gerke 2021 — *Germaniya i Rossiya chto zhe dal- she? Vjihod iz germano-rossiyskogo krizisa*. M.: Izdatelstvo «Nashe zavtra», 2021. 206 s.

М. В. Батшев

«У КОГО НИЧЕГО НЕТ, ТОТ НИЧЕГО И НЕ МОЖЕТ ПОТЕРЯТЬ»

Рец.: Мемуары Вюртембергского 1788–1812; перевод с немецкого языка Ю. В. Корякова, Д. А. Сдвижкова; вступительная статья и комментарии Д. А. Сдвижкова. М. : Кучково поле Музеон, 2021. — 272 с.

Рецензируемая книга представляет собой издание на русском языке первой части воспоминаний герцога Евгения Вюртембергского, двоюродного брата императоров Александра I и Николая I и боевого генерала русской армии, активного участника Наполеоновских войн. Автор описывает не только ход боевых действий в 1806–1812 гг., но и свои отношения с российским императорским двором, его отдельными представителями.

Ключевые слова: Евгений Вюртембергский, наполеоновские войны, русская армия, русский императорский двор, Александр I, русская военная мемуаристика времен войны 1812 г.

Сведения об авторе: Батшев Максим Владимирович, научный сотрудник Российскойского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

Контактная информация: bmv@list.ru

M. V. Batshev

“HE WHO HAS NOTHING, HE HAS ALSO NOTHING TO LOSE”

Rev.: Memuary Württembergskogo, 1788–1812, perevod s nemetskogo Y. V. Koriakov, D. A. Sdvizhkov, vstupil'naya statya i kommentarii D. A. Sdvizhkov. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2021, 272 p.

The book which is reviewed is a complete edition in Russian of the first part of the memoirs of Duke Eugene of Württemberg, cousin of Emperors Alexander I

and Nicholas I, general of the Russian army, an active participant in the Napoleonic Wars. The author describes not only the course of hostilities in 1806–1812, but also his relations with the Russian Imperial Court and some of its members.

Keywords: Eugene of Württemberg, Napoleonic Wars, Russian army, Russian imperial court, Alexander I, Russian military memoirs of the war of 1812.

About the author: Batshev Maxim V., researcher of the D. S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow).

Contact information: bmv@list.ru

Автор одного из самых основных и не потерявшего своего значения до настоящего времени исследования о мемуаристике эпохи Отечественной войны 1812 года А. Г. Тартаковский зафиксировал одну особенность в создании военных авторских нарративов той эпохи — незначительное количество текстов о войне, написанных непосредственно генералами, командовавшими тогда большими воинскими соединениями. Русским генералам того времени не надо было этого делать. Для описания хода военных действий и прославления подвигов отдельных военачальников существовала походная типография при штабе командующего под начальством А. С. Кайсарова и целая группа офицеров-литераторов, служивших в качестве адъютантов у высшего генералитета.

У одного из генералов — принца Евгения Вюртембергского таких адъютантов не было, но после выхода в отставку в 1829 г. было много свободного времени, которое он посвящал занятиям музыкой, которую любил с детства, и созданию многочисленных текстов мемуарного характера. Эти его произведения охотно издавали немецкие издатели XIX в. и на них обратили внимание в России сразу после их выхода. Первые фрагменты из мемуаров Евгения появля-

ются в русском переводе еще при его жизни, в 1847 году.

Общий объём документального наследия Евгения Вюртембергского довольно значителен. Точно перечислить все неопубликованные произведения автора не представляется возможным. Одной из причин этого является гибель во время Второй мировой войны семейного архива Вюртембергских, располагавшегося в силезском Карлсруэ (нынешнем Покое в Польше). Как пишет автор вступительной статьи Д. Сдвижков, «часть архива ещё в конце XIX века была перевезена в Гессен, откуда в 2006 году попала в Штутгартский земельный архив — в их числе фрагменты дневника Евгения» (С. 7.).

Рецензируемая книга является впервые опубликованным на русском языке книжным изданием мемуаров герцога Евгения Вюртембергского. Первая часть выпущенных издательством «Кучково поле Музеон» его мемуаров состоит из четырёх глав.

Из большого автодокументального наследия герцога данное сочинение охватывает период 1806–1811 годов, связанный с войнами, непосредственным участником либо наблюдателем которых был автор. Подробности его мирной жизни в Санкт-Петербурге и непростые взаимоотношения

придворных при дворе российского императора после Тильзитского мира, свидетелем которых он был, представлены в тексте довольно скупо. Они доверены автором другому произведению мемуарного жанра, названному им «своими секретными сочинениями» (с.169). В отличие от некоторых других мемуаристов Евгений не игнорирует свой относящийся к рассматриваемому периоду дневник, который лёг в основу его мемуаров. Дневник поначалу имел характер юношеских записей, которые с возрастом перестали его устраивать. Работая над мемуарами, он не любил о нём вспоминать, а только обращался к нему, чтобы лучше ориентироваться в текущих событиях. К созданию своего мемуарного нарратива, особенно когда речь шла об описании военных действий, автор подходит, как профессиональный историк, учитывая при написании своего текста взгляд на сражения со стороны не только России и Пруссии, но и Франции. Правда, делает примечание, «поскольку французские источники этого не подтверждают, а данные противоположной стороны могут вызывать сомнения, суждения об истинности этого предмета лучше отложить» (С.155).

В первой главе читатель встречает большое количество разнообразных подробностей о жизни Прусского и Вюртембергского дворов в первые годы XIX века (1801–1806). Здесь интересен взгляд мемуариста на своего отца, родного брата императрицы Марии Фёдоровны, жены Павла I и матери Александра I и Николая I: «С 1777 года он состоял на прусской службе. Фридрих II его очень отличал, а тот был необыкновенно предан [прусскому королевскому дому].

Отец был не просто верным слугой, но и восторженным прусским патриотом. Так он, родившийся в Померании, себя и называл. Я не скажу, что он поэтому не видел в себе немца и не был привязан одновременно к Священной Римской Империи. Он всё же был шурином императора Франца, а ранее особенным любимцем у императора Иосифа II. У него была хорошая репутация в Вюртемберге и многих других немецких землях. И всё же, несмотря на замечательные сердечные качества и свой пылкий ум, отец полностью сохранил в себе странности, процветавшие при берлинском дворе в последней части XVIII века» (С.80).

Вторую главу автор начинает с подробного рассказа об истории кампании в Восточной Пруссии в 1807 году. Затем он обращается к повествованию о своих личных обстоятельствах и происшествиях, уделяя большое внимание людям, с которыми его сталкивала судьба. Прибыв в подчинение генерала Бенигсена, он рисует читателю его портрет: «Это был очень импонирующий своим достоинством и приличиями, но в то же время приветливый, сухощавый высокий человек с сединой. Как не ускользнуло от меня впоследствии, он считался честолюбивым и немножко заносчивым, не чуждым интриг, однако добродушие главенствовало в его характере» (С.124). В дальнейшем автор мемуаров не слишком убедительно пытается опровергнуть доходившие до него обвинения Бенигсена в участии в убийстве императора Павла.

Во второй главе герцогом уделяется много внимания не только ходу

кампании в Польше и Восточной Пруссии, но и характеру командующего русской армии фельдмаршала М.Ф. Каменского. Описывая его поступки, автор мемуаров не старается их приукрасить, приводит в качестве примера его панические приказы войскам об отступлении, которые далеко не всегда соответствовали реальной оперативной обстановке. Автор соглашается с ходившим среди офицеров русской армии в том походе мнением о сумасшествии фельдмаршала, но при этом старается дать читателю разносторонний портрет этого военачальника, каким он его запомнил: «Его манера речи казалась буффонской, приличествующей скорее конюху, нежели фельдмаршалу, но из-за одного этого невозможно было назвать ее совсем бессвязной. Отсюда нельзя было ещё заключить о повреждении ума, но поражало, что до того граф имел репутацию человека высокообразованного» (С.131). Столкнувшись вновь, во время русско-турецкой войны 1805–1812 годов уже с другим представителем того же семейства, генералом Николаем Михайловичем Каменским, герцог Евгений позволяет себе довольно сильную характеристику всему роду: «Предназначение Каменских для России действительно представлялось в чём-то схожим с Геростратом» (С.209).

В третьей главе читатель познакомится с интересными подробностями об отношении к Евгению и к его семье императора Наполеона. Так, автор утверждает, что его сестра вошла в список принцесс европейских дворов, к которым планировал свататься император французов после развода с Жозефиной. Здесь же, как представляется, не без некоторого

удовольствия он рассказывает историю своих собственных взаимоотношений с Бонапартом: «Во всём его отношении ко мне была некая деликатность, которую я никак не заслуживал и которая почти утверждала меня в мысли о тактике, руководившейся какими-то особыми намерениями» (С.171).

Весьма подробно в книге показана роль императрицы-матери Марии Фёдоровны в карьерных успехах её племянника, в 24 года получившего в 1812 г. генеральский чин. В любых обидах, нанесённых ему, она усматривала оскорбления, нанесённые ей.

После поражения Пруссии в войне с Наполеоном многие пруссаки переводятся на русскую службу. Некоторые оказываются в Риге под начальством Евгения Вюртембергского, который в 1810 году командовал там бригадой. Далеко не все из его новых подчинённых пользовались симпатией своего командира: «Находился рекомендованный мне с прусской службы молодой человек, который числясь в Таврическом полку, должен был одновременно управлять моим домашним хозяйством, но который обманывал меня, а затем проворачивал настолько оригинальные авантюры, что они заслуживали бы остаться в истории в этом отрицательном смысле» (С.189). Рассказывая о своей жизни в Риге, он пересказывает услышанную им от Бенигсена версию смерти императора Павла, а также приводит его совет по поводу отношений с императором Александром (двоюродным братом Евгения): «Большая благосклонность, проявляемая ко мне моей тётёй, в критические времена может легко возбудить

недоверие императора. И что для меня предпочтительнее поэтому совершенно искренне примкнуть к самому монарху, чем пытаться добиться чего-либо через его мать» (С.206).

Будучи наблюдательным человеком и внимательным собеседником, Вюртембергский описывает произошедшую на его глазах эволюцию правителя России: «Свидание в Тильзите с человеком, который мог воздевать скипетр не только как внушающий благоговение символ величества, но и как дубинку, повлекло за собой заметные перемены в характере Александра. Следы этого прослеживались в реорганизации русской армии, а в системе управления с той поры ключевой фигурой представал скорее политик, чем прежний верный рыцарь. Отсюда же общественное мнение видимым образом вступило в противоречие с волей царя» (С.221). В дальнейшем мемуарист старается представить читателям своё видение личности императора Александра. И среди прочего здесь встречается такое интересное наблюдение: «По своим определённым соображениям он весьма благоволил любовным аферам, ибо ему представлялось, что люди вольных нравов не занимаются политикой» (С.230).

Рассказывая о событиях, предшествующих Отечественной войне 1812 года, автор характеризует знаменитых русских генералов того времени, в первую очередь пишет о Барклае-де-Толли. О нём он отзываясь с большой симпатией: «Что же касается последующих несомненных за-

слуг Барклая перед Российской империей в 1812 году, я бы побрезговал иметь любые отношения с тем, кто их не признаёт» (С.226).

Интересны имеющиеся в мемуарах умолчания. На нескольких страницах текста он намекает читателю на существовавшие у его тётки планы женить племянника, но не называет имени своей потенциальной невесты. Завершается этот полный недомолвок фрагмент следующим пассажем: «Какие частью комичные, частью и в основном — неприятные и чувствительные казусы имела для меня следствием эта афера, оставляю на волю пера, у которого романтический интерес преобладает над историческим» (С.228).

В четвёртой главе автор много внимания уделяет своим взаимоотношениям с представителями различных партий при прусском дворе. Евгений Вюртембергский выступает здесь как хранитель традиций Пруссии XVIII века и противник современных ему реформаторов. О них он пишет так: «Со своими ещё незрелыми и непродуманными теориями они были не в состоянии предложить что-то определённо лучшее вместо существовавшего ранее» (С.217).

Заканчивается изданная часть мемуаров рассказом Вюртембергского о первом этапе Отечественной войны 1812 года, до битвы под Смоленском.

Будем ждать выхода второй части этих интереснейших мемуаров.

А. С. Стыкалин

ИТОГОВАЯ РАБОТА В. Я. ГРОСУЛА ПО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БЕССАРАБИИ

Рец.: Гросул В. Я. Бессарабия в международных отношениях Нового времени. Кишинев, 2018. 476 с.

Географическое положение Бессарабии неизменно делало ее объектом внешнеполитических устремлений разных стран. Работа известного историка В. Я. Гросула посвящена месту этого края в системе международных отношений в Новое время вплоть до включения его в состав Румынии в 1918 г. **Ключевые слова:** Междуречье Днестра и Прута, Молдавия, Османская империя, Российская империя, русско-турецкие войны, Бессарабская губерния, Румыния, международные отношения в Юго-Восточной Европе.

Сведения об авторе: Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
Контактная информация: zhurslav@gmail.com

A. S. Stykalin

THE FINAL WORK OF V. YA. GROSUL ON THE FOREIGN POLICY OF BESSARABIA

Rev. Grosul V. Ya. Bessarabiya v mezhdunarodnyih otnosheniyah Novogo vremeni. Kishinev, 2018. 476 s.

The geographical position of Bessarabia invariably made it an object of foreign policy aspirations of various countries. The work of the significant historian V. Ya. Grosul concentrates on the place of this region in the system of international relations up to its incorporation into Romania in 1918.

Keywords: Interfluve of the Dniester and Prut, Moldova, Ottoman Empire, Russian Empire, Russian-Turkish wars, Bessarabia province, Romania, international relations in South-Eastern Europe

About the author: Stykalin Alexandr, Cand.in History, Coordinating researcher, Institute of Slavic Studies, RAS

Contact information: zhurslav@gmail.com

Предмет рецензируемой книги, последней прижизненно опубликованной монографии известного российского и молдавского историка Владислава Якимовича Гросула (1939–2022), — внешнеполитическая история Пруто-Днестровского междуречья, края, который в силу своего пограничного положения в сфере влияния разных государств (и в том числе крупных империй — Российской и Османской) на протяжении всей своей не только новой, но и новейшей истории был напрямую втянут в систему международных отношений. Этому способствовали и сугубо географические факторы — близость как к Черному морю, так и к важнейшей речной магистрали Центральной и Юго-Восточной Европы — Дунаю. Вопрос о судьбах Бессарабии — такое название прочно закрепилось за всем Пруто-Днестровским междуречьем только с его вхождением в 1812 г. в состав Российской империи — неоднократно входил в повестку дня международных конгрессов, становился предметом международных договоров. Этот край не раз служил своего рода «картой» в игре между крупными державами, отстаивавшими свои интересы как в Дунайско-Карпатском регионе, так и на Балканах. Внешний фактор накладывал свой отпечаток и на проявления внутренней жизни в регионе, на его экономическое развитие.

Как явствует из предисловия, замысел книги возник у Владислава Якимовича еще в 1970-е годы при работе над проектом «Формирование границ России с Турцией и Ираном. XVIII — начало XX вв.». Но в полной мере реализован он был автором позже, в 2010-е годы, на новом багаже,

с привлечением большого материала из архивов Москвы, Петербурга, Кишинева, Бухареста и с учетом историографии последних десятилетий.

В древности земли Пруто-Днестровского междуречья относились к территории проживания даков, сформировавших собственную государственность, достигшую наивысшего расцвета при полководце Дечебале, современнике римского императора Траяна. Позже через эти земли проходило «великое переселение» народов. В.Я. Гросул не мог обойти стороной вопроса об этногенезе молдаван, активно дискутируемого в научной литературе. Ему кажется более убедительной версия тех историков, согласно которым предки современных молдаван пришли в юго-восточные предгорья Карпат и стали оседать дальше, в Междуречье, переселившись с Запада, с территорий, которые ныне занимает край Марамуреш, чему предшествовали миграции румыноязычного населения с юга, из-за Дуная. Комментируя господствующие в румынской науке представления о континуитете (беспрерывном проживании со времен Римской империи) проторумынского населения на землях сегодняшней Румынии, автор соглашается с тем, что к северу от Дуная романизованное население не могло не присутствовать, но оно едва ли было сколько-нибудь значительным, иначе его присутствие было бы зафиксировано более широким кругом раннесредневековых источников (*Гросул* 2018: 275–276).

В систему международных отношений Причерноморья и Восточной Европы Пруто-Днестровское Ме-

ждуречье вошло в Средние века, когда за доминирование в районах Нижнего Подунавья вели борьбу разные силы, включая Польшу (а затем польско-литовское государство, Речь Посполитая), Венгрию и Венецию. Молдавское княжество, образованное в 1350-е годы и включившее в себя земли будущей Бессарабии, как известно, достигло вершин своего могущества во второй половине XV в., при государе Стефане Великом, но в дальнейшем, столкнувшись с османским давлением, оно начинает терять одну территорию за другой. Еще при жизни Стефана, в 1484 г. османы захватили крепость Белгород в устье Днестра и ключевой придунайский торговый город Килию, создав первые в регионе райя — территории, непосредственно подчиненные турецким султанам. В 1538 г., после первого свержения молдавского государя Петра Рареша, турки оторгли более северные земли правобережья Днестра, построив крупную крепость в Бендерах, сохранившуюся (как и крепость в Белгороде-Днестровском) по сегодняшний день. Территории южнее Бендер были переданы осколку Золотой Орды и вассалу Крымского ханства, буджакскому Ногайскому ханству, которое контролировало их почти 300 лет с некоторыми перерывами, оставаясь источником постоянных угроз для соседей. В конце XVI в. османы превратили в райя земли, где была построена мощная крепость Измаил, а несколько позже местность в устье Прута при его впадении в Дунай, где сегодня находится г. Рени. Тем самым Молдавское княжество было фактически оторвано от Черного моря и утратило прямой контроль над выходом к Дунаю,

под непосредственным управлением осман оставались вплоть до начала XIX в. наиболее населенные и экономически значимые города региона — Килия и Аккерман. Причем территориальные потери княжества на этом не закончились.

С образованием райя этнический состав населения в регионе менялся в пользу мусульман, в том числе за счет больших гарнизонов в крепостях. Ссылаясь на первые переписи, проводившиеся русской военной администрацией на оккупированных землях во время русско-турецких войн, В.Я. Гросул пытается доказать, что с учетом населения крепостей в XVIII в. мусульмане в междуречье Днестра и Прута преобладали над христианами. При этом следует иметь в виду, что на бессарабских землях Молдавского княжества плотность населения была значительно ниже, чем в Запрутской Молдове, в междуречье Прута и Днестра проживало примерно около 20% населения княжества. С другой стороны, те же переписи фиксируют неуклонный рост народонаселения в регионе — и это несмотря на разорительный характер русско-турецких войн, сопровождавшихся масштабными миграциями, и на продолжавшиеся вплоть до начала XIX в. разрушительные набеги буджакских ногайцев, угонявших часть населения в рабство.

Русское государство, как известно, уже при Петре Великом активизирует свою политику на днестровско-прутском направлении. В.Я. Гросул отмечает, что Прутский поход 1711 г., по замыслу Петра, был призван сыграть свою роль в объединении сил

православных народов в противостоянии османам. Автор напоминает о существовавших планах освобождения Молдавского княжества из-под османского сюзеренитета и присоединения его к России на правах широкой автономии. Завершившись поражением русских войск, Прутский поход вместе с тем был воспринят османами как серьезный вызов своим позициям в регионе, в целях укрепления которых они отторгают от княжества территории на севере Междуречья, где создается Хотинская райя, а после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. княжество теряет и Буковину, оккупированную войском Габсбургов (пытавшихся воспрепятствовать дальнейшей российской экспансии в юго-западном направлении), а затем интегрированную в состав владений венского двора. В итоге к 70-м годам XVIII в. Молдавское княжество включало в себя менее половины Пруто-Днестровского междуречья, а на остальной территории находились 4 райи (Хотинская, Бендерская, Аккерманская и Измаильская) и земли буджакских ногайцев. Центральная власть в Стамбуле не обладала эффективными рычагами для того, чтобы сдерживать самоуправство местных пашей, управлявших придунайскими и приднестровскими райями — они обладали немалой самостоятельностью.

Пророссийские настроения в Молдавии XVIII в., отмечает В. Я. Гросул, проявились не только у определенной части элиты, показательны и вступление молдаван во время войн в отряды добровольцев, которые сражались на стороне русской

армии. Автор приводит документы, свидетельствующие о наличии в среде молдавского боярства и высшего духовенства сильной прорусской партии, рассчитывавшей на российское покровительство перед лицом разорительных злоупотреблений греков-фанариотов, поставленных Стамбулом во главе вассальных Дунайских княжеств (неоднократные депутации — особенно в периоды русско-турецких войн — в Петербург с просьбами о принятии Молдавии под российскую протекцию). Фанариотская система власти, создававшая механизмы для выкачивания из вассальных княжеств огромной части национального богатства, поскольку фанариотам приходилось компенсировать собственные расходы, связанные с приобретением господарского трона или «хлебного» места при дворе, не была эффективна для экономики, что только усиливало влияние пророссийских сил. Автор, впрочем, признает недовольство населения злоупотреблениями не только фанариотов, но русских военных администраций (*Гросул 2018: 303*), а в более широком плане — крайне разорительный для экономики характер частых русско-турецких войн, учитывая не только постоянную оккупационных войск, но и отвлекавшее от сельхозработ привлечение обеими воюющими сторонами местного населения на строительство и укрепление фортификационных сооружений.

Большое внимание в работе уделено предпосылкам новой русско-турецкой войны 1806–1812 гг., совпавшей по времени с наполеоновскими войнами. В этот период Бессарабия, по расхожему определению, бытующей

щему в румынской и современной молдавской историографии, становится «разменной монетой» в геополитических играх великих держав, стремившихся к ослаблению влияния Османской империи, при этом трудно оспорить тот факт, что наиболее наступательную политику проводила наполеоновская Франция.

Говоря о стремлении Российской империи в этот период к новым территориальным приращениям в юго-западном направлении за счет земель Османской империи, следует заметить, что позиция Санкт-Петербурга претерпевала колебания с изменением расклада сил на европейской арене, причем проекты, нашедшие отражение на бумаге, корректировались с учетом реальной политики. Автор ссылается на министра внутренних дел В. П. Кочубея, заметившего в 1802 г., что «Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении», тем более что «нет соседей покойнее турков и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно впредь быть коренным правилом нашей политики». В другой его записке речь шла о том, что турки (как и шведы), будучи «нашими природными неприятелями», «по своей слабости не могли нам быть опасны», поэтому Россия заинтересована оставить их «в нынешнем положении», а в случае раздела Османской империи ей надлежало наблюдать за тем, чтобы «Молдавия и Валахия не достались Австрии, а составили единое государство». В случае невыгодного для Российской империи нарушения равновесия она не могла, однако, оставаться в бездействии: «Если бы Франция или Австрия задумали усилиться за

счет Турции, то и нам не следовало бы оставаться сложа руки» (Гросул 2018: 32–33).

Комментируя записки первого российского министра внутренних дел, возглавившего ведомство в момент его основания, В. Я. Гросул замечает, что в начале XIX в. «Турция, действительно, не представляла для России сколько-нибудь значительной угрозы» (Гросул 2018: 33). Однако в свете вышесказанного о том, что у Российской империи не было «нужды в расширении» за счет османских владений, и бытующей также в историографии версии о том, что она выступала защитником интересов Молдавского княжества перед лицом османских требований, направленных на превращение всё новых её территорий в турецкие райя, возникает резонный вопрос о мотивах, ввергнувших Россию в очередную и при том весьма длительную, растянувшуюся на целых 6 лет русско-турецкую войну. Как эта взятая Россией на себя миссия защитницы православных сочетается с последующим расчленением княжества и включением всего междуречья в состав своей империи? Не послужила ли забота о судьбах православных (иногда публично декларирувавшаяся) только ширмой, за которой скрывалось экспансионистское стремление не отстать от других держав в борьбе за доминанцию в регионе?

Отмечая наметившуюся чуть ранее, на рубеже веков, тенденцию к достижению договоренностей России с османами, вылившуюся в целый ряд конкретных соглашений (в том числе в интересах стабилизации положения в Дунайских княжествах),

автор, опираясь на документы, показывает роль французского фактора в новом обострении отношений двух держав.

Экспансия Наполеона на Адриатике, захват его войском Истрии и Далмации были знаком усиления французского влияния в Юго-Восточной Европе, что проявилось и в попытках вовлечения Турции в антироссийские внешнеполитические комбинации, что угрожало нарушением статус-кво, установленного по итогам предшествующих русско-турецких войн (первым свидетельством нарушения прежних соглашений послужило несогласованное с Россией смещение господарей Дунайских княжеств). В Петербурге обращали внимание на военные приготовления турецкой стороны (укрепление крепостей в Хотине и Бендерах, увеличение воинских контингентов в них). В сложившихся условиях Россия встала на путь дипломатического давления: Александр I в своей депеше послу в Стамбуле А. Я. Италинскому (февраль 1806 г.) потребовал получить от Порты объяснения, заявив, что в противном случае русские войска немедленно будут введены в Молдавию (*Гросул* 2018: 42). Османы заверяли, что военные приготовления не направлены против России, имея целью воспрепятствовать расширению сербского восстания и принять меры предосторожности на случай вторжения французов. С российской стороны звучали требования призвать к порядку слишком самостоятельного видинского пашу, блокировав его возможное вторжение в Валахию, чей господарь К. Ипсиланти в сложившейся ситуации обращался за помощью к Петербургу. Коман-

дированный в Дунайские княжества дипломат К. Родофиникин в записке сентября 1806 г. предлагал осуществить превентивную военную акцию: русские войска должны перейти Днестр — «не для завоевания, но для отклонения Порты от пагубного союза с Францией и дабы принудить ее к выполнению существующих постановлений». При этом и он не заводил речи о каких-либо территориальных приобретениях, пока «дела с Францией не примут желаемого оборота», напротив, он предлагал заключить мир с Турцией, если она проявит готовность (*Гросул* 2018: 45). Приводимые автором документы показывают стремление осман уладить конфликты мирным путем за столом переговоров, не забывая в то же время (как, впрочем, и Россия) и о военных приготовлениях.

В дальнейшем обострении сыграл свою роль запрет Османской империей русским военным судам проходить через черноморские проливы, что было воспринято не просто как стремление усилить собственные стратегические позиции, а как курс на разрыв с Россией в угоду не только Франции, но и Англии, чей флот доминировал в Средиземноморье. В октябре 1806 г. русские войска без объявления войны перешли Днестр. Если ранее Россия вмешивалась во внутренние дела румынских княжеств лишь по согласованию с турками, то теперь она открыто пошла на удаление от власти профранцузски настроенных сановников. Порта, не заинтересованная в войне с Россией, официально объявила ее только в конце декабря. Целью военной кампании с российской стороны изначально было объявлено добиться

от турок строгого соблюдения соглашений, возвращения Молдавскому княжеству некоторых отнятых у него и переданных османским райя земель. В депеше российского МИДа армейскому командованию давались разъяснения о том, что «княжества сии заняты мы временно, не в том намерении, чтоб присоединить оные к России и не с тем, чтоб отторгнуть их от Порты, но чтоб восстановить их права и доселе существовавший порядок, признавая их, как и прежде, в подданстве Порты» (Гросул 2018: 51–52). О том, что в планы России не входит нарушение целостности Оттоманской империи, было сказано и в письме министра иностранных дел А. Я. Будберга в Стамбул (Гросул 2018: 55–56).

Прорусский господарь К. Ипсиланти призывал жителей Валахии к встрече русских войск хлебом-солью. Однако не только в кругах боярства румынских княжеств, но и в столицах ряда европейских держав была проявлена обеспокоенность в связи с их вводом и продвижением. Российской дипломатии, как отмечает автор, пришлось объяснять при венском дворе, что у императора «нет ни малейшего намерения завоевывать что бы то ни было у Турции, а военная оккупация Молдавии и Валахии имеет единственной целью принудить Порту восстановить отношения, ранее существовавшие между нею и Россией в силу договоров» (Гросул 2018: 55). За принуждением осман к выполнению своих обязательств перед Россией стояло очевидное стремление не позволить усилиться иным влияниям в Стамбуле.

Боевые действия в Междуречье происходили в районе Измаила. В. Я. Гросул пишет о том, что русская армия была принята населением хорошо, так как избавляла его от турецкого господства, фанариотского режима, турецко-татарских и ногайских набегов. Признавая факты саботажа антирусских боярских группировок как реакцию на злоупотребления военной администрации, автор вместе с тем не углубляется в вопрос о том, как оккупационный режим сказался на положении крестьян, отвлекавшихся от посевных работ на фортификационное строительство, предоставлявших в больших объемах оккупационному войску продовольствие и фураж. В источниках, и прежде всего русских, в этом плане нет недостатка (Кутузов 1952)¹. По мере того, как война затягивалась, неизбежно сопутствовавшие ей разорения уже никак не могли способствовать усилению пророссийских настроений.

Поскольку война затягивалась, территориальные проблемы, как показывает В. Я. Гросул, вырисовывались всё более рельефно, а экспансионистские аппетиты Российской империи росли — разумеется, с учетом планов и интересов других игроков на международной арене. Тильзитский мир, навязав России признание всех завоеваний Наполеона и подключение к континентальной блокаде Англии, вместе с тем дал взамен согласие Франции перестать оказывать помощь Турции в войне с Россией. Уход русских войск за Днестр выглядел бы в этих условиях как бессмысленная уступка. Более того,

¹ Они активно используются и румынскими историками: (Кэзан 2013: 3–13).

территориальные приобретения за счет Турции могли бы до некоторой степени оправдать в глазах высшего русского общества непопулярный мир с наполеоновской Францией. В интересах усиления собственных позиций на переговорах с французами российская сторона не скрывала своих претензий не только на Пруто-Днестровское междуречье (это было минимумом желаний), но и на земли за Прутом. Был составлен даже план разделения приобретенных румынских княжеств на 4 губернии (*Гросул* 2018: 63), что, впрочем, не исключало предоставления им определенной автономии. Особую значимость для России приобретал контроль над устьем Дуная. Как писал уже на более позднем этапе войны Александр I командовавшему Молдавской армией генералу Н. М. Каменскому, заключить мир, довольствуясь «иною границею, нежели Дунай, я не нахожу ни нужды, ни приличия» (*Гросул* 2018: 66). Если в начале войны император занимал в вопросе о будущих границах империи достаточно сдержанную позицию, то со временем, как показывает В. Я. Гросул, она радикализируется.

В ноябре 1807 г. Александр официально донес до Наполеона свое требование о сохранении за Россией румынских княжеств. Судьба Молдавии и Валахии, как показывает автор, стала предметом настоящего торга между русской и французской дипломатией. Наполеон требовал взамен согласия на расчленение Пруссии, установления фактического контроля над черноморскими проливами, к чему в Петербурге не были готовы. Зная о притязаниях России на земли Дунайских кня-

жеств, Англия и Австрия выдвигали свои условия. В Лондоне требовали разрыва России с Францией и прежде всего ее отказа от участия в континентальной блокаде. У Вены были виды на Малую Валахию (Олteniю), уже входившую в состав габсбургских владений в 1718–1739 гг. Что касается Бессарабии, то на фоне притязаний Петербурга на запрутские земли ее вхождение в состав Российской империи воспринималось как что-то вполне предпрешенное. Франко-российская Эрфуртская конвенция 1808 г. признавала за Россией право на земли румынских княжеств. При этом Франция, как отмечает В. Я. Гросул, вела двойную игру, контактируя и со Стамбулом, заверяя его в поддержке. Французское влияние в регионе росло.

Неготовность Стамбула идти на уступки России вели к возобновлению в 1809 г. активных боевых действий. Военные победы (взятие ряда турецких крепостей) создавали основу для дальнейшей эскалации. Как явствует из приведенных В. Я. Гросулом предписаний армейских властей, а также документов российского МИДа, отражающих взаимоотношения России с Австрией и Францией, в 1810 г. в Петербурге считали программой-максимум полное овладение румынскими княжествами (*Гросул* 2018: 65). Поумерить имперские аппетиты заставляло не столько сопротивление осман, сколько позиция Вены, едва ли готовой уступить без боя Малую Валахию и вообще крайне не заинтересованной в закреплении российского присутствия в приграничных землях. Наполеон в свою очередь понимал, что его чрезмерная уступчивость России может нару-

шить баланс в отношениях Франции с Австрией. Пытаясь теснее привязать к себе венский двор, французский император обещал ему содействие в обеспечении контроля над устьем Дуная и усилении австрийских позиций в княжествах.

Между тем, международная обстановка оставалась очень сложной, требуя от всех сторон, в том числе от российской, проведения более гибкой линии. Приближение войны России с Наполеоном ускорило заключение ею мира с Османской империей. Посол в Париже А. Б. Куракин требовал «как можно скорее заключить, чего бы это нам ни стоило, мир с Портой, чтобы получить возможность сосредоточить только на Франции всё наше внимание и все усилия» (*Гросул* 2018: 67). В Петербурге всё более осознавали проблематичность осуществления программы-максимум, поскольку перед лицом казавшегося всё вероятнее нападения Наполеона пришлось перебрасывать войска из княжеств к границам Пруссии. Аппетиты пришлось померить, сведя их к стремлению овладеть Молдавским княжеством (на юго-востоке по реке Сирет). За отказ от притязаний на Валахию предполагалось потребовать от осман при подписании мирного договора определенной денежной суммы. Установка самого императора Александра была выражена в его рескрипте: «Мир, неприличный достоинства России, будет для неё более вреден, нежели полезен». При том, что проходили переговоры, не прекратились и боевые действия, выступая фактором давления российской стороны. В условиях, когда османы не были склонны идти на большие уступки, а угроза вторже-

ния Наполеона делалась всё актуальнее, медлить с заключением договора было никак нельзя. Согласно Бухарестскому миру, подписанному в середине мая 1812 г. (за полтора месяца до прихода наполеоновских войск), новая граница между владениями Российской и Османской империй прошла по реке Прут, Россия получила Пруто-Днестровское междуречье с выходом к Дунаю, т. е. была реализована только программа-минимум.

В своих работах, включая рецензируемую итоговую монографию, В. Я. Гросул полемизирует с румынско-молдавскими историками, делаящими акцент на негативных последствиях Бухарестского мира, расчленившего Молдавское княжество и обособившего бессарабских молдаван от их запрутских соплеменников, оставившего их вне тех процессов формирования единой румынской нации, которые развернулись в XIX в. (что в условиях всё более массивированной политики русификации вело к утрате национальной идентичности). По его мнению, позитивные стороны вхождения в пространство Российской империи перевешивают, ибо жители Пруто-Днестровского междуречья были на 100 лет ограждены от разорительных войн и многолетних периодов оккупаций, сдерживавших развитие экономики в крае. Присоединение к России не только создало условия для поступательного экономического роста, подъема благосостояния увеличивавшегося населения. Освободившись от османского контроля (не говоря уже о ногайских набегах), край оказался в системе более развитой цивилизации (*Гросул* 2018: 77),

тем более что, с насильственным выселением ногайцев и освобождением крепостей, в Пруто-Днестровском междуречье фактически не осталось мусульманского населения. Положительную роль сыграла и ликвидация чересполосиц, когда земли, принадлежавшие райя и ногайской орде, перемежались с владениями молдавского боярства, не составляя с ними целого в административно-правовом отношении.

Как известно, с вхождением Пруто-Днестровского междуречья в состав Российской империи краю вначале предоставляется определенная автономия с учетом местных особенностей и действием (в определенных пределах) традиционного молдавского права. При формировании системы управления новой территорией российские власти стремились превратить Бессарабию в своего рода витрину своей политики, способную показать народам Юго-Восточной Европы, оставшимся под более или менее жестким османским контролем, плоды попечительства великой православной державы. Как писал император Александр I своим чиновникам, «желая устроить участь и благоденствие сего края, основав оное на внутреннем благоустройстве и на местных обычаях и законах, повелеваю Вам обратить неусыпное попечение на прекращение злоупотреблений, отягощающих народ бессарабский, строго взыскивая за малейшее нарушение прав и преимуществ оному предоставленных» (*Гросул* 2018: 82–83). Веление государя, впрочем, нисколько не прекратило злоупотреблений и коррупции, особенно живописно и язвительно описанных в многократно издававшихся

записках Ф. Ф. Вигеля, в 1820-е годы несколько лет служившего вице-губернатором Бессарабской области — мемуарист был зачастую склонен выводить истоки негативных явлений из обычаев и нравов молдавского боярства (*Вигель* 2019).

При том, что среди молдавского боярства изначально имелась сильная прорусская группировка, а сам характер правления в крае был довольно либеральным, на настроениях местной элиты сказывалось то, что многие ее представители имели земельные владения по обе стороны Прута и возникновение границы по реке затрудняло перемещения, вносило осложнения в давно сложившийся товарообмен между разными частями некогда целостного экономического пространства, в конце концов лишало их немалых доходов. И хотя никакого «железного занавеса» в первые десятилетия не существовало, многим приходилось делать выбор, связать ли свою дальнейшую деятельность преимущественно с запрутским Молдавским княжеством или с Бессарабией, превращенной в российскую провинцию. После падения Москвы возникают слухи о возобновлении русско-турецкой войны, да и после победы над Наполеоном, на Венском конгрессе османы предпринимают попытку оспорить вхождение Бессарабии в Российскую империю. Всё это вызывало нервность в крае, способствовало переселению населения (не только бояр, но и бегству крестьян) за Прут. Правда, через несколько лет, с поражением выступления этеристов и неудачей восстания Т. Владимиреску в 1821 г., возникает и обратная миграция — в Бессарабию, поскольку

на фоне происходящего в Дунайских княжествах она казалась более спокойным краем.

В 1818 г. император непосредственно посетил Бессарабию. Краю был обещан «особый образ управления» и дарован Устав (свод законов), предполагавший среди прочего ведение делопроизводства на двух языках. В. Я. Гросул напоминает о том, что в разработке положения об административном устройстве Бессарабии участвовал И. Каподистрия, у которого за плечами был опыт преобразований на Ионических островах, а кроме того, он неплохо знал опять же по собственному опыту традиции и административное право Дунайских княжеств. Элементы прежней молдавской системы управления сохранялись прежде всего на низовом и среднем уровне. На более высоком уровне функционировал Верховный совет области, приобщавший молдавское боярство к управлению краем.

В формировании системы управления Бессарабией автор видит элементы конституционализма, проявлявшегося в ту же эпоху в российской политике в Царстве Польском, Финляндии (вошедшей в состав империи по итогам русско-шведской войны 1808–1809 гг.), а несколько позже, после русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в реформах русской военной администрации во главе с графом П. Д. Киселевым в Дунайских княжествах. Интересно, что при осуществлении административных реформ в Бессарабии ссылались на финский опыт и сама комиссия, занимавшаяся реформированием, была создана по сходному образцу (Гросул 2018: 94). Неоспорим, однако, и экспери-

ментальный характер проводимых реформ, которые легко могли быть свернуты в любой момент, когда центральная власть сочла бы это целесообразным. Лояльность жителей края, новых подданных империи была особенно важна, пока не завершились наполеоновские войны и на этом фоне сохранялась османская угроза. Военизированный характер области в этих условиях сохранялся, сосуществовали военная и гражданская администрация. Более того, как отмечает В. Я. Гросул, до завершения Венского конгресса бессарабский вопрос все еще продолжал выступать как международный и в силу задач, стоявших перед властями, бессарабские дела находились в ведении министерства иностранных, а не внутренних дел. Передача же их в ведение МВД неизбежна должна была повлечь за собой унификацию в управлении, сближение бессарабских порядков с общероссийскими нормами, что в сущности и произошло. Сторонником сужения автономии был генерал Гартинг, с 1813 г. сосредоточивший в своих руках военную и гражданскую власть, и первые урезания в этом плане произошли в 1816 г., т. е. еще до посещения императором Бессарабии. Наиболее влиятельным поборником идеи автономии был выдающийся церковный иерарх митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони). Обе партии («автономистов» и «антиавтономистов») искали поддержки в центре, причем противники автономии ссылались на произвол местных чиновников (прежде всего из молдавских бояр), их обогащения за счет налогов — при том, что центральная власть освободила от них на три года местное население. Всё это дало

основания для курса на свёртывание автономии, последовательно осуществлявшегося с 1821 г. (год смерти Гавриила) и приведшего к полному ее упразднению в 1828 г. Решительным сторонником ликвидации местных особенностей в управлении был вышеупомянутый Вигель, его поддерживал М. С. Воронцов. Став в 1823 г. одновременно новороссийским и бессарабским губернатором и сосредоточив в своих руках большую власть, он с осуждением высказывался об унаследованных от фанариотов молдавских порядках, когда «исправник, принимая цинут на откуп, делался, так сказать, привилегированным грабителем» (*Гросул* 2018: 124). В итоге было принято решение о том, что «Бессарабская область, имевшая доселе особое управление, должна войти под общее в государстве управление» (*Гросул* 2018: 126). Избранный курс объясняли тем, что местное дворянство было не подготовлено еще к ведущей роли в управлении краем (*Гросул* 2018: 121). Молдавская знать сопротивлялась, не желая сдавать позиций, но безуспешно. Коллегиальность в управлении подавляется, а единственной выборной должностью к концу 1820-х годов становится должность предводителя областного дворянства (другой вопрос, что на ней в будущем не раз оказывались люди, в частности, из семейства Крупенских, чье влияние далеко переросло местные рамки). Ограничивается сфера использования молдавского (т. е. румынского) языка. Правда, связи бессарабского дворянства с Молдавским княжеством сохранялись еще долгое время, они заметно ослабели только после 1848 г., а некоторые элементы местного права сохранялись до преобра-

зования области в губернию в 1873 г. А что касается Южной Бессарабии, вполне понятно, что принципиальные изменения в системе управления этим краем произошли с его утратой Россией в 1856 г. и последующим возвращением в 1878 г.

Отдельная глава книги посвящена миграционным процессам начала XIX в. Война 1806–1812 гг. и последующее вхождение Бессарабии в состав Российской империи повлекли за собой значительные изменения этнического состава населения края. С уходом турецких войск и ликвидацией райя мусульманское население переселяется в пределы Османской империи, буджакские ногайцы под давлением русских войск также перекочевывают в Добруджу, а оставшиеся были депортированы царскими властями в приазовские степи. В результате в крае образовалось большое количество незаселенных земель: «пустынной землей, священной для души поэта», Бессарабия предстала и А. С. Пушкину, приехавшему сюда в ноябре 1820 г. Но заселение приграничной территории носило стратегический характер на случай новых войн с Турцией. Так Бессарабская область становится активно колонизируемой землей, где не только расширяют свои угодья молдавские бояре и получают земельные наделы офицеры русской армии. Сюда при поддержке российских властей устремляются в массовом порядке православные болгары и гагаузы из Добруджи и с других контролируемых османами территорий, получившие статус государственных крестьян. Переселяются (часто с землей, разоренных в ходе наполеоновских войн) и немецкие колонисты,

которые у российской администрации «испрашивали особого управления, чтобы не быть в подчинении своекорыстных местных исправников» (Гросул 2018: 103). Им был предоставлен в 1814 г. особый статус, их делами занимались правительственные комиссары, с 1818 г. попечительный комитет по делам колонистов (не только немецких) во главе с И. Н. Инзовым, особенно много сделавшим для болгар. Переселившимся немцам предоставляются определенные привилегии (в том числе освобождение от воинских повинностей, отсрочка на несколько лет от выплаты налогов, создание немецких школ, использование своего языка в местном делопроизводстве), позволявшие не только сосредоточиться на хозяйственной деятельности, но и сохранить благодаря своеобразной культурной автономии свою идентичность. Немецкие поселения были несколько изолированы от внешнего мира, еще и в силу религиозных различий, выглядели как чуждые вкрапления. «Здесь немец-колонист редко заглядывает дальше меж своего участка, который он тщательно и трудолюбиво обрабатывает; он знает только себя, да общество своей колонии, свое колониальное управление», свидетельствует современник (Гросул 2018: 155). Эта обособленность была преодолена лишь во второй половине XIX в. Была в Бессарабии и политическая иммиграция, которой также уделяется внимание в книге — речь идет о сербской элите во главе с князем Карагеоргием, после поражения первого сербского восстания поселившейся в пределах Российской империи. Вообще же, как отмечает автор, край пережил не одну волну переселений. Вторая по

времени относилась к периоду после Адрианопольского договора 1829 г. Но фонд свободных земель был уже ограничен и некоторым иммигрантам пришлось, не получив своих наделов, покинуть Бессарабию. На положении немецких колонистов сказался и переход Южной Бессарабии по итогам Парижского мирного конгресса 1856 г. под юрисдикцию Молдавского княжества (с 1859 г. объединенного румынского княжества), под которой она находилась до Берлинского конгресса 1878 г. Когда румынские власти отменили особое административное управление земель, заселенных немцами, это вызвало протесты, некоторые колонисты предпочли переселиться в пределы Российской империи, и в результате господарь А. И. Куза вынужден был дать задний ход.

В силу своего пограничного характера Бессарабия играла определенную роль в системе международных отношений и в условиях греческого восстания 1821 г. и последовавшего за ним восточного кризиса 1820-х годов. В работе приводится богатый материал, свидетельствующий о деятельности в этом крае движения этеристов с участием А. Ипсиланти, проведенного в Кишиневе четыре месяца в период подготовки восстания. Бессарабские этеристы занимались переправкой через Прут добровольцев и оружия. В феврале 1821 г. Ипсиланти обратился с письмом к Александру I, просил его вмешаться в ход событий и посодействовать изгнанию осман из Европы. Император, находившийся в Лайбахе на конгрессе Священного союза, проявил сдержанность, понимая, что Россия может оказаться в изоляции, если

будет проводить активную политику. Ипсиланти был уволен с русской службы, ему было запрещено возвращаться в Россию. Это не могло не сказаться и на действиях местных властей. Однако наместник Бессарабской области И. Н. Инзов, тайно симпатизировавший «греческому делу», хотя формально и запретил выезд греков из Бессарабии в Молдавское княжество, продолжал оказывать им негласную поддержку. Переправка людей и оружия продолжалась, а после поражения восставших бессарабские власти прилагают усилия по приему в крае многочисленных беженцев, не только участников восстания.

Как показывает В. Я. Гросул, выжидательная позиция России сохранялась до тех пор, пока Англия и Франция не попытались перехватить инициативу на Балканах (прежде всего на греческом направлении). В последние годы жизни Александр I склонялся к более активному вмешательству в балканские дела. При новом императоре Николае I в 1826 г. по требованию России была подписана Аккерманская конвенция, в соответствии с которой Порта обязалась строго соблюдать положения Бухарестского мира, гарантирующие автономию Дунайских княжеств (речь шла в том числе об избрании господарей из числа местных бояр, а не греков-фанариотов, и о невозможности сместить их без согласия России), и более того, вывести из княжеств свои войска. Именно аннулирование султаном Махмудом II этой конвенции послужило одним из поводов к русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Заверения России о том, что она не ставит своей целью

новых территориальных приращений за счет Порты встречались на Западе с недоверием, ибо хорошо всем были памятли события предыдущей войны (*Гросул* 2018: 221). В окружении императора существовали на этот счет разногласия. Если И. И. Дибич (наиболее отличившийся в той кампании полководец) настаивал на присоединении к России новых земель, Д. В. Дашков, имевший опыт дипломатической службы в Константинополе и хорошо знакомый с положением в Османской империи, писал, что России «нужны не новые приобретения, не распространения пределов, но безопасность оных и распространение ее влияния между соседними народами, а сего она удобнее достигнуть может, продлив существование Оттоманской империи на известных условиях» (*Гросул* 2018: 222). Помимо всего прочего, продолжал он, «наша умеренность зазмет рты всем нашим клеветникам» (*Гросул* 2018: 223). Иначе смотрел на права своей державы граф П. Д. Киселев, который после Адрианопольского мирного договора 1829 г. возглавит административную Дунайских княжеств и предпримет некоторые конституционные реформы, способствовавшие их европеизации (введение так называемых органических регламентов): «Россия в своем более чем вековом движении прошла от Днепра не для того, чтобы остановиться у Прута» (*Гросул* 2018: 226). Основной целью России в войне было установление полного контроля над устьем Дуная и этот контроль по Адрианопольскому миру был получен. Кроме того, итогом войны стал протекторат Российской империи над румынскими княжествами, явившийся знаком

дальнейшего усиления позиций России в регионе и воспринятый на Западе как вызов. В.Я. Гросул касается в этой связи настроений румынского боярства, внутри которого наряду с другими присутствовала и пророссийская партия. По ее представлениям, неудержимое стремление России к тому, чтобы взять под контроль Константинополь и проливы не оставляло шансов для самостоятельных румынских государств и в этой ситуации предпочтительнее было добровольно добиться вхождения в империю на правах Финляндии (Гросул 2018: 226).

Не обходится в работе стороной и ситуация в 1848–1849 гг., когда в условиях бурных событий в соседней Габсбургской империи (особенно венгерской революции) Николай I решился после колебаний на ввод войск в Дунайские княжества на правах покровительствующей державы. Эта мера, указывал министр иностранных дел К.В. Нессельроде, была вызвана необходимостью обезопасить смежные с княжествами области «от непосредственного соприкосновения с мятежом» (Гросул 2018: 230). Хотя ввод войск и был с настороженностью воспринят в европейских столицах, британский министр иностранных дел лорд Пальмерстон в беседе с русским послом Ф.И. Брунновым был вынужден в конце концов признать умеренность российских притязаний (Гросул 2018: 321). О расширении территориальных владений речи не было, цели преследовались сугубо охранительские. Отношения с Османской империей (сюзереном румынских княжеств) были урегулированы Балто-Лиманской кон-

венцией 1851 г. Анализируя события тех лет, В.Я. Гросул указывает на продолжавшееся существование в среде румынского боярства прорусской партии — часть валашских бояр обратилась к русскому генконсулу Коцебу с предложением объединить княжества и провозгласить их королем представителя династии Романовых. Доминировали, однако, профранцузские ориентации — на арену румынской политики выходит и в последующие десятилетия укрепляет свои позиции генерация, видные представители которой получили образование в Париже и, вынашивая объединительные идеи, рассчитывали на поддержку Франции. По выражению одного из российских дипломатов, в плоть и кровь румынских правящих кругов входит «отчуждение от всего русского» (Гросул 2018: 431). Тем не менее, образ России как покровительствующей державы не ушел полностью из национального сознания — автор приводит документы конца XIX в., свидетельствующие об обращении крестьян к русскому консулу в Яссах в стремлении защитить себя от помещичьего и административного произвола.

Одна из глав книги посвящена месту Бессарабии в системе экономических, торговых связей Дунайского региона и Российской империи. В.Я. Гросул ссылается на Я. Сабурова, автора одной из первых записок, посвященных развитию экономики края, который писал еще в 1826 г.: «Окруженная тремя империями, владея судоходством Днестра и устьем Дуная, богатая своим климатом, Бессарабия природою вещей назначена занимать значительную роль во внешней торговле» (Гросул 2018: 241).

Уже с ликвидацией турецких райя и выселением ногайцев ликвидируются все внутренние перегородки на пути развития торговых отношений в крае, формируется единый бессарабский рынок. Происходит интеграция края и в общероссийский рынок, а с другой стороны, не были прерваны, лишь временами осложняясь в силу политических факторов, торговые связи с запрутской Молдавией. Более того, после Адрианопольского мира 1829 г. роль Бессарабии как экспортера сельхозпродукции за рубеж возрастает. Объем внешних торговых связей падает только с временным лишением выхода России к Дунаю после поражения в Крымской войне и Парижского конгресса 1856 г. С утратой Южной Бессарабии был разорван единый бессарабский рынок и это ударило как по Южной Бессарабии, оторванной от российского рынка, так и по Северной, отрезанной от дунайских портов. Ситуация меняется лишь после возвращения этого края в пределы Российской империи в 1878 г. (автор указывает на роль бессарабского фактора, т.е. стремления России к возвращению Южной Бессарабии и выходу к устью Дуная, в формировании ее линии в условиях восточного кризиса конца 1870-х годов). В конце XIX в. Российская империя и объединенная Румыния (королевство с 1881 г.) выступают конкурентами в дунайской торговле и в поставках на международные рынки зерна. Приграничное положение позволяло Бессарабии выходить на внешний рынок, что положительно сказывалось на экономической жизни края.

В книге В.Я. Гросула показана и роль Бессарабии в международных

церковных связях Нового времени. Если предпринятая в Трансильвании на рубеже XVII — XVIII вв. уния способствовала сближению румынской культуры с латинским миром, то православная церковь, напротив, выступала хранительницей византийских традиций. Это проявилось и в том, что она долгое время препятствовала переходу церковной литературы в Молдавском княжестве на латиницу даже тогда, когда в настроениях элиты в середине XIX в. возобладала профранцузские ориентации, вопрос об алфавите, таким образом, получает внешнеполитическое звучание (Гросул 2018: 89). Что касается Бессарабии, то во время восточного кризиса 1820-х годов, греческой революции и антиосманских выступлений в румынских княжествах Бессарабская область становится убежищем для гонимых священнослужителей из разных православных земель Юго-Восточной Европы. В работе уделено внимание таким выдающимся церковным иерархам, ориентированным на Россию и обладавшим большим политическим влиянием, как Вениамин Костаки и Гавриил Бэнулеску-Бодони. Обращаясь к событиям 1860-х годов, когда господарь А. И. Куза, вставший во главе обоих румынских княжеств, предпринял реформы, ограничивающие влияние церковной иерархии в пользу светского государства, автор отмечает, что это вызвало настолько сильное недовольство молдавского духовенства, что митрополит Софроний Миклеску обратился к кишиневскому архиепископу Русской православной церкви Антонию с просьбой донести до Александра II призыв защитить молдавскую православную церковь от преследований.

Часть монахов знаменитой Нямецкой лавры, связанной с деятельностью великого просветителя Паисия Величковского, бежала в пределы Российской империи и основала на берегах Днестра Новонямецкий монастырь. Показаны трудности, переживавшиеся церковью Южной Бессарабии при интеграции края в Молдавское княжество в 1856 г. и последующем возвращении России в 1878 г. В монографии можно было бы уделить несколько большее внимание роли духовных академий Российской империи (не в последнюю очередь киевской) в подготовке румынской церковной элиты XIX в.

Одна из глав книги, основанная на привлечении большого документального материала из нескольких архивов и прежде всего АВПРИ, посвящена эпохе Крымской войны, когда были созданы условия для объединения румынских княжеств. На территории Бессарабии не было в это время военных действий, однако война сильно сказалась на ней и в силу ее приграничного расположения, и своими последствиями для судеб этого края (утрата Россией Южной Бессарабии вплоть до Берлинского конгресса 1878 г.). По завершении Крымской войны среди участников «европейского концерта» сложилось мнение о том, что Россия по итогам разрешения кризиса должна лишиться некоторых территорий. По версии В.Я. Гросула, существовала даже вполне реальная перспектива утраты всей Бессарабии, но в период Парижского конгресса петербургской дипломатии в определенной мере удалось сыграть на противоречиях между державами, что привело к заметному сокращению уступок

с российской стороны. Последовательно антироссийскую позицию занимала на конгрессе «неблагодарная» Австрия, спасенная в 1849 г. Николаем I в результате подавления венгерской революции. В Вене воспринимали Россию как главного конкурента в борьбе за влияние в Юго-Восточной Европе и от нее требовали в ультимативном порядке отказа от протектората над Дунайскими княжествами. Неприемлемым был для Австрии и контроль России над устьем Дуная. Менее жесткой была в этом плане позиция Франция, а Англия не демонстрировала слишком большого интереса к бессарабским делам. В результате большую часть Бессарабии Российской империи удалось сохранить, хотя выхода к Дунаю она на время лишилась.

Парижский конгресс 1856 г., хотя и стал толчком к объединению Дунайских княжеств, на нем, как справедливо отмечает В.Я. Гросул, не было принято решений относительно их будущего обустройства, в это время еще оставался открытым вопрос, будет ли в результате создано единое государство, федерация, конфедерация или продолжится раздельное существование княжеств. Вместе с тем становилось очевидным, что вопрос о будущем статусе княжеств приобрел международный характер. Османская империя, оставаясь все еще сюзереном Молдавии и Валахии, выражала незаинтересованность в их объединении, резонно полагая, что более сильному государственному образованию будет легче противостоять давлению Стамбула. Эту позицию поддерживали Австрия, где в свою очередь рассчитывали усилить собственные позиции в княжествах,

и Англия. Россия и Франция выступали за объединение. Судьбу княжеств призвана была решить Парижская конференция 1858 г. На ней рассматривались разные проекты (в частности, и о конфедерации), а принятая конвенция предполагала сохранение определенной самостоятельности каждого из княжеств, речь шла в ней, как замечает автор, только о перспективе сближения, но не о слиянии. В конвенции нигде не говорилось и о единой румынской нации, ее составители, по представлениям автора, видели различия между молдаванами и валахами. Избрание А. И. Кузы господарем в обоих княжествах было признано державами в силу сложившегося расклада сил, однако согласно султанскому фирману 1861 г. их административное объединение (единое правительство и единое законодательное собрание) признавалось только на время правления Кузы. В молдавском национальном собрании возобладали антиунионисты и для того, чтобы их нейтрализовать, Кузе пришлось прибегнуть к давлению извне, задействовав, в частности, французское влияние. К сказанному В. Я. Гросулом можно добавить: приход к власти антиавстрийски настроенного Кузы стал успехом французской дипломатии и неудачей ослабевшего венского двора, еще не оправившегося после потрясений 1848–1849 гг. и столкнувшегося с новым, итальянским вызовом. А получив в свои руки власть в обоих княжествах, Куза осуществил централизацию, в результате которой 500-летняя молдавская государственность была ликвидирована. Именно А. И. Куза предстает в работе В. Я. Гросула ее сознательным могильщиком, причем

успех унионистов в 1859 г. сводится прежде всего к внешнему фактору, ведь ключевые решения, определившие дальнейшее развитие, принимались вне Дунайских княжеств.

На рубеже 1950-х — 1960-х годов, когда в Румынии отмечался столетний юбилей объединения Дунайских княжеств, оно становится предметом специального изучения отечественной историографии. В 1961 г. в Москве под академическим грифом была опубликована монография молодого, а впоследствии крупного историка В. Н. Виноградова «Россия и объединение румынских княжеств». Эта книга вполне вписывалась в общий тренд советской историографии, подчеркивавшей освободительную миссию России на Балканах. Вместе с тем процесс объединения в конце 1850-х годов Дунайских княжеств (Молдовы и Валахии), поддержанный в то время и Россией, был показан в ней как естественный процесс создания национального государства в результате объединения ряда малых государственных образований и складывания на этой основе единой нации (как это происходило в те же десятилетия в Германии и Италии). Никакого противопоставления молдаван румынам, валахам у Виноградова в 1961 г. не было, само Молдавское княжество рассматривалось по сути как феномен румынской национальной государственности. Уместно сослаться и на свидетельство известного молдавского историка И. Э. Левита: «Мы считали неправомерным обелять и прославлять реакционных молдавских бояр, не желавших объединения сугубо из боязни утратить свою политическую власть и выступавших против всяких

прогрессивных реформ, и объявлять их истинными патриотами, а унионистов (многие из них являлись активными участниками революции 1848 г. в княжествах), сторонников преобразований — антипатриотами» (Левит 2014). О положительном влиянии идей национального единения на развитие румынской культуры, появление в ней шедевров, способных стать важнейшей частью культурного наследия не только румын, но и советских молдаван, не раз писал в те же годы литературовед и переводчик румынской литературы Ю.А. Кожевников (Кожевников 1962: 97–121). Это вызывало возражения (по большей части со стороны историков и партийных пропагандистов Молдавской ССР, призванных отстаивать концепцию строительства молдавской социалистической нации как части советской многонациональной общности), но до середины 1960-х годов по большому счету не меняло общей ситуации с изучением в СССР этого периода румынской истории и культуры. Лишь после того, как с началом осложнений в советско-румынских отношениях выяснилось, что румынская партийно-государственная элита ностальгирует по Бессарабии, темы, связанные с изучением национального единства румын, признаются неактуальными и отходят на второй план, в новых условиях надо было делать упор не на том, что объединяло румын (валахов) и молдаван, а на молдавской специфике и в том числе своеобразии молдавских государственных традиций. В научной литературе намечается смена акцентов.

Последовательно продолжая и развивая именно эту молдовенистскую

линию в историографии, В.Я. Гросул делает акцент на происходившем противостоянии молдавского национального сознания и государственных традиций натиску румынизма, который воспринимается им как чуждое исконным национальным ценностям начало. Он ссылается на то, что в первой половине XIX в. и даже позже в Молдавском княжестве однозначно доминировала молдавская национальная идентичность, в переписке и даже в тексте Органического регламента 1832 г. (конституции, введенной графом П.Д. Киселевым) использовался термин «молдавский язык» (а не румынский). Румынская идентичность в Молдавии, по его представлению, поддерживалась лишь частью элиты, а движение за объединение княжеств (унию) вызывало противодействие сильной сепаратистской партии, опиравшейся на довольно широко распространившиеся опасения растворения молдавской специфики. Как резюмирует свою позицию В.Я. Гросул, валашская элита, поддержанная частью молдавского боярства, вопреки воле широкой массы молдаван сознательно вела линию на уничтожение глубоко укоренившегося в народе молдавского самосознания. Это проявилось в острой политической борьбе между прорумынской и промолдавской партиями, унионистам автор противопоставляет государственников (Гросул 2018: 338). Рассматривая происходившее в категориях не национального объединения, а экспансии инога (и вопреки общности языка якобы этнически чуждого молдаванам) начала, автор претендует на пересмотр тех, по его представлениям, панрумынистских подходов, которые считает необъективными

ввиду того, что история всегда пишется победителями. К сожалению, остается за скобками как невыгодный для авторских построений трансильванский контекст, хотя подъем румынского национального движения в 1848–1849 гг., равно как и острые румыно-венгерские межэтнические столкновения тех лет сильно повлияли на формирование румынского национализма в общенациональном масштабе, поверх государственных границ, и соответственно на усиление унионистских настроений в Дунайских княжествах. Новый подъем румынского национального движения в Трансильвании наметился и в начале 1860-х годов, когда империя Габсбургов вступила в полосу конституционных экспериментов. Нельзя недооценивать и роли так называемой «трансильванской школы» румынской общественной мысли в формировании общенациональной идеологии, неотъемлемой частью которой стало признание национальных истоков, восходящих к Древнему Риму, и соответственно принадлежности румынской нации к латинскому миру. Комментируя приведенные автором высказывания некоторых антиунионистов об их стремлении к сохранению религии предков, стоит заметить, что церковные реформы Кузы 1860-х годов, ослабляя позиции иерархии (а также связанных с греческой церковью преклоненных монастырей), нисколько не ставили под вопрос православные основы румынской культуры (*Гросул* 2018: 343).

В. Я. Гросул, со всей присущей ему основательностью проработавший документы Архива внешней политики Российской империи и опи-

рающийся в своей работе также на обилие других источников, приводит большой материал, свидетельствующий о том, что иностранные наблюдатели могли в скором времени отметить проявления сепаратизма той части молдавской элиты, которая увидела в слишком большой централизации ущерб своим интересам (*Гросул* 2018: 351–352). Так, французский дипломат Тиллос писал в 1862 г. о понесенной Молдавией жертве в пользу единой румынской нации. На неудовлетворенность части молдавской верхушки обращала внимание и британская дипломатия. Ею отмечался сильный сепаратистский дух в Яссах, где молдавская элита почувствовала себя ущемленной прежде всего в экономическом плане, поскольку утратила возможность проводить экономическую политику исключительно в своих интересах. На сильные антиунионистские настроения в Яссах указывал и русский консул И. М. Лекс, писавший об «опротивевшей здесь всем унии» и о том, что «уничтожение соединения обоих княжеств... будет способствовать и материальному улучшению страны». По его наблюдению, большинство населения «за исключением некоторых пылких голов действительно хотят разъединения с валахами», ибо только оно может возратить Молдавии «материальное благосостояние, которым она пользовалась до последней восточной войны» (*Гросул* 2018: 355–358).

Наиболее явным свидетельством временного кризиса унионистской идеи к середине 1860-х годов стали апрельские волнения 1866 г., спровоцированные человеческими жертвами. Их участники добивались

воссоздания самостоятельной молдавской государственности и возвращения Яссам статуса столичного города. При этом они требовали соблюдения тех международных договоренностей, в соответствии с которыми объединение княжеств признавалось лишь на время правления Кузы. В. Я. Гросул оценивает это событие в категориях национально-освободительного движения. Если объединение княжеств рассматривается им как следствие воздействия неблагоприятных для молдавской государственности внешних сил, то в усилении антиунионистского движения ему, напротив, видится прежде всего действие внутренних, национально-патриотических факторов. Нельзя, однако, забывать о том, что в не столь уж отдаленной перспективе молдавский сепаратизм в Румынии (на наш взгляд, преувеличенный в книге В. Я. Гросула) резко ослабевает — отчасти в силу того мощного вклада, который в последние десятилетия XIX в. вносили выходцы из Молдавии в развитие общерумынской культуры и дальнейшее формирование национальной идентичности (достаточно упомянуть движение «Жунимя»). Хотя молдавское движение существовало в Румынии и в дальнейшем (и в книге приводятся конкретные факты, подтверждающие это), оно приобрело скорее регионалистский, культурно-автономистский характер (*Гросул* 2018: 445), не представляющий сколько-нибудь серьезного вызова целостности государства.

Как бы то ни было, события 1866 г. привели к определенной корректировке официальной российской позиции. Если в конце 1850-х годов

Россия однозначно стояла за объединение княжеств, которое не могло состояться без ее поддержки, то к середине 1860-х ситуация изменилась. В этом плане показательна инструкция князя А. М. Горчакова российскому консулу в Бухаресте: «Мы желаем сепарации, поскольку она соответствует нашим интересам, и мы думаем, что она также благоприятна и княжествам. Но мы пойдем по фальшивому пути, если превратимся в пропагандистов» (*Гросул* 2018: 359). Эти слова демонстрируют довольно осторожный подход, в Петербурге не хотели, чтобы императорское консульство в Яссах стало центром притяжения сепаратистских устремлений.

Следует в этой связи заметить, что русское общественное мнение иногда связывало молдавский сепаратизм, причем довольно искусственно, с более сильными пророссийскими настроениями. Таким представлениям отдал дань и многолетний военный министр фельдмаршал Д. А. Милютин, писавший на склоне лет в мемуарах: «диктатура князя Кузы возбуждала в самой стране сильное неудовольствие, особенно в Молдавии, которая не сочувствовала слиянию обоих княжеств и скорбела о своей прежней автономии. В Молдавии удержалась еще сильная партия русская» (*Гросул* 2018: 354). Такие настроения, казалось бы, подтверждаются и приведенными в работе данными об усилении оттока жителей Запрутской Молдовы в Бессарабию. Источники свидетельствуют и о том, что настроения в пользу единения с собратьями по другую сторону Прута усиливаются в первой половине 1860-х годов и в Бессарабии,

в известной мере под влиянием польского восстания 1863–1864 гг. при нарастающей активности польских революционеров как в Запрутской Молдове, так и в Бессарабии. Как писал в работе 1940 г. румынский историк бессарабского происхождения А. Болдур, в его родном крае неизменно выделялась, а в начале XX в. усилилась группа, которая «мечтала о восстановлении молдавской нации в Бессарабии, ввиду приближения событий, которые дадут нации право требовать объединения с Молдовой» (*Гросул* 2018: 366). Т.е. к усилению пророссийских ориентаций это не имело отношения и царскими властями такого рода настроения рассматривались как прежде всего прорумынские. Как румыно-унионисты, так и яские «молдовенисты», в не меньшей мере склонные напоминать о культурно-языковой общности романоязычного населения по обе стороны Прута, воспринимались как угроза территориальной целостности империи. Автор признает губительный для национальной идентичности молдаван характер политики, направленной на русификацию Бессарабии — фактическое запрещение преподавания на языке мажоритарного населения в школьной системе в 1870 г. и богослужения на нем в 1871 г. (*Гросул* 2018: 438). Процесс национального культурного возрождения начался в условиях «тектонических» сдвигов, вызванных русской революцией 1905 г., и под влиянием духовных импульсов и материальных средств, исходивших из Румынии (российские власти старались все это ограничивать и в условиях наметившегося в канун Первой мировой войны сближения двух государств — *Гросул* 2018: 449).

Это движение было представлено как более радикально-прорумынским, так и более умеренным (но тоже не чуждым румынскому влиянию) бессарабско-автономистским крылом, активно проявившим себя и в 1917 г., когда возникли условия для реформатирования пространства переставшей существовать Российской империи.

При обращении к событиям Восточного кризиса 1870-х и установлению русско-румынских отношений в 1877 г. (что означало признание Россией независимости Румынии) В.Я. Гросул уделяет должное внимание тайным дипломатическим контактам, апофеозом которых явилась поездка премьера И. Брэтиану-старшего в Крым для встречи в Ливадии с Александром II. В Бухаресте прекрасно понимали, что вопрос о возвращении Южной Бессарабии для России настолько принципиален, что речь может идти лишь о достойной компенсации (ею стало присоединение к Румынии Добруджи). При этом румынский политик предпочел скрыть от общественного мнения своей страны имевший место торг, зная, насколько непопулярна эта уступка. А в результате Россия воспринималась румынским обществом как нарушитель заключенных договоренностей — тем более, что в обнародованной апрельской русско-румынской конвенции 1877 г. бессарабский вопрос затронут не был, ибо российская сторона не хотела упоминанием собственных территориальных претензий осложнять свои отношения со страной, которой предстояло стать союзницей в войне с османами. В работе показаны настойчи-

вые усилия румынской стороны, направленные на вынесение вопроса о принадлежности Южной Бессарабии на рассмотрение Берлинского конгресса 1878 г. в целях решения его в свою пользу. Хотя вопрос действительно был вынесен, а уступки в пользу Румынии сделаны, но не за счет Бессарабии, а прежде всего за счет Южной Добруджи с портом Мангалия, по Сан-Стефанскому договору отходившему к Болгарии. В монографии уделено необходимое внимание проблемам реинтеграции Южной Бессарабии в административно-правовое пространство пореформенной России. Завершается труд описанием положения (прежде всего экономического) в пограничной, а затем и прифронтовой Бессарабии в условиях начавшейся Первой мировой войны, когда вплоть до августа 1916 г. не было ясно, чью сторону займет доселе нейтральная Румыния. По мере дальнейшего развития событий война приближалась к Бессарабии (и даже захватила северный Хотинский уезд), ведь в результате массированного наступления войск Центральных держав румынский королевский двор перебрался в Яссы, а Добруджа становится ареной столкновений российских и румынских войск с болгарской армией, объектом обстрелов вражеской артиллерии стал и город Измаил. Особенно возрастает роль бессарабских путей сообщения, предпринимается строительство новых железных дорог. В обстановке, когда две трети территории союзнической Румынии оказываются под оккупацией, всё большие масштабы приобретает реквизиция продовольствия у населения в пользу фронта.

Напрямую касающаяся проблем, до сих пор сохраняющих остроту в межгосударственных спорах (в частности, о последствиях Бухарестского мира 1812 г. для дальнейших судеб румыноязычного населения Пруто-Днестровского междуречья), книга В. Я. Гросула, носящая отпечаток его глубоко укорененной политической позиции, является не только синтетическим трудом по истории международных отношений, но и (в соответствии с изначальным замыслом автора) пособием для дипломатов.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Вигель 2019 — *Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Книжный клуб Книговек, 2019. 736 с.

Кутузов 1952 — *Кутузов М. И.* Сборник документов и материалов / Под ред. Л. Г. Бескровного. Т. 3. 1808–1812. М.: Воениздат, 1952. 1026 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов 1961 — *Виноградов В. Н.* Россия и объединение румынских княжеств. М.: издательство АН СССР, 1961. 329 с.

Гросул 2018 — *Гросул В. Я.* Бессарабия в международных отношениях нового времени. Кишинев, 2018. 476 с.

Кожевников 1962 — *Кожевников Ю.* Бережно относиться к классическому наследию // Вопросы литературы, 1962. № 1. С. 97–121.

Кэзан 2013 — *Кэзан И.* Румынские земли глазами русских очевидцев (с начала наполеоновских войн до Адрианопольского договора 1829 г.) // Славяноведение, 2013. № 3. С. 3–13.

Левит 2014 — *Левит И. Э.* Воспоминания о молдавской Академии наук и ее первом президенте Я. С. Гросуле. Тирасполь, 2014. 264 с.

REFERENCES

- Căzan I. Rumynskie zemli glazami rusских ochevidtsev (s nachala napoleonovskih vojn do Adrianopolskogo dogovora 1829 g.). In: *Slavyanovedenie*, 2013. N. 3. P. 3–13.
- Grosul V. Ia. *Bessarabiya v mezhdunarodnyh otnosheniyah novogo vremeni*. Chişinău, 2018. 476 p.
- Kozhevnikov Yu. Berezhno odnositsya k klassicheskomu naslediyu. In: *Voprosy literatury*, 1962. N. 1. P. 97–121
- Levit I. E. *Vospominaniya o moldavskoi Akademii nauk i ee pervom prezidente Ya. S. Grosule*. Tiraspol, 2014. 264 p.
- Vinogradov V. N. *Rossiya i ob'edinenie rumynskih knyazhestv*. Moscow: izdatelstvo AN SSSR, 1961. 329 p.

М. Е. Сорока

САМОРАЗРУШЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Переписка императрицы Александры с братом и подругой юности позволяет увидеть личность, значительно отличающуюся от стереотипов, созданных ее поклонниками и врагами. Письма подсказывают возможные объяснения радикальной перемены в ее характере и образе мыслей после замужества за Николаем II. Письма матери и сестер императора Николая II напротив позволяют увидеть, как мало они изменились, даже пережив события революции и гражданской войны: эти три женщины чувствовали себя в послевоенной Европе как путешественники во времени, попавшие из середины XIX века в XX-ый.

Ключевые слова. Российское, датское, британское коронованные семейства, эмиграция, Гитлер, Георг V, религия, мистика, брак, национальная идентичность, привыкание, Первая мировая война.

Сведения об авторе: Марина Евгеньевна Сорока, независимый исследователь, PhD (History), (Канада).

Контактная информация: mevorobieva@gmail.com

M. E. Soroka

SELF-DESTRUCTION OF A LEGEND

Empress Alexandra's letters to her brother and to a German friend present a very different person from the two-dimensional cardboard figures created by her worshippers and detractors. The letters illustrate the transformation of her personality after she married Nicholas II; they also suggest several possible reasons for the changes. Conversely, the letters of the mother and sisters of Nicholas II show how little they changed despite having survived the revolution and the civil war. The three women felt like time travellers from the 19th century in the inter-war Europe.

Key words. Russian, Danish, British royal families, Hitler, George V, religion, mysticism, marriage, family, national identities, exile, assimilation, World War I

About the author: Marina Soroka is an independent researcher, PhD History (Canada)

Contact information: mevorobieva@gmail.com

Разве Время не превращает вульгарных моллюсков в ценные окаменелости?

А. Трофимов (Александр Трубников)

Эти три книги приводят на память анекдот, который рассказывал один из внуков в.к. Елены Владимировны, в замужестве принцессы Греческой. В пятидесятых годах XX века старая дама сказала внуку, что любит снобов. Он удивился: «Почему, бабушка?» — «Это единственные, кому я интересна, — ответила правнучка Александра Второго.

Всякая публикация переписки Романовых вызывает вспышку интереса у многочисленных «фанатов», но вспышка быстро затухает, потому что одно дело — сказки «из царской жизни», а другое — обыденные письма заурядных людей. Каждая публикация частных документов — удар по легенде об исключительности людей, властвовавших над огромной империей, и нынешние «монархисты» должны бы восстать против публикаций РОССПЭН бумаг дома Романовых. Однако, поскольку сказки читают одни люди, а документы читают другие, то обычно все обходится мирно. Мне же довелось в 1980-х годах начать в кубинской Национальной библиотеке с чтения умирительных эмигрантских мемуаров о Романовых, выходивших на Западе с 1920-х до 1960-х годов, а уже потом, в 2000-х перейти на дневники и переписку царской семьи. Это походило на сеанс магии с последующим разоблачением.

Я вспоминала слова монархиста Н. Савича. Прочитав дневник Николая II, опубликованный в 1923 г.,

он с болью записал, что теперь очевидно, что на троне сидел хороший человек, прекрасный муж и отец, но при этом небольшого ума армейский офицерик, которого жена и отстрел ворон интересовали больше, чем трагические события его царствования (Савич 2008: 404). Я поверила словам гофмаршала двора, графа П. К. Бенкендорфа из письма к брату во время русско-японской войны. Когда почти ежедневно стали поступать сообщения о неудачных попытках прорвать осаду Порт-Артура, гофмаршал написал, что царь принимал их «с тем же бесстрашием, граничащим с равнодушием. Я присутствовал, когда сообщили новость и просто не мог поверить тому, что услышал [из уст Николая II]. Все было понято неправильно и внимание обращено только на мелкие подробности... Все это не игра на публику, как я думал — это полное непонимание» (Фонд Бенкендорфов 1904).

После чтения документальных материалов вид аляповатых томиков с лубочными портретами последних Романовых стал вызывать у меня то же ощущение, которое охватывает нормального выпускника средней школы при виде рекламы-растяжки над Тверской с орфографическими ошибками.

Образ последней императрицы российской Александры Федоровны претерпевал метаморфозы с самого ее появления в России в качестве невесты наследника и до того момента, когда она со всей семьей была провозглашена мученицей в Русской Православной Церкви За Рубежом. Красавица — Неудачница — Немецкая шпионка — Сумасшедшая. Судя

по отзывам современников (относящимся, конечно, к временам «германской войны» и эмиграции), ее «нехорошую сущность» прозрели с самого 1894 г., была она вредной истеричкой, наследника родила больного, царя подталкивала на непопулярные/неправильные политические шаги, а еще и связалась с Распутиным, которого, слава Богу, убил народный герой князь Юсупов. Мемуары придворных дам С. Буксгевден и Е. Ден, которые, напротив, утверждали, что императрица была исключительно порядочная женщина, жила только семьей и мужем и не вмешивалась в политику, были менее популярны, чем обличения, не говоря уже о пасквилях, вроде совместного творения «красного графа» А. Н. Толстого и историка П. Е. Щеголева, изданного в Советской России под названием «Дневник Анны Вырубовой». Как ни протестовала уцелевшая придворная дама, как ни заявляла, что к «дневнику» не имеет отношения, но его таки перевели на несколько языков и довольно бойко продавали.

Английские масскультовые биографии Александры Федоровны появились после Второй мировой войны, когда зародился полу-ностальгический полу-националистический культ королевы Виктории. В глянцевах книгах-альбомах о семейной жизни Виктории стали появляться фотографии ее детей и рассказы о них. Нельзя было не упомянуть в связи с двумя дочерьми, вышедшими замуж в Германию, и немецких внуков королевы. Самые фотогеничные внучки «Элла» и «Аликс» вдруг оказались подходящим материалом для самостоятельных драматических повествований. После обработ-

ки их историй согласно требованиям жанра они прекрасно вписались в формулу женской литературы про коронованных женщин: безоблачная жизнь красавицы-принцессы в неопишуемой роскоши заканчивается кровавой трагедией. Такая трактовка не требовала знания российской или германской истории, ни даже подробностей жизни и деяний героини. Фоном была викторианская Англия, а саму Александру описывали как англичанку — для понятности. И воспитывалась же она при дворе королевы Виктории, и говорила всегда или почти — по-английски. Персонажей было всего два-три: «Аликс», как ее фамильярно называли авторы, ее безликий муж «Ники» и какой-нибудь злодей-министр или большевик.

В эмигрантской печати — а после 1990-х годов и российской — внимание к семье последнего императора почти сразу привело к появлению публикаций житийного характера. Мемуары в тональности «Как хороши, как свежи были розы» описывали старую Россию и тоска по благолепию и блеску (все возраставшему по мере удаления от той эпохи) выливалась в дифирамбы царской династии, хотя Александру Федоровну и Николая II некоторые все же журили за плохой выбор советчиков. Такие отзывы, как в посмертно изданных мемуарах С. Ю. Витте, были крайне редки — сдерживало и уважение к памяти страдальцев, и опасение мгновенно стать изгоем. А уж когда Романовы были провозглашены страсотерпцами, это сказалось на тоне, в котором даже мирские авторы стали о них писать. Отрицательные характеристики

были изгнаны из публикаций в пользу легенд и мифов. Это относилось не только к Николаю II и его супруге, но и к некоторым их родственникам. Так, покойный А. Н. Боханов, один из немногих профессиональных историков, которые присоединились к коммерческим авторам повествований из «царской жизни», в 2003 г. сказал мне, что он решил не писать про великого князя Сергея Александровича, потому что тогда пришлось бы затронуть фигуру его супруги, Елизаветы Федоровны. «А этого я как монархист и православный делать не хочу». (У меня вертелся на языке вопрос: «А как историк?» Но зачем задавать вопрос, ответ на который и так ясен?)

В качестве трафарета поп-биографы использовали плохо переведенные книжки и вместо первоисточников цитировали сочинения своих предшественников в том же жанре. Александра Федоровна вышла из моря таких сочинений тем же английским ангелом, но с сильным креном от идеала западной домохозяйки в сторону великорусского шовинизма. Перед российским читателем она предстала не просто в маскарадном костюме царицы Марии Милославской, как на популярной фотографии 1903 г., но как бы клоном московской боярыни XVI века: она «сторонилась пустой светской жизни», лелеяла деток и проводила время в молитве и посте, вышивая воздухи для дворцовой церкви. За что ее и не любили злые люди.

Извлекь реальное историческое лицо, т.е. супругу Николая II, жившую с 1872 по 1918 г., в эпоху к нам сравнительно близкою, из-под слоя кара-

мели, образовавшегося за полвека, помогут письма, которые она писала не в качестве благоверной супруги самодержца, а как частное лицо — в той мере, в какой она могла себя таковым ощутить.

Две книги ее писем — к брату и невестке, а также к подруге юности Тони Беккер-Брахт, соответственно на английском и немецком языках — изданы в коммерческом европейском издательстве «Books on Demand» (Книги по заказу). Это издательство за деньги клиента подготавливает цифровой вариант его рукописи, получает для него международный стандартный книжный номер и потом печатает требуемое количество экземпляров книги. Очевидно, ни голландская энтузиастка, ни правнучка Тони Беккер-Брахт, не смогли заинтересовать письмами российской императрицы никакое издательство и напечатали их за свой счет. То, что ни англоязычные, не немецкие издатели не заинтересовались письмами Александры, в общем, сразу снижает ожидания. Действительно, в письмах нет ни оригинальных мыслей, ни любопытных рассказов. В них есть только сама Александра Федоровна — какой она была до приезда в Россию и какой постепенно стала под воздействием новой среды. Метаморфозу эту письма прямо не объясняют, но дают материал для догадок.

Письма к брату написаны на английском: для детей британской принцессы Алисы это был язык детства и детской. Ко всем остальным, включая отца, Александра обращалась на немецком, своем родном языке. Она была немкой, хотя и помнила, что ее

мать — дочь британской королевы. Постоянные утверждения, что она выросла при английском королевском дворе, не выдерживают критики, потому что ее брат Эрнст Людвиг аккуратно перечислил те года, когда они гостили в Англии. Этот миф утвердился в английской массовой культуре из-за враждебности к немцам после двух мировых войн. Вторая сказка, которой российские авторы злоупотребляют, это то, что к нам в Россию приехала «любимая внучка королевы Виктории». Любимой внучкой была старшая гессенская принцесса, умница Виктория, которая и жила при бабушке после замужества. Переписка этой внучки с королевой давно опубликована в Англии. Третья сказка — это ее «научное звание» доктора философии. Почетное звание *doctor honoris causa* было ей даровано по случаю официального посещения Оксфорда, так же, как некогда было даровано великим князьям Николаю и Михаилу Павловичу, а уже в викторианскую эру — П. И. Чайковскому. Никто еще не заявлял, что Николай Первый и Чайковский получили философское образование в Оксфорде?

Естественно, что письма к Тони Беккер написаны на ее родном немецком, да и в письмах брату принцесса Аликс часто использовала немецкие слова, для которых не находила эквивалента на английском. То есть, немецкий был ей ближе. Можно предположить, что после замужества они с Николаем сделали английский семейным языком, потому что Николай недостаточно знал немецкий, а она знала французский хуже, чем английский. К тому же российское высшее общество и многие Романо-

вы (включая мать Николая) были в разной степени «немцедами» и немецкий в царской семье бы их раздражал.

Судя по письмам, до замужества это была обыкновенная симпатичная девушка: не особенно глубокого ума, сентиментальная, добродушная и даже жизнерадостная. Как полагалось, она занималась с учителем пением, рисовала, но, кроме того, ездила верхом, была теннисисткой, играла на банджо и пела с английской знакомой негритянские песни, что ее очень забавляло (*Lotte Hoffmann-Kuhnt* 2013: 70). Во время поездок в Англию и в Италию она шуточно жаловалась подруге, что испытывает танталовы муки, проезжая с бабушкой мимо чудных магазинов, в которых не успеет ничего купить (*Lotte Hoffmann-Kuhnt* 2013: 57); позже она жаловалась, что разорилась на покупках (*Lotte Hoffmann-Kuhnt* 2013: 61). В общем, ничто не предвещало ни холодной неприветливой царницы, какую неприязненно описывали русские мемуаристы, ни безумной поклонницы Распутина, о которой писали памфлетисты.

Марина Цветаева в очерке о М. Волошине (наполовину немце, как и она сама) написала, что дружба — это немецкий талант. Судя по письмам, Аликс Гессенская была им одарена: она хранила верность друзьям юности на протяжении всей жизни. Их связывала романтическая клятва верности. С 1887 года они стали называть себя тайным Союзом АЭТА, то есть Аликс- Эрни- Тони — Алекс. Эрни — ее старший брат, будущий гессенский великий герцог Эрнст Людвиг, а Александр фон

Франкенбург — его адъютант. Тони Беккер — дочь покойного секретаря принцессы Алисы Гессенской, бесприданница, не родовитая и по петербургским понятиям вообще непонятно как попавшая в подруги к принцессе. Но Гессен-Дармштадт как по уровню благосостояния, так и по культуре уже довольно близко стоял к XX веку, и многие феодальные предрассудки и традиции там ушли в прошлое. Трудно было, наверное, Александре Федоровне адаптироваться в Петербурге, где не то что служащего, а и священника знать не удостаивала дружбы. Это заметно из того, что, переписываясь всю жизнь с подругой, будучи крестной матерью ее сына (Тони Беккер вышла замуж за художника Ойгена Брахта), Александра Федоровна, тем не менее, не сочла удобным пригласить ее или крестника в Россию в гости. Слишком многое нужно было бы изменить для этого в Петербурге, а она отказалась от первоначального намерения произвести перемены в придворной жизни (*Lotte Hoffmann-Kuhnt* 2013: 101–102), поняв, что это ей не под силу.

В письмах времен ее девичества нет ни следа религиозной экзальтации, ни слова о религии. Да и в более поздних письмах к брату и к подруге не упоминаются посещения монастырей, чудес, святых, как отмечает в предисловии П. Кляйнпеннинг. До замужества гессенская принцесса пребывала в своем лютеранстве, очевидно, очень естественно и с удобством. Почему же тогда она погрузилась в религию после приезда в Россию? Она ведь не просто стала набожной, а начала искать чудес, чего ни одна христианская церковь, в том

числе и православная, не поощряет. Ответ, что это было от сильного желания родить наследника, а потом от страха за его жизнь, неудовлетворителен. Почему это желание вылилось в такую неожиданную форму у молодой женщины, выросшей в современном, благополучном Дармштадте? Кстати, столы крутили и духов вызывали в Зимнем и Мраморном дворцах еще при Александре Втором, причем, гессенская уроженка глубоко религиозная императрица Мария Александровна в этом принципиально не участвовала. А вот ее внучки, сестры Николая II, Ксения и Ольга Александровны в письмах с удовольствием описывали свои чудесные исцеления, состоявшиеся благодаря горячей молитве и вовремя отслуженной обедне. Не только Александра Федоровна в семье Николая II увлекалась «чудесами» и «чудотворцами». Так что тут еще вопрос, привезла ли царица мистицизм из Дармштадта или подхватила в Петербурге.

О том, как долго она противилась настойчивым уговорам сестры выйти замуж за российского наследника, часто пишут в ключе: «она как будто предчувствовала» и пр. Во всяком случае, уже отказав одному прекрасному жениху, старшему сыну английского наследника, она показала, что не честолюбива. Брата она отговаривала жениться на двоюродной сестре, принцессе Виктории Мелите Эдинбургской, потому что была против браков между близкими родственниками. То же самое, наверное, относилось и к предложенному ей браку с английским кузеном. Это говорит о некотором ее знакомстве с евгеникой, приобретенной тогда популярность в Германии.

Но замуж за цесаревича Николая она тоже не хотела. Тони Беккер утверждала, что она не хотела менять религию из верности памяти матери, а Эрнст Людвиг — что она дала слово отцу, оскорбленному переходом в православие старшей дочери Елизаветы. Гессенская герцогская семья уже много поколений была верна лютеранству, и ее отец этим гордился (*Lotte Hoffmann-Kuhnt* 2013: 80), а она очень любила отца. Никто из знавших ее в то время не упоминает собственно ее религиозного чувства, а только верность памяти родителей. Итак, и вторая легенда, о ее исключительном религиозном чувстве, противоречит свидетельствам.

В 1893 г. она отказалась приехать в Англию на свадьбу своего двоюродного брата Георга, чтобы не встречаться там с Николаем, которому заочно вежливо отказала (*Petra H. Kleinpenning* 2010: 131–132). После этого она сочла бестактным его намерение приехать на свадьбу ее брата в Кобург весной 1894 г., где она не могла не присутствовать. У нее мысли не было, что там он опять будет просить ее руки.

Была ли между ними давняя любовь, о которой столько написано биографами, трудно судить, потому что только в пересказе Елизаветы Федоровны в письмах Николаю мы узнаем о чувствах принцессы Аликс.

В целом письма Елизаветы Федоровны и ее мужа Сергея Александровича создают впечатление, что они раздували обычную симпатию молодых людей друг к другу, рассказывая одному про страсть и страдания другого.¹

Переписка московских супругов с Николаем велась в тайне от его родителей; Николай, опасаясь их гнева, попытался было ее прекратить, но дядя его одернул и заставил продолжать. В «мотивационных» письмах Елизаветы Федоровны к наследнику, переведенных с английского, часто появляется обозначение то Николая, то Аликс как «Пелле». Переводчики не догадались, что это означает «PL» — Poor Lover. По-русски это было бы «БеВе» — Бедный Влюбленный/Бедная Влюбленная. Короче, в письмах ее старшей сестры Николай и Аликс стали бедными влюбленными. Тем временем у Николая были любовницы, он увлекался барышнями из аристократических семей, а русские дипломаты сделали две неудачные попытки найти ему невест: в германской императорской семье и в семье свергнутой французской Орлеанской династии. Николай не возражал, но невесты отказались переходить в православие. Оставалась только гессенская принцесса, которая тоже отказывалась, но на нее имелись сильные рычаги воздействия в виде

¹ Рискую напомнить Э. Радзинского, который пользовался приемом «в бытность студентом слышал от соседки...» в биографии Николая Второго, пояснил, что и мне в бытность студенткой тетушка рассказывала, как ее брат в 1920-х годах женил застенчивого юношу на засидевшей в девицах барышне. Он девушке говорил: «Х безумно в вас влюблен, но очень робеет. Вы его должны ободрить.» Потом собирал вечеринку с танцами, выводил Х на балкон и говорил: «Ты что такую милую девушку страдать заставляешь? Вон она, глаз с тебя не сводит, а ты даже не пригласишь на танец?» Так шаг за шагом. Этим 4 года и занимались Елизавета Федоровна и Сергей Александрович. Полагаю, что если бы дело было только в несогласии на гессенский брак Александра Третьего и Марии Федоровны, то на них бы и воздействовали, а не на их сына.

многочисленной родни. В апреле 1894 г. принцессу Аликс все-таки уговорили принять предложение будущего русского императора — главным аргументом ее двоюродного брата кайзера Вильгельма II было то, что это укрепит европейский мир (Mountbatten Papers: 154). Таким образом, и легенда о том, как девушка отреклась от религии отцов ради любви, тоже оказывается несостоятельной. Ее убедили, что она должна принести жертву не ради личного счастья, а ради мира на земле.

Из писем понятно, почему она не хотела жить в России и еще менее — быть супругой монарха: Россия была восточная деспотия, где всегда могла произойти революция вроде французской и царской семье пришлось бы плохо. В придачу за мужество за царем означало жизнь на публике и под бесчисленными запретами и ограничениями. Принцесса Аликс привыкла пользоваться некоторой свободой: она путешествовала с родственниками по Европе, бегала по магазинам, встречалась и знакомилась с интересными ей людьми, и при этом жила дома, в уютном Дармштадте. Все это ее устраивало. Кроме того, она очень не хотела нести представительские обязанности. Она не скрывала, что ей тягостно встречаться с незнакомыми людьми и вести положенные этикетом разговоры. Эрнст Людвиг был еще холост, и когда он стал великим герцогом в 1892 г., сестра была обязана вместе с ним представлять гессенскую герцогскую семью на официальных церемониях. Она писала подруге, что мысль о приемах вызывает у нее дрожь (Hoffmann-Kuhnt 2013: 68).

Письма Александры Федоровны к брату упоминают ее недомогания: у нее регулярно бывали «нервные» головные боли, отекали и болели ноги, ее лечили от ревматизма (*Petra Kleinpenning* 2010: 118). Видимо, она часто жаловалась на здоровье, так как в.к. Елизавета Федоровна в конце 1892 г. уверяла королеву Викторию, что ее сестра Аликс «крепкая, здоровая девушка», просто она слишком быстро выросла и, конечно, перерастет все свои болячки. Вероятно, великая княгиня писала от чистого сердца, но факт остается фактом: российскому наследнику сосватали не очень здоровую девушку, да еще противившуюся сватовству.

В октябре ее срочно привезли в Ливадию, где умирал отец ее жениха «дядя Саша». Родственники хотели, чтобы ее переход в православие и венчание произошли как можно скорее, чтобы не откладывать на год из-за траура. Но все произошло после смерти Александра III. Ее письма становятся все более унылыми, начиная с этого времени. Печалится она по общим поводам — смерть «дяди Саши», тяжелая ноша, которую несет ее муж — и по личным причинам, причем постоянно присутствует одна — ностальгия. Перед венчанием это неудивительно:

«Пиши мне скорее и почаще. Рассказывай побольше о моем доме и старых друзьях. Прошлой ночью мне снились вы все, девочки, и я пригласила вас в Вольфсгартен. Я не простилась с Дармштадтом по-настоящему, и так даже лучше, а то было бы грустно. Даст Бог, в следующем году мы встретимся» (Hoffmann-Kuhnt 2013: 93–94).

Но вот в декабре 1894 г. гости, собравшиеся на похороны Александра III, а потом на венчание его сына, уехали, а грусть Александры Федоровны становится хронической. Она писала брату из Царского Села, что в одной из комнат висит портрет «дяди Саши» в молодости «и сходство с тобой необыкновенное. Я не могу глаз оторвать от него. Что-то ты там делаешь, наверное, готовишься к рождественским праздникам?» (*Kleinpenning* 2010: 164–165). А еще через две недели следует первое из характерных писем Александры Федоровны:

«Фельдъегерь привезет вам эти строки и наши подарки. Жаль, что меня нельзя было тоже упаковать в коробку и отправить к вам. У меня ком в горле встает, когда я думаю о рождестве у нас дома... Я писала столько [поздравительных] писем, что чуть с ума не сошла. А потом еще собирала подарки, это так трудно, когда я не могу, как следует, пройтись по магазинам, а должна за всем посылать, а люди не понимают толком, что мне нужно...».

Кончается это письмо словами: «Я еще не совсем поверила, что я замужем и что отныне так всегда и будет» (*Kleinpenning*, 2010: 167–168).

После первых новогодних праздников в России императрица пишет брату:

«Сколько слез Heimweh [тоски по родине] я уже пролила о вас... Все утро у меня занято, после завтрака я принимаю дам. Он тоже принимает людей или его лепят и рисуют; потом выезжаем, возвращаемся, он берется

за бумаги, в пять чай наверху и он читает нам до семи, потом опять бумаги – вот как в эти минуты – иногда даже после ужина – в свободную минутку он читает свои газеты, а я играю в хальму с тетей Минни часов до десяти, потом всё становится спокойно и тогда мы остаемся одни, и можем поговорить, хотя, конечно, тогда уже мы сонные. Не ахти какая жизнь для молодоженов, но что поделаешь» (*Kleinpenning* 2010: 174–176).

Жизнь, может быть, не увлекательная, но не скажешь, что самодержец сильно перенапрягался. А вот его жена скучала: «Никогда я еще так надолго не уезжала из дома – уже четыре месяца» (*Kleinpenning* 2010: 177–178). Начинается ее первый православный великий пост: «Я так не люблю рыбу и почти ничего не ела, что было нелегко» (*Kleinpenning* 2010: 178–179).

Она читала английские романы и мемуары, занималась русским языком и утешала теперь уже замужнюю подругу, что нельзя сразу все сделать по-своему, надо иметь терпение и действовать так, чтобы не вызывать противодействия. «Мне тоже нелегко и я многое хотела бы поменять, но это можно сделать только постепенно» (*Hoffmann-Kuhnt* 2013: 101–102). Ничего существенного она не изменила в образе жизни царской семьи и стала все меньше появляться на людях.

Главная из ее обязанностей была произвести наследника, о чем ей постоянно напоминали. Наконец, она посылает брату сообщение о беременности, из которого видно, как ей действовали на нервы газетные

слухи об ожидаемом семейном союзе в Зимнем дворце, понукания старших сестер, которые считали себя ответственными за успешный брак Аликс, и ожидание, которое она, наверное, видела в глазах придворных и всего романовского семейства:

«Эрни, милый — Я думаю, теперь можно надеяться — одна вещь прекратилась — и я думаю... Но ты можешь сказать это только Даки, пожалуйста не говори т. Мари [теще Эрнста Людвига], а то она расскажет остальным... Мерзкие газеты так раздражают. Элла начала беспокоиться об этом уже в декабре — а Ирена через Орчи [бывшая ее гувернантка мисс Орчард] — это меня так рассердило» (*Kleinpenning* 2010: 179–180).

Это была одна из невыносимых для скрытной самолюбивой женщины тягот ее положения: всеобщее любопытство, обсуждения, догадки, слухи. В 1902 г. после тяжелого морального удара, которым для нее оказалась так называемая «ложная беременность», которую она переносила, отказываясь от медицинских осмотров, она будет снова оскорблена любопытством и злорадством общества. Ее гофмейстерина писала приятельнице: «... она успокоила себя доводом, что все случается по божьей воле. Она сказала: «Он пожелал заставить меня страдать через мои недостатки — гордость и самолюбие!»» (*Нарышкины* 1902: 5–6). Но через неделю Голицына добавила: «Она ... очень расстроена, несмотря на свое смирение. И она особенно болезненно переживает ..., потому что сейчас находится в центре всеобщего внимания». Гофмейстерина сочувственно добавила, что Александру,

«честнейшее существо в мире, подозревают, обвиняют во лжи» (РГАДА 1902:7–8).

Результатом сплетен уже после рождения наследника в 1904 г. стал роман англичанки Элинор Глин «Три недели», в котором некая королевская особа прибегает к помощи симпатичного англичанина (разумеется), чтобы родить наследника для дикой страны, где правит ее дегенеративный муж. Потому что ходила в петербургском свете и сплетня о содействии уланского генерала А. А. Орлова в зачатии Алексея Николаевича, вспомянутая, конечно, потом А. Н. Толстым в «дневнике Вырубовой». Все это не могло прибавить императрице теплых чувств к петербургскому свету.

После визитов с Николаем и дочерью в Англию и Францию она написала брату:

«Не успели вернуться, как опять начались заботы и тревоги, неудивительно, что Ники бледнеет, его выматывают постоянные заботы. Если бы только люди были так добры оставить его в покое, чтобы он мог решить и обдумать всё сам, то всё было бы хорошо. Но нет — зудят, зудят, зудят весь день то об одном, то о другом, и все это ложится на его плечи».

Это письмо она кончает словами о дочери и о себе: «Милая, веселая крошка — такое утешение, когда чувствуешь себя грустной и подавленной» (*Kleinpenning* 2010: 231–232):

В начале 1904 г., во время русско-японской войны, она написала, невольно распространяя на себя упрек

П. К. Бенкендорфа царю в инертности и бесчувствии:

«Ты можешь представить себе, сколько у меня на руках и в мыслях дел из-за этой огорчительной войны. Мы сделали все, чтобы ее избежать, но видимо она была неизбежна и принесла нашей стране пользу — она очищает и успокаивает эмоции и меняет мысли, сближает больших и малых...» (*Kleinpenning* 2010: 262–263).

Она начала письмо с упоминания, что близится лютеранская Пасха: «Сегодня у вас великая среда». Этих дат она не забывала.

Впервые написав о политическом событии, она уже говорит «мы» — от лица русского правительства. Ее бодрые заверения перекликаются с печально знаменитой фразой В. К. Плеве о пользе «маленькой победоносной войны». У Александры Федоровны было с детства вынесенное викторианское убеждение, что нет худа без добра и всё, что ни делается — к лучшему. Нужно было только хорошо присмотреться, чтобы увидеть добрые всходы от русско-японской войны. Можно предположить, что от венценосного мужа она слышала подобные политические рассуждения, популярные с середины XIX века: войны очищают атмосферу и помогают радикально решить назревшие проблемы, например, сплотить общество. Через год, в 1905 году, эта теория была опровергнута революцией. Но в семье Романовых ей на смену пришли новые, не менее любопытные.

Переменяясь с поездками в Дармштадт, письма в Германию продол-

жались со все более странными суждениями о событиях. Она старалась войти в роль русской православной царицы и при этом выбирала самые неудачные образцы для подражания: например, ее собственный супруг или великие княгини Милица и Анастасия. Ее осуждения членов семьи, нарушавших правила, становятся все более частыми, а разочарование в окружающих все заметнее.

Теперь она все реже писала Тони, вероятно, потому что не хотела делиться печалью и обидами. Ведь ее письма тоже подлежали перлюстрации на петербургском почтамте. Брату и его второй жене, Элеоноре, она писала тепло и с той же легкой грустью:

«Полет на Цепелине, наверное, был очень интересным. Ирена написала мне о нем с восторгом. Как уютно, наверное, теперь в любимом старом Вольфсгартене, когда вы все работаете и рисуете в большой столовой — когда же я, наконец, увижу вас в ваших новых домах?» (*Kleinpenning* 2010: 285–286).

Теперь в каждом письме — и подруге, и брату, и другим старым знакомым она жалуется на сердце и говорит, что едва встает с кушетки, чтобы не надорваться. На предложение невестки поехать лечиться на курорт она отвечает, что это невозможно, потому что она не может расстаться с мужем:

«Поехать без Ники — я бы не могла... Оставить его одного я не решаюсь, а лечение было бы бесполезно в таком случае; одних детей взять с собой, других оставить было бы невыразимо трудно и больно, а когда

душевно беспокоен, то такое лечение не приносит пользы...» (Kleinpenning 2010: 289–290).

Так, постоянно жалуясь на здоровье, называя себя инвалидом, часто упоминая милость божию и свою готовность терпеть болезни, она дожила до начала Первой мировой войны. После обмена горестными телеграммами с невесткой Александра Федоровна приготовилась выполнять долг и быть опорой мужу, которого, как видно, считала неспособным без нее. Переписка с братом и сестрой в Германии шла теперь с большими перерывами через шведскую королевскую семью. В основном, они обменивались открытками. Она с облегчением узнала, что гессенские солдаты были отправлены на западный фронт и хотя бы не воюют с русскими. На предложение Эрнста Людвига стать посредником в переговорах о сепаратном мире с Германией, чтобы прекратить кровопролитие, она ответила длинным письмом с отказом:

«Мой любимый милый Эрни,

Я только что получила твое драгоценное письмо через Дейзи. Н в отъезде и вернется только через 4 дня, так что я отправлю это твоему Джентльмену [Ойгену Кранцбюлеру, бывшему гессенскому министру — М.С.] и попрошу его не ждать. Увы, ничего не поделаешь и нельзя начать с этой стороны. Мы можем только молиться, чтобы это трагическое кровопролитие скоро кончилось. Милый, ты ошибаешься, это грубое преувеличение, 500 000 пленных — да только цифра потерь убитыми и пленных вместе может быть такой большой.

Но не будем вдаваться в детали — все это слишком больно. Да, наша любовь друг к другу неизменна и мы это чувствуем и продолжаем молиться друг за друга...

Каждый день я получаю чудесные письма от солдат из разных полков на фронте, с благодарностями, и иногда они пишут так красиво и так уверенно. А храбрость, героизм жен, вдов, матерей, которые теряют одного сына за другим, — и ни одной жалобы! ... Многих добрых друзей уже нет с нами — но они умерли славной смертью и они все вместе там, где нет борьбы, споров, все пали за свою страну и все они герои, стоящие вокруг Божьего престола... Все стороны уверены в победе — все думают одинаково — одним везет в начале, другим в конце — так что ничего нельзя предсказать — все в руках божьих и Он рассудит по справедливости...

Я рада, что ты говоришь, что насчет голода [в Германии] ерунда — потому что, увы, судя письмам от наших пленных, в некоторых местах им почти не дают еды. Где о них заботятся, а где нет — их семьи посылают деньги, а они их не получают. Конечно, все зависит от человека наверху... У всех сторон есть свои недостатки...

До свидания, мой Эрни, мой милый дорогой Брат, мое сокровище. Я благословляю и целую вас четверых горячо и нежно — мои мысли постоянно летят к Розенхоэ [мавзолей, где похоронен их отец — М.С.], я живу и в прошлом, и в настоящем — в память о нем я тебя целую, как поцеловал бы он. Пусть Господь на небе услышит все молитвы — мы все страдаем и все вверяем себя его милосер-

дию. Знай, мой мальчик, что когда ты бредешь один, Санни рядом с тобой, разделяет твою горе. Она никогда не забывает о своем милом старом доме, хотя полностью сроднилась с новым» (*Kleinpenning* 2010: 327–328).

В письмах брату она не скрывала, что ей мучительно война Германии с Россией, но не выражала сочувствия стараниям германской стороны начать сепаратные переговоры, то есть вела себя безукоризненно. Видимо, тотальная разрушительная война казалась ей чем-то даже величественным, вроде «Полета Валькирий» в опере ее любимого Вагнера. Все павшие — герои, все блаженствуют в Валгалле или в раю. Ее представления о русском солдате и о степени самоотверженности, на которую готовы солдатские жены, матери и вдовы, были совершенно фантастическими, что и выяснилось в феврале 1917 г.

Учитывая, как скептически она относилась к высшему свету, странно видеть такую безмятежную доверчивость в отношении классов общества ей совершенно незнакомых. Это похоже на книжную мудрость, которой отличаются студенты университетов до прохождения практики.

Как и многие протестантки, принявшие православие (например, в.к. Елена Павловна), она не чувствовала себя чужой ни лютеранству, ни католицизму, и увлекалась учениями христианских мистиков. Но в целом эта склонность к эзотерическим учениям говорит не столько о том, что она не осталась в стороне от моды своего времени, сколько о том, что она чувствовала себя одинокой, слабой и искала опору и смысл в своей

жизни. Образ жизни других женщин в семье Романовых ее не привлекал, но и на вечера у супругов Мережковских ей ходу не было.

Поэтому на протяжении всей жизни в России она старалась не терять связи с очень уважаемым англиканским прелатом Уильямом Бойдом Карпентером, профессором теологии в Кембридже, капелланом королевы Виктории и епископом Рипонским. Отрывки из писем, хранящихся в Британской библиотеке, дают представление о духовных интересах Александры Федоровны. И в этих письмах ошутима ностальгия, — то ли по ее девической жизни, то ли по «Западу», поскольку себя она видит «на далеком Востоке». Первое письмо написано вскоре после замужества и она подписала его «Алиса» — видимо, еще не чувствуя себя «Александрой»:

«Я уже давно хочу написать вам, но у меня было столько дел, что я не могла найти спокойной минутки. Пожалуйста, примите теперь мою горячую благодарность за ваше теплое письмо и все добрые пожелания, которые меня глубоко тронули. Какое счастье чувствовать, что тебя не забыли.

С интересом я прочла хорошую книгу, которую вы мне послали, большое спасибо за нее и за очаровательный подарок. Я вижу в газетах, что вы были в Осборне и жалею, что не могла послушать вашу проповедь. Я часто перечитываю ту, которую вы мне дали и каждый раз она мне приносит пользу.

Теперь я больше привыкла слышать русский язык и могу намного лучше

понимать литургию и многое стало мне яснее и понятнее из того, что сначала насторожило. Пение прекрасное и производит сильное впечатление — но мне не хватает проповедей, которых никогда не произносят в дворцовой часовне.

... У моего мужа много дел, как вы можете представить — он постоянно встречается с министрами, принимает людей и читает большое количество бумаг, которые приносят на подпись, так что мы не много времени проводим вместе... Он был так рад познакомиться с вами прошлым летом в Виндзоре и просит передать вам дружеский привет... Надеюсь, что вы будете пребывать в добром здравии и иногда вспоминать обо мне на далеком Востоке.

Искренне ваша Алиса» (Add MS 46721 1895: 231–234)

А позже, в другом письме:

«С величайшей радостью я получила ваше доброе письмо и книгу. Благодарю вас от всего сердца за присланное. Для меня великое счастье узнать, что старые друзья меня не забыли, хотя я живу так далеко.

Как много случилось с нашей последней встречи, радости и горести следовали одни за другими непрерывно. Я не могу представить себе Англию без моей любимой бабушки... Да, действительно, время летит и нам нужно так много успеть за наше короткое пребывание на этой земле, выполнить такие разнообразные задачи. Какое счастье, если мы хоть немного можем помочь другому путнику нести его тяжелый крест или

придать ему духа, чтобы продолжать бороться! Сколько недостатков мы должны постараться исправить — кажется, что времени не хватит, чтобы выполнить все, что нужно.

Моя новая родина так обширна, что работы в ней хватает. Слава Богу, народ очень религиозен, по-детски простодушен и безгранично любит своего Повелителя и верит в него; так что плохие люди и веяния не скоро могут укорениться среди них. Но нужно много терпения и энергии, чтобы бороться с волной недовольства, которая поднялась и распространилась по всему миру — не близится ли конец?

Неужели вы никогда не приедете сюда? Я была бы так счастлива увидеть вас и показать вам наш маленький клевер-четырёхлистник [четырёх дочерей]. Наши девчушки — наша радость и счастье, все они такие разные внешне и внутренне. Помогите нам Господь дать им хорошее, правильное воспитание и сделать из них, прежде всего, храбрых маленьких христианских воинов, чтобы сражаться за Спасителя. Увы, у меня мало свободного времени, но когда выдается минутка, я сажусь за чтение. Я так обожаю Бёме и многих германских и голландских Теософов 15 и 16 веков — в них есть такие дивные страницы, они помогают мне в жизни и облегчают тяжкую ношу. Не могли бы вы подсказать мне каких-нибудь английских авторов, потому что я не знаю никаких старинных Философов. Но письмо становится слишком длинным. Могу ли я надеяться получить от вас ответ? Это доставило бы мне очень большую радость. Искренне ваша, Александра» (Add MS 46721 1903: 236–238).

Она принимает желаемое за действительность и описывает русский народ в тех же терминах, в каких миссионеры описывали африканские племена: дикари похожи на детей и сердца у них добрые. Как хорошей христианке и русской царице ей не приходилось сомневаться, что они с мужем сумеют направить на верный путь этот простодушный преданный народ. «Христианские воители» в приложении к дочерям — это прямое заимствование из английских душе-спасительных брошюр, а те взяли его из Нового Завета. Ну, и конечно, она не могла не знать знаменитого гимна английской Армии Спасения «Вперед, Христовы солдаты». Английское воспитание особенно давало о себе знать, когда она писала Бойду Карпентеру. Мы не знаем, что Александра Федоровна почерпнула из трудов мистика Якоба Бёме, но она называет средневековых мистиков теософами, выказывая знакомство с веяниями времени: эзотерическое течение, созданное Е. Блаватской и модное в Европе, смело признавало за своих всех предшествовавших мистиков.

Ее последнее предвоенное письмо написано после тяжелой болезни наследника Алексея:

«... Вы должны простить меня за то, что я не ответила на ваше добрейшее письмо раньше, но я опять была больна сердцем — месяцы физического и морального напряжения во время болезни нашего Мальчика привели к срыву — уже семь лет я страдаю сердцем и по большей части веду жизнь инвалида.

Слава Богу наш Любимец так хорошо себя чувствует, он очень вырос

и кажется таким сильным, и мы надемся, что скоро опять увидим, как он встанет на ноги и начнет бегать. Мы пережили ужасное время и у меня разрывалось сердце при виде его ужасных мучений, но он был ангельски терпелив во время болезни, он только крестился и просил Господа помочь ему, и стонал от боли.

В православной церкви детям дают святое причастие, так что мы дважды доставили ему эту радость и бедное худенькое личико с большими измученными глазами засияло от счастья, когда Священник приблизился к нему со святым причастием. Это было таким утешением для нас всех и мы тоже имели это счастье — без доверия и полной веры в великую мудрость Всемогущего Господа и его неистощимую любовь мы не смогли бы нести тяжелые испытания, которые он нам посылает.

... Благослови вас Бог за вашу христианскую дружбу, которую я ценю от всего сердца, потому что она — отзвук прошлого. Как хорошо я помню вашу доброту в виндзорских разговорах со мной и несколько писем, которые я имела удовольствие получить от вас. Да, школа жизни трудна, но когда стараешься жить, помогая другим идти по крутой тернистой тропе, то растет любовь к Христу. Когда постоянно болеешь и становишься почти инвалидом, то есть много времени, чтобы думать и читать, и тогда все больше и больше понимаешь, что эта жизнь только подготовка к другой, настоящей жизни, где все нам станет понятно.

Мои дети растут так быстро и они такие маленькие одеяльца* для нас:

старшие часто заменяют меня на официальных актах и много выезжают со своим отцом — все пятеро трогательно обо мне заботятся — моя семейная жизнь это благословенный луч солнца, не считая постоянного беспокойства за нашего мальчика. Я так хочу, чтобы вы когда-нибудь их увидели... Благослови вас Бог. Ваш старый друг, Александра» (Add MS 46721 1913: 240–243).

(Слово «одеяльца» она написала явно вместо слова «утешители», неправильно произведя его от слова *comfort*).

Она не теряла надежду, что сын поправится и будет вести нормальный образ жизни. Это можно объяснить не только верой в заступничество Распутина, но и аналогичным случаем в британской королевской семье. Да, у Алексея была гемофилия, но она была и у сына королевы Виктории Леопольда герцога Олбэни, а он, тем не менее, дожил до 30 лет, женился и произвел на свет детей. Почему бы ей было не надеяться на то же самое для Алексея?

Ее последнее письмо к епископу, написанное через полгода после начала войны, пожалуй, самое безличное, как будто она писала незнакомцу, явно с мыслью о военной цензуре. В общем, письмо в тональности «мускулистого христианства», которое ей привили с детства.

«Вы не представляете, какая радость для меня получить от вас весточку — каждое слово от старого друга во времена великой печали и тревоги становится бальзамом для сердца. Мы можем только верить и молить-

ся, чтобы эта ужасная война скорее кончилась — вокруг слишком много страданий. Вы знаете всех членов нашей семьи так хорошо, что можете понять, через что мы проходим: родственники со всех сторон, одни против других. И страшное разочарование от зрелища страны, которая морально падает в такую бездну, как Германия, — это больно видеть.

Все это так удивительно! А Франция, где систематически Правительство старалось разрушить влияние Церкви и религии, была вынуждена ввести священников для армии...

Вы были так добры, что спросили о наших детях. Слава Богу, они здоровы, две старшие дочери очень много помогают мне в уходе за ранеными, перевязывают им раны, заботятся об их семьях и так далее. Я опять перегрузила сердце и мне пришлось на некоторое время перестать работать в госпитале, и мне сильно этого не хватает. Когда бываешь с этими храбрецами, то это меня очень поддерживает: как терпеливо они переносят боль и ампутацию рук и ног. «Христос терпел и нам велел» — как часто слышишь это из уст страдающего солдата...» (Add MS 46721 1915: 245–247).

Интересны ли были бы эти письма, если бы они не были написаны последней российской императрицей? Нет. Если допустить мысль, что императрица может писать обывательские письма, то это они и есть: сын болел, но выздоровел, слава Богу; муж устает, я читаю. Ей было скучно жить, и она писала скучные отчеты о своей жизни. Только ее привязанность к адресатам несколько ожив-

ляет письма. Только знание того, где и в какое время она писала эти письма, вызывает любопытство сегодня. Но оно остается неудовлетворенным — в письмах нет ни прозрений, ни интересных мыслей, ни рассказов о происходящем вокруг. Только унылая покорность судьбе.

Тем не менее, эти письма корректируют и дополняют образ женщины, сыгравшей роль в последнем царствовании, а значит, они говорят что-то и о характере царствования. В отличие от давно опубликованной ее переписки военных лет с мужем в этих письмах не заметно желание вмешиваться в чужие дела и поучать. Видимо, в ее понимании адресаты твердо стояли на собственных ногах и не нуждались в советах, в отличие от Николая II. Во время войны она — из чувства долга, потому что политическое честолюбие у нее не заметно — взяла на себя обязанность помогать мужу управлять армией и страной. Не раз в письмах она упоминала, что считает главным для христианина поддерживать слабых, помогать им нести свой крест, и вот она заставляет мужа быть твердым, настаивать на своем и т. д., что при их общей малой политической прозорливости увеличило число промахов и ошибок.

Заметно, что Александра Федоровна не перестала чувствовать себя немкой, когда вышла замуж за русского царя. Нередко русские поп-историки, обуянные шовинизмом, пользуются в своих сочинениях двойным стандартом: русских великих княжон, выходявших замуж за европейцев, хвалят за то, что они «оставались русскими», а иностранных прин-

цесс — за то, что они после приезда в Россию якобы забывали родину. Осуждают великих княгинь-немок, которые плохо говорили по-русски, дружили с иностранцами, не хотели переходить в православие — и умиляются тому, что греческая королева Ольга Константиновна после замужества жила по полгода у родителей в Стрельне, а в Афинах якобы проводила большую часть времени в чаепитиях с русскими моряками.

Для взрослого человека отказаться от родины и всего, что с ней связывает, это отказаться от самого себя, и нельзя путать тактичное поведение с пылкой любовью к новой стране проживания. Разумные русские (в том числе и многие Романовы) не ждали от немецких принцесс, чтобы они стали русскими. От них ожидали верности интересам династии, и немецкие принцессы были верны мужьям, детям, и в их лице — Российской империи. Это было дело семейное, а не национальное. Насколько понятия «Российская империя» и «русская идентичность» совпадают, это другой разговор, уходящий к теме прибалтийских баронов, которые в 1917 г. говорили, что присягали не России, а российскому императору.

Александра Федоровна не искала замужества в России, не хотела быть императрицей. Увы, ей не хватило такта и ума, чтобы успешно играть навязанную ей роль. Как известно из многих свидетельств, она не прижилась в Петербурге. Вскоре после приезда Александры в Петербург опытная придворная дама Е. А. Нарышкина писала подруге: «Если молодая государыня умна, то сумеет

найти для себя пути и найдет полезных людей...» (*Нарышкины* 1895: 5–8). Но друзей и «полезных людей» она в России не приобрела, что говорит о неуспешной адаптации к новой родине. Русское общество она не знала и не понимала, принимая на веру избитые клише из пропагандистских брошюр и заверения льстецов. Неглуемые черногорки Милица и Анастасия Николаевны почему-то от нее отделились, придворные дамы, к которым она нежно привязывалась — Вырубова, Орбелиани — были не большого ума и принесли ей больше вреда, чем пользы. Поэтому для нее была так важна переписка с немецкими и английскими друзьями молодости. Она доверяла им. Они также были связующим звеном с родным ей миром и заполняли пустоту, которую не мог заполнить «старец Григорий».

В 1961 году А.П. Вельмин, представитель во Франции Архива Русской и Восточно-Европейской Истории и Культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке, скупал у русских эмигрантов в Европе документы, имеющие историческую ценность. М.Н. Чернышева-Безобразова предложила ему четыреста с лишним писем императрицы Марии Федоровны и ее дочерей Ксении и Ольги Александровны. Письма были написаны в 1918–1940 гг. к тетке графини Чернышевой-Безобразовой, княгине А.А. Оболенской-Нелединской-Мелецкой, умершей в Париже в 1943 г. Графиня нуждалась и потому нарушила правило, которое люди ее круга и воспитания считали непреложным: письма остаются собственностью того, кто их написал, и после прекраще-

ния переписки письма возвращают или уничтожают. Великие княгини уничтожили письма Оболенской, а та почему-то сохранила их письма. Императрица умерла в 1928, а ее дочери в 1961 и 1960 гг., и вот графиня продала чужие письма, поставив условием, что в течение 50 лет их не будут читать. Поэтому никто в Бахметевском архиве даже не знал о существовании этих писем, пока в марте 2011 г. по моей просьбе куратор Т. Чеботарева не открыла забытый запечатанный ящик и не обнаружила беспорядочную массу бумаг, конвертов, телеграмм, газетных вырезок, которые Чернышева-Безобразова безуспешно попыталась распределить по большим конвертам с надписями «Письма Великой Княгини Ксении Александровны», «Письма Императрицы Марии Федоровны» и т.д.

Соединять разрозненные части писем мне пришлось не только по смыслу, но и по цвету чернил и качеству бумаги. Даже бумага кое-что говорит об авторах писем. Мария Федоровна всю жизнь писала размашисто, большими буквами, и иногда на одной страничке (стандартной бумаги для писем) у нее умещается одно или два предложения. Дочери были более экономны. У Марии Федоровны было больше средств, чем у дочерей, а может быть, на ее датской даче Видере, где она поселилась в эмиграции, были еще дореволюционные запасы бумаги с ее монограммой и гербом, поэтому она только на такой писала. Гостя в Англии у сестры, королевы Александры, она пользовалась бумагой, которая лежала в бюваре в гостевых покоях Сэндрингема и Мальборо Хаус. Ольга Александровна писала на обычной

бумаге любого цвета (белой, желтой, розовой или серой), надписывая от руки место отправления и дату. Для Ксении Александровны бумага-бланк с ее адресом и телефоном была лишней тратой и большинство ее писем написаны на любой бумаге, какая оказывалась под рукой. Все три автора по большей части указывали обе даты. Только после пятнадцати лет в изгнании Ксения и Ольга Александровна стали ставить первой «реальную» дату, принятую уже и в Европе, и в советской России, а не ту, которая существовала только в их сознании, отвергавшем и новый календарь, и новую орфографию как большевистские символы.

Мария Федоровна писала по-французски, ее дочери — по-русски, но, читая их, вспоминаешь, что дети Марии Федоровны и Александра Третьего были воспитаны англичанками и по-настоящему познакомились с русским языком после того, как твердо усвоили английский. Живые, непосредственные письма Ольги Александровны полны неправильных падежных окончаний; она не дружила с глагольными формами. Как всё их окружение — князя Орловы, графини Воронцовы-Дашковы, Шуваловы, Ферзены — обе сестры не только вставляли французские и английские фразы, но и часто пользовались кальками с английского или французского языка: «Он сделал на меня хорошее впечатление», потому что по-английски говорят: «He made a good impression on me». Это не «старый русский», а «смесь французского с нижегородским», которой пользовался определенный класс общества. У персонажей Чехова вы его не найдете, а у героев Толстого — да.

Некоторые слова во французских письмах Марии Федоровны написаны по-русски. Это те слова, которые в ее представлении относились к исключительно русским явлениям («суета», «панихида»), или русские имена.

Приведя их в порядок, сделав комментарий и переведя с французского письма Марии Федоровны, я отдала рукопись в московское издательство, и в 2013 г. книга вышла.

Хотя переписка вдовствующей императрицы и великих княгинь с Оболенской приходится на годы между Первой и Второй мировой войнами, когда Европа была перекроена Версальским договором и Октябрьской революцией, Италия, Германия стали фашистскими диктатурами, и фашизм распространился по Центральной и Восточной Европе; Ленин, Троцкий и затем Сталин строили Советский Союз, а Гитлер — Третий рейх; возникали и распадались политические и общественные движения всех толков; мыльный пузырь послевоенной экономики лопнул и мир в течение почти десяти лет находился в состоянии экономического кризиса — ничего этого не найти в письмах. В них нет ничего и о революции в культуре и науке, которая вынесла на гребень славы Пикассо, Томаса и Генриха Маннов, Пруста, Роже Мартена дю Гара, Хаксли, Стравинского, Пуленка, Эйнштейна, Макса Планка, или, на уровне массовой культуры — ни фильмов великих режиссеров тридцатых годов, ни шансонье — зато есть кое-что о домах моды, о «Майн Кампф» и о «Протоколах Сионских мудрецов».

Эти письма сосредоточены на домашних и семейных событиях в жизни авторов и только потому, что их «домашняя жизнь» соприкасалась с некоторыми (главным образом, свергнутыми) коронованными особами, в письмах изредка упоминаются несколько этих лиц. Короче говоря, чтение для тех, кому интересны семейные перипетии любых людей, когда-либо носивших корону — или хотя бы тиару? Или «вульгарные моллюски» за сто лет действительно стали «ценными окаменелостями»? Для историков — пожалуй. Когда читаешь письма человека за двадцать лет в хронологическом порядке, то из семейных новостей возникает устойчивая картина внутреннего мира людей определенного социального происхождения, положения и воспитания. Их мнения, интересы и вкусы — все это имеет свою логику и уходит корнями в прошлое России и Европы.

Надо пояснить: в письмах очень редко встречаются воспоминания о дореволюционном прошлом. Нет ни одного упоминания Первой мировой войны. Авторы не были склонны к описаниям и анализу прошлого: они старались выжить в настоящем. Их письма — рассказ о том, как посреди бурного XX века члены семьи Александра Третьего пытались создать семейный островок XIX века, где они могли бы чувствовать себя уютно и спокойно. Одновременно, письма свидетельствуют, что это у них не получилось. XX век — экономический кризис, гражданская война в Испании, забастовки во Франции, Вторая мировая война — врывается в их дома. В результате, семейные отношения, брак, воспитание детей, поиски средств к существованию в их

кругу, становятся иными. В этом отношении письма интересны потому, что суждения авторов о ситуациях и событиях вокруг них создают представление о разнице между мировоззрениями и понятиями людей двадцатого и девятнадцатого века.

XIX век был веком «сердца», как писала Лидия Гинзбург, веком чувства и чувствительности, особенно для привилегированных классов, которые могли позволить себе ценой огромных материальных и душевных затрат культивировать чувство и презирать тех, кто руководствуется рассудком. Эта восторженность, мечтательность, готовность жертвовать всем ради любви, нерасчетливость и непрактичность придавали прелесть молодым дворянским барышням, которых описывали Толстой, Тургенев и другие. В этом отношении письма младших Романовых не разочаровывают. Приятно читать о том, как Ксения Александровна радовалась, что ее сыновья женятся по любви, а не из расчета. Но никак не удается отогнать мысль, что нерасчетливость допустима, хоть и опасна, только для частных лиц, но не для монархов. Если же они ставят личное выше государственного — как это делал и Николай Второй, и обе его сестры, и брат — то тем самым показывают поданным, что ничем не отличаются от остальных смертных. Ксения Александровна почувствовала это в 1936 году, в Англии, когда возмутилась поведением короля Эдуарда VIII, выбравшего любовницу и отречение, а не корону и брак по государственным соображениям. Она написала, что англичане оскорблены, потому что король показал им, что ему женщина важнее, чем страна.

Трудно ставить в вину женщинам с ограниченным кругозором и жизненным опытом, что они судили о политических событиях не так, как мы, вооруженные знанием, которого у них не было. Но если представить, что это люди, душевно и умственно близкие к покойному Николаю Второму, то становится грустно. Их непонимание реальности и поверхностность — их частное дело. Его непонимание — трагедия России, которую он привел к революции 1917 года. Через три дня после февральской революции в.к. Виктория Федоровна написала сестре: «Все говорят: какая страшная кара, а я говорю, что это не кара, а совершенно закономерный результат их действий. Как если бы они взяли спичку и подожгли на себе одежду» (*John Van der Kiste* 1993: 128).

В 1863 году отец будущей Марии Федоровны, принц Христиан Зондербург-Глюксбург, с согласия великих держав унаследовал датский престол дяди своей супруги как Христиан IX. Именно тогда его дочери, принцессы Александра и Дагмар, стали политически интересными партиями в глазах европейских династий. Любимая сестра и лучший друг Дагмар, Александра в 1863 году вышла замуж за британского наследника Эдуарда принца Уэльского. С момента замужества Александры и на протяжении почти семидесяти лет сестры писали друг другу по три письма в неделю и обменивались телеграммами — иногда ежедневно.

После приезда в Россию в 1866 году и брака с российским наследником, будущим императором Александром

III, переписка с нежно любимыми родителями тоже занимала большое место в жизни бывшей датской принцессы Дагмар, принявшей в православии имя Марии Федоровны. Ее второй брат, принц Георг Датский, с согласия великих держав, в 1863 году был возведен на престол Греции как Георг I. Будучи человеком прудумительным, он получил от держав обещание, что в случае свержения он и его семья будут получать от великих держав довольно крупное содержание «за риск». Короля Георга не свергли, но в 1913 г. он был убит анархистом. Он был женат на племяннице Александра II, великой княжне Ольге Константиновне. Мария Федоровна подружилась с невесткой и их переписка продолжалась всю жизнь.

Часто и подолгу бывая в Дании, во Франции и в Англии Мария Федоровна поддерживала переписку с мужем и детьми, когда те оставались в России, а также со многими близкими из придворных. Поэтому события ее жизни, взгляды и характер известны с ее собственных слов очень полно и подробно. Пожалуй, только девять лет ее изгнания оставались в тени, но эти письма восполняют недостаток сведений. Остается только правильно прочитать то, что она писала, а для этого нужно помнить семейный и исторический контекст.

Согласно викторианскому канону, который гласил, что одна из дочерей в семье должна остаться старой девой, чтобы служить опорой престарелым родителям, Мария Федоровна готовила любимую старшую дочь, Ксению, к участи компаньонки. Ее сестра Александра так и поступила

со своей дочерью принцессой Викторией. Юную Ксению избавило от той же участи сватовство великого князя Александра Михайловича, двоюродного брата ее отца. Встретив противодействие Марии Федоровны, Александр Михайлович отправил свататься своего отца, великого князя Михаила Николаевича. Александр III уступил настояниям дяди и мольбам влюбленной дочери, и Ксения Александровна вышла замуж летом 1894 г., незадолго до смерти отца.

Мария Федоровна тяжело пережила неожиданную смерть мужа. Она сразу лишилась мужа, с которым дружно жила четверть века, и положения первой дамы империи. В следующие тридцать лет ее любящие дети старались сделать все, чтобы возместить ее потери. Новая императрица, Александра Федоровна, уступила свекрови первенство на всех приемах и празднествах. До революции 1905 года Николай Второй даже советовался с матерью по государственным делам, что для Марии Федоровны было внове, так как при муже она была далека от политики.

Ксении Александровне приходилось сопровождать мать в поездках, лететь к ней по первому зову, а между тем у нее между 1895 и 1907 годом родилось семеро детей. После рождения последнего сына брак стал «дружбой», как об этом чистосердечно написал великий князь Александр Михайлович в мемуарах. Оба супруга имели связи вне брака, но соблюдали приличия (*Камаровская* 2003: 174–175).

Если верить «воспоминаниям» Ольги Александровны, которые после ее смерти выпустил в своем пересказе Иен Воррес, то Мария Федоровна выдала младшую дочь замуж за герцога Петра Александровича Ольденбургского, чтобы не разлучаться с ней. Через год после замужества Ольга Александровна влюбилась в молоденького кирасира, Н. А. Куликовского, заставила мужа взять его себе в адъютанты и затем всегда держала при себе. В 1916 году, когда Николай Второй уже простил несколько разводов и морганатических браков, заключенных родственниками вопреки его запрету², ему пришлось разрешить Ольге развестись с герцогом П. А. Ольденбургским и выйти замуж за Н. А. Куликовского.

К этому времени раскол в семье Романовых был очевиден. Растущая неприязнь общества к императрице Александре Федоровне и ее возросшее влияние на императора нанесли урон популярности самого Николая II и, рикошетом, всей династии Романовых. Видеть это и молчать становилось всё труднее для Романовых и их окружения. Мария Федоровна, чтобы остаться в стороне от конфликта, в 1915 году уехала из столицы в Киев. Александр Михайлович был неподалеку, на фронте; Ольга Александровна работала сестрой в киевском военном госпитале, а Ксения Александровна жила в крымском имении мужа Ай-Тодор. К концу 1916 года в Киев началось паломничество великих князей и придворных чинов, тщетно умо-

² Согласно статутам императора Павла I, которые оставались действительными для Романовых до падения империи, члены императорской семьи не имели права заключать или расторгать браки без согласия монарха. О морганатических браках (с неравнородными особами) статуты даже не упоминали.

лявших Марию Федоровну повлиять на сына и спасти Россию. Все единодушно предрекали военное поражение России и революцию, но в отношении способов избежать ее единодушия не было. В декабре 1916 года зять Ксении Александровны, князь Ф. Ф. Юсупов-младший организовал убийство Распутина. Это не остановило, а ускорило кризис в верхах, закончившийся февральской революцией 1917 года.

Отречение императора Николая II вызвало у его родных растерянность. Мария Федоровна простилась с сыном в Могилеве и в марте 1917 года уже приехала в Крым. Там же собрались и ее дочери с семьями, а потом постепенно потянулись с севера их знакомые, у которых были поместья в Крыму: Орловы, Воронцовы, Нарышкины, Долгорукие, Клейнмихели — все, чьи имена часто упоминаются в письмах. Бывшая фрейлина Марии Федоровны, Александра Александровна Оболенская приехала в Крым — ненадолго, как она думала, — чтобы морально поддержать Марию Федоровну и ее дочерей и пересидеть время смуты вдалеке от ее эпицентра, Петрограда.

Княгиня Александра Александровна Оболенская-Нелединская-Мелецкая (ур. графиня Апраксина; 1852–1943) и ее сестры Мария и Софья до замужества были фрейлинами цесаревны Марии Федоровны. Александра Апраксина в двадцать семь лет вышла замуж за князя Владимира Сергеевича Оболенского-Нелединского-Мелецкого (1847–1891), гофмаршала двора Александра III и любимца императорской семьи. Александра Александровна была бездетна, рано

овдовела и сосредоточила всю привязанность на племянниках и великой княжне Ксении Александровне.

С 30 августа 1917 г. (корниловского мятежа в Петрограде) до октября революционные матросы держали Романовых под арестом. В Ай-Тодоре было несколько обысков, вызвавших негодование императрицы. В конце февраля 1918 г. всех перевезли в Дюльбер, к великим князьям Николаю и Петру Николаевичам, где было легче держать их всех под наблюдением. Ольга Александровна с мужем пользовались большей свободой и жили отдельно, потому что они были Куликовские, а не Романовы. То же относилось к Ирине Александровне Юсуповой, которая с мужем сумела съездить в Петроград и Москву и привезти некоторые семейные ценности.

В течение 1918 г. в крымских дворцах и виллах петербургской знати учащались аресты и обыски, настроение становилось все более тяжелым, потом стало спокойнее, хотя и неприятно для русского самолюбия, когда Крым заняли войска недавнего противника, Германии, и семья Марии Федоровны вернулась в Ай-Тодор. В ноябре, после революции в Германии, немцы ушли и опять стали ждать прихода красных.

Вопреки воле Марии Федоровны, Ольга Александровна с мужем и маленьким сыном Тихоном уехали на Дон. Они рассчитывали купить дом в казачьей станице и там дожидаться подавления революции. В самом начале 1919 года уехал во Францию морем в.к. Александр со старшим сыном Андреем и его беременной

женой. Александр Михайлович хотел попасть на Версальскую мирную конференцию, где надеялся представлять интересы России как члена победившей Антанты. Он также хотел встретиться с германскими родственниками, чтобы через них добиться освобождения своих братьев: Сергей Михайлович, по слухам, уже был расстрелян в Алапаевске, но два других брата, Николай и Георгий, были заключены в Петропавловской крепости.

Ни первое, ни второе ему не удалось. Однако известия о гибели Романовых на Урале показали, насколько опасно для членов династии оставаться в России. И германские, и румынские, и английские родственники предлагали Марии Федоровне уехать. Весной 1919 года вдовствующая королева Александра, через командование английской эскадры, несшей службу в Черном море, несколько раз просила Марию Федоровну не медлить с отъездом. В апреле императрица согласилась эвакуироваться при условии, что английские суда заберут всех ее знакомых и приближенных, кто может пострадать от прихода большевиков. Вместе с Романовыми из Дюльбера и большой группой придворных и их семей она покинула Россию на линкоре «Мальборо». Пасху 1919 года Романовы и их сопровождающие встретили в Средиземном море.

С острова Мальта Мария Федоровна и Ксения Александровна с сыновьями отправились в Англию. Великие князья Николай и Петр Николаевич с женами, детьми и свитой поехали в Италию, куда их пригласила итальянская королева Елена, младшая

сестра великих княгинь Анастасии и Милицы Николаевны. Некоторые из группы Марии Федоровны, вдохновленные известиями о победах Врангеля, вернулись в Крым, а через год они либо вновь бежали, либо погибли при вступлении Красной армии. Княгиня Оболенская по совету императрицы поехала с Мальты в Италию с Юсуповыми, а потом переехала в Париж, где прожила до самой смерти в 1943 году.

Мария Федоровна много раз бывала в гостях у сестры до Первой мировой войны, но в 1919 году они с Ксенией Александровной были уже не гостями, а беженками и не могли не обратить внимания, что Англия стала другой и стало иным отношение английского общества к России. В королевской семье и при дворе королевы Александры никто не затрагивал болезненных тем, как отречение Николая Второго или его судьба, не говорили о Брестском мире, заключенном советским правительством с Германией и Австро-Венгрией, но газеты были не столь сдержанны.

Чтобы представить отношение к Романовым в Англии, нужно знать, как Россия виделась англичанам, а не как Россия видела саму себя. Вековое противостояние России и Англии создало прочное взаимное недоверие в правящих слоях обеих империй. Несмотря на политическое сближение в 1907–1917 годах и на популярность русской культуры среди интеллектуалов, имя Николая II у рядового англичанина ассоциировалось с Ходынккой, еврейскими погромами, «Кровавым воскресеньем», карательными экспе-

дидиями в Прибалтике и в Москве в 1905–6 годах и расстрелом рабочих на Ленских приисках. Обо всех этих событиях в свое время широко сообщалось в западных газетах. Поэтому до 1914 года британское правительство не решилось даже обсуждать в парламенте военный союз с Россией — как ни стремилась к этому Россия — и подчеркивало ограниченный характер англо-русского сближения.

Хуже того, с начала Первой мировой войны в Англии довольно распространено было мнение, что не вмешайся Россия в сербо-австрийский конфликт в июле 1914 года, не было бы войны, в которой погибло столько англичан. Только после яростных дебатов в кабинете и выхода из правительства нескольких министров, через пять дней после начала военных действий на континенте, Британия объявила войну Германии. Таким образом, в глазах многих британских политиков и большинства населения Британия понесла огромные потери в войне 1914–1918 гг. отнюдь не по своей вине и не ради своих интересов, а потому что вмешалась в свару между военно-феодальными империями на континенте. По мере того, как потери Антанты росли, а конца войны все не было видно, во всех воюющих странах пресса начала выражать крепнущее мнение, что война была не нужна, а союзники делают меньше, чем им полагается, для общего дела.

Отречение Николая Второго и приход к власти Временного правительства в феврале 1917 г. вызвали в британском и французском обществе восторг: наконец, Россия вошла в число европейских парламентских

государств и на волне энтузиазма армия сможет восстановить свою боеспособность, но восторги быстро прекратились, потому что русская армия начала разваливаться. Потери Англии и Франции были тоже очень велики: почти половина французской территории была оккупирована, фронтовая и прифронтовая зоны были разорены, и человеческие потери ставили под вопрос темп послевоенного восстановления страны.

В Британской империи война унесла около миллиона жизней и сильно истощила материальные и моральные ресурсы нации. В начале 1918 г. большевики заключили в Брест-Литовске сепаратный договор с врагом, тем нарушив союзный договор сентября 1914 года. Россия покинула Антанту, тем позволив Германии перевести войска на западный фронт и оттянуть поражение и конец войны. Так что не стоит удивляться, что население стран Антанты испытывало к России после 1917 года самые отрицательные чувства.

Попытка великого князя Александра Михайловича и бывших царских дипломатов представлять интересы России на Версальской мирной конференции не увенчалась успехом. Европейские державы договорились о мире и границах новых независимых государств — в том числе и Польши, Финляндии, Латвии и прочих бывших территориях Российской империи, — в отсутствие России. Сообщения с театров гражданской войны не давали оснований восхищаться ни белыми, ни красными. Европейцы считали, что русский народ ясно показал, что не хочет ни возвращения своих старых правителей, ни

восстановления прежней политической системы, а белые, ничему не научившись, всё продолжали в той или иной форме обещать реставрацию прошлого и ссорились между собой, вместо того, чтобы дружно бороться с большевиками. При всем негодовании против лозунгов и методов советского правительства ему нельзя было отказать ни в изобретательности, ни в умении добиваться своего. А успех всегда вызывает уважение политиков.

Оказавшись в Англии, Мария Федоровна узнала, что в парламенте ее критикуют за то, что, живя у сестры, она принимала белых офицеров, приехавших в Англию. Таким образом, по мнению члена парламента, она создавала нежелательное впечатление, что королевская семья — и косвенным образом правительство — разделяет ее политические симпатии. Это была одна из причин, ускоривших ее отъезд в Данию.

Она вернулась в Данию, которую регулярно и подолгу посещала с того времени, как уехала в Россию в 1866 году, и где у нее была собственная дача, купленная пополам с сестрой. Она всегда покровительствовала датским предпринимателям и компаниям, которые хотели вести дела в России и с полным основанием ожидала теплого приема и от своей семьи, и от народа.

Но Дания в 1919 году была не та, что в 1914. Как все нейтральные страны, Дания разбогатела на поставках воюющим странам, и в послевоенном буме предприниматели и финансисты были озабочены тем, чтобы не останавливаться на достигнутом пре-

успейнии, а увеличивать его — будь то торговлей или финансовыми спекуляциями. Датское правительство исполнило свой долг, предоставив убежище датской принцессе Дагмар, а ныне вдовствующей русской императрице Марии, но если бы ее дети или внуки развили политическую деятельность на датской земле, то пострадали бы датско-советские отношения, а, следовательно, и датские интересы. Внуку Марии Федоровны, Василию, посоветовали уехать из Дании, когда он, по мнению властей, стал слишком дружить с русскими эмигрантами в Копенгагене.

Разгром Германии дал Дании возможность осуществить давнее желание ее правителей: путем плебисцита вернуть спорные территории Шлезвига. Отец Марии Федоровны когда-то попытался включить Шлезвиг и Гольштейн в территорию Дании, но, проиграв войну, был вынужден отдать их Пруссии. Датская королевская семья не смирилась с поражением: в 1865 году Мария Федоровна и Александра Уэльская безуспешно пытались убедить королеву Викторию и Александра II оказать давление на Пруссию в пользу Дании. В 1890-х годах французский посланник был поражен злопамятностью датского короля, отца Марии Федоровны, по поводу германской аннексии Шлезвиг-Гольштейна (*J.Jusserand* n.d.:182). Всю долгую жизнь в России Мария Федоровна не скрывала своей ненависти к Германии. Теперь, благодаря Версальскому договору, мечта датской королевской семьи о реванше была близка к осуществлению. Но плебисцит показал, что только часть Шлезвига хотела войти в состав Дании, а другая

хотела остаться в Германии. Письма Марии Федоровны к дочери Ксении в этот период полны пожеланиями победы датчанам и проклятиями немцам, которых она обвиняла в коварстве и интригах. Она с восторгом приняла решение своего племянника короля Христиана X аннексировать город Фленсбург вопреки результатам плебисцита и мнению датского правительства. Королю Христиану, забывшему, что не он назначает правительство, а потому не имеет права и увольнять его, пришлось пойти на попятный, когда датчане чуть ли не восстали против него за разгон кабинета.

Следующим ударом для Марии Федоровны был лопнувший в 1923 году мыльный пузырь послевоенных финансов в Дании и крах банка, где она и ее брат Вальдемар держали свои значительные капиталы. Мария Федоровна приехала к старшей сестре еще один раз после краха банка. Визит оказался последним: королева Александра была совершенно глуха, разговаривать с ней было утомительно, а она требовала, чтобы младшая сестра безвыездно сидела с ней в загородном поместье, где Марии Федоровне было скучно. Суровая характеристика королевы Александры английским историком Джейн Ридли резюмирует ситуацию, в которой позднее оказалась и сама Мария Федоровна:

«К старости вечно юная, веселая принцесса Аликс превратилась в монстра. Принцесса, которая, быть может, так никогда до конца не стала взрослой, впала в детство и вела себя,

как избалованный и капризный ребенок. Лишенная умственного и духовного содержания, “Мамочка”³ цеплялась за членов своей семьи с настойчивостью, выходявшей за пределы разумного» (*Jane Ridley* 2012: 477).

Преклонный возраст обеих сестер заставлял их бояться путешествий и после возвращения Марии Федоровны в Данию они больше не виделись, а в конце 1925 года королева Александра умерла.

Мать и сестры последнего императора жили в изгнании уединенно. Женщины царствующих семей не играли самостоятельной политической роли ни в одной из европейских стран того времени, за исключением тех случаев, когда они наследовали престол. Если Мария Федоровна оказала большое влияние на сына в первое десятилетие его царствования, то после первой русской революции 1905–6 гг. она потеряла интерес к политике (*Marina Soroka* 2011: 27) и ограничивалась редкими ходатайствами за угодных ей лиц. После 1919 года она не имела никакого политического веса вне русских монархических кругов. Ее дочери не занимались политикой в России и не стали делать этого в эмиграции, в отличие от родственниц: великая княгиня Виктория Федоровна и племянница великого князя Александра Михайловича, германская кронпринцесса Цецилия, например, активно старались помочь политическим амбициям своих мужей.

Связи дочерей Марии Федоровны с европейскими монархиями были

³ Обычное для той эпохи английское обращение к матери, «Motherdear».

опосредованными — через датскую королевскую семью. Теплых родственных отношений с королевскими домами Европы (кроме дружбы Ксении Александровны и короля Георга V) у них не было. Это исключало для них всякую возможность пользоваться личными связями для поиска политической или иной поддержки русской монархической диаспоре. Нужно помнить и то, что одна из функций любой династии — служить образцом для подданных, а длительный роман Ольги Александровны с Куликовским, ее развод и второе замужество, как и соломенное вдовство Ксении Александровны, не прибавили им веса в глазах современников.

Участие императрицы и ее дочерей в политической жизни эмиграции было скорее реакцией, которой от них требовали обстоятельства, чем активной позицией. Это показало их отношение к самопровозглашению великого князя Кирилла Владимировича преемником Николая II. Сначала при полном хаосе гражданской войны у вдовствующей императрицы и ее близких не было уверенности, кто убит, а кто жив. Например, в 1919 году Мария Федоровна подолгу не получала известий от дочери Ольги, скитавшейся по югу России, или получала вести от тех, кто ее встречал в Ростове или на Дону. И все-таки Ольга с мужем и двумя детьми приехала в Данию в 1920 году. В отношении сыновей к 1923–4 годам никакой надежды не оставалось, но она отказалась говорить об их смерти. Аналогичным образом ее сестра Александра

отказывалась упоминать своего мужа после его смерти в 1910 году. Это было слишком больно. В.к. Александр Михайлович, считал, что упорное нежелание знать правду позволяло Марии Федоровне сохранять оптимизм (*Alexander Grand Duke of Russia* 1933: 132).

Когда в.к. Кирилл Владимирович, глава семьи Романовых, провозгласил себя сначала блюстителем опустевшего престола, а затем в 1924 г. и императором, то он тщетно просил Марию Федоровну о моральной поддержке⁴, обещая уступить престол Николаю Второму, его сыну или брату, если кто-то из них окажется жив. Она заявила, что пока нет доказательств смерти ее сыновей и внука, нет нужды в новом императоре. Ее отказ поддержать Кирилла Владимировича окончательно расколол монархистов. Трещина прошла и через семью Ксении Александровны: ее муж Александр Михайлович и их совершеннолетние сыновья (кроме Дмитрия, бывшего в США) поддерживали Кирилла, потому что реставрация невозможна без императора. Ксения и Ольга Александровна осудили то, что считали личными амбициями Кирилла Владимировича.

Реакция Марии Федоровны и дочерей на раскол в зарубежной православной церкви следовала той же логике: не становиться ни на одну сторону. В этом они были последовательны: копенгагенский и лондонский приходы были на стороне митрополита Евлогия, против «соборян», которые на Карловацком собо-

⁴ Мнение вдовствующей императрицы не имеет юридического веса, когда решается вопрос о наследовании престола. Наследник избирается в согласии с Основными законами Российской империи.

ре 1921 г. провозгласили, что нужно бороться за возвращение монархии в Россию и возведение на престол нового царя (Кирилла Владимировича). Марии Федоровне и ее дочерям не было нужды заявлять о том, что они против собора, они просто продолжали ходить в ту же церковь, что и прежде, а там отказывались примкнуть к «кирилловцам».

Письма, которые великие княгини Ксения, Ольга и императрица-мать написали Оболенской за двадцать лет, дополняют имеющееся представление о политической, культурной и частной жизни узкого круга русской диаспоры в межвоенной Европе. Те же знакомые, что и до революции приезжали в гости к Ксении Александровне или Марии Федоровне, посылали им поздравительные телеграммы, и организовывали благотворительные балы и «русские праздники», на которых дети Ксении Александровны, кстати, и находили своих спутниц жизни.

Современные «монархисты», восхищаясь дворянским обществом и его традициями, забывают, что их самих, какими бы умными, культурными и обаятельными они себя не считали, в этом обществе их бы не приняли. Можно заработать или украсть миллионы и стать приемлемым для других миллионеров. Можно добиться высокого положения по службе или завоевать творческую известность — но нельзя «добиться» высокого рождения, а только оно и делало человека «своим» в русском высшем свете до революции и в большой степени так осталось и в русской эмиграции.

Не случайно сыновья Ксении Александровны женились на Голенищевой-Кутузовой, Воронцовой-Дашковой, Трубецкой и Голицыной. Другого русского круга у них не было. Классовое общество жило по строгим законам, которые теперь часто забываются, и от того, что разрушилась империя, ничего не изменилось в отношении высших к низшим. Для кого-то в этом была и романтическая сторона: браки по расчету, например, вызвали презрение, и молодого графа Воронцова-Дашкова, который искал богатую жену, Ксения Александровна осуждала больше, чем ту особу сомнительного прошлого, на которой он вознамерился жениться. С Воронцова спрос был больше, чем с простолюдинки.

В декабре 1921 года по указу Советского правительства все российские граждане за пределами России, не получившие советского паспорта, лишались гражданства. С этого момента все эмигранты стали лицами без гражданства вплоть до того, как в 1924 г. Лига Наций, по инициативе Фритьофа Нансена, постановила выдать русским беженцам род удостоверения личности, который позволял им легально пересекать границы. Романовы пользовались льготами, недоступными остальным: коронованные родственники обеспечили их дипломатическими паспортами, которые позволяли им передвигаться по Европе.

После Первой мировой войны Британия и Франция значительно расширили свои системы социального обеспечения, включая страхование от безработицы, пенсии по старости и инвалидности, но на эмигрантов

это не распространялось. В этом причина возникновения добровольных бесплатных организаций русских врачей, домов для престарелых, молодежных лагерей и приютов, о которых упоминается в письмах Марии Федоровны и Ксении Александровны. Они пытались восполнить нехватку медицинской и другой помощи неимущим беженцам, а финансировалось всё это через благотворительные мероприятия и добровольные пожертвования. Романовы жертвовали мало и редко, о чем с сожалением или смущением пишут и Мария Федоровна, и Ксения Александровна, но Ксения Александровна добросовестно несла обязанности почетной покровительницы Русско-Французской больницы и общества взаимопомощи бывших фрейлин и прочих, писала письма к знакомым ей богатым русским с просьбой помочь эмигрантским организациям. Обе великие княгини участвовали в благотворительных акциях в пользу русских эмигрантов, отдавали для продажи собственные акварели и покупали чужие; посещали концерты в пользу обществ, которым покровительствовали. Как частное лицо Ксения Александровна старалась тратить свои ограниченные средства так, чтобы принести пользу русским беженцам: все ее поздравительные открытки куплены у бывшей петербургской Общины св. Евгении; она и ее дети старались нанимать прислугу из своих, эмигрантов: это выходило дешевле и удобнее, ведь англичане или французы были более независимыми и требовательными.

В то же время, их благотворительность приобрела новый оттенок в эмиграции. Если до революции

филантропия членов царской семьи подчеркивала их «надпартийность» (помощь младенцам, сиротам, раненым), то в эмиграции они прежде всего стремились помочь тем, кого знали лично, а это были деятели крайнего монархического толка, которые основывали общества вроде ревнителей памяти императора Николая Второго и офицерских и военных объединений. Позиция Ольги и Ксении Александровны была ясной, и отнюдь не «нейтральной».

Сестры Николая II свели к минимуму свои контакты с обществом тех стран, где они поселились, что характерно для всех эмигрантов первого поколения: у них мало общих интересов и точек соприкосновения с местным населением. Великие княгини, как все их соотечественники, чувствовали себя чужими в странах расселения, несмотря на то, что говорили на языке и знали обычаи этих стран. То, что они пережили, что наложило отпечаток на их мировоззрение, было непонятно чужим, и общение с местным населением было психологически тягостным (*Mark Raeff* 1990: 44).

Узости их круга способствовало их положение: после крушения Российской империи они не могли ни поддерживать тот образ жизни, который вели их прежние знакомые, ни искать новых друзей вне этого круга. Во-вторых, как гости королевских семей Британии и Дании, дочери Марии Федоровны обязаны были помнить, что гости должны вести себя так, чтобы хозяева не пожалели о своем гостеприимстве. В эпоху, когда шатались все европейские троны, монархи не могли игнорировать тот

факт, что революции в России, Австро-Венгрии и Германии привели к установлению республик в этих империях.

В 1917 году Георг V, двоюродный брат Николая II, сам попросил свое правительство аннулировать приглашение отрекшемуся императору приехать в Англию. Премьер-министр, Д. Ллойд-Джордж, ответил, что правительству не подобает отказываться от официально данного слова, но король через секретаря еще раз просил, чтобы британское правительство посоветовало Временному подыскать для Николая II другое место пребывания (*John Van der Kiste* 1993: 129–130). Таким образом, король Георг пожертвовал личными чувствами и принципами ради спокойствия в собственной стране и спасения династии. В этом он оказался полной противоположностью императору Николаю, который сдержал обещание, данное членами Антанты в сентябре 1914 года, не заключать сепаратного мира, ценной революции в России и даже жизни своей и родных.

Георг V зато очень тепло отнесся к Ксении Александровне и Марии Федоровне. В 1919 году он пригласил тетку и кузину с детьми поселиться в Англии и оплачивал содержание дома Марии Федоровны в Дании, вплоть до ее смерти, а после — выплачивал пенсии ее старым слугам. В 1925 г., видя, что Ксению Александровну обобрали проходимцы, обещая выгодно вложить ее деньги в дутые предприятия, король предложил кузине поселиться в одном из нескольких домов, которые королевская семья всегда держала наготове для впавших в бедность родствен-

ников или знакомых. Кроме того, он определил Ксении Александровне щедрое ежегодное содержание, 2 400 фунтов. Два опекуна, личный секретарь короля и бывший государственный контролер Петр Львович Барк, перешедший на службу в государственный банк Великобритании, присматривали за ее финансами. В дальнейшем по просьбе короля британское правительство приняло негласное, но действенное участие в нескольких судебных процессах, которые великие княгини Ксения и Ольга вели в разных странах, чтобы отсудить недвижимое имущество своих родителей и братьев.

Действенная поддержка английского кузена, как и нежелание мужа жить с ней одной семьей, определили место жительства Ксении Александровны. Она скучала о Париже, где собрались многие ее старые знакомые, ругала английский климат и порядки, но оставалась в Англии. В двадцатых годах великий князь Александр Михайлович безуспешно пытался добиться от жены согласия на развод, но ему пришлось расстаться с надеждой создать новую семью, и он одиноко жил в Париже. Он отказался от мысли вернуться в Россию, мечтал о всеобщем мире, увлекался теософским учением, спиритизмом, поддерживал связи с единомышленниками по всей Европе и написал несколько брошюр на эти темы. Чтобы распространять свое учение, он поехал в США с серией лекций, но убедился, что американцев интересуют не его эзотерические взгляды, а рассказы о русском дворе и о семье Романовых. Об этом он и рассказывал во время турне, а потом выпустил на основе лекций две книги мемуаров.

Их дочь княгиня И. А. Юсупова жила с мужем во Франции. В Англии собрались вокруг Ксении Александровны сыновья. Как многие титулованные дворяне, сыновья великой княгини получали места на службе у промышленников или финансистов по протекции, но карьеры они не сделали. Никто, кроме двух младших сыновей, Ростислава и Василия, осевших в США, не смог в годы экономического спада прожить на заработок, и князя Федор, Дмитрий, Андрей и Никита провели тридцатые годы в доме матери, последние три — вместе с женами и детьми.

Англичан шокировало, что взрослые мужчины с женами и детьми живут на средства матери. Та же была рада помочь детям и ради них соглашалась на поступки, которые сама не считала вполне правильными: например, помочь Василию Александровичу заработать на издании биографии императрицы Марии Федоровны и ее сестры королевы Александры; помочь Никите Александровичу осуществить его честолюбивые мечтания, внушенные дальневосточными эмигрантами.

Неустроенность сыновей великой княгини Ксении была далеко не исключением после 1929 года. Беспомощность и растерянность заставила многих искать выхода в радикальных политических течениях, вызванных к жизни и травмой Первой мировой войны, и экономическими тяготами. Прочность итальянского фашизма, приход к власти Гитлера и его курс на восстановление экономической, промышленной и военной мощи Германии; мятеж испанского генерала Франко против социалистического

правительства вызывали симпатии у многих русских монархистов. Мечты о «твердой руке» распространились в определенных группах эмигрантов. Одни с надеждой смотрели на СССР, где «твердая рука» Сталина, казалось, обещала подъем мощи и авторитета России, каким она не пользовалась уже двадцать лет; другим виделся фашизм, который, наоборот, сможет навести порядок в бурлящей Европе и даже сокрушить СССР.

В 1935 году князь Никита Александрович основал в Виндзоре, то есть в поместье королевской семьи, где он жил у Ксении Александровны, комитет по сбору пожертвований в пользу беженцев, в который вошла его мать и, следуя ее примеру, многие титулованные эмигранты. «Неизвестно, что может быть на Дальнем Востоке, — сокрушался глава русской диаспоры в Англии Е. В. Саблин, — потому что эти беженцы суть военнопособные», то есть сборы шли на подготовку интервенции (*Трубников* 1998: 274–276), что с точки зрения опытных политиков было заведомо безнадежным и вредным делом.

Ксения Александровна, в той мере, в которой она следила за событиями в Европе, сначала сочувствовала Гитлеру как образцовому патриоту, поднявшему свою родину с колен после унижения в 1919 году и вернувшему ей национальную гордость и утраченные территории. Антисемитизм Гитлера тоже внушал ей доверие, потому что она верила в сионистский заговор, но после аншлюса Австрии в 1938 году она потеряла симпатию к Гитлеру и Германии. Ее знакомые участвовали в испанской граждан-

ской войне на стороне Франко и добровольцами на стороне Финляндии в советско-финской войне, и это она считала оправданным как борьбу против мирового зла, коммунизма. Но она прочла «Mein Kampf» достаточно внимательно, чтобы накануне Второй мировой войны упрекать в наивности тех русских, которые ожидали от Гитлера реставрации великой России. Блицкриг германской армии вызвал у нее горечь, но она смотрела на это со стороны, т. к. никто из ее сыновей не воевал. На этом весной 1940 года и закончилась ее переписка с княгиней Оболенской: с оккупацией Парижа их связь оборвалась. Мы не узнаем, как отнеслись великие княгини Ксения и Ольга к началу советско-германской войны в 1941 году, а это был переломный момент для многих русских эмигрантов.

Любопытно узнать из первых уст мнение Романовых о потоке мемуаров о царской России и царской семье, которые наводнили в те годы журналы и книжные магазины Европы. Они встречали книги о своей семье очень настороженно и, как правило, враждебно: «Что скажешь про воспоминания Олленгрена?! Какая нестерпимая пошлость!» (Письма 2013: 416).

Мария Федоровна не читала этих книг и газет. Ее жизненная установка была: не обращать внимания на огорчительное и окружать себя светлой радостью. Единственные, в ком она не видела ничего светлого, были немцы и «чудовища» в Советской России. (Письма 2013: 24–26). Она не винила Германию за мировую войну, но не могла простить Пруссии

еще с 1864 года аннексию спорных провинций.

В отличие от своих сыновей, Мария Федоровна обладала развитым инстинктом самосохранения, который подсказал ей, что оставаться в России в надежде на глубокую преданность «обманутого народа» не стоит. Поэтому она уехала в эмиграцию, а там совершенно правильно сказала, что пока белые генералы грызутся между собой, ничего хорошего ждать нельзя и в Россию им не вернуться. Сначала Россия должна понести божье наказание. Правда, себя и остальных Романовых, включая императора, она видела безвинными жертвами, искупающими грехи русского народа. Все хорошее в старой России было заслугой российских императоров, а все плохое было не по их вине.

Резкий отказ Марии Федоровны поддержать в.к. Кирилла не был политически или юридически мотивирован. Это был протест против попытки напомнить ей о страшном. И ее дочери возмущались именно тем, что в.к. Кирилл берedit рану их матери:

«Жаль Мамá до боли, ты понимаешь, какая это была пытка для нее — в довершение всего — писать К[ириллу] и Н[иколаю] Н[иколаевичу]) свое мнение — она так избегала выражать какое бы то ни было мнение эти года, оставаясь вне всего, а тут уж она себя чувствовала совершенно припертой к стене и пришлось высказаться» (Письма 2013: 181–182).

К несчастью для монархистов, в эмиграции Мария Федоровна стала последним незапятнанным символом

старой России и ее отказ поддержать Кирилла Владимировича расколол их ряды. Ксения Александровна понимала, что позиция ее матери ставит под вопрос эту попытку объединить монархистов, но все-таки она считала, что чувства Мама важнее.

Французский язык Марии Федоровны был правильным (как и русский, например, в переписке с дочерью Ксенией), но она пользовалась набором штампованных фраз, которые употребляла в каждом письме. Все дети «прелестны», все вдовы — «бедняжки», погода всегда «великолепна», а все молодожены «выглядят очень счастливыми». Скучный язык и обилие штампов говорят о бедности восприятия и привычке все увиденное и услышанное сводить к нескольким трафаретам. К старости Мария Федоровна стала неспособна воспринимать ничего выходящего за привычные рамки. Она, как и вся ее родня, приучила себя видеть только то, что хотела видеть.

Жаловаться — «пищать», как это называлось в семье — считалось недопустимым. Таких эмоций, как злость, раздражение, а тем паче обида, Романовы не должны были испытывать, это уронило бы их в глазах окружающих, а потому все эти слова заменялись на сдержанное «скучно» от французского «ennuyeux».

Дочери до некоторой степени следовали ее стоическому примеру. Ксения Александровна была сердобольна и жалостлива. Ольга Алек-

сандровна была более деловита. Вот ее отклик на гибель в автомобильной катастрофе сына ее брата Михаила: «Да, ужасно грустно с сыном Миши⁵. Несчастливая мать, мне так ее жаль. Николай Александрович еще легко устает, но бодр и выглядит чудно. Сад мой здесь очень оказался красивым — и все есть: черемуха...» (Письма 2013: 117–118).

Все три женщины не раз пишут о «России», но для них за этим словом стоит совершенно не то, что понимаем мы, да и большинство их современников. Прежде всего, это самодержавие и империя, «великая Россия», которую они искренне оплакивали. Затем, это Аничков дворец, Гатчина, Ай-Тодор и Ливадия, их «малая родина». Русский народ — это узкий круг их приближенных (Шуваловы, Воронцовы, Кутузовы, Менгдены, Ферзены и Долгорукие), затем верная армия и духовенство. Этим объясняется своеобразие именно указателя к их письмам. В нем сравнительно мало фамилий и почти все принадлежат титулованной знати или коронованным особам. Но если подсчитать дюжины две Воронцовых с отпрысками, зятями и невестками, да целый полк Голицыных, Мейендорфов, Мусиных-Пушкиных и Ферзенов, то, конечно, получается, что они знали очень многих людей, хотя из очень маленького круга.

После гражданской войны, во время которой они еще писали о «нашей бедной несчастной стране», стонущей под гнетом сатанинского пра-

⁵ Г. М. Брасов (1910–1931), сын в.к. Михаила Александровича и Н. С. Брасовой (Шереметевской-Мамонтовой-Вульферт) разбился на гоночной машине.

вительства, они перестали писать о России. России больше не было. Препятствовать признанию СССР, радоваться его потерям и трудностям, проклинать державы, отказывающиеся воевать против большевиков, было совершенно законно в глазах многих эмигрантов, потому что то чудовищное новообразование, которое появилось на месте их империи, не имело права на жизнь. Отсюда их сочувствие Польше, Финляндии, как видно из этого письма:

«Лишь бы бедные финны смогли удержаться и кто-нибудь пришел бы им на помощь! Теперь, наконец, начинают понимать, что из себя представляет Красная армия — о которой столько кричали на всем свете! Бедный, несчастный, голодный, измученный народ, жалко их до боли, а в то же время нельзя не радоваться успехам финнов и не желать полного разгрома красных!» (Письма 2013: 413)

Отсюда и симпатия к Гитлеру — как борцу против большевизма и «жидов», понятия близкие для Ксении Александровны. Эта симпатия исчезла только, когда Гитлер захватил Австрию в 1938 г. До того, пока он нарушал Версальский договор и диктовал Англии и Франции свои условия, добрейшая Ксения Александровна вполне одобряла его и даже несколько злорадствовала, что Англия и Франция, не пожелавшие в 1919 году воевать против большевиков, чтобы не дать воспрянуть «великой России», теперь вынуждены плясать под дудку «маляра»:

«А хороши Англия с Францией в своем стремлении достигнуть соглашения с “Советами”, и как их

щелкают большевики, то есть всемогущий преступник Сталин — даже весело, если бы не было так грустно и пакостно для нас, русских, что правительству “великих держав” считаются и заискивают перед палачами нашей бедной России!» (Письма 2013: 394–396).

Каждое столкновение с английскими или датскими порядками вызывает у сестер сравнения с Россией, где все было правильно, красиво и справедливо. Сын Ксении Александровны, лежа в английской больнице, назло английским сиделкам рассказывает, насколько лучше и более современно оснащены больницы в варварской, по мнению англичан, России. Ксения Александровна, обиженная на своих хозяев, говорит, что такое было бы невозможно «у нас в России». Это еще раз напоминает, что они жили в совершенно другой «России», которую не знали их соотечественники.

Говоря об их отношении к соотечественникам, нельзя забывать о тех, кто им прислуживал. За ними последовало значительное число людей, без которых они не мыслили себе жизни: камеристка, лакеи, портниха, няньки и выше — до небольшого штата придворных у Марии Федоровны и Ксении Александровны. (Ольге Александровне, потерявшей статус после второго замужества, двор уже не полагался).

Романовы ценили тех, кто служил им, тепло к ним относились, хотя своеобразно: Ксения Александровна одобрительно писала о придворной даме своей тетки, королевы Александры, что та предана ей, «как собака» (Письма 2013:179–180).

Читая постоянные жалобы Марии Федоровны на одиночество, нужно помнить, что это пишется при наличии придворной дамы, двух секретарей и сиделки, не говоря уже о казаках или камеристке. Даже придворную даму графиню Менгден и секретаря князя Долгорукого императрица считала не обществом, а обслугой. Если ее не навещал принц или принцесса, то она чувствовала себя всеми покинутой.

Ксения Александровна была менее близорука и даже иногда упоминает «глас народа», тихонько, по секрету, сочувствует няне своей внучки, которую оскорбили и прогнали сын с невесткой (однако, ради мира в семье, не пытается вмешаться), но это совершенно чуждая ей порода людей. Чувство личной ответственности за бывших солдат и прислугу никогда у них не пропадало. Привязанность к старым слугам была оборотной стороной тоски о прошлом — хотя об этом они старались не писать. Ольга Александровна писала:

«В Гатчине умер 23 ноября старый Мишин Семенов⁶. Мы с ним были в переписке все эти года... Мне было грустно. Все, кто писал мне из Гатчины, умерли... Я так радовалась их письмам...» (Письма 2013: 115–116)

Ксения Александровна иногда упоминает книги и газеты, которые читает. Книги всегда об императорской России, газеты — только русские эмигрантские. Создается впечатление, что, живя в Англии, она узнает

о событиях в Европе — и в Англии в том числе — только из парижских русских газет. Это характерная попытка оставаться в привычном своем мире и смотреть на всё со «своей» точки зрения. В то же время надо представить себе, насколько это мешает пониманию событий.

Может быть поэтому сестры императора до 1940 года смотрят на действительность из 1916, когда все было правильно и справедливо. Дальше все пошло не так. Отчего — они не понимают. Ксения Александровна часто приходит к заключению, что все «странно и непонятно», и склонна объяснять большие политические события действием «темных сил» или божьей волей. Как правило, вера в «темные силы» сопутствуют другим убеждениям и взглядам, которые в их время были популярны в среде Пуришкевичей, Дубровиных и в бульварной прессе. Неоднократно высказанные матерью и сестрами последнего императора убеждения часто перекликаются с более ранними высказываниями Николая Второго. И возникает вопрос: неужели суждения великих княгинь об умиротворении Гитлера ценой сдачи Чехословакии в 1938 году и их понимание политической обстановки в Дании, в Германии, в Англии, во Франции разделил бы Николай II?

Великих княгинь никто не учил анализировать события, прошлое и настоящее России и Европы они знали поверхностно, и с детства восприняли, не рассуждая, те оценки и критерии, что слышали от окружающих. С тем же политическим багажом,

⁶ Бывший камердинер в.к. Михаила Александровича.

в котором цитаты из Победоносцева перемешались с семейными преданиями и светскими сплетнями, они прожили всю жизнь, не чувствуя потребности заменить сносившиеся его части — вроде жидомасонского заговора — на что-то поновее.

В 1940 году в.к. Ксения Александровна писала Оболенской:

«Страшно, до какой степени сбываются знаменитые “Протоколы” в книге Нилуса⁷. Я их только что перечитывала в английском переводе, напечатанные в 36 году в Лондоне. Мало кто их читал, кого они интересуют, и того меньше, кто им верит, а следовало бы над этим призадуматься, пока не поздно. Пример России на лице[так в тексте], она была их первой жертвой — и все, кому не лень, помогали той бесовской силе в ее адской работе — потому что люди, сами того не зная (а другие и сознательно) уже давно подчинились и действуют по ее указке!» (Письма 2013:416–417).

В то же время сказать, что они совершенно наивны и слепы, нельзя. Они трезво судят о вещах, которые им знакомы: отношениях людей их круга, придворных интригах, желтой прессе. Их отношение к шумихе вокруг «спасшейся Анастасии» можно назвать философским: после заявления Ольги Александровны, что женщина, называющая себя Анастасией, не ее племянница, они решительно игнорируют фантастические предположения и истерические обвинения. Читателей желтой прессы и саму

сумасшедшую самозванку они жалеют, но возмущаются теми членами своей семьи, которые дали повод говорить об их поддержке «Чайковской».

Постоянный лейтмотив писем — это человеческая порядочность и взаимопомощь. Люди приходят на помощь друг другу, потому что верят в святость родственных связей, в дружбу и просто из сочувствия. Английская королевская семья, — после того, как крупно подвела Николая II и его семью — за двадцать лет ни разу не оставила Ксению Александровну в беде.

Принимать подаяние, как известно, куда труднее, чем его давать, поэтому обиды на богатых родственников, конечно, бывали, но король Георг, королева Мария и их дети, не будучи близкими друзьями уцелевших Романовых (кроме Ксении Александровны), не отвернулись от них. Королева Мария, вопреки сплетням о ее прижимистости, ходившим в эмиграции, из жалости покупала у эмигрантов их табакерки и пудреницы за цену, куда более высокую, чем давали ювелиры, и за купленные у дочерей-наследниц драгоценности Марии Федоровны тоже заплатила цену, назначенную независимыми экспертами-ювелирами. Сомнения у в.к. Александра Михайловича вызывала как раз таки порядочность его зятя Феликса Юсупова, жаждавшего помочь теще пристроить оставшиеся драгоценности.

Ехидные рассказы о жадности и мелочности датской родни по

⁷ С. А. Нилус (1862–1929) с 1900 г. проповедовал о близости явления Антихриста и Страшного суда, а в 1905 включил «Протоколы Сионских мудрецов» в свою книгу «Великое в малом».

отношению к «нашей бедной императрице»⁸, которые смакуют некоторые современные авторы, перекрываются постоянными упоминаниями в письмах об удовольствии, которое доставляли Марии Федоровне посещения и приглашения ее датских родных и о том, как ее племянник и брат не забывают навещать в Париже ее бывшую фрейлину Апраксину-Оболенскую, а принц Вальдемар даже оставил той небольшое наследство. Нужно помнить о трудном возрасте Марии Федоровны, о ее привычках и воспринимать сплетни трезво, как это делали ее дочери. Ольга Александровна писала о матери: «Трудно, конечно — и ей, бедной, и нам» (Письма 2013: 99–101).

Родственники несчастной хромой девятилетней Оболенской вкладчину содержали ее, ей помогал бывший военный моряк, который поселился по соседству. За двадцать лет Ксения Александровна получила от одной только Оболенской около полутысячи писем с душераздирающими жалобами, и ни разу не ответила ей: довольно ныть, у меня своих неприятностей хватает. Наоборот, когда она могла, то посылала Оболенской деньги и каждый раз говорила, что тронута доверием, просила и впредь писать так же откровенно обо всех огорчениях.

Все три автора писем интересны постоянством, неизменностью отношения к себе, к окружающим, к прошлому и настоящему. Но один, отсутствующий персонаж, к которому читатель невольно будет обращаться мысленно, это Николай Второй, по-

тому что письма написаны людьми и о людях, которые связаны между собой, прежде всего, близостью к нему и верностью ему — не как человеку, а как символу, императору. Я думаю, что любой, кто читал его дневники и письма, убедится, что степень сходства очень велика. Те же принципы, те же моральные установки и круг интересов.

Известный английский историк, Дж. М. Янг, которого спросил студент: «Когда пора кончать изучение темы и начинать писать статью?», ответил: «Когда вы слышите голоса ваших персонажей». То есть, когда вы можете ответить за ваших героев на любые вопросы. Читая эту книгу, вы ясно услышите голоса матери и сестер Николая Второго и, возможно, вам захочется ответить на вопрос: могла бы эта династия избежать крушения в 1917 году?

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Mountbatten Papers (Southampton University, UK).

Фонд Нарышкиных . РГАДА, ф. 1272, оп. 4, д.21.

Фонд Бенкендорфов. Бахметевский архив (Columbia U., USA).

John Van der Kiste, *Crowns in a Changing World. The British and European Monarchies 1901–1936*. Charleston SC, 1993.

Marina Soroka, *Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benckendorff (1903–16)*, Farnham, UK, 2011.

Mark Raeff. *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*. New York, 1990.

⁸ Которую наш народ вообще выгнал из страны.

В. Трубников (ред.), Чему свидетели мы были. Т.1. М., 1998.

Н.В. Савич, После исхода. Парижский дневник 1921–1923. М., 2008.

Графиня Камаровская, Воспоминания. М., 2003.

Ian Vorres, The Last Grand Duchess. Toronto, 2001[1964].

Alexander Grand Duke of Russia, Always a Grand Duke. New York, 1933.

Jane Ridley, Bertie. London, 2012.

J.J.Jusserand, What Me Befell: The Reminiscences of Jean J. Jusserand. Freeport, N.Y., n.d.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Lotte Hoffmann-Kuhnt 2013 – *Lotte Hoffmann-Kuhnt*, Briefe der Zarin Alexandra von Russland: an ihre Jugendfreundin Toni

Becker-Bracht. (Books on Demand GmbH, 2013.

Kleinpenning 2010 – *Petra H. Kleinpenning*, The Correspondence of the Empress Alexandra of Russia with Ernst Ludwig and Eleonore, Grand Duke and Duchess of Hesse. 1878–1916 . Books on Demand GmbH, 2010.

Императрица Мария Федоровна Великая княгиня Ксения Александровна Великая княгиня Ольга Александровна. Письма 1918–1940 к княгине А.А. Оболенской. Москва, 2013.

REFERENCES

Imperatritsa Mariya Fedorovna Velikaya knyaginya Kseniya Aleksandrovna Velikaya knyaginya Olga Aleksandrovna. *Pisma 1918–1940 k knyagine A.A. Obolenskoy*. Moskva, 2013.

М. В. Стрелец

ИСТОРИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТРУДЕ МИНСКИХ УЧЕНЫХ

Рец.: Органы государственной власти и управления Советской Беларуси (1917–1920 гг.): справочник / сост.: М. К. Бобер [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2017. — 466 с.

Вниманию читателей предлагается анализ справочника «Органы государственной власти и управления Советской Беларуси (1917–1920 гг.)». Он был подготовлен и издан в Белорусском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела (БелНИИДАД). Главные выводы рецензента таковы. Сотрудниками БелНИИДАД продемонстрирован высокий профессионализм в процессе выявления правового статуса и компетенции органов власти и управления. Детально изучены их организационные структуры и не менее детально отображены их изменения. Выступая историками, юристами, политологами в одном лице, авторы-соавтители по самым высоким меркам показали государственно-правовой механизм функционирования системы органов власти и управления, при этом ввели в научный оборот немало новых исторических фактов.

Ключевые слова: власть, история, наука, справочник, управление, экспертиза.

Сведения об авторе: Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор (Брест, Республика Беларусь).

Контактная информация: mstrelez@mail.ru

M. V. Strelets

HISTORY OF STATE AUTHORITIES AND ADMINISTRATION ON THE TERRITORY OF BELARUS:
SOME REFLECTIONS ON THE WORK OF MINSK SCIENTISTS.

Rev. *Organyi gosudarstvennoy vlasti i upravleniya Sovetskoy Belarusi (1917–1920 gg.)*:
spravochnik / sost.: M. K. Bober [i dr.]. — Minsk: BelNIIDAD, 2017. — 466 s.

Readers are offered an analysis of the reference book "State authorities and administration of Soviet Belarus (1917–1920)". It was prepared and published at the Belarusian Research Institute of Documentation and Archiving (BelNIIDAD). The main conclusions of the reviewer are as follows. Employees of BelNIIDAD demonstrated high professionalism in the process of identifying the legal status and competence of authorities and administration. Their organizational structures are studied in detail and their changes are displayed in no less detail. Acting as historians, lawyers, political scientists all rolled into one, the authors-compilers, by the highest standards, showed the state-legal mechanism of the functioning of the system of government and administration, while introducing many new historical facts into scientific circulation.

Key words: power, history, science, reference book, management, expertise.

About the author: Strelets Michael Vasilyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor (Brest, Republic of Belarus).

Contact information: mstrelez@mail.ru

Когда берёшь в руки книгу, написанную коллегами по цеху, сразу же возникает стремление выяснить, чем она ценна и значима. Я с большим интересом ознакомился со справочником «Органы государственной власти и управления Советской Беларуси (1917–1920 гг.)», который был подготовлен и издан в Белорусском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела (БелНИИДАД). Не скрою, открыл для себя много нового. Именно это

побудило меня написать настоящую рецензию¹.

Первый раздел называется «Западная область (октябрь 1917 г. — декабрь 1918 г.)». Он включает в себя 33 справочно-аналитические статьи. При этом следует отметить, что во многих из них содержатся малоизвестные или совсем неизвестные ранее факты, выявленные авторами-составителями в первоисточниках. Так, из статьи С. С. Рудовича «Военно-

¹ Будет правильным предварить размышления о важности книги некоторыми сведениями информационного характера. Работа выполнена по одноименной теме НИР, профинансированной Министерством юстиции Республики Беларусь (номер государственной регистрации ГР № 20141225). Рукопись книги рекомендована к печати Ученым советом БелНИИДАД (протокол от 26.09.2017 № 4). Авторы-составители: М. К. Бобер, доктор исторических наук С. А. Елизаров, кандидат исторических наук С. С. Рудович (он же научный редактор книги), А. К. Юзефович, при участии доктора исторических наук А. Л. Самовича. Книга состоит из предисловия, списка сокращений, пяти разделов, именного указателя. Список сокращений и именной указатель создают удобства для читателя. Предисловие представляется квинтэссенцией содержания всех пяти разделов.

революционный комитет Западного фронта (октябрь—декабрь 1917 г.)» я впервые узнал, что этот орган «негативно воспринял разрешение в ноябре 1917 г. Верховным главнокомандующим Н.В. Крыленко на формирование 1-го Белорусского полка», добился приостановки его «до общеполитического съезда в конце декабря» (с. 29). ВРК Западного фронта и СНК Западной области и фронта в совместном воззвании от 5(18) декабря 1917 г. выступили против формирования национальных воинских частей, рассматривая такие намерения как проявления «шовинизма и национализма» (с. 29).

Есть несомненный вклад в науку в статье С.С. Рудовича «Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (ноябрь 1917 г. — декабрь 1918 г.)». Это — и всестороннее сравнение минского и смоленского этапов его деятельности, и анализ многопартийности в Облискомзапе (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.), и выявление воздействия на него факта принятия Конституции РСФСР 1918 года.

Содержательная сторона второго раздела справочника, «Социалистическая Советская Республика Белоруссии (январь—февраль 1919 г.)» — 26 статей. Что привлекло моё внимание?

Чувствуется наличие оригинальной авторской концепции, когда читаешь статьи, посвящённые комиссариатам ССРБ по иностранным делам, по военным делам, по делам национальностей, внутренних дел, юстиции.

М.К. Бобер в статье «Комиссариат финансов Социалистической Советской Республики Белоруссии (январь—февраль 1919 г.)» впервые выявила два момента. Это — специфика формирования данного комиссариата и его деятельность по изысканию денежных средств. Сообщается, что «аппарат Комиссариата финансов ССРБ формировался в течение января—февраля 1919 г. Основную часть его сотрудников составляли служащие бывших земских и городских управ, отделений банков, обществ взаимного кредита и других ликвидированных финансовых учреждений, а также служащих областного Отдела финансов, переехавших из Смоленска в Минск» (с. 209–210). В статье также отмечено, что «одной из главных задач Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии и Комиссариата финансов ССРБ было изыскание денежных средств. В разоренной войной и немецкой оккупацией республике собственных источников финансовых ресурсов почти не было. Правительство ССРБ обратилось за помощью к правительству РСФСР. В январе 1919 г. СНК РСФСР отпустил на нужды республики ссуду в размере 10 млн руб. и аванс в размере 25 млн руб.» (с. 208).

В третьем разделе книги, «Социалистическая Советская Республика Литвы и Белоруссии (февраль — август 1919 г.)», насчитывается 27 статей.

Наиболее ценными следует признать статьи С.С. Рудовича «Центральный Исполнительный Комитет советов рабочих, малоземельных и безземельных крестьянских и красноар-

мейских депутатов Социалистической Советской Республики Литвы и Белоруссии (февраль—июль 1919 г.)», «Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Литвы и Белоруссии (март 1919 г. — сентябрь 1920 г.)», «Совет обороны Социалистической Советской Республики Литвы и Белоруссии (апрель—июль 1919 г.)». Перед нами — образец публикаций на стыке истории, политологии, правоведения.

В статье о ЦК КП(б)ЛиБ С.С. Рудович предпринял весьма успешную попытку комплексного анализа предмета исследования. Названа одна из главных причин краха ЛитБел. Вот что пишет автор: «ЦК КП(б)ЛиБ считал, что ввиду особых условий Литвы и Беларуси здесь не может быть полностью проведена в жизнь резолюция VIII съезда РКП(б) [март 1919 г.] “Об отношении к среднему крестьянству”, которая нацеливала на установление прочного союза с середняком. Вопрос об осуществлении в ЛитБел аграрной политики обсуждался на совещаниях в ЦК КП(б)ЛиБ партийного актива 8 июня и 1 июля 1919 г. Решения совещаний не предполагали раздела между крестьянами национализированной помещичьей земли, ориентировали на создание в бывших помещичьих имениях крупных советских хозяйств, исходили из постулата о необходимости для советской власти опираться в деревне исключительно на сельскохозяйственный пролетариат (батраков), безземельных и малоземельных крестьян, но не на середняков, которые рассматривались как элемент, чуждый социализму. Разработанная в ЦК в соответствии с данной точкой зрения инструкция

о перевыборах волостных советов предоставляла право голоса только сельскохозяйственным рабочим и малоземельным крестьянам (имевшим не более 5 десятин земли), лишая избирательных прав до 35% владельцев крестьянских хозяйств» (с. 249). Основная масса крестьянства — а это большая часть населения — резко отрицательно реагировала на такую политику.

Четвёртый раздел, «Социалистическая Советская Республика Белоруссии (июль — декабрь 1920 г.)», отмечен наличием 30 статей. Ядро раздела составили следующие статьи С.С. Рудовича: «Минский губернский военно-революционный комитет (июль 1920 г.)», «Военно-революционный комитет Социалистической Советской Республики Белоруссии (31 июля — декабрь 1920 г.)», «Комиссариат по военным делам Социалистической Советской Республики Белоруссии (июль—декабрь 1920 г.)», «Комиссариат внутренних дел Военно-революционного комитета Социалистической Советской Республики Белоруссии (июль—декабрь 1920 г.)», «Главное управление советской рабоче-крестьянской милиции Комиссариата внутренних дел Военно-революционного комитета Социалистической Советской Республики Белоруссии (август—декабрь 1920 г.)». Отметим, что исторические факты излагаются здесь на широком общественно-политическом фоне, с учетом правового поля (российского и белорусского), в рамках которого действовали названные учреждения.

Среди наиболее удачных выделим также статью М.К. Бобер

и А.К. Юзefовича «Комиссариат юстиции Военно-революционного комитета Социалистической Советской Республики Белоруссии (август—декабрь 1920 г.)». Авторы капитально разобрались как в предыстории, так и в истории данного учреждения. Предыстория здесь такова. «В июле 1920 г. после освобождения г. Минска от польской оккупации в составе Минского губернского военно-революционного комитета был создан Отдел юстиции, который 1 августа 1920 г. был преобразован в Отдел юстиции Военно-революционного комитета ССРБ, а 26 августа 1920 г. — в Комиссариат юстиции Военревкома ССРБ» (с. 355). Минские специалисты обстоятельно раскрыли роль Комиссариата юстиции в обеспечении так называемой «революционной законности», организации новой системы судебных органов. Комюст целенаправленно, методично наблюдал за работой нижестоящих органов юстиции и мест лишения свободы. Был запущен механизм бдительного надзора за исполнением советских законов. Сотрудники Комиссариата осуществляли редактирование и публикацию правовых актов, ставили перед собой задачу кодификации законодательства.

В последнем, пятом разделе, «Витебская и Могилевская (Гомельская) губернии (октябрь 1917 г. — декабрь 1920 г.)», содержится 9 статей: «Витебский военно-революционный комитет (конец октября 1917 г. — январь 1918 г.)», «Витебский губернский совет рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов (Витебский губернский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских, красноармейских и батрацких

депутатов) (декабрь 1917 г. — февраль 1918 г., март 1918 г. — октябрь 1919 г., март—октябрь 1920 г.)», «Витебский революционный штаб (февраль—апрель 1918 г.)», «Витебский губернский военно-революционный комитет (октябрь 1919 г. — август 1920 г., октябрь—декабрь 1920 г.)», «Могилевский военно-революционный комитет (ноябрь—декабрь 1917 г.)», «Могилевский губернский исполнительный комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (январь 1918 г. — апрель 1919 г.)», «Могилевский губернский военно-революционный комитет (февраль—март 1918 г., октябрь 1918 г. — январь 1919 г.)», «Гомельский губернский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (20 апреля 1919 г. — 25 мая 1920 г.; 9 августа 1920 г. — 31 декабря 1926 г.)», «Революционный военный совет — Военный совет Гомельского укрепленного района (5 сентября 1919 г. — 7 мая 1920 г.)» и «Гомельский губернский революционный (военно-революционный) комитет (23 октября 1919 г. — 25 января 1920 г.; 5 апреля — 9 августа 1920 г.; 28 октября — декабрь 1920 г.)». В данном разделе, как и в предыдущих, статьи систематизированы по хронологическо-тематическому принципу. Сначала размещается статья, посвящённая органам общей компетенции. Точно выдержана линия на расположение статей «в порядке убывания сферы компетенции тех субъектов власти и управления, которым они посвящены — от органов общей компетенции к специальным отраслевым ведомствам» (с. 23). Как и в предыдущих разделах, в данных

девяти статьях установлены точные даты юридического оформления, организационных изменений и ликвидации органов власти и управления. При этом в пятом разделе не упоминаются Облискомзап и СНК Западной области и фронта, так как советы Витебской и Могилевской губерний не участвовали в их создании. Как указывают авторы, «в этих губерниях формировались собственные структуры власти, причем руководство Витебской губернии ориентировалось не на Западную область с центром в Минске, а на Северную с центром в Петрограде» (с. 13).

Как и во всем справочнике, в последнем разделе продемонстрирован высокий профессионализм в процессе выявления правового статуса и компетенции органов власти и управления. Детально изучены их организационные структуры и не менее

детально отображены их изменения. Выступая историками, юристами, политологами в одном лице, авторы-составители по самым высоким меркам показали государственно-правовой механизм функционирования системы органов власти и управления, при этом ввели в научный оборот немало новых исторических фактов. Высокое качество исследования можно считать одним из фирменных знаков БелНИИДАД.

Пожелаем же ученым института и в дальнейшем интересных актуальных тем для изучения и воплощения их в солидные публикации.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Органы государственной власти и управления Советской Беларуси (1917–1920 гг.): справочник / сост.: М. К. Бобер [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2017. 466 с.

А. А. Тесля

СЛИШКОМ ВАЖНОЕ ДЕЛО

Рец.: Курилла И. И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. — М.: Альпина Паблшер, 2022. — 232 с.

Эссе кратко анализирует последнюю на данный момент книгу Ивана Куриллы — его исследование изменений в представлении о прошлом, происходящих по политическим причинам, т.е. в широком смысле — внешних по отношению к историческому сообществу. Сосредотачиваясь в первую очередь на США и России, автор привлекает для анализа также многочисленные ситуации из других стран и регионов мира, создавая тем самым объемную историческую картину перемен, происшедших в области представлений о прошлом за последние десятилетия.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, публичная история, социальное использование прошлого.

Сведения об авторе: Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград).

Контактная информация: mestr81@gmail.com

A. A. Teslya

TOO IMPORTANT THING

Rev.: Kurilla I. I. Bitva za shroshloe: Kak politika menyaet istoriyu. — M.: Al'pina Pablisher, 2022. — 232 s.

The essay briefly analyzes Ivan Kurilla's most recent book to date, his study of changes in perceptions of the past occurring for political reasons, i.e., in the broader sense, external to the historical community. Focusing primarily on the United States and Russia, the author also involves numerous situations from

other countries and regions of the world, thus creating a voluminous historical picture of the changes that have taken place in the field of representations of the past over the past decades.

Keywords: historical politics, politics of memory, public history, social use of the past.

About the author: Andrey Teslya, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Scientific Director of the Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University Address: Chernyshevsky Str., 56, Kaliningrad, Russian Federation 236022;

Contact information: mestr81@gmail.com

Книга Ивана Куриллы начинается с утверждения «о разительных переменах, которые мир переживает в своем отношении к прошлому» (стр. 6). Вроде бы само утверждение выглядит избыточно «современным», отсылающим к образу более или менее стабильного прошлого — на фоне которого и по отношению к которому происходят перемены. Легко можно сказать, что история и память «всегда» были местом и/или предметом политических боев — по крайней мере с тех пор, как существует сама политика. Историю Франции последних двух столетий можно, как вспоминает в книге и сам автор, рассказать как историю воздвигаемых, низвергаемых или изменяемых и переосмысляемых монументов — а о том, как меняются десятилетие за десятилетием (и так на протяжении уже столетий) конструкции истории в учебниках тех или иных стран — написаны библиотеки. О политических баталиях, стоящих в той или иной степени за столкновениями исторических концепций на университетских кафедрах — и о политических основаниях, способствовавших или препятствовавших торжеству одних и вытеснению на периферию других — написано не менее.

И тем не менее приведенное выше утверждение — отнюдь не иллюзия,

не следствие чрезмерного акцента на современности и вытекающей из него склонности переоценивать уникальность происходящего. Если говорить о книге Куриллы — то ее пафос скорее прямо противоположный: помещение происходящего в сравнительную перспективу, стремление соблюсти баланс между уникальностью каждого случая и ситуации — и той повторяемостью, схожестью и сходством, которые в них есть.

Во-первых — это делает исходный тезис конкретным (и историчным) — осязаемое отличие ситуации последних десятилетий от предшествующих заключается в том, что прошлое все чаще оказывается именно самостоятельным предметом противостояния. Зачастую это связывается с кризисом «образа будущего» и концом (или временным отступлением) «больших идеологий» — если в знаковой рамке XIX — XX вв. отношение к фигурам и событиям прошлого оказывалось прежде всего производным от актуальной политической ориентации, то в наши дни прошлое само оказывается именно местом определения политических позиций. Опять же, как замечает автор, в современной России для определения воззрений собеседника намного

более показательными выступают не абстрактные отнесения, например, к «либералам» или «государственникам» — а отношение к фигуре «Сталина», «репрессиям 1930-х годов» или к «Войне». Вспоминая связанную с именем Покровского формулировку: «история есть политика, обращенная в прошлое» — актуальная политика зачастую предстает как «история, обращенная в современность».

Во-вторых, происходит существенное ослабление национальных исторических нарративов — в том числе и в связи с развитием самого исторического знания, акцентом на множественности истории, истории разных групп и сообществ — которые не могут быть объединены в один рассказ. Так, помимо Музея национальной истории в Вашингтоне открыты Музей американских индейцев (2004) и Музей афроамериканской истории и культуры (2016), в процессе обсуждения в Сенате, пройдя через Палату представителей (2020), находится создание Музея истории и культуры американцев латиноамериканского происхождения. Но при этом сама по себе подобная множественность не снимает противостояния — поскольку остается единое публичное пространство и проблема того, что и как может быть представлено в нем или исключено из него: множественные версии историй и/или множественные истории не сепарированы друг от друга, оказываясь участниками противостояния в борьбе за гегемонию — речь идет об определении, как правильно помнить и должна ли сама публичная память быть историзированной — а образы прошлого (напр., монументы) должны раз за

разом оцениваться с точки зрения современности.

Своеобразная попытка развести историческое исследование, область профессиональных историков — и историю как предмет публичной, политической заботы — отразилась, напр., в словах третьего президента РФ, Дмитрия Медведева. «Ученые-историки», согласно его формулировке, могут «сесть где-то в тиши кабинета, в библиотеке, и посмотреть: вот есть одна записка, вот есть вторая записка, вот есть исторический документ из МИДа... ученые пусть пишут, что хотят, но учебники, общедоступные средства массовой информации все-таки по таким событиям должны придерживаться общепринятой точки зрения». Перефразируя Талейрана, с этой точки зрения история (публичная) слишком серьезное дело, чтобы доверять ее историкам. Впрочем, в книге данный сюжет — о месте и роли самих профессиональных историков в «битвах за прошлое» — остается в основном за рамкой: интерес автора в данном случае сосредоточен на том, как разные политические и общественные силы обращаются с историей.

Каждый из рассматриваемых сюжетов (всего книга состоит из двенадцати историй, не считая коротких вводных главок и послесловия) дается кратко — что неизбежно ведет к упрощению, многослойные истории утрачивают оттенки, изложение тяготеет к утверждению бинарных оппозиций — в первую очередь государства и общества. Но именно поэтому важно прочесть книгу целиком — поскольку в ней как в целом есть и антидот: если каждая конкрет-

ная история упрощается, то само их многообразие возвращает сложность повествованию, и если больше всего историй связаны с Россией и США — что более чем резонно, поскольку автор американист и пишет именно о том, в чем является специалистом — то другие напоминают о многогранности мира, рассказывая о Корее и Японии, Нидерландах и Индонезии, Польше, Франции и т. д.

Но если разные главы книги обращаются к событиям в разных частях ми-

ра, то все они раз за разом соотносятся с российской ситуацией — и в этом другая, едва ли не ценнейшая роль книги, поскольку в итоге она де-экзотизирует Россию для самих отечественных читателей. Наши местные беды и заботы, надежды и опасения оказываются отнюдь не исключительны — и на вопрос о том, как жить со своим или чужим прошлым, не то, чтобы не существует убедительного ответа, но даже у тех ответов, которые нам кажутся таковыми — ограниченный период существования в качестве доминирующих.

А. А. Тесля

КОНСЕРВАТОРЫ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ

Рец.: Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I / Пер. с англ. Л. Н. Высоцкого; ред. М. С. Белоусов. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. — 447 с. — (серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

В статье рассматривается известная работа Александра Мартина о формировании русского консерватизма в 1-й четверти XIX века, недавно вышедшая в русском переводе. Преимущественное внимание уделяется авторским трактовкам отдельных сюжетов и расстановке акцентов в рамках общего обзора.

Ключевые слова: александровская эпоха, консерватизм, национализм, наполеоновские войны, романтизм

Сведения об авторе: Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград);

Контактная информация: mestr81@gmail.com

A. A. Teslya

CONSERVATIVES OF THE ALEXANDER ERA

Rev.: Martin A. Romantiki, reformatory, reakcionery: Russkaya konservativnaya mysl' i politika v carstvovanie Aleksandra I / Per. s angl. L. N. Vysockogo; red. M. S. Belousov. — SPb.: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2021. — 447 s. — (seriya «Sovremennaya zapadnaya rusistika» = «Contemporary Western Rusistika»).

The article examines the well-known work of Alexander Martin on the formation of Russian conservatism in the first quarter of the 19th century, which has recently appeared in Russian translation. Predominant attention is paid to the author's interpretation of the individual plots and the emphasis within the general overview.

© А. А. Тесля, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-3-450-454

Keywords: Alexander era, conservatism, nationalism, Napoleonic wars, romanticism

About the author: Teslya Andrey A. — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Immanuel Kant Baltic Federal University

Contact information: mestr81@gmail.com

Прежде всего следует заметить, что хотя оригинальное издание работы Александра Мартина вышло еще в 1997 г., однако появление ее русского перевода — не является избыточным: за прошедшую четверть века с момента английского издания появилось немного работ, пытающихся дать более или менее целостный обзор русской консервативной мысли первой четверти XIX века¹ — и для читателя, пытающегося составить общее представление о русском консерватизме александровской эпохи, выбор невелик².

Важно и то, что Мартин рассматривает консервативные идеи этого времени не только в европейском контексте — но и, прежде всего, понимая консерватизм как современный феномен — и часть круга именно новых идей и политических представлений. Так, Мартин показывает, что в России, «как и в других странах, консерватизм и радикализм возникли в результате глубоких, отнюдь не политических по своей сути течений, следовавших по линиям разлома, которые образовались в культуре и мироощущении европейцев; как

якобинцы, так и консерваторы использовали новые идеи в своих интересах» (15).

Консерваторы и радикалы оказываются не только частями одного общего движения — но и, что намного важнее, оперируют одними и теми же образами, создают и/или воспринимают сходные практики. Формирование публичной сферы «способствовало развитию русского консерватизма и, по сути, сформировало его» (15). Консерваторы александровской эпохи не только предстают разнородными и разнообразными — но и одновременно, именно как идеологи, оказываются по определению в достаточно сложных отношениях с существующим государственным порядком, поскольку — даже в тех случаях, где противостоят верховной власти в ее планах перемен — производят/опираются на новую социальную реальность. Так, «Беседа...» Шишкова предстает интересным совмещением старого и нового — поскольку является организацией, созданной для распространения идей (как и Российское библейское общество), возникающим «треть-

¹ В их числе нельзя не назвать труды А.Ю. Минакова (2011; 2013), однако им присуща слабость концептуального аппарата и в известной степени склонность к «слиянию с предметом» исследования.

² Другое дело, что за это же время появилась масса работ, существенно изменяющих/углубляющих наши представления об этом периоде в указанном аспекте — так, достаточно упомянуть хотя бы серию трудов В. С. Парсамова (2004; 2010; 2020) или, например, яркое исследование М.Л. Майофис (2008).

им» — «осторожный шаг от мира, полностью разделенного на частную и официальную сферы, к гражданскому обществу, в котором политика реализуется посредством независимых структурированных организаций, не основанных ни на родстве, ни на покровительстве» (210). И при этом она же воплощает идеал единой иерархии, без разделения на автономные сферы («мир литературы», «мир государственной службы») — то, что подвергается насмешкам сторонников «нового слога», находящих комичным это разделение по чинам и летам, где государственные посты означают и место в литературном собрании (212).

Стурдза, уже после Венского конгресса, будет пытаться предложить альтернативу порядку Меттерниха и Талейрана — выстраивая своеобразный идеал политического устройства, строго контролирующего религиозную область, устанавливающего духовный порядок — и потому допускающего политическую свободу. Мартин описывает эту мысль как перевернутый «просвещенный абсолютизм»: Вместо того, чтобы предоставлять религиозную и интеллектуальную свободу обществу, чья жизнь регламентирована “регулярным” государством, он предпочел предоставить обществу право управлять своей жизнью, если оно подчиняется регламенту церкви» (342).

Вслед за Альтшулером (2007) Мартин показывает, что различие в споре о «старом» и «новом слоге» — если не целиком, то во многом различие в темпоральных ориентациях: «старый слог» зародился всего за несколько десятилетий до этого

<...>, этот стиль [т.е. Шишкова и его сторонников — А.Т.] черпал вдохновение в воображаемой реальности прошлого и за счет нее пытался утвердиться, а “новый слог” заявлял о себе как о языке будущего, порывающем с традициями», «историческая реальность сама по себе не имела особого значения — важна была эмоциональная и идеологическая идентификация с прошлым — или отвержение его — в зависимости от позиции, занимаемой к культурным ценностям современности» (57).

Мартин акцентирует поколенческую разницу — как один из значимых моментов, обуславливающих мировоззренческие различия Шишкова и его круга, с одной стороны, и таких авторов, как Ростопчин и Карамзин. Шишков сложился и достиг высоких мест в государственной иерархии еще при «старом порядке», он для него выступал не идиллическим прошлым — а нормой, естественным порядком вещей — прочность которого не поставлена под сомнение, который разрушается в силу целенаправленных воздействий, порочных идей и т. п., не неся в себе самой проблемы. Напротив, для Ростопчина, например, крепостной порядок — то, что требует оправдания, вызывает неуютность мысли, всячески изолирующейся, чтобы то ли доказать, что крепостная зависимость есть благо для крепостных, то ли, что сама идея «свободы» является ложной, то ли что крепостничество — есть зло, но зло меньшее, в сравнении с другими. Для Карамзина нет континуитета русской истории от древности и до Екатерины — если для «старовера» (по выражению Вяземского) Шишкова XVIII век,

Ломоносов и Державин — это и продолжение, и следование все той же старине, то для Карамзина XVIII век выступает и веком славы, и вместе с тем держащимся именно за счет того, что различие между образованными, европеизированными слоями, «обществом», и народом — не зашло слишком далеко.

Другой значимый сюжет, который выделяет Мартин — в объяснение своеобразного полу-разрыва между разнообразием подходов 1800–10-х годов и наступающим «затишьем» в сфере политических дебатов в 1820–30-е годы со стороны «консерваторов» — заключается в неопределенности самого положения и направления действий правительства. Формулировка разнородных позиций, явные или скрытые дебаты — оспаривание не только тех или иных действий властей, но и проблематизация всего правительственного курса — связаны не только с процессами формирования общественного пространства, но и с тем, что сама политика государства далека от определенности, верховная власть движется в поле альтернатив — и в этом плане выдвигаемые идеи и подходы выступают в том числе и определенными предложениями политического курса, от антикизирующего патриотизма Глинки, оказывающегося востребованным в 1812 году, до христианского политического порядка, который пытается сформулировать во 2-й половине 1810-х Стурдза. Возможности, не только предоставляемые публичной сферой — но во многом создание последней. Но в 1820-е «концепции, лежавшие в основе александровского консерватизма, утратили смысл» —

а в 1830-е и 40-е споры уйдут в область не-политического, чтобы затем, на следующем ходе, уже войти вновь в пространство политического — с новыми смыслами и значениями, в том числе переходя из салонов и обществ — в журналы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Альтшулер 2007 — *Альтшулер М.* Беседа любителей русского слова: У истоков славянофильства. — 2-е изд., доп. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Майофис 2008 — *Майофис М.Л.* Воззвание к Европе. Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Минаков 2013 — *Минаков А.Ю.* Русская партия в первой четверти XIX века. — М.: Институт Русской Цивилизации, 2013.

Минаков 2011 — *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм первой четверти XIX в. — Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2011.

Парсамов 2020 — *Парсамов В.С.* На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Парсамов 2010 — *Парсамов В.С.* Декабристы и Франция. — М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2010.

Парсамов 2004 — *Парсамов В.С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза. Из истории религиозных идей Александровской эпохи. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004.

REFERENCES

Al'tshuler M. *Beseda lyubitelej russkogo slova: U istokov slavyanofil'stva.* 2-e izd., dop. Moscow, 2007.

Majofis M.L. *Vozzvanie k Evrope. Literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossijskij*

modernizacionnyj proekt 1815–1818 godov.
Moscow, 2008.

Minakov A.Yu. *Russkaya partiya v pervoj chetverti XIX veka.* Moscow, 2013.

Minakov A.Yu. *Russkij konservatizm pervoj chetverti XIX v.* Voronezh, 2011.

Parsamov V.S. *Na putyah k Svyashchenno-mu soyuzu: idei vojny i mira v Rossii nachala XIX veka.* Moscow, 2020.

Parsamov V.S. *Dekabristy i Franciya.* Moscow, 2010.

Parsamov V.S. *Zhozef de Mestr i Aleksandr Sturdza. Iz istorii religioznych idej Aleksandrovskoj epohi.* Saratov, 2004.

А. А. Тесля

РАЗГОВОРЫ О ПРУСТЕ СРЕДИ ЧУДОМ ВЫЖИВШИХ

Рец.: Чапский Ю. Лекции о Прусте / Пер. с фр. А. Векшиной. — СПб.: Jaromir Hladik press, 2019. — 128 с.

В эссе рассматриваются «Лекции о Прусте» Юзефа Чапского — основной корпус книги составляют лекции, прочитанные им для солагерников, интернированных польских солдат и офицеров зимой 1940/1941 г. Эта книга одновременно памятник и чуткого, внимательного взгляда на великий роман, и поразительной стойкости духа. Духа, который в свою очередь укреплялся взором, обращенным на великое.

Ключевые слова: история литературы, Марсель Пруст, модернизм, польские военнопленные

Сведения об авторе: Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград).

Контактная информация: mestr81@gmail.com

A. A. Teslya

TALK OF PROUST AMONG THE MIRACULOUS SURVIVORS

Rev.: Chapskij Yu. Lekcii o Pruste / Per. s fr. A. Vekshinoj. — SPb.: Jaromir Hladik press, 2019

The essay examines Józef Czapski's Lectures on Proust, the main body of the book being the lectures he delivered to fellow interned Polish soldiers and officers in the winter of 1940/1941. This book is both a monument to a sensitive, careful look at the great novel and to a remarkable fortitude of spirit. A spirit that was in turn strengthened by a gaze turned to the great.

Keywords: history of literature, Marcel Proust, modernism, Polish prisoners of war

About the author: Teslya Andrey A. — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Immanuel Kant Baltic Federal University

Contact information: mestr81@gmail.com

© А. А. Тесля, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-3-455-458

«Лекции о Прусте» — одновременно и памятник человеческому мужеству и выносливости — способности оставаться людьми в тяжелейших условиях — и, в том числе за счет первого — уникальный опыт прочтения Пруста, размышлений над его романом.

Юзеф Чапский (1897–1993) — фигура, не очень хорошо известная отечественному читателю — и об этом остается только сожалеть, в том числе и потому, что сам он тесно связан с русской культурой: не только своим интересом, но и непосредственным включением в нее. Аристократ, толстовец — он и близкий знакомый Мережковских и Философова, чьим учеником во многом окажется в Варшаве уже в 1930-е годы. Вторая мировая война вновь приведет его в Россию — теперь уже в качестве военнопленного. И он чудом сумеет избежать гибели под Катынью — оказавшись в числе тех немногих польских офицеров, которые не попали в расстрельные списки. В итоге ему довелось воевать в Армии Андерса, а потом на протяжении десятилетий играть большую и важную роль в истории польской эмиграции в Западной Европе (приятельствуя и в эти годы со многими знаковыми фигурами эмиграции русской, от Ремизова до Михаила Геллера).

А зимой 1940/41 года он — в лагере для военнопленных в Грязновце чи-

тает своим соседям по заключению лекции о Прусте: польские офицеры, пытаясь выжить и сохранить себя, организуют чтение друг другу лекций о тех предметах, в которых каждый из них разбирается — традиция, хорошо знакомая и по дореволюционному русскому тюремному опыту. Первый такой опыт после 1939 г. был у Чапского в Старобельском лагере, под Харьковом — но там лекции были воспрещены (хотя и не прекратились, с тех пор сделавшись тайными), а в Грязновце местное лагерное начальство их дозволило — при условии предоставления полного текста лекций. В том числе благодаря последнему обстоятельству лекции сохранились — они были записаны, обработаны автором в целостное эссе — и в итоге опубликованы, уже совсем в других условиях, сначала в 1944, а затем, с новым предисловием, уже после войны, в 1948 г. — на французском¹.

Эти лекции писались без всяких пособий — и без хотя бы одного из томиков «В поисках утраченного времени»: как вспоминал Чапский уже в 1944 г., последнюю французскую книгу к моменту «Лекций...» он видел в сентябре 1939 г. Единственное, на что он мог опираться — это на свою память.

И, примечательным образом, это придало лекциям особенную созвучность с «Поисками...» — обра-

¹ Замечательно, что в книге, где — по понятным причинам — почти нет цитат, все-таки Чапский цитирует, по памяти, Розанова — вспоминая о нем именно в связи с цитированием: «Я цитирую по памяти, возможно искажая текст. Розанов, когда на него нападали критики за неточное или ошибочное цитирование, отвечал такой шуткой: “Нет ничего проще, чем цитировать дословно — достаточно проверить по книге. Но несравненно сложнее усвоить цитату настолько, что она станет вашей и преобразится в вас”. Если я искажаю цитаты, то лишь потому, что не обладаю ни храбростью Розанова, ни правом гениального автора» (43, прим.).

тившись в воспоминание о романе, рассказ другим о том, что и как помнится — и, что обнаружил сам рассказчик по ходу своего воспоминания, так это то, что память, лишенная внешней помощи и отвлекающих многообразных частных — оказывается намного более полной, чем казалось первоначально. Начав вспоминать, он обнаружил, что — нет, не «помнит» в моменте, но вспоминает — многое из того, что, казалось бы, совершенно ушло из памяти.

Впрочем, стоит сразу же оговориться: «Лекции...» Чапского — прежде всего не о романе, а о самом Прусте: «не о романе» в смысле «художественного произведения» — он его интересуется прежде всего, если не исключительно — как окно в реальность, рассказ о человеке, о мире. И суждение о нем, в конце концов проповедь. Но именно говоря о последней, он сразу же отмечает, что великая литература потому и велика, что умеет проповедовать без прямого высказывания, собственно без «проповеди», а там, где переходит к ней — если и не заканчивается, то слабеет (и для него это одновременно и боль о польской литературе, слишком, на его взгляд, за минувший век озабоченной тем, чтобы служить «польскому делу» — или, точнее, озабоченной слишком прямолинейно). В конце концов судьба Пруста и судьба безымянного героя «В поисках...» — одна, в осознании своего призвания, которое выше жизни.

Для Чапского встреча с Прустом во многом случайна, она почти могла не случиться — и он так и остался бы французским автором, известном по бесконечным отзывам, не тре-

бующим уже обращения к самому роману. Он рассказывает, как оказался в Париже вскоре после смерти Пруста — он был еще и потому на слуху — и Чапский пробовал его читать, но его французский был недостаточен, чтобы оценить то, с чем он столкнулся. Но проблема языка была не главной — основное заключалось в том, что сам он был охвачен духом «современности», громкого, заметного — новых течений, нового искусства, по отношению к которому Пруст казался «искусством пожарных». А потом, год спустя, уже в 1925 г., он случайно открывает «Беглянку» (замечу мимоходом, что эта часть «В поисках...» имеет устойчивую репутацию едва ли не самой «скучной», конкурируя здесь в расхожем представлении лишь с «Пленицей»):

«...и внезапно прочел с первой до последней страницы с растущим восхищением. Должен признаться, что поначалу меня захватила вовсе не стилистическая изысканность Пруста, а сама тема: отчаяние, тревога любовника, покинутого исчезнувшей Альбертиной, описание многочисленных форм ретроспективной ревности, болезненные воспоминания, лихорадочные поиски, эта психологическая пронизательность великого писателя, весь этот хаос деталей и ассоциаций поразил меня в самое сердце, и уже только потом я увидел в книге новое измерение психологической точности, новый поэтический мир, сокровище литературной формы. Но как читать, как найти время, чтобы воспринять тысячи плотных страниц? Только благодаря тифозной горячке, которая обездвижила меня на все лето, я смог прочесть все его

произведения. Я без конца возвращался к ним, то и дело находя новые акценты и возможности интерпретации» (29–30).

Пруст для него оказывается если и не единственной, то одной из тех важных встреч, что отрывает от литературной сиюминутности — открывает другой способ думать и жить, отвечая на свои собственные, непридуманные вопросы. И еще и в этом он оказывается очень созвучным — как послевоенному поколению, так и ситуации лагеря — где иллюзорна попытка повлиять на свою судьбу и/или большие порядки, но остается другой вопрос — как жить и как умирать. На первом ходе вновь представляется парадоксальным обращение к Прусту — вроде бы рассказывающему о том, что предельно далеко от окружающей реальности. Чтение лекций о Прусте легко осмыслить как род эскапизма.

Но для автора все совсем не так. Прежде всего он подчеркивает, что если Пруст и озабочен стилем — то в смысле, далеком от расхожего: «В произведении Пруста мы чувствуем бесконечный поиск, страстное желание писать ясно и легко, передать весь этот трудно постижимый мир впечатлений и ассоциативных цепочек. Форма романа, его структура и фра-

за, все его метафоры и образы являются собой внутреннюю необходимость, отражающую самую суть авторского видения. Пруст охотится — повторно еще раз — не за голыми фактами, а за тайными законами, которым они подчиняются; это желание описать неуловимые подспудные механизмы бытия» (64).

Пруст Чапского — страстен, порывист — и вместе с тем наделен жесткостью художника, прежде всего — по отношению к самому себе.

Путь Пруста он толкует как своего рода «обращение» — чувствуя «прикус паскалевского пепла» (93). «Герой “В поисках...”» отрекается от всего не во имя Бога, не во имя веры, но он так же поражен внезапным откровением, он так же заключает себя, ни живого ни мертвого, в пробковой комнате (я намеренно не различаю героя и самого Пруста, потому что в этом смысле они — одно), чтобы до самой своей смерти служить тому, что для него было абсолютом, — своему художественному произведению» (93).

В конце концов — это рассказ о том, что есть нечто ценнее жизни. Оно не одно для всех — и к нему нет прямого пути. Но в этом жизнь обретает смысл — как, возможно, и смерть.

А. А. Тесля

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «СТАРЫЙ ПОРЯДОК...» ТОКВИЛЯ

Эссе посвящено одной из наиболее известных исторических и одновременно теоретико-политических работ XIX века: «Старому порядку и революции» Алексиса де Токвиля. Акцент делается на публицистической (в старом, XIX века, смысле) стороне текста.

Ключевые слова: историография, либерализм, либеральный консерватизм, политическая теория, «старый порядок»

Сведения об авторе: Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград).

Контактная информация: mestr81@gmail.com

A. A. Teslya

REREADING «THE OLD ORDER...» BY TOQUEVILLE

The essay is devoted to one of the most famous historical and at the same time theoretical-political works of the 19th century: "The Old Regime and the Revolution" by Alexis de Tocqueville. The emphasis is made on the publicistic (in the old, nineteenth-century sense) side of the text.

Keywords: historiography, liberalism, liberal conservatism, political theory, "Old Regime".

About the author: Teslya Andrey A. — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Immanuel Kant Baltic Federal University

Contact information: mestr81@gmail.com

Прежде всего в этой книге для меня оказалось примечательной возможность увидеть, как формируется «проблемная история», отрываясь от

нарративной — из прямой обращенности к современности, не просто в тесной связи, а в прямом переходе от старых «рассуждений». Для

Токвиля постоянным собеседником — тем, с кем он соглашается или от кого отталкивается, напротив, показывая его неправоту — выступает Бёрк, можно даже сказать, что «Старый порядок...» — это большие заметки по поводу «Рассуждений...» Бёрка (в том числе связанные с поиском ответа на вопрос — отчего все-таки Берк оказался во многом прав в своем суждении о Революции, и с разделяемым им со многими преклонением перед «старой доброй Англией» [напр.: III, 4], той, чей образ страны традиций и почтенного консерватизма как раз и складывается в первые десятилетия после Революции).

Современники и ближайшие потомки — как тот же Кареев в своих «Французских историках...» — отмечали почти единогласно беспристрастие автора, его спокойствие, научность и т.д. — современному читателю это трудно понять, если исходить из нынешних представлений — поскольку Токвиль не просто постоянно обращается к современности, но и более того — истолкование современности и является заявленной целью работы, с постоянными отсылками к событиям «сегодняшнего дня», т.е. временам Второй Республики и Второй Империи. Для понимания этих отзывов важно не только сравнение с другими работами того же времени — напр., «Революцией» Кинэ — но еще и напоминание, что современная история (а Токвиль попутно вспоминает, что живы еще те, кто видел Революцию) не принадлежала к области собственно «истории как науки».

Этой же перспективой определяется и та — для нынешнего читателя мо-

гущая показаться странной — центральная точка рассуждения, опровержение взгляда, согласно которому Революция была прежде всего революцией против христианства. Это прямой отклик на консервативные интерпретации Революции как анти-христианского бунта — от де Местра до Баррюэля — и Токвиль подробно разбирает ложность этой точки зрения, на том основании, что эта волна — анти-католическая, а потом и анти-христианская (которую он не особенно отличает от анти-религиозной, атеистической) — сходит на нет.

[Любопытно, что для Токвиля опровержением служит наличное положение вещей — та Революция, о которой он рассуждает — продолжается по сей день, но «сей день» для него — повсеместного возрождения религии, которая демонстрирует, что сама она не является частью «прошлого». Эта деталь важна — поскольку обычно подчеркивают прозорливость и точность Токвиля, но можно видеть, что для него — церковь и вера вернулись и за них не стоит беспокоиться.

Но само христианство как таковое в «Старом порядке...» трактуется исключительно как политический фактор — Токвиль много останавливается на значении религии для политического сообщества, пишет если и не о невозможности свободы без веры, то во всяком случае о том, что все известные положительные примеры в современности говорят как раз об этой связи.

И еще один момент — теперь уже сугубо-политический, беспокойства

Токвиля по поводу современных священников, получающих жалование и зависящих, с одной стороны, от Рима, с другой — от правительства и его соглашения со Св. Престолом, но никак не зависящих от собственных прихожан и от того места, где они служат — в отличие от прежних, бывших земельными собственниками — и тем самым включенных в местную жизнь. Церковь остается основным воспитателем народа — но каким гражданским чувствам может научить священник, который сам избавлен от нужды их испытывать, не привязанный ничем существенным к месту своего служения].

Отсюда — и своеобразие стиля, перебивка общих рассуждений и отвлеченного рассказа — внезапными вторжениями от первого лица, в настоящем времени, как, например, в этом замечательном пассаже¹:

«Я внимательно читаю указы, которые составили три сословия, перед тем как собраться в 1789 г.; говорю обо всех трех сословиях — о дворянстве, духовенстве, так же как и о буржуазии. Я вижу, что здесь требуют изменения того или другого закона, там — обычая, и отмечаю это. Продолжаю поступать таким образом до конца этой громадной работы и, подведя итог всем этим отдельным положениям, замечаю с чувством, близким к ужасу, что они сводятся к требованию немедленной и систематической отмены всех законов и обычаев, действующих в стране;

для меня тотчас же становится ясным, что надвигается один из самых обширных и опасных переворотов, когда либо виданных в мире. Но те, кому суждено сделаться завтра его жертвами, ничего подобного и не подозревали; они думали, что всестороннее и внезапное преобразование такого сложного и старого общества может быть произведено без толчка, с помощью разума и силой его одного. Несчастные!» (III, 1).

Токвиль пишет «рассуждение», обращенное к современности и с попыткой предвидеть будущее — политико-философский трактат, где переосмысление истории Революции — необходимый шаг, чтобы понять последующее. И прежде всего — ответить на вопрос, почему во Франции все так закончилось, «под влиянием <...> зрелища Франции, утратившей политическую свободу и моральное достоинство» (Кареев 1924: 57). И он сразу же дает разграничение, потом сделавшееся всеобщим — на «революцию», процесс общеевропейских и выходящих за пределы Европы изменений, который начался до французской революции и продолжается по сей день — и революцию во Франции, на наступление Modernity — и на конкретно-историческое событие во Франции. Его вопрос — почему это произошло, так ярко проявилось во Франции и почему во Франции произошла именно Революция, в отличие от всех прочих — соединение черт, присутствующих в предшествующие

¹ Токвиль еще и мастер сарказма, наследующий веку великих моралистов: «Странная мысль, что издержки по содержанию дорог должны быть возлагаемы на самых бедных людей, всего менее, казалось бы, имеющих надобность путешествовать, — эта мысль, несмотря на свою новизну, естественно укореняется в умах тех, для кого она выгодна, так что вскоре им начинает казаться, что иначе и быть не может» (II, 12).

времена революциям религиозным и политическим. Что и придает ей столь титанический характер.

[Пересказывать его развернутый ответ, данный в двух последних книгах «Старого порядка...», не имеет смысла, поскольку он хорошо известен и пересказан во множестве книг и учебных пособий — с него начинается обстоятельная разработка темы «предпосылки революции», от исследования работы центральной администрации до изучений аграрной истории Франции]

При этом он близок к классической традиции, от Аристотеля до Монтескье — рассуждение о политике для него одновременно рассуждение о нравах и добродетели. В самом начале своего эссе он пишет знаменитые слова о «первоначальной эпохе 89-го года», той эпохе, «когда равенство и свобода одинаково дороги их сердцу; когда они хотят создать не только демократические, но и свободные учреждения; не только разрушить привилегии, но признать и санкционировать права; время молодости, энтузиазма, гордости, великодушных и искренних страстей — время, память о котором, несмотря на всего ошибки, люди сохраняют навсегда и которое еще очень долго будет тревожить сон всех тех, кто захочет подкупить и поработить их» (19).

И сразу после обличения социалистов — видя их в идеях «экономистов», увлечении воображаемым Китаем, где царит благозаконие и порядок, а император церемониально идет за плугом — переходит к классицистскому по духу воспеванию свободы:

«Что во все времена так сильно привлекало к ней сердца некоторых людей, это ее непосредственные преимущества, ее собственные прелести, независимо от приносимых ею благодеяний; это наслаждение, заключающееся в праве говорить, действовать, дышать без стеснений, повинуюсь только Богу и законам. Кто ищет в свободе чего-либо другого, а не самой, тот создан для рабства.

Некоторые народы упорно стремятся к ней, несмотря на все опасности и бедствия, преграждающие им путь. Это значит, что они любят в ней не те материальные блага, которые она им дает: они видят в ней самой такое драгоценное и необходимое благо, в утрате которого ничто не могло бы их утешить и обладание которым вознаграждает их за все. Другие утомляются ею посреди своего благополучия и без сопротивления дают вырвать ее у себя из рук, боясь повредить каким-либо усилием тому благосостоянию, которым ей же обязаны. Чего недостает этим последним, чтобы остаться свободными? Им недостает одного: желания быть свободными. Не требуйте от меня анализа этого возвышенного чувства: его надо испытать. Оно само входит в те великие души, которые господь приготовил для его восприятия; оно ими овладевает и воспаляет их.

Бесполезно объяснить его мелким душам, никогда не знавшим его» (III, 3).

И тогда — каким образом оказалось возможно «время молодости, энтузиазма, гордости, великодушных и искренних страстей», если в конце концов оказывается, что Франция предпочла равенство свободе? Как

оказался возможен тот порыв и классическое величие? Его ответ в том, что «старый порядок» был еще и миром, где была возможна и где существовала специфическая, многообразная, неправильная — свобода:

«Как ни были люди Старого порядка послушны королевской воле, был род повиновения, неизвестный им: они не знали, что значит подчиняться незаконной или спорной власти, мало вызывающей уважения, часто презираемой, но которой охотно покоряются, потому что она оказывает услуги или может вредить. <...> Король внушал им такие чувства, каких впоследствии не мог вызвать никто из самых неограниченных монархов в мире и которые стали даже для нас почти непонятными, так как Революция с корнем вырвала их из нашего сердца. К королю тогдашние люди испытывали смесь сыновней нежности и благоговения, должного одному Богу. Подчиняясь произвольнейшим приказаниям короля, они уступали не столько внешней силе, сколько своей любви и, таким образом, *среди крайней зависимости, нередко сохраняли весьма свободную душу* [выд. нами — А. Т.]. В их повиновении самым большим злом могла быть его вынужденность; у нас она является наименьшим злом: худшее заключается в том раболепном чувстве, которое заставляет нас повиноваться. Не будем же презирать наших отцов: на это мы не имеем права. Дай Бог, чтобы мы могли возвратить, вместе с их предрассудками и недостатками, хоть частицу их величия!» (II, 11).

Оттуда вышли люди, способные к действию — и при этом они оказа-

лись теми, чьи действия уничтожили возможность свободы.

Основной вопрос в сущности остается тем же, что и в «Демократии в Америке» — как совместить демократию и свободу, как возможна свобода при демократии? Поскольку демократия неизбежна — Токвиль осознает, что ее нельзя остановить, любые консервативные запруды, реакция и т. д. — лишь несколько выигранных лет или десятилетий (да и непонятно — выигранных или лишь усугубляющих ситуацию, обращающих приход демократии из «подъема воды» в «прорыв дамбы») — так вот, поскольку она неизбежна, то вопрос лишь в свободе. И его ответ звучит во многом пессимистично — но при этом определяя ключевые элементы возможности свободы, прежде всего — множества автономных объединений (в первую очередь местных, но не только). Речь идет и о привычке быть «на свету», «на сцене» перед глазами все той же, пусть и немногочисленной, аудитории (вопрос репутации), об общих делах — о «свободе», быть может, неправильной — в смысле неоднородной, неодинаковой, но позволяющей образовываться сильным характерам — и в свою очередь держащаяся ими.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кареев 1924 — *Кареев Н.И.* Историки французской революции: Французские историки первой половины XIX века. — Пг.: Колос, 1924.

REFERENCES

Kareev N. I. *Istoriki francuzskoj revoljucii: Francuzskie istoriki pervoj poloviny XIX veka.* Petrograd: Kolos, 1924.

«В НАУЧНОМ КОЛЛЕКТИВЕ НЕТ НИЧЕГО БОЛЕЕ НЕПРИЕМЛЕМОГО, ЧЕМ ЕДИНОМЫСЛИЕ».

Интервью с Д. Ю. Козловым

В интервью¹ затрагивается проблематика изучения Первой мировой войны российским историческим сообществом, а также освещается работа Центра военной истории России Института военной истории РАН.

Ключевые слова: военная история, Первая мировая война, военно-морской флот

Сведения об авторе: Козлов Денис Юрьевич — историк, доктор исторических наук, капитан 1-го ранга запаса. Руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН, президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Специалист по истории флота и военно-морского искусства, Первой мировой войны.

Автор монографий «Флот в румынской кампании 1916–1917 годов» (2003), «Британские подводные лодки в Балтийском море. 1914–1918 гг.» (2006), «Сражение за Рижский залив. Лето 1915» (2007), «"Странная война" в Черном море (август — октябрь 1914 года)» (2009), «Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917)» (2013), «Во главе действующего флота. Система управления морскими силами России накануне и в годы Первой мировой войны» (2014), «"Шведский поход" адмирала фон Эссена (июль 1914 года)» (2019), а также ряда статей и других научных публикаций.

"THERE IS NO ANYTHING MORE UNACCEPTABLE FOR THE SCIENTIFIC SOCIETY, THEN UNANIMITY". Interview with Denis J. Kozlov

Abstract. The interview deals with the problems of the researches of history of WWI by Russian historical society. It also elucidates the work of the Russian military history center of the Institute of Russian history of RAS.

© Историческая Экспертиза, 2022
DOI 10.31754/2410-1419-2022-3-464-471

¹ Интервью дано в декабре 2019 г. Прим.редакции.

Key words: military history, WWI, navy

About the author: Denis J. Kozlov — historian, Doctor of Historical Sciences, captain 1st rank in reserve. Chief of the Russian military history center of the Institute of Russian history of RAS, president of Russian association of WWI historians. Specialist in history of navy and naval strategy, history of WWI.

Author of the monographs “Fleet in the Romanian campaign of 1916–1917” (2003), “British submarines at Baltic Sea. 1914–1918” (2006), “Battle for Riga bay. Summer of 1915” (2007), “«Strange war» at Black Sea (August — October 1914)” (2009), “Interruption of naval communications from the experience of Russian navy actions in WWI” (2013), “At the head of the active navy. The command and control system of Russian naval forces before and during WWI” (2014), “«Swedish crusade» of admiral von Essen (June 1914)” (2019) and a number of articles and other scientific publications.

Беседавал А. Ф. Арсентьев

А. А.: Как Вы пришли в историческую науку? Что обусловило выбор Вами темы Ваших исследований?

Д. К.: Я достаточно рано выбрал профессию, еще подростком решив стать морским офицером. Тогда же меня заинтересовала история флота, чему, безусловно, поспособствовала прекрасная библиотека, собранная моим отцом — морским врачом. Я получил классическое военно-морское образование — окончил Нахимовское военно-морское училище, затем Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе (старейшее в России светское высшее учебное заведение, основанное Петром I в 1701 году) и Военно-морскую академию имени Н. Г. Кузнецова, и на всех этапах учебы и службы все более приходил к убеждению, что мне интересно не столько современное состояние флота, сколько его история, пути решения проблем его строительства и применения в прошлом.

Первый опыт проведения некоторого подобия исторического исследования я приобрел еще нахимовцем, когда мы с одноклассником написали

большой реферат о событиях начального периода Великой Отечественной войны в Черном море, с которым заняли первое место на областной олимпиаде по истории в Ленинграде. Затем, будучи курсантом высшего военно-морского училища, я активно работал на кафедре военной истории и подготовил работу о генезисе противолодочной обороны в Российском флоте периода Первой мировой войны, которую впоследствии развил в кандидатскую диссертацию. Прослужив пять лет на кораблях Черноморского флота, я вернулся в свою alma mater в качестве адъюнкта, где окончательно определился с темой будущих научных изысканий. Этой темой стала Первая мировая война, являющаяся, на мой взгляд, событием во всемирной военной истории беспрецедентным по целому ряду оснований. Назову лишь два. Во-первых, именно в 1914–1918 гг. вооруженная борьба распространилась сразу на две новые природные среды — воздушное и подводное пространства — и превратилась в объемный, трехмерный процесс. Сложному процессу поиска путей противодействия каче-

ственно новой угрозе — подводной опасности — и была посвящена моя кандидатская работа. Во-вторых, опыт событий 1914–1918 гг. стал эмпирической базой, на которой впоследствии сформировалось оперативное искусство как самостоятельная часть (наряду со стратегией и тактикой) теории и практики вождения войск и сил флота. Несколько забегаая вперед, скажу, что исследованию форм оперативного применения сил Российского флота в кампаниях 1914–1917 гг. при решении одной из важнейших задач — нарушении коммуникаций противника — была посвящена докторская диссертация Вашего покорного слуги, защищенная в 2015 году.

После окончания адъюнктуры я приобрел некоторый опыт преподавательской деятельности в Тихоокеанском военно-морском институте имени С. О. Макарова и в 2000 году получил назначение в Институт военной истории Минобороны России, где, с небольшим перерывом на службу в аппарате министра обороны, проработал 17 лет. Безусловно, именно в этом институте, где мне случилось пройти путь от старшего научного сотрудника до начальника научно-исследовательского управления отечественной военной истории и заместителя начальника института, произошло мое профессиональное становление. В фокусе моих научных интересов по-прежнему оставалась Великая война, и, очевидно, главным результатом деятельности в этом направлении стало руководство авторским коллективом двухтомника «Вооруженные силы России в Первой мировой войне 1914–1917», вышедшего в 2014 году

и получившего хорошую прессу в нашей стране и за рубежом.

С 2018 года я работаю в Институте российской истории РАН, где имею честь возглавлять Центр военной истории России — коллектив с большим научным багажом и славными традициями, заложенными академиком Георгием Александровичем Куманевым.

Завершая ответ на Ваш вопрос, не могу не сказать слов искренней благодарности своим учителям, многие из которых, увы, уже ушли из жизни — преподавателю Нахимовского училища Тамаре Павловне Булгаковой, поддержавшей в робких юношах интерес к истории, моих наставников в адъюнктуре — блестящих педагогов и военно-морских историков Владимира Юльевича Грибовского и Владимира Семеновича Шломина, коллег по Институту военной истории, среди которых были без преувеличения классики военно-исторической науки — Владислава Таировича Иминова, Анатолия Васильевича Усикова, Валерия Александровича Авдеева и многих других.

А. А.: Как Вы можете оценить степень изученности действий Русского Императорского флота в годы Первой мировой войны в отечественной историографии? Что уже известно, а что еще предстоит исследовать?

Д. К.: Основоположником отечественной научной школы изучения борьбы на российских морских театрах Первой мировой войны является, на мой взгляд, Михаил Александрович Петров, труды которого, изданные в 20-х годах прошлого ве-

ка, в своей совокупности создали достаточно полную и фундированную картину подготовки России к войне на море и боевой деятельности Российского флота в кампаниях 1914–1917 гг. В межвоенный период, когда обобщение опыта Великой войны являлось приоритетной прикладной задачей военно-исторической науки, над этой проблематикой активно работали П. Д. Быков, Л. Г. Гончаров, Б. А. Денисов, Б. Б. Жерве, Н. В. Новиков, А. В. Томашевич и др. Во второй половине XX века эту работу продолжили В. А. Белли, И. А. Козлов, В. С. Шломин, К. Ф. Щацилло. В 1964 г. под редакцией Н. Б. Павловича был издан двухтомник «Флот в первой мировой войне» — первое в нашей стране систематическое описание борьбы на море в 1914–1918 гг., призванное, очевидно, компенсировать отсутствие написанного «по горячим следам» официального труда о действиях Российского флота (созданная для этого в 1918 г. комиссия — Мориском — в скором времени была упразднена, не завершив эту работу).

«Морская» проблематика Первой мировой войны привлекает внимание историков и сегодня, что подтверждают отличающиеся научной новизной работы Д. А. Бажанова, С. Е. Виноградова, В. Ю. Грибовского, А. Ю. Емелина, Д. Е. Жалнина, В. Я. Крестьянинова, Н. А. Кузнецова, К. Б. Назаренко, М. А. Парталы, Д. А. Седых, А. Ю. Савинова, А. В. Смолина и целого ряда других отечественных исследователей. История Российского флота начала прошлого столетия остается в фокусе внимания американских историков М. Баррета, С. Маклахлина, фин-

ского коллеги А. Юнтунена, шведа Г. Оселиуса. В Германии в последние годы наблюдается без преувеличения всплеск интереса к истории борьбы кайзеровского флота с русскими морскими силами на Балтике, о чем свидетельствуют работы К. Йенца, Л. Бенгельсдорфа, В. Рана. Этот перечень далеко не полон.

Среди современных тенденций развития историографии нашей темы я бы отметил расширение источниковой базы исследований, более полный учет новейших достижений зарубежных коллег, введение в научный оборот обширного военно-исторического наследия русской военно-морской эмиграции, преодоление некоторого методологического консерватизма, свойственного «флотской» историографической традиции, развитие актуальных направлений исследований — «локальной истории», истории военной повседневности, военно-исторической элитологии и др.

Достижения отечественных и зарубежных историков в обобщении опыта военных действий на российских морских театрах Первой мировой войны бесспорны. Однако целый ряд проблем и сюжетов нашел в историографии лишь частичное или поверхностное освещение и требует всестороннего исследования или нового прочтения. Назову лишь некоторые из них.

Прежде всего, до настоящего времени вопросы оперативно-стратегического применения отечественного флота в 1914–1917 гг. не являлись предметом самостоятельного комплексного исследования, подобного,

например, докторской диссертации, а затем и монографии Алексея Васильевича Басова, посвященных аналогичной проблеме периода Великой Отечественной войны. Отчасти в силу этого общая оценка результатов деятельности Российского флота в 1914–1917 гг., его вклада в достижение Россией своих стратегических целей страдает незавершенностью и, вследствие отсутствия в отечественной историографии попыток дать такую оценку на основе апробированного критериального аппарата, имеет неконкретный и, в ряде случаев, субъективный характер. На периферии исторических исследований остаются некоторые аспекты военно-морского сотрудничества с союзными державами, в частности, попытки организации стратегического взаимодействия с флотами стран Антанты. Недостаточно исследованы организация, формы и результаты оперативно-боевой подготовки органов управления и сил флота в ходе военных действий. Слабым звеном российской научной литературы о войне 1914–1918 гг. (в сравнении, например, с историографией Русско-японской войны 1904–1905 гг.) остается военно-морская биографика. Мы, к сожалению, не имеем полноценных научных биографий ни высших руководителей флота и морского ведомства, ни командующих флотами (за исключением А. В. Колчака). Как следствие, оценки личного вклада конкретных должностных лиц в развитие теории и практики применения сил флота в 1914–1917 гг. во многих случаях страдают субъективностью, а иногда и политической ангажированностью.

В заключение отмечу еще одну особенность отечественной научной литературы о Великой войне. На фоне многочисленных сборников документов о военных действиях (в том числе отдельных операциях) на сухом пути, в нашей стране не издано ни одного полноценного сборника боевых документов, характеризующих действия Российского флота. Единственное исключение, которое лишь подтверждает это правило — два сборника машинописных копий рапортов, донесений и отчетов командующих Балтийским флотом за 1916–1917 гг., размноженные в 50 экземплярах на ротаторе Военно-морской академии РККА им. Ворошилова для нужд кафедры военно-морской истории в 1931 г. Так что фронт работы в этом направлении практически безграничен.

А. А.: Какова ситуация с источниковой базой? Какой процент имеющихся документов введен в научный оборот? Есть ли проблемы с доступом к источникам?

Д. К.: Корпус источников по истории Российского флота периода Первой мировой войны достаточно широк и вполне доступен. Основной массив делопроизводственной документации — в первую очередь директивные, планирующие и отчетно-информационные боевые документы, служебная переписка — хорошо сохранены и отложились в Российском государственном архиве военно-морского флота. Некоторые лакуны, разумеется, имеют место (это касается, в частности, документации о кампании 1917 года, когда полнота и качество исполнения боевых документов в штабах и на кораблях по понятным

причинам резко снизились), но эти пробелы, как мне кажется, не носят критического характера. Документы морских органов ставки верховного главнокомандующего, а также переписка по морским вопросам штабов общевойсковых объединений, которым оперативно подчинялись или с которыми взаимодействовали действующие флоты, хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве. В Архиве внешней политики Российской империи можно обнаружить любопытные документы, характеризующие международные аспекты деятельности морского ведомства — взаимодействие адмиралтейства с Министерством иностранных дел, работу заграничных военно-морских агентов и т.п. К 100-летию начала Первой мировой войны Центральный архив Минобороны России оцифровал и опубликовал на электронном ресурсе «Российско-германский проект по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации» коллекцию немецких трофейных бумаг, среди которых есть немногочисленная, но весьма репрезентативная подборка документов о действиях флота Второго рейха в Балтийском и Черном морях. Доступна и документация германского флота из Бундесархива во Фрайбурге, которая, в отличие от «сухопутных» документов этого периода, не пострадала во Вторую мировую войну. В целом комплекс документальных источников достаточно обширен и, в общем, обеспечивает решение исследовательских задач.

Мы, кроме того, располагаем многочисленным собранием мемуаров, дневников и писем моряков Великой войны, причем новые источники

такого рода по сей день достаточно регулярно публикуются как в нашей стране, так и за рубежом. В частности, в уходящем году Институтом российской истории РАН и Государственным архивом Российской Федерации была предпринята публикация автобиографии вице-адмирала М.А. Кедрова, значительная часть которой посвящена участию мемуариста в кампаниях 1914–1917 годов.

Я не смогу аргументированно ответить на вопрос о проценте введенных в оборот источников. По моим наблюдениям, большинство документов стратегического и оперативного уровня исследователям в той или иной степени известны. Дела, в листах использования которых мне приходилось ставить подпись первым, содержали в основном документы тактического звена управления.

А.А.: Что Вы можете сказать касаясь политики памяти в отношении Первой мировой войны? В последнее время предпринимаются серьезные шаги к возрождению исторической памяти о ней. Насколько они эффективны? Что, на Ваш взгляд, следовало бы еще сделать в данном направлении?

Д.К.: Я не слишком сведущ в проблемах политики памяти, эта субстанция, как мне кажется, относится не столько к истории, сколько к актуальной политике. Мне, разумеется, отрадно видеть, что в стране появляются памятники участникам Великой войны, создан, точнее, воссоздан ее музей, благодаря 100-летию Первой мировой войны она вышла из тени революции 1917 года и интерпретируется как самостоятельный

исторический феномен. Свою же задачу как члена исследовательского цеха я вижу в том, чтобы формировать возможно более полную и достоверную научную картину этого грандиозного исторического события, пытаюсь, как писал Тацит, «без гнева и пристрастия» проанализировать как высокие достижения, так и бездарные провалы нашего воинства. И, конечно, своими публикациями знакомить с результатами проведенных исследований широкую публику. Иными словами, делать то, чем мы занимались задолго до столетнего юбилея Первой мировой войны и продолжаем заниматься после него, независимо от внимания или невнимания властей предрежащих к этой проблематике.

А. А.: Расскажите о деятельности возглавляемой Вами ассоциации историков Первой мировой войны. Какие известные ученые в нее входят? Каковы области их научных интересов? Как происходит координация их деятельности?

Д. К.: Наша общественная организация, объединяющая под своей эгидой историков, специализирующихся на изучении различных аспектов глобального военного конфликта 1914–1918 гг., была создана в 1992 году на базе Научного совета по проблеме «Революции и реформы» при Отделении истории РАН и группы по изучению Первой мировой войны Института всеобщей истории.

У истоков создания ассоциации — дискуссионной площадки, позволяющей ее участникам свободно обмениваться взглядами по актуальным проблемам Первой миро-

вой войны, — стояли мэтры отечественной исторической науки Юрий Алексеевич Писарев, Павел Васильевич Волобуев, Тофик Муслимович Исламов, Виктор Леонидович Мальков, Корнелий Федорович Шацилло, Зинаида Павловна Яхимович, Александр Георгиевич Кавтарадзе. В активе ассоциации — десятки изданных научных и научно-справочных трудов, сотни опубликованных статей, участие в многочисленных научных форумах, выступления в средствах массовой информации. Уже десять лет мы совместно с издательством «Квадрига» издаем альманах «Великая война 1914–1918».

В наших планах — поиск и апробация новых форм работы, расширение спектра тем, проблем и подходов к изучению Первой мировой войны, новые публичные мероприятия, исследовательские и публикаторские проекты. Позвольте, пользуясь случаем, проинформировать читателей о запланированных на март 2021 года первых Писаревских чтениях, которые будут посвящены проблемам новейшей историографии Великой войны. Вся информация об этом мероприятии размещена на сайте РА-ИПМВ, в последующем мы предполагаем проводить подобные тематические чтения регулярно.

Подчеркну, что наша организация является абсолютно неформальным сообществом исследователей. Мы не являемся юрлицом, не получаем казенных денег, не собираем членских взносов и не выдаем членских билетов; всякий, кто занимается научными исследованиями по нашей проблематике, может считать себя членом ассоциации. Несложная про-

цедура регистрации преследует сугубо информационные цели: мы будем знать о сфере Ваших научных интересов, а Вы — получать информацию о наших планах и мероприятиях. Кстати, иногда мне задают вопрос о том, какова точка зрения РАИПМВ на ту или иную научную проблему. В таких случаях я отвечаю, что у ассоциации нет и в принципе не может быть единого мнения ни по какому вопросу. Как только таковое мнение появится, я первый подниму вопрос о самороспуске нашей организации, потому что в научном коллективе, как мне кажется, нет ничего более неприемлемого, чем единомыслие. Мы готовы к обсуждению любой корректно аргументированной позиции.

А. А.: Расскажите о Центре военной истории России РАН. Какова была цель его создания? Какими вопросами он сейчас занимается?

Д. К.: Центр военной истории России — одно из научных подразделений Института российской истории РАН, сформированное в начале 1990-х годов на базе сектора истории Великой Отечественной войны по инициативе его многолетнего бессменного руководителя Г. А. Куманева. Сегодня тематика исследований моих коллег, среди которых известные и авторитетные ученые В. А. Артамонов, С. Н. Базанов, И. В. Быстрова, Р. Г. Гагкуев, М. С. Зинич, А. В. Малов, М. Э. Морозов, С. Г. Нелипович, Б. У. Серазетдинов и др., весьма широка — от восстановления военных сил России после Смуты в первой половине XVII столетия до развития и применения отдель-

ных видов вооруженных сил и родов войск в годы Великой Отечественной войны. Проводятся исследования в области социальной истории войн, военно-исторической антропологии, истории оборонно-промышленного комплекса, международного военного сотрудничества. Многие сотрудники центра активно участвуют в реализации главного научного проекта Института российской истории — академической 20-томной «Истории России». Очень приятно, что военно-историческая проблематика продолжает привлекать внимание молодых исследователей — буквально пару месяцев назад наш коллектив пополнился сразу тремя аспирантами, выпускниками РГГУ.

А. А.: Каково Ваше отношение к Российскому военно-историческому обществу?

Д. К.: К РВИО я никакого отношения не имею. А после истории с «диссертацией» Мединского, которая стала для этой организации полным репутационным фиаско, что-то говорить на эту тему, мне кажется, излишне.

Не хотелось бы завершать интервью на этой ноте, поэтому позвольте, пользуясь случаем, поздравить наших читателей с Новым годом и пожелать всем нам удачи, успехов и, главное, здоровья. Искренне надеюсь, все проблемы и напасти, постигшие нас в уходящем году, останутся в прошлом.

А. А.: Благодарю за уделенное время!

«ПОЛНОЦЕННЫЙ РАЗГОВОР ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МОЖЕТ БЫТЬ ВАЖНЕЙШИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕСУРСОМ; ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА, КОТОРАЯ СУМЕЕТ ЕГО ЭФФЕКТИВНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ, БУДЕТ В ВЫИГРЫШЕ».

Интервью с Н. Эппле

В 2020 году вышла книга Николая Эппле «Неудобное прошлое», посвящённая тому, как менялась и меняется память о государственных преступлениях в разных странах (СССР и Россия, Германия, Испания, Аргентина, Польша, ЮАР, Япония). Основные темы этого интервью — проблема проработки памяти о советском государственном терроре в современной России; «войны памяти» в Интернете; влияние тоталитарных практик на язык.

Ключевые слова: советский государственный террор; травмирующая память; примирение; войны памяти; мемориальная культура; историческая память

Сведения об авторе: Николай Эппле — филолог, историк культуры. Окончил классическое отделение историко-филологического факультета РГГУ и аспирантуру Института философии РАН.

Контактная информация: epple@mail.ru

«A SERIOUS CONVERSATION ABOUT RESPONSIBILITY CAN BE A VERY IMPORTANT RESOURCE FOR POLITICIANS; THE POLITICAL FORCE THAT CAN USE THIS RESOURCE EFFECTIVELY WILL SUCCEED» Interview with Nikolay Epplée

In 2020, the book "An Inconvenient Past" by Nikolay Epplée was published, dedicated to how memory of state crimes has changed and is changing in different countries (USSR and Russia, Germany, Spain, Argentina, Poland, South Africa, Japan). The main topics of the interview are how memory of Soviet state terror is comprehended in modern Russia; what do "memory wars" in the Internet mean; what is the influence of totalitarian practices on language.

Key words: Soviet state terror; traumatic memory; reconciliation; memory wars; culture of remembrance; historical memory; memory studies

About the author: Nikolay Eplée is a philologist and cultural historian. Graduated from the classical department of the Faculty of History and Philology of the Russian State Humanitarian University and postgraduate studies at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: epple@mail.ru

Беседовал Константин Морев

К. М.: В книге «Неудобное прошлое» вы описываете примеры долгой работы с памятью о травматических событиях в истории разных стран. Но при этом начинается она вскоре после завершения самого факта травмы. В случае с Россией временной зазор между сегодняшним днём и сталинизмом становится всё больше. Какое значение имеет для работы с памятью время, отделяющее нас от момента пика террора (1937–1938 годы)? Работает ли время против тех, кто заинтересован в проработке памяти, или нет?

Н. Э.: Сам этот вопрос демонстрирует специфическую перспективу отношения к теме. Нам кажется, что с нашим советским государственным террором мы находимся в уникальном положении — и сама наша травма уникальна, и мы такие единственные, кто не может с ней разобраться. И эта специфическая слепота не только географическая, но и хронологическая. Мы не только не одни такие, подобная работа по преодолению наследия диктатур проделана и прodelывается и многими странами, но мы не первые в нашей стране, кто с этой задачей сталкивается: работа с этим прошлым у нас идет с переменным успехом с 1950-х годов. И книжка среди прочего призвана

развеесть эту иллюзию уникальности, в том числе хронологической — и потому рассказ о десталинизациях в ней занимает довольно большую часть. То есть современная работа должна осмысляться как «третья десталинизация», внимательно анализировать сделанное, прорабатывать и это тоже, иначе мы получаем очередное загоразживание от прошлого. Литература оттепели — это формирование языка говорения о травме, конец 1980-х и начало 1990-х — опыт осуждения и подведения черты под прошлым, неудачная попытка формирования консенсуса. Тут важно, в частности, понимание, что в 1990-х пошло не так и почему «вторая оттепель» обернулась ресентиментом; не поняв и не учтя это, мы рискуем снова наступить на те же грабли и получить не переосмысление, а просто очередную фазу движения маятника.

Что касается того, работает ли время против — конечно работает, и какие-то вещи, конечно, безвозвратно упущены. Те, кто был непосредственно вовлечен в эти события, преступники и жертвы, за редким исключением, мертвы. Невозможны как реальные суды над авторами и исполнителями террора, так и реальные компенсации жертвам — важнейшие элементы проработки такого

прошлого. Но это вовсе не значит, что работа эта в принципе невозможна. Тут очень важно понимать, что по мере отодвигания травматического события в прошлое, по мере смены поколений, неизбежно меняется язык говорения об этом. Пример Германии, где мемориальная культура развита лучше всего в мире, показывает, как каждое поколение вырабатывало и продолжает вырабатывать свой язык говорения об ответственности за преступления нацизма. Этот разговор не заканчивается, но он неизбежно меняется. И что касается нас, хорошо видно, что молодёжи интересна эта тема, но язык, которым она преподносилась в годы сначала первой, а потом второй оттепели — сегодня не работает. Нужно изобретать новый, и это изобретение довольно активно идет сейчас.

К.М.: В одном интервью вы отвечали на вопрос, можно ли вообще не вести эту работу с прошлым, и сказали, что если этого не делать, то кто-то может воспользоваться травмирующей памятью в политических целях. Что имеется в виду?

Н.Э.: Историческая травма — это всегда разрыв социальной ткани, нарушение ее целостности и потому всегда удобное основание для манипуляций. Сильное гражданское общество, работающие горизонтальные связи — очевидная угроза тоталитаризму и авторитаризму. И потому такие режимы всегда заинтересованы в дезинтеграции общества, затруднении выстраивания механизмов солидарности, форм горизонтального взаимодействия. И расчёсывание разного рода исторических травм, давление на болевые точки — прове-

ренный способ разделения общества, поддержания дезинтеграции.

Считается, что в этом заинтересованы разного рода «деструктивные силы»: «иностранные агенты», «Запад», «экстремисты» и так далее. И наверное, в теории это действительно должно именно так работать. Но на деле мы видим нечто совершенно иное. Мы видим, что культивирование страха перед гражданской рознью на деле призвано сохранить, «подморозив», существующую дезинтеграцию. Сохранение, в упованиях на сильную власть, которая служит гарантом от чего-то куда более страшного. И распространённый аргумент «не ворошить прошлое» работает именно так. Представление о том, что публикация документов и фактов о репрессиях приведёт к тому, что потомки жертв начнут мстить потомкам палачей и мы рухнем в новую гражданскую войну — вероятно, не является исключительно манипуляцией и иллюстрирует реальные страхи запуганной телевизором аудитории, но к реальности имеет мало отношения. В реальности всё работает ровно обратным образом: публикация фактов и называние вещей своими именами формирует базу для объединения общества на основе уважения к закону и безусловной ценности человеческой жизни.

К.М.: Вы приводите в книге ряд инициатив, связанных с проработкой темы сталинского террора — «История старой квартиры», «Дети ворона», «Последний адрес». Можно ли сказать, что таких инициатив достаточно и они просто должны набрать «критическую массу», чтобы произошёл прорыв и начало более

масштабной работы? Или для этого нужна смена политического курса? Учитывая, что, опять же, прошло довольно много времени...

Н.Э.: Я исхожу из того, что смена политического курса находится за «горизонтом событий», принимать ее в расчёт и делать частью логического построения не имеет большого смысла. Завтра Земля может налететь на небесную ось, и тогда всё будет как-то иначе, но мы живём в другой ситуации и из неё исходим. Поэтому называть смену курса условием успешной работы мне не кажется правильным; нужно говорить о том, что можно делать и что делается в существующей ситуации и на что у общества есть возможность влиять. И в нынешней ситуации можно говорить о прорыве памяти, термине, который используют для описания ситуации, когда количество мемориальных инициатив переходит в качество. Да, такого рода поворот отношения к прошлому, в котором нуждается Россия, невозможен без желания властей и без поворота исторического курса. Прорыв памяти едва ли может этот поворот вызвать, но серьезно изменить настроения широких слоев общества, превратить «настроения» в отчётливый и понятный политикам политический запрос — может. Тут интересны примеры Аргентины конца 1970-х-начала 1980-х, Бразилии и Чили 1990-х, Испании начала 2000-х, и так далее.

Что касается мемориальных инициатив в современной России, важный качественный скачок тут уже произошёл: тема советского террора перестала быть «нишевой», интересной специалистам, историкам и род-

ственникам жертв. Именно этим важны приводимые в книге примеры — «Колыма» Юрия Дудя, сериал по роману Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза», детские книжки и тексты модных рэперов о терроре. Надо еще заметить, что в условиях России второй половины 2010-х эта волна интереса должна была преодолевать два сильнейших препятствия — во-первых, ощущение, что всё это уже проговорили в девяностых и сколько можно уже, а во-вторых, того, что это происходит параллельно с социально-экономическим неблагополучием и в ситуации, мягко говоря, бездействия государства. То, что с учётом всего сказанного эта волна всё же идет — очень большой успех. В других условиях эффект такой волны был бы феноменальным, но у нас условия такие, какие они есть.

К.М.: Относительно сталинизма часто можно услышать: «Да, репрессии были, на государственном уровне это подтверждают, вот есть музеи, памятники. Но это не отменяет всего хорошего, что создала сталинская модель». Что этому противопоставить, как с подобным взаимодействовать?

Н.Э.: Действительно, это не просто довольно часто звучащий тезис, это одна из стратегий выстраивания исторической политики в современной России. По этой модели работают, например, выставки «Россия — моя история». Это довольно ловкий ход, позволяющий не молчать о преступлениях, но противопоставлять им успехи и таким образом как бы уравновешивать одно другим. Мы получаем равновесную конструкцию,

важную и удобную тем, что она отключает разговор об ответственности.

И тут, во-первых, необходимо продемонстрировать невозможность вот этой самой логики уравнивания. Нужно просто хорошо понимать — и как можно более отчётливо проговаривать, — что эта логика в основе своей совершенно бесчеловечная и людоедская (и совершенно аутентично советская). Она говорит, если освободить ее от всего постороннего, что прогресс нормально оплачивается убийствами, человеческие жизни — это то, что государство вправе класть на чашу весов. Да, для любой тирании это нормальная логика, но вне пространства тирании — нет. Согласны ли те, кто разделяют эту точку зрения, положить на эту чашу весов свои жизни?

А во-вторых, нужно как можно более внятно и громко показывать, что предъявляемые нам в рамках этой модели успехи — это успехи дутые. То, что делалось в рамках репрессивной модели, за счёт использования рабского труда — делалось плохо. Это хорошо изученный и доказанный историками и экономистами факт. Индустриализация, великие сталинские стройки были в действительности экономическим провалом, они разоряли страну. У нас Сталин с его мегапроектами считается сильным и эффективным руководителем, а Хрущёв с его кукурузой и так ненавистными всем убогими пятиэтажками — лопухом и деревенщиной. Почему это так — отдельный любопытный вопрос и поле для работы с памятью. Ведь в реальности мегапроекты Сталина были как ми-

нимум расточительными (на деньги, которые стоило возведение высотки МГУ, можно было построить город из пятиэтажек), а как максимум бессмысленными (классический пример — Беломорканал), а его технологические прорывы — ядерное оружие, ракетостроение — достигались за счёт заимствования иностранных технологий, тогда как именно при Хрущёве впервые начала решаться жилищная проблема и впервые в советской истории начался рост благосостояния людей.

Подлинными успехи советской науки и культуры, реально прославившие их во всём мире — это успехи не государства, а людей. Поэзия Мандельштама, Ахматовой и Пастернака, проза Платонова и Булгакова, литературоведение Михаила Бахтина, Физтех Капицы и Ландау, математика Колмогорова, ботаника и генетика Николая Вавилова, биогеохимия Вернадского и так далее и так далее — всё это развивалось вопреки тоталитарному государству, а не благодаря ему, и никакой террор эти успехи никоим образом не уравнивают.

К.М.: Вы говорите, что признание вины является не слабостью, а силой для государства и в конечном счёте выгодно для него. Судя по всему, руководство России сильное государство понимает иначе, исходя из некой «боевой мощи». Мне кажется, это проблема разного сознания, разных ценностей и разного языка. Каким образом можно выйти на диалог, если эти вещи так различаются?

Н.Э.: Мне кажется, полезно выходить из завороченности «ментально-

стями» и «парадигмами» и говорить о фактах и прагматике. Сильное государство складывается из эффективной экономики и стабильной политической системы, обусловленной доверием граждан государственным институтам. Экономически слабая страна, в которой значительная часть населения живет за чертой бедности, в которой не работают выборы и политическая конкуренция, а граждане стараются по возможности жить в обход государства, может сколько угодно демонстрировать высокое доверие лидеру и патриотическую мобилизацию — это государство нестабильно и слабо. И в мире есть много примеров того, как признание ответственности за преступления было вполне прагматически эффективным способом заработать внешнеполитические очки и повысить доверие к собственным государственным институтам. Мне не кажется интересной задача переубедить тех, кто видит в страхе критики силу, мне кажется важным сказать, что полноценный разговор об ответственности, если грамотно и компетентно его вести, может быть важнейшим политическим ресурсом, и та политическая сила, которая сумеет его эффективно использовать — будет в выигрыше.

Когда я говорю о важности прагматического подхода к теме, я говорю о том, что в дискуссиях о советском прошлом слишком много морализаторства, которое часто блокирует разговор. «О чем можно говорить с наследниками чекистов», «какое может быть примирение после миллионов убитых», — всё то, что Екатерина Шульман, комментируя книгу, назвала чаянием «Небесного Нюрнберга». Важно показывать всем тем,

кто не слеп к доводам разума, что критика героического мифа и дискурс ответственности не чреват развалом страны, а вовсе даже наоборот.

К.М.: Государство признаёт репрессии злом, но лишь на словах, а на деле, как вы заметили, культивирует и сохраняет в себе склонность к «вертикальности», а через это и к насилию. Михаил Шишкин в своё время написал, что в России «связные слова нужны власти и литературе... Тоталитарное сознание с лихвой обслуживалось приказами и молитвами. Сверху — приказы, снизу — молитвы». Как мне кажется, такая модель — часть очень давней и базовой для российского государства идеи, что есть некие государственные интересы и есть люди, которые выступают только ресурсом для государства. Думаю, эта идея восходит ко времени Ивана III. Добиться от государства детальной проработки проблемы государственного же террора — значит, поменять саму эту парадигму. Согласны ли вы с этим суждением? Считаете ли вы это проблемой?

Н.Э.: Я не готов выступать с анализом русской истории в данном случае, это очень большой и трудно верифицируемый тезис. Но на основании изучения опыта современной работы с прошлым других стран я могу сказать, что никакого «проклятия менталитета» не бывает. В классической книжке Асемоглу и Робинсона «Why Nations Fail» показывается, как при внедрении институтов, при наличии на это политической воли, страны пресекают зависимость и от собственного, так сказать, бэкграунда

и от среды и географии — Япония после реставрации Мэйдзи. Мне кажутся важными для России примеры Испании и Турции, исторически очень «вертикальных» стран, которые, как мы видим, оказываются способны довольно серьезно меняться, причем добровольно, что особенно важно: Испания основательно распрощалась с франкизмом, который тоже считали подходящим Испании по «менталитету», Турция — так же свободно выбирает движение от авторитаризма и обратно. Тут важна политическая воля — культурные и исторические различия Японии и Китая далеко не объясняют различия их современного политического устройства. Дело не в том, что китайцы более склонны к авторитарной парадигме, а в том, что современный китайский режим именно так формирует под себя общество. Была бы политическая воля эту конструкцию изменить — изменился бы и менталитет. Таким образом, можно вполне рассуждать о факторах, затрудняющих работу по переосмыслению наследия государственного террора и всей схемы отношений, в которых государственные интересы преобладают над ценностью человеческой жизни, таких факторов достаточно много — но фикции вроде менталитета и исторического детерминизма из этих рассуждений необходимо исключать.

К.М.: В книгу «Неудобное прошлое» попали примеры семи стран: СССР и России, Германии, Польши, Испании, Аргентины, ЮАР и Японии. Что могло попасть в книгу, но не попало? Например, вы говорили, что комиссии правды и примирения создавались и в других странах.

Н.Э.: Изначально я думал ещё включать Грецию и ее разбирательство с режимом «чёрных полковников» и Францию — с режимом Виши. Это интереснейшие кейсы, о Франции мне по-прежнему хочется написать (я совсем чуть-чуть коснулся этого здесь), но для книжки это было бы перебором, в таких вещах важно вовремя остановиться, ограничить себя. Сейчас всё еще интереснее: после завершения книги я продолжил исследовать иностранный опыт уже в рамках проекта «Путь к общей истории» и наткнулся на огромный массив информации. Северная Ирландия, Колумбия, Турция, Сербия, Мозамбик, Зимбабве, Руанда, Чили — всё это невероятно интересные кейсы. Очень интересен пример Франции, преодолевшей режим Виши. И мне правда очень любопытно было бы понять, что в этом направлении происходит в Китае — этот опыт нам особенно близок как страны, двигающейся вперед экономически и политически, но в то же время не спешащей переосмыслить свое прошлое.

К.М.: Как тоталитарные практики, на ваш взгляд, влияют на язык, если говорить именно о стилистике? В чём проявляется это сейчас, спустя 70–80 лет после времени сталинизма? Я имею в виду не только некие пропагандистские штампы, но и общение людей друг с другом.

Н.Э.: В широком смысле я не возьмусь ответить на этот вопрос. Некоторое время назад Максим Трудолобов публиковал на «Медузе» интересный материал о феномене хамства как наследия СССР, где ситуационное доминирование («вас

много, а я одна» и так далее) было нормой, а сейчас продолжает воспроизводиться в рамках отдельных институтов, где ситуационное доминирование сохраняется — например, в родомах. Сейчас такого рода практики оказываются высвечены немало больше, потому что внимание к ним совпадает с западным трендом на борьбу с злоупотреблением властью и доминированием не на политическом, а на бытовом уровне — разного рода абьюзом, харрасментом, буллингом (показательно, что для всего этого нет устоявшихся русских обозначений). Это крайне интересный вопрос, но слишком широкий.

Более понятная и узкая тема — и страшно интересная мне как филологу — бытование этого самого прошлого на уровне языка, лексики. В начале этого года Музей Истории ГУЛАГа и Фонд памяти выпустили поразительное издание — словарь лагерной лексики Леонида Городина. Городин провел в сталинских лагерях и ссылке 15 лет, он писал рассказы о лагерной жизни и понял, что для их понимания нужен лингвистический комментарий — и этот комментарий со временем вырос в целый словарь, о котором высоко отзывались такие люди как Вениамин Каверин и Дмитрий Лихачёв. Опубликовать его получилось только теперь, после смерти автора. Сейчас в Музее истории ГУЛАГа работает выставка, посвящённая этой книге. И это крайне интересно. Ведь задача отразиться, насколько это самое прошлое продолжает определять меня на уровне языка, который, как мы знаем, определяет сознание — это важнейший элемент проработки прошлого! Одно дело абстрактно по-

нимать, что этого много вокруг, в том числе в словаре власти («беспредел», «мочить в сортире» и так далее), но совсем другое понять, что это присутствует на уровне самых что ни на есть бытовых слов вроде «тусовка», «палево», «кантоваться», «клевый», «классный», «втихаря» и так далее, которые мы не осознаём как происходящие «оттуда». Словарь заставляет задумываться и о закономерностях социального порядка: ГУЛАГ стал огромным плавильным котлом, в котором крестьянская и региональная лексика (крестьяне стали едва ли не основой лагерного населения после коллективизации) вроде слова «лох» была усвоена образованным слоем и позднее пришла в города и в современную культуру.

К.М.: Многие события, связанные с прошлым, вызывают дискуссию. После «Колымы» Дудя появилось сразу несколько видео (тоже с немалым числом просмотров), где разные авторы занимаются тем, что как раз ставят под сомнение или высмеивают фильмы, подобные «Колыме». На YouTube можно назвать каналы Дмитрия «Гоблина» Пучкова и реконструктора Клим Жукова. Подобное было и после фильма «Зулейха открывает глаза». Что вы думаете об этом явлении? Это та дискуссия, которая и должна быть, или нет?

Н.Э.: Хороший вопрос. Я с интересом слежу за войнами памяти в интернете. Отчасти я сам оказался некоторым образом в них вовлечён, потому что Максим Кац записал два ролика по тексту моей книги (раз и два). У него огромная аудитория, и это, разумеется, вызывает отклики, в том числе в тональности Гоблина.

Интернет — интересное поле для исследования коллективной памяти — об этом пишутся статьи (в том числе в авторитетных международных журналах: (<https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0163443718799401>), в ВШЭ в этом году работал студенческий семинар, посвящённый как раз комментариям «Колымы» в интернете (вот доклад одного из его участников: <https://www.youtube.com/watch?v=ZmLsl2Atr9M>).

Такие войны — неизбежное следствие разделённой памяти, тут Россия не специфична — помню, наблюдая онлайн за перезахоронением останков Франко осенью 2019 года, я замороженно следил за войной в комментариях — это было куда интереснее манипуляций с гробом. Эту дискуссию можно делать более информированной, насыщать публичное поле информацией — реальными цифрами жертв, понятными форматами текстов, воспоминаниями, дневниками. Этому служат популярные публикации по теме, те же ролики Каца, фильм Пивоварова о деле Дмитриева и так далее. Стоит искать новые форматы, в книге я привожу в пример фильмы-инфографики Нейла Халлорана.

Пытаться же форматировать как-то эту дискуссию извне — путь довольно опасный. Да, по моему личному мнению, какие-то вещи даже обсуждать этически недопустимо, оправдание террора, восхваление Сталина не должны звучать в публичном поле. Но точно так же этически недопустимо ставить памятники Сталину или открывать кафе, названные его именем. Но ведь действующие сейчас законы этого не запрещают.

Должны ли запрещать? Трудно сказать, допустимость регулирования публичной дискуссии юридическими средствами — большой вопрос. Среди предложений об учреждении государственной программы по увековечению жертв репрессий (между прочим, это замечательный текст, ничуть не потерявший своей актуальности) была норма о недопустимости публичного оправдания репрессий госслужащими — вот это выглядит вполне разумным шагом. Но госпрограмма, как известно, не была принята, а это предложение не вошло даже в принятую Концепцию госполитики по увековечению памяти жертв. В Германии и Франции, где в общем всё нормально с осуждением прошлого, спор о том, правильно ли криминализовать отрицание Холокоста, ведётся до сих пор, и очевидного ответа на этот вопрос нет. Мы видим, как у нас используются законы такого рода. Стоит ли в прекрасной России будущего криминализовать отрицание советского террора — с одной стороны, да, это задает некоторую допустимую рамку публичного обсуждения; с другой — нет, потому что это вообще-то посягательство на свободу слова и мнения...

К.М.: Как вам кажется, насколько то, что связано с темой государственных преступлений и памяти о них и вообще с темой прошлого, интересно людям? Мне, например, кажется, что это интересно для небольшого круга людей. Да, есть резонансные вещи, такие как фильм «Колыма» с 25 миллионами просмотров. Но, например, то же дело Дмитриева известно, думаю, немногим. Если сравнивать это с ситуацией конца 1980-х,

то всё-таки интерес, на мой взгляд, не такой большой.

Н.Э.: Пока я отвечал на вопросы этого интервью (признаюсь, я очень затянул с этим), число просмотров «Колымы» пришлось поправить на несколько миллионов. Статистически очень трудно эти вещи мерить, для этого просто нет инструментов. Важно, что, как я уже сказал, аудитория качественно изменилась, тема вышла за пределы аудитории специалистов и родственников жертв — она стала одной из тем, интересных широкой непредубежденной публике, и в значительной степени молодежи (последнее я вижу по отзывам на мою книгу, в частности). Совсем свежий пример, довольно случайный, — на последней ярмарке Non/fiction сразу несколько книг, выпущенных Мемориалом, вошли в топ-лист — даже при том, что всюду огромными буквами было написано, что Мемориал «выполняет функции иностранного агента». На волне дела Дмитриева Сандармох, на протяжении 30 лет остававшийся известным опять же только «своим», стал достоянием широкой публики. И даже на уровне блокбастеров этот интерес дает о себе знать — смотрите, что происходит вокруг недавно вышедшей новой книги Гузель Яхиной. Поэтому, на мой взгляд, сравнивать с концом 1980-х можно — не количественно, но качественно.

К.М.: Уже отвлекаясь от темы репрессий и травматического прошлого, как вам кажется, какие практи-

ки, связанные с памятью, могли бы прижиться — не касающиеся темы репрессий и неудобного прошлого, но и далёкие от героического мифа? Может быть, они уже есть?

Н.Э.: Я бы переформулировал этот вопрос так: когда бум памяти схлынет, что из введенного им в моду хотелось бы удержать в качестве постоянного культурного завоевания, культурного обихода, так сказать. Конечно, внимание к частному голосу — мемуару, дневнику — это уже произошло (и в России Михаил Мельниченко и проект «Прожито» делают огромное дело для «легализации» дневника как жанра публичной истории). Мне кажется крайне интересным культурным феноменом «терапевтическое» искусство, языком искусства работающее с коллективными травмами. Да, существуют практики сохранения памяти, эту задачу решают мемориалы, музеи, разного рода ритуалы. Но существует отдельная задача исцеления памяти, без которой невозможно примирение с прошлым. И искусство тут важнейший язык. Такого рода проектов много в ЮАР, в Северной Ирландии, в Испании, в Польше. Мне кажется, что именно терапевтической задаче служат романы Гузель Яхиной. Вообще тема примирения, прощения мне кажется крайне недооценённой и нуждающейся в легитимации. Не примирения как забвения, а как диалога для разрешения противоречий — и прошлого, и настоящего. Это, по-моему, невероятно важно.

«ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ — ДЕЛО МОЕЙ ЖИЗНИ И ГЛАВНОЕ СЧАСТЬЕ В НЕЙ».

Интервью с В. Э. Молодяковым

Известный историк и собиратель рассказывает о своем пути в науку, отношениях внутри профессионального «цеха», выборе героев для изучения, собирании исторических документов и артефактов.

Ключевые слова: востоковедение, преподавание истории, Япония, научная репутация, биография, рецензирование, библиотековедение, Иоахим фон Риббентроп, Джордж Сильвестр Вирек, Шарль Моррас.

Сведения об авторе: Молодяков Василий Элинархович — доктор политических наук, доктор философии (PhD.), кандидат исторических наук, профессор университета Такусёку (Токио), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), член-учредитель Национального союза библиофилов (Россия).

Контактная информация: dottore68@mail.ru

Публикации: В. Э. Молодяков является автором книг: *Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX веков.* М.-Токио: Институт востоковедения РАН, 1996; *Подсудимые и победители.* (Заметки и размышления историка о Токийском процессе). Токио: издание автора, 1996; «Мой сон, и новый, и всегдашний...». *Эзотерические искания Валерия Брюсова.* Токио: изд. автора, 1996; *Консервативная революция в Японии: идеология и политика.* М.: Восточная литература, 1999; *Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио.* М.: Вече, 2004; *Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929).* М.: Астрель, 2005; *Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948).* М.: Астрель, 2005; *Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945).* М.: Астрель, 2006; *Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) — дипломат, политик, мыслитель.* М.: АИРО-XXI, 2006; *Гото Симпэй и российско-японские отношения.* М.: АИРО-XXI, 2006; *История Японии. XX век.* М.: Крафт+, 2007, 2009 (в соавторстве с Э. В. Молодяковой и С. Б. Маркарьян); *Россия и Япония: имиджевые войны.* М.: Астрель, 2007 (в соавторстве с А. Е. Кулановым); *Библиофилика.* М.: изд. Льва Шпринца, 2008; *Риббентроп. Упрямый советник фюрера.* М.: АСТ-Пресс, 2008; *Россия и Япония: Золотой век (1905–1916).* М.: Просвещение, 2008; *Россия и Германия: Дух Рапалло (1919–1932).* М.: Просвещение, 2009; *Загадки Серебряного века.* М.: АСТ-Пресс, 2009; *Гото Симпэй то нитиро канкэй си.* (Гото Симпэй и история японско-русских отношений). Токио: Фудзивара сётэн, 2009 (на японском языке); *Россия и Франция: L'entente cordiale (1889–1900).* М.: Просвещение, 2010; *Россия и Италия: Секреты дружбы (1920–1935).* М.: Просвещение, 2010; *Валерий Брюсов. Биография.* СПб., Вита Нова, 2010; *Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж.* М.: Моногатари, 2011; *Дзэпонидзуму-но Росиа. Сираэрэдзару Нитиро бунка канкэй си.* (Россия «японизма». Неизвестные страницы истории российско-японских культурных связей). Токио: Фудзивара сётэн, 2011 (на японском языке); *Первая мировая: война, которой могло не*

быть. М.: Просвещение, 2012; Вторая мировая: война, которой не могло не быть. М.: Просвещение, 2012; Россия и Япония в поисках согласия. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012; Тайвань в эпоху японского правления. Источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор (в соавторстве с В. Ц. Головачевым). М.: ИВ РАН, 2014. 128 С. 500 экз. (перевод на китайский язык: Тайбэй, 2019); Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь (1884–1962). М.: Кругъ, 2015; Георгий Шенгели (1894–1956): биография. М.: Водолей, 2016; Тринадцать поэтов. Портреты и публикации. М.: Водолей, 2018; Риббентроп. Дипломат от фюрера. М.: Молодая гвардия, 2019; Непрошедшее прошлое. Очерки политической и интеллектуальной истории Японии XIX-XX веков. СПб.: Нестор-История, 2019; Валерий Брюсов. Будь мрамором. М.: Молодая гвардия, 2019 (Жизнь замечательных людей); Декаденты. Люди в пейзаже эпохи. М.: Молодая гвардия, 2020 (Жизнь замечательных людей); Шарль Моррас и «Action française» против Германии: от кайзера до Гитлера. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020; Шарль Моррас и «Action française» против Третьего Рейха. СПб.: Нестор-История, 2021; Шарль Моррас и «Action française» против Германии: «подлинное лионское сопротивление». СПб.: Нестор-История, 2022.

Подготовил к изданию книги: Брюсов В. Из моей жизни. Автобиографическая и мемуарная проза. М.: Терра, 1994; Брюсов В. Незданное и несобранное. М.: Ключ — Книга и бизнес, 1998; Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии, 1902–1924. М.: АИРО, 2003; Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов, 1907–1929. М.-СПб.: АИРО-XXI — Дмитрий Буланин, 2005; Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933–1945. М.: АИРО-XXI. 2008; Коплан Б. Старинный лад. Собрание стихотворений (1919–1940). М.: Водолей, 2012; Вирек Дж.С. Дом вампира и другие сочинения. Тверь: Колонна // Митин журнал, 2013; Венок Брюсову. Валерий Брюсов в поэзии его современников. М.: Водолей, 2013; Брюсов В. В эту минуту истории. Политические комментарии 1902–1924. М.: АИРО-XXI, 2013; Шестаков Д. Упрямый классик. Собрание стихотворений (1889–1934). М.: Водолей, 2014; Вирек Дж.С. Обнаженная в зеркале. Роман. М.: Водолей, 2015; Спасский С. Всадник. Неудачники. Две книги из собрания Василия Молодякова. М.: Водолей, 2016; Долгополов Л. Прогулки с Блоком. Незданное и несобранное. М.-СПб.: Нестор-История, 2019; Китаев А. Серебряные ведра. Избранные стихотворения. М.: Водолей, 2019; Вирек Дж.С. Пленники утопии. Советская Россия глазами американца. СПб.: Нестор-История, 2020.

Автор статей в «Большой российской энциклопедии», «Российской исторической энциклопедии», библиографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» и др.

«HISTORICAL RESEARCH IS THE MATTER OF MY LIFE AND THE BEST HAPPINESS IN IT».
INTERVIEW WITH V. E. MOLODIAKOV

The well-known historian and collector talks about his path to academia, the relationships within the professional "guild", the choice of persons to study, the collecting of historical documents and artifacts.

Keywords: Oriental studies, history's teaching, Japan, academic reputation, biography, reviewing, rare books collecting, Joachim von Ribbentrop, George Sylvester Viereck, Charles Maurras.

Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow), founding member of the National Union of Bibliophiles (Russia).

Contact information: dottore68@mail.ru

Беседовал С. Е. Эрлих. Август 2022.

С.Э.: Традиционный вопрос: расскажите о ваших корнях, о семье и о семейной памяти.

В.М.: Моя личная память ограничивается родителями, остальное я знаю в основном со слов мамы и тетушки. Оба деда умерли еще до моего рождения, бабушка по материнской линии — когда мне было 4 года, я ее еле еле помню. Родственники отца жили не в Москве, где я родился и вырос.

Мамины корни по материнской линии идут из Трубчевска Брянской области. Этот город теперь хорошо известен всем, кто интересуется жизнью Даниила Андреева, русского национального гения XX века. Прабабушка была работницей на канатной фабрике и участвовала в стачечном, а может, и в революционном движении. «При старом режиме» такая же судьба ждала и бабушку, но при советской власти ее брат поступил в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) и взял сестру с собой в столицу. Там Ираида Ивановна Осиновская, работавшая чертежницей, познакомилась с соучеником брата Василием Павловичем Лазаревыми вышла за него замуж (дедовых корней я не знаю совсем). Окончив МИИТ в 1931 г., дед по распределению был направлен на Дальний Восток в систему Дальстроя, еще до всяких «эзка». Проработал там четверть века, был начальником управления дорожного строительства, получил звание инженера-май-

ора, орден Красной Звезды, два инфаркта (несколько раз чуть не посадили, один раз исключили из партии, но вскоре восстановили), пенсию по болезни и комнату в коммунальной квартире на Соколе в Москве. В музее истории Магадана был стенд, посвященный ему. В 1933 г. в тех краях родилась моя тетушка Лидия Васильевна Гарибова, заслуженный и действующий профессор МГУ, матриарх отечественной микологии и «грибная царица». Когда едите отечественные шампиньоны, помяните ее добрым словом. Их выращивание в совхозе «Заречье» Одинцовского района Московской области — заслуга Лидии Васильевны и ее учителя, члена-корреспондента РАН М. В. Горленко. Несколько лет назад тетушка опубликовала воспоминания, которые интересно читать не только микологам.

Моя мама Эльгена Васильевна Молодякова родилась в поселке Черное Озеро Ольского района Магаданской области 29 июля 1937 г., в один день с Бенито Муссолини (через 54 года), японским дипломатом Мамору Сигэмицу, который подписывал Акт о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г., а потом вел переговоры о восстановлении советско-японских отношений (через 50 лет), японским премьер-министром Рютаро Хасимото, он же «друг Рю» президента Ельцина (год в год). Мама стала одним из ведущих российских японоведов, доктором истори-

ческих наук, профессором МГИМО, полвека прослужила в Институте востоковедения РАН, до конца жизни была руководителем Центра японских исследований и заместителем директора. Она руководила многими коллективными проектами, но издала мало собственных книг (обычно бывает обратное). Это я попытался компенсировать выпуском сборника ее избранных работ «Япония: тотальная победа консерваторов» (2017) к 80-летию, до которого она, к сожалению, не дожила.

С.Э.: Вероятно, она оказала на вас большое влияние в выборе профессии и в научной деятельности?

В.М.: Конечно. К этому я вернусь.

С.Э.: А отец? Откуда у вас такое причудливое отчество?

В.М.: Историю семьи отца я узнал недавно, благодаря четвероюродному брату Алексею Хомутову и его генеалогическим разысканиям: его бабушка — урожденная Молодякова. История прослеживается до последней четверти XVIII века: государственные крестьяне Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Мы не «благородных кровей», но земляки знаменитых Брянчаниновых. Про одного из них, русско-французского литератора Николая Валериановича Брянчанинова (1874–1943) я недавно опубликовал большую статью. Фамилия наша редкая и локальная. Все Молодяковы — если не родственники, то выходцы с Вологодчины.

Дед по отцовской линии — Василий, как и дед по материнской линии, — устанавливал Советскую власть

в родных краях, в «большие люди» не вышел, но и репрессирован не был. Старший брат отца, гвардии капитан Виктор Молодяков прошел всю войну, брал Берлин, был награжден орденами и медалями и, по семейному преданию, не получил звание Героя Советского Союза лишь потому, что начальство сочло потери в его подразделении слишком большими. О войне никогда не вспоминал и не рассказывал.

С.Э.: Все-таки откуда такое имя у уроженца Грязовца?

В.М.: Старшего сына дед назвал Виктором, младшего Юрием. А двух средних — Полуэктом и Иринархом. Писарь, то ли нетрезвый, то ли малограмотный, а может, то и другое, в марте 1932 г. превратил Иринарха, редкое имя из святцев, в Элинарха. Так гласит семейное предание. Глядя на почерк, которым выписано свидетельство о рождении отца, я готов этому поверить.

Так что Эльгена Васильевна и Элинарх Васильевич просто должны были встретиться, полюбить друг друга и пожениться. Зато не было сомнений, как назвать единственного сына.

С.Э.: Ваш отец тоже был ученым?

В.М.: Он был журналистом. Парень с Вологодчины закончил МГИМО и стал переводчиком немецкого языка. Про него говорили, что у него венский акцент. Переводил главного австрийского коммуниста Иоганна Коппенига — храню том его сочинений с благодарственной надписью отцу. Много лет работал в Агентстве печати «Новости», возглавлял

корпункт в Западном Берлине, потом редакцию фотоинформации. Вопреки расхожему мнению об апновцах, в «органах» не служил. Погиб в автомобильной катастрофе, когда мне было восемь лет. Слава богам, мне не говорили, что «папа уехал в командировку».

С. Э.: Выбор профессии был связан с влиянием матушки?

В. М.: Отчасти. Я с малых лет любил читать и любил историю. То есть был ярко выраженным гуманитарием. Раннее детство совпало с написанием мамой кандидатской диссертации, что, вероятно, мной воспринималось как причудливая игра. Лет 12-ти начал больше интересоваться стихами, чем фантастикой и приключениями. В 13 лет получил на день рождения «Избранное» Константина Бальмонта (1980). И понеслось — захватили стихи. Читал запоем всё, до чего мог дотянуться, все карманные деньги уходили на книги. С 14 лет начал ходить по букинистам и собирать старые книги — то, чего не было в новых изданиях. Большая серия «Библиотеки поэта» — наше всё! Это продолжается до сих пор.

Примерно в то же время начал читать серьезную литературу по истории, вроде «Наполеона Бонапарта» А. З. Манфреда и — кто-то сейчас улыбнется — «Двадцать три ступени вниз» М. К. Касвинова. Оставшаяся от отца «История дипломатии» под редакцией В. П. Потемкина, второй и третий тома, — любимое чтение в отрочестве — определила интерес к эпохе от франко-прусской войны до Второй мировой. А вот исторические романы почти не читал, даже Дюма

и Дрюона, которых читали, казалось, все. Колоссальное впечатление — две редакции «Петербурга» Андрея Белого со статьями Л. К. Долгополова. Работы академика А. В. Лаврова читаю с того времени, когда он не был даже кандидатом наук, а я ходил в школу. Умению формулировать мысли на бумаге учился — скорее подсознательно — читая Юрия Тынянова (статьи! не романы!) и Леонида Гроссмана, которого люблю и перечитываю до сих пор.

С. Э.: Многие с удовольствием вспоминают своих школьных учителей. А вы?

В. М.: Я учился в хорошей, по тогдашним московским понятиям, «французской» спецшколе недалеко от станции метро «Проспект Вернадского». Однако учителям могу быть благодарен лишь за то, что они все-таки не отбили у меня любовь ни к истории, ни к литературе. Я подумывал о поступлении на филологический факультет МГУ, но матушка твердой рукой направила меня по своим стопам — в Институт стран Азии и Африки. Сама она была в первом выпуске еще Института восточных языков 1960 года. В 1985 г. я поступил в ИСАА, сдав все вступительные экзамены на «отлично», и после ряда пертурбаций (опустим завесу жалости над этой сценой) был зачислен в японскую группу.

С. Э.: До поступления вы изучали японский язык?

В. М.: Нет.

С. Э.: Вы владеете японским языком в совершенстве?

В. М.: «Совершенству нет пределов», как сказал первый и последний премьер-министр СССР В. С. Павлов при обсуждении госбюджета. У меня нет никаких особых способностей к иностранным языкам. Знаний хватает для полноценной научной работы и чтения лекционных курсов, а статьи и книги на японском языке все равно правят местные редакторы.

С. Э.: **Что вам дало обучение в ИСАА? Как вы оцениваете качество тогдашнего преподавания?**

В. М.: Я поступил в ИСАА в 1985 г., окончил в 1993 г. К пяти годам обучения добавились два года срочной службы в армии (1986–1988) и год стажировки в Японии (1991–1992). Поступал в одной стране, окончил в другой. Языкам учили хорошо. Японский язык — очень трудный. Я начал изучать его в 17 лет, через год ушел в армию, но за второй год службы с помощью самостоятельных занятий восстановил уровень первого курса. Мне пришлось и английский с нуля осваивать, потому что в школе был французский. Английский я в армии не восстановил, поэтому пришел на второй курс с нулевым знанием. Ох!

В профессиональном плане как историку ИСАА не дал мне ничего или очень мало. Среди преподавателей — я не говорю про «грандов», читавших одну-две лекции на потоке, — не было ни крупных ученых-исследователей, ни ярких личностей, способных или хотя бы желавших увлечь своим предметом.

С. Э.: **Как Вы считаете, профильное образование обязательно для того, чтобы стать историком?**

В. М.: Кто историк, а кто не историк, надо судить по работам, а не по диплому. Конечно, профильное образование очень желательно, но есть примеры того, как человек без такого образования стал выдающимся историком. Примеров обратного несравненно больше.

С. Э.: **У вас есть учителя? Кого вы считаете таковыми?**

В. М.: Меня никто не учил, не «на-таскивал». Я всему учился сам, учил себя в прямом смысле слова. Очень много читал, потом пытался писать. Три человека сыграли определяющую роль. Татьяна Петровна Григорьева (1929–2014), востоковед широкого профиля, филолог по бумагам, философ по складу ума, человек уникальной внутренней свободы. Леонид Константинович Долгополов (1928–1995), тоже не просто филолог, но историк и, я бы сказал, философ литературы и тоже человек удивительной внутренней свободы. Я пришел к ним «готовым», прочитав все их основные работы, — и они стали со мной разговаривать. Григорьева была коллегой и давней знакомой мамы, но для Долгополова я был человеком из другого мира. И он меня принял! Я отдал долг, как мог. Сохранил его архив и библиотеку (это отдельная история, которую еще не время рассказывать). Архив подарил в Рукописный отдел Пушкинского Дома, библиотеку — в музей-квартиру Андрея Белого на Арбате. И выпустил сборник его работ «Прогулки с Блоком. Неизданное и несобранное» (2019) в любимом издательстве «Нестор-История».

Третьим учителем была моя мама Эльгена Васильевна Молодякова

(1937–2016). Точнее, старшим коллегой, с которым я находился в непрерывном процессе интеллектуального «взаимного опыления». Это продолжается и сейчас. Ее портрет, сделанный моей женой Ольгой Васильевной Андреевой, замечательным фотохудожником, висит над письменным столом в моем домашнем кабинете, и я с ней часто разговариваю.

С. Э.: Долгополов был выдающимся специалистом по Серебряному веку. Вы, во всяком случае по образованию, японист. Как одно сошлось с другим?

В. М.: Я, действительно, японист по образованию, но не люблю, когда меня так называют. Это незаслуженно сужает круг моих не только профессиональных интересов, но и профессиональных компетенций. Я историк широкого профиля, специализирующийся на геополитике, истории международных отношений конца XIX — первой половины XX века, на политической и интеллектуальной истории Японии, США и Франции того же периода, на истории русской литературы Серебряного века, даже если это не указано у меня в дипломе, на пропаганде, имиджмейкинге и имиджбрейкинге (кажется, последний термин я сам придумал).

Я отлично помню, как летом 1988 г., вернувшись из армии и «обдумывая житье», читал на даче только что вышедшую книгу Долгополова «Андрей Белый и его роман "Петербург"». Там были слова о том, что тема «восточной мистики» в романе совершенно не исследована. Это был, как сейчас выражаются, триггер. Я ре-

шил, что буду заниматься наукой, т. е. сделаю исследовательскую работу своей профессией, и буду изучать японскую тему в литературе и искусстве Серебряного века, которые неплохо — по тем временам — знал. Русский Серебряный век неотделим от европейского модернизма. И если о «жапонизме» во Франции, особенно в связи с импрессионистами, написано много и кое-что даже по-русски, то британский «жапонизм» сводился к Уистлеру и не связывался с прерафаэлитами, а там есть очень интересные параллели. В русской литературе, философской и политической мысли рубежа веков Японией прямо затронуты Вл. Соловьев, Брюсов, Бальмонт, Белый — ключевые фигуры эпохи. В искусстве «жапонизм» присутствует у Добужинского, Остроумовой-Лебедевой, Рериха (связи последнего с Японией — отдельная тема). Еще студентом я опубликовал серию статей об этом в журналах «Вестник МГУ. Серия: Востоковедение», «Проблемы Дальнего Востока», «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», ежегоднике «Япония». Итогом стала книга «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX веков», изданная в 1996 г. и защищенная в ИСАА в качестве кандидатской диссертации. Мечтаю переиздать ее в дополненном виде и с большим количеством иллюстраций. В первом издании их не было вовсе, так что получался «разговор о вкусе коньяка». В наши дни иные авторы, не включая докторов наук, делают вид, что такой книги нет, и «перепируют на язык родных осин» ее ключевые моменты в виде своих оригинальных работ. Да и в иностранной литературе о мировом «жапонизме» в русской

культуре отводится ничтожно мало места, а то и не отводится никакого.

Отдельная тема — оригинальные опыты русских авторов в жанрах традиционной японской поэзии танка и хайку. Не говорю о современности — сейчас это какое-то поветрие. Но на материале Серебряного века у меня собрана симпатичная антология. Кто бы издал?

С.Э.: Как складывалась судьба этих исследований?

В.М.: Подготовка ученых-исследователей не входила в задачи ИСАА, во всяком случае в приоритетные. Институт призван был готовить переводчиков и страноведов-практиков для государственных структур (не только КГБ, как думают обыватели), где требовались такие специалисты — сейчас иных учреждений уже нет, а в других специалисты, видимо, не требуются. И преподавателей для поддержания учебного процесса. Вторые должны были вести некую научную работу для карьеры, первым это не возбранялось, ибо ученые степени всегда были в цене. Я не хотел быть ни практиком, ни преподавателем. Я понимал, что обрекаю себя на «третий сорт» в материальном и социальном плане, но шла перестройка... и бог знает, как «это всё» могло «повернуться». Далее прямо на моих глазах большинство соучеников из семей «совзагранработников» (волшебное слово!) переориентировалось на бизнес. Иные достигли больших высот, иных убили в «лихие девяностые». Я никогда не жалел о сделанном выборе.

На историко-филологическом факультете (истфиле) ИСАА, где

я учился, компаративистика была не в чести. Дали тебе Японию — занимайся Японией. Как говорится, «слушай, Ваня, свои "Валенки" и не выпендривайся». Из студентов-японистов истфила моего курса я был единственным, кто решил профессионально заниматься наукой. Преподаватель истории Японии Е. А. Капранова, знаток предмета, неплохой педагог, придирчивый человек и абсолютный «ноль» в науке (не опубликовала, кажется, ни одной статьи, не написала диссертацию и осталась старшим преподавателем), для порядка попыталась меня «обломать», а, когда не получилась, сообразила, что лучше оставить всё как есть. Мы дружили домами, но потом она сделала мне одну труднообъяснимую подлость, и я ее больше не видел. Она давно умерла.

С.Э.: Кто из преподавателей-историков вам запомнился?

В.М.: Запомнившиеся есть, но никто из них на мое профессиональное становление не повлиял. На первом курсе историю СССР нам читал А. П. Новосельцев — я не очень понимал, зачем нам предмет, по которому мы только что сдали вступительный экзамен. В рамках поточного курса «История стран Азии и Африки» (который мне никогда не был интересен) читали такие нотабли, как А. Б. Давидсон (книга об африканских путешествиях Гумилева куда увлекательнее), и малоизвестные за пределами востоковедного «цеха» Ф. М. Ацамба, Ю. Н. Гаврилов, Л. Р. Гордон-Полонская, З. Г. Лапина (все уже за Флеготомом). Из руководителей семинаров тепло вспоминаю В. В. Ремарчука и В. И. Шлыкова. Но

к моему профессиональному становлению это отношения не имело.

Преподавали качественно, но неинтересно и «без души», кроме погруженного в свой мир буддолога А. Н. Игнатовича (покойного), которого мои сокурсники воспринимали с трудом. За единичными исключениями у преподавателей не было стремления к человеческому контакту со студентами, даже со стороны научных руководителей. Маститый переводчик японской прозы В. С. Гривнин (тоже покойный) читал нам на старших курсах «современную японскую литературу» и «теорию и практику перевода и реферирования» с выражением на лице «боже, на что я вынужден тратить свое драгоценное время». Не было отношений «учитель — ученик». Во всяком случае, у меня и в том, что я видел вокруг себя.

С. Э.: Преподаватели помогали вам в научной работе? Вы участвовали в научной жизни кафедры?

В. М.: Нет. Спасибо тем, кто не мешал. У японистов-историков тогда своей кафедры не было. Мы были приписаны к «сборной» кафедре, заведующий которой (не хочу называть его фамилию) японистов не жаловал. Вдобавок ему не нравились мои политические взгляды («правее меня только стена»), поэтому на пятом курсе он запретил мне писать диплом по компаративистике. «Чего моя левая нога хочет», то есть только узко страноведческую тему! То, что у меня об «образе Японии» уже были две курсовые работы на «пятерки» и статьи в академических журналах, — тем хуже. Что делать? Матуш-

ка поделилась материалами к своей докторской диссертации (их бы еще на несколько таких хватило), я добавил каких-то новомодных теорий, научный руководитель Г. Б. Навлицкая (царствие ей Небесное! чудесный человек и хороший ученый) сказала, чтобы я не беспокоился. Заведующий кафедрой на защиту дипломников-японистов просто не пришел. Я получил «пять» и красный диплом.

С. Э.: О чем была дипломная работа?

В. М.: Об особенностях структуры японских профсоюзов.

С. Э.: Общение с однокурсниками как-то сказалось на вашей профессиональной деятельности?

В. М.: Никак. В ИСАА было много «золотой молодежи», жившей своей особой жизнью, да и мне не о чем было с ними разговаривать. Зато с благодарностью вспоминаю сверстников с философского факультета МГУ, с которыми меня познакомил ближайший друг с школьных лет А. П. Козырев, ныне и.о. декана этого факультета. Они приняли меня в свою компанию. Спасибо! С некоторыми дружу до сих пор.

С. Э.: Что было дальше?

В. М.: В 1993 г. в ИСАА случился необычно большой выпуск японистов: служившие и не служившие в армии, ездившие и не ездившие на стажировку и т. д. Около 30 человек супротив обычных 12–14. Время было практичное, почти все выбрали бизнес, ибо прежние госструктуры или прекратили существование, или в пополнении не нуждались. Двое

не-«блатных» пошли в МИД. И один «дурак и неудачник» поступил в очную аспирантуру ИСАА. Это был я, но формулировку придумал не сам. Тогдашний директор Института востоковедения М. С. Капица заявил то ли на Ученом совете, то ли на общем собрании: «В науку сейчас идут либо дураки, либо неудачники». Знаю от мамы, которая слышала это своими ушами.

Конкурса в аспирантуру не было. Шутили, что нужна лишь справка из психдиспансера. На «родную» кафедру я по названным причинам идти не мог. Приняли пасынком на кафедру политологии Востока и то лишь после того, как заведующая кафедрой М. Ф. Видясова (покойная) узнала, что научным руководителем будет Григорьева: Татьяну Петровну чтити! Мы придумали тему «образ Японии», потому что слово «культура» воспринималось на кафедре лишь в сочетании «политическая культура». Тему утвердили без энтузиазма, но и без особых возражений.

С.Э.: Как проходила работа над диссертацией?

В.М.: Идеально. На кафедре обо мне вспоминали только тогда, когда надо было оформить какие-то документы. Еще во время преддипломной практики в Институте востоковедения Григорьева велела мне освоить ее характерную роспись и не беспокоить «всякими бумажками», но для общения по науке была открыта всегда. Всегда! Я этим не злоупотреблял, но пользовался, регулярно бывая у нее. Потом принес ей готовую диссертацию, над которой работал на совесть,

ибо перфекционист. Она попросила позвонить через неделю. Через три дня позвонила сама: «Приходи». Я пришел. Она сказала: «Прочитала. Работа хорошая. Кое с чем я не согласна, но это твое право. Выходим на предзащиту».

Я был в аспирантуре на чужой кафедре. Не уверен, что кто-то читал мою работу, поскольку все бубнили нечто невнятное. Вдруг Е. А. Капранова, единственный человек с профильной кафедры, зная, что я должен ехать на стажировку в Японию, придирается к мелочам и предлагает повторно обсудить диссертацию через полгода. То есть режет меня. Прочие сонно кивают. И тут вступает Григорьева. Не помню ее слов, но не прошло и десяти минут, как работу дружно признали замечательной и рекомендовали к защите. В марте 1996 г. я защитился без единого «черного шара». Но больше в ИСАА, кажется, не бывал.

С.Э.: Когда вы опубликовали первую научную статью и первую книгу?

В.М.: Первую статью будучи студентом третьего курса, первую книгу — в год окончания аспирантуры. Это была кандидатская диссертация. Ее издал Институт востоковедения, но за мой счет. Издать первую книгу всегда трудно, поэтому я рад, что в 2010-е годы участвовал в проекте, который позволил выпустить первые монографии пяти российским японистам. Хорошие книги — говорю ответственно.

С.Э.: Как сложилась ваша работа в Японии?

В.М.: Заканчивая диссертацию, я понял, что продуктивно заниматься историей Японии можно только в Японии. Я никогда не служил и не хотел служить ни в государственных учреждениях, ни в фирмах и «совместных предприятиях». Осенью 1994 г. я сдал экзамены и получил грант Министерства просвещения Японии, который дал мне возможность два года учиться в Токийском университете в качестве стажера-исследователя с правом поступить в магистратуру или докторантуру и с оплатой обучения там в течение фиксированного времени. В апреле 1995 г. я уехал в Японию, год спустя поступил в докторантуру Токийского университета, в 2002 г. защитил диссертацию и получил степень Ph.D. В 2004 г. защитил докторскую диссертацию по политологии на философском факультете МГУ. После нескольких лет «на вольных хлебах» я с 2004 г. старший научный сотрудник, затем приглашенный профессор и с 2012 г. профессор Международного института японской культуры университета Такусёку в Токио. С 2010 г. я также являюсь ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН.

С.Э.: Темы трех диссертаций были как-то связаны между собой?

В.М.: Никак. Кандидатская — «Образ Японии», там литература, искусство и политика переплелись неразрывно. Токийская докторская — о японском дипломате Тосио Сиратори и внешней политике Японии 1930-х и начала 1940-х годов. В 2006 г. я издал его биографию по-русски, первую в мире, год спустя сборник его статей в моем переводе.

Не Хаусхофер, но интересный персонаж! Знаменитую «мирную» статью 9 нынешней конституции Японии придумал именно он, «военный преступник». В основу московской докторской «Консервативная революция в Японии: политика и идеология» легла монография, изданная в 1999 г., но там слова стоят в другом порядке: идеология и политика. Политологи посоветовали поставить «политику» первой. Я хотел защищать ее в Институте востоковедения как историческую и получил рекомендацию Отдела Японии, но некоторые люди и обстоятельства этому помешали. Так я, гордящийся профессией историка, стал доктором политических наук.

С.Э.: «Консервативная революция» обычно связывается с германской политической мыслью 1910–1920-х годов. Причем тут Япония?

В.М.: Ключевым событием новой истории Японии является *Мэйдзи исин* (1868). Японцам хорошо — им не надо переводить слово *исин*. Но его надо объяснять иностранцам. Это «обновление», но «обновление через возвращение». На европейские языки японцы перевели его как «реставрация». Однако для европейского сознания «реставрация» — это некий политический регресс, как реставрация Бурбонов в 1814 г., а за восстановлением полноты императорской власти в результате *Мэйдзи исин* последовал мощный модернизационный рывок. Значит, «революция»? В европейское понимание революции *Мэйдзи исин* не укладывается. Англичанин Х.Байес предложил определение «реставрация-революция». Это точнее, чем просто «реста-

вращения» или просто «революция», но все равно «тяни-толкай». Советские историки придумали «незавершенную буржуазную революцию», но это чепуха и по внутренней противоречивости формулировки, и по ее неприменимости к японской ситуации. Ознакомившись с идеями германских консервативных революционеров, я понял, что нашел ключ к пониманию *Мэйдзи исин* (один остряк-самоучка назвал мою концепцию «отмычкой»). Самое непротиворечивое определение этих событий — «консервативная революция». Я дал его почти 30 лет назад в статье и развил в ряде книг. Ничего лучшего никто не предложил. Сам я практик, а не теоретик, но должен отметить, что наше японоведение очень бедно в концептуальном отношении.

С. Э.: В авторефератах диссертаций положено писать о «приращении научного знания». Что нового вы внесли в историческую науку?

В. М.: Отвечать на такой вопрос немного неловко, поэтому постараюсь ограничиться фактами, без оценок сделанного. Одним из первых поднял и первым системно рассмотрел вопрос о рецепции Японии в русской культуре Серебряного века плюс одним из первых на русском языке сделал то же самое для французской и английской культуры. Первым предложил и обосновал трактовку *Мэйдзи исин* как консервативной революции и дал адекватное описание того, что у нас называли «японским национализмом» или, прости Господи, «японским фашизмом». В серии монографий первым системно рассмотрел российско-японские и советско-японские отношения с кон-

ца XIX в. по 1945 г. с точки зрения поиска согласия, а не вражды, плюс железнодорожный аспект этих отношений. Написал первые биографии Тосио Сиратори, Валерия Брюсова и Георгия Шенгели, первую научную биографию Иоахима фон Риббентропа, открыл русскому читателю Джорджа Сильвестра Вирека. Написал три книги о борьбе французских националистов во главе с Шарлем Моррасом против Германии — тема, до недавнего времени не изученная даже во Франции. Подготовил первые научные издания автобиографических и политических текстов Брюсова, поэтического наследия Сергея Спасского, Дмитрия Шестакова, Бориса Коплана и других. Первым поставил и рассмотрел вопрос о возможности геополитического союза СССР, Германии и Японии в 1939–1940 гг.

С. Э.: Об этом, пожалуйста, подробнее.

В. М.: Не знаю, как на это посмотрят ныне с точки зрения УК РФ.

С. Э.: Союз не состоялся. Говорят, что «история не знает сослагательного наклонения».

В. М.: Повторяющие эту фразу обычно не вполне понимают ее смысл. Рассуждения на тему «что было бы, если бы...», действительно, надлежит предоставить романистам, а не историкам. Но в процессе своего совершенства история многовариантна. Нет единственного возможного варианта, и не всегда реализуется наиболее возможный. Задача историка — учитывать и анализировать все варианты. Этим я занимался в биографиях Сиратори и Риббентропа.

С. Э.: Чем Ваш Риббентроп отличается от изображенного другими авторами?

В. М.: Один из рецензентов назвал мою книгу «первым некарикатурным портретом» рейхсминистра. Риббентроп не был дураком, неучем и бездарностью, не был ни подхалимом, ни марионеткой Гитлера — преклонялся перед ним, но рисковал перечить и гнуть свою линию. У него были свои геополитические взгляды, отмеченные влиянием Карла Хаусхофера. Он был слишком прямолинеен и серьезен для успеха в демократических странах, а в авторитарных получалось неплохо. Риббентроп заслуживает серьезного отношения и изучения, но пока мало кто этим занимается.

С. Э.: Вы написали биографию Риббентропа, не зная немецкого языка. Как это оценить с профессиональной точки зрения?

В. М.: Специфика деятельности Риббентропа такова, что, используя литературу на русском, японском, английском и французском языках, которыми я владею, я охватил не менее 90% информации, включая переводы на эти языки. Британский журналист Майкл Блок, чья книга о Риббентропе (очень слабая в научном отношении) считается на Западе «стандартной», использовал источники только на немецком и английском языках и охватил от силы две трети общего объема информации. Seriously писать о Риббентропе без знания русских и японских источников нельзя, в то время как основные немецкие и итальянские переведены либо на английский, либо на фран-

цузский. За биографию другого немца я бы не взялся.

С. Э.: В ваших работах 1990-х годов нередко встречаются ссылки на А. Г. Дугина. Сейчас в академическом отношении это выглядит, скажем так, неоднозначно.

В. М.: Как многие интеллектуалы моего поколения я благодарен Александру Гельевичу за то, что он в самом начале 1990-х открыл нам целый ряд неведомых ранее имен и тем. Благодаря ему я узнал имена и идеи Рене Генона и Юлиуса Эвола, осознал, кто такой Карл Хаусхофер и что такое геополитика. Он указал путь, по которому я дальше пошел сам. Последние четверть века я не читал сочинений Дугина и не берусь судить о них, хотя интеллектуальный пейзаж современной России без них не представить. Я не его ученик или последователь. Но было бы несправедливо не сказать спасибо за важные знания, полученные от него более тридцати лет назад.

С. Э.: Каковы были поворотные моменты в вашей профессиональной эволюции? Как говорится в просторечии, что вам «взрывало мозг»?

В. М.: Поэзия, да и вся атмосфера Серебряного века, «Петербург» Белого и работы Долгополова. Это раз. Произведения и личность Владимира Соловьева — философской «первой любви» многих людей в моем поколении. Это два. Работы Дугина и знакомство с геополитикой. Это три. Поясню: дугинская схема про «атлантизм» и «евразийство» гораздо лучше работает в новой истории Японии, чем там, где он ее применял.

Затем чтение Версальского и других «мирных» договоров, полные тексты которых на русском языке были изданы лишь единожды в 1925–1927 гг. Это четыре. В них я увидел расплывчатый чуть ли не по эпизодам сценарий новой войны в Европе! Позже я написал адресованную школьникам старших классов — а также их родителям и учителям — книгу «Вторая мировая: война, которой не могло не быть», выпущенную издательством «Просвещение». У меня с этим издательством был короткий бурный роман, давший жизнь шести книгам. Увы, роман закончился, и больше меня в научно-популярную литературу не зовут. Жаль, ибо этот жанр я люблю и считаю его особенно важным как для популяризации нашего ремесла, так и для просвещения сограждан. Далее, уже в Японии, знакомство с европейской и американской ревизионистской историографией мировых войн. Это пять. Сегодня в России «ревизионистами» называют всяких фриков, с которыми я в театре рядом не сяду. А в 1920–1930-е годы и после Второй мировой войны это было сильное направление в историографии многих стран, противостоявшее пропаганде победителей, причем с мощной доказательной базой. К сожалению, у нас о нем знают мало и в основном неверно.

Это не просто этапы профессионального формирования. Это этапы личного взросления. Это интеллектуальные открытия и обретения.

С.Э.: Стало быть, влиянием марксистско-ленинской, советской историографии и методологии вы не были затронуты?

В.М.: Нисколько.

С.Э.: Каковы ваши методологические принципы или ориентиры?

В.М.: Первый и главный принцип — не врать. От ошибок никто не застрахован, но сознательно врать нельзя никогда и ни в чем. В этом я солидарен с А.М. Некричем. С ним я больше почти ни в чем не солидарен, но его книгу «Отрешись от страха» людям нашей профессии непременно надо читать, как и «Виденное и пережитое» Н.П. Полетики (в оценке исторических событий с ним я солидарен больше). Второй — всегда и везде основываться на источниках, разумеется, подвергая их необходимой критике, а не на позднейших интерпретациях, какие бы нотабли их не предлагали. Прозвучит неакадемично, но мне безразлично *мнение* профессора Дюрана и доцента Дюпона, да хоть Эрнста Нольте, о Шарле Моррасе, ибо мнение у меня свое собственное, но вводимые ими в научный оборот материалы я изучу непременно. И, конечно, избегать влияния идеологии. Наряду с «политкорректностью» это злейший враг историка. Об этом, увы, не всегда можно говорить вслух, но всегда надо помнить.

С.Э.: Какие жанры исторического исследования вам наиболее близки?

В.М.: История идей и история людей. С годами всё больше второй, то есть биография.

С.Э.: Чем объясняется весьма необычный выбор героев ваших биографий? Сиратори, Риббентроп, Брюсов, Шенгели, Вирек.

В.М.: Первое — все эти люди мне интересны и даже по-своему симпатичны. Второе — их биографии не были написаны.

С.Э.: Даже Риббентроп?! Это и про первое, и про второе.

В.М.: Да. Чувствовать к нему симпатию трудно, но я чувствую эмпатию. Стремление «не судить, а понять», как говорил Марк Блок. Осудить его давно осудили, а вот поняли ли? О Риббентропе написан ряд книг, но одна хуже другой — говорю ответственно, потому что все их проштудировал.

С.Э.: И по-немецки?

В.М.: Первая биография Риббентропа на немецком языке, написанная Ш. Шайлем, вышла в 2013 г., через пять лет после моей; Шайль кратко и благожелательно упомянул ее. Ранее была лишь книга В. Михалки о внешнеполитической деятельности Риббентропа. Содержание ее ключевой главы я знал по англоязычной статье автора, с остальным помогли разобраться коллеги. Я переписывался (по-английски) с Рудольфом фон Риббентропом, старшим сыном рейхсминистра, чьи интересные воспоминания изданы на русском языке и заслуживают прочтения. Это была очень неординарная личность.

С.Э.: Кто из героев близок вам, что называется, по-человечески?

В.М.: Риббентропа мы сразу исключим, хотя он, как заметил мой друг, которого нельзя заподозрить в симпатиях к подобным персонажам, «не людоед». Психологически близок

Сиратори, оказавшийся по знаку зодиака Близнецом, как и я. Хотите верьте, хотите нет, но это знание помогло мне понять логику и алогизм его поступков. Брюсов и Шенгели — любимые поэты, но в их личностях меня далеко не всё привлекает. А вот Джордж Сильвестр Вирек стал моим «человеком судьбы».

С.Э.: Почему?

В.М.: Он разносторонне одаренный, легкий, воздушный и незлопамятный, несмотря на множество приключений и злоключений. И он стал моим вечным спутником. Обычно издание книги означает конец работы над данной темой. С Виреком наоборот. Книга о нем вышла в 2015 г. Радикально исправлять написанное в ней необходимости нет, но дополнений появилось много, в основном по материалам моего постоянного пополняющегося собрания вирекианы.

С.Э.: Напомните, пожалуйста, читателям, что это за персонаж.

В.М.: Его отец Луи Фирек — депутат Рейхстага от социал-демократической партии в эпоху бисмарковских «исключительных законов» против социалистов, соратник Маркса и Энгельса — был незаконным сыном прусского короля (точнее, еще наследника престола) Вильгельма I, будущего первого кайзера Германской империи, и первой красавицы берлинской королевской сцены Эдвины Фирек. Августейшее отцовство никогда не признавалось, но все о нем знали. В переписке Маркса и Энгельса с соратниками — увлекательной, остроумной и порой

весьма фривольной — про это говорится не раз. Папа Фирек принадлежал к умеренному крылу партии и, посидев в тюрьме, решил заняться более безопасной журналистикой, пропагандировал водолечение и натуропатию, а потом уехал в США, где жило много немцев и был спрос на немецкоязычные издания. Обустроившись, он перевез туда семью. Так его сын, чистокровный немец Георг Сильвестр Фирек стал Джорджем Сильвестром Виреком.

Что за многогранная личность! Поэт — если и не первый, то самый яркий и известный американский декадент; в этом качестве он попал в сборник моих литературных портретов «Декаденты», изданный в 2020 г. в серии «Жизнь замечательных людей». Мечтаю перевести и издать в России его итоговый сборник «Плоть и кровь моя» (1931), где к каждому стихотворению он написал автокомментарий. Поэтическое наследие Вирека достойно серии «Литературные памятники». Одна беда: я не умею переводить стихи, а найти переводчика-энтузиаста на большой и бескорыстный труд не просто.

Вирек — хороший прозаик. В России при моем участии вышли его первый и последний романы «Дом вампира» (1907) и «Обнаженная в зеркале» (1953), но оценили его лишь некоммерческие издательства. А это коммерческий автор, он полвека зарабатывал на жизнь пером! Наши ленивые и нелюбопытные издатели, простите, отбrehиваются фразой: «В России Вирека никто не знает». Но им нечего возразить на то, что некогда в России никто не знал не толь-

ко Паоло Коэльо и Харуки Мураками, но даже Достоевского с Львом Толстым.

Большую известность Вирек снискал как журналист и пропагандист германо-американской дружбы при всех режимах в Германии. При Гитлере тоже, за что провел пять лет в американской тюрьме. Как популяризатор новейших открытий науки — теории относительности, психоанализа, омоложения. Как интервьюер высшего класса. И как историк, сочетавший опыт свидетеля с умением дистанцироваться от описываемых событий.

С. Э.: Вот это интересно! «Из зала кричат — давай подробности».

В. М.: Я хочу увидеть опубликованным на русском языке ряд книг Вирека, имеющих не только несомненную научную и литературную ценность, но и коммерческий потенциал.

Первая «Сеющий семена ненависти» (1930) о битвах пропагандистов Первой мировой войны. Вторая «Самая странная дружба в истории. Вудро Вильсон и полковник Хауз» (1932). Третья «Кайзер под судом» (1937) — биография Вильгельма II в форме воображаемого процесса над ним. В первой использован личный опыт, причем написана она с редким беспристрастием. Другие основаны на показаниях современников, начиная с Хауза и кайзера, который называл Вирека «кузеном». С августейшей улыбкой.

С. Э.: Они были знакомы?

В. М.: С кайзером Вирек познакомился осенью 1922 г. и стал первым

американским журналистов, которому тот дал интервью. Он, кстати, первым из иностранцев весной 1923 г. взял интервью у Адольфа Гитлера, но маргинальный баварский агитатор в то время никого не интересовал. Вирек навещал кайзера, жившего в изгнании в Доорне (Нидерланды), во время ежегодных визитов в Европу, куда ездил брать интервью у знаменитостей. С Хаузом Вирек дружил и сотрудничал на протяжении всех тридцатых годов. Его четвертой книгой на русском языке должен стать сборник избранных интервью. Там будут все знаменитости эпохи, кроме Ленина (не успел), Троцкого и Сталина (не сложилось).

С. Э.: Что Вас как историка привлекает в Серебряном веке? Ведь Вы не филолог.

В. М.: Да, я не филолог, я историк, в том числе историк литературы. Мое дело — не колоративы-пейоративы или интертекстуальные связи, а ответы на конкретные вопросы: кто, что, где, когда, с кем? Но не в виде самоценного набора фактов, к чему призывают иные мэтры, а как материал для ответа на вопросы: как, зачем, почему? Интересы историка и читателя совпадают: модернизм больше, чем реализм; поэзия больше, чем проза; общественно-политические взгляды писателей больше, чем философские или эстетические.

Кроме биографий Брюсова и Шенгели — в обоих случаях первых — я публиковал преимущественно статьи и архивные материалы. Они собраны в книги «Загадки Серебряного века» (2009)...

С. Э.: Прямо «Пословицы русского народа».

В. М.: Точно (*смеется*). Особенно с учетом того, что на переплет забыли поставить фамилию автора, а мне забыли его показать: дело было в коммерческом издательстве. Что такое «Загадки Серебряного века»? «Два конца, два кольца, посредине Тэффи», как пошутил один мой приятель. Заглавие, конечно, издательское, а не авторское. Слава богам, я сумел отбиться от «Тайн Серебряного века».

С. Э.: Другие сборники?

В. М.: «Тринадцать поэтов. Портреты и публикации» (2018), изданный к моему юбилею, и готовый к печати «Серебряный и Железный. Статьи о литературе и политике. Дневник читателя» (последний раздел — рецензии). Там и про символистов, и про Японию, и про геополитику.

С. Э.: Центральная фигура Ваших работ о Серебряном веке — Валерий Брюсов. Почему?

В. М.: Колоссальная фигура! Как есть музыка до Вагнера и после Вагнера, так есть русская поэзия до Брюсова и после Брюсова, хотя Вагнер стоял на плечах Бетховена, а Брюсов на плечах Пушкина и Тютчева. Брюсов ужасно недооценен и оболган, несмотря на всю известность. При этом до сих пор нет полного собрания ни его сочинений, ни даже стихотворений и поэм, нет летописи жизни и творчества, свода отзывов критики и воспоминаний о нем. Не изданы, хотя готовятся к печати, два важнейших корпуса переписки — с женой

и с критиком П. П. Перцовым. Скажите, как работать в таких условиях?

С.Э.: Трудно. А Вы эти материалы использовали?

В.М.: Увы, лишь в малой степени — только то, что напечатано. В первой половине 1990-х годов я, временно забросив японский язык, провел много пленительных часов в Отделе рукописей РГБ, где хранится огромный и хорошо сохранный архив Брюсова. Живя в Японии, работать в российских архивах непросто, к тому же я занимаюсь не только Брюсовым. Но даже по опубликованным материалам я мог написать биографию Брюсова в два раза большего объема: 60 листов, а не 30, — если бы не жесткий издательский лимит. А поработав год в московских и петербургских архивах, — и в три раза больше, ибо недостатка в материалах нет.

С.Э.: Почему до Вас никто не написал биографию Брюсова?

В.М.: Не знаю. Были книги о его творчестве — в целом не очень удачные — но жизнеописания не было. Есть почтенный жанр «литературного портрета», в котором факты биографии писателя служат материалом для комментария к его произведениям. У меня как раз наоборот: произведения писателя есть факты его биографии.

С.Э.: Как Вас приняла филологическая среда?

В.М.: Вначале враждебно — «чужак». Теперь приглашают на конференции и в некоторые журналы. Но

к изданиям Брюсова не привлекают. Всё сделанное мной в этой сфере сделано по моей инициативе.

С.Э.: Вы известный собиратель книг, автографов, документов. Как это связано с вашей работой?

В.М.: Напрямую. Я начал искать и покупать старые книги 40 лет назад, в 1982-м году, когда мне исполнилось 14 лет, но библиофилом стал не сразу. Сперва меня интересовал текст — авторы, которых не переиздавали или издавали мало. Потом стал уделять внимание экземплярам — автографы, маргиналии, провенанс, а там пошли рукописи, документы, фотографии. Классическое библиофильство было аристократическим занятием и предполагало не-утилитарность, бесполезность. Собирать книги «для работы» было «не комильфо». Лично я не вижу здесь противоречия. Наметив к приобретению книгу для работы, я первым делом ищу экземпляр с автографом автора и т. д.

Своих героев я изучаю по первоисточникам — по первым изданиям. У меня лучшее в мире собрание отдельных изданий Брюсова и литературы о нем всех времен и на всех языках (93% от списочного состава), включая книги с его дарственными надписями. Вирековское собрание, которое постоянно пополняется, я по праву называю домашним музеем. По материалам своего собрания я публиковал тексты Георгия Шенгели, Сергея Спасского (очень крупный и недооцененный поэт и прозаик, достойный собрания сочинений!), Дмитрия Шестакова, Семена Дионесова, Александра Китаева.

Последние десять лет мои книги иллюстрированы в основном материалами собственного собрания, причем некоторые артефакты покупались именно с этой целью. Оно неликвидно и с коммерческой точки зрения бессмысленно, но кроме исторического значения есть еще одно обстоятельство, о котором написал Горький в очерке о Гарине-Михайловском.

«Я спросил: правда ли, что он однажды засеял сорок десятин маком? — Почему же непременно — сорок? — как будто возмутился Николай Георгиевич [...] Тотчас же, хлопнув меня по плечу маленькой, крепкой рукой, он сказал с восхищением: — Но если б вы, батенька, видели этот мак, когда он зацвёл!»

Нечто подобное испытываю и я, оглядывая полки с книгами, папки с оригиналами документов, портреты на стенах домашнего кабинета. В моей 700-страничной книге «Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь» (заглавие мемуаров, которые Вирек не написал из-за отсутствия издателя) 294 иллюстрации, но лишь 2 из ГАРФ, остальные из моего музея. Складывается книга «Джордж Сильвестр Вирек: еще одна жизнь» с описанием собрания и публикацией того, что поступило в него после выхода биографии.

С. Э.: Сиквел, как нынче выражаются?

В. М.: «Companion volume». Не знаю, как это красиво сказать по-русски. «Дополнение» звучит слишком скучно. Хочу выпустить в таком же оформлении и с многочисленными иллюстрациями.

С. Э.: Что для вас изучение истории?

В. М.: Дело жизни и главное счастье в ней.

С. Э.: Что для вас как историка является главной мотивировкой к работе?

В. М.: Если не говорить о работах «за зарплату», то личный интерес. В беседе с вами С. А. Экштут процитировал слова Виктора Шкловского: «Вы пишете, чтобы заработать, а нужно, наоборот, зарабатывать, чтобы писать». Это как раз мой случай! Не уверен, что гонорар за биографию Риббентропа, выпущенную коммерческим издательством, покрыл расходы на покупку книг, нужных для ее написания, при том что я пользовался хорошими университетскими библиотеками. Но с каким удовольствием я ее писал!

С. Э.: Что вы пишете и что преподаете «за зарплату»?

В. М.: Моя основная работа в университете Такусёку и в Институте востоковедения РАН — исследовательская в сфере истории Японии. Я выбрал тему, соответствующую моим интересам и знаниям и при том неизученную: колониальная и континентальная политика Японии в иностранном освещении. Это история Тайваня как японской колонии (1895–1945 гг.), экспансия в Маньчжурии, Китае, Индокитае. В планах изучение колониального правления в Корее. Не углубляясь в детали, скажу главное. Колониальная политика Японии была политикой модернизации и непосредственно продолжала

модернизацию самой Японии, начатую консервативной революцией *Мэйдзи исин* и успешно реализованную.

Если источники на английском языке по данной теме более-менее известны, то франкоязычные совершенно не изучены ни в Японии, ни в России, ни даже во Франции, хотя немало полезных книг переиздано репринтом в рамках совместного проекта Национальной библиотеки и издательства «Nachette». Помогает мне и общее знание политической и интеллектуальной истории Франции в эпоху Третьей республики, которая началась почти одновременно с эпохой Мэйдзи в Японии. Тут много интересных пересечений. Что общего между Жорж Санд и японской интервенцией на Тайване в 1874 г.? Кажется, что ничего, а оно есть. Что? Пока не скажу — дождитесь публикации. На эти темы я регулярно печатаю статьи на русском и японском языках, выступаю с докладами и лекциями. Через несколько лет планирую издать книгу.

Педагогическая нагрузка у меня небольшая, так как я работаю в Международном институте японской культуры университета Такусёку, а не на факультете. Студентам бакалавриата читаю общий курс «Введение в русскую цивилизацию» на японском языке в рамках «регионоведения». Магистрантам — курсы «Япония в мировой культуре» на японском языке и «Введение в японскую цивилизацию» на английском языке. Последний курс предназначен иностранным студентам, еще недостаточно освоившим японский язык. Так сказать, «курс молодого бойца».

С.Э.: Вы любите преподавательскую работу?

В.М.: Непростой вопрос. Я люблю рассказывать, люблю читать лекции, но когда есть резонанс, реакция аудитории, вопросы, диалог. С японскими студентами этого нет. При чтении лекций на потоке прямого контакта нет вообще, крайне редко кто-то подходит после занятий. С магистрантами — дело другое, группы небольшие, но и тут вопросы приходится вытягивать клещами. Иностранные студенты в этом отношении более активны, чем японцы.

С.Э.: Почему?

В.М.: У японских студентов не принято задавать вопросы. Как объясняют сами японцы, это от природной скромности (которой они гордятся!), от нежелания показать свое незнание чего-либо, от боязни поставить преподавателя в неловкое положение. Я не очень этому верю. По-моему, это от отсутствия интереса. Не к моему предмету конкретно, а к обучению вообще.

Я хороший лектор, но плохой педагог. Я читаю лекцию, как актер играет спектакль. После двух пар даже с двухчасовым перерывом между ними я, как выжатый лимон. С нагрузкой в российском вузе я бы не справился.

С.Э.: Интерес студентов к России велик?

В.М.: Интересно единицам, причем китайцам (у нас в университете много китайских студентов) порой больше, чем японцам. Количество

записавшихся на курс не отражает масштаб реального интереса. В этом 2022 г. их было полторы сотни, а до пандемии более двухсот. Текущие события на этом не сказались: студенты о них даже не спрашивают. Русский язык из них не изучает почти никто. Студентам надо набрать энное количество курсов в своем кампусе, подогнав расписание поудобнее, и получить «зачет»; только некоторым нужен высокий балл (у нас стобалльная система; 60 — минимум для «зачета»). В Японии университет — четыре года бакалавриата — не место для получения знаний, а передышка между «адам в школе» и «адам на работе»: это они сами так называют. Спрашивать с японского студента знания неприлично. Поэтому по моему курсу нет экзамена. Сдал реферат в срок — получи минимум 60 баллов. Дальше начинается детальная оценка по соответствию реферата заявленным критериям плюс результаты тестов в течение семестра. Всегда есть те, кому я ставлю более 90 баллов. Но 100 никогда. Я бы и себе столько не поставил.

С. Э.: Вы ведете семинары, руководите дипломниками? У вас есть ученики?

В. М.: Не веду, не руковожу — это не входит в мои обязанности. Сказать по правде, не стремлюсь. Как Григорьева, как Долгополов, я не люблю «возиться» и «натаскивать». Поэтому у меня нет учеников. Охотно общаюсь с младшими коллегами, если чувствую у них вкус и интерес к исследовательской работе. Общаюсь без скидок на возраст, без позы ментора. Никого снисходительно не

глажу по головке. И хвалю, и критикую как коллег.

С. Э.: Ваши незаурядные знания о Японии востребованы российскими государственными структурами?

В. М.: Нет.

С. Э.: Вы интегрированы в российскую академическую среду, в историческое сообщество?

В. М.: Однозначно ответить сложно. С одной стороны, с 1995 г. я живу в Японии, хотя регулярно бываю в России. С другой, интернет свел на нет фактор географической удаленности. Мой читатель — в России! Меня иногда называют «русским и японским историком». Это неверно. Я — русский историк, работающий в Японии. В России у меня много друзей-историков, с которыми постоянно поддерживаю контакт. С их помощью слежу за работами по интересующей меня тематике, волей-неволей включая «мусорные» журналы. Принимаю дистанционное участие в конференциях. На конференции по русской литературе приглашают часто, на конференции по Японии — никогда. Не приглашают и к участию в коллективных проектах по грантам. Очень велико влияние личных амбиций, разделения на «своих» и «чужих», повисилась конфликтность. У меня нет врагов в научной среде, хотя есть люди, несимпатичные в профессиональном и личном плане. При этом ряд людей не скрывал неприязни ко мне и чинил препятствия моей работе. Но не будем о грустном.

С. Э.: Как Вы относитесь к административной карьере для ученых

и к внешним знакам признания их заслуг?

В. М.: Ни то, ни другое мне не грозит, хотя премия с хорошим денежным содержанием пришлась бы кстати (*смеется*). Научные и учебные учреждения должны возглавлять ученые, не обязательно выдающиеся, но профессионалы, способные к административной работе (я не из их числа), а не «эффективные менеджеры» или проштрафившиеся чиновники. Выдающийся ученый может оказаться никудышным администратором, и тогда плохо всем.

Избрание в Академию наук (но не в прочие «академии»!), почетное звание, премия, орден — сильная мотивировка для многих. У меня ее никогда не было, потому что я осознавал нереальность всего перечисленного для себя. Если этим отмечена достойная работа — честь и хвала. Но критерии размываются всё сильнее. Можно стать членом-корреспондентом РАН, имея лишь одну опубликованную монографию, причем не из тех, что совершили переворот в науке.

С. Э.: Живя более четверти века в Японии, насколько Вы вошли в местную академическую среду?

В. М.: В малой степени. Я являюсь членом нескольких научных обществ (так принято), плачу взносы, иногда выступаю с докладами, но печатаюсь в основном в изданиях своего университета и издательства интеллектуальной литературы «Фудзивара сётэн», которое выпустило две мои книги на японском языке. Общение с японскими коллегами мне, как пра-

вило, малоинтересно. Они не обогащают меня новым знанием, которое я не мог бы найти сам, и не отличаются широтой кругозора. Обычный японский ученый — «специалист по Нестору Кукольнику» из известного исторического анекдота. Зато ценю общение с некоторыми русскими коллегами, работающими в Японии, особенно теми, кто моложе меня.

С. Э.: Японские русисты?

В. М.: Очень специфическая публика. После «холодной войны» русистика в Японии стала маргинальной дисциплиной (я не раз писал об этом). Непривлекательной в карьерном плане: почти нет молодых, нет смены поколений. Русских, работающих в местных университетах, даже при наличии ученых степеней японцы воспринимают лишь как носителей языка (я никогда не преподавал русский язык), в лучшем случае как источник элементарных знаний: «чем матрешка отличается от перестройки, а Горбачев от балалайки» (определение мое). Плюс столкновение личных амбиций, тем более в замкнутой и не развивающейся среде. Плюс взаимное игнорирование историков и филологов: это два непересекающихся множества с отдельными научными обществами. Историки-русисты иногда упоминают меня в своих трудах. Филологи, изучающие Серебряный век, должны знать хотя бы мою фамилию... но уже более четверти века делают вид, что не знают. Сами понимаете, в общении с ними я большого смысла не вижу.

С. Э.: Что вы считаете главной проблемой современного российского исторического сообщества?

В. М.: Полное отсутствие корпоративного духа и единства перед лицом общих врагов.

С. Э.: Врагов? Кого вы имеете в виду?

В. М.: Во-первых, это халтурщики, плагиаторы, компиляторы, поставщики псевдоисторического «трэша», которым забиты книжные магазины (целые издательства специализируются на этом), телевидение, интернет. Во-вторых, псевдоученые с купленными и ворованными диссертациями, со статьями в «хищных» и «мусорных» журналах. Те и другие позорят профессию, поэтому никакой диалог с ними невозможен. Действия чиновников, пропагандистов и депутатов тоже не всегда идут на пользу науке.

Оставшись среди коллег, что мы видим? Четкое разделение на «своих» и «чужих». Раньше разделение шло больше по идейному признаку: «демократы» против «патриотов», те и другие в кавычках. Теперь по принципу близости к источникам финансирования или «админресурсу». «Своим» можно всё: пропускаются самые слабые работы, мало-мальски приличные восторженно прославляются. Работы «чужих» можно игнорировать или втапывать в грязь, не стесняясь ничем. Я испытал на себе оба варианта. Например, получаю из издательства верстку очень солидного издания со своей статьей. Там же статья старшего коллеги и давнего знакомого на тему, по которой я много писал и публиковал 25–30 лет назад. Коллега тоже занимался этой темой, мы общались, дарили друг другу работы, даже думали о соавторстве. И вот новая статья, где пересказы-

ваются давно известные вещи без единой ссылки на мои работы. В том же самом сборнике, что и моя статья. Я не умер, товарищи, я жив!

Как следствие исчезла конструктивная критика. Любая критика воспринимается как личное оскорбление, на которое отвечают личными оскорблениями... и пошло-поехало.

Разрушен институт репутации, по крайней мере, публичной, ибо по гамбургскому счету люди внутри «цеха» понимают, «кто есть ху». Хотя бы должны понимать... Про Диссернет мы все знаем. Но вот еще пример. Некий персонаж разъезжал по миру с фиктивными академическими титулами, читал лекции и получал гонорары — в качестве, которое приписал себе, не имея на то права. Как это называется? По-моему, мошенничество. Когда я деликатно написал об этом в своем «Живом журнале» 10 лет назад, мне позвонили знакомые из Москвы и посоветовали «не выносить сор из избы». Я ответил, что пусть они живут в антисанитарии, а я предпочитаю гигиенические условия. Печально не только это. Мне рассказали, что один видный ученый, услышав о таких проделках, сказал: «Молодец, ловко придумал». Вот это уже «со дна постучали».

С. Э.: Наш журнал «Историческая экспертиза» во многом задуман как журнал рецензий. Знаю, что Вы периодически выступаете в этом жанре. Чем Вы руководствуетесь при выборе книг для рецензирования и в самом его процессе?

В. М.: Мой главный мотив: прочитал хорошую книгу — поделись знани-

ем, расскажи другим. Если просят о рецензии, откликаюсь, но не пишу о книгах, которые мне не нравятся, поэтому отрицательных рецензий у меня раз два и обчелся. Излагаю содержание, делаю критические замечания — почти всегда фактического характера. Если знаю автора лично, предварительно показываю ему текст — речь, конечно, о публичном рецензировании — на предмет возможных уточнений. Были времена, когда авторы сами сообщали рецензентам о своих ошибках, дабы те их исправили в печати для общей пользы (сам так делал). По принципиальным вопросам выступаю редко, лишь когда «не могу молчать». Так было с книгой Т. Н. Карпачевой о Валерии Брюсове и Надежде Львовой, отклик на которую для «Исторической экспертизы» обернулся статьей на авторский лист. Или когда речь идет о прорывных для отечественной науки работах, которые радикально меняют наши представления о людях и событиях и потому заслуживают максимального внимания. Таковы книги М. А. Девлин о Невилле Чемберлене и лорде Галифаксе и книга А. Н. Бурлакова о маршале Петэне, которые должен прочитать каждый, кто серьезно интересуется историей XX века.

С. Э.: Вы когда-нибудь «организовывали» рецензии на свои книги?

В. М.: Для похвал себе любимому — нет, хотя не скажу, что равнодушен к похвалам, да и откровенное замалчивание воздуха не озонирует. Для привлечения внимания к темам и персонажам — дважды. В первый раз — к биографии Вирека и к переводам его книг. Во второй — к мо-

нографиям о Моррасе. Вирек в России был почти неизвестен, Моррас известен мало и в превратном свете. Хотелось вызвать серьезный разговор об этих выдающихся людях, тем более, что коллегам нашлось что сказать.

С. Э.: Удалось?

В. М.: Удалось начать разговор. Надеюсь, он продолжится. Увы, многие потенциальные участники тяжелы на подъем.

С. Э.: Даже учитывая широту Ваших интересов, должен спросить: почему Моррас?

В. М.: Меня давно интересует проблема французского коллаборационизма в годы Второй мировой войны. В литературе о нем постоянно мелькала фамилия Морраса, который в январе 1945 г. был осужден за сотрудничество с врагом и подрыв морального духа нации. Я решил разобраться, кто это такой, начал отмащивать киноленту назад, но, дойдя до «дела Дрейфуса», т. е. на полвека раньше, сказал себе «стоп». Я не представлял себе — да и никто в России, думаю, не представлял — какую колоссальную роль в интеллектуальной и политической жизни Франции этих 50 лет сыграл лично Моррас и возглавляемое им монархическое движение «Action française». Стало ясно, что он никакой не коллаборационист, а, напротив, самый яростный германофоб Франции. Его отношение к немцам — это как отношение Розенберга, если не Штрейхера, к евреям. Я понял, что надо писать книгу, тем более, что борьба Морраса против Германии не была изучена

даже во Франции. Думал, что будет монография, получилось три.

С.Э.: Почему столь важный и, как я понимаю, очевидный сюжет не был исследован во Франции?

В.М.: Сам удивляюсь. Если не считать одной небольшой и поверхностной книжки, первая французская монография на эту тему, написанная М. Грюнвальдом, вышла осенью 2019 г., одновременно с моей первой книгой. В двух других я ее использовал, но больше для цитат, недоступных мне в первоисточнике. В основном наши выводы совпали. В чем-то я оспорил автора, надеюсь, аргументированно.

С.Э.: Содержание Ваших книг не сводится к деятельности Морраса и «Action française».

В.М.: Конечно, их нельзя изучать в отрыве от политической истории Франции, да и Европы в целом. Их надо рассматривать в широком контексте эпохи, многие события которой в России известны мало или превратно. Таковы «дело Дрейфуса», кризис 6 февраля 1934 г., гражданская война в Испании, поражение Франции в 1940 г., режим Виши, коллаборационизм, голлизм, движение Сопротивления, послевоенные чистки. Обо все этом надо говорить и писать заново. Советская историография по идеологическим причинам изрядно исказила картину, а постсоветская не способствует восстановлению истины. Это долгий разговор. Надеюсь, выход нынешней осенью последней части моей трилогии о Морресе, где рассмотрены многие из этих проблем, даст ему новый импульс.

С.Э.: Вы называете себя «правым». Вы моррассианец?

В.М.: Разумеется, нет. Многие во взглядах Морраса мне близко, ко многому я равнодушен, многое категорически не приемлю, прежде всего ксенофобию. Одни черты его личности вызывают симпатию, другие не вызывают. Если бы я жил во Франции и был французом, особенно из поколения Морраса или поколения его «племянников» (так бездетный Моррасс называл следующее поколение), возможно, я был бы на его стороне. Но я не француз, живу не во Франции и принадлежу к совсем другому поколению, родившись через сто лет после Морраса. Надеюсь, что в сочетании с профессией это дает мне дистанцию, необходимую для объективного изучения событий прошлого и для суждений о них.

С.Э.: Сейчас вы лучший знаток Морраса среди российских историков? Не собираетесь писать его биографию?

В.М.: Если бы в России нашелся издатель на биографию Морраса — что было бы прекрасно — следует перевести и издать «Жизнь Морраса» современного французского историка Ива Широна. У него же есть отличная биография Мориса Барреса.

С.Э.: Вы довольны тем, как сложилась Ваша профессиональная жизнь?

В.М.: Доволен, но не вполне, эдакий привереда. Дело в том, что в более благоприятных условиях я сделал бы больше — написал бы еще полдюжины книг, в основном не имевших

аналога в российской историографии. Написал бы, если бы вовремя нашелся издатель, а мне не пришлось бы тратить время на заработки ради хлеба насущного. Теперь уже не напишу — время для них ушло. Но «покуда мне рот не забили глиной, из него раздаваться будет лишь благодарность».

С.Э.: Традиционный вопрос: ваши творческие планы?

В.М.: Ответ может показаться странным: творческих планов нет, но есть издательские. Хочется издать написанное, а потом приниматься за освоение новых тем. Ближайшие планы связаны с издательством «Нестор-История». Прежде всего сборник статей «Серебряный и Железный». Затем к 150-летию Валерия Брюсова в декабре 2023 г. готовлю сборник статей и материалов «Мой Брюсов». Кому-то заглавие пока-

жется нескромным, но оно дважды оправдано. Во-первых, именно Брюсов хотел озаглавить сборник своих статей «Мой Пушкин». Во-вторых, книга основана на моем собрании книг, рукописей и документов, которому я посвятил более тридцати лет. Мне есть чем похвастаться! Знаменитый библиофил Н.П. Смирнов-Сокольский говорил: «Хвастайтесь своими книгами — это хорошее хвастовство». Готовлю научное описание вирекианы с публикацией изрядного количества документов, хотя понимаю, что издать его будет непросто. Очень хочу переиздать научно-популярные книги о происхождении мировых войн и об опыте дружбы России с другими странами — по-моему, исключительно актуально. «А там мы будем посмотреть».

С.Э.: Большое спасибо за содержательное и откровенное интервью.

В. И. Голдин, В. В. Журавлев

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В НОВОСИБИРСКЕ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

В статье анализируются результаты международной научной конференции «Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности», состоявшейся 5–7 сентября 2022 г. в Новосибирске, на базе Института истории Сибирского отделения РАН. Представлена концепция конференции, ее цель и главные задачи. Указываются организаторы конференции, раскрывается состав и география ее участников. Характеризуется работа основных тематических панелей конференции, комплекс наиболее актуальных и дискуссионных вопросов, оказавшихся в центре обсуждения участников научного форума. Подводятся общие итоги конференции.

Ключевые слова: международная научная конференция, Гражданская война в России, окончание и выход из войны, историческая память и уроки.

Сведения об авторах:

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск);

Контактная информация: v.i.goldin@yandex.ru

Журавлев Вадим Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск);

Контактная информация: vvzh@mail.ru

V. I. Goldin, V. V. Zhuravlev

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE IN NOVOSIBIRSK ABOUT THE CIVIL WAR IN RUSSIA

The article analyzes the results of the international scientific conference “Civil War in Russia: Exit Problems, Historical Consequences, Lessons for Moder-

nity” which was held 5–7 September 2022 in Novosibirsk on the base of the Institute of History of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences. The authors present the conception of the conference, its aim and main tasks. The paper points out the organizers of the conference, discovers composition and geography of its participants. The authors characterize the work of the thematic panels of the conference, the most actual and controversial questions which were in the focus of the debates of the participants. The general results of the conference are summarized.

Keywords: international scientific conference, Civil War in Russia, ending and exiting the war, historical memory and lessons.

About the authors:

Goldin Vladislav I., Dr. Hab. (History), professor of Regional Studies, International Relations and Political Science Department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk);

Contact information: v.i.goldin@yandex.ru

Zhuravlev Vadim V., candidate of sciences (History), senior researcher of the Institute of History Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Contact information: vvzh@mail.ru

Столетие событий Гражданской войны в России актуализировало интерес к этой тематике в научном мире, в средствах массовой информации, вызвало новые дискуссии в обществе. В последние годы прошла целая серия научных конференций, по крайней мере, более двадцати, в том числе более десяти из них были международными и всероссийскими. Наиболее интересные и значимые из них состоялись при поддержке ведущих научных фондов и всероссийских исторических обществ в Москве, на базе Института истории России (РАН), в Санкт-Петербурге, Архангельске, Уфе и в ряде других городов страны.

Международная научная конференция, состоявшаяся с 5 по 7 сентября 2022 г. в Новосибирске, на базе Института истории Сибирского отделения РАН, оказалась уже второй, посвященной тематике Гражданской войны и проведенной в последние годы этим научным учреждением, где сложились хорошие традиции ее изучения. Предыдущая конференция

под названием «Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.», по статусу Всероссийская с международным участием, прошла в ноябре 2019 г. Тема международного научного форума 2022 г. была более широкой: «Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности».

Организаторами конференции выступили Институт истории Сибирского отделения РАН, Ассоциация исследователей Гражданской войны в России, Государственный архив Новосибирской области, факультет исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета и Институт истории и международных отношений Южного федерального университета. Конференция была проведена при поддержке Фонда «История Отечества».

При разработке концепции этого научного форума его организаторы

стремились вычлениить наиболее актуальные ее вопросы. В результате целью конференции было поставлено комплексное научное осмысление Гражданской войны в России как длительного, сложного и масштабного исторического события, оказавшего сильное и многом определяющее влияние на судьбы страны, Европы и мира в XX в.

Организаторы рассчитывали сконцентрировать внимание участников на нескольких ключевых проблемах. Во-первых, в связи с тем, что конференция проводилась в год, объявленный Российским историческим обществом годом столетия окончания Гражданской войны, следовало обсудить пути и сложности процесса выхода страны из войны, который, как очевидно, не был одновременным для разных ее частей и социальных страт, обладал существенной региональной и социальной спецификой. Во-вторых, предполагалось исследовать и обобщить разносторонние последствия Гражданской войны — экономические, социальные, политические и культурные, подвести итоги историографического осмысления последних трех десятилетий. В-третьих, планировалось сосредоточиться на определении протяженных во времени процессов, чтобы глубже осмыслить влияние Гражданской войны на долговременные исторические тренды. В-четвертых, предполагалось сделать предметом дискуссии итоги Гражданской войны для народов, населявших распавшуюся Российскую империю, и многоуровневое влияние Гражданской войны на мировую историю. Учитывая, что события Гражданской войны протекали на всем

постимперском пространстве, оргкомитет рассчитывал на подключение коллег из разных стран к диалогу об итогах, последствиях и уроках этой войны для всех народов, ее населявших, в том числе и обретших в результате государственную самостоятельность. Проблемой, требовавшей совместного обсуждения, было рассмотрение процессов данной эпохи либо как комплекса «гражданских войн», включавшего войны народов бывшей Российской империи за независимость, либо как единой Гражданской войны в сложном полиэтническом имперском пространстве.

Одной из важнейших задач конференции виделось повышение информированности научного сообщества и общественности России и других стран о событиях Гражданской войны 1917–1922 гг. и современных ее научных оценках, сосредоточение внимания на проблемах исторической памяти об этой войне. К участию в конференции были приглашены ведущие ученые-историки из России и независимых государств, бывших в прошлом советскими республиками, а также из ведущих мировых центров изучения истории России.

Конференция открылась приветствиями директора Института истории Сибирского отделения РАН В.М. Рынкова и исполнительного директора Фонда «История Отечества» К.И. Могилевского.

К началу конференции был издан сборник ее материалов под одноименным названием (объемом 406 стр.), в который были включены 27 материалов 31 участника, что позво-

ляло в ходе докладов, не повторяя изложение опубликованных статей, обращаться и акцентировать внимание и на других проблемах.

В программу были включены 37 докладов 40 участников из Архангельска, Владивостока, Екатеринбурга, Казани, Москвы, Новосибирска, Пензы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Томска, Улан-Удэ, а также из Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Монголии, Норвегии, Узбекистана.

В рамках конференции состоялись восемь тематических панелей, презентация новейшей научной литературы и проблемный круглый стол. Конференция открылась докладом президента Ассоциации исследователей Гражданской войны в России, ответственного редактора XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» профессора В.И. Голдина. Он рассказал об итогах работы над этим изданием в двух книгах (общим объемом 140 п.л.), осветил концептуальные и наиболее сложные и дискуссионные проблемы, раскрываемые в нем, ответил на вопросы слушателей.

В рамках панели «Гражданская война в историографической перспективе» большой интерес вызвал доклад д.и.н. А.С. Пученкова (Санкт-Петербург) «Гражданская война на Юге России: историографические тенденции последних десятилетий». К историографии вопроса «Сибирь в политике лидеров Алаш» обратился представитель Казахстана, доктор философии К.Г. Аканов. Проблемы историографии индивидуального

террора и белого террора стали темами докладов д.и.н. А.И. Сулова (Казань) и к.и.н. А.Г. Теплякова (Новосибирск).

На панели «Международные контексты Гражданской войны» особый интерес вызвали содержательные доклады д.и.н. Гагкуева (Москва) «Белое движение и интервенция: вопрос единства командования на антибольшевистском Восточном фронте» и д.и.н. А.Ю. Павлова (Санкт-Петербург) «Трудности интервенции: беспорядки во французских частях на Севере России в 1918–1919 гг.».

В ходе прошедшей презентации новейшей литературы по Гражданской войне были представлены книги разного жанра (монографии, сборники документов и др.) семи участников конференции.

Во второй день конференции параллельно прошли панели «Общество в гражданском противостоянии: политические и идеологические процессы» и «Экономика Гражданской войны». Особый интерес вызвал доклад д.и.н. А.В. Ганина (Москва) «Первый советский год бывшего генерала Я.А. Слащева-Крымского: новые документы», где использовались, в частности, источники, извлеченные из фондов Центрального архива ФСБ, и др. Проблемы идеологии противоборствующих сторон в Гражданской войне были темой докладов д.и.н. Шевелева (Томск) и к.и.н. В.В. Журавлева (Новосибирск), а анализ антибольшевистской печати на Востоке России был представлен в докладе к.и.н. Д.Л. Шереметьевой (Новосибирск).

Панель по экономике открылась онлайн докладом о скандинавском лесопромышленном предпринимательстве в России д.и.н. В. В. Тевлиной (Норвегия). Значительный интерес вызвал доклад д.и.н. Р. А. Хазиева (Уфа) об альтернативной экономике периода Гражданской войны. Система государственных натуральных повинностей в эпоху «военного коммунизма» в Казахстане была предметом доклада к.и.н. Е. И. Медеубаева (Республика Казахстан), а его казахские коллеги М. М. Козыбаева и З. Г. Сактаганова обратились в своих выступлениях к проблемам голода 1921–1922 гг. в Казахстане. Судьбы военнопленных и беженцев Первой мировой войны в России в период Гражданской войны были рассмотрены д.и.н. Н. В. Суржиковой (Екатеринбург).

Проблемы крестьяноведения, судеб и поведения крестьянства на завершающем этапе Гражданской войны стали предметом обсуждения на специальной панели конференции, открывшейся докладом д.и.н. О. А. Суховой «Сельский мир на исходе Гражданской войны: экстремальная повседневность и практики адаптации», подготовленном на материалах Среднего Поволжья. Прозвучали также выступления к.и.н. А. П. Шекшеева (Абакан) и к.и.н. Л. А. Гривенной (Республика Казахстан). Последняя поставила вопрос о важности новых подходов и оценок «малой гражданской войны» в России и Казахстане и рассмотрела проблему реабилитации ее участников.

В ходе работы панели «Гражданская война в геополитической оптике» д.и.н. О. Г. Буховец (Минск, Бело-

руссия) рассмотрел проблему общего и особенного в образовании новых государств в контексте Гражданской войны в России. Доклад «Иностранцы участники как «Значимый Другой» для участников Гражданской войны в России» представил к.и.н. К. А. Конев (Томск). Необходимость переоценки германского фактора в развертывании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке была акцентирована в докладе к.и.н. Л. В. Ланника (Москва).

Если два первых дня конференции проходили в Институте истории Сибирского отделения РАН, то в ее заключительный день ее участники работали в здании Выставочного зала Государственного архива Новосибирской области, где имели возможность ознакомиться с источниками и публикациями по Гражданской войне в Сибири. В первой половине дня здесь работала панель «Имперриологический взгляд на Гражданскую войну». Содержательный доклад на тему «Выход донских казаков из Гражданской войны» представил д.и.н. А. В. Венков (Ростов-на-Дону). С большим интересом был заслушан доклад д.и.н. Л. В. Кураса о Монгольской революции 1921 года как продолжении «революции в Колчакии». Тема «Долгое эхо Гражданской войны: социально-экономическая и политическая ситуация в Казахстане в 1920-е годы XX века» была рассмотрена в докладе директора Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова, член-корреспондента Национальной академии наук Республики Казахстан З. Е. Кабульдинова.

К проблеме Кокандской автономии как прологе гражданской или на-

ционально-освободительной войны в Туркестане обратилась к.и.н. Т.В. Котюкова (Москва). Подходы и оценки современной историографии Узбекистана об истории вооруженного сопротивления советской власти в Туркестанской АССР — Узбекской ССР рассмотрел к.и.н. О.А. Махмудов (Республика Узбекистан), представивший совместный доклад со своей коллегой к.и.н. О.Г. Пуговкиной.

Большой интерес вызвал доклад на тему «Гражданская война»: политическое использование понятия и культурная подготовка гражданской войны в 1917 году», представленный д.и.н. Б.И. Колоницким (Санкт-Петербург) (подготовленный им совместно с к.и.н. К.В. Годуновым и К.А. Тарасовым) в рамках панели под названием «Гражданская война: концептуальные основания исследовательских траекторий». С интересом было воспринято выступление к.и.н. А.В. Кореневского (Ростов-на-Дону), который охарактеризовал оценку итогов и значения Гражданской войны в России в политической аналитике А.Дж. Тойнби. Заключительный и содержательный доклад на тему «Завершение Гражданской войны: историография и теория в поисках ответа» в рамках этой панели и конференции в целом сделал д.и.н., директор Института истории Сибирского отделения РАН В.М. Рынков.

На заключительном круглом столе под названием «События 1917–1922 гг. в России: Гражданская война или гражданские войны?» участники конференции обменялись мнениями по ее итогам, обсудили проблемы исторической памяти о ней и исторических уроков. По существу, был поддержан лейтмотив, высказанный в самом начале этого форума, о необходимости рассматривать Гражданскую войну в России как особый и уникальный феномен, как множественность или комплекс, серию войн и противоборств в многообразии военных, политических, экономических, социально-классовых, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, обстоятельный анализ которых и позволит только понять ход и исход борьбы на линиях и за линиями фронтов и итоги войны в целом.

Материалы состоявшейся на круглом столе дискуссии предполагается подготовить к печати и опубликовать на страницах журнала «Гуманитарные науки в Сибири».

Участники конференции выразили признательность ее организаторам за качественную подготовку этого научного форума и содержательный диалог, который состоялся в ходе его.

В. Э. Молодяков

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ЧТО ТАКОЕ «ACTION FRANÇAISE»?

Первая публикация на русском языке краткой политической программы французского монархического движения «Action française», которой оно придерживалось всё время своей деятельности (1905–1944).

Ключевые слова: «Action française», политическая программа, Франция, монархизм, государственный строй, республика

Сведения об авторе / переводчике: Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор университета Такусёку (Токио, Япония).

Контактная информация: dottore68@mail.ru

V. E. Molodiakov

HISTORICAL SOURCE: WHAT'S «ACTION FRANÇAISE»?

First publication in Russian language of the brief political program of the French monarchist movement "Action française", which it has adhered to all the time of its activity (1905–1944).

Keywords: "Action française", political program, France, monarchism, state system, republic

About the author / translator: Molodiakov Vassili E., LL.D. in Political Science, PhD in History, Professor, Takushoku University (Tokyo, Japan)

Contact information: dottore68@mail.ru

От переводчика: Впервые на русском языке публикуется краткая политическая программа французского

монархического движения «Action française», которой оно придерживалось всё время своей деятельности

(1905–1944). Она печаталась в виде буклета тиражом в сотни тысяч экземпляров и распространялась по всей Франции, в ее заморских территориях и колониях. Перевод выполнен по оригиналу из моего собрания, не датированному, но напечатанному не позднее февраля 1936 г., когда правительство распустило основные организации движения. Графика текста (прописные и строчные буквы, курсив, жирный шрифт) соответствует графике оригинала. В остальном источник говорит сам за себя.

Василий Молодяков²

ЧТО ТАКОЕ «ACTION FRANÇAISE»?

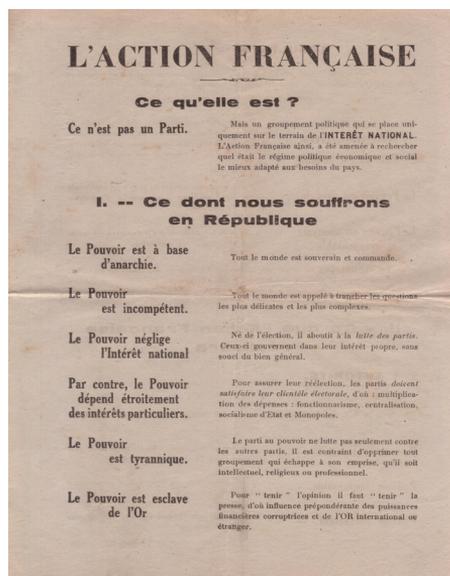
Это не партия. Но политическое объединение, которое действует исключительно в сфере **НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА**. Таким образом «Action française» занято поиском того, какой политический, экономический и социальный порядок наилучшим образом соответствует нуждам страны.

I. От чего мы страдаем при Республике

В основе власти лежит анархия. Каждый — суверен и командир.

Власть некомпетентна. Каждый призван решать самые деликатные и сложные вопросы.

Власть пренебрегает национальным интересом. Порожденная выборами

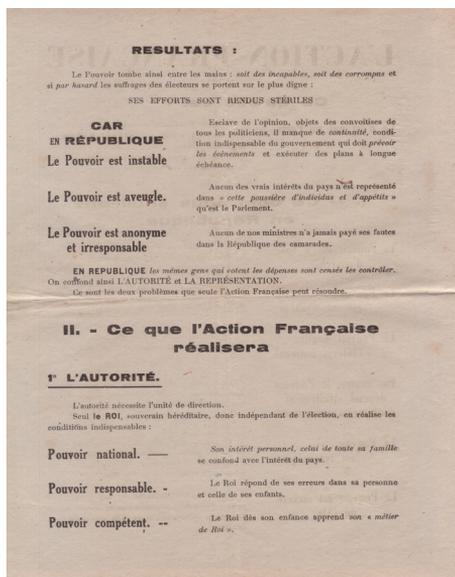
она заканчивается *борьбой партий*. Партии правят в собственных интересах, не заботясь об общем благе.

Напротив, власть прямо зависит от частных интересов. Чтобы обеспечить переизбрание, партии *должны удовлетворять свою избирательную клиентуру*. Отсюда увеличение расходов, бюрократизм, централизация, государственный социализм и монополии.

Власть — тиран. Правящая партия борется не только против других партий, но вынуждена подавлять любое движение, выходящее из-под ее контроля, будь то интеллектуальное, религиозное или профессиональное.

Власть — раб Золота. Чтобы «владеть» общественное мнение, надо «владеть» прессой. Отсюда проблема

² В 2022 г. издательство «Нестор-История» выпустило новую книгу Василия Молодякова «Шарль Моррас и "Action française" против Германии: "подлинное лионское сопротивление"», продолжающее цикл его работ по истории французского национализма первой половины XX века.

дающее влияние развращающих финансовых сил и международного или иностранного ЗОЛОТА.

Результаты:

Власть находится в руках *либо неспособных, либо продажных*, и, если случайно голоса избирателей будут отданы будут отданы самым достойным,

ИХ УСИЛИЯ ОКАЖУТСЯ ТЩЕТНЫМИ.

Потому что при республике:

Власть нестабильна. Ей, рабе общественного мнения и объекту вождения всех политиков, не хватает преемственности, необходимого условия для правительства, которое должно предвидеть события и осуществлять долгосрочные планы.

Власть слепа. Никакие подлинные интересы страны не представлены

в «этой смеси особей и appetitов», каковой является парламент.

Власть анонимна и безответственна. В республике на товарищеских началах никто из наших министров ни разу не заплатил за свои ошибки.

При республике тем же людям, которые голосуют за расходы, доверено их контролировать. Так смешиваются ВЛАСТЬ и ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО.

Эти две проблемы может решить только «Action française»

II. Что сделает «Action française»

1. Власть.

Власть требует единства управления.

Только **КОРОЛЬ**, наследственный суверен, независимый от выбора, осуществит ее необходимые условия.

Национальная власть. Его личный интерес и интерес всей его семьи совпадает с интересом страны.

Ответственная власть. Король отвечает за свои ошибки собой и своими детьми.

Компетентная власть. Король с детства учится своему «королевскому ремеслу».

Стабильная и преемственная власть. Король всю свою жизнь трудится ради национального процветания. После его смерти передача власти осуществляется без соперничества или пагубного для страны кризиса. Это не торг каждые десять месяцев.

Независимая власть. Королю не нужно добиваться успеха. Он не зависит ни от партии, ни от влиятельных избирателей, ни от банкиров.

Таким образом он может: Быть беспристрастным судьей конфликтов, выбирать ответственных перед ним министров среди наиболее способных. Предвидеть будущее и работать ради него. Защищать слабых от сильных, всегда готовых злоупотребить своей силой.

Одним словом: **Король воплощает национальный интерес.**

У Франции есть такой прирожденный вождь. Это:

ИОАНН III, ГЕРЦОГ ДЕ ГИЗ

Наследник 40 королей, которые за 1000 лет создали Францию.

2. Представительство.

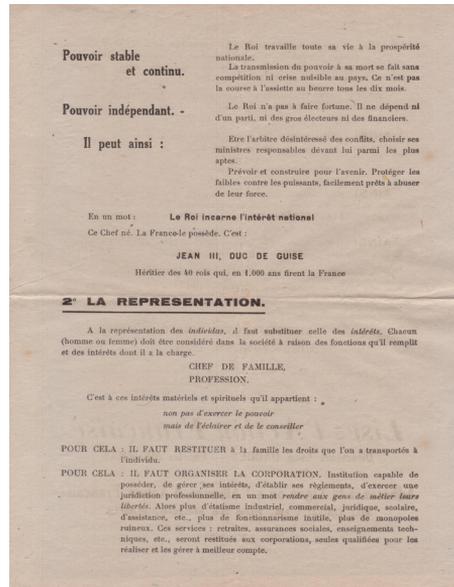
Представительство *индивидуумов* надо заменить представительством *интересов*. Каждый человек (мужчина или женщина) должен рассматриваться обществом, исходя из функций, которые он выполняет, и интересов, которые ему поручены.

ГЛАВА СЕМЕЙСТВА.

ПРОФЕССИЯ.

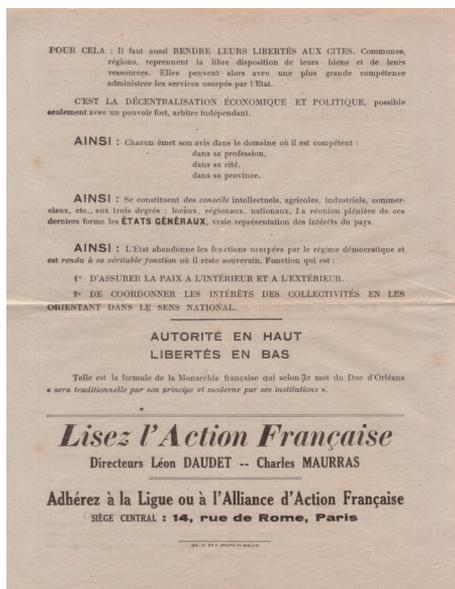
В силу этих материальных и духовных интересов ему надлежит: *не осуществлять власть, но просвещать ее и советовать ей.*

ДЛЯ ЭТОГО: НАДО ВЕРНУТЬ семье права, которые переданы индивидууму.

ДЛЯ ЭТОГО: НАДО ОРГАНИЗОВАТЬ КОРПОРАЦИЮ. Институт, способный иметь свои интересы и управлять ими, устанавливать свои правила, осуществлять профессиональную юрисдикцию, одним словом, *вернуть людям професий их свободы*. Больше никакого промышленного, коммерческого, юридического, образовательного, страхового этатизма, никакого бесполезного бюрократизма, никаких губительных монополий. Функции пенсий, социального страхования, технического образования и т.д. должны быть возвращены корпорациям, единственным, кто может наилучшим образом их осуществить и управлять ими.

ДЛЯ ЭТОГО: также необходимо ВЕРНУТЬ СВОБОДУ НА МЕСТА. Коммуны и регионы снова получают в свободное распоряжение свои владения и ресурсы. Они куда успешнее смогут выполнять функции, узурпированные государством.

ЭТО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ, возможная только при сильной власти как независимом арбитре.

ТАКИМ ОБРАЗОМ: Каждый выскажет свое мнение в области, в которой он компетентен: в своей профессии, в своем городе, в своей провинции.

ТАКИМ ОБРАЗОМ: Создадутся интеллектуальные, сельскохозяйственные, промышленные, торговые и прочие *советы* трех уровней: местные, региональные, национальные. Пленарное собрание последних со-

ставит **ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ**, подлинное представительство интересов страны.

ТАКИМ ОБРАЗОМ: Государство откажется от функций, узурпированных демократическим режимом, и вернется к своим истинным функциям, в которых оно остается сувереном. Эти функции:

1. ОБЕСПЕЧИВАТЬ МИР ВНУТРИ И ВНЕ СТРАНЫ.
2. СОГЛАСОВЫВАТЬ ИНТЕРЕСЫ КОЛЛЕКТИВОВ И НАПРАВЛЯТЬ ИХ В НАЦИОНАЛЬНОМ СМЫСЛЕ.

**ВЛАСТЬ НАВЕРХУ,
СВОБОДНЫ ВНИЗУ.**

Такова формула французской монархии, которая, по словам Герцога Орлеанского, «будет традиционной в принципе и современной в институтах».

Читайте «L'Action française». Директора: **Леон Доде — Шарль Моррас**

Вступайте в Лигу или в Альянс «Action française».

Штаб-квартира: 14, rue de Rome, Paris.

Ш. Моррас

К ИСТОРИИ ЭТИХ ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ¹

В конце августа — начале сентября 1944 г. Лион пережил трагические дни окончания германской оккупации и освобождения, которое принесло с собой новую волну террора. Опасавшийся репрессий с обеих сторон и перешедший на нелегальное положение вождь и идеолог монархического движения «Action française» Шарль Моррас (1868–1952) написал в эти дни программный текст «К истории этих четырех лет», в котором подвел итоги периоду оккупации и деятельности режима Виши. Этот важный исторический источник впервые публикуется в русском переводе. Подробно об этих событиях рассказано в книге Василия Молодякова «Шарль Моррас и "Action française" против Германии: "подлинное лионское сопротивление"», которая выходит в издательстве «Нестор-История» в сентябре 2022 года.

Ключевые слова: Франция, Шарль Моррас, "Action française", режим Виши, Филипп Петэн, оккупация, коллаборационизм, сопротивление.

C. Maurras

ON THE HISTORY OF THESE FOUR YEARS

In late August — early September 1944, Lyon experienced the tragic days of the end of the German occupation and of the liberation, which brought with it a new wave of terror. Charles Maurras (1868–1952), the leader and ideologue of the monarchist movement "Action française", who feared reprisals from both sides and came underground, wrote these days a program text "On the History of These Four Years" summing up the period of the occupation and the activities of the Vichy regime. This important historical source is published here for the first time in Russian translation. Details of these events are described in the book by Vasily Molodiakov *Charles Maurras and 'Action française' against Germany: "the genuine Resistance of Lyon"*, which is published by "Nestor-History" in September 2022 (in Russian).

Keywords: France, Charles Maurras, "Action française", Vichy regime, Philippe Pétain, occupation, collaboration, resistance.

© Историческая Экспертиза, 2022
DOI 10.31754/2410-1419-2022-3-519-530

¹ Впервые: Documents nationaux. № 2. 1944. Перевод В. Э. Молодякова по изданию: Roger Joseph. J'ai vu condamné un Juste au bagn. Témoignage. La vérité sur le procès de Charles Maurras. Orléans, 1966. P. 105–116.

ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Стало известно, при каких безобразных обстоятельствах маршал Петэн был вывезен из Виши немцами. Это варварство привлекло к нему восхищение и любовь всего французского народа.

Два благородных документа, которые мы сегодня имеем счастье и долг обнародовать, не являются ни завещанием, ни заявлением об отставке. Маршал Франции, глава Французского государства не отказался ни от одного из своих прав. Он остается носителем самого высокого звания во французской армии. Семь маршальских звезд принадлежат только ему. Считающие себя регулярной армией обязаны повиноваться ему с честью и верностью. В остальном он сам нам заявил: «Я являюсь и остаюсь вашим вождем. Порядок должен править. Я законно представляю его. Подчиняйтесь мне. Меня разлучили с вами, но я вас не бросаю».

Таково выражение воли, которая совпадает с волей нации и которую не могут нарушить ни заграница, ни какая-либо фракция.

Франция продолжает существовать. Если ее вождь не свободен, он не перестает воплощать ее порядок, закон и веру. Как некогда Людовик Святой в оковах, он олицетворяет единство Франции, выражая ее независимость и суверенитет. Да объединятся все французы, желающие свободы своей страны, вокруг этого имени и этого твердого заявления.

Мы можем говорить: таково наше первое заявление.

Далее следует второе.

I. СПАСИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Никто не может произносить имя Петэна, не упоминая о неопценном благодеянии, которое он принес, начиная с сумрачных дней июня 1940 г. Франция страдала от агрессора, который опустошил ее, окружил ее армии, взял в плен ее лучшие войска и бросил на переполненные дороги великое множество смятенных беженцев. В какие смуты гражданской войны это вылилось бы? В какие ужасы войны с чужеземцами? Какие капитуляции прибавились бы к двум миллионам человек, которые попали в плен или были обречены попасть? Должно ли было удвоиться это огромное количество? Как в августе–сентябре 1914 г., мы потеряли убитыми сто тысяч человек за два месяца. Надо ли было удесятерять их число в общем хаосе за счет невозможного, неорганизованного и безнадёжного сопротивления? Стоило ли терять за один сезон половину или три четверти того личного состава, которого предыдущая война лишила нас за четыре года? Эти вопросы стояли перед глазами всех мыслящих французов в ужасной ситуации, когда маршал Петэн возвысил голос разума и сострадания и смог с огромными трудностями, дорогой ценой, но с честью заключить неизбежное перемирие, несмотря ни на что сохранив нам империю, флот, треть наших департаментов свободными от любой оккупации и даже золото Банка Франции, хранившееся в безопасности на Мартинике.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Сделав это, маршал Петэн принялся за работу. Это наше третье заявление.

Как настоящий французский крестьянин, с которым он любил себя сравнивать, он не спасовал перед разрушениями, причиненными историческими бедствиями, — подобно тому, как разрушения от стихийных бедствий, града или пожара не умаляют решимости человека, в чьих руках мотыга или плуг. Он всей душой отдался делу возрождения.

Вспоминая этот колоссальный труд, пришлось бы говорить слишком долго. Но он существует и именно он вызывал недоверие Германии. С этого начался четвертый акт драмы, о котором надо рассказать подробно, потому что слишком мало людей знает о нем.

На виду были факты, но не их связь или причины. Наше перо могло указывать на них лишь с помощью намеков, разрозненных и всё более затрудненных.

Теперь оно свободно. Выскажемся.

III. ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ОШИБКИ

Проницательные победители, к какой бы расе они ни принадлежали, поняли бы, основываясь на мудрой традиции, то, чего Германия не поняла. Она выработала двойственную программу, которая одновременно включала свое господствующее принуждение и наше полудружественное сотрудничество, но это уже

есть нечто весьма противоречивое! Или мы откровенно желали смерти нашей родины, и тогда политика Монтуара была бесполезным и даже тягостным лицемерием. Или — поскольку мы претендовали на противоположное — если мы хотели установить, с некоторым подобием сюзеренитета, определенное согласие или нечто похожее на соглашение или договоренность, следовало не только выбрать этот путь и никакой иной, но, сделав такой выбор, надо было понять его исключительную трудность и удвоить предосторожность и осмотрительность, добавив к ним великодушные.

Требовалось воздержаться от того, чтобы задавать острые вопросы и ставить французов перед жестким выбором. Требовалось уберечь их от впечатления, что им говорят: *Полюби меня или горе тебе!*

Именно к этому непрестанно возвращались немцы. Надо было верить в их бескорыстие и преданность, в то, что они расположились у нас из любви к нам! «Верите ли вы, — говорили немцы человеку, которого я знаю, — что в крестовом походе против Москвы Гитлер может следовать эгоистическим интересам?» Французу пришлось ответить: во-первых, Гитлер знает это лучше, чем мы; во-вторых, в 1939 г. Гитлер и Москва объединились против нас. Любой разговор на эту болезненную тему неизбежно приводил к унижению французов.

Германия не только ничего не понимала в наших правилах осторожности, но хотела одним выстрелом убить двух зайцев. Она не выбирала

между протянутой рукой и сжатым кулаком; она верила, что можно сочетать строгое отношение со спокойным разговором.

Погрузившись в водоворот несовместимых представлений, ее вожжи совершили куда более опасную ошибку, причем, несомненно, бессознательную. Если она была сознательной, то ее причина — чудовищная глупость.

Во Франции всегда существовала прогерманская партия. Между 1911 и 1918 г. ее возглавлял Кайо. Это ее представлял Бриан в 1917 г., ей полтора десятка лет служил Жорес. Это она проявлялась в интеллектуальной, моральной и художественной моде, которая, как сорняк, заполонила голову и сердце Третьей республики. Но надо признать, что в этом республика показала себя законной наследницей либеральной партии, которая ее создала и которая в 1866 г., как в 1792 г., как уже в 1756 г., всегда была у нас прусской партией.

Когда республиканцы Жиронды объявили войну Австрии, они воображали, что Пруссия останется их другом. Ее стремительное вмешательство вызвало у них самое наивное изумление, но не излечило их. Опыт не научил и Наполеона как порождение Революции: он старался удовлетворить Пруссию прежде, чем загнал ее в угол во время битвы при Иене. Он отдал ей Ганновер, он даже предлагал ей императорскую корону Германии.

Нашей прусской партии было на чем держаться. Она особенно распоясалась во время последнего межвоенного периода. Именно этой прусской партии мы обязаны поэтапной потерей всех преимуществ «дурного договора»². Всё началось отказом от репараций на конференции в Спа. Затем, что гораздо хуже, она сдала наши территориальные залогов (в Германии — В.М.) в то время, когда мы могли их сохранить, поскольку все еще обладали самой сильной армией в мире.

На прусской партии, воплотившейся в Бриане, лежит страшная ответственность за эвакуацию Майнца — «Майнц! Силовой центр континента», как говорил Фош, — в 1930 г.; за принцип ухода из Саара, что случилось в марте 1935 г. Сорок миллионов нашего бедного и малочисленного населения оставались, как в чистом поле, лицом к лицу с 65, 67, 75 миллионами немцев, без единой возможности помешать их ремилитаризации и без какого-либо превосходства в позиции и средствах, способного компенсировать колоссальное неравенство в живой силе.

Таковы вред и преступления прусской партии в Париже. В свое время мы обличали их одно за другим без промедления и снисхождения. Почти всегда в одиночку против множества возражений мы, как могли, указывали на стремительное восстановление моральных и материальных сил Германии между 1930 и 1935 гг. После этого, между 1933 и 1940 гг., прусская партия во Фран-

² Название, которое Моррас в одноименной книге 1928 г. дал Версальскому договору (Прим. Р. Жозефа).

ции выросла и приобрела новый облик в Париже. Она стала представлять нечто иное, нежели моду или предпочтение германских интересов французским, превратившись в явный заговор среди бела дня. Заговорщики использовали разные предлоги: одни говорили о вечном мире и высокой культуре, другие о Белом Интернационале. В то время такой Интернационал был решительно невозможен, поскольку — надо это отметить — «диктатуры», «фашизмы», как их называли, еще не были солидарны, причем настолько, что в июле 1934 г. итальянский диктатор Муссолини отправил 60 000 человек на [перевал] Бреннер, чтобы предотвратить присоединение Австрии к территории германского Рейха.

Наши заговорщики работали в пользу одной только Германии, работали хорошо, активно, страстно, с гордостью за то, что они делают. Они также несут ответственность, второстепенную, но несомненную, за безумное и ужасное объявление войны 3 сентября 1939 г., против которого мы так боролись, поскольку их попыткам противостоять этому со ссылкой на французские интересы никто не верил. Эти попытки не имели моральной ценности, поскольку призывавшие к миру уже были известны как марионетки Берлина.

Когда один из депутатов, известный германофилией, которая была у него в крови, полу-бош Бержери с трибуны Палаты [депутатов] выступил в защиту мира, мир был обречен.

Когда Деа призывал не «умирать за Данциг», этот заголовок выглядел призывом к мятежу в армии: «Штык

в землю». Люди вроде него из «Комитета Франция-Германия», друзья Абеца, своими слишком подозрительными криками уменьшали очень сильное и очень законное отвращение, которое подавляющее большинство французов испытывало к этой войне: оно боялось поддаться пропаганде в интересах врага. Еще сильнее люди франко-германской партии хотели заставить замолчать и отступить испытанных патриотов вроде «Action française», единственных, кто защищал общие интересы. Они предпочитали компрометировать нас своей шумихой. Надо признать, они послужили не миру, но поражению, которого мы боялись. Они сделали его более радикальным с помощью как низкого морального духа, который неустанно подрывали, так и с помощью вредительства, которому их активная измена могла в известной мере содействовать.

Итак, наше поражение достигнуто, их роль сыграна, их ценность для немцев исчерпана. И здесь начинается — об этом можно говорить, как при игре в шахматы, — огромная политическая ошибка победивших немцев. У них были свои люди во Франции, они ими хорошо воспользовались; возможно даже, что те люди оказали им больше услуг, чем мы говорим или знаем, будь то с помощью неуклюжего сопротивления войне, которой Берлин мог желать и которая обличила их притворство, будь то с помощью неких сил и влияния в неведомых глубинах тыла. Но эти и прочие возможные услуги уже были оказаны и получены: они принадлежали прошлому. Теперь их исполнители больше ни на что не годились, став настоящими выжатыми

лимонами, один вид которых вызывал отвращение у побежденных французов. Использование этих людей в качестве посредников между Германией и средними французами противоречило тому, чего они хотели. С той минуты, как эта партия заняла место между победителями и побежденными, присутствие и деяния фабрикантов поражения и друзей врага должны были с первого же дня препятствовать всем последствиям и моральным возможностям перемирия, а не только поставить крест на его статях. Так и случилось, сначала понемногу, потом всё больше и больше.

Только маршал, защитник Вердена, мог говорить и действовать от имени Франции. Он принял условия спасительного перемирия 1940 г. как тяжелую, но неизбежную необходимость с возможностью неких послаблений в перспективе. С незапятнанной репутацией, преданностью и уверенностью французы пункт за пунктом обсуждали детали исполнения этих условий. Они уточняли подробности, шаг за шагом отвергали всё, что должны были отвергнуть, принимали неизбежное, не отдавая ничего больше, говорили все необходимые «нет», спорили о каждом клочке самой драгоценной и священной из земель. В политическом и дипломатическом отношении это была гибкая оборона, соответствовавшая целям и мотивам, которая даже не удивила противника.

Неспособные избавиться от своей древней страсти и древней природы фантазеров и хищников, немцы ничего не поняли в моральной и естественной защите побежденных. Она

их тем больше донимала и раздражала, чем больше их парижские друзья порочили и обличали ее перед ними. Они впали в ту же ошибку, которую могли совершить «союзники» в 1815 г., если бы энергичная защита благородного короля Людовика XVIII и искусность герцога Ришельё побудили бы их заменить короля и его министров шайкой эмигрантов, не способных защитить страну и выступать от ее имени. Абец, Геринг, Геббельс, Гитлер попали бы в капкан, от которого убереглись Веллингтон, Александр и Меттерних. Маршал и его люди были им ненавистны. Они желали иметь дело только с французами из своей «пятой колонны». Это могло закончиться вторым бедствием. Уверенная в абсолютной поддержке и покровительстве власть имущих, партия бросилась бы в гущу событий, чтобы напрямую вести переговоры с победителем вместо генералов, послов, уполномоченных представителей главы государства, отдавала бы всё, что сохраняли другие, предлагала бы то, в чем другие отказывали или торговались. Злодеи дошли до того, что, желая выглядеть получше, сами предлагали то, чего победитель и не мечтал потребовать. Этот позор распространился настолько, что проник и в прессу.

То, что Лаваль предпринимал, например, против Вейгана, его журналисты Деа и Сорде излагали и прославляли как новое евангелие для грядущего мира. Обозначилось и третье бедствие, очень опасное. По мере того как оккупация продолжалась и становилась тяжелее, наши профессиональные филобоши вознамерились нести свои принципы на площадной суд. Они повели неразумную про-

паганду в пользу победителя. Они требовали всё уступить Германии, заключить с ней союз, вооружиться ради нее и вместе с ней, затем, не выжидая — потому что выжидание это «атлантизм», — отдать ей всё, что сохранило перемирие — «фикция» перемирия, как они говорили, — и на все лады воспевать красоту, добро и плодovitость немецкой Европы и германизированной Франции!

Множились речи, статьи, книги в этом духе, от которого национальные чувства вставали на дыбы, а самолюбие, благородство и честь приходили в ужас. Партия, ставшая более прусской, чем победитель, методично порочила сами понятия о чести и благородстве. О них невозможно было говорить, не навлекая на себя обвинение в желании франко-германской войны «каждые двадцать лет», а слово «реваншист» было самым мягким из возможных.

До того как сбежать из Виши, где он натолкнулся на брань и отпор, Деа, которого мы прозвали «месье Табуи»³, плевал всё, что могло выражать хоть малейшее уважение Франции. Несчастный по имени Ребате опубликовал в Париже целую книгу на ту же гнусную тему. Эти господа так и сели, когда первое слово маршала в Монтуаре было, как подобает, ссылкой на честь и достоинство нашей родины.

Политика Монтуара, задуманная как смена альянсов, была бы возможной при условии ее ограничения кабине-

тами главы государства и его министров. Французам, уверенным в вожде, не надо было ни одобрять, ни отвергать ее, но доверять ему, следовать за ним, как требовал вождь, и, как он же требовал, не обгонять его! Он был бы единственным судьей ее (политики — В.М.) возможности и эффективности, сферы действия и продолжительности. Он вовремя начал бы ее и вовремя остановил. Прусская партия считала по-иному. Ее программой было не только обогнать маршала, но подчинить его, повлечь за собой, заставить его принять политическое и географическое «кредо» переделки старого континента на новый лад, под маской гибеллинской империи Оттонов и Карлов, обновленной к выгоде Гитлера, чтобы тот правил Европой и, конечно, Францией, которая получила бы *home-rule*⁴, но управлялась бы франко-германской партией.

Следовало не только ликвидировать все результаты многовековых усилий Франции при Капетингах, Валуа и Бурбонах ради предотвращения всеобщей империи, но и отречься от них: кто скажет об этом теньям Ришелье, Мазарини и даже Бенвиля. Менее возбужденные полагали, что Ришелье, Мазарини и Бенвиль, воскреснув, пали бы на колени перед новой империей! Подобное безумие, само по себе достойное осуждения, было осуждено приглушенной и глубокой реакцией, которую оно вызвало в стране, оказавшись нестерпимым.

Маршал хотел очистить свой аппарат от заграничных ставленников

³ За некомпетентность и верхоглядство, сравнимые с Женевьевой Табуи, довоенной прорицательницей из той же газеты «L'Œuvre» (Прим. Р. Жозефа).

⁴ Самоуправление (англ.)

и сделал это. Таков смысл событий 13 декабря 1940 г. Попытка скрыть за деталями более или менее романтических обстоятельств простой и очевидный факт отстранения Лавалья оказалась тщетной. Вскоре этот новый Неккер вернулся в Виши в бронированном автомобиле под охраной немецких пулеметов, появление которых в неоккупированной зоне уже предвещало полную оккупацию. Однако Лаваль был исключен из правительства. Потребовались пятнадцать месяцев новых маневров и интриг перед победителем, бешеный лай немецкой партии в «L'Œuvre» и ее парижских подголосков, чтобы навязать Лавалья маршалу, у которого не осталось выбора, в качестве единственного возможного посредника, являющегося *persona grata* и *gratissima* в Берлине. Лаваль сам публично признал, что нутром верит немцам. Первым же словом он огласил партийную догму: вера в победу Германии и самое горячее желание этого. Так он одни махом бросил к ногам Германии всё, что она только могла пожелать.

Известно, что стало первым последствием: американская интервенция три месяца спустя.

До тех пор маршал показывал чудеса упорства и мудрой дипломатии, чтобы сохранить хороший контакт с людьми Вашингтона, но первый выкрик Лавалья разрушил всё. Американская интервенция не просто состоялась, но в особом виде, что нельзя упускать из внимания.

Почему английская и американская армии, будучи готовы, не напали прямо на Германию? Повелительно-

цы морей, они могли высадиться на ее северном побережье. Не было никакой военной необходимости проходить через Францию даже чтобы прогнать оттуда немцев. Марша «союзников» на Берлин вместе с русской армией было достаточно, чтобы все оставшиеся у нас (немцы — В.М.) хлынули обратно в Германию. Хваленые крепости на атлантическом побережье автоматически остались бы пустыми. Прорыв через Нормандию, прорыв через Прованс с разрушением больших городов и прекрасных деревень объясняются только надеждой на эффективную поддержку. Откуда эти надежды? Что нам принесла эта бесполезная высадка? Безумные призывы. Сумасшедшие сложности. Да, это была положительная реакция французского населения против провокационной прогерманской агитации, против выходок Лавалья и его партии. Его возвращение к власти предопределило новое вторжение на территорию Франции, восьмое после 1789 г.

Второе последствие его возвращения к делам: почти немедленная потеря империи из-за высадки в Северной Африке, где явным изменам помогли издержки уязвленного патриотизма и самолюбия военных, униженных зрелищем торжества франко-германской партии.

Третье последствие: оккупация немцами нашей южной зоны и средиземноморских портов, в чем маршал всегда отказывал, Туниса и Бизерты... Всё сделанное маршалом для облегчения наших прежних бедствий, было уничтожено. Однако новые бедствия Франции не стали успехом Лавалья и его партии.

Урок не пошел впрок. Германия стала еще больше доверять парижским группкам и их идиотским методам, которые выразились в пропагандистских статьях и в спорах о деликатных проблемах, сама природа которых требует дипломатической тишины и сдержанности. Германия добавила к этому жесткую нетерпимость ко всему, что осталось от французской свободы. Об этом говорит хотя бы режим нашей прессы.

В течение восемнадцати месяцев мы в *L'AF* могли практически свободно обличать безумные заблуждения франко-германской партии. Конечно, некоторые парижские газеты поносили нас последними словами, а мы были обречены на невозможность ответить или хотя бы объяснить по поводу их нападок. Процесс, начатый нами против Деа, бесконечно откладывался судом. Извращение и критика моих и Бенвиля идей профессором Гриммом и французами из прусской партии должны были приниматься без возражений, даже почтительных. Нам забросили крючок, но не позволяли приближаться к нему. Прусская партия добилась большего от своих хозяев: ей была обеспечена полная безнаказанность в провоцировании национальных чувств. Иностранное радио подливало масла в огонь. Ряды партизан росли и пополнялись. Гражданская рознь усиливалась и усложнялась. Ни прусская партия, ни ее трибуны Деа и Сорде не желали признавать, почему так происходит. Они даже не заметили новый фактор, который вмешался в дело.

Постепенно вопрос вставал всё более остро, но не между немцами и фран-

цузами, а между оккупантами и оккупированными. При этом ни французы, ни немцы ничем не поступались в своем характере, духе, страстях или соперничестве (прусская партия отрицала последнее).

В июле 1940 г. Лаваль, самый оторванный от реальности человек, когда речь не шла о его родных краях, сказал в нашем присутствии, что большая опасность для Франции состоит в популярности, которую оккупанты могут менее чем за три месяца завоевать у населения Парижа! Несчастный не знал, что не бывает приятной оккупации. А эта только ужесточалась: местами корректная, местами грубая, неизменно недоверчивая, требовательная, придирчивая, она становилась все более властной и тяжелой. Добавившиеся к ней экономические трудности делали ее все менее выносимой.

Некоторые могли считать, что призыв рабочих в Германию действительно раздул пожар. Смятение умов вызвало прежде всего представление этих плохо спланированных мер. Как «французские» переговорщики могли согласиться на принцип обмена *одного* пленного на *трех* рабочих? Лаваль не увидел здесь коварное оскорбление достоинства нашей страны и ее чувства справедливости: он ничего не почувствовал в этом приказе, слишком общем для него. Но Германия не поняла, и ее друзья не дали ей понять, что только героический патриотизм может породить столь же героическое повиновение. Они хотели завоевать наше сердце и всегда требовали его силой! *Germania mater!* Мать-Германия, учительница и покровительница

мира! Такова была их общая тема, столь же соглашательская, сколь и повелительная. То, чего самая ревностная *французская* дисциплина могла добиться лишь с трудом, должно было быть получено из чистой любви к варварской Германии!

Грубые ошибки в осуществлении «замены» ухудшили положение. Лаваль выставлял себя единственным человеком, способным вести переговоры с победителем. На самом деле ни он, ни его немецкие собеседники не имели власти чего-то добиться. Эти господа вели себя как хозяева. Как еще они будут с ним разговаривать, если он не стоит на коленях? Однако страна сопротивлялась, отказывала в том, чего у нее требовали, а ответные действия оккупантов становились жесткими вплоть до яростных вспышек варварства. Они заново распаляли ненависть.

К заблуждениям и ошибкам правительства Лавалья прибавились компромиссы и связи Французской милиции с немцами. Возбуждение росло из-за того, что советов об умеренности и призывов к здравому смыслу уже никто не слышал. Германия продолжала хотеть быть любимой ради своих прекрасных глаз и в то же время отбирала у нас рабочие руки и продовольствие. А прогерманская партия требовала, чтобы ее пропаганду такой брутальной любви не трогали и не критиковали! То, что допускалось во французской прессе в начале 1943 г., в конце того же года стало едва терпимо. Более того, оказалось невозможным говорить о том, что воспевание благополучия Германии и немцев как естественного условия благополучия французов

только льет воду на все диссидентские мельницы. Ни Лаваль, ни его подручные, ни его иностранные хозяева не желали слушать призывов к чувству меры и здравому смыслу.

Теперь не позволялось даже шепотом говорить: «Это вы пополняете ряды партизан! Это ваша пропаганда в пользу оккупантов бросает туда столь много молодых людей, которых она оскорбляет и ранит!» Напротив, наше вынужденное молчание не могло предотвратить ни поворота партизан к коммунизму, ни роста числа уголовных преступлений, ни раскола на друзей и врагов партизан ради взаимного истребления, ни того чтобы чиновники не потеряли голову среди всех пожаров, которые их окружали.

Таков был четвертый элемент — самый сложный и самый влиятельный — всех тех бедствий, которые обрушились на нас после поражения.

Теперь можно говорить правду о других заблуждениях, безумствах и смутах. Но до сегодняшнего дня во Франции нельзя было написать ни слова правды о действиях прусской партии, об идиотском доверии, которое у нее вызывал победитель, и о чудовищных последствиях их противоестественного союза. Увидев и осознав это, обратимся к последней и высшей реальности.

IV. ЕДИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Одинокий или почти одинокий, непоколебимый, как дуб в древнем гальском лесу, маршал держался хорошо. *Он был вынужден передать*

власть в правительстве в руки Лаваля. Со свободой слова и суждений он сохранил моральную власть, убедительным подтверждением чего были одачи в Париже, Руане и Нанси (которые Петэн посетил в апреле–июне 1944 г. — В.М.). Вождь, который не мог действовать и который прямо говорил об этом, — говорил, что не узнает во Франции 1942, 1943, 1944 годов Францию, начертанную в его законах 1940, 1941, 1942 годов, — этот вождь несокрушимым светом вдохновлял мысли и действия, призывал к сдержанности, клеймил беспорядки, проповедовал чувство и уважение порядка, веру и надежду. Понятно, что такую моральную силу боялись и пытались уничтожить. Разве не Германия и не жалкая франко-германская партия стоят за последним актом 20 августа 1944 г., бесчестие которого не описать словами, когда старого вождя вытащили из убежища, оторвали от Франции и повлекли в изгнание и плен под вражеским конвоем? Немцы и их французские подручные в равной мере делят ответственность за этот позор.

Лаваль осмотрительно закончил тем, что умыл руки. Он даже изловчился оказаться в плену у немцев, показав себя настоящим реалистом в обдывании собственных делишек. Но другие, более дерзкие и способные на всё, как Деа, прирожденный преступник и вдобавок безумец, воображали, что они еще делают историю и политику своими заявлениями, полными дантоновской риторики. Они, кажется, вознамерились создать подобие немецкого правительства на французской земле. «Будем смелыми!..» Хороша же смелость, представлен-

ная их грязным сотрудничеством с врагом, когда его ничто уже не уравновешивает, против нескрываемого величия великого старца, отца родины.

Всё это искупится. Германия уже расплачивается. Что касается изменников французов, которые ей служили или обслуживали ее (из плохих французов не сделать хороших немцев), этих ничтожеств уже разметал жестокий ветер, как птиц, предвещавших несчастье.

Это не один урок, но два.

Первый урок — урок французского единства для тех из нас, кто возлагает надежды на за границу: они точно будут обмануты, разбиты и проигрывают абсолютно.

Не меньший урок и для любого победителя, рискнувшего опираться на проинострannую партию в нашей стране, которая, при всех нелепых раздорах, едина по сути. Ошибка в этом деле, повторяющая немецкую, приведет к таким же последствиям.

Французы демонстрировали, что могут поддаться нелепым увлечениям, но эти четыре последних года также показали быстроту перемен, нервозность и силу их реакции.

Против этих шатаний (факт достоин быть отмеченным) существует лишь одно знамя, за которым французы идут инстинктивно, без чьего-либо влияния, с полной свободой и зачастую с героизмом, ибо мы не забудем павших от пуль с обеих сторон, — и это знамя есть знамя маршала. Его последние послания показывают, как

он нес и хотел нести это знамя. К нему должны быть обращены все взоры, все сердца, вся благородная воля Франции — *одной только Франции* — и это пора повторить сегодня.

Сетуют, что в послании маршала есть загадочное и непонятное место⁵. Прочитайте его хорошенько. Напротив, в нем всё понятно. Поддержание порядка есть национальный долг. Это более не должно разъединять французов. Долг — сделать так, чтобы воцарился максимум патриотического мира или, если угодно, минимум гражданской ненависти.

Главные творцы наших бедствий — те, кто имел глупость объявить безумную и роковую войну 1939 г., те, кто малодушно служил Германии против Франции во время оккупации, и те, кто призвал и спровоцировал восьмое вторжение, — в большинстве своем или даже все могут считаться наказанными за свои преступления их последствиями. Дополнительные наказания напрашиваются сами собой. Опомнившаяся Франция не может избавить от кары авторов наихудших бедствий, когда-либо обрушившихся на нее. Правда должна определить, правосудие должно исполнить строгие мотиви-

рованные наказания. Но правосудие и правда не имеют ничего общего ни с партийным духом, ни с личными обидами, смешавшимися с уголовными преступлениями.

Не надо доставлять прежним оккупантам удовлетворение, которое, не утешив их в поражении, принесет им наивысшую радость. Не доставим немцам удовольствие наслаждаться нашим братоубийством! Им, которые в 1871 г. с высот Сен-Клу смотрели, как над Парижем поднимаются столбы дыма и пепла, не дадим заново вкусить то же и более глубокое наслаждение, если зло, пока еще не повсеместное, распространится на всю страну. Не будем отягощать ужасную цену иностранной войны гражданской войной, отворяющей новые потоки крови. Высший долг — ограничить распространение зла, как огня при пожаре.

Французы, читайте манифест. Вникните в него и повторите:

Да здравствует маршал! С его порядком и под его знаменем сохраним единство вечной Франции!

Лион, 24 августа — 3 сентября 1944

⁵ «Вождями Франции являются те, кто, честно обращаясь к вам, поведет вас к примирению и возрождению Франции, ко взаимному прощению обид и к любви ко всем нашим». Ответом на этот призыв стала... чистка! (Прим. Р. Жозефа).

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и англий-

ском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15).

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25).